4
К-90

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ

«Наука»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ

МОСКВА "НАУКА" 1996

ББК 81.2Р-7
К 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 96-04-16011

Ответственные редакторы:
доктора филологических наук
Л.К. ГРАУДИНА, Е.Н. ШИРЯЕВ

4
К-90

Рецензенты:
доктора филологических наук
Е.С. КОПОРСКАЯ, Л.А. НОВИКОВ

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
88506

Культура русской речи и эффективность общения. – М.:
К 90 Наука, 1996. – 441 с.
ISBN 5-02-011236-4

Монография посвящена основам теории и актуальным проблемам культуры речи. В книге рассматриваются нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи, современные концепции отечественной риторики, соотношение кодифицированных и разговорных норм в устной и письменной речи. Особое внимание уделено взаимодействию функциональных разновидностей языка; дана характеристика языка для специальных целей, официально-делового, языка современных средств массовой информации и рекламы, специфики аргументации, сложившихся направлений компьютерных исследований, включающих вопросы теории, методы и методики применения ЭВМ в области культуры речи.

Для лингвистов, преподавателей, студентов гуманитарных вузов и всех, кто интересуется культурой русской речи.

К $\frac{4602020101\text{-}108}{042(02)\text{-}96}$ 169–96, II полугодие

ББК 81.2Р-7

ISBN 5-02-011236-4

© Коллектив авторов, 1996
© Б.М. Рябышев, художественное оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МОНОГРАФИИ

Трудно назвать какую-либо область языкознания, которая в большей степени, чем культура речи, была бы нацелена на практику владения языком. Тем не менее культура речи – это не только практическая дисциплина. В этой области языкознания, как и в любой другой, необходимы фундаментальные теоретические исследования. Попыткой такого исследования по культуре речи и является предлагаемая вниманию читателей книга. В понятие "фундаментальное исследование" не вкладывается никакого оценочного смысла: не считается, как это иногда бывает, что фундаментальные изыскания глубже и даже основательнее всех других. Говоря о фундаментальном характере нашей книги, мы имеем в виду то, что она представляет собой попытку создания, хотя бы в первом приближении, цельной и непротиворечивой теории культуры русской речи как основы для разнообразных практических рекомендаций по культуре владения современным русским литературным языком в его функциональных разновидностях – рекомендаций, в которых остро нуждается современное общество, при этом имеется в виду как широкий круг носителей русского языка, так и определенные социальные и профессиональные группы (учителя, юристы и пр.). Ясно, что без надежной фундаментальной теории культуры речи практические рекомендации в этой области не могут быть действенными.

Ставя своей целью создание теории культуры речи, мы как бы исходим из презумпции, что такой теории не существует. И это действительно так, если иметь в виду такую теорию, которая не только регулировала бы орфоэпические, лексические и грамматические нормы, но и определяла бы способы построения доброкачественных текстов. Хотя эти две задачи всегда осознавались, но решались они в разных науках: о языковых нормах заботилась лингвистика, строить же хорошие тексты учила риторика, развивавшаяся в России в XVIII – начале XX в., а после совсем забытая[1]. Следовательно, стоит задача создания единой, цельной теории. Вынося в заглавие монографии слова об эффективности общения, мы стремились подчеркнуть, что без учета этого качества коммуникации цельной теории культуры речи быть не может.

Следует подчеркнуть, что и теоретические, и практические исследования по культуре речи должны быть отнесены к числу приоритетных лингвистических задач, потому что средний уровень культуры владения современным русским языком недопустимо низок. К счастью, речь идет именно о культуре владения языком, а не о вырождении

[1] Содержательный анализ риторик XVIII–XIX вв. представлен в работе [1].

самого языка. Когда Ю.Н. Караулов при подготовке к представительной научной конференции "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики" (Москва, 20–23 мая 1991 г.) предложил ряду известных лингвистов (Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, А.С. Герд, В.Е. Гольдин, В.П. Григорьев, Е.А. Земская, М.Н. Кожина, В.В. Колесов, Л.П. Крысин, Л.Н. Мурзин, О.Б. Сиротинина, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, О.Н. Трубачев, Г.А. Хабургаев, М.И. Черемисина) ответить на вопрос о том, вызывает ли у них тревогу состояние современного русского языка, то выяснилось, что подавляющее большинство ответивших такой тревоги не испытывают [4, 35–65]. В то же время оценки культуры владения современным русским языком были весьма резкими. Например, О.Б. Сиротинина считает, что "у нас очень плохое, просто катастрофическое состояние речевой культуры, о чем свидетельствуют прежде всего трансляции заседаний съездов народных депутатов и сессий Верховных Советов, наши газеты, произведения многих писателей, речь учителей русского языка и литературы и их исправления письменных работ школьников" [там же, 54]. Действительно, можно без конца сетовать на низкую речевую культуру среднего носителя языка. Важнее, однако, другое: нужно так построить теорию культуры речи, чтобы созданные на ее основе рекомендации дошли до этого среднего носителя языка. Ю.Н. Караулов прав, утверждая следующее: «Мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты, и старались избегать "отрицательного" языкового материала. Ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества... мы должны прежде всего думать и говорить... о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его нынешних плюсов и минусов, целью и смыслом нашей просветительско-образовательной деятельности, объектом многочисленных разнонаправленных, частично деформирующих, частично развивающих русский язык воздействий... но одновременно и активным субъектом, творцом современного русского языка» [там же, 4].

Необходимость "дойти" до среднего носителя языка со всей остротой ставит вопрос о том, что́ в чешской лингвистике названо языковым образованием и языковым воспитанием. Языковое воспитание, по мнению А. Едлички, следует отличать от языкового образования. "Цель языкового обучения, – пишет он, – в узком смысле слова можно видеть в изучении языковых средств выражения, соответствующих норм литературного языка, и умении употреблять их в языковых реализациях, устных и письменных. Целью языкового обучения, следовательно, является сознательное практическое овладение литературным языком, основанное на изучении его системы и закономерностей, определяющих его норму" [3, 129]. Что же касается языкового воспитания, то оно требует знакомства с общей проблематикой литературного языка: "...в самом общем смысле речь идет о взаимоотношении языка и общества, о зависимости функционирования языка от социальных и коммуникативных условий, центральным вопросом языковой культуры является понимание сущности литературного языка, его задач, прес-

тижной функции общественной коммуникации данного национального общества и его положения в языковой ситуации по отношению к другим образованиям национального языка... Не менее важным является знание о стилистическом расслоении литературного языка, о расхождении между стилистическими сферами в данном языке и о системе стилистических средств языка" [там же, 130]. Следует согласиться с тем, что овладение культурой речи немыслимо без общелингвистического просвещения общества. И, как кажется, лучшим способом такого просвещения может быть популярно изложенная полная и непротиворечивая теория культуры речи, в которую органически войдут как перечисленные А. Едличкой темы, так и некоторые другие[2].

Всякая теория, в том числе и теория культуры речи, является некоторым научным конструктом. По отношению к одному и тому же лингвистическому объекту может существовать несколько разных теоретических осмыслений, из чего не следует, что их необходимо расположить на шкале "хорошие – плохие". Просто в разных теоретических концепциях могут быть по-разному распределены ракурсы и приоритеты исследования. Свою задачу мы видим в создании такой теоретической модели культуры речи, которая наилучшим образом сориентирована на среднего носителя языка в том смысле, чтобы средний носитель языка на основе практических рекомендаций, вытекающих из теории, смог и захотел повысить свой уровень владения языком до приемлемых в обществе стандартов, которые ни в коем случае не должны быть ни занижены, ни завышены. В любом обществе, безусловно, есть носители языка, пользующиеся им на уровне искусства. Требовать от всех носителей языка предельной степени мастерства во владении им – задача заведомо утопическая, но требовать овладения некоторым культурно-речевым стандартом, не исключающим и творческого начала, – задача вполне реальная.

В современной лингвистике активно проводится мысль о том, что необходимо различать понятия культуры речи и культуры языка [2, 41–43]. Можно согласиться с тем, что это действительно разные объекты. Достаточно ясно, что на культуру языка огромное влияние оказывает язык художественной литературы в лице лучших писателей. Следует, однако, на наш взгляд, подчеркнуть и тесную взаимозависимость этих двух объектов: чем более высока культура владения языком, тем совершеннее сам язык, и наоборот. Если богатства языка остаются невостребованными его носителями, если носители языка будут глухи к лучшим творениям на этом языке, то и богатства языка просто уйдут в небытие. Поэтому необходимо со всей ясностью подчеркнуть: ориентация теории культуры речи на среднего носителя языка ни в какой степени не означает, что задача состоит исключительно в том, чтобы "подстроиться" под его языковые вкусы. Речь идет о том, чтобы активно формировать эти вкусы, помочь среднему носителю языка дойти до высоких языковых стандартов, сделав их доступными для

[2] Краткое популярное изложение такой теории см. в работе [5].

большинства носителей языка. Другими словами, ориентация на среднего носителя языка не должна снижать культуру языка.

Итак, подведем первые итоги:

1) ввиду общего низкого современного уровня владения русским языком так называемым средним его носителем необходима полная непротиворечивая теория культуры речи как особой лингвистической дисциплины;

2) эту теорию следует строить так, чтобы на ее основе могли быть получены практические рекомендации для самых широких социальных и профессиональных слоев общества;

3) сама теория культуры речи для общего успеха дела должна быть доведена до сведения носителей языка в популярном изложении;

4) ориентация теории культуры речи на среднего носителя языка не должна строиться в расчете на заниженные требования по культуре речи, иначе это может привести к снижению культуры языка.

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография является основным трудом отдела культуры русской речи Института русского языка РАН за последние пять лет. Помимо сотрудников отдела в создании книги приняли участие известные своими работами по культуре речи ученые ряда московских вузов.

Книга создавалась коллективом единомышленников. Естественно, как и в любом коллективном труде, дают себя знать индивидуальные особенности научного мышления авторов, стилистика их изложения. Редакторы не считали нужным во что бы то ни стало нивелировать эти особенности, если они не создавали неразрешимых противоречий в осмыслении объекта исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

2. *Григорьев В.П.* Культура языка и культура речи // Культура русской речи: Тез. I Всесоюз. науч. конф. М., 1990.

3. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

4. *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности: Докл. на конф. "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики". М., 1991.

5. *Ширяев Е.Н.* Что такое культура речи? // Рус. речь. 1991. № 4, 5.

I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 1

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК ОСОБАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

КУЛЬТУРА РЕЧИ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Понятие "культура речи" теснейшим образом связано с понятием "литературный язык", одно предполагает другое. Литературный язык по своей сути таков, что требует осознанного культивирования, которое осуществляется по разным направлениям. Основными среди них являются следующие: поставить литературный язык над диалектами; разработать для этого общенациональные нормы; создать развитую систему функциональных разновидностей языка, способную удовлетворить запросы общества в деле развития государственности, производства, науки, культуры. В соответствии с этим культура речи призвана обеспечить соблюдение современных норм литературного языка и владение его разными функциональными разновидностями. Функциональная дифференциация литературного языка – его важнейшая отличительная особенность.

Можно, по-видимому, сказать, что лингвистическая дисциплина, называемая культурой речи, возникает вместе со становлением и развитием литературного языка. Ее конечная задача, или, если угодно, сверхзадача, – сохранение и совершенствование литературного языка, с одной стороны, как важнейшей составляющей общей культуры каждой личности, а с другой – как важнейшей части общего национального достояния.

Конечно, и в таких нелитературных образованиях, как диалекты и даже жаргоны и арго, есть свои установки и предпочтения, а следовательно, есть элемент того, что с некоторой долей условности можно назвать культивированием. Известно, например, что носители диалекта какой-то определенной местности часто смеются над произношением своих соседей, полагая, что сами они говорят хорошо. Ясно, однако, что никакого научного обоснования за этими оценками не стоит. Что же касается жаргонов, арго и прочих во многом искусственных языковых образований, то их культивирование преследует цели, часто прямо противоположные тем, которые ставятся перед литературным

языком. Эти цели состоят в том, чтобы обеспечить обособленность носителей названных языковых образований от обычных носителей литературного языка.

Взаимоотношения литературного языка и нелитературных образований формируют то, что обычно называют языковой ситуацией[1]. Остановимся несколько подробнее на тех аспектах русской языковой ситуации, которые имеют непосредственное отношение к культуре речи.

Литературный язык, как уже было сказано, обязан стоять над диалектами как территориальными образованиями. Однако отношения диалектов и литературного языка не являются антагонистичными. Достаточно в этом плане указать на два общеизвестных факта: а) многие литературные языки, и русский в том числе, имеют диалектную основу; б) словарный состав литературного языка, прежде всего языка художественной литературы, пополняется за счет диалектов. К сожалению, как убедительно показывает Л.Л. Касаткин [22], начиная с 30-х годов нашего столетия активно пропагандировалась антинаучная мысль о том, что диалекты – это испорченный литературный язык, и не более того. И это логичным для того времени образом вело к борьбе с диалектами. Поэтому теперь перед лингвистами встала общекультурная задача: вернуть общество к оценке диалектов как богатейшего национального достояния. Из этого, разумеется, никак не следует, что диалекты могут заменить литературный язык. И дело не только в их территориальной ограниченности. Не менее существенны еще два фактора: а) диалекты существуют только в устной форме, а литературный язык должен быть одинаково приспособлен и для устной, и для письменной реализации; б) диалекты обеспечивают в основном бытовую сферу и сферу местного производства (сельское хозяйство, ремесла и пр.), в то время как литературный язык призван обеспечить в с е сферы общения (наука, общественно-политическая жизнь и пр.).

Активное насаждение пренебрежительного отношения к диалектам сыграло не последнюю роль в том, что между диалектами и литературным языком возникла труднопроходимая граница: употребление диалектизмов носителями литературного языка признается крайне нежелательным, непрестижным. Резкая противопоставленность литературного языка и диалекта (непрестижность диалекта) существенно отличает современную русскую языковую ситуацию от многих других, в частности европейских, языковых ситуаций, в которых диалект любим и престижен, а потому диалектные явления вполне допустимы как минимум в обыденной речи высокоавторитетных носителей литературного языка, о чем будет сказано подробнее при общей характеристике такой особой сферы литературного языка, как разговорная речь.

Л.Л. Касаткин считает, что для восстановления престижности диалекта было бы весьма полезным, чтобы носители литературного языка, живущие в диалектной среде, овладели бы диалектом, а носители диа-

[1] Ср. более широкое понимание языковой ситуации как взаимоотношения разных языков многонационального государства [30, 616–617].

лекта наряду с обязательным овладением литературным языком не забывали бы и диалект. Такое положение дел явилось бы идеальным, но едва ли оно пока достижимо, если так можно сказать, в массовом порядке.

Непрестижным, как и диалект, в современной русской языковой ситуации считается и просторечие. Существует два разных понимания просторечия. Первое из них бытует в лексикологии и лексикографии [31]. Просторечные слова располагаются на оценочной шкале с такими основными координатами: книжное – просторечное – бранное. Если бранные слова стоят на границе и часто за границей литературного языка, то просторечные слова не теряют статуса литературных, но в книжный пласт лексики им доступ закрыт. При другом понимании просторечие – это уже не лексико-стилистическая категория, а исследуемая на всех уровнях языковой системы речь людей с невысоким общим уровнем образования и невысокой речевой культурой (см. о этом [20, 5–21]). Просторечие формируется за счет двух основных факторов: а) это речь людей, сохранивших или принявших "по наследству" некоторые диалектные черты; б) это речь людей, не вполне овладевших нормами литературного языка. Второй фактор особенно ярко проявляется в том, что в просторечии нет такой основополагающей черты литературного языка, как функциональная дифференциация вариантов общения. И поэтому, когда носитель просторечия должен общаться не в обыденной, а, например, в официальной деловой обстановке, его плохое владение литературным языком проявляется особенно ярко. Дадим небольшую иллюстрацию сказанного – фрагмент разговора на приеме у судьи: **А.** Тебе скучно заниматься этим..: **Б.** Да// **А**. Ходить с мужчинами и жить с ними... таскаться... **Б.** Ну хватит/ это доказать надо// **А.** Тебе право скучно одной... Да... (неразборчиво) С этим судилась// Хулиганка// Захотела мужа своего посадить/ избавиться от него/ он милиционер и мы... он нас изобьет/ мы его посадим// Умница// А люди дураки наверное/ не разберутся в чем дело (из архива магнитофонных записей отдела современного русского языка Института русского языка РАН).

В тексте нет заметных просторечных элементов, но полное несоответствие текста требованиям строгого официально-делового общения очевидно без комментария.

Носитель диалекта в такой ситуации, вероятно, не будет приспосабливаться к литературному языку, но если он все же предпримет такую попытку, то его ждет тот же результат.

Если в основе диалекта, как и литературного языка, лежит особая языковая система, то просторечие, как правило, имеет черты "испорченной" системы литературного языка. И поэтому, как кажется, непрестижность просторечия оправданна: просторечный носитель языка отошел от диалекта, но не пришел к литературному языку. Предстоит еще выяснить, каков процент среди русскоязычного населения составляют носители просторечия. Но и без особых подсчетов ясно, что этот процент достаточно высок. И никак нельзя не считаться с той опасностью, которую представляет просторечие для культивирования

литературного языка. Именно просторечию "обязано", например, русскоязычное общество таким совершенно неприемлемым для высококультурных носителей языка обращениям, как *мужчина* и *женщина* (*Мужчина, вы за кем стоите?; Женщина, у вас нет мелочи?*).

Кажется заведомо ясным, что граница между носителями просторечия и средними носителями литературного языка весьма зыбка и неопределенна. Поэтому необходимо установить, какие черты просторечия, связанные с диалектом, не лишают говорящего статуса носителя литературного языка, а какие для носителя литературного языка неприемлемы. Так, хорошо известно, что трудноискоренимы некоторые особенности диалектного произношения (оканье, γ фрикативное и др.). Ясно, что сохранение в речи в остальном образцовых носителей литературного языка этих черт не может серьезно поколебать их речевого престижа. В целом же решение вопроса о допустимости или недопустимости просторечных и диалектных черт по отношению к литературному языку требует специальной методики, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Если одновременное владение диалектом и литературным языком – явление пока, как уже сказано, исключительное, то владение и жаргоном, и литературным языком вполне обычно. Например, носитель студенческого жаргона просто обязан в официальной обстановке (ответы на экзаменах, доклады на семинарах) пользоваться соответствующей функциональной разновидностью литературного языка. И в этом плане вопрос о жаргоне не был бы особенно актуален для культуры речи, если бы не одно обстоятельство. Обычно жаргоны рассматриваются их носителями, а иногда и писателями как языковой изыск, интересное языковое творчество, а литературный язык – как нечто необходимое, но чрезвычайно скучное и неинтересное. Но еще в 1935 г. Д.С. Лихачев в работе с характерным названием "Черты первобытного примитивизма воровской речи" писал: "Воровская речь в том виде, в каком она существует в настоящее время, есть равнодействующая консервативной... силы, стремящейся сохранить обычные формы разговорной речи, и силы, влекущей ее назад к темному, диффузному и магическому сознанию. Воровского языка нет, так как воровская среда не знает единой языковой системы: есть только воровская речь, отличающаяся от обычной тенденцией к языковому примитиву" [32, 386].

Такие жесткие суждения справедливы, хотя, может быть, и в разной степени в отношении к разным жаргонам и арго. Надо обратить особое внимание на то, что, по мнению Д.С. Лихачева, жаргон – это не только примитивная речь, но она еще отражает и примитивное сознание. Поэтому для носителей жаргона овладение высокой культурой пользования литературным языком весьма затруднено, поскольку требует избавления не только от речевых жаргонных привычек, но и от "примитивного жаргонного сознания", что весьма сложно. Позволим себе привести еще одно суждение Д.С. Лихачева из той же работы: «В воровском языке мы имеем дело с языковым примитивом. Глубоко ошибочно все то скрытое восхищение им, которое проскальзывает в

многочисленных исследованиях воровского языка... Воровская речь с точки зрения семантики – разрушает синтаксис, с точки зрения морфологии – разрушает морфологию, с точки зрения языка вообще – она явление резко отрицательное. Мы вводим эти оценочные суждения в нашу работу вполне сознательно. С той же точно решительностью, с которой криминолог определяет преступление как явление антисоциальное, лингвист должен квалифицировать явление воровской речи как явление, разрушающее язык. Воровская речь – это болезнь языка. Диагноз ее – "инфантилизм" языковых форм» [там же, 387].

Это было справедливо в 1935 г., это вдвойне справедливо сейчас, когда можно наблюдать уже нескрываемое восхищение жаргонами. Такое восхищение явно не на пользу культуре владения родным языком. Появляющиеся в последние годы специальные словари бесстрастно фиксируют жаргоны и арго. Между тем полезны были бы работы, сравнивающие на строго научной основе жаргоны и литературный язык в русле такого общего актуального направления, как "язык и мышление". Высказывания Д.С. Лихачева о жаргоне требуют своего развития на современном материале и современной научной методологической основе.

В специальном рассмотрении нуждается в современной русской языковой ситуации еще одно образование – разговорная речь. Если мы говорим о сознательном культивировании литературного языка и культуре владения им, то особо должен в этом плане обсуждаться вопрос о статусе разговорной речи. Лингвистические характеристики этой функциональной разновидности, как мы уже говорили, неодинаковы для разных языковых ситуаций. Так, чешский языковед Ф. Мико, выделяя наряду с художественным, публицистическим и пр. разговорный стиль, полагает, что этот стиль может реализовываться как на основе литературного чешского языка, так и на отличном от литературного обиходно-разговорном чешском языке, испытывающем определенное влияние диалекта [37]. В значительной мере сходная картина сложилась в немецкой языковой ситуации. К. Баумгартнер определяет немецкий разговорный язык как промежуточное поле между литературным языком и диалектом [62].

Появившиеся в последние десятилетия многочисленные исследования русской разговорной речи (ср. [17] с библиографией основных работ по русской разговорной речи) показали ее иное положение в языковой ситуации. Напомним кратко основные посылки и выводы этих исследований. Разговорной считается речь высокообразованных носителей литературного языка, реализующаяся по преимуществу в устной форме, спонтанно, в неофициальной обстановке, при непосредственном общении. Такая речь отличается столь существенными особенностями на всех языковых уровнях, что появляется необходимость противопоставить разговорную речь кодифицированному (в нормативных словарях и грамматиках) литературному языку как особую языковую систему. Русская разговорная речь в отличие от соответствующих эквивалентных образований многих других языков не знает диалектного влияния. Тот факт, что русской разговорной речью пользуются носители языка,

безупречно владеющие всеми функциональными разновидностями литературного языка, позволяет рассматривать русскую разговорную речь как одну из функциональных разновидностей.

Таким образом, будем исходить из убеждения, что русский литературный язык включает два разносистемных образования: кодифицированный литературный язык и разговорную речь, которую только сила традиции мешает назвать разговорным языком. Разговорная речь, как уже было сказано, спонтанна; она в отличие от текстов кодифицированного литературного языка, в первую очередь письменных, предварительно не готовится, не обдумывается. И поэтому с точки зрения культуры владения языком разговорная речь является особым объектом. Сложность изучения разговорной речи в плане культуры речи состоит в том, что ее спонтанное осуществление, отсутствие контроля за исполнением, который обычен при общении на кодифицированном литературном языке, приводит к неизбежному определенному проценту ошибок и недочетов, которые должны быть отграничены от норм разговорной речи, в свою очередь в кодифицированном литературном языке справедливо квалифицирующихся как ненормативные явления.

Еще одной неисследованной областью языка вообще и культуры речи в частности является область устных реализаций тех или иных разновидностей кодифицированного литературного языка. Немногие существующие на этот счет исследования [29; 28; 12; 52] показывают, что устная речь, если это только не чтение вслух письменных текстов, имеет свои особенности. О.А. Лаптева считает даже, что противопоставляться по своим особенностям должны не разговорная речь и кодифицированный литературный язык, а устная речь и кодифицированный язык. Эта идея оспаривается в работе [28], где доказывается, что если в основе разговорной речи лежит своя система, то письменные и устные тексты кодифицированного литературного языка строятся по одной системе. Но как бы ни решался этот вопрос, культура пользования устной кодифицированной речью заслуживает самого пристального внимания. И в этой разновидности литературного языка важно разграничить закономерности и ошибки, которые в устной речи, по мнению О.Б. Сиротининой, почти неизбежны [51, 18].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) литературный язык является осознанно культивируемым языком; задачи культивирования литературного языка предопределяют существование особой лингвистической дисциплины – культуры речи;

2) в русской языковой ситуации литературный язык резко противопоставлен диалектам и просторечию, а также таким социальным нелитературным образованиям, как жаргоны, арго и пр.; противопоставление литературного языка диалектам не может и не должно ущемлять престиж диалекта как части национальной культуры; что же касается жаргонов и арго, то есть все основания думать, что они отражают некоторый примитивный (не в лучшем смысле этого слова) тип мышления в отличие от того высокого интеллектуального потенциала, который несет в себе литературный язык;

3) особого подхода в аспекте культуры речи требуют такие формы литературного языка, как разговорная речь и устная реализация кодифицированного литературного языка.

ОБЩЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ "КУЛЬТУРА РЕЧИ"

В основу теории культуры речи как особой лингвистической дисциплины предлагается положить следующее рабочее определение этой дисциплины. К у л ь т у р а р е ч и – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Попытаемся доказать необходимость каждого из составляющих этого определения. Всего их пять, в том числе три компонента культуры речи: 1) нормативный; 2) коммуникативный; 3) этический; а также: 4) выбор и организация языковых средств как необходимое условие достижения нормативности, этичности и хороших коммуникативных свойств речи; 5) эффективность общения как конечная цель культуры речи. Начнем с последних (4-й и 5-й) составляющих.

Культура речи начинается там, где язык предоставляет возможность выбора и разной организации своих средств для наилучшего достижения поставленных целей общения. Выбор и организация языковых средств осуществляются на разных уровнях языковой системы для всех компонентов культуры речи. Вопрос о норме возникает тогда, когда есть два и более претендента на нее: нормативное *кило́метр* или ненормативное *кило́метр*, нормативное *догово́р* или менее нормативное *до́говор* и т.п.

Этический компонент, с одной стороны, регулирует в разных ситуациях общения выбор между, например, такими ритуальными способами выражения прощания, как *До свидания, Всего хорошего, Ну, привет* и т.п., и, с другой стороны, запрещает (а запрет выбора – это, конечно, тоже выбор) бранные слова для выражения, например, эмоций. Для достижения коммуникативного совершенства текста одинаково важны и выбор, и организация языковых средств как в рамках предложения, так и в рамках текста. Выражающие одну мысль предложения-высказывания типа *Начнутся дожди – пойдут грибки* и *При условии повышенной влажности можно ожидать активного роста грибов* реализуются в текстах разной функциональной разновидности.

Вполне понятно, что системные фонетические, лексические и грамматические описания литературного языка вообще и современного русского литературного языка в частности также фиксируют литературную норму, но в отличие от исследований по культуре речи в них фиксируются и те нормы, – а их большое множество, – которые не связаны с выбором. Из этого не следует, что описания языковой системы не дают сведений о вариантах, стоящих на границе или за

границей литературного языка. Необходимо ясно представлять, что культура речи как научная дисциплина невозможна без опоры на нормативные словари и грамматики. Но, с другой стороны, из этого не следует и то, что культура речи – это не самостоятельная дисциплина, а "выжимка" из системных нормативных описаний языка. Во-первых, именно культура речи ведает кодификацией нормы, и поэтому связь нормативных системных описаний языка и культуры речи в ее нормативном компоненте двусторонняя. А во-вторых, и это главное, ни одно системное описание языка не ставит своей целью определить способы достижения максимальной эффективности общения.

Эффективность общения – это тот "конечный продукт", создание которого должна облегчить теория культуры речи при ее практическом применении. Под эффективностью общения мы понимаем оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей. Коммуникативные цели общения теснейшим образом связаны с основными функциями языка. Хорошо известна система функций языка, разработанная Р.О. Якобсоном. Выделяются референтная (номинативная), эмотивная (субъективная модальность), магическая (заклинания), фатическая (контактоустанавливающая), металингвистическая (оценка языковых средств), поэтическая (эстетическая) функции [61]. Уже этот простой перечень функций показывает, что цель общения – явление сложное и многоаспектное.

Особо должна быть выделена эстетическая функция языка, реализуемая в языке художественной литературы. Язык художественной литературы нецелесообразно делать объектом культуры речи, поскольку это область искусства со своими специфическими законами, которые резко отличаются от законов реализации других функций языка и которые поэтому изучает особая лингвистическая дисциплина. Разные цели общения можно рассматривать как некоторую конкретизацию функций языка. Такая конкретизация для понимания культуры владения языком является необходимой, поскольку для достижения разных целей языковые средства и их реализация могут быть весьма различны. Так, цель установления контакта между говорящими (фатическая функция, по Р.О. Якобсону) предполагает прежде всего сам факт общения, и для ее достижения не очень важно, например, такое необходимое для научного текста качество, как непротиворечивость формулировок.

За эффективность общения отвечает в первую очередь коммуникативный компонент культуры речи, но это не означает, что нормативный и этический компоненты незначимы для эффективности общения. Нарушение нормативности может привести просто к непониманию, если, например, вместо нормативного общеизвестного употребляется какое-нибудь малоизвестное диалектное или жаргонное слово, но чаще в этом случае эффективность снижается по иной, скорее прагматико-психологической, чем собственно лингвистической, причине: ненормативное употребление выдает недостаточную образованность говорящего (или пишущего) и побуждает слушающего (читающего) соот-

ветственным образом относиться к сказанному. Яркий пример тому: авторитет многих депутатов союзного, а теперь и российского парламента серьезно пострадал именно от того, что эти депутаты обнаружили слабое владение нормами современного русского литературного языка (см. об этом [27]). Аналогичным образом сказывается на эффективности коммуникации и нарушение этических норм общения: неэтичное обращение к собеседнику, употребление так называемой нецензурной лексики и пр. может вообще прервать общение по причине, которая в быту формулируется так: "С этим хамом я вообще не хочу говорить".

Было бы неверным думать, что развиваемые здесь основы теории культуры речи создаются на пустом месте. Все три названных компонента культуры речи так или иначе исследовались, но эти исследования, как уже отмечалось, осуществлялись порознь и для разных целей. В русской лингвистике послереволюционного периода предметом культуры речи считался только нормативный компонент. Именно он занимал центральное место в деятельности существующего с 1964 г. специального сектора (теперь отдела) культуры русской речи Института русского языка АН СССР (теперь РАН); нормативный характер исследований этого отдела ясно отражен в названиях его продукции (см., например, [7; 31; 53; 59]).

Этический компонент культуры речи исследовался в другой области лингвистики – в описании языка для целей его преподавания как неродного. И это понятно, поскольку этика общения, этические запреты в разных языках различны и не могут автоматически переноситься с одного языка на другой. В русском языке, например, намного шире, чем в западноевропейских языках, распространено обращение на "вы".

Что же касается коммуникативного аспекта культуры речи, то вообще русские традиционные представления на этот счет находились вне лингвистики. Этот аспект общения, как говорилось, рассматривался в риторике. Хорошо известно, что риторика – одно из завоеваний античной цивилизации. Античные риторики определялись обычно как вид искусства со строго определенной целью – искусства убеждать. Главными частями античных риторик были: нахождение предмета, расположение материала, его словесное выражение.

В своей последней части риторики напрямую выходили на язык. Затем объект риторической теории и практики был расширен: риторика (в России ее часто называли красноречием) стала учением о законах построения хорошего текста практически любой направленности в устной и письменной формах. В советское время риторические исследования быстро сошли на нет, и только в последнее время в основном стараниями лингвистов они начинают вновь развиваться [1; 11; 25; 26; 33][2]. Возрождается интерес к риторике и в западной филологии: не

[2] Интересно отметить, что в университетах России появляются даже кафедры риторики; одним из первых такую кафедру создал в Красноярском университете докт. филол. наук А.П. Сковородников, а в Екатеринбургском университете – докт. филол. наук Н.А. Купина.

прошла незамеченной книга [13], развивающая оригинальную концепцию, согласно которой следует изучать оправданные специальными целями разного рода отступления от стандартного языка. Такое понимание риторики ориентировано прежде всего на изучение языка художественной литературы, но его результаты могут представлять интерес и для культуры речи.

Если оставаться на восходящем к античной культуре понимании риторики как ораторского искусства убеждать или более позднего понимания риторики как искусства не только устной, но и письменной речи с разной целевой направленностью, то для теории культуры речи, ориентированной на среднего носителя языка, такие риторики не могут автоматически войти в качестве необходимого компонента в культуру речи как научную дисциплину. Было бы нереальным ставить целью научить всех искусству слова, такое искусство – удел немногих. Но, с другой стороны, нет сомнения в том, что достижения риторических исследований для культуры речи полезны. В частности, хорошая теория культуры речи должна не только давать основу для стандартных рекомендаций по культуре речи, но и показывать, пусть и не для всех реализуемые, пути к овладению языком как искусством. Следует, впрочем, отметить и другое: нередко в последнее время риторику понимают как нечто такое, чем в принципе могут владеть все, и тогда в терминологическом плане понятия "риторический" или "коммуникативный компонент культуры речи" мало чем отличаются друг от друга. Мы предпочитаем термин "коммуникативный компонент культуры речи" только потому, что не хотим "компрометировать" античное понимание риторики как искусства.

Задача создания культуры речи как особой лингвистической дисциплины требует объединить все три компонента культуры речи в единой, цельной теоретической концепции. Один из мотивов такого объединения уже назван: все три компонента работают на достижение одной цели – эффективности общения. Есть и другой мотив. О каком бы компоненте культуры речи ни говорилось, всегда имеется в виду норма, т.е. выбор и узаконение (кодификация) одного (или более) вариантов в качестве нормативного. Поэтому, несомненно, правильным было бы называть компоненты культуры речи не просто этическим и коммуникативным, а компонентами этической и коммуникативной нормы. И если мы этого не делаем, то только потому, что тогда нелепо бы звучало название "нормативная норма". Исходя из сказанного, культуру речи можно определить как дисциплину, изучающую литературную норму (во всех аспектах) и кодифицирующую эту норму, что по отношению к нормативному компоненту практически всегда и делалось. Именно нормативность заставляет относиться к культуре речи как к единой дисциплине, а не простому конгломерату разных дисциплин.

Как представляется, одним из наиболее слабых мест исследований по культуре речи является отсутствие специальной методики таких исследований, что, кстати сказать, мешает многим культуру речи считать научной дисциплиной. Пожалуй, можно назвать единственное

исследование по культуре речи, в котором на основе строгих статистических методов определена частотность вариантов разных уровней языковой системы [10]. В других случаях один из вариантов кодифицируется как единственный или предпочтительный либо на основе языкового чутья исследователя, либо на основе мнения авторитетных носителей языка (ученые, деятели культуры). Справедливости ради надо сказать, что лингвисты-кодификаторы обычно учитывают историческую перспективу в развитии нормы, несомненно имеющую важное значение для кодификации. Тем не менее учет названных факторов (историческая перспектива развития нормы, мнение авторитетов о ней) не оформлен как достаточно строгая методика, что приводит часто к сомнительным рекомендациям. Так, новый орфоэпический словарь [40] рекомендует произношение слова *контекст* только такое: [кан'т'экст]. Действительно, это отражает вкусы многих авторитетных лингвистов, но, по нашему опросу, существуют, и в большом количестве, не менее авторитетные мнения, согласно которым произношение [контэкст] не только допустимо, но и имеет не меньше прав, чем произношение, узаконенное в словаре.

Как кажется, при разработке методики исследований по культуре речи нельзя опираться только на свидетельства лингвистов, авторитетов, как бы важны они ни были. Если ставить цель – внедрить кодификацию в массу средних носителей языка, то проигнорировать мнение так непохожих по своим языковым привычкам носителей языка никак нельзя. Итак, необходима методика сбора и, разумеется, критической оценки мнений о норме самых разных по своему социальному и культурному статусу носителей литературного языка. Осуществить эту задачу можно и нужно с использованием современных компьютеров.

Есть еще одна важная связанная с методикой исследования по культуре речи сторона дела. Чтобы "дойти" до среднего носителя языка, надо знать все его касающиеся культуры речи плюсы и минусы. В этом плане культуре речи не обойтись без соответствующих социолингвистических исследований.

Кажется очевидным, что методика исследования разных компонентов культуры речи имеет как общие черты (например, критическая оценка мнений разных носителей языка), так и важные различия. Если для нормативного компонента культуры речи в большой степени и для этического в меньшей возможна кодификация (достаточно строгое предписание), то для коммуникативного компонента кодификация в таком понимании в принципе исключена, возможны только достаточно гибкие рекомендации: нельзя создать хороший текст по какому-то раз и навсегда заданному образцу, исключением из этого могут быть только некоторые официально-деловые тексты (паспорт, свидетельство об образовании и пр.).

www.ruslang.ru

Таким образом, если культура речи хочет существовать как особая лингвистическая дисциплина, необходима единая полная непротиворечивая теория этой дисциплины со своей достаточно строгой методикой.

Рассмотрим несколько подробнее в плане создания такой теории выделенные компоненты культуры речи.

28.506

С.И. Ожегов дал следующее определение языковой нормы: «Норма – это совокупность наиболее пригодных ("правильных", "предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [39, 259]. Это определение представляется безупречным, если знать, как выявить тот вариант, который соответствует данному определению и будет принят носителями литературного языка.

Попытаемся представить концепцию нормы на основе трех следующих оппозиций: 1) консерватизм/динамичность; 2) безвариантность/вариантность; 3) всеобщность/локальность.

Идеальной можно считать норму с левыми членами оппозиции: консервативную, безвариантную и всеобщую. Консерватизм нормы обеспечивает "связь времен"; безвариантность и всеобщность полностью отвечают статусу литературного языка как многофункционального языка всей нации. Однако норма с названными параметрами является идеальной не только в значении 'очень хорошая', но и в значении 'труднодостижимая' или 'совсем недостижимая' в реальной языковой действительности[3]. Рассмотрим подробнее названные оппозиции.

Оппозиции 1 и 2 находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Язык постоянно развивается, и поэтому сохранить нормы неизменными просто невозможно. Хорошо известно по работе В.И. Чернышева [55] и фундаментальным исследованиям [41; 42; 43; 44; 45], сколь существенно изменились нормы современного русского языка от А.С. Пушкина до наших дней. Богатый опыт исследования динамики нормы показывает, что для большинства норм существует три основных этапа: а) старая норма активно сопротивляется проникновению новой нормы в литературный язык; новая норма в этом случае вообще не норма, она не кодифицируется и, следовательно, не допускается в литературный язык; например, старый орфоэпический словарь [48] не признавал нормативным ударение *до́говор*, кодифицировался только *догово́р*; б) новая норма получает такое распространение, что не признать за ней статуса нормативной невозможно; если бы оставить ее за пределами литературного языка, то круг носителей литературного языка оказался бы слишком узким; за пределами этого круга оказались бы носители языка с весьма высоким общим образовательным уровнем, и литературный язык просто перестал бы быть языком нации; поэтому в этот период возникает вариантность нормы: обычно на первом этапе этого периода старая норма признается основной, а новая – допустимой. На последующих этапах возможно равноправие вариантов норм; так, в

[3] Идеальные (во втором значении) понятия весьма важны для многих наук, поскольку, проецируясь на материальный мир, позволяют осмыслить его соответствующие реалии. Лингвистика – в числе таких наук.

новом орфоэпическом словаре [40] уже допускается *до́говор*; в) старая норма окончательно уходит из речевой практики.

Необходимость ввести в концепцию нормы оппозицию 3 диктуется следующими фактами. Во-первых, существует профессиональная локализация какого-либо употребления языкового средства: в речи многих специалистов, в том числе и людей с высокой общей и языковой культурой, обычны отличные от общепринятых особенности – *компа́с* у моряков, *бело́к* 'оригинал чертежа на ватмане' у проектировщиков, *причесать фонд* 'расставить аккуратно книги в библиотеке' у библиотекарей и мн. др. Следует подчеркнуть, что подобного рода явления – это не специальные термины, которые всегда локализованы в определенной области знания, а слова и выражения, обозначающие обыденные реалии.

Во-вторых, существует территориальная локализация (см. об этом [15; 16; 60]). В обиходной разговорной речи носителей вполне литературного языка нередко употребляются местные, часто имеющие диалектное происхождение, номинации. Так, Т.И. Ерофеева установила, что наряду с общепринятым наименованием хлеба прямоугольной формы *буханка* в речи жителей Москвы и Санкт-Петербурга активно используется номинация *кирпичик*, а в речи пермских и челябинских информантов все формы хлеба, в том числе и прямоугольной, именуются словом *булка*, тогда как у москвичей и др. это слово обозначает только особый тип белого хлеба [15].

И профессиональная, и территориальная специфика, вероятно, имеет право на существование в речи носителей литературного языка. Но при одном непременном условии: носитель языка должен знать общелитературный эквивалент. Если же носитель языка за пределами своей профессии или территории использует специфические средства, то он ставит себя как бы на периферию носителей литературного языка.

На этапе формирования современного русского литературного языка первостепенное значение имел вопрос о том, какой из вариантов кодифицировать в качестве литературного. На последующих этапах его развития основным становится вопрос о том, когда следует кодифицировать новую или локальную, "выросшую" до всеобщей, норму и когда следует отказаться от старой. Для решения этого вопроса, по нашему убеждению, необходима специальная методическая модель экспертной комиссии, способной, с одной стороны, учесть мнение среднего носителя языка, а с другой – нисколько не умалить мнение специалистов и наиболее чутких к языку высокообразованных его носителей, среди которых обычно велик процент консерваторов, приверженцев старых норм. Не претендуя пока на то, чтобы разработать такую модель в деталях (для этого нужно специальное исследование), попытаемся сформулировать некоторые основополагающие ее черты.

Экспертная комиссия должна состоять из носителей литературного языка, характеризующихся разным отношением к норме. В ее состав следует включить следующие группы, не менее пяти человек в каждой: "консерваторов", "нейтралов" и "демократов" (названия эти ус-

ловны и не несут в себе никакой оценки). "Консерваторы" – это ревнители старых традиционных норм, не склонные к новациям. "Нейтралы" – это носители литературного языка, в значительной степени склонные к традиционным нормам, но не сопротивляющиеся новшествам; они могут не употреблять в своей речи новшеств, но и не раздражаются, когда слышат их в речи других. "Демократы" – это носители литературного языка, легко допускающие в свою речь все то новое, что, по их мнению, не противоречит литературному языку. Особо должна быть выделена группа специалистов по нормам литературного языка.

Каждому члену экспертной комиссии будет предложено выбрать один из четырех возможных ответов на вопрос о нормативности новации: безусловно допустимо, скорее допустимо, скорее недопустимо, безусловно недопустимо. Ответы на два первых вопроса оцениваются положительными оценками, на два последующих – отрицательными.

Эти оценки для разных групп должны быть разными: если "консерватор" безусловно допускает новшество, оно должно получать максимальную положительную оценку, а если отказывает новшеству, то оно получает только минимальную отрицательную оценку. И наоборот: если "демократ" безусловно допускает новшество, то оно получает минимальную положительную оценку, а если отказывается от него, то отрицательная оценка максимальна. Следует предусмотреть достаточно высокие оценки для специалистов: специалист способен предвидеть историческую динамику нормы и может предугадать отношение разных групп неспециалистов к норме в будущем. Мнение специалиста всегда по праву было весомым в деле кодификации нормы. Предлагается таблица оценок.

Оценка	Статус отвечающего			
	Специалист	Консерватор	Нейтрал	Демократ
Безусловно допустимо	4	5	3	2
Скорее допустимо	3	4	2	1
Скорее недопустимо	–3	–1	–2	–4
Безусловно недопустимо	–4	–2	–3	–5
Не знаю	0	0	0	0

Интерпретация результатов экспертизы может быть такой: положительная оценка дает право новации "на гражданство", нулевая оценка относит решение вопроса о "правах гражданства" на будущее, отрицательная оценка не пускает новацию в речь. Ни в какой мере не претендуя на окончательный вердикт, мы сделали попытку провести нормативную экспертизу для широко распространенного в некоторых административных, правительственных и парламентских кругах нового значения глагола *определиться* – 'прийти к определенному решению'. Каждая группа экспертов была представлена пока только одним чело-

веком. Результаты оказались такими: специалист: –3; консерватор: –2; нейтрал: +2; демократ: +1. Общий итог оказался, таким образом, отрицательным: –2.

Экспертные оценки позволят не "на глазок" определять, какие новации стали нормой, а какие еще только допустимы и когда предпочитается старая норма. В этом отношении можно предложить следующее: если новация набирает более половины положительных баллов, она просто норма, менее – допустимая норма.

Необходимость такой экспертной комиссии подсказывается международным опытом; в частности, многие лексические новации английского языка должны получить оценку авторитетных носителей этого языка в Великобритании[4]. Русские лингвисты также ощущают потребность в объективизации нормативных оценок. Известно, что о нормативности языка часто пишут и говорят многие средства массовой информации. Институт русского языка РАН получает большое количество писем часто с категорическими и лишенными всякого научного обоснования требованиями что-то запретить, реже – разрешить. М.В. Панов давно поставил вопрос о том, следует ли считаться с такими мнениями [46]. И сам на него ответил: да, следует, но при обязательном учете всего разнообразия мнений. Методологически обоснованная обработка этих мнений и их оценка – насущная задача культуры речи. Оценку экспертной комиссии должны получать новации на всех уровнях языковой системы: лексическом, словообразовательном, фонетическом (орфоэпия) и грамматическом.

Особенно остро стоит (и стоял практически всегда) вопрос об оценке (правомерности/неправомерности) иностранных заимствований в русском языке. Этот вопрос обычно имеет политико-идеологическую окраску. С одной стороны, вполне разумное требование сохранить русскую национальную самобытность ведет к крайне ненаучному призыву искоренить уже имеющуюся "иностранщину" в русском языке и, естественно, не допускать новой. С другой стороны, также вполне разумное требование не отгораживаться от мировой цивилизации ведет к крайне пестрому и неоднородному потоку иностранных лексических заимствований, который резко возрос и потерял управляемость в 80–90-е годы. Ясно, что оценка иностранных заимствований должна быть дифференцированной. И экспертная комиссия может сыграть в этом деле немалую роль. Приведем данные нашей комиссии по двум сравнительно недавним заимствованиям: *маркетинг* и широко распространенному в современной политической публицистике *саммит* (встреча в верхах). *Маркетинг*: специалист: +3; консерватор: +4; нейтрал: +2; демократ: +2; итого: +11. *Саммит* (соответственно): –4, –2, –2, 0, итого: –8.

Не составляет труда интерпретировать полученные результаты: один из ключевых терминов рыночной экономики, *маркетинг*, не имеет удачного русского эквивалента; у слова же *саммит* нет никаких преимуществ перед выражением *встреча в верхах*: будучи весьма ярким

[4] Об этом нам стало известно из доклада Ю.Д. Апресяна о новом типе словаря синонимов на одном из заседаний Отделения литературы и языка РАН в 1993 г.

образным словом в английском, где первое основное значение этого слова 'пик, вершина', в русском это слово абсолютно "безлико", и поэтому русскому языку оно не нужно.

Экспертная комиссия только тогда сможет выполнить свои функции, если войдет в систему еще двух организаций. Во-первых, необходима рабочая группа слежения за языком, которая должна регулярно поставлять экспертной комиссии материалы. Во-вторых, необходима наделенная определенными законодательными правами Служба языка, которая будет утверждать и издавать нужным тиражом рекомендации экспертной комиссии как обязательные к исполнению для книжных издательств, средств массовой информации и других подотчетных Службе языка организаций. Заметим, что в широкой практике имеются аналоги того, что здесь названо Службой языка. Это – Комитет франкофонии во Франции, который возглавляет Президент страны.

Методическая модель экспертной комиссии не годится для установления некоторых норм, о которых следует сказать особо.

Специальной методики требует определение норм разговорной речи и устных форм функциональных разновидностей языка. Среди носителей языка, исключая, может быть, некоторых филологов, существует убеждение в том, что человек говорит во всех случаях так, как пишет или примерно так. Однако уже отмечалось, что исследования разговорной речи и устного кодифицированного языка показали ложность этого убеждения. Если предложить для оценки факты устной речи в письменном виде, то для многих информантов, вполне владеющих литературным языком, сработает "магия письменной речи" (см. об этом нашу полемику с О.Б. Сиротининой [17]). Для того чтобы отличить ошибку от вполне нормативных закономерностей устной речи, целесообразно предъявлять информантам устные фрагменты текстов, в которые включаются явления, требующие проверки на нормативность, не указывая на само явление. Вопрос должен быть поставлен так: необходима ли какая-либо нормативная правка текста? Разработанная для нормативных оценок письменной речи модель экспертной комиссии в этом случае не подходит. Для оценки явлений собственно устной речи, особенно разговорной, необходимо умение "слышать" самого себя, осознать и учесть спонтанность разговорной речи, а это требует специального лингвистического образования. И поэтому для данных целей есть основания ограничиться чисто лингвистической экспертной комиссией с обязательным участием специалистов по устной речи вообще и разговорной в частности.

Проиллюстрируем сказанное двумя следующими устными текстами (первый – разговорный, второй – вузовская лекция): 1) У меня холодильник потек/ лето/ жара/ звоню по всем мастерским/ чуть не неделю надо ждать/ ну что делать/ соседка говорит/ вот у меня частник есть/ позвонила/ вечером уже работал// (холодильник); 2) Предложение насчитывает сотни определений// Почему? Да потому/ что оно и язык/ и логика/ и математика/ и философия/ и психология/ и многое другое// Ясно, что в таком письменном оформлении эти тексты недопустимы: первый чрезвычайно редуцирован в смысловом плане, последняя часть

второго в письменной речи могла бы быть такой: *оно* (предложение) *исследовалось и с языковой, и с логической... точек зрения.*

Эти тексты принадлежат людям с высокой языковой культурой: филологам, докторам наук, профессорам, авторам многих печатных работ, опытнейшим вузовским лекторам. Четверо лингвистов – специалистов по устной и разговорной речи единодушно оценили эти тексты как нормативные и хорошие, в то время как из пяти неспециалистов, людей также с высокой общей и языковой культурой, трем эти тексты, как выразился один из оценивающих, показались "яркими и интересными, но все же не очень правильными".

Существует еще одна норма, соблюдение которой абсолютно необходимо для всякого носителя литературного языка. Речь идет о нормах правописания. Можно ли говорить о правописании как объекте культуры речи? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Орфографические правила обычно однозначны, они исключают выбор и требуют только одного: их знания и неукоснительного соблюдения. Пунктуационные правила в большом количестве случаев допускают варианты. Один и тот же текст (или предложение) можно оформить по-разному. В частности, существует выбор, регулируемый желанием пишущего подчеркнуть или, наоборот, оставить без внимания смысловые отношения между предикативными единицами, среди таких одиночных знаков препинания, как точка, точка с запятой, тире или двоеточие: *Было жарко. Работать не хотелось; Было жарко; работать не хотелось; Было жарко, работать не хотелось; Было жарко – работать не хотелось* (см. об этом подробнее [56]). Существует также выбор, зависящий от силы выделения, между такими двойными знаками препинания, как запятая, тире, скобки, ср.: *Они поехали – это было два года тому назад – по Волге до Астрахани; Они поехали (это было два года тому назад) по Волге до Астрахани* и т.д.

Интересен следующий, если можно так сказать, естественный эксперимент: из 22 студентов-старшекурсников Московского государственного открытого педагогического университета, писавших диктант (фрагмент из романа В. Набокова "Дар"), ни один не воспроизвел (ошибки студентов, разумеется, в расчет не принимаются) авторскую пунктуацию; отступления от нее в среднем исчислялись пятью случаями.

Таким образом, если один и тот же текст можно пунктуационно оформить разными способами, то налицо выбор, а значит, и особое поле деятельности для культуры речи в той ее области, которая может быть названа культурой пунктуационного оформления письменных текстов. Эту особую область культуры речи мы отнесли к нормативному аспекту по традиции, поскольку обычны выражения "орфографические" и "пунктуационные нормы" или "правила". На деле же эта область культуры речи ближе к коммуникативному компоненту, потому что служит целям наиболее эффективного оформления текста.

Итак: 1) существуют общеязыковые нормы разных уровней языковой системы, суть которых определяется на основе трех оппозиций: консерватизм/динамичность, безвариантность/вариативность, всеобщность/локальность нормы;

2) основным методом выявления общеязыковых норм может служить намеченная модель экспертной комиссии с сопутствующими ей службами;

3) особой методики требует выявление норм устной разговорной и кодифицированной речи.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Коммуникативный компонент культуры речи несет основную нагрузку в наиболее эффективном достижении поставленных целей общения. Г.О. Винокур еще в 1929 г. писал: "Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества" [4, 113–114]. Однако в русской лингвистике XX в. этому важнейшему компоненту культуры речи, как уже говорилось, не уделялось должного внимания.

Одна из первых попыток лингвистического теоретического осмысления коммуникативного компонента принадлежит чешским лингвистам. В тезисах Пражского лингвистического кружка утверждается следующее: "Под культурой языка понимается четко выраженная тенденция к развитию в литературном языке (как разговорном, так и книжном) качеств, требуемых его специальными функциями" [47]. А. Едличка обосновывает необходимость выделения трех типов норм: формационных, коммуникативных и стилистических [14, 147]. Формационная норма – это то, что у нас названо нормативным компонентом, стилистическая норма понимается А. Едличкой в целом традиционно. Коммуникативная норма определяется так: "Для коммуникативной нормы... определяющим является отношение к процессу коммуникации. Она манифестируется не только языковыми (вербальными) элементами, но и компонентами неязыковыми (невербальными). Она обусловлена прежде всего ситуативными факторами и обстоятельствами. Ее отношение к формационной норме определяется тем, что одним из проявлений коммуникативной нормы служит способ дистрибуции языковых формаций в ситуативно-коммуникативных сферах. В отличие от литературных формационных норм коммуникативные нормы не являются кодифицированными" [там же, 146–147]. Большую роль коммуникативного компонента в процессе общения подчеркнул К. Гаузенблас. "Нет ничего парадоксального в том, – писал он, – что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурным, чем иной говорящий на литературном языке" [4а, 301]. Однако, как справедливо подчеркивает А. Едличка, в чешской, да и в мировой лингвистике "изучение коммуникативных норм пока еще остается на уровне прежде всего общетеоретическом; его результатом как раз и является формирование понятия коммуникативной нормы как самостоятельного типа норм" [14, 143]. На очереди, следовательно, стоит детальное всестороннее теоретическое исследование этого, будем считать, окончательно утвердившегося понятия и создание на его основе практических рекомендаций.

В русской лингвистике последних лет ясно ощущается потребность в

таких исследованиях. Поиск ведется в разных направлениях. Одно из них связано с возрождением риторики и желанием сделать ее частью лингвистики, другое – с развитием идей функциональной стилистики. М.Н. Кожина дает следующую характеристику этого направления: "Многочисленные исследования по функциональной стилистике последних десятилетий с убедительностью показывают, что одним из центральных ее понятий является понятие стилистико-речевой системности как выражения специфики той или иной речевой разновидности, типа текстов или же отдельного целого произведения (по отношению к стилистико-текстовому типу – инварианту). Под речевой системностью функционального стиля (или другой, более частной речевой разновидности) понимается взаимосвязь на текстовой плоскости разноуровневых языковых единиц (включая текстовые) и их значений, обусловленная экстралингвистической основой соответствующей речевой разновидности и выполнением общего коммуникативного задания (цели), взаимосвязь, создающая и выражающая стилевую специфику данной группы текстов, по сравнению с другой, и обладающая общей стилевой чертой (или их комплексом)" [23, 40]. Близкую к этому направлению концепцию текста предлагает Т.В. Матвеева, разработавшая систему текстовых категорий (тематические цепочки текста, цепочки хода мысли, тональность и оценочность, текстовое время и пространство, композиция) и исследовавшая реализацию этих категорий в разных функциональных стилях [34].

Заслуживает внимания разработанная саратовскими лингвистами (под руководством О.Б. Сиротининой) следующая методика описания функциональных стилей: определяются основные сферы использования функционального стиля, основная функция и та "доминанта, вокруг которой происходит системная организация всех основных параметров стиля, его специфических и наиболее вероятных свойств" [54, 5]. Так, в отношении делового стиля утверждается: "Основная сфера использования – регулирование правовых отношений, т.е. сфера официально-деловой документации... Основная функция – сообщение. Доминанта – точность, не допускающая инотолкований" [там же]. Научный стиль охарактеризован так: "Сфера использования – наука, техника, обучение. Основная функция – сообщение, фиксация результатов познания мира. Доминанта – понятийная точность" [там же]. Публицистический стиль определен так: "Сфера использования – средства массовой информации, митинги, собрания, то есть вся общественно-политическая сфера деятельности человека. Основная функция – информативно-воздействующая" [там же, 6]. От таких исследований до коммуникативого компонента культуры речи один шаг: необходимо определить, какая структура текста является оптимальной для решения поставленных задач общения.

Попытку ответить на этот вопрос предпринял Б.Н. Головин. В своем учебном пособии для вузов он вообще предложил понимать культуру речи как культуру коммуникации, включая в это широкое понятие и нормативность. Культура речи определяется им по набору ее коммуникативных качеств. Эти качества выявляются на основе соот-

ношения речи с некоторыми, как выражается Б.Н. Головин, неречевыми структурами. К неречевым структурам отнесен сам язык как устройство, порождающее речь, а также мышление, сознание, действительность, человек – адресат речи, условия общения. Учет этих неречевых структур определяет следующие качества хорошей речи: правильность, чистота (эти два качества составляют основу нормативного, в нашем понимании, компонента), точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность и уместность [5, 23–40].

Нет сомнения в том, что все эти качества действительно важны для оценки конкретных текстов в коммуникативном аспекте. И задачу определения текста на шкале "плохой–хороший" в коммуникативном плане можно было бы считать решенной, если бы к любому тексту для этого достаточно было приложить девять названных признаков. Провести такую оценку, однако, совсем не просто. Не очень ясно содержание самих качеств. Чем, например, действенность отличается от уместности? Может ли быть речь действенной, но неуместной и наоборот? В каком отношении друг к другу находятся такие качества, как образность и выразительность? Серию этих вопросов можно было бы продолжить. Но основная причина, как кажется, слабой работоспособности названных качеств хорошей речи в другом. Представляется вполне очевидным, что коммуникативный аспект культуры речи требует дифференцированного подхода к текстам. Ясно, что хороший публицистический текст – это совсем не то же самое, что хороший научный текст. Если с этих позиций подойти к некоторым из девяти качеств хорошей речи, то окажется, что для ряда текстов хорошими или как минимум неплохими следует признать качества, противоположные тем, которые названы Б.Н. Головиным. Так, например, если для научной речи действительно необходима точность, в том числе и точность в обозначении реалий, то в разговорной речи вполне обычны такие, например, не вполне точные номинации, как *чем писать* (карандаш, ручка) и подобные. Не вполне ясным остается в работе Б.Н. Головина и то, какими языковыми средствами обеспечивается достижение качеств хорошей речи: дальше демонстрации отдельных образцовых или плохих текстов автор не пошел.

Таким образом, как кажется, пока еще не существует цельной и полной концепции коммуникативного аспекта культуры речи.

Попытаемся обосновать, что коммуникативный компонент культуры речи должен включать три основные составляющие: 1) определение цели коммуникации; 2) определение прагматических условий коммуникативного акта; 3) диктуемые целью и прагматикой основы выбора и организации языковых средств, формирующих соответствующие тексты в их письменной или устной реализации.

Чтобы ввести понятие цели в исследование коммуникативного компонента, необходимо прежде всего четко разграничить те цели, которые определяют выбор и организацию языковых средств, от тех целей, которые в этом процессе не участвуют или участвуют лишь косвенным образом. Примеры такого разграничения очевидны. Так, если ставится цель создания научного текста, то это обусловливает вы-

бор научного функционального стиля. Если же ставится цель не просто создания научного текста, а диссертации на соискание ученой степени, то эта добавочная цель уже не имеет прямого отношения к коммуникативному компоненту. Самое большое, что может потребовать такая цель, – это чисто формальное соблюдение требований к тексту, представленному на соискание ученой степени. Вероятно, только цели, опирающиеся на основные функции языка, могут быть отнесены к числу коммуникативных. В свою очередь, коммуникативные цели также, с одной стороны, неоднородны, а с другой – допускают разную степень конкретизации.

Система коммуникативных целей представляется следующей. Различаются пропозициональные (или диктуемые) (1) и модальные (2) цели. Пропозициональные цели определяют фактическое содержание текста (о чем данный текст), модальные цели – это коммуникативная установка текста типа: информация, убеждение, побуждение и т.п. (с какой целью создан данный текст). Противопоставление пропозиционального и модального смыслов, восходящее к концепции Ш. Балли [2, 51–54], было разработано по отношению к смыслу предложения-высказывания. Ничто, однако, на наш взгляд, не мешает распространить это противопоставление на текст. Разумеется, высказывания, составляющие определенный текст, могут иметь различную модальность, но всегда можно при этом установить общую модальную направленность текста[5].

К числу пропозициональных относятся следующие цели:

1а. На самом высоком уровне общения выделяются функциональные цели, определяющие выбор соответствующей функциональной разновидности языка. Функциональные разновидности языка – это совокупность текстов, служащих целям научной, публицистической и другой коммуникации. Существуют разные типологии функциональных средств языка. Для теории культуры речи считаем возможным принять за основу типологию функциональных разновидностей языка, предложенную Д.Н. Шмелевым. Помимо убедительной аргументации эта типология представляет для нас особый интерес еще и потому, что существуют выполненные на ее основе конкретные и, на наш взгляд, наиболее глубокие исследования языковых особенностей выделенных разновидностей на всех уровнях языковой системы. Типология функциональных разновидностей Д.Н. Шмелева такова. На первом, высшем, уровне классификации выделяются три функциональные разновидности: разговорная речь, язык художественной литературы и функциональные стили. На втором уровне классификации функциональные стили подразделяются на официально-деловой, научный и публицистический [58]. Каждая из функциональных разновидностей имеет свои задачи общения, которые определяют ее "языковой облик". Уже говорилось о разговорной речи как спонтанном неофициальном общении с непосредственным участием говорящих и о языке художественной литературы, отличительной чертой которого является эстетическая функция.

---

[5] Именно на поиски такой модальности направлена, как кажется, предложенная Г.А. Золотовой система регистров текста [18, 348–356].

Для хорошего владения функциональными стилями необходима культура мышления, а во многих случаях и культура убеждения. Достичь такой культуры, особой для каждой функциональной разновидности, только на языковой основе нельзя, хотя язык и играет здесь далеко не последнюю роль. Именно отсутствие культуры мышления приводит к тому, что в общественно-политических текстах появляется много речевых ярлыков, главная цель которых – "заклеймить" оппонента. Яркий пример тому – возникшее в последнее время противопоставление слов *патриот* и *демократ*. Для тех, кто называет себя *патриотом*, слово *демократ* почти бранное. Между тем ни один словарь не толкует эти слова как антонимы. И совершенно непонятно, почему демократы не могут быть патриотами. Вероятно, факты подобного рода должны быть отнесены к такой широкой области, противостоящей истинной культуре общения, как демагогия, все больше привлекающая внимание лингвистов. Не менее яркий пример отсутствия культуры мышления – это тексты без ясно осознанных целей, задача таких текстов одна – покрасоваться перед аудиторией, особенно если эта аудитория телевизионная.

1б. Каждая функциональная разновидность в зависимости от конкретных целей общения дифференцируется на совокупность таких текстов, которые в значительной мере условно можно отнести к таким функциональным жанрам, языковая реализация которых сопровождается своими особенностями. В разговорной речи выделяются, например, монологи (рассказы о событиях), диалоги (обмен информацией, уточнение информации и т.п.), стереотипы (клишированное общение в типичных, часто повторяющихся ситуациях). Если говорить о научном стиле, то, например, научный доклад и учебная лекция имеют свои языковые особенности. Можно привести и другие примеры, но и без того вывод очевиден: создание типологии жанров – важная задача при разработке коммуникативного компонента культуры речи.

Существуют такие коммуникационные пространства, которые состоят из текстов разных функциональных разновидностей. В плане исследования культуры речи давно уже выделяется такой объект, как язык средств массовой информации, где могут соседствовать официально-деловой стиль и публицистика; западная лингвистика выделяет как особый объект язык для специальных целей. Выделение таких объектов кажется вполне целесообразным, поскольку закладывает основу для разработки рекомендаций по культуре речи специалистам, работающим в данных областях.

2. Пропозициональное содержание текста всегда представлено в одном из модальных планов. Широкое признание получила типология модальных смыслов, разработанная в теории речевых актов, основы которой были сформулированы в широко известных лекциях Дж. Остина "Слово как действие". Согласно этой теории модальность высказывания (или иллокутивные силы) может быть выражена особыми перформативными глаголами в первом лице настоящего времени, непосредственно осуществляющими модальный замысел (действие) говорящего: *я информирую, я требую, я спрашиваю* и т.д. Вероятно,

по отношению к каждому тексту можно подобным же образом сформулировать его модальную цель. Например, модальная цель научного доклада и публицистической речи может быть одна – убедить в чем-либо. Основная модальная цель таких официально-деловых жанров, как кодекс законов и инструкция по использованию бытовой техники, – предписание. Каждая модальная цель требует своих языковых средств выражения. Эти средства, выступая в разных функциональных разновидностях и в их разных функциональных жанрах, могут иметь как общие, так и специфические характеристики.

Выбор и организация языковых средств зависят не только от пропозициональных и модальных целей, но и от тех прагматических условий, в которых проходит коммуникация. Суть прагматики заключена в емкой формуле: адресант – ситуация – адресат. Главным в прагматике общения является явная ориентация адресанта на те многие характеристики адресата, которые определяют языковые особенности текста. Было бы неэффективно, например, просто использовать научный стиль в жанре лекции; необходимо по возможности точно представлять степень научной подготовленности аудитории, степень знакомства ее с проблематикой лекции и др. Как кажется, одними из первых, кто осознал роль характеристик адресата, были создатели японской теории "языкового существования", знакомству с которой русская лингвистика обязана Н.И. Конраду [24]. Один из исследователей этой теории, С.В. Неверов, справедливо пишет: «Отправной пункт исследований направления языкового существования – получатель массовой информации, исчисление его общей речевой нагрузки, анализ всех его речевых действий, оценка их правильности, учет всех типов речевых произведений общества и поиск путей защиты, как формулируют японские лингвисты, от "загрязнения среды информацией" как результата неправильных речевых действий. Это, как нам кажется, приводит к новому расширенному понятию культуры речи. Если в европейской и, в частности, в советской традиции теория культуры речи воспринимается как проблема соблюдения нормы литературного языка, как проблема владения стилем речевого произведения, т.е. изучается внутренняя сторона высказывания, то японские исследования в области языкового существования имеют в виду главным образом внешнюю сторону общения, с которым выступают индивиды – создатели и получатели высказываний» [38, 42]. Приведем только некоторые рекомендации по технике говорения, которые не оставляют сомнения в важности прагматики общения: "в процессе говорения следует постоянно анализировать слушателя и его реакцию, стремясь повысить эффект коммуникации", "избегать ставить себя в центр высказывания", "красноречие – не обязательное условие успеха высказывания. Практика коммивояжеров показывает, что большего успеха добиваются менее красноречивые. Красноречие часто вызываст подозрительность слушающего" [там же, 58].

К числу важнейших прагматических характеристик коммуникативного компонента культуры речи, если попытаться обобщить опыт исследований в этой области, следует отнести: 1) соответствие цели

коммуникации адресанта и ожиданий от коммуникации адресата; 2) точное понимание речевых характеристик адресанта и адресата в данной ситуации; 3) учет частных прагматических характеристик адресанта и адресата.

1. Широкое развитие лингвопрагматических исследований, в том числе и в плане уже упомянутой теории речевых актов, позволило выявить ряд факторов, имеющих непосредственное отношение к коммуникативному компоненту культуры речи. Это касается прежде всего того, что в теории речевых актов названо перлокутивными силами, под которыми разумеется то воздействие, которое оказывает на адресата коммуникация. Общение может быть эффективным только в том случае, если иллокуция соответствует перлокуции: адресант спрашивает – адресат может и хочет ответить; адресант информирует – адресат нуждается в информации и усваивает ее и т.п. Если же гармония иллокуции и перлокуции разрушена, эффективность коммуникации может понизиться и дойти до нуля: "меня информируют, но мне эта информация не нужна, и я просто не буду слушать это".

2. Ситуация общения как важный прагматический фактор определяет выбор одной из тех присущих участнику коммуникации ролей, которую он должен исполнить в данной ситуации, например отец в общении со своим ребенком, руководитель производственного подразделения в общении с подчиненными, покупатель в общении с продавцом и т.д. Один из создателей теории речевых актов, Дж.Р. Серль, при классификации последних выделяет такой параметр: "различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания". Этот параметр поясняется следующим примером: "Если генерал просит рядового убраться в комнате, – это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой просит генерала убраться в комнате, то это может быть советом, предложением или просьбой, но не приказом или командой" [49, 175]. Не менее важно учитывать роли адресанта и адресата и при создании текста. Яркий негативный пример в этом плане дает современная российская парламентская деятельность: в парламенте от депутата ждут деловых аргументированных выступлений, взамен же их часто звучат публицистические речи в наиболее одиозном митинговом исполнении [27]. Всякое отклонение от ожидаемой в данной коммуникативной ситуации роли снижает эффективность общения.

3. Частные прагматические характеристики участников коммуникации чрезвычайно разнообразны и многоаспектны. В этом убеждают работы психологов, посвященные проблемам эффективности общения. Большую популярность – и не только в научной среде – получили рекомендации по эффективности общения Д. Карнеги, основанные на учете тонких психологических особенностей адресата и адресанта.

Напомним только некоторые. Вот правила, "соблюдение которых позволяет склонить людей к вашей точке зрения": 1) "единственный способ одержать верх в споре – это уклониться от него"; 2) "проявляйте уважение к мнению вашего собеседника. Никогда не говорите человеку, что он не прав"; 3) "если вы не правы, признайте это быстро и

решительно"; 4) "с самого начала придерживайтесь дружелюбного тона"; 5) «заставьте собеседника сразу же ответить вам "да"»; 6) "пусть большую часть времени говорит ваш собеседник"; 7) "пусть ваш собеседник считает, что данная мысль принадлежит ему"; 8) "искренне старайтесь смотреть на вещи с точки зрения вашего собеседника"; 9) "относитесь сочувственно к мыслям и желаниям других"; 10) "взывайте к более благородным мотивам"; 11) "драматизируйте свои идеи, подавайте их эффектно"; 12) "бросайте вызов, задевайте за живое" [21, 210]. А вот некоторые правила, "соблюдение которых позволяет воздействовать на людей, не оскорбляя их и не вызывая у них чувства обиды": 1) "начинайте с похвалы и искреннего признания достоинств собеседника"; 2) "указывайте на ошибки других не прямо, а косвенно"; 3) "сначала поговорите о собственных ошибках, а затем уже критикуйте своего собеседника"; 4) "задавайте собеседнику вопросы вместо того, чтобы ему что-то приказывать"; 5) "давайте людям возможность спасти свой престиж"; 6) "выражайте людям одобрение по поводу малейшей их удачи и отмечайте каждый их успех" [там же, 279].

Работы Д. Карнеги не принадлежат к числу строго научных исследований, что, впрочем, нисколько не умаляет их достоинств. Автор как бы предлагает читателю самому на примере известных исторических личностей и не очень известных людей искать пути реального осуществления правил. Возможны, однако, и научно обоснованные языковые рекомендации по применению правил Д. Карнеги.

Предпринимаются в этом плане и достаточно строгие собственно научные психологические разработки. Назовем только одну из них. В книге, рассчитанной для внутриведомственного пользования на телевидении, разрабатывается в целях эффективности телевизионного общения со зрителем метод экспериментальной аудитории, который определяется как "метод анализа целостной среды в системе массовой коммуникации, причем становление этой среды осуществляется в четырех ее аспектах: когнитивном, аффективном, поведенческом и экологическом" [35, 23]. В качестве примера приведем одну из методик осуществления этого метода. Информантам-телезрителям предлагается:

"Оцените ведущих телепередач по предложенным качествам. Каждая шкала задается двумя полярными свойствами и включает пять градаций ответов:

–2 – сильно выражено свойство, которое находится на левом полюсе шкалы;
–1 – слабо выражено свойство, которое находится на левом полюсе шкалы;
0 – не выражен ни правый, ни левый полюс шкалы;
+1 – слабо выражено свойство, которое находится на правом полюсе шкалы;
+2 – сильно выражено свойство, которое находится на правом по люсе шкалы.

1. КРАСИВЫЙ – НЕКРАСИВЫЙ
2. ДОБРЫЙ – ЗЛОЙ

3. СИЛЬНЫЙ – СЛАБЫЙ
4. НАСТОЙЧИВЫЙ – МЯМЛЯ
5. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ – БЕСПОМОЩНЫЙ
6. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ – НЕИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ
7. ЗАВИСТЛИВЫЙ – ДОБРОСЕРДЕЧНЫЙ
8. ДЕСПОТИЧНЫЙ – КРОТКИЙ..." (всего 80 качеств) [36].

Затем определяются наиболее популярные ведущие телепередач и дается их характеристика на основе обобщения ответов информантов на приведенную анкету. И снова следует сказать, что имидж ведущих телепередач во многом зависит от их "языкового облика", поскольку многие качества зрители могут определить, только исходя из речевого поведения ведущего. Следовательно, важно понять, как за счет культуры владения языком появляются положительные качества.

Итак, цели общения с их прагматической коррекцией должны быть обеспечены языковыми средствами и их организацией. Решение этой задачи также многоаспектно, как многоаспектны цели общения. К числу основных аспектов мы относим следующие:

1. Выделяются некоторые общие для всех функциональных разновидностей языка правила общения. Они предложены Г.П. Грайсом и названы им Правилами кооперации. Выделяются четыре категории постулатов: "I. Количество. 1. Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога). 2. Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется" [6].

"Второй постулат, – замечает Г.П. Грайс, – вызывает сомнения: можно сказать, что передача лишней информации – это не нарушение Принципа кооперации, а просто пустая трата времени. На это можно возразить, однако, что такая лишняя информация иногда вводит в заблуждение, вызывая не относящиеся к делу вопросы и соображения; кроме того, может возникнуть косвенный эффект, когда слушающий оказывается сбит с толку из-за того, что он предположил наличие какой-то особой цели, особого смысла в передаче этой лишней информации. Как бы там ни было, существует еще и другой источник сомнений относительно необходимости второго постулата: тот же результат будет достигнут с помощью одного из дальнейших постулатов, связанного с релевантностью" [там же, 222].

"II. Качество. 1. "Не говори того, что бы считалось ложным. 2. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований. III. Отношения. Не отклоняйся от темы. IV. Способ. 1. Избегай непонятных выражений. 2. Избегай неоднозначности. 3. Будь краток (избегай ненужного многословия). 4. Будь организован" [там же, 222–223].

Ценность постулатов Г.П. Грайса для культуры речи, на наш взгляд, в том, что они прямо ориентированы на обеспечение культуры мышления, без которой, как уже неоднократно подчеркивалось, культура речи просто немыслима.

2. Особого анализа требуют языковые средства, обеспечивающие маркированность данного текста в функциональном плане. Как одна из

возможных для такого анализа может быть предложена следующая методика. Все те параметры, на основе которых различаются функциональные разновидности языка и их жанры, можно рассматривать в духе Московской лингвистической школы, особенно ярко проявившей себя в фонологии, как набор позиционных признаков, предопределяющих употребление специфичных для данной разновидности языковых средств.

По-видимому, в каждом достаточно развитом тексте есть языковые средства трех видов: а) такие, которые являются нейтральными для данной функциональной разновидности и не могут быть замещены специфическими для нее средствами; в этом случае задаваемая параметрами позиция является для таких средств слабой; б) такие, которые задают специфику данной языковой сферы, или в) такие нейтральные средства, которые могут быть замещены специфическими. В случаях (б) и (в) задаваемая параметрами позиция является сильной. Простейший пример из области лексики: специальный термин, соответствующий тематике текста, в научном стиле занимает сильную позицию; сильной будет и позиция нейтральной дескрипции, если она выступает вместо термина; нейтральное же логическое средство, не имеющее специфического соответствия в научном стиле, например глагол *быть*, в этом стиле находится в слабой позиции.

Должна быть поставлена задача: определить и систематизировать набор всех специфических для данной функциональной разновидности средств и всех средств, способных замещаться специфическими, т.е. всех средств, способных занимать сильную позицию. Определение систематизированного набора специфических для данной функциональной разновидности средств – это та задача, которая решается, как уже было сказано, в русле функциональной лингвистики. Это, следовательно, еще не собственная задача культуры речи. Собственной же задачей определения культуры владения функциональными разновидностями языка кажется следующая: определить ту пропорцию между взаимозамещаемыми нейтральными и специфическими средствами в сильной позиции, а также ту пропорцию между разными специфическими средствами, которые соответствуют понятию хорошего стиля. Ставя в центр исследования коммуникативного компонента культуры речи эти пропорции, мы исходим из чисто эмпирических наблюдений: большинство текстов разной функциональной направленности оставляют впечатление несовершенства, если они перенасыщены специфическими для них средствами, и оставляют впечатление функционально-стилистической неопределенности, если этих средств недостаточно.

Естественно, для выявления функционально маркированных средств необходимо их исчисление на всех уровнях языковой системы. В этой связи актуально широкое развитие функциональных исследований в направлении от смысла к способам его выражения с распределением всех способов по функциональным разновидностям (опыт такого исследования см. в работах [8; 9]).

3. Наиболее трудоемкой представляется задача выявления тех языковых средств и их организации, которые обеспечивают прагматические потребности общения. В решении этой задачи пока делаются

только первые шаги. Отметим, в частности, попытку Е.М. Верещагин ввести такое важное для понимания организации текста понятие, ка тактика его развития с явным учетом восприятия текста адресатом [3 32–43]. Заслуживает внимания опыт сопоставления в плане восприяти участниками коммуникации полемических текстов Л.А. Шкатовой [57] Сравниваются, например, такие зачины, как: 1) Вы не правы (совер шенно не правы, абсолютно не правы, несомненно не правы; оши баетесь, глубоко ошибаетесь; заблуждаетесь, вводите в заблуждение лжете, сознательно лжете...), и я вам сейчас это докажу! и 2) Наш позиции не совпадают (мы расходимся во мнениях, я не мог согласиться с вами, мне трудно признать вашу правоту, я придержи ваюсь другого мнения...), но, возможно, я ошибаюсь. Такие способы убеждения, как: 1) – Я абсолютно убежден в том, что.../ – Нет ни какого сомнения.../ – Не будете же вы спорить.../ – Никто не стане отрицать.../ – Все согласятся.../ – Только глупый человек не поверит... – Одни дураки станут доказывать... и 2) – Надеюсь, мы с вами вмест заинтересованы в том, чтобы найти правильное решение.../ – Я убеж ден в своей правоте, но допускаю, что другая точка зрения имеет право на существование./ – Каждый может ошибаться, и я хотел бы лучше понять ваши доводы, потому что моя позиция представляется мне справедливой.

Л.А. Шкатова, естественно, отдает предпочтение второму вари анту.

В большой работе Л.Г. Кайды анализируются важные для публи цистического текста языковые средства, позволяющие читателю не только понять текст, но и обнаружить соответствующий подтекст [19]. Список интересных наблюдений в этой области можно было бы без труда продолжить, но и упомянутых работ достаточно, чтобы понять, какой-либо единой методики в этом поиске нет. Не ставя себе целью предложить в деталях такую методику, сформулируем только ее осно ву. Полезно, на наш взгляд, идти от ясно заданной прагматической ус тановки, используя на первых порах формулировки в духе Д. Карнеги, к разным языковым способам ее существования, сразу же отсеивая те, которые могут вызвать протест адресата, а все другие распределяя по функциональным разновидностям языка и их жанрам.

Следует подчеркнуть, что создание совершенных в коммуникатив ном аспекте текстов – процесс творческий: не может быть рекомен довано готовых формул, шаблонных заготовок текстов, за исключе нием, как уже говорилось, только некоторых реализаций официально делового стиля. Более того, если бы мы задались все же целью пред ложить такие формулы, то это была бы антикультурно-речевая задача. К одной и той же цели можно с равным успехом идти разными путями, оставаясь в пределах одной функциональной разновидности. Способ ность к разнообразию в построении текстов, умение создать и утвер дить свой "речевой почерк" – важный показатель общей речевой куль туры носителя языка. Поэтому практические рекомендации по овла дению коммуникативным компонентом культуры речи должны остав лять свободу для творчества.

При разработке коммуникативного компонента встает чисто методический вопрос: как определить, какие тексты являются образцовыми и могут поэтому служить материалом для "извлечения" из них коммуникативного компонента культуры речи? При решении этого вопроса модель экспертной комиссии по определению нормы неприемлема. Оценка качества текста требует определенных лингвистических знаний и безупречного языкового вкуса. Поэтому в экспертную комиссию по оценке текста кажется целесообразным привлечь двух лингвистов и двух признанных мастеров в построении текстов определенной функциональной направленности. Что же касается интересов среднего носителя языка, то их можно учесть в формулировке вопроса, который будет предложен экспертом. Вопрос предлагается следующий: "Считаете ли Вы, что данный текст отвечает стандартным требованиям, предъявляемым к текстам данной функциональной направленности и жанра?". В этом вопросе ключевым является слово *стандартный*, что исключает завышенные требования к тексту. Вероятно, для анализа стоит брать лишь те тексты, которые получат только положительные оценки.

ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Этический компонент культуры речи предполагает решение двух разных по своей сути задач: 1) кодификация в качестве нормативных способов выражения, в том числе и формул, модальных (иллокутивных) целей общения (приказ, просьба, вопрос и т.п.), включая и способы обращения друг к другу участников коммуникации; 2) определение нормативности заимствований литературного языка из разного рода жаргонов и арго, которые уже были определены вслед за акад. Д.С. Лихачевым как средства "примитивного общения и в которых содержится множество таких компонентов, которые оцениваются как неэтические". Рассмотрим подробнее каждую из задач.

1. Этика общения не случайно в качестве основной задачи включает кодификацию способов выражения модальных смыслов, поскольку модальный смысл – это проявления "я" участников коммуникации, и в зависимости от того, как выражается это "я", зависит то, какие взаимоотношения устанавливаются между адресатом и адресантом: дружеские или официальные, уважительные или нет и т.д. Только в том случае, если этика отношений соответствует представлениям о них участников общения, – а эти представления формируются общими этическими установками общества, – общение может быть эффективным. Когда Г.П. Грайс разрабатывал свои коммуникативные постулаты, то отдавал себе полный отчет в том, что «существуют постулаты и иной природы (эстетические, социальные или моральные – такие, как, например, "Будь вежлив..")» [6, 223].

В исследовании модального этического компонента, как и при разработке коммуникативного компонента, можно надежно опереться на теорию речевых актов и на прагмалингвистические идеи. Если теория речевых актов при разработке коммуникативного компонента требо-

вала интерпретации по отношению к тексту, поскольку эта теория оперирует высказываниями, то при исследовании этического компонента эта теория работает непосредственно. Задача представляется достаточно простой. На входе в исследование вводится список модальных (иллокутивных) заданий, по отношению к ним исчисляются все языковые способы их выражения с учетом способов обращения. В число способов выражения должно быть включено и то, что в теории речевых актов получило название косвенного речевого акта [50], ср.: *Передайте мне, пожалуйста, вилку* (прямой речевой акт) и *Не могли бы вы* (вас не затруднит) *передать мне вилку* (косвенный речевой акт). Модальные значения и языковые способы их выражения, а также способы выражения обращений легко исчислимы и представляют закрытый легко обозримый список. Дальнейшая работа с этим списком состоит в том, чтобы распределить все способы по языковым разновидностям с учетом прагматических показателей. Ведущая роль принадлежит следующим прагматическим факторам: официальная/неофициальная ситуация, обычно диктующая выбор функциональной разновидности (разговорная речь или, в зависимости от тематики, один из функциональных стилей); роль в коммуникации; возраст; социальное положение; степень знакомства адресата и адресанта. Эти показатели могут оказывать разное, иногда перекрывающее друг друга, влияние на выбор этических формул.

Поясним это на таком примере. Между руководителем и подчиненным в официальной ситуации обычно обращение на "вы" и по имени и отчеству, но давнее их знакомство, приятельские отношения в неофициальной обстановке могут позволить обращение на "ты" и по "сокращенному" имени (*Миша*, а не *Михаил*) в официальной обстановке, правда в узком кругу; на больших собраниях, чтобы избежать обвинений в панибратстве, предпочтительны стандартные обращения на "вы" и по имени и отчеству. Следует заметить, что часто в определенных микроколлективах (производственных, партийных, общественных и т.п.) существует своя этика общения, которую не выносят за пределы этого микроколлектива. В одном коллективе, например, возможно обращение старших по возрасту сотрудников к младшим на "вы" и только по имени, в другом – по имени и на "ты". Естественно, что диктовать какую-то единую норму в этом случае нецелесообразно и просто бесполезно. Важно только одно: взаимное согласие относительно принятого этикета общения. Другое дело – общение в больших аудиториях. В этом случае нарушение стандартных этических правил общения недопустимо. Приведем негативный пример. Одно тогда чрезвычайно высокопоставленное лицо в телевизионной передаче обращалось к корреспонденту и к своему, также именитому, но рангом ниже, собеседнику на "ты" по имени (*Игорь, Руслан*), в то время как и корреспондент, и второй собеседник обращались к этому лицу исключительно на "вы" и по имени и отчеству (*Геннадий Иванович*). Грубое нарушение этики общения здесь несомненно, что не преминула отметить одна из газет.

Во всех спорных случаях этика общения может регулироваться той же экспертной комиссией, которая занимается кодификацией нормы.

2. Несмотря на то что литературный язык стремится изолировать себя от жаргонов и арго, полная изоляция невозможна. Границы жаргонов и литературного языка особенно часто нарушаются теми, кто одновременно является носителем литературного языка и жаргона. Пополнение литературного языка, прежде всего его лексики, за счет названных нелитературных образований – процесс реальный. Его регулирование – важная задача, решением которой "ведает" этический компонент культуры речи.

Следует отметить, что в определении понятий "жаргон" и "арго" нет единства: один и тот же объект, например язык воров, обозначают и как воровской жаргон, и как воровское арго. Существуют, однако, как кажется, вполне оправданные попытки "развести" эти понятия. Т.И. Ерофеева пишет: «Изучение арготических элементов в аспекте социально-психологической характеристики говорящих позволяет по-новому взглянуть на природу арго... Природа "языка" этого социального диалекта, появление лексических единиц в нем связаны не столько с социальными запросами, сколько с "ущербной психологией" деклассированных. Именно в этом мы видим отличие арго от жаргона, считая первое социально ограниченным типом речи, тайным и условным по отношению к остальному обществу, а второе – социально-речевым стилем, вызванным к жизни экспрессивными целями и задачами» [15, 76].

В этом различии есть рациональное зерно: цель жаргона – выделить себя и себе подобных за счет особой экспрессии выражения, часто весьма неумело и безвкусно достигаемой (достаточно в этом плане вспомнить жаргонные англицизмы типа *спикать* 'говорить', *лукать* 'смотреть' и т.п.); задачи же остаться непонятыми "рядовыми" носителями литературного языка носители жаргона обычно не ставят, одна же из основных целей арго – тайный язык. Поэтому нельзя отрицать, что в жаргонном мусоре могут попадаться и удачные находки, способные войти в литературный язык. Интересно отметить, что Т.И. Ерофеева слова типа *общага* 'общежитие', *стипа, стипуха* 'стипендия', *универ* 'университет', *мед* 'медицинский институт', *культура* 'институт культуры', *война, войнушка* 'военная подготовка' относит к студенческому жаргону [там же, 46], а Е.А. Земская подобные усеченные существительные (*пред* 'председатель', *фак* 'факультет', *диссер* 'диссертация', та же *стипа*) рассматривает как разговорные, т.е. литературные. У арготизмов шансов попасть в литературный язык намного меньше именно по этическим мотивам: ср., например, арготические эквиваленты глагола *украсть: вербануть, взять, выкрутить, наблындить* и т.п. [там же, 65]. В любом случае решать вопрос о вовлечении жаргонизмов и арготизмов в литературный язык представляется нам прямым делом той экспертной комиссии, которая предложена для определения нормы и ее кодификации.

Не следует обходить молчанием и проблему русского мата. Кажется очевидным, что любая экспертная комиссия воспротивится допуску этого языкового феномена в литературный язык, несмотря на его широчайшее распространение среди людей, находящихся за гранью носителей литературного языка. Однако ситуация не столь проста, как

кажется. Вот один из симптоматичных примеров. «18 августа... 16.50 – Форос (дача Президента в Крыму): сюда прибыла группа заговорщиков, с ними начальник управления Комитета госбезопасности Плеханов, потребовав от Президента сложить свои полномочия. Как сообщает газета "Коммерсант" со ссылкой на народного депутата РСФСР В. Лысенко, Михаил Горбачев назвал их мудаками. Позже Президент не опроверг это, но уточнил, сказав, что послал их туда, куда обычно посылают русские люди» ("Союз", специальный выпуск, август 1991 г.).

Вероятно, можно констатировать, что в некоторых замкнутых, по преимуществу мужских, микроколлективах, члены которых, выходя за свой круг, показывают себя достаточно компетентными носителями литературного языка, сквернословие считается особым шиком. И, разумеется, никакие запреты Службы языка не способны повлиять на это общение "в узком кругу". Задача науки – обратить внимание на существование такого явления, все остальное – дело общественности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее. Мы попытались представить достаточно полную и цельную теорию культуры речи как особой лингвистической дисциплины. Эта теория строилась не как "нечто в себе", а на общем фоне развития современной лингвистики с привлечением многих понятий и разработок из смежных дисциплин и теорий: теории литературного языка, функциональных лингвистических исследований, теории речевых актов, исследований лингвистической прагматики, социолингвистики и пр. Мы отдавали себе полный отчет в том, что такая широкая опора на достижения современной лингвистики таит в себе опасность создания не единой непротиворечивой теории культуры речи, а некоторого эклектичного набора разных концепций и методов. Как уже говорилось, мы видели единство предложенной теории культуры речи в ее ориентации на одну цель – эффективность общения, достижение которой возможно для среднего носителя языка. Однако удалось ли нам избежать указанной опасности – судить читателю.

Несколько слов о логике дальнейшего развития монографии. В последующих главах части I "Теоретические основы культуры речи" сделана попытка детализировать тот общий научный фон, на котором строится теория, и дать всестороннее исследование некоторых ключевых для теории культуры речи понятий. Далее в соответствии с принятым определением культуры речи на конкретном материале разрабатываются пути анализа нормативного и коммуникативного компонентов культуры речи, а также определяются перспективные методы ее исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.

2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с фр. М., 1955.

3. *Верещагин Е.М.* Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и

культуры // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. науч. конф. (Москва, 20–23 мая 1991 г.) Доклады. М., 1991. Ч. 1.

4. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.

4а. *Гаузенблас К.* Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

5. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.

6. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

7. Грамматика и норма. М., 1977.

8. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.

9. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.

10. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1978.

11. *Гурвич С.С., Погорелко В.Ф., Герман М.А.* Основы риторики. Киев, 1988.

12. *Девятайкин А.И.* Устная речь писателей и ученых. Саратов, 1992.

13. *Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкенберг Ж.М.* и др. Общая риторика: Пер. с фр. М., 1986.

14. *Едличка А.* Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

15. *Ерофеева Т.И.* Опыт исследования речи горожан. Свердловск, 1991.

16. *Ерофеева Т.И., Скитова Р.Л.* Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 1992.

17. *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы общения // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.

18. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

19. *Кайда Л.Г.* Эффективность публицистического текста. М., 1989.

20. *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

21. *Карнеги Д.* Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить. [Б. м.:] Дело, 1990.

22. *Касаткин Л.Л.* Русские диалекты и языковая политика // Рус. речь. 1993. № 4.

23. *Кожина М.Н.* Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте // Stylistyka. 1992. № 1.

24. *Конрад Н.И.* О "языковом существовании" // Японский лингвистический сборник. М., 1959.

25. *Кохтев Н.Н.* Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992.

26. *Кохтев Н.Н.* Основы ораторской речи. М., 1992.

27. Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994.

28. *Лаптева О.А.* О грамматике устного высказывания // ВЯ. 1980. № 2.

29. *Лаптева О.А.* Дискретность в устном монологическом тексте // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. М., 1982.

30. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

31. Литературная норма и просторечие. М., 1977.

32. *Лихачев Д.С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремного лагерно-блатного жаргона... [Б.м.:] Края Москвы, 1992.

33. *Лотман Ю.М.* Риторика // Учен. зап. Тартуского ун-та / Труды по знаковым системам. 1981. Т. 12, вып. 515.

34. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

35. *Матвеева Т.В., Шкопоров Н.Б.* Связь с аудиторией в телекоммуникации. М., 1990. Ч. 1: Теоретическая концепция.

36. *Матвеева Т.В., Шкопоров Н.Б.* Связь с аудиторией в телекоммуникации. М., 1991. Ч. 2: Прикладные исследования.

37. *Мико Ф.* Характер разговорности и разговорного стиля // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.
38. *Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
39. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
40. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 1983.
41. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы. М., 1964.
42. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964.
43. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.
44. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964.
45. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения. М., 1964.
46. *Панов М.В.* О литературном языке // Рус. яз. в нац. шк. 1972. № 1.
47. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
48. Русское литературное произношение и ударение. М., 1959.
49. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
50. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.
51. *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь. М., 1983.
52. Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985. Т. 1.
53. Терминология и норма. М., 1972.
54. Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1983.
55. *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики // Избранные труды. М., 1970. Т. 1.
56. *Ширяев Е.Н.* Соотношение знаков препинания в бессоюзном сложном предложении // Современная русская пунктуация. М., 1979.
57. *Шкатова Л.А.* Речевые формулы спора // Рус. речь. 1991. № 5.
58. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
59. Языковая норма и стилистика. М., 1977.
60. Языковой облик уральского города: Сб. науч. трудов. Свердловск, 1990.
61. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1970.
62. *Bantmgärtner K.* Für Syntax der Umgangssprache in Leipzig. B., 1959.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

(в нормативном и коммуникативном аспектах)

Исследования в области культуры русской речи имеют у нас богатые и давние традиции, восходящие к трудам М.В. Ломоносова по грамматике, риторике и поэтике, ораторскому искусству, теории прозы и стихосложения. "Российская грамматика" М.В. Ломоносова и его "Риторики" заложили основы нормативной грамматики и стилистики русского языка. Работа эта была продолжена рядом замечательных

русских языковедов – А.Х. Востоковым, Ф.И. Буслаевым, К.С. Аксаковым, Я.К. Гротом, А.А. Потебней и др.

Акад. С.П. Обнорский не без оснований полагал, что "основной костяк выдвинутых Ломоносовым норм языка определил дальнейшие судьбы его развития, пережил эпоху творческой деятельности Пушкина и служит живой основой нашего современного языка" [23].

Надо сказать, что русские языковеды XIX в., периода расцвета сравнительно-исторического метода лингвистических исследований, во многом отошли от теоретических проблем стилистики и культуры речи, широко очерченных еще Ломоносовым. Появившиеся тогда пособия и грамматики нередко носили запретительно-пуристический характер и в своих практических рекомендациях противоречили духу народного словоупотребления, языковому чутью образованных и демократически настроенных представителей русского общества.

В среде русских языковедов XIX – начала XX в. довольно популярной была точка зрения акад. А.А. Шахматова, который считал (с позиций исторических и объективно-лексикографических), что борьба с узаконенной употреблением ошибкой бесплодна и что само дело нормализации языка совершенно чуждо академической науке. "Странно было бы вообще, – отмечал он, – если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать к а к говорят, решалось указывать, как н а д о говорить" [28, 33].

В дореволюционный период выпускались лишь небольшие по объему "словари неправильностей" (В. Долопчева, К. Зеленецкого, И. Огиенко и др.), преследовавшие чисто практические цели. Едва ли не единственное исключение составила книга В.И. Чернышева "Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики" (1909 г.; 2-е и 3-е изд. – 1913–1915 гг.). Этот обобщающий труд оказал заметное влияние на развитие теории и практики культуры русской речи в последующие годы. Основанная на большом фактическом материале, извлеченном из произведений русских писателей и публицистов XIX – начала XX в., книга В.И. Чернышева не имеет себе равных, а в важнейших своих рекомендациях сохраняет актуальность и в наше время.

В послереволюционные годы проблемы нормализации русского языка были выдвинуты на передний край лингвистической науки. Это было прямо связано с общественными потребностями того времени: ликвидацией неграмотности, распространением образования, созданием учебников и словарей, с задачами приобщения широчайших народных масс к достижениям русской и мировой культуры.

Интенсивные изменения в русском языке послереволюционной эпохи, их связь с изменениями в самом обществе, актуальные потребности языкового строительства – все это способствовало пробуждению интересов лингвистической науки к проблемам культуры речи, нормализации русского литературного языка нового времени. Прошедшие в 20-е годы острые общественные дискуссии о языке (под названием "Язык революции или революция языка?") показали со всей очевидностью, что без нормированного языка не может быть образованной

нации, быстрой технической и культурной революции. В это время появились работы А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, С.П. Обнорского, Г.О. Винокура и других исследователей. В 30-е годы прошла общественная дискуссия о диалектизмах в языке художественной литературы, в которой принял участие А.М. Горький.

В 50–60-е годы к вопросам культуры русской речи проявляется все более возрастающий общественный и научный интерес. Многие языковые тенденции и процессы определились к этому времени достаточно четко, а другие дали заметный результат (это относится, например, к расширению нормативной базы литературного языка, к заимствованиям из территориальных и социальных диалектов, из просторечия, из других языков, а также к росту профессионального и терминологического слоя лексики в системе литературного языка и др.). В связи с этим уточнялись научные принципы культуры речи: объективная и нормативная точки зрения на язык, строгое разграничение в теории и на практике кодификации (как нормализаторской деятельности языковедов) и нормы (как объективно-исторического явления) и мн. др. В эти годы появились работы Р.И. Аванесова, В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.И. Ожегова и других языковедов, имевших важное теоретическое и практическое значение. Была издана академическая "Грамматика русского языка" (М., 1952–1954. Т. 1, 2), вышел в свет "Словарь современного русского литературного языка" (М.; Л., 1950–1965. Т. 1–17). Большое значение для теории и практики культуры речи имела непериодическая серия сборников "Вопросы культуры речи" под ред. С.И. Ожегова (М., 1955–1957. Вып. 1–8), деятельность созданного им в системе Академии наук сектора (теперь отдела) культуры русской речи.

В последние десятилетия культура русской речи переживает становление как самостоятельная научная дисциплина со своим предметом и объектом исследования, целями и задачами, методикой и приемами научного исследования и описания материала (см., например, [1; 7; 27; 9; 12; 13; 16; 6]). Культура речи становится предметом вузовского и школьного преподавания (см. составленную проф. Б.Н. Головиным программу курса "Основы культуры речи" для филологических факультетов государственных университетов, а также учебные пособия, например [5; 11; 8; 3]).

В области культуры русской речи в последние годы наиболее успешно развивались следующие теоретические направления: 1) вариативность норм; 2) функциональность в оценках нормативного характера; 3) соотношение внеязыковых и собственно лингвистических факторов в становлении, развитии и функционировании литературных норм на разных языковых уровнях; 4) место и роль литературно нормированных элементов в структуре национального языка; 5) культура речи в условиях двуязычия и многоязычия; 6) коммуникативный аспект культуры речи и нек. др.

Центром внимания исследователей становится функциональный подход к проблемам правильности и нормативности. Именно этот подход позволяет превратить культурно-речевую деятельность из прос-

того (и неминуемо субъективного и ограниченного) "запретительства" в позитивную программу лингвистического воспитания, выработки у говорящих и пишущих языкового чутья, вкуса, умения наилучшим образом пользоваться языком в различных условиях коммуникации. Теоретической и фактической базой такой деятельности являются исследования в области функциональной грамматики и стилистики, работы, посвященные структуре современных норм, описанию их функционирования, изменения и варьирования, активное обращение к достижениям публичного красноречия и риторики.

Внимание языковедов в наше время привлекают теоретическое осмысление и исследование самого понятия литературной нормы как совокупности диалектических свойств: устойчивости и подвижности, историчности и изменчивости, строгой однозначности и функционально-стилистической обусловленности и т.п. При изучении литературной нормы и ее структуры выдвигается динамический аспект ее понимания и объективной оценки. С позиций динамического подхода норма – это не только результат речевой деятельности, закрепленной в памятниках письменности, культуры, но и создание инноваций в условиях их связи с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, и с реализованными, устоявшимися образцами – с другой (см. [27]).

Изучение литературной нормы в ее современном состоянии проводится на разных языковых уровнях, закрепляется в лексикографических изданиях. См., например, "Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы" (под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд. М., 1989), "Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка" (под ред. К.С. Горбачевича. Л., 1973), "Словарь трудностей русского языка" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (6-е изд. М., 1987), "Словарь русского литературного словоупотребления" (под ред. Г.П. Ижакевич. Киев, 1987), известный однотомный "Словарь русского языка" проф. С.И. Ожегова, преследующий строго нормативные цели (21-е изд. М., 1989), и созданный на его основе "Толковый словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1992).

В последние десятилетия была выдвинута новая теоретическая и методическая проблема – изучение возможностей статистического метода и его практического применения в качестве инструмента исследования и вспомогательного принципа объективной нормативной оценки языкового материала (особенно в области грамматических вариантов). В отделе культуры русской речи Института русского языка АН СССР издан частотно-стилистический словарь "Грамматическая правильность русской речи" Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича и Л.П. Катлинской (М., 1976). В области культуры речи статистика выступает как важный дополнительный метод описания и оценки в тех многочисленных случаях, когда о вариантах ничего (или почти ничего) нельзя сказать в плане их смысловой или стилистической дифференциации (например: *в адрес – по адресу, с помощью – при помощи, внештатный – нештатный* и мн. др.). Статистический метод помогает сделать более убеди-

тельными выводы и рекомендации нормативного и прогнозирующего характера.

Языковеды-русисты приняли активное участие в ряде общественных дискуссий о русском языке последних лет (в газетах и еженедельных изданиях, в научно-популярном журнале "Русская речь" и др.). В современных спорах речь идет о судьбе иноязычных заимствований, о чистоте и ясности научного стиля, о диалектных, профессиональных и просторечных элементах в языке художественных произведений, о штампованности письменной и устной речи, стилистическом снижении публичной речи, о состоянии русского языка в современную эпоху и т.п. В общественных дискуссиях и спорах о языке еще раз подтверждается положение о том, что литературная норма является одновременно и собственно языковой, и вместе с тем ярко выраженной социально-исторической категорией, что любое общество далеко не безразлично к тому языку, на котором оно говорит.

Таким образом, новейший этап исследований по культуре русской речи связан с развитием новых тем и новых подходов к теории культуры языка, а также с практическими организационными мероприятиями. Современный подход к проблемам культуры речи учитывает широкий круг вопросов, связанных с функционированием и эволюцией русского литературного языка и его норм в структуре языка нации. Он устанавливает внутренние связи между повышением речевой культуры общества с развитием национальной культуры (в историческом и современном аспектах), научно анализирует процессы, происходящие в современной речевой практике, способствует совершенствованию современного русского литературного языка с учетом его многообразных общественных функций.

Норма языка – центральное понятие теории культуры речи. Вместе с тем это одна из сложнейших проблем, многомерность и разноплановость которой определяются факторами объективно-историческими, культурно-социологическими и собственно лингвистическими, т.е. внутриязыковыми.

Заслугой представителей Пражского лингвистического кружка (ПЛК) явилось пристальное изучение языковой нормы как понятия функционального, лингвосоциологического и конкретно-исторического. Норма определялась ими как совокупность структурных средств, регулярно употребляемых определенным (образованным) языковым коллективом. Наблюдения над изменчивостью нормы во времени и над ее функциональной вариативностью позволили представителям ПЛК в целом правильно осмыслить ее диалектическую сущность и собственно языковую природу. Б. Гавранек предложил рассматривать норму как обязательность в сфере деятельности, направленную на то, чтобы достигнуть наилучших результатов в сфере реальности [35]. В этом определении обращают на себя внимание такие его составляющие, как обязательность, социальная обусловленность (сфера деятельности), достижение коммуникативных целей (наилучших результатов), объективность (сфера реальности). Дальнейшие уточнения понятия нормы чешскими лингвистами проходили в плане четкой дифференциации

понятий "узус" (сложившийся речевой обычай) и "литературный язык", а также в условиях строгого и последовательного разграничения понятий "норма" (объективные правила, реализующиеся в речевой деятельности) и "кодификация" (т.е. установление и описание этих правил, закрепление их в языковедческих пособиях и справочниках; см. материалы книги [26]).

Структурная лингвистика, восходящая в своих идеях и положениях к учению Ф. де Соссюра, выдвинула на первый план соотношение нормы и системы (или структуры) языка. Наиболее последовательно это проявилось в теоретических построениях Л. Ельмслева и Э. Косериу. По Ельмслеву, узус вместе с актом речи и схема отражают реальности. "Норма же представляет собой абстракцию, искусственно полученную из узуса. Строго говоря, она приводит к ненужным усложнениям и без нее можно обойтись" [37, 65]. Э. Косериу, развивая схему Ельмслева, определяет норму как систему обязательных реализаций, принятых в данном коллективе и данной культурой. Уровень нормы включает, по Косериу, лишь "обязательные реализации", т.е. характеризуется известной статичностью. Норма у него соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже было сказано и что по традиции говорится (воспроизводится) в рассматриваемом обществе [34].

Между тем о творческом характере речевой деятельности, о постоянном создании в процессе говорения новых слов и форм (наряду с использованием готовых) писал Л.В. Щерба: "Совершенно очевидно, что хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про всё, нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями... не только употребляем слышанные сочетания, но и постоянно делаем новые" [32, 24].

Преодолевая противоречия схем Ельмслева и Косериу, исследователи предлагали ввести широкое и узкое понимание нормы, абсолютизировали "амплитуду колебания", выдвигали функциональный по своей природе "принцип коммуникативной целесообразности" [18], определяли норму через "систему норм, варьирующихся от случая к случаю" и т.п. Сущность всех этих уточнений сводилась к тому, чтобы в общей схеме "уровней" дать более адекватное описание явления, выделяемого в качестве нормы, преодолеть конфликт статики и динамики в ней.

Мнимый конфликт статики и динамики в норме порожден, как представляется, традиционно сложившимся распределением этих свойств в синхронии и диахронии языка (в соответствии с требованиями и взглядами Ф. де Соссюра). Преодолеть этот конфликт возможно, если включить в синхронию и статику (т.е. сеть таксономических отношений), и динамику (т.е. порождение высказываний, функционирование единиц языка). Известно, что И.А. Бодуэн де Куртенэ считал статику (т.е. законы равновесия языка) всего лишь частным случаем динамики (т.е. законов исторического движения языка).

В "Тезисах Пражского лингвистического кружка" (1929) делается специальная оговорка о том, что "нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала Женевская школа... И синхроническое описание не может целиком исключить понятие эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что существующая стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования" [26, 18]. В самом деле, из синхронного описания языка не могут быть исключены ни лексические (или стилистические) архаизмы, ни устаревающие варианты орфоэпической или грамматической нормы и т.п.

Идея динамичности нормы в обобщенном виде присутствует в описании Л.В. Щербой структуры восточнолужицкого языка. "Вообще я старался схватить язык в его движении: выдвинуть на первый план твердые нормы, находящиеся в светлой точке языкового сознания, а затем показать, с одной стороны, умирающие, а с другой стороны – нарождающиеся нормы, находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях" [31, 8–9]. В этом рассуждении Л.В. Щербы в неявном виде присутствует понятие о системном и нормативном уровнях языка; в нем содержится важное в лингвистическом (и лингвопсихологическом) отношении положение о "светлом поле" (или "точке") языкового сознания – то, что мы сейчас могли бы назвать ядерной частью нормативной системы (в отличие от неядерных, или периферийных, ее частей).

Элементами динамизма характеризуется известное определение нормы, предложенное проф. С.И. Ожеговым: «Норма – это совокупность наиболее пригодных ("правильных", "предпочитаемых") для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [24, 15]. В этом определении особенно важно подчеркнуть исторический (и непрерывный во времени) характер литературных норм, их системную упорядоченность (совокупность) и, наконец, вариативность и динамичность их порождения и функционирования в условиях постоянной социальной корректировки (оценки).

Культура речи и норма как ее важнейший элемент могут быть осмыслены и осмысливаются с разных точек зрения: социолингвистической, психолингвистической, коммуникативно-стилистической, учебно-педагогической, художественно-эстетической и др. (см., например, [25; 20; 6]).

Изменения норм происходят вместе с общими изменениями языка, но обладают специфическими свойствами. Специфика эта вытекает, в частности, из шкалы переходных ступеней между нормативным и ненормативным (устарелым, устаревающим, допустимым без оговорок, возможным в тех или иных условиях общения и т.п.), от степени осознанности ее носителями литературной речи.

В условиях литературного (нормативного) общения мы можем не замечать ошибок в своей и чужой речи, если эти ошибки социально обоснованы и их возможности, по словам Л.В. Щербы, заложены в данной языковой системе. Ощущение нормы, как и сама норма, отмечал Щерба, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий: наличия, например, сосуществующих вариантов, возможности их сравнения и оценки, от практической важности нормы для носителей языка и т.п. В ряде случаев нормативными могут быть колебания, объективно существующие в языке. В этом случае нормой оказывается граница этих колебаний (см. [32]).

Литературные нормы различаются по степени "крепости" в разных ярусах языка и варьируются в разных условиях общения (ситуациях речи, коммуникации). В области орфоэпии, например, система практически целиком определяет норму. Отсюда возникает понятие образца, идеала для сферы произношения. Очень часто такой идеал оказывается в прошлом (для русского языка долгое время им считалось так называемое старомосковское произношение, культивировавшееся в театрах и на радио). В области лексики система не находится в таком тождественном отношении к норме. Отсюда понятие не столько "образцовости", сколько правильности, точности, смысловой и стилистической уместности слова в высказывании, в контексте и т.п. Содержательный план здесь отчетливо преобладает над планом выражения. В области грамматики отношения строятся иначе. На первый план выступают критерии моделей и образцов и соответствия им сомнительных реализаций. Немотивированность фразеологических сращений приводит к довольно жесткому условию простой воспроизводимости и т.п.

Что касается варьирования нормы в разных условиях общения, то здесь заметную роль играет этический фактор. Например, в общении незнакомых или малознакомых людей правильность – в смысле образца – перекрывается требованиями этики (неудобно поправить собеседника, перебить его, поскольку смысл сказанного понятен). В то же время для тесного контактного общения характерна гораздо большая строгость к языковым ошибкам и неточностям говорящих.

В ряде работ отечественных языковедов выдвигается понятие стилистической (или стилевой) нормы как сосредоточения всех функционально-стилевых требований к речи. Так, А.Н. Кожин говорит о предмете стилистики как учении о словесном мастерстве, о наиболее удачных способах использования языковых средств, о лучших образцах речевой культуры. Если объектом стилистики является изучение стилей языка и речи, то объектом культуры речи оказываются исследования коммуникативных качеств речи в их совокупности и системе. При этом коммуникативные качества речи обретают свою определенность именно в стилистике – источнике, который питает культуру речи (см. [14]).

В работах В.Д. Бондалетова и М.Н. Кожиной дается понятие о стилевых и стилистических нормах в ряду других литературных норм на других языковых уровнях и во взаимоотношении с нормами общеязыковыми. Особое внимание при этом уделяется функциональной

природе нормы, учету соответствия плана выражения экстралингвистической его основе.

Стилистическая норма, по Бондалетову, относится к общеязыковой, как частное к общему. Их нельзя противопоставлять, но нельзя и отождествлять. В любом функциональном стиле удельный вес межстилевых средств значительно превосходит долю собственно стилевых средств. Таким образом, каждый стиль реализует прежде всего общеязыковые, или межстилевые, нормы – орфоэпические, орфографические, лексико-фразеологические, грамматические (морфологические и синтаксические). Стилистическая норма связана со всеми стилями, но каждый стиль своеобразен и неповторим: в нем свое сочетание межстилевых и ограниченно-стилевых (в том числе и оригинально-стилевых) средств. Поэтому каждому стилю присущи свои функционально-стилевые нормы, которые, с одной стороны, конкретизируют общеязыковые нормы, а с другой – расширяют и обогащают их. Более того, каждый из стилей имеет свои критерии правильности, точности и эстетичности (красоты) – основных качеств хорошей речи. "Норма стиля – это средоточие всех функционально-стилистических требований к речи" [2, 37].

Из сказанного понятно, что стилевые нормы детальнее, чем общеязыковые, они строже и тоньше их. Но одновременно они и свободнее, чем первые, и в большей мере дают простор для индивидуального творчества. Функционально-стилевые нормы – это нормы реального использования языка в данной сфере общественной жизни и одновременно правила, а также приемы речевого творчества, отвечающие конкретным задачам коммуникативного характера.

Стилевые нормы, по мысли автора, касаются трех основных параметров стиля: отбора языковых средств, правил их сочетаемости между собой и, наконец, соотношений или пропорций (включая и частотность) межстилевых и собственно стилевых языковых явлений. Ко всем стилям предъявляется общее требование – наилучшим образом обслуживать соответствующие им сферы человеческой деятельности. Стиль должен быть таким, чтобы использованные в нем средства и их организация давали необходимый коммуникативный эффект.

В пределах каждого стиля – своя система норм, своя степень их строгости и свободы, а также свои критерии правильности, точности и эстетичности. Например, правильность официально-делового стиля – это следование лучшим образцам, соблюдение необходимого в документах стандарта. Правильность научного стиля – последовательность и логичность, доказательность изложения. В публицистическом стиле правильность состоит в подборе самых нужных, доходчивых и выразительных средств. Свои критерии правильности, точности и красоты есть и у обиходно-разговорного стиля. Его правильность – это соответствие не письменным, а устным, т.е. с поправкой на разговорность, нормам языка. Известные "вольности" здесь вполне допустимы, поскольку как бы нейтрализуются непосредственным контактом участников речи, живостью интонации, а также мимикой и жестами (паралингвистический аспект). Точность разговорного стиля колеблется от

строгой точности научного стиля до приблизительного обозначения предмета мысли первым попавшимся словом (ведь в случае неясности собеседник всегда может переспросить и получить разъяснения). Что касается красоты разговорного стиля, то она состоит в богатстве живых интонаций, в "творимости" речи на глазах у слушателя, а также в общей эмоциональности, в мотивированности отступлений от книжного стандарта и даже нарочитого "отталкивания" от него.

Вопрос о стилистической норме, по мнению М.Н. Кожиной, тесно связан с вопросом соотношения культуры речи и стилистики, так как именно первая область исследований имеет дело прежде всего с понятием языковой нормы. Правда, границы этих дисциплин не определены достаточно ясно, и эти науки порой просто отождествляются. Если предметом культуры речи считать не только правильность, но и в известном смысле искусство речи, то стилистика включается в культуру речи.

Применительно к функциональной стилистике "стилистические нормы – это исторически сложившиеся и вместе с тем закономерно развивающиеся общепринятые реализации заложенных в языке стилистических возможностей, обусловленные целями, задачами и содержанием речи определенной сферы общения; это правила наиболее целесообразных в каждой сфере общения реализаций принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию" [15, 96].

Функционально-стилистические нормы, полагает М.Н. Кожина, имеют более свободный характер, чем общеязыковые, однако эта свобода относительна. Степень допустимости отхода от сложившихся правил организации речи меняется в зависимости от того, какое место – центральное или периферийное ("межстилевое") – имеет данное высказывание (текст). В первом случае нормы строже и определеннее, во втором – свободнее, вариативнее. Однако эта свобода экстралингвистически и коммуникативно-прагматически обусловлена, хотя и оставляет необходимый простор для творческих возможностей.

В традиционной "стилистике ресурсов", продолжает автор, понятие нормы обычно связано с представлением о единстве стиля – недопустимости столкновения в узком контексте средств с разными, контрастными стилистическими маркировками. Для современного речеупотребления такая строгость стиля имеет весьма относительный характер, хотя, как правило, сохраняет еще свою силу. Так, например, нежелательно и даже недопустимо заполнять разговорную речь книжными высокими словами или канцеляризмами либо, напротив, научную или деловую – разговорными. Однако как только мы переходим к рассмотрению функционирования языка в его многообразных конкретных проявлениях, то определять и оценивать речь должны со стороны функциональной. А это означает, что и в употреблении средств, и в оценке стиля главным будет фактор коммуникативной целесообразности в конкретной сфере общения, речевой ситуации с учетом целей и задач общения, содержания высказывания, его жанра и т.д.

Таким образом, делает вывод М.Н. Кожина, критерий соответ-

ствия или несоответствия высказывания стилистическим нормам должен быть гибким и глубоко функциональным. Следует помнить о том, что если общеязыковым нормам (на уровне правильности) свойственна вариативность, то тем более присуща она нормам функционально-стилистическим. Ведь нередко и сами задачи общения могут требовать генетически разностильных средств. Но это не будет нарушением стилистической нормы с точки зрения функциональной, если только такая речевая организация коммуникативно целесообразна.

Функциональное осмысление культуры речи и связанных с нею практических проблем нормализации восходит к деятельности чешских языковедов, представителей Пражского лингвистического кружка и их современных продолжателей, исследующих проблемы речевой коммуникации, совершенствования литературного языка, теории языковой культуры, перспективы осуществления языковой политики, опирающейся на строгую и добротную научную основу. В связи с этим есть потребность остановиться на их работах более подробно. При этом в необходимых случаях будут привлекаться материалы исследователей из других зарубежных научных центров (Германии, Польши, Венгрии, Болгарии и др.). Особый раздел обзора будет посвящен теории "языкового существования" (Япония).

Культура речи, кодификация, как отмечает акад. Б. Гавранек, появились как научные проблемы лишь тогда, когда язык начали рассматривать в качестве средства для достижения определенной цели, когда провели различие между высказываниями и системой языка (см. [36]). Разграничивая норму как целиком внутриязыковое явление и кодификацию как явление внеязыковое (описание нормы в учебниках), Б. Гавранек определяет языковую норму как систему языка, взятую в плане ее обязательности, с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка.

В тезисах ПЛК "Общие принципы культуры языка" (1932) пражские языковеды предложили ряд общих положений для теоретического нормативного вмешательства в практику литературного употребления:

1. Подобное вмешательство должно поддерживать стабилизацию литературного языка и никоим образом не нарушать ее, если язык уже добился успехов в этой области.

2. Целью теоретического вмешательства является не архаизация и не насильственное сдерживание развития литературного языка, а стремление к стабилизации, которое определяется целесообразностью (функциональная точка зрения), вкусом данной эпохи (точка зрения общеэстетическая) и соответствием подлинному состоянию современного литературного языка (синхронная точка зрения).

3. Это вмешательство не должно насильственно углублять различия в грамматическом строе разговорного и книжного языка, если речь идет не о функциональном использовании именно этих различий.

4. Было бы странно, если бы в результате теоретического вмешательства из литературного языка устранялись все колебания и все грамматические и лексические дублеты (грамматическая и лексическая синонимия); это и нецелесообразно, так как, с одной стороны, стрем-

ление к стабилизации литературного языка не должно приводить к его нивелировке, т.е. к устранению необходимого функционального и стилистического разнообразия литературного языка, а с другой стороны, оно не должно подвергать литературный язык опасности лишиться средств, устраняющих утомительное повторение там, где это повторение не является намеренным, т.е. средств стилистической диссимиляции.

В этих принципиальных положениях особое внимание привлекает тезис о трех подходах к стабилизированной норме (функциональном, общеэстетическом и синхронном), а также тезис 4-й о колебаниях и вариантах ("дублетах", синонимах), представляющих существенную черту любого литературного языка.

Преодолевая взгляды носителей пуристических тенденций (в публикациях журнала "Наша речь" – его главного редактора Й. Галлера), представители ПЛК в 30-е годы выдвинули и применили функциональный подход к исследованию литературного языка и сформулировали широкие взгляды на проблематику культуры речи (работы В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека и др.).

Идеи ПЛК нашли поддержку в других европейских странах, прежде всего славянских (труды Д. Брозовича, П. Ивича, Л. Йонке, Д. Буттлер и др.). В дальнейших исследованиях проблем литературного языка, его норм и кодификации, стилистической дифференциации, коммуникативного употребления и др. традиции и достижения ПЛК получают развитие в соответствии с новыми задачами и социально-культурными потребностями.

Теория литературного языка в 70–80-е годы была ориентирована на проблематику так называемой языковой ситуации, социальной и территориальной его дифференциации, различные аспекты совершенствования литературных языков, теории языковой культуры, теории языковой коммуникации и характера ее норм.

В монографии А. Едлички "Литературный язык в современной коммуникации" (1978) предметом описания и исследования является современный литературный чешский язык. Под современным языком автор понимает литературный язык, носители которого являются представителями поколений, живущих во временной период, который мы называем современным. В общем, можно говорить о представителях трех живущих поколений (соответственно источником для изучения служат тексты и вообще любые языковые реализации за последние 50–60 лет). Языковое сознание носителей языка (участников коммуникации) в соответствии с принадлежностью к тому или другому поколению, безусловно, различно: "...решающее центральное положение занимает языковое сознание среднего поколения (35–50 лет); у представителей более старшего поколения следует считаться с существованием пережиточных элементов более старой нормы и с вытекающей отсюда отличающейся оценкой более новых элементов языка, или инноваций; языковое сознание младшего поколения характеризуется большим количеством инноваций, чем также обусловливается их оценка других элементов в норме и в языковых реализациях" [38, 39]. Обращение к

языковому сознанию (и к осознанию литературных норм) живущих в настоящее время поколений является необходимым дополнением для изучения динамики современного языка и уточнением при подтверждении центрального или периферийного положения тех или иных языковых явлений (сравнительные различия в сознании трех поколений).

В характеристике литературного языка в данный период отправным пунктом может служить языковая ситуация в целом, а также положения литературного языка в этой ситуации. Речь при этом идет об отношениях литературного языка с другими образованиями и формами национального языка, функционирующего в данном языковом (национальном) сообществе. Языковая ситуация определяется социальными и коммуникативными условиями; таким образом, лингвистическая проблематика оказывается связанной с социолингвистической, а в более узком смысле – с проблематикой теории коммуникации.

Новая теория литературного языка, по замечанию А. Едлички, выработала понятие языковой культуры, прежде всего в смысле совершенствования литературного языка со стороны языковедческой теории, а при дальнейшей разработке выделила также понятие культуры речи, т.е. культуры выражения и передачи мыслей. Состояние языка в тот или иной период и уровень языковой практики (языковая коммуникация), равно как и активная теоретическая и практическая деятельность в области языковой и речевой культуры, становятся необходимым дополнением характеристики литературного языка.

Понятие языковой ситуации связано, в свою очередь, с тремя исходными понятиями: языковое (или коммуникативное) сообщество, языковая коммуникация и языковое целое. Проблематика современной языковой ситуации довольно сложна, что связано с меняющимися социальными условиями коммуникации в современном обществе (изменения в социальном составе носителей отдельных языковых норм) и с меняющимся характером коммуникации (меняются сами границы коммуникативных сфер и их расслоение, возрастают доля и значение разговорных реализаций в современной публичной коммуникации, значительную роль играют средства массовой информации и коммуникации и т.п.).

Понятие и термин "языковая культура", отмечает в своем исследовании А. Едличка, в чешской лингвистике с самого начала трактовались в разных аспектах, но прежде всего – и в этом состоял главный вклад лингвистики 30-х годов – как языковая деятельность, как сознательная, целенаправленная забота о литературном языке. При этом, однако, не упускалась из вида и цель этой деятельности – сам культивируемый язык, культура языковых высказываний носителей языка и в конечном счете языковая культура тех, кто пользуется литературным языком. Эта многоаспектность понятия и многозначность термина привели к тому, что в чешской и словацкой лингвистике появились в последние десятилетия попытки дифференцировать различные аспекты, содержащиеся в первоначальном широком понимании языковой культуры. С одной стороны, были выделены уровень языка и

уровень речи, а с другой – состояние и деятельность. В связи с этим стало возможным говорить о языковой культуре (т.е. о состоянии языка, его системе и норме с учетом коммуникативных задач, ему свойственных и им выполняемых) и о речевой культуре (т.е. о состоянии и уровне выражения и коммуникации в данный период и в данном обществе), а также о культивировании (совершенствовании) языка и языковых высказываний.

Основная задача лингвистики состоит в культивировании литературного языка, основанном на глубоком знании современного языка в указанных аспектах. Эта деятельность сосредоточена в ведущих научных учреждениях, занимающихся изучением национальных литературных языков. Совершенствование языковых высказываний – дело всех членов языкового сообщества. Оно обеспечивается школой и теми учреждениями, которые заботятся об образовании взрослых членов общества и о так называемом внешкольном образовании. Именно поэтому частью языковой культуры в широком смысле слова является и языковое воспитание, которое следует отграничить от языкового обучения.

Целью языкового обучения является сознательное практическое овладение литературным языком, основанное на изучении его системы и закономерностей, определяющих его норму. Целью и смыслом языкового воспитания является выработка такого отношения к языку, к языковым проблемам и явлениям, которое совпадает с современным научным знанием о языке.

Специальная статья А. Едлички 1982 г. посвящена проблемам типологии норм языковой коммуникации (см. [10]). В ней автор выделяет три типа основных норм языковой коммуникации: формационные, коммуникативные и стилистические.

Формационная (или системная) норма ограничена языковым компонентом. Она тесно связана с системой языка. Ее отношение к коммуникации характеризуется тем, что ее конституирующими чертами оказываются общественное признание и обязательность в данном языковом, коммуникативном сообществе. Общеобязательность литературной формационной нормы подчеркивается ее кодификацией.

Для коммуникативной (или ситуативной) нормы определяющим является отношение к процессу коммуникации. Она манифестируется не только языковыми (вербальными), но и неязыковыми (невербальными) элементами. Обусловлена она прежде всего ситуативными факторами и обстоятельствами. В отличие от литературных формационных норм коммуникативные нормы не являются кодифицированными.

Что касается стилистических норм, то они оказываются наиболее широкими по объему, поскольку не только включают языковые элементы, но и отражаются в различных компонентах – тематических, собственно текстовых и тектонических (по терминологии К. Гаузенбласа). О переходном характере некоторых языковых стилистических явлений свидетельствует то, что они охватываются кодификацией. Связь всех трех типов норм в их языковом звене очевидна именно в

области функционально-стилистических явлений. Определяющая связанность стилистических норм с текстом высказывания проявляется в том, что внутреннее членение стилистических норм может опираться на разработанную классификацию типов текста. При этом важную роль играет и функционально-стилистическая классификация: если исходить из нее, то можно прийти к определению функционально-стилистической нормы как нормы, определяющей построение высказывания (текста) в отдельных функционально-коммуникативных сферах. В рамках функционально-коммуникативных сфер имеются жанровые различия, проявляющиеся в существовании разных жанровых форм. Если посмотреть на положение стилистических норм с точки зрения взаимоотношений и иерархической организации в системе основных норм, то они представляются наиболее сложными, многослойными и многоаспектными.

Культуре языкового общения и связанным с нею кругом вопросов посвящена статья К. Гаузенбласа "Культура языковой коммуникации", опубликованная в 1979 г. (см. [4]). К области культуры речи в широком смысле слова автор относит наряду с "культурой речи (как системой средств)" обязательно также и "культуру языкового общения, коммуникации", проявляющуюся в отдельных актах коммуникации. Среди явлений, обозначаемых термином "культура речи", следует разграничивать, во-первых, заботу о языке, о его культуре и уровне общения и, во-вторых, сам этот уровень, т.е. разработанность языка или языкового общения, отдельных актов и результатов. Под культурой языкового общения понимается при этом как сам его уровень, так и забота о повышении его.

Культура языковой коммуникации, по К. Гаузенблсу, отличается от собственно культуры языка следующими чертами:

1. Культура языковой коммуникации касается двух типов действий, образующих элементы коммуникативных актов: во-первых, создания коммуникатов (т.е. языковых высказываний, текстов) и, во-вторых, восприятия и интерпретации коммуникатов.

2. Культура языкового общения (коммуникации) затрагивает коммуникативные акты и коммуникаты (тексты) как целостные элементы, в которых языковое построение связано с содержательно-тематической стороной и переплетается с совокупностью коммуникативных (и стилеобразующих) факторов, с ситуацией и другими условиями, с личностями общающихся и т.п.

3. Асимметрия между культурой общения и культурой речи заключается и в том, что в культуре коммуникации нельзя ограничиваться только одним литературным языком. Предметом заботы о языковой коммуникации должен быть не только литературный язык, но и другие разновидности языка, т.е. национальный язык в целом. Известно, например, что, пользуясь нелитературным языком, можно выражаться культурно, малокультурно и совершенно некультурно. И нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же тему нелитературным языком и выглядеть при этом более культурно, чем иной говорящий на литературном языке.

В культуре языковой коммуникации особую роль играет п р а г -

матический аспект языковых явлений, и для понимания этого требуются специальные психолингвистические исследования: необходимо осветить деятельность различных групп носителей языка в процессе языковой коммуникации с точки зрения языковой культуры. В современных развитых национальных и государственных сообществах носители языка глубоко и разнообразно дифференцированы, и это надо учитывать. Так, кроме лингвистов и учителей языка как специалистов по культуре речи существуют редакторы и корректоры издательств, а также группы профессиональных использователей языка (работники средств массовой информации – печати, радио, телевидения, документального кино; политические и общественные деятели, административные работники центральных учреждений, учителя-нефилологи, научные работники различных специальностей, журналисты; мастера слова – поэты и писатели, переводчики, артисты театра, эстрады, певцы и т.д.). До сих пор систематически не изучалось и не описывалось, каким образом действуют в обществе факторы, формирующие нормы языка и характер повседневной речевой культуры; каково, например, воздействие на более широкий круг носителей языка некоторых известных личностей, выступающих в качестве образцов (политические и общественные деятели, актеры кино, театра и телевидения, исполнители популярных песен и др.). Одной из главных задач работы в области культуры речи, справедливо полагает К. Гаузенблас, следует считать донесение до сознания всей группы профессиональных использователей языка того, что целеустремленная забота о должном языковом уровне их выступлений есть составная часть их деятельности.

В связи с прагматическим аспектом культуры речи и культуры языковой коммуникации следует остановиться на проблемах "языкового существования", разрабатываемых японскими языковедами (см. [17; 22]). Целью исследований в этой области явилась выработка принципов рационализации языка и направлений языковой политики в практических областях коммуникации. (Заметим попутно, что теоретические истоки этого прагматического направления были связаны во многом с известными исследованиями 20—30-х годов М.М. Бахтина, В.Н. Волошинова и других русских ученых; см. [21].)

Лингвистическое направление гэнго-сэйкацу ("языковое существование") возникло в послевоенный период как попытка теоретического осмысления современного этапа развития японского языка и обоснования языковой политики и практики. Оно изучает проблемы коммуникации и функционирования языка в японском обществе, вопросы рационализации коммуникаций, типологию речевых действий, основные правила их проявления и т.п. Само "языковое существование" осмысливается в целом как бытие человека, проявляющееся в его повседневных действиях, связанных с речевым общением. Исходным при этом оказывается не понятие языка (как в европейской лингвистике), а идея жизни человека.

В рамках единой теории "языкового существования" связываются представления о системе литературного языка и о возможностях ее оптимального использования в речевой практике. Японские филологи

полагают, что система литературного языка влияет на его использование, которое, в свою очередь, воздействует на систему. Изучение таких взаимосвязей (и взаимодействий) и составляет существо "языкового существования".

В 1948 г. в Японии был учрежден Государственный исследовательский институт родного языка, в задачу которого входит проведение научных исследований как по "языковому существованию" и культуре современного японского языка, так и по истории японского литературного языка, его преподаванию и его использованию в средствах массовой коммуникации.

В теории "языкового существования" исследуются проявления языка как в обществе в целом, так и в речи отдельных его носителей. В качестве единицы "языкового существования" принимается "языковой акт" (соответственно "речевой акт" и "речевое действие"). При этом четко разграничиваются говорение и слушание, написание и прочтение, языковой акт и ситуация его реализации и т.п.

Современная теория "языкового существования" разрабатывает ряд направлений, главными для которых оказываются такие вопросы, как речевое общение человека, речевые и неречевые действия, типы речевых действий (и соответствующих им правил), соотношение устной и письменной речи, классификация типов речевых действий, речевые действия в массовой коммуникации и информации и нек. др. (см. [22]). В целом японская теория "языкового существования" вносит новые аспекты в культуру языковой коммуникации, в языковую "диагностику" общества, в исследование общих и частных вопросов совершенствования литературных языков, культуры повседневного общения.

В комплексном понимании культуры речи особое место принадлежит регулятивному аспекту — деятельности языковедов по регулированию литературного языка. Представители ПЛК (акад. Б. Гавранек и др.) понимали культуру речи прежде всего как культивирование, усовершенствование литературного языка и языковых средств, как их сознательное обогащение и регулирование. В конкретных условиях того времени это было открытое выступление против позитивистского скепсиса относительно возможности успешного активного воздействия на язык. И теперь, когда время от времени вновь оживает такой скепсис (ср., например, постоянные былые утверждения русского писателя А. Югова типа "русский язык сам собой правит"), вопросы возможного регулирования языка не теряют своей актуальности. Надо заметить при этом, что представителям Пражской лингвистической школы был чужд волюнтаристский подход к языку, когда упускается из виду сложная языковая реальность и ее объективные закономерности или когда эта реальность подается искаженно и односторонне. Представители ПЛК сделали упор на глубокое познание языковой системы в ее эволюционной изменчивости, на функциональные потребности отдельных областей языкового выражения. Это создало принципиально новую научную базу для регулирования литературного языка и его средств.

Чешские и словацкие языковеды подчеркивают важность регулирующего воздействия на язык, предлагая при этом не только глубже

познавать объективные языковые закономерности, но и усваивать достижения других общественных наук (см. [19]). Теория культуры речи, будучи комплексной наукой, охватывает изучение и описание литературных языков, динамику языковых норм; социологические исследования об отношениях носителей к своему языку; изучение и описание общей языковой ситуации в данном сообществе и при данном типе литературного языка; изучение и использование имеющегося опыта деятельности в этой области.

Из достижений других общественных наук предлагается учитывать общие закономерности общественного развития; положения теории управления общественными процессами; сведения из социальной психологии, в особенности в связи с проблемами формирования языкового поведения и языкового сознания, и, наконец, сведения по общей теории культуры.

Отправным пунктом при установлении регулятивных принципов и целей у языков с длительной литературной традицией представляется такая точка зрения, которая исходит из общих проблем языковой коммуникации (с учетом ее недостатков, противоречий, намечаемых конфликтов — реальных и объективно устанавливаемых). При этом необходимо иметь четко выраженную цель: воздействовать на литературный язык, его функционирование и развитие таким образом, чтобы как языковая коммуникация, так и усвоение языка осуществлялись без излишних сбоев и конфликтов при оптимальном взаимодействии положительных и отрицательных факторов. Подобная формулировка целей, по Я. Кухаржу, близка к орудийному характеру языка, хотя она и не отвергает при этом внешних неязыковых факторов и не исключает возможности прогнозов языкового развития и предупредительного вмешательства в него.

Недостатки и сбои в языковой коммуникации, всевозможные конфликтные явления и ситуации возникают по разным причинам. Чаще всего это происходит вследствие новых коммуникативных потребностей, обусловленных в конечном счете общественными факторами, и поэтому их можно предвидеть, а значит, и успешно преодолевать. Кроме того, предлагаемая точка зрения учитывает и естественную преемственность языка и его норм ("гибкую стабильность", по В. Матезиусу), и объективные ценности литературного языка, заложенные в нем. Следует отметить, однако, что не вполне разработанными остаются объективная оценка коммуникативных сбоев и конфликтов и методические приемы их обнаружения.

Регулятивная деятельность в отношении сложившихся языков носит обычно характер постепенного систематического разрешения конфликтов и незначительных конфликтных ситуаций. Она осуществляется на базе теоретических принципов и программных лингвистических положений. И только частое появление сбоев того или иного типа, сигнализирующее о конфликтной ситуации (и, следовательно, указывающее на слабые звенья или стороны кодификации, нормализации и других регулятивных мероприятий), может приводить иногда к серьезным комплексным регулятивным вмешательствам и даже реформам. Но для

этого нужны объективная оценка и всестороннее обсуждение создавшегося положения.

Так или иначе, регулятивный аспект продолжает играть одну из ключевых ролей в теории и практике культуры речи, которая в настоящее время обогащается новыми связями и подходами.

Многое здесь зависит, конечно, от уровня языкового сознания и лингвистической образованности языкового коллектива. Необходимо иметь в виду, что теоретические положения культуры речи, над которыми в той или иной степени работали языковеды нынешних и прошлых поколений, пока еще не проникли в широкие круги носителей языка в той мере, в какой это было бы желательно с научной лингвистической точки зрения. Как остроумно заметил К. Гаузенблас, "в области культуры речи все еще живучи взгляды и принципы, которые считаются преодоленными лишь потому, что они преодолены среди ученых" [4]. Он отмечает, кстати, что работу специалистов в области современных проблем культуры речи осложняет больше всего то, что языковые вопросы теперь уже ряд десятилетий не относятся к первоочередным, к которым проявляют интерес широкие массы носителей языка. Однако, несмотря на это, можно поднять престиж языка, культуры речи, языкознания. Здесь недостаточно усилий лишь специалистов-языковедов, и это не кратковременная задача, а всесторонне обоснованная работа, рассчитанная на многие годы.

В целом надо сказать, что проблемы языковой культуры в зарубежных странах Европы (прежде всего славянских, а также в Германии и Венгрии) в последние десятилетия были связаны с разработкой общей теории культуры языка, где на первое место выдвигается употребление языка, т.е. речевая деятельность, коммуникация — в связи с анализом языковых высказываний говорящих и пишущих, с языковым воспитанием и языковой компетенцией индивида, а также общественным языковым сознанием, проявляющимся в отношении к языку, включая его эстетические элементы. Эта теория развивается в тесной связи с социолингвистикой и психолингвистикой, теорией речевой деятельности, лингвистикой текста и т.п.

Культура языка выступает как форма выражения и одновременно как цель языковых действий, как составная часть и существенный признак культуры общества, как часть национальной культуры.

Представление о культурных явлениях в языке реализуется на двух уровнях: содержательном (семантическом) и формальном (который охватывает как собственно языковые формы, так и формы и структуры коммуникации, письменности, массовой информации и т.п.). К этому теперь добавляется и познавательная (или кумулятивная) функция, связанная с наследованием языковых средств выражения, накопленных в национальной традиции, развитием продуктивно-рецептивных языковых способностей индивида, накоплением навыков, знаний и ценностей, связанных с духовной и материальной культурой и отраженных и закрепленных в языке.

В работах по культуре речи прослеживается связь проблем, или уровней: языковая кодификация, языковая культура и языковая поли-

тика. Общие принципы регулирования языковых явлений проявляются в деятельности выдающихся писателей и ученых, а также разного рода учебных, академических и издательских учреждений, средств массовой информации (радио, ТВ, печать, документальное кино и др.).

Языковая культура все более осознается в связи со стилистико-коммуникативными нормами речи (с опорой на теорию языковой коммуникации), когда на первый план выдвигается забота о стилистической адекватности языковых средств в отдельных функциональных сферах общества. В рамках теории языковой культуры формируется особая дисциплина — культура речевой коммуникации. Ее объектом является текст (коммуникат), а также и сам носитель языка, языковая личность. В некоторых концепциях культура речи перерастает в коммуникативную культуру, целью которой оказывается коммуникативная адекватность, коммуникативная эффективность, а также обеспечение максимальной идентичности языкового выражения и максимальной возможности декодирования коммуникатов предполагаемым адресатом. Однако в целом языковая культура выступает как комплексная, интеграционная область исследований и повседневной практики. Она расширяет свою теоретическую базу, обращаясь к теории литературного языка, к теории коммуникации, теории текста (в том числе и художественного), к риторике и т.п.

Культура языка становится предметом школьного и вузовского образования (как филологического, так и нефилологического); забота о состоянии языковой культуры общества подкрепляется деятельностью специальных общественных и государственных организаций, а также средств массовой информации.

В Польше, например, существует несколько обществ любителей родного языка, два из которых были наиболее известны: Общество любителей языка польского в Кракове (его орган — журнал "Язык польский", главный редактор — Ст. Урбанчик) и Общество культуры языка в Варшаве (его орган — журнал "Порадник языковый", главный редактор — Д. Буттлер). Наибольшая активность в деятельности этих обществ проявлялась в 60—70-е годы; к настоящему времени, в силу известных общественно-экономических обстоятельств, эта активность в значительной мере снизилась. Практически подлинный законодательный характер в области литературного языка и терминологии имела Комиссия культуры языка Комитета языкознания Польской академии наук; в последние годы ее рекомендации не имеют широкого общественного резонанса. В 1990 г. создана Комиссия культуры слова Варшавского научного общества. Цель ее работы — распространение культуры языка, понимаемой достаточно широко и недогматично. С середины 60-х годов развивается сеть телефонной справочной службы (первая такая служба была открыта в Лодзи в 1964 г.).

Культура польской речи преподается в учебных заведениях философского и педагогического профилей. С 1966 г. в программу студентов-полонистов введен учебный предмет "Культура польского языка", обязательный для всех студентов. Культура родного языка преподается в начальной и средней школе; в школьных учебниках даются

исторические, теоретические и практические сведения из области литературного языка, развития его норм.

Польские языковеды принимают самое активное участие в работе по совершенствованию языка газет, радио, телевидения — на различных курсах для издателей, редакторов, выступают с обзорами и анализом языка средств массовой информации. При их непосредственном участии проводился ежегодный "День без ошибок" при газете "Жице Варшавы". Постоянные рубрики, посвященные речевой культуре, ведутся в центральных и региональных газетах (в Кракове, Вроцлаве и других городах); особое внимание таким рубрикам уделяется в молодежных и детских массовых журналах.

Регулярные курсы по языку для книгоиздателей организуются при Польском обществе книжных издателей. Систематической стала работа языковедов в театральных кругах (с середины 70-х годов издаются специальные бюллетени по сценическому языку). Расширяется деятельность лингвистов-полонистов в среде негуманитарной интеллигенции (технической, военной и др.). В 70—80-е годы организованы курсы для преподавателей Варшавского и Вроцлавского политехнических институтов.

По польскому радио и особенно по телевидению ведутся регулярные передачи о культуре польской речи, в том числе многолетние циклы "Как сказать по-польски?" (радио) и "Отчизна — Польша" (телевидение). Большой вклад в эту работу внесли такие польские языковеды, как В. Дорошевский, З. Клименсевич, Г. Саткевич, Г. Курковска, Й. Миодек, В. Веселовский и др.

Язык средств массовой коммуникации является предметом особой заботы языковедов Венгрии. Для большинства носителей венгерского литературного языка — это непререкаемый образец, на который они постоянно ориентируются в повседневной речевой практике. Именно поэтому особые нормативные требования предъявляются к текстам радио- и телепередач. При Союзе журналистов Венгрии организованы постоянно действующие языковые курсы. При венгерском радио есть комитет культуры языка, состоящий из журналистов, редакторов и языковедов, в задачу которого входит анализ уровня радиопередач с точки зрения стилистической, интонационной и нормативной, а также повышение профессионального уровня работников радиовещания. Регулярно проводятся курсы и экзамены для репортеров и дикторов. Те из них, кто не выдерживает экзамена, отстраняются от участия в программах и обязаны (перед повторным испытанием) в течение полугода работать над своим произношением и интонацией. Подобной работы на телевидении Венгрии нет, а потому его языковой (и собственно нормативный) уровень оказывается заметно ниже, чем на радио. Вместе с тем на телевидении Венгрии существует постоянная передача по культуре речи — "Мир языка".

Специализированные серии передач по венгерскому радио рассчитаны на разные группы слушателей и имеют богатую традицию.

Одной из самых популярных радиопередач по культуре венгерского языка является программа "Наш родной язык", которая ведется с 50-х

годов по воскресеньям. Основателем ее и основным автором многие годы был проф. Л. Лоринце. Она обращена к самым широким кругам образованных радиослушателей.

Вторая серия радиопередач о языке предназначена для школьников и студентов и ведется молодежной редакцией радиовещания. В ней принимают участие специалисты-языковеды. В передаче анализируются разнообразные речевые ситуации, затрагиваются письменные формы языка; в ней широко используются игровые формы подачи материала с целью заинтересовать молодых радиослушателей, увлечь их проблемами родной речи.

Третья серия передач посвящена повседневной разговорной речи, актуальным процессам, происходящим в ней, трудностям и ошибкам обиходно-речевого общения.

Наконец, четвертая серия передач проводится преподавателями университета в утренние часы ежедневно и носит научно-популярный и практически-справочный характер (с использованием писем и телефонных вопросов радиослушателей).

Менее дифференцирована, но так же достаточно активна пропаганда научных лингвистических знаний на радио и телевидении Чехии, Словакии, Болгарии и Германии. В бывшей ГДР культура речи в средствах массовой информации включала в себя проблемы, связанные с оригинальностью и актуальностью сообщения, отбором слов, вариативностью выразительных средств, дифференциацией по степени остроты в полемике, эмоциональностью языка и т.п. Говоря о задачах и целях культуры немецкого языка, Э. Изинг, В. Гартунг, Й. Шарнгорт и Г. Фойдел выделяют три комплекса проблем: 1) научный анализ самой постановки и истории вопроса; 2) изучение языковой ситуации и коммуникативных условий развития культуры речи в Германии; 3) исследование вопроса о предмете культуры языка.

В связи с этим выдвигаются новые задачи языковой коммуникации, выявление связи культуры языка с общей культурой, с условиями новых общественных отношений, с характером научно-технического прогресса. Особое внимание уделяется комплексности предмета культуры речи и в то же время его многогранности. Его освещение исходит из конкретных требований, предъявляемых к языковой коммуникативной деятельности, к точному, уместному и эффективному использованию языковых средств в той или иной определенной ситуации речи, в соответствии с целями и задачами общения и т.п.

В различных странах и в разных литературных языках в настоящее время актуализируются разные аспекты деятельности языковедов в области теории и практики культуры речи, однако при этом общими оказываются некоторые требования, связанные, в частности, с перспективами и направлениями языковой политики. Эти перспективы связываются с развитием национальных языков, образованием и воспитанием его носителей; с совершенствованием языковой культуры, особенно в области речевой коммуникации; с культурой национального языка в отношении к другим языкам (проблемы заимствований); с развитием и нормализацией терминологии; с вопросами билингвизма; с

сознательным и целенаправленным воздействием на литературный язык.

Законодательные основы языковой политики в нашей стране на ближайшие годы заложены в принятых в конце 1991 г. документах: "Декларации о языках народов России" и "Законе о языках народов России" (см.: "Российская газета". 1991, 11 дек.).

7 декабря 1995 г. подписан Указ Президента РФ "О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации" и утверждено Положение об этом Совете. Среди основных направлений деятельности Совета названы: "разработка предложений по основам государственной политики в области русского языка"; "внесение предложений и рекомендаций по поддержке русского языка как государственного языка Российской Федерации, расширению использования русского языка в межнациональном и международном общении, повышению культуры владения русским языком". В задачу Совета входит подготовка Федеральной программы по русскому языку.

В "Декларации о языках народов России", принятой Верховным Советом РФ 25 октября 1991 г., провозглашается право каждого человека на свободный выбор языка обучения, воспитания и интеллектуального творчества, право на свободный выбор языка общения. В ней говорится о равных возможностях для сохранения, изучения и развития всех языков народов РФ, о желательности и необходимости овладения языками межнационального общения и другими языками народов РФ, проживающих на одной территории. Декларация призывает граждан России способствовать воспитанию уважительного и бережного отношения к языкам всех народов нашей Родины, всемерно развивать культуру речевого общения, оберегать чистоту родной речи. В заключительной части Декларации говорится: "Высокое предназначение языка в исторических судьбах каждого народа определяет его как неповторимое явление общечеловеческой культуры".

"Закон о языках народов России" констатирует, что на территории РФ с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования являются двуязычие и многоязычие. "Русский язык, — говорится в статье 3 Закона, — являющийся основным средством межнационального общения народов РФ в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка России на всей территории РФ."

В соответствии с Законом русский язык как государственный язык России изучается в средних, средних специальных и высших учебных заведениях. На нем ведется работа высших законодательных органов, осуществляется официальное делопроизводство. При этом тексты документов (включая паспорта, свидетельства, аттестаты и др.) и вывесок с названиями государственных учреждений оформляются на государственном языке России (русском) и на государственных языках республик в составе РФ. На русском языке осуществляется официальная переписка между государственными органами, предприятиями и учреждениями; на нем издаются всероссийские газеты и журналы, ведутся передачи Всероссийского телевидения и радиовещания.

Государственный язык России (русский) применяется в сферах промышленности, связи, транспорта, энергетики и др. Географические наименования и надписи оформляются на русском языке и на государственных языках республик в составе РФ. Внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность государственных учреждений РФ осуществляется на русском языке и на языках соответствующих стран.

Приведенные законодательные основы являются правовой базой всей работы языковедов России, научной, педагогической и творческой интеллигенции страны по подъему речевой культуры нашего общества.

Нынешний этап в развитии исследований в области культуры речи связан с осмыслением ее как важнейшей части культуры социальной коммуникации. Специалисты приходят к выводу о том, что в настоящее время произошла смена парадигмы от структурного изучения и описания языка к функциональному. В теории речевой культуры обострился интерес к проблеме функционально-стилевых норм, а также к текстовым (контекстуальным) нормам, к этическим нормам речевого общения. Категория "культура речи" выделяется как звено в цепи духовных культурных ценностей народа и как речевая эрудиция индивида, знание им образцовых письменных и устных текстов разных форм, стилей, жанров, относящихся к той или иной эпохе (см. материалы: "Культура русской речи. Тезисы I Всесоюзной научной конференции". М., 1990; Л.И. Скворцов "Экология слова" (М.: Просвещение, 1996), посвященная проблемам культуры речи в аспекте лингвистической экологии).

Обращаясь к коммуникативному аспекту культуры речи, Е.Н. Ширяев в ряде работ ставит вопрос о создании единой теории, совмещающей нормативные и риторические направления для решения общей задачи — обеспечения эффективности общения (см. [29; 30]). При этом выделяются три компонента культуры речи: нормативный, коммуникативный и этический.

Нормативный компонент преследует укрепление охранительных функций литературного языка, обеспечивая его единство для всей нации. Это не означает, конечно, что тем самым отвергаются любые возможные нормативные новшества, но для "узаконения" этих новшеств необходимо выработать и реализовать ряд методических, организационных и других мер (включая постоянную службу слежения, оценку новых явлений специальной экспертной комиссией, а также анкетирование с последующей обработкой результатов на ЭВМ и т.п.).

Коммуникативный компонент связан с исследованием функционального аспекта культуры речи, с функциональными разновидностями общения. Функционально-социальный подход к культуре речи, как было показано выше, получил широкое развитие в чешской и словацкой лингвистике, а в отечественной традиции восходит к работам Г.О. Винокура, к трудам таких языковедов, как В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Б.Н. Головин и др.

Этический компонент предполагает необходимый уровень этики общения в разных социальных и возрастных группах носителей литературного языка, а также между этими группами.

Обеспечение максимальной эффективности общения связано со

всеми тремя выделяемыми компонентами. С позиций коммуникативного подхода культура речи определяется как такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

При таком подходе речевая культура выступает как часть более широкого понятия "культура общения", в которое входит и культура мышления, и психологическая культура общения. Таким образом, культура речи включается в более широкий контекст культуры общения и современной культуры в целом.

Русский литературный язык наших дней, выражая современную эстетически-художественную, научную, общественную, духовную жизнь народа, служит и самовыражению личности человека, и развитию всех форм словесного искусства, творческой мысли, нравственному возрождению и совершенствованию всех сторон жизни общества на новом этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
2. *Бондалетов В.Д., Вартапетова С.С., Кушлина Э.Н., Леонова Н.А.* Стилистика русского языка. Л., 1989.
3. *Васильева А.Н.* Основы культуры речи. М., 1990.
4. *Гаузенблас К.* Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.
5. *Головин Б.Н.* Как говорить правильно. М., 1988.
6. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
7. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
8. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. 3-е изд. М., 1989.
9. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980.
10. *Едличка А.* Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.
11. *Ильяш М.И.* Основы культуры речи. Киев; Одесса, 1984.
12. *Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
13. *Калинин А.В.* Культура русского слова. М., 1984.
14. *Кожин А.Н.* О предмете стилистики // ВЯ. 1982. № 2.
15. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. 2-е изд. М., 1983.
16. *Колесов В.В.* Культура речи — культура поведения. Л., 1988.
17. *Конрад Н.И.* О языковом существовании // Японский лингвистический сборник. М., 1959.
18. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи // ВЯ. 1966. № 5.
19. *Кухарж Я.* Регулятивный аспект культуры речи // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.
20. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
21. *Неверов С.В.* Об истоках теории "языкового существования" // Историко-филологические исследования: Сб. статей к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967.
22. *Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.

23. *Обнорский С.П.* Ломоносов и русский литературный язык // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1940. №1 (цит. по: *Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960).

24. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.

25. *Пилинський М.М.* Мовна норма і стиль. Київ, 1976.

26. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

27. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

28. *Шахматов А.А.* Несколько замечаний по поводу записи И.Х. Пахмана // Сб. ОРЯС. 1899. Т. 67, № 1.

29. *Ширяев Е.Н.* Что такое культура речи // Рус. речь. 1991. № 4, 5.

30. *Ширяев Е.Н.* Культура русской речи: теория, методика, практика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51, № 2.

31. *Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Т. 1.

32. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании: Памяти учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1931. № 1.

33. *Coseriu E.* Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952.

34 *Coseriu E.* Sincronia, diacronia e historia... Montevideo, 1958 (цит. по: *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1963. Вып. 3).

35. *Havránek B.* Zun Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Actes du Quatrième Congrès international de linguistes. Copenhague, 1938.

36.*Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963.

37.*Hjelmslev L.* Langue et parole // Cahiers F. de Saussure. 1942. Vol. 2 (цит. по: *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960).

38. *Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1978 (цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР).

Глава 3

КУЛЬТУРА РЕЧИ СРЕДИ ДРУГИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

> Счастливая особенность лингвистики — в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдавать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Таким образом лингвистам необходимо пройти три этажа: "Как это устроено?" + "Как это функционирует?" + "Как можно всем этим манипулировать?
>
> *Т.М. Николаева*

Название этого раздела ориентирует читателя на следующие аспекты рассмотрения проблем культуры речи: м е с т о культуры речи среди других дисциплин в современном языкознании; и н т е р д и с ц и п л и н а р н ы е с в я з и культуры речи; з н а ч е н и е р е з у л ь т а т о в исследований других наук для совершенствования методологии культуры речи; т е о р е т и ч е с к а я и п р а к т и ч е с к а я з н а ч и м о с т ь исследований по культуре речи для других наук.

Феномен культуры речи естественным образом связан с понятием культуры человека, общества — и конкретно — с культурой мировосприятия, мышления, поведения, общества. Это обусловливает единые принципы их изучения наукой культурологией. Вместе с тем дисциплина "Культура речи" родилась в недрах языкознания и, следовательно, имеет с другими лингвистическими дисциплинами общую методологическую базу.

Длительная история развития и специализация языкознания, однако, имели негативное следствие: ограничение объекта исследования линейной последовательностью языковых элементов стало противоречить главной цели науки — созданию общей теории языка, науки о человеческом языке, одной из сложных наук о человеке, его сознании, душе, духовном "я".

Направление научных исследований, посвященных правильной, "хорошей речи", сформировалось в результате развития целого ряда лингвистических проблематик. Многие теоретические направления в языкознании XX в., претендовавшие на роль общих теорий, взяв за отправную точку исследований онтогенез речевой деятельности, пришли к необходимости изучения процесса употребления языка и его составляющих. Описательная лингвистика (структурная и различные направления генеративной лингвистики), изучая единицы разных уровней языковой системы, системы систем, не смогли объяснить принципы межуровнего взаимодействия и функционирования языка в целом, находясь на позиции "чистой" лингвистики и рассматривая язык в изолированном от социальной и культурной жизни общества пространстве. Что касается дисциплины "Культура речи", то ей традиционно отводилась роль регулятора свода правил и пропаганды аксиологических качеств "хорошей речи", список которых был взят из риторик (ясность, доходчивость, логическая стройность, уместность и т.п.). Из всех качеств "хорошей речи" наиболее неопределенным является уместность, поскольку это качество как бы перекидывает мостик от речи человека ко всей его деятельности, обнаруживает скрытый для традиционного подхода оценочный (а следовательно, социальный, психологический и когнитивный) компонент, вводящий в методологию научного анализа такие константы, как говорящий, цель речи, условия протекания речи, субъект оценки, дейксис, личность адресата, результат общения, и обусловливающий целый ряд обязательных параметров учета при рассмотрении того или иного речевого употребления, его коммуникативной целесообразности и эстетической ценности.

Современная наука "Культура речи" не только объясняет факты языка, формулирует ортологические предписания, прогнозирует развитие нормативных вариантов, но и моделирует ситуации общения, условия, при которых осуществляется выбор всех возможных языковых средств для достижения коммуникативной цели. Расширение предмета культуры речи вызвано общим прогрессом всего комплекса наук о человеке и языке. Этот факт определяет принципы исследования для целого ряда лингвистических дисциплин и выделяет специфические

задачи культуры речи: выработать рекомендации для успешного речевого взаимодействия [132], "технику" общения в различных ситуациях.

Интердисциплинарные связи культуры речи обусловлены "пограничными" интересами наук, общностью объекта исследований, заинтересованностью наук в результатах, потребностью в объединении усилий для решения общих задач и совершенствовании методики.

Экспансия сфер научных разработок внутри каждой лингвистической дисциплины идет от центра к периферии, что ведет, безусловно, к возникновению спектров исследований на стыке наук, например психолингвистики и когнитивной лингвистистики, психолингвистики и теории речевого воздействия, риторики и теории речевого воздействия, культуры речи и теории речевого воздействия, функциональной лингвистики и прагматики, функциональной стилистики и культуры речи и т.д. Возникает общий понятийный континуум, общая терминология, общая методологическая основа, единые методики исследования. Однако нередки случаи неодинаковой трактовки терминов, разного наименования одних и тех же явлений. Так, нуждаются в уточнении следующие термины, обозначающие кардинальные концепты культуры речи: "успешность общения", "эффективность общения", "оптимальный результат общения", "прагматический эффект коммуникативного взаимодействия". Близки им по значению термины теории речевых актов — "осуществление иллокуции", "перлокутивный эффект", теории речевого воздействия — "осуществление интенции", риторики — "персуазивный эффект". В ряде случаев употребляются как синонимы термины "языковая компетенция" и "коммуникативная компетенция", "знание" и "когнитивный фон", в то время как в современной научной парадигме различаются понятия языковой компетенции, коммуникативной компетенции и прагматической компетенции как высшего уровня владения языком. Если термины "эффективность общения" и "успешность общения" могут функционировать как синонимичные, то выражению "оптимальный результат" близки по значению термины "осуществление иллокуции", "осуществление интенции". Таким образом, общие концепты в разных лингвистических дисциплинах — закономерное явление развития науки. Для создания методологической основы культурно-речевых исследований важны, во-первых, систематическое и последовательное рассмотрение основных теоретических вопросов на современном уровне и, во-вторых, ориентация в потоке достижений других антропоцентрических наук.

Одной из основополагающих теоретических проблем, выявляющих принципиальные позиции разных научных дисциплин, является проблема значения. Так, описательная лингвистика рассматривала эту проблему внутри каждого языкового уровня (например, лексическое значение, словообразовательное значение, синтаксическое значение). Соединение слов и словоформ в структуре предложения не объяснялось с точки зрения формирования смысловых блоков семантики предложения, смысла высказывания и его места в тексте, т.е. словосочетание не квалифицировалось как фрагмент смысловой структуры выска-

зывания и как компонент коммуникативной единицы, а считалось образованием номинативной системы единиц, зависящим от лексико-семантических и грамматических свойств слова [106]. Ср.: "Старая семантика была преимущественно семантикой слова... Язык познается через предложения и тексты <...> он [человек] образует из них — и это совершенно правильная гипотеза — значения" [21, 51—52]. Все многообразие "языкового материала" не могло быть объяснено через словарно закрепленные дефиниции, и методологический прием деления языковых единиц на виртуальные (с постоянными системно закрепленными свойствами) и актуализованные (с приобретенными под влиянием контекста свойствами) не имел объяснительной силы. Понятие контекста неоправданно расширялось: в него входили все элементы просодического оформления, фокус предложения, текстовые связи. Стройная семантическая теория не была создана, а следовательно, вопросы кодификации, коммуникативного поведения и языковой политики не могли быть правильно сформулированы. И хотя предпосылки современного состояния культуры речи были заложены в отечественной науке в первой половине XX в. — объяснены цели и задачи дисциплины [141; 27; 137], созданы основы общей теории речевой деятельности [28], — только в последние годы под воздействием интеграционных связей между многими лингвистическими дисциплинами культура речи стала на авангардные позиции.

Традиционны связи культуры речи с философией языка и психолингвистикой. Все мировые достижения в области психолингвистики стали возможны после работ Выготского, выдвинувшего концепцию речемышления как целенаправленной деятельности, и отечественных ученых его школы [73; 43, 58—77; 6].

Сложность нейрофизиологических и нейропсихологических процессов в настоящее время подтверждается томографическими исследованиями функционирования структур мозга, процессов памяти, мышления, концентрации внимания, ассоциирования и "кодирования" отдельных лексических стимулов [70, 112—122].

Речь линейна, существует во времени, хотя акты речепорождения мгновенны. Лингвистические методы конструирования не соответствуют биологическим симультанным процессам, однако они согласуются с новейшими экспериментальными работами. Так, установлено, что речь начинается с общей операции ориентировки и кончается "речевой ситуацией" [82; 111]. "Отчетливое предвосхищение сообщаемого" подвергается целому ряду "операций над исходными содержательными элементами". "Перевод" речи на язык мысли также включает ряд этапов. Существуют несколько моделей взаимодействия речи-мысли [161; 150]. Для лингвистов важен следующий вывод: "Думать, что лексика появляется после того, как сложилась схема предложения, противоречит естественному развитию речи" [48, 76]; "Предложением управляет текст. Человек не говорит отдельно продуманными предложениями, а одним задуманным текстом. Это предъявляет требования к отбору грамматического состава текущего предложения" [там же, 108], который подтверждается лингвистическими экспериментами [171].

Если "интенциональность — отличительная характеристика ментальных репрезентаций высшего уровня", то «первичной формой ментальной репрезентации является "язык мышления"... язык мышления не усваивается, а является врожденным» [97, 227—232] (см. ссылку на Фодор).

Эта важная особенность речемыслительных процессов согласуется с открытиями лингвистами особенностей, связанных с феноменом "языковая личность" [52], с понятием "идиостиль" [34]. Для специалистов по культуре речи положение о врожденном характере языка мышления является своеобразным ключом к исследованию особенностей устной речи, "многоцветному видению" одной и той же концептуальной картины разными людьми, к объяснению генетическими причинами выбора ансамбля лингвистических средств разного уровня и паралингвистических средств, к неоднозначности понятия "лингвистическое значение".

Новейшие достижения в области психолингвистики и нейропсихологии удачно сочетаются с возрождением идей В. Гумбольдта о деятельностном характере языка, идеи поиска внутренней формы языка, с новым этапом логико-философского анализа языка.

Высказывание Э. Бенвениста "человек не был создан дважды: один раз без языка, другой раз — с языком" [15, 29] сейчас актуально в связи с новым рассмотрением онтогенеза речи и взаимоотношения человека с природой и обществом. В современную философскую парадигму вернулись многие идеи неопозитивизма, лингвистической философии (Л. Витгенштейна и его последователей) и логической семантики середины века. Прежде всего в гносеологии происходит уточнение терминов "субъект" и "объект": процесс познания носит не только индивидуальный, но и межличностный характер, следовательно, восприятие и постижение окружающей действительности происходит как субъектно-субъектно-объектный процесс. Это означает отказ от положения о первичности номинативной речевой деятельности и вторичности коммуникативной речевой деятельности. Познание предстает как разновидность человеческой деятельности. М.М. Бахтин, выделяя отношения между объектами, субъектом и объектом, субъектные отношения, отмечал существование "переходов и смешения типов отношений"; ср.: "два голоса — минимум жизни, минимум бытия... слово стремится быть услышанным" [120, 342—363]. Следовательно, номинативный характер речевой деятельности во всех случаях "осложнен" социальными и этическими отношениями: "социальная жизнь предполагает множественность субъектов" [50, 127]. Подтверждается замечание семантика У. Куайна [169, 25] об изначально межличностном характере языка.

Второй важной научной догмой современной философии является положение о существовании довербального мышления и законов невыражения логических структур мысли [62, 76—79; 45; 93]. И несмотря на то что современные физиологические механизмы не позволяют верифицировать это положение, оно представляет собой методологическую базу для культурно-речевых исследований. Так, например, тезис о неизоморфном характере отношений между логическими структурами и

синтаксическими конструкциями снимает многие "правила" элиминирования и "законы семантического соответствия", изменяет трактовку односоставных предложений, сегментирования высказываний, рассмотрение пресуппозиций.

Ввиду сказанного представляется запоздалым и некорректным предложенное А.К. Михальской определение современной отечественной концепции культуры речи как основанной "на монологическом восприятии мира и монологической речи в нем", соответствующей субъектно-объектным отношениям культуры монологического типа в отличие от диалогичности риторических построений Аристотеля [85, 51]. Положение культуры речи среди других лингвистических дисциплин может быть иллюстрировано трактованием лексического значения и решением п р о б л е м ы з н а ч е н и я в работах по культуре речи, проблематикой исследований по теме "Лексическое значение", семантико-синтаксической организацией предложений, которое в целом лежит в русле интерпретативной лингвистики, изучающей способы концептуализации и понимания во всех коммуникативных процессах. Этот подход к проблеме значения предполагает отказ от рассмотрения нормы как статичного образца системы виртуальных единиц, отказ от поуровневого рассмотрения речевых употреблений, сравнения их с системными "канонами", установления правил варьирования этих образцов, изолированных от внеязыковых "помех".

Предложение, текст — единственно возможный способ функционирования слова, и, следовательно, лексическое значение предстает в виде набора гипотетических сем с некоторым константным ядром, находящего свое подтверждение во все новых и новых актах говорения и понимания, т.е. в новых текстах. При этом "гипотеза значения постоянно корректируется" [21, 52]; ср. высказанное А.В. Добиашем точное замечание: "Слова — осколки из целого <...> Глагол — душа предложения, ему акт синтетического укладывания присущ как грамматическая функция" [44, 5]; ср. также концепцию значения как употребления слова английских семантиков середины века. Линейное развертывание предложения и текста, их бóльшая линейная протяженность по сравнению со словом не могут быть препятствием для сравнения коммуникативной значимости слова и предложения. В филогенезе слово может быть равносильно предложению: "В речи не совпадают ее физическая и семическая стороны: так, развитие речи идет физически от слова к фразе, семически же ребенок начинает с фразы" [29, 189].

Изучение значения через употребление не означает отказа от определения слова, а предполагает сложную структуру дефиниции, возможно в некотором смысле организованную по модульному принципу. Ср.: "В семантике дефиниции можно видеть три слагаемых: лексическое, т.е. значения самих слов, составляющих толкование; логико-семантическое, отражающее отношение между предметами реального мира, обозначенного этими словами, и формально не всегда выраженное; синтаксическое, или, в широком смысле грамматическое, эксплицитно представленное в виде отношений между словами на синтагматической оси" [51, 290]. Это предположение относительно сложного

строения феномена "лексическое значение" в последующих работах Ю.Н. Караулова конкретизируется связью вербального уровня с тезаурусным и наличием у слов объективного и субъективного тезаурусного значения. Ср. также выражение М.М. Бахтина "память слова", включающая и память о тех текстах, в которых оно участвовало[1].

Таким образом, исследовательской базой современных работ по культуре речи стало высказывание — мельчайшая коммуникативная единица, ориентированная на определенный функциональный тип текста. Это важно и при решении культурно-речевой проблемы функционирования заимствованных слов: исследователь не имеет права ни на какие умозрительные схемы сочетаемости этих слов, так как слово еще "не побывало" в наших текстах. В течение неопределенного времени заимствованные имена, как правило, употребляются в предикатной позиции, отвечают на вопрос: "Что это?" Или это имя существительное уходит из языка (например, слово *детант*), или, употребляясь в различных речевых ситуациях, выкристаллизовывает свое значение, что является гарантией его закрепления в системе языка. Сейчас этот процесс происходит со словами *суверенитет, экология, приоритет, эксклюзивный* и др.

"Память слова" действует и при закреплении терминологических словосочетаний, и при формировании штампов в определенных функциональных типах текстов, и при формировании самих этих типов текстов. Так, например, появилось в середине века словосочетание *орошаемое земледелие* с несвойственной страдательному причастию синтагматикой; вслед за этим появились словосочетания *орошаемое кормопроизводство* и *орошаемые бригады*, которые подтвердили появление в системе языка относительного прилагательного *орошаемый*.

Теоретические работы языковедов начала века по проблемам общения, культуры речи, ортологии и сейчас созвучны самым передовым исследованиям в смежных лингвистических дисциплинах. Так, в 1923 г. Л.П. Якубинский высказал следующие мысли о сущности языка и характерных чертах науки о языке, культуре речи: язык — разновидность человеческого поведения, которое обусловлено психологическими и социальными факторами, условиями общения; выделяются функциональные различия в языке и разные типы речевых высказываний [141, 17—34]. Якубинский соглашается с Л.В. Щербой в том, что диалог является "естественной" формой существования языка, а монолог — "искусственной", поскольку восприятие устного или письменного монолога "вызывает прерывание и реплицирование, иногда мысленное, иногда вслух, а иногда и письменное". Якубинский выделил важное условие успешного общения, правильного восприятия и тонкого понимания — близость апперцепционной базы говорящих (в его

[1] "Зеркальным" можно назвать высказывание Н.И. Жинкина о связи слова и предложения: «Слово должно раньше "побывать" в предложении для того, чтобы "отдать" ему значение» [48, 58].

терминологии — "апперципирующей массы"), паралингвистических средств (мимики, жестов, тона, тембра голоса). Он подтвердил это убедительными примерами из художественной литературы и реальной жизни: понимание речи требует знания "в чем дело", и, наоборот, ненастроенность на мир знаний собеседника ведет к коммуникативному провалу; на знании "в чем дело" держатся такие явления речи, как намек, догадка, категория определенности / неопределенности в языке, референтная отнесенность (ср. также высказывание Е.Д. Поливанова: "Мы говорим только необходимыми намеками" [100, 196]). Якубинский отметил такое интересное явление, как текстовый штамп, встречающийся в стереотипной обстановке, который он назвал "привычным шаблоном".

В настоящее время феномен "диалог" исследуется не только в лингвистических дисциплинах, но и в других науках, особенно ценны для культуры речи открытия в психологии и нейропсихологии [76; 106, 23—24; 19, 63—68]. В последнее время диалог не только рассматривается как модель межличностного взаимодействия и взаимопонимания (эмпатия), но и считается основной категорией процессов человеческого сознания, познания и общения [128, 55]. Психологи строят типологии диалогов, которые имеют различную классификационную базу. Так, А.В. Беляева выделяет два вида диалогов [144, 251—259]. Это деление основано на содержательном анализе различных ситуаций общения: при ситуации общения, когда говорящий знает то, чего не знает слушающий, диалог считается информационным; при ситуации общения, когда говорящий и слушающий по-разному квалифицируют одни и те же факты, диалог считается интерпретационным[2].

Необходимым условием диалога является потребность в общении, общая база, в явном виде не выраженная языковыми формами (по определению М.М. Бахтина, коммуникативная заинтересованность).

Интересна для лингвистической семантики психолингвистическая трактовка сущности понятия референции: она состоит в понятии образа, выполняющего функцию указания на объект. Причем при различии в способах вербализации знаний аналогия с жестом (указанием на известный образ, может быть на тезаурусный элемент) сохраняется.

Создание адекватного метаязыка для описания диалогической природы сознания – дело будущего, но в настоящее время установлено, что в сознании есть дискретные и недискретные психологические образования, описание последних не может быть логически дискретным; что имеет место симметричность психологических структур (всякая психическая функция, процесс – диалогичны); что единица анализа психики – диалог [103, 27].

При различии исследовательских задач в смежных лингвистических дисциплинах феномен "диалог" стал доминирующей темой; психология и

---

[2] Ю.Н. Караулов [52, 214—215] видит корреляцию между тремя сторонами процесса общения, которые выделяются в психологии, — коммуникативной, интерактивной и перцептивной — и лингвистическими представлениями о трех типах общения — контактоустанавливающим, информационным и воздействующим.

психолингвистика, культурология, теория речевых актов, прагматика, теория речевого воздействия, культура речи, лингвостилистика вынуждены признать, что именно диалог следует считать минимальной исследовательской базой, единицей анализа речевого общения. Ср.: "Только в диалоге в полной мере обнаруживается сущность языка" (высказывание М. Хайдеггера цит. по [9, 84]).

При решении культурно-речевых проблем ортологии и стилистики текста интересно следующее положение психологии и культурологии: д и а л о г – это особое измерение, в котором все единицы анализа имеют особый "обертон" смысла, корректирующий их сущностные свойства.

Философ А.А. Брудный, касаясь различий текста и диалога, делает вывод об исторической первичности коммуникации (и, следовательно, диалога) и вторичности текста ("скрипта") как результата, продукта общения: "Гегель говорил, что не результат есть действительное целое, а результат вместе со становлением. Истинная философская ценность диалога, на мой взгляд, в том, что он всегда становление. Становление смысла" [42, 5].

Феномен диалога, уникального процесса коммуникативного взаимодействия, представляет центральный аспект исследований по культуре речи, поскольку решение конкретных задач выработки "техники" ведения разговора в различных ситуациях социального взаимодействия невозможно без общего методологического основания. Философия и культурология ставят феномены "культура" и "диалог" в один ряд: в современном мире "культурные сдвиги", "духовно-культурные спектры" одновременны, "они имеют смысл только друг по отношению к другу, в действительном диалогическом общении друг с другом... И это проблема не только мышления, это действительно проблема бытия каждого современного простого человека <...> Проблема диалога – это не только и не столько проблема обмена информацией, но прежде всего – проблема диалога культур или, может быть, точнее – проблема культуры как диалога культур" [42, 7]. Таким образом, философское понимание диалога предполагает обусловленность бытия человека и его отношения к миру его культурой и его "культурной" способностью к диалоговому взаимодействию, которое детерминировано его личностными (в том числе этническими, историческими, национальными) характеристиками. В число этих характеристик входят принятые в данном языковом социуме этические и ценностные ориентиры. Ср. диалог людей Востока и европейской культуры.

Представляется, что безусловно разносторонний и глубокий анализ диалога в смежных лингвистических дисциплинах, выявляющий его структуру и связи в динамике развития, может быть дополнен следующим ракурсом изучения: коммуникативная ценность текста "уже сказанного" и его детерминирующая сила как самодовлеющей сущности в развитии последующей части диалога и в его завершении.

Одним из результатов психолингвистических исследований является рекомендация отказаться от распространенных во всем мире терминов по отношению к процессам речевого общения – "кодирование" и "деко-

дирование". Поскольку значение понимается как гипотеза, которая представляет попытку интеграции разнообразных видов данных [60, 83–84] и выражает стремление слушателя постичь коммуникативную интенцию говорящего, постольку «значение – это не то, что "декодируется" из сообщения, подобно преобразованию последовательности сигналов Морзе в последовательности букв алфавита, а некоторая договоренность между отправителем и получателем» [там же, 85], немаловажную роль в которой играют "общая система знаний" и осознание говорящим понимания адресатом сказанного.

Знания, понимание, восприятие, внимание, коммуникативное ожидание, намерение, фокус и другие составляющие содержательной стороны речи находятся в центре внимания когнитивной лингвистики, молодой науки, которая возникла для решения проблем знания, понимания, смысла и значения, которые были поставлены психолингвистикой, культурой речи, прагматикой и другими лингвистическими дисциплинами, изучающими язык как манифестацию человека. Два десятилетия назад эта наука возникла как ответвление когнитивной психологии, поэтому все выводы и достижения психологии и психолингвистики для нее актуальны. Очевидна и тематическая связь процессов сознания, знания и механизмов речевой деятельности. Интересно, что каждый акт речевого общения, по мнению психолингвистов, подчинен познавательной деятельности [19, 69]. Вероятно, верифицировать этот вывод в настоящее время невозможно. Ясно только то, что и говорящий и слушающий оперируют и со смыслом (замысел говорящего, понимание этого замысла, всегда неполное, слушателем), и со значениями, и со знаниями. Так, по выводу Г.П. Мельникова, речевое общение – непрерывная формализация и интерпретация смыслов через значения и значений через смыслы [79, 317].

Идеальная лингвистическая модель языка – создание грамматик и словарей с ортологическими, стилистическими, функционально-стилистическими предписаниями, которые обеспечивали бы составление правильных фраз во всех случаях жизни и понимание всего говоримого на данном языке [137, 47–48], – возможно, сейчас нереальная задача для всех лингвистических дисциплин. Однако если Л.В. Щерба, вслед за Ф. де Соссюром, считал "понятие" и "смысл" сферой интересов психологов и философов, то в дисциплине "Культура речи" в настоящее время складывается теория языка с учетом категорий "значение", "знание", "смысл". Философия языка, психолингвистика и когнитивная лингвистика дали специалистам по КР следующие положения: 1) мышление довербально, акты мышления мгновенны, симультанны, биологичны по своей сути [73; 62, 69–83]; 2) логические структуры и языковые конструкции не изоморфны [79; 62]; 3) существуют эксплицитные и имплицитные способы выражения смысла [52, 195; 62, 74]; 4) существуют законы невыражения логических структур мысли [62, 76–79]; 5) вербально-семантический и авербально-тезаурусный уровни организации языковой личности функционируют в тесной связи [52, 172].

Главная культурно-речевая проблема – выработать приемы и реко-

www.ruslang.ru

мендовать условия для успешного общения – не может быть решена без изучения процессов речи-мысли, т.е. когнитивных процессов, компонентов этих процессов: структур фоновых знаний, типов пресуппозиций, типов пропозиций (способов концептуализации), оценочных знаний, эмоций и модальных отношений. Интересны следующие наблюдения и предположения ученых: о нежестком разграничении интеллектуальных и эмоциональных процессов [83, 294], о существовании разных типов понимания, о фреймовом характере восприятия (а не только понимания). Познание окрашено чувственными образами, эмоционально окрашено, следовательно, мир знаний опосредован эмоционально-оценочной палитрой и ассоциативными рядами, что делает невозможным неиндивидуальное, обобщенно-нейтральное выражение: «выразиться "нейтрально" оказывается невозможно» [17, 91; 18].

Концептуализацию действительности человеческим сознанием современная когнитивная лингвистика представляет как семиотический процесс, опосредованный культурными, социальными и психологическими факторами. Среди существующих моделей концептуализации выделяется интерпретативная модель Т.А. ван Дейка и В. Кинча [36, 153 и след.], которые считают, что в основе всех современных теорий когнитивной лингвистики лежат исследования Харриса по анализу связного текста и понятие схемы как модели знаний о мире Бартлетта (ср. терминологию Ч. Филлмора: с ц е н а – реальные события, факты; с х е м а – концептуальная система; ф р е й м – языковое обеспечение; м о д е л ь – индивидуальное представление говорящим [125, 106–110]). Ван Дейк и Кинч представляют стройную систему ("основания теории", в их терминологии) понимания текста слушателем или читателем. Авторы делают вывод, что нет единого, целостного процесса понимания, особо выделяя индивидуальные различия в таких составляющих обработки текста, как "долговременная память", "знания", "стратегии использования знаний", "когнитивная информация (убеждения, общепринятые мнения, установки, личные мнения и оценки)". Что касается компонентов когнитивной информации, то, очевидно, наряду с денотативным и референциальным (в том числе дейктическим) содержанием в качестве компонентов передаваемой информации выступают языковое коннотативное значение, эмотивное значение, ассоциативный фон, оценочное значение. Так, Ч. Филлмор считает, что все современные когнитивные теории в определении набора компонентов информации и границ фрейма не оригинальны и восходят к идеям Дж. Милля, высказанным в первой половине XIX в. [126, 57].

Что привлекает в когнитивных теориях языка и попытках ученых разгадать механизмы речемыслительных процессов? Конечная цель специалистов по культуре речи – выработать приемы оптимального построения высказываний и стратегий и тактик успешного понимания. Насколько далеки мыслительные процессы от привычной языковой материи, насколько они "нелингвистичны"? На эти вопросы отвечают уже несколько поколений лингвистов, возвращаясь к необходимости изучения скрытых механизмов речи. Ср. высказывание Л.В. Щербы: «...процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не

менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем "языком", и... они обусловливаются тем же, чем обусловливается возможность и процессов говорения» [137, 40]. Ср. также: "В какой степени язык точно и полно выражает наши мысли и чувства? <...> мы еще, как и ранее, очень далеки от полного прояснения этих проблем" [99, 11].

Важно, что в когнитивной лингвистике при посредстве исследований в области нейрофизиологии, нейролингвистики, психолингвистики установлено, что многие составляющие ментальных процессов и типов временны́х и операционных связей имеют сложное строение и модульный характер функционирования [16, 93–152]. В.З. Демьянков считает, что все многообразие концепций понимания можно свести к девяти группам. В каждой из этих групп тематизирована одна из задач понимания. В.З. Демьянков рассматривает эти задачи на правах модулей: "Модульный взгляд на построение систем и теорий связан с таким разделением одной целой задачи на несколько подзадач – модулей, – которое допускает работу модулей во взаимодействии между собой, но без вмешательства во внутреннюю технику друг друга. При моделировании понимания такой подход позволяет в рамках каждого модуля рассматривать переплетение различных операций интерпретации" [37, 26]. Демьянков выделяет следующие модули: использование языкового знания, построение и верификация гипотетических интерпретаций (понимание параллельно линейному развертыванию речи; адекватное понимание связано с распознаванием истинных иерархий в высказывании, с переосмыслением ранее сказанного и понятого, а также с выстраиванием интерпретаций по шкале правдоподобия), "освоение" сказанного (построение "модельного мира"), реконструкция намерений ("микротеория" слушателя о целях и мотивах), установление степени расхождения между внутренним и модельным мирами, установление связей внутри модельного и внутреннего миров, соотнесение модельного мира со знаниями о действительности, соотнесение интерпретации с линией поведения, выбор "тональности" общения. Демьянков замечает, что понимание также обладает своей стилистикой, позволяющей типологизировать субъектов интерпретации.

Когнитивную лингвистику интересуют те же вопросы, что и культуру речи: каким образом связаны и как участвуют в организации текста (или высказывания) и его понимании языковая семантика, синтаксис и прагматические составляющие. Выражение "слово изреченное есть ложь" вполне соответствует тому действительному положению, когда содержание коммуникации всегда шире языковой семантики и знание значения языковых единиц не обеспечивает возможности говорить и понимать. Метафорические выражения "смысл есть функция значений" или "смысл есть интеграл значений" не отражают реальных отношений между языковыми значениями (как гипотетическими сущностями) и всегда определенным смыслом, компоненты которого могут выражаться (в эксплицитной или имплицитной форме) или не выражаться. Поэтому в когнитивной лингвистике единицей

анализа становится не слово, а "конструкция знания", фрейм [35, 123 и далее; 69, 350, 356; 126, 222–254]. Дж. Лакофф, предлагая термин "гештальт" (весьма неопределенное, по его мнению) для обозначения структур, которые лежат в основе организации мыслей, восприятия, эмоций, процессов познания, моторной деятельности, языка, считает, что центр тяжести создания моделей языковой деятельности переносится из сферы лингвистики в сферу теории познания. Более определенное понятие фрейма: фрейм "подсказывает" обычную форму своего представления, содержит "основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом" [35, 16]. Фрейм обусловливает семантико-синтаксическую организацию высказываний, тип диалога или монолога, принятые в данном языковом социуме. Таким образом, фрейм является элементом когнитивной структуры т е к с т а; она представляет собой более высокий уровень организации речи.

Фрейм как способ существования в языковом сознании ментальных процессов, отражающих реальность и самих себя, в настоящее время не является универсальным приемом объяснения речи-мысли. И если психологи и нейрофизиологи экспериментально доказывают совместную актуализацию при восприятии речи "зон знаний", "памяти" и "эмоций", то философы пришли к аналогичным выводам логическим путем: "Познание и ценностное отношение составляют две неразрывные и равные по своему значению стороны <...> к человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению... Познание является основой переживания любого объекта, как и, наоборот, интерес, страсть по отношению к объекту повышают эффективность его познания" [81]. Эмотивное, ценностное отношение в качестве компонента лексического значения, словообразовательного или синтаксического, имеет сложное, еще не до конца изученное взаимодействие с денотативным значением, которое проявляется в диахронии, развитии полисемии, появлении переносных значений, метафорических употреблений. Кроме того, в этих процессах выявляется существование в структуре значения и дейктического компонента. Так, во многих работах отмечается одинаковая денотативная основа прилагательного *правый* и похожая картина развития полисемии в абсолютно не родственных языках: правая рука называется *правой* "1) по основному, совершаемому ею действию; 2) "правый" → "лучший", "более удобный" и пр.; 3) "правый" → "прямой" [84, 54]. Первая модель является основой метонимических переносов: "рука, которой едят" (швед.), "рука, которой стреляют из лука" (индейск. атакапа). Вторая модель сигнализирует о наличии оценочного компонента, который является основой для метафорических переносов: в финно-угорских языках – "хороший", аналогичная картина в латышском, древнеисландском, датском, шведском; в германских, древнееврейском, якутском – "южный" (в начале ориентации – лицом к востоку); в древнеанглийском, древнеисландском – "мужской"; в языках банту – "есть-рука", "мужская рука", "настоящая рука".

Таким образом, общий концепт "правый" в разных языках имел в

диахронии сходную шкалу денотативной прикрепленности, оценочности и эмотивности. Ср. также общность языкового осмысления в разных языках одного и того же концепта "неизрекаемое", таинственное, сокровенное, невыразимое чувство, особенно в поэтической речи, местоименным словом *это, нечто,* англ. *it* (см. анализ поэтики Э. Дикинсон [119, 123]).

Практических рекомендаций фреймового представления той или иной ситуации, факта для культурно-речевой практики, естественно, дать невозможно: любой фрейм (и конкретная языковая модель) будут беднее концепта, включающего нетривиальным образом эмотивные и оценочные компоненты, составляющие суть языковой компетенции и основу владения языком. А фреймовая модель в том или ином виде всегда представляет обобщенные данные восприятия или знания в виде шаблонов-структур. Применение фреймов при интерпретации текста обусловливает активизацию когнитивных, эмотивных и оценочных элементов языковой компетенции, что предполагает присвоение "с в о е г о" м и р а тексту. При понимании текстов с фигуральным смыслом или поэтических текстов создание такого суперфрейма носит творческий характер, и, вероятно, это создание не может быть стереотипизировано. Однако фреймы способствуют выявлению коммуникативных потенций языковых единиц разных уровней.

Кроме "сценарного" представления в языке реальных ситуаций, когнитивная лингвистика поставила вопрос о предназначенности языковых категорий (и форм их выражения) в концептуализации действительности. Спецификация языковых единиц различных уровней и системы грамматических категорий, по сути дела, имеет семиотическую основу и проявляет свои свойства безотносительно к прагматике. Однако можно сделать вывод о том, что в диахронии эти языковые механизмы складывались под влиянием речевой практики. Не случайно, что глубокое изучение категориальных значений и вопросов референции началось в русле зарождавшейся функциональной лингвистики (см., например, [139] – выявление шифтеров глаголов). Значение грамматических категорий формировалось на основе глубинного человеческого осознания места человека в мире, в космосе, среди людей, поэтому отражение действительности в языке всегда сопровождается обязательными координатами времени, пространства, маркерами социальных и этических ориентиров человека, постоянной точкой отсчета – наблюдателем (им может быть и говорящий). В русском языке д е й к т и ч е с к у ю ф у н к ц и ю выполняют видовременные характеристики предикатов, референтная отнесенность имен в приглагольных позициях субъекта и объектов, семантика наречий, местоимений, служебных слов, модели предложения и ее парадигматических связей. Так, например, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [20] показывают, что пространственно-временная локализация является суперкатегорией предложения; см. также детализацию этого положения в работе [140].

Анализ семантико-синтаксической организации предложений с одним типом предикатов – синтагматического класса акциональных

глаголов локально направленного действия (тип "покрывать, оцеплять, пропитывать" и т.д.) [67] – свидетельствует, что в зависимости от разных коммуникативных установок говорящего и позиции наблюдателя эти глаголы могут появляться в различных структурных моделях предложений: они функционально предназначены для обозначения широкого круга процессов и ситуаций. При этом акциональные глаголы могут "терять" сему действия, подчеркивать своим значением итоговое состояние объекта действия, локальные отношения между предметами, указывать на место предложения в тексте. "Указатели" коммуникативной предназначенности: видовременные формы глаголов, референтная характерстика имен в субъектной позиции (в том числе употребление их в значении определенной референции), актуальное членение, порядок слов, сигналы деривационных отношений с другими конструкциями, возможность распространения предложений модальными словами (например, *следует, необходимо* и т.п.), придаточными предложениями, преимущественное употребление предложений с тем или иным предикатом в форме причастия или деепричастия (сигналами релятивизации или значения результата); ср.: *В с я с е м ь я была в сборе, и о б с е л а кругом дымившийся пшенной кашей котелок* (А. Серафимович; определенная референция, коллективный субъект действия или сущ. во мн. ч.); *О т о р а ч и в а л и озеро лохматые пихты, кедры* (Вс. Иванов); *Потому и дышит глубоко / Нежностью п р о п и т а н н о е слово* (С. Есенин); *...актер, с головы до ног о п у т а н н ы й театральными традициями и предрассудками...* (Чехов); *...вторая когорта венцом о п о я с а л а гору* (М. Булгаков; ср.: *опоясала, как венец*).

Д л я о р т о л о г и и с у щ е с т в е н н о, что различные способы концептуализации окружающего мира, запечатленные в языковых категориях и их соотношениях, дают системы синтаксических, семантических, стилистических помет, которые должны составлять о б я з а т е л ь н у ю ч а с т ь статей в нормативных и стилистических словарях.

Говоря о роли наблюдателя в организации высказываний [95; 94; 140] и, шире, текста в динамике развития, т.е. дискурса, мы делаем вывод о неразрывной связи категории дейксиса и категории оценочности. Можно говорить о наличии в языке глобальной категории о т н о ш е н и я с у б ъ е к т а и необходимости многоаспектного рассмотрения субъектного начала в языке (и в плане ортологии, и в плане стилистики). Ср. диффузность отношений категории дейксиса (временно́го, пространственного, категории определенности/неопределенности) и оценочности в таком функциональном стиле литературного языка, как научный стиль, где редуцируется личностное "я" и вводится обобщенный образ автора; языкового осмысления "ты-общения" как б л и з к о г о отношения и "вы-общения" как н е б л и з к о г о, дистантного отношения. Таким образом, действие этой категории проявляется на когнитивном и эмотивном началах, затрагивает традиционный вопрос культуры речи – образность и выразительность речи.

В настоящее время установлено, что в основе всех образных, ассоциативных представлений лежит мыслительная операция аналогия. Лингвисты говорят о наличии буквального и небуквального языкового значения, о проекции характеристик одного референта на характеристики другого референта [80]; в теории речевых актов различаются значение предложения и значение говорящего. Новое объяснение природе метафоры дают когнитивная лингвистика и психолингвистика: "...сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется еще более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры осуществляется на двух принципиально различных уровнях – пропозициональном и образно-ассоциативном" [98].

Когнитивная лингвистика открыла и причины процессов компрессии и элиминирования – важных с точки зрения культуры речи феноменов речи в плане и ортологии, и стилистики. Эти причины коренятся в сложном процессе взаимодействия человеческого мышления со своим собственным знанием. Известна попытка формализации этого процесса [165], описаны некоторые наиболее часто повторяющиеся приемы сокращения фрагментов мысли, элиминирования определенных типов силлогизмов [62, 79]: "Способность некоторых сверхфразовых единств, сложных и простых предложений, а также словосочетаний и сложных слов выражать целое умозаключение есть проявление законов мышления, осуществляющихся в формах естественного языка и заключающихся в максимальной редукции языковых средств" [там же, 79]. Однако поиск и классификация "текстовых указателей" авербального смысла, сигналов "приращения значения" языковых единиц разного уровня – дело будущего, задача нескольких смежных дисциплин. Могут быть поставлены следующие вопросы: 1) какие именно логические цепочки чаще всего эксплицитно не выражаются? 2) какие языковые факты могут свидетельствовать об элиминировании фрагментов "картины мира"? 3) как соотносятся языковая и логическая "картины мира"? 4) как связаны интерпретативные способности говорящего в различных функциональных разновидностях языка с системой невыражения смысловых фрагментов?

Интерпретативные возможности говорящего (общие закономерности и индивидуальные особенности) находятся в центре внимания всех лингвистических дисциплин, а также других наук, потому что этот синтетический в своей основе процесс является главным показателем человеческого феномена владения языком. Ср., например, задачу Л.В. Щербы (1931): создание "грамматики говорящего", теории вариативной интерпретации действительности, теории речевого воздействия, теории риторической коммуникации – эти и другие направления исследований имеют своей составной частью изучение репертуара коммуникативных единиц. И если в традиционной описательной лингвистике основное внимание уделялось лексическому значению и слову как центральной единице языка, то синтаксические конструкции, синтаксические свойства слов и их стилистическая и текстовая ориентация стали объектом изучения только в последние 20 лет. Отражением

неразработанности проблемы коммуникативных свойств являются грамматики и словари, в которых нет помет, указывающих на семантико-синтаксические свойства слов, их категоризацию с точки зрения когнитивных моделей и, следовательно, коммуникативных потенций. Однако самая удачная теория интерпретации не может "работать" как когнитивная модель речевой деятельности без детализации наполнения "слотов" в каждом фрейме конкретными языковыми элементами.

Описание коммуникативных свойств единиц языка ставят своей задачей разные направления функциональной лингвистики.

Понятие функции – базовое и методологическое в современных гуманитарных науках. Что касается языка, то его функции, или роли, – коммуникативная и когнитивная (по мнению нейропсихологов, вторая доминирует над первой). И если когнитивной функции языка посвящены многие лингвистические исследования в номинативном аспекте (семасиологические и ономасиологические), то коммуникативная функция языка стала объектом отечественной науки только в XX в. При всем различии в направлениях функциональной лингвистики [75, 565–566] внутренняя структура языка описывается при помощи термина "функция" в следующих значениях: "предназначенность" (назначение единиц разного уровня для их употребления в составе единиц более высокого уровня), "роль" в формировании смысла высказывания или компонентов смысла, "синтаксическая позиция" в составе высказывания. Все три значения термина "функция" связаны и с семиотической стороной исследований языка, и с синтаксической (вернее, синтагматической), и с прагматической; это сочетание присутствовало изначально и в первой теоретической работе функционалистов – "Тезисах Пражского лингвистического кружка".

Для культурно-речевой проблемы поиска способов оптимизации в речевом общении – правильного выбора языковых средств и правильного восприятия сообщения – важно рассмотрение трех, на наш взгляд, основных функциональных направлений: функциональная грамматика, аналоговый синтаксис и функциональный генеративизм.

Функциональная грамматика, совмещая методы исследования "от семантики языковых единиц" и "от формы", рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций. Разделяется функция-потенция и функция-результат, причем закономерности реализации функции-потенции приписываются системе языка [121, 5–18], хотя происходит реализация в конкретных условиях речевой деятельности. Этот подход восходит к идеям изучения языка от содержательных элементов через средства их выражения (А.А. Потебня, А.А. Шахматов, И.И. Мещанинов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ф. Брюно, О. Есперсен, Э. Бенвенист).

Группировка разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе общности их функций, происходит через систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории в

функциональные семантические поля. В них устанавливаются центральные и периферийные элементы, выделяются зоны пересечения с другими полями. Например, залоговость определяется "как комплекс функционально-семантических полей, которые охватывают разноуровневые средства, характеризующие глагольное действие в его отношении к субъекту и объекту как семантическим категориям, которым соответствует тот или иной элемент синтаксической структуры предложения... Данный комплекс включает поля активности/пассивности, возвратности (рефлексивности), взаимности (реципрока) и переходности/непереходности. В каждом из этих ФСП заключен особый аспект характеристики глагольного действия (а тем самым и ситуации в целом) с указанной точки зрения" [122, 126]. Морфологическая природа глаголов и деривационные связи позволяют объяснить ненормативность окказионализмов: **Эта истина знается всеми;* **Вопрос проанализировался.* Однако, на наш взгляд, морфологические категории более четко описываются через понятие ФСП, чем синтаксические. Кроме того, в задачи функциональной грамматики входит не создание общей теории языка, а лишь объяснение принципов взаимообусловленности употребления единиц разного уровня.

Большую перспективу для рекомендаций в области ортологии и стилистики представляют исследования в другом направлении функциональной лингвистики – функциональном синтаксисе, по терминологии Н.А. Слюсаревой – аналоговом синтаксисе [112, 77–80], единицы которого отражают (различными способами) реальные факты и события. Из всех "ответвлений" этого функционального направления более всего известна "падежная грамматика" Ч. Филлмора, которая активно используется в новых прагматических течениях – теории вариативной интерпретации действительности и теории речевого воздействия.

Ч. Филлмор основывает свое понимание строения предложения на так называемых глубинных падежах, которые являются характеристиками имен с точки зрения их отношения к предикату, разрабатывает идею о ступенчато организованной перспективе предложения. По его мнению, перспектива предложения состоит из двух структур: "более" глубиной ядерной структуры, намечающей предикативный центр, и "менее" глубинной, предписывающей каждому предикату падеж имени, который обусловливает роль и категориально-семантическое качество приглагольных имен. Ядерные элементы играют "важные", по терминологии Ч. Филлмора, семантические роли, представляют каркас предложения, определяющий тип грамматических отношений. Способностями к таким семантическим ролям обладают только некоторые логико-грамматические субстанции: "лицо", "предмет, подвергающийся изменению", "предмет тотального охвата действием". В функции субъекта могут употребляться имена строго определенной семантики, а среди них статус агенса могут иметь имена, называющие лиц или одушевленные имена существительные. Список разрядов имен, способных быть агенсом при том или ином типе предиката, дает непротиворечивую классификацию глаголов и позволяет отделить исходные

конструкции от их трансформов и неправильно построенных предложений. В последнее время Ч. Филлмор вместо термина "падежная грамматика", или "падежная иерархия", ввел понятие "иерархия выделенности", которое отражает установление рангов элементов, отобранных в ядро предложения [125, 104–105].

Работы Ч. Филлмора созвучны трудам генеративистов, последователей и критиков Н. Хомского. Их объединяет признание центрального положения синтаксиса в языке, исследование значения с точки зрения построения и понимания высказывания и, шире, текста [69, 302–349; 25, 123–170].

Общие черты с грамматикой Ч. Филлмора имеет референциально-ролевая грамматика. Ее особенность – рассмотрение соотношения между коммуникативной функцией и формой, вопроса омонимии форм (существования одинаковых форм с различными функциями) и синонимии форм при реализации одной и той же функции [22, 388–400]. Уровень элементарного предложения Р. Ван Валин и У. Фоли связывают с существованием еще одной системы – с организацией предложения в терминах дискурсных ролей его компонентов: "прагматическая значимость задается двумя взаимодействующими факторами. Ими являются, с одной стороны, выделенность в дискурсе (т.е. определенность, конкретность и данное), а с другой стороны, то, что... называется фокусом интереса говорящего. В него попадает участник, которого говорящий считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации" [там же, 389].

На аналогичных позициях стоят последователи Л. Теньера во Франции, в Германии, Чехии и Словакии [147; 173; 168; 146; 154; 145]. Чешская интенциональная теория предлагает комплексную модель предложения, которая организуется функциональными позициями с частеречными и падежными характеристиками, предписывающими правила замещения элементов модели. В результате получается семантическая классификация предикатов и субъектов.

Функциональные исследования в сфере синтаксиса предложения привели к следующему итогу: значение предложения, в основе которого лежат диктумные (Ш. Балли), или пропозициональные, его характеристики, связано правилами тематизации со смыслом предложения. При этом термин "функция" значит 'предназначенность, способность занимать определенную позицию' и 'роль в формировании смысла высказывания'. Отсюда обусловленность линейной организации предложения: центр внимания говорящего (фокус, тема) в процессе развития языка (в диахронии) структурируется как подлежащее: "...подлежащее – это грамматикализованные топики" [74, 228]. Тема когнитивно и коммуникативно детерминирована [47, 164; 68, 507–511], она организует синтагматическое развертывание предложения, его функциональную перспективу [53, 309–317; 129; 114, 335–348; 112, 100–116; 153]. Во всех случаях тема предложения через разные значения залога как категории предложения влияет на глагольное окружение и значение глагола-предиката. Термину "тема" соответствуют в специальной литературе термины "эффициент" (Р. Мразек),

"агенс" (Фр. Данеш, Зд. Главса), "актор" (М.А.К. Хэллидей), "инициатор", "каузатор" (Фр. Штиха), "фокус" (Д. Зубин).

Решение вопросов семантико-синтаксической организации предложения в функциональной лингвистике актуально для культурно-речевой практики и теории: это позволяет дать правильные рекомендации падежного оформления лексем и выбора порядка слов, уместности употребления того или иного глагола в роли сказуемого в том или ином случае. Кроме того, функциональная лингвистика разрабатывает важный вопрос ближайшего контекстного окружения предложения и коммуникативного типа текста. Так, тематизация неодушевленного существительного в вин. падеже со значением места в предложении, имеющем динамичный глагол-каузатор, возможна в том случае, если существует постоянный пресуппозиционный фон типа *Я (он, она) чувствую, вижу, ощущаю, слышу* и т.п.: *Мое лицо заливает краска смущенья; Костя видит, как глаза ребятишек горят живым пониманием, как жадно они слушают рассказчика-военкома, – глаза Костины охватывает туман* (Ставский). Таким образом, такого рода предложения обозначают сенсорно воспринимаемые процессы; способ тематизации (вин. пад. имени в позиции подлежащего) показывает, что они контекстуально не свободны.

Исследования семантико-синтаксической организации высказываний на уровне предложения (пропозиции) в русле функциональной лингвистики позволяют дать конкретные рекомендации в ортологическом аспекте; таким образом, определяется: 1) предназначенность моделей предложений для обозначения определенных процессов и ситуаций; 2) ориентация моделей на определенные коммуникативные установки, выявление различных пресуппозиционных элементов; 3) категориально-семантическое качество имен в той или иной синтаксической позиции; 4) исчисление нулевых позиций и возможности эллипсисов; 5) определение всех типов деривационных отношений модели предложения и, естественно, всех гомоморфных глаголов-предикатов с определенным в каждом конкретном случае соотношением грамматических характеристик (вид, время, лицо); 6) направление развития полисемии; 7) "зона" языковых метафор. Так, например, поскольку межмодельные связи конструкций с гомоморфными глаголами регулируются узусом, исторически складывающимися связями, в настоящее время неупотребителен автокаузатив *окружаться (окружиться)* кем/чем-л.; ср. употребление в XIX в.: *Он, окружась толпой врачей, / На ложе мнимого мученья / Стоная, молит исцеленья* (Пушкин). В конструкциях с релятивным значением глаголов, причастных форм отсутствует категория времени: эти конструкции не соотносятся с временны́м планом, имея статичное значение характеризации признака, например: *Стрельчатые окошечки, з а б р а н н ы е декоративными решетками* (В. Солоухин); *...кафтаны, в ы л о ж е н н ы е шнурками* (Гоголь); *...туфли с черными замшевыми накладками-бантами, с т я н у т ы м и стальными пряжками* (М. Булгаков). Таким образом, выявление содержательных характеристик конструкций способствует определению

их коммуникативного потенциала: фрагменты с глаголом-релятором коррелируют (и являются синонимами) с безглагольными словосочетаниями: *окошечки с декоративными решетками; кафтаны со шнурками; туфли со стальными пряжками.*

Существен для ортологии определенный функциональной лингвистикой статус нулевой синтаксической позиции в модели предложения [143, 1–6; 159, 211–212; 131, 192–198; 72, 158–160]. Традицией, идущей от Ш. Балли, принято считать нуль анафорическим элементом. Одно из последних – определение синтагматического нуля у Ю.К. Лекомцева: "В лингвистике синтагматическим нулем ($\varnothing_1$) называется значимое отсутствие звукового (графического) сегмента". Если $\varnothing_1$ есть символ пропуска некоторого элемента x_1, то предполагается, что какие-то семантические признаки элемента x_1 остаются при символе $\varnothing_1$ или закрепляются за элементами окружения x_1. При этом добавленные признаки имеют особый статус и структуру: они связаны между собой строгой дизъюнкцией (разделительное *или*) и увеличивают неопределенность той единицы, которой принадлежал x_1". "Таким образом, символ $\varnothing_1$ оказывается эквивалентным наличию некоторых сем из означаемого для сегмента x_2" [72, 158–160].

Как правило, в глагольном предложении семантика глагола или его именного распространителя указывает на семантическую область такого анафорического элемента, как синтагматический нуль, ср.: предложения с глаголом сов. вида со значением непроизвольного ØØдействия, имеющего своим следствием отрицательный результат, как правило, употребляются с нулевой синтаксической позицией – твор. падежом; к этой группе глаголов примыкают эвфемизмы; например: *вы́возить* (прост.) *платье, закапать письмо, залить скатерть, замусолить книжку, зашаркать прихожую, извозить пальто* (прост.). Такую же денотативную природу анафоры демонстрируют предложения с глаголами-профессионализмами; например, *вязать камни* ('скреплять цементом'), *загружать домну, заваливать печь, заваривать трубу, задраивать иллюминаторы, запаривать ткань, муровать котел, окуривать поля, опрыскивать лес, сваривать рельсы;* аналогичная ситуация с глаголами иноязычного происхождения: *драпировать стену, мульчировать почву.*

При употреблении в глагольных предложениях может происходить противоположный процесс: возникновение именного распространителя при глаголе, несмотря на то что лексическое значение такого распространителя включено в лексическое значение глагола, т.е. отыменный глагол своим словообразовательным значением накладывает "запрет" на появление распространителя; например: *Бегемот отрезал кусок ананаса, посолил его, поперчил* (М. Булгаков). Но глагол может приобретать отвлеченное значение доминанты своего лексического поля, а инкорпорированный распространитель лишь сужает его значение, поэтому "запрет" может быть нежестким: запрет на появление однокоренного существительного; например: *фаршировать*

колбасу ливером, но не *фаршировать колбасу фаршем*. Однако общий компонент значения глагола может доминировать, и это обусловливает появление и однокоренной словоформы, но обычно с определением, несущим новую информацию; например: *бинтовать палец узким бинтом, мазать ранку новой мазью, замелить вытачку розовым мелом; После – под звон телефона / – Посыльный конверт подавал, / Надушенный чужими духами* (Блок); *Афраний вынул из-под хламиды заскорузлый от крови кошель, запечатанный двумя печатями* (М. Булгаков). Интересно, что появление такой синтаксической позиции возможно даже в конструкциях с глаголом-термином: глагол-термин в процессе своего употребления также может "обрастать" оттенками отвлеченного значения, например: *позолотить медью, серебром; провощивать нитки парафином*. В художественной литературе тем более оправданно появление отвлеченного значения у глагола с первоначальным конкретным значением, см., например: *Белилами румяню бледность* (М. Цветаева).

Приведенные примеры показывают, что функциональная лингвистика для объяснения закономерностей синтаксического поведения слов и модификаций моделей предложений нашла опору в теории порождающей грамматики (ср. противоположную концепцию – понятия инвариантных и вариантных единиц в описательной лингвистике), где впервые был поставлен вопрос об исходных и производных структурах (базисных, глубинных и поверхностных). Для культурно-речевой практики, а именно для текстового и стилистического анализа, близок такой аспект исследований функциональной лингвистики, как определение степени з а в и с и м о с т и моделей предложений и в связи с этим вопрос об элементарной (в меньшей степени зависимой от окружения) модели предложения. Этот аспект исследований использует методологический конструкт производности конструкций – деривацию. В настоящее время круг деривационных процессов не определен достаточно четко. Помимо каузации, декаузации, компрессии, контаминации, универбизации, номинализации, конверсии к синтаксической деривации относят трансформации и перифразы. Для иллюстрации этого положения рассмотрим два высказывания: *Устойчивость традиций отличает всю восточную культуру* (начало абзаца; Н.А. Дмитриева, Н.А. Виноградова "Искусство Древнего мира". М., 1986) и *Вся восточная культура отличается устойчивостью традиций*. Второе предложение по строению более элементарно, так как здесь совпадают отношения трех уровней: логические отношения субъекта ("восточная культура") и признака ("устойчивость традиций"), тема-рематическое строение (следование: тема – рема) и подлежащно-сказуемостная структура: нормальная препозиция подлежащего. Первое предложение представляет собой экспрессивный и контекстно несвободный вариант.

Как отдельное направление функциональной лингвистики выделяется функциональная порождающая грамматика (ФПГ) [170]. ФПГ выявляет взаимосвязи и взаимозависимости разных единиц пяти

уровней языка; она выработала критерии различения значений одного и того же падежа в структуре предложения, его функции (актанта, партиципанта, внутреннего дополнения). С помощью теста на отрицание выявляется пресуппозиция (термин Е. Гайичовой – "аллегация"). Решая вопрос о синонимии, ФПГ рассматривает различные случаи асимметрии формы и функции, оставаясь на позиции только языковых критериев и требовании функционирования слова или предложения в одном и том же типе текста. Конверсивы и рефлексивы, следовательно, не могут организовать синонимичных предложений: *Петр купил у Ивана автомобиль* не является синонимом *Иван продал Петру автомобиль* или *Он разрезал сыр на пять кусков* и *Сыр разрезался (им) на пять кусков*.

В отличие от чешских ученых большинство отечественных лингвистов считает, что существуют модели высказываний в языковой системе и они воспроизводятся, а не производятся на основе схем предложений, т.е. актуальное членение не относится к особому уровню [58, 31, 36; 134, 98–100, 148; 87]. Это существенно для культурно-речевой типологии высказываний: типы актуального членения связаны с определенными структурными моделями предложения и ориентированы на определенный коммуникативный или функционально-стилистический тип текста. Так, например, предложения рематической структуры (все предложение – "новое") характерны для такого стиля речи, как публицистический: в различных жанрах этого стиля эти предложения употребляются в начале текста, а в текстах информационных жанров они доминируют на протяжении всего изложения.

Репертуар высказываний в реальной речевой ситуации, диалогах, различных типах общения может изучаться при помощи теории речевых актов. Эта теория представляет собой спецификацию общей теории речевой деятельности (которая, как известно, носит целенаправленный характер). Дж. Серль, один из основателей теории речевых актов (ТРА), в конце своего исследовательского пути фактически повторяет постулаты современной психолингвистики и когнитивной лингвистики: мышление довербально, "язык является логически производным от интенциональности. Наша способность соотнести себя с миром посредством интенциональных состояний мнения, желания и др. биологически более фундаментальна, чем наша вербальная способность. Следовательно, речь должна идти не о проблеме объяснения интенциональности в терминах языка, а, наоборот, языка в терминах интенциональности" [92, 382].

Объектом исследования в ТРА является акт речи, т.е. высказывание говорящего, адресованное слушателю, в определенной ситуации общения. Главное внимание в ТРА уделяется иллокуции – манифестации цели говорения, а перлокуция – воздействующий эффект речи – издавна изучалась риторикой. В определении иллокуции самый существенный момент – распознавание коммуникативного намерения (по П. Грайсу), или "открытой интенции" (по Стросону) [55, 13–14].

Пограничной сферой интересов с культурой речи является также понятие о коммуникативной неудаче. ТРА поставила вопрос о типо-

логии коммуникативных неудач и о выявлении условий успешности речевого акта.

Поскольку коммуникативное намерение представляет собой невербальный компонент высказывания, правильность интерпретации речи слушателем зависит от условий истинности высказывания (его "возможных миров"), языковой компетенции слушателя и его личностных характеристик, в которые входит и умение "узнавать" языковые формы, соотносить их смысловую нагрузку с общим смыслом высказывания, а также с "собственным" концептом. Большую роль также играют потребность и степень заинтересованности в общении слушателя, перспектива его поведенческой реакции [1, 322–363]. Языковая компетенция слушателя заключается прежде всего в знании им "разговорных максим" [32, 217], благодаря которым говорящий стремится "обеспечить усвоение" [116, 130; см. ссылку на Остина]. Общий принцип – принцип Кооперации – "фундаментальный фактор, регулирующий процессы интерпретации текста слушающим и прогнозирования этой интерпретации говорящим, – обладает статусом априорного, но способного к изменению обоюдного допущения слушающего и говорящего, которое также может быть названо... Принципом Оптимальной Интерпретации" [127, 371]. Ср.: М.М. Бахтин ввел понятие "высшей инстанции ответного понимания", которое представляет собой "конститутивный момент целого высказывания" [12, 323], – нацеленность речи на идеального слушателя, обусловливающая правильное понимание. Д. Франк пришла к выводу, что интерпретативный процесс "никогда не может быть сведен к простому механическому применению правил; по своему характеру этот процесс ближе к конструированию правдоподобных гипотез, чем к логической дедукции" [127, 372], поскольку предположения о целях или убеждениях говорящего никогда нельзя полностью верифицировать. Критикуя теорию речевых актов, Д. Франк отмечает "приблизительность" этой теории: каждый речевой акт рассматривается изолированно и в перспективе, задаваемой постфактум, в то время как речевые акты как единицы общения должны интерпретироваться в процессе их конструирования.

Естествен вопрос об исчислении речевых актов. В теории культуры речи должен быть поставлен вопрос о репертуаре высказываний, закрепленных традицией за выражением той или иной интенции говорящего (страх, просьба, сомнение, опасение, приказ и т.д.). Критики теории речевых актов отрицали возможность их исчисления из-за абстрактности их схем, оторванности от реальных социальных условий, из-за неучтенности многих параметров их возможного употребления. Правила использования языка Остина, Серля, Грайса без возможности контроля за результатом и учета хода речевого взаимодействия действительно представляли собой лишь экспликацию некоторых обязательных элементов речи ("будьте настолько информативны, насколько это необходимо"; "не говорите ничего такого, что бы вы считали не соответствующим истине"; "говорите понятно"; "говорите то, что относится к данной теме").

Эта теория не акцентировала тему интерпретации, хотя Грайс

привлек внимание к анализу небуквальных значений выражений [32, 217–236] и установил, что адресат способен понять, что интенция говорящего отличается от значения высказывания, если он обладает языковой компетенцией. Специально этим вопросом занимался Д. Вендервекен.Он сделал вывод, что успешное понимание зависит от правильного предположения относительно авторской интенции, построенного на очевидных языковых сигналах: "Во-первых, любая иллокутивная сила может быть разделена на шесть компонентов, а именно: иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, пропозициональное содержание, подготовительные условия и условия искренности, показатель силы условий искренности. Во-вторых, две иллокутивные силы являются идентичными, если, и только если они сходны по этим шести компонентам" [24, 40]. Так, высказывания *Выйдите* и *Не могли бы вы выйти?* имеют разную иллокутивную силу, так как различен показатель силы условия искренности. В высказывании *Извиняюсь* употребление глагола в форме изъявительного наклонения, свидетельствующее об утвердительном характере высказывания, не соответствует максиме Количества иллокутивной силы ("будьте настолько информативны, насколько это необходимо"). Этическая традиция предписывает употребление не косвенного речевого акта, а прямого, т.е. высказать просьбу, употребив форму повелительного наклонения: *Извините (извини).* Однако в других случаях ритуал вежливого обращения допускает (иногда даже предписывает) употребление косвенного речевого акта, например: *Вы не спуститесь со мной?; Вы не могли бы спуститься со мной?* Утверждение вместо просьбы или приказа обычно свидетельствует об уверенности говорящего в выполнении его воли, переносит высказывание из ирреальной модальности в реальную. Опять нарушается максима Количества, на сей раз в сторону увеличения, превышения. Это свидетельствует о заведомо пассивной и подчиненной роли адресата, тем самым нарушаются этические нормы паритетности в общении. Ср. примеры: *Ты спустишься со мной!; Ты сделаешь это!; Ты делаешь это и получаешь за свою работу!* Если сравнить эти высказывания с высказыванием, содержащим просьбу, выраженную модальным глаголом в форме сослагательного наклонения, то можно обнаружить, что они стоят на крайних точках шкалы директивности: сверхсильная иллокуция – в утвердительных предложениях и сверхслабая – в вопросительном.

ТРА элиминировала из зоны своих интересов все обстоятельства совершения речевых актов, но сделала акцент на необходимости использования просодических средств для фокусирования внимания слушателя в общем ансамбле семантических, синтаксических и прагматических элементов высказывания. Так, например, высказывание *Холодно* с интонацией понижения тона может свидетельствовать о таких коммуникативных намерениях говорящего: 1) просьба ("Закрой окно"); 2) информация о низкой температуре; 3) предупреждение слушателя ("Нельзя купаться!"); 4) жалоба на озноб, плохое самочувствие; 5) сигнал в игре "горячо – холодно". В ТРА высказывания не

рассматриваются в реальных ситуациях общения, поэтому квалификация высказываний очень затруднена и исчисление их невозможно. Однако традиция употребления языка позволяет правильно истолковать высказывания, которые (или фрагменты которых) имеют небуквальное значение и тесно связаны с определенным типом поведения или выполнением этических предписаний: эти высказывания имеют устойчивое закрепление за коммуникативными ситуациями. Так, для людей, владеющих языком, не представляет трудности толкование выражения *Как ваши дела?* Существует речевое этикетное поведение в качестве реакции на стимул *Как ваши дела?; Как вы поживаете?* и подобные выражения.

Репертуар небуквальных выражений, естественно, необходим при изучении языка и правил вежливого поведения. Ср. перечисление речевых реакций в виде синтаксических моделей предложений фразеологизированной структуры в Русской грамматике [106].

Кроме практической ценности исчисления небуквальных выражений, для теории и практики культуры речи необходимо выявление несоответствий между смыслом, значением и речевым стимулом и объяснение этих несоответствий в терминах современной научной парадигмы.

Методологический уровень модели речевого общения, характерный для философии языка, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики, сохраняется и в ТРА, хотя центральное понятие ТРА – иллокутивная сила высказывания – свидетельствует о желании авторов ТРА сделать выводы этой теории "руководством" в реальных актах общения, а также при анализе этих актов. Большее внимание к экстралингвистическим условиям общения и к разносторонней характеристике коммуникантов имеет место в исследованиях, выполненных в широком русле лингвистической прагматики. В качестве материала исследования в этих работах рассматриваются не единичные речевые акты, а последовательность речевых актов и тексты. И хотя задачей прагматики является изучение языка в отношении тех, кто его употребляет (т.е. говорящего и адресата), в круг ее проблем входят все составляющие речевого поведения, что объединяет прагматику со всеми лингвистическими дисциплинами, изучающими язык в синхронии: с философией языка (логика истинности, логика оценок), с психолингвистикой, теорией речевой деятельности, когнитивной лингвистикой (вопросы референции, пресуппозиции, тематизации), функциональной лингвистикой (интерпретативные возможности говорящего), риторикой (перлокутивный эффект и персуазивность), стилистикой текста.

Культурно-речевые проблемы не могут быть решены без обращения к достижениям прагматики – науки, которая при решении проблемы значения снимает вопрос о контексте, вводит в метаязык лингвистического описания все оттенки характеристик коммуникантов, трактует речевое общение как социальное поведение. В настоящее время как самостоятельные направления существуют такие аспекты прагматических исследований, как "Прагматическое значение высказывания", "Пресуппозиция", "Интерпретация", "Диалог", "Дейктические знаки",

"Логика оценок". Именно эти направления актуальны для решения культурно-речевых проблем ортологии и эффективности общения.

Вопрос о структуре личности участников общения и типах их отношений тесно связан с проблемами прагматического значения высказывания и интерпретации высказывания (текста), так как, по данным психолингвистики, прагматическая составляющая используется в процессах порождения речи и ее понимания на самых ранних стадиях речемыслительной деятельности.

Данные психологии и психолингвистики подготовили языковедов всех иных специальностей к постулату о диалогической природе сознания и всех видов ментальных процессов, о диалектическом характере их взаимодействия, о модульном принципе функционирования; концепция множественности личности [120, 103–109] также существенно изменила и расширила границы прагматического анализа речевого взаимодействия. Иллокутивная сила, локуция (смысл в соотношении со значением предложения) высказывания определяется правильно, если правильно "угадан" личностный компонент говорящего и слушающего, актуализированный в данном случае: "Смысл предложения-высказывания, будучи порождаем человеком говорящим, связан с различными ипостасями его Я. Имея адресатный характер, смысл нацеливается говорящим, вольно или невольно, на различные стороны Я адресата" [там же, 109]. Исследователи различают такие составляющие личности, как Я социальное, Я телесное, Я интеллектуальное, Я психологическое, Я речемыслительное. В связи с этим очевидно, что вопрос о лидерстве и инициативе в общении лежит в сфере прагматики, социолингвистики и культуры речи.

Наиболее изученным является вопрос об ориентации высказывания на мир знаний слушающего, на его интеллектуальное Я: прагматика опирается на работы в области когнитивной лингвистики (о знании, понимании, мнении, памяти), функциональной лингвистики (фокус и перспектива), психолингвистики (модель этапов порождения высказывания). Так, основное правило поведения для говорящего – это иерархизация информации, которая должна опираться на компетенцию слушающего в плане иллокуции говорящего, энциклопедические знания и владение языком (знание смысловой закрепленности языковых форм): "сначала сообщается та информация, которая необходима для правильной интерпретации последующей" [130, 69].

Следующее обязательное положение – релевантность сообщаемого в данном речевом акте. Именно в этом аспекте получила развитие одна из максим Г.П. Грайса – максима релевантности ("Не отклоняйся от темы!"), которая считалась критиками "наиболее методологически аморфной". С понятием релевантности согласуется правило соблюдения прагматического фокуса ван Дейка, Ван Валина и Фоли [35, 312; 89; 22, 388–400]. Из серии работ, посвященных этой теме, наиболее полной и целостной представляется теория релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон, которая постулирует наличие некоторой когнитивной среды, позволяющей интерпретировать, т.е. выбрать, контекст в соответствии с принципом релевантности для определенного смысла выска-

зывания [136], в то время как "во многих исследованиях так или иначе выражается убеждение в том, что контекст, необходимый для понимания высказывания, не является предметом выбора: в любой момент речевого взаимодействия контекст рассматривается как уникально определенный, то есть как заданный" [там же, 220]; "релевантность рассматривается как некоторая переменная, задаваемая функционированием определенного контекста. Однако с психологической точки зрения эта модель понимания вызывает большие сомнения... Оценка релевантности является не целью процесса понимания, а средством к достижению цели, цель заключается в максимальном повышении релевантности любой обрабатываемой информации" [там же, 225].

По свидетельству В.Р. Ястрежембского [142, 25], принцип релевантности Шпербера и Уилсон неоднократно подвергался критике в специальной литературе (см., например, публикации в журн. "Коммуникация и познание"), имеются попытки усовершенствовать эту теорию введением принципа рациональности; см., например, довольно прозрачно сформулированное правило: "В случае отсутствия поводов допускать обратное принимай говорящего как действующего рационально. Его цели и убеждения в контексте высказывания должны восприниматься как полностью оправдывающие его поведение, если нет указаний на обратное" [там же, 25].

Прагматическая информация – актуальная тема для лексикографии, нормативных и стилистических словарей. Например, Ю.Д. Апресян считает, что прагматическая информация имеет постоянный статус в системе языка и с лексикографической точки зрения наиболее интересны такие типы оценок: общая оценка, оценка по параметру количества, оценка по параметру желательности/нежелательности. Ср.: нейтральное прагматически *инициатор*, отрицательная оценка у слова *зачинщик* и положительная оценка у слова *застрельщик;* высказывание *Сережа съел пять арбузов* с нейтральной оценкой по параметру количества и *Сережа съел целых пять арбузов* – говорящий оценивает количество арбузов как большое, *Сережа съел всего пять арбузов* – оценка количества – противоположная. Ср. также прагматическую окраску синтаксических моделей предложений: *Она... литровку-то о вертушку и разбей* (М. Булгаков); *Мы за него очень боялись, а он возьми и сдай все экзамены на пятерки* [3, 7–44].

Прагматическая информация, в том числе все возможные модальные оценки языковой единицы любого уровня, должны составлять необходимую часть их дефиниции, обязательно представленной в словаре. "Скрытая семантика" частиц и адвербиальных образований довольно часто становится объектом исследований, ориентированных на выявление прагматической сущности высказываний, что является, безусловно, хорошей базой для лексикографии, однако способ экспликации значений, как правило, связан с приведением целого ряда высказываний, текста, особенно при процедурном подходе к описанию, когда вопросо-ответная методика увеличивает объем словарных статей (см., например, [8, 45–69; 96; 88; 56, 147–175]). Так, возможно следующее выражение аксиологического

отношения, заключенного в семантике частицы *что* в вопросе *Ты что, с нами идешь?* – "Я не совсем уверен, хочешь ты пойти с нами или нет, но я в всяком случае не очень хочу этого" [56, 156]. Наречие *достаточно* довольно часто употребляется неправильно, так как говорящий не осознает аксиологический компонент его семантики "в необходимой, нужной; желаемой степени": **достаточно плохой фильм*, **достаточно редкий показ*, **достаточно редко вижу отца*, – который присутствует в каждом примере в неявной форме.

Описание значений многих частиц возможно только в связи с описанием смысла предложения (а не только со значением его), с учетом актуального членения (данное/новое), коммуникативного фокуса (фокуса контраста), категории сопоставительного выделения, эмфазы, т.е. с учетом прагматических компонентов высказывания, подчеркивания говорящим своего отношения к сообщаемому, с прогнозированием реакции слушающего, с указанием на принятые в данном социуме нормы оценок того или иного факта, на известное всем положение дел.

Прагматические исследования по-новому поставили вопрос о сущности пресуппозиции. Если для семантической пресуппозиции важно, чтобы она имела истинностный смысл, представляла собой общепринятую оценку или общеизвестный факт, то для прагматической пресуппозиции важно условие уместности, она касается знания и убеждений говорящего [115; 5, 32–34]. Ср.: семантическая пресуппозиция в следующих предложениях: *Ему у д а л о с ь посмотреть этот фильм (Он хотел посмотреть этот фильм); П р и е г о с п о с о б н о с т я х он может не волноваться по поводу поступления в институт (Он способный);* прагматическая пресуппозиция: *Это ш и к а р н о е платье будет всегда иметь успех* (журн. "Бурда моден").

Если пресуппозиция помещается в ассертивную часть предложения, то высказывание приобретает особый акцентируемый смысл (см. смысл второго и третьего предложений; см. также об этом [89, 154–164]).

Прагматика поставила вопрос о смысле высказываний с глаголами-когнитивами и перформативами, так как эти глаголы выявляют большой диапазон иллокутивных установок у говорящих. Ср. пример Анны Зализняк: *Я тебе высылаю 100 руб.; отец знает, что 10,* – который как минимум содержит еще одну пропозицию. По наблюдениям Н.Д. Арутюновой, широкое прагматическое значение у когнитивов *полагать* и *видеть* обусловлено "сферой рассудка": "во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знания и веру" [4, 7]. Интересно, что тема ментальных процессов получила свое развитие в прагматических исследованиях, посвященных изучению диктумных и модусных характеристик высказываний, под влиянием языковых употреблений: "Учет языковых данных повел к изменению самого представлении о знании" [43, 167]. Для ортологии важен результат этих прагматических исследований: так, выяснены типы пропозиций, в которых не могут употребляться глаголы знания. Это априорные (логические) пропозиции (например, **Я знаю, что существуют*

физические объекты), пропозиции, фиксирующие результаты принятия решения (например, **Я знаю, что поеду на море*), пропозиции, в которых отражены ощущения и собственный опыт субъекта (например, **Я знаю, что вчера у меня болело горло*). Р.И. Павилёнис выявил основной компонент значения глагола *знать:* "Знать – значит всегда полагать истинным" [92].

Прагматика сделала актуальным для всех смежных лингвистических дисциплин вопрос о понимании как главном компоненте деятельности говорящего (прогноз успешности речевого акта), процессе взаимодействия коммуникантов и деятельности слушающего. В прагматических исследованиях получили эксплицированное выражения многие постулаты психологии и когнитивной лингвистики, в том числе положение об активном характере процесса понимания со стороны говорящего и со стороны слушающего, в результате которого происходит "отражение" "отражения", интерпретация интерпретации.

Интерпретативный процесс абсолютизируется в качестве единственного смысла и значения языковых выражений в особом течении современной лингвистики – интерпретационизме [37], которое продолжает традиции генеративизма и теории процедурной семантики [25; 40].

Специалистов по культуре речи работы по проблемам понимания и механизма интерпретации привлекают прежде всего из-за необходимости выработать приемы адекватного конструирования высказываний в соответствии с интенцией говорящего, коммуникативными ожиданиями слушающего. Такая работа перспективна, поскольку описание прагматического эффекта при употреблении той или иной формы (или совокупности форм) имеет не сиюминутную ценность: результаты могут быть применены при конструировании высказываний и текстов с заданными свойствами в соответствии с этапами и уровнями понимания. В связи с этим интересен вывод, к которому пришел Д.Г. Хейс: "Первое представление принадлежит наиболее глубинному уровню, заключительное – поверхностному" [156, 26]. Это согласуется со схемой уровневой структуры языковой личности Ю.Н. Караулова [52, 89], который считает, что прагматический уровень представляет собой высший уровень в модели языка, а прагматикон – завершающий уровень структуры языковой личности. Следовательно, "этапы" понимания таковы: прагматикон автора воспринимается прежде всего вне зависимости от способа выражения, лексикон и тезаурус автора являются средством выражения и одновременно более низкими уровнями языковой личности.

Достижения когнитивной лингвистики в объяснении механизма понимания и в определении компонентов этого процесса используются в прагматических исследованиях, которые имеют немаловажное значение и для теории культуры речи: углубление знаний о языке для совершенствования знания – владения языком. Иллюстрацией такого междисциплинарного интереса к проблеме понимания является работа Н.И. Лауфер о семантической и формальной организации конструкций со значением множества в связи с механизмом распределения внимания [71].

Специфичен процесс понимания при косвенном, непрямом, информировании. Прагматика стала необходимой теоретической базой для изучения техники намекания: для этого необходимо прагматическое понимание речевой ситуации, ее актуального компонента, авторского намерения, личности коммуникантов, их отношения друг к другу. ТРА не может служить достаточным основанием для изучения "техники" косвенного информирования, так как ТРА не оперирует понятием "текст", понятием "нетривиальная мыслительная операция" для вывода смысла из буквального значения высказываний, очевидного смысла текста (при этом могут быть различные соотношения между текстом и намеком) [57, 465].

Актуальность процессов понимания доказывается организацией специальной конференции, посвященной выработке комплексной ("междисциплинарной") теории интерпретативных процессов, которая бы служила методологической базой для всех наук (Прага, 1987 г.). Понятие интерпретации (а также идентификации, моделирования, отражения), безусловно, нуждается в концептуализации, поскольку объединяет множество трактовок этого процесса, его отношения с реализацией персуазивных функций высказываний, текстов.

Для ортологии существен следующий аспект выступлений на конференции: типология ошибок и промахов при интерпретации, вывод О. Шолтыса об относительном характере ошибок (в значительной мере) и закономерности ошибок.

Философский аспект проблем интерпретации также интересен для стилистики и культуры речи: велико значение герменевтики для развития современной эстетики восприятия и значение интерпретативных процессов для формирования методологической базы теории культуры. Для философских аспектов интерпретации необходимо использовать также понятие "компетенция": на это понятие эксплицируются разные сферы интерпретативных процессов, прежде всего в лингвистике и литературоведении [157, 121–129].

Лингвистический аспект изучения интерпретации рассматривается в докладах Я. Корженского "Общая теория интерпретативных процессов и речевая коммуникация", Я. Гоффмановой "Типы и взаимосвязь интерпретативных деятельностей продукта и реципиентов в коммуникативных процессах", И. Небеской "Продуктор/реципиент: специфика их интерпретативных деятельностей", О. Мюллеровой "Коммуникативные процессы и текст как объект теоретической интерпретации" [162; 157; 167; 166]. Так, Я. Корженский исходит из классического понятия семиотики о знаке вообще, в том числе о знаке языковом, и считает, что коммуникативная компетенция является средством осуществления интерпретативного процесса – речевой деятельности. Я. Корженский предлагает различать интерпретацию текста как результата речевой деятельности и интерпретацию в процессе речи – последняя может классифицироваться в зависимости от субъекта интерпретации: участника речевой ситуации, наблюдателя, потенциального ("теоретического") наблюдателя, говорящего и слушающего. Успешность интерпретативной деятельности зависит от формально-содер-

жательной сегментации линейной последовательности речи, от того, насколько правильно говорящий организовал речь в соответствии с принципом социальной обусловленности средств выражения. Весьма перспективным представляется следующее положение доклада Я. Корженского: структурация разных типов интерпретативных процессов позволит моделировать специфическую интерпретативную деятельность автора художественного произведения, конкретный взгляд именно данного писателя на то или иное явление действительности и на этой специфической модели строить схему интерпретации читателя, предвосхищая его творческую интерпретативную деятельность. Таким же образом можно моделировать построение текстов различных функциональных стилей, а внутри стиля – жанров (например, жанр агитации и пропаганды внутри публицистического стиля) и предвосхищать интерпретативную деятельность читателей. Специальным вопросом является различие в интерпретативной деятельности говорящего и слушающего, писателя и читателя.

По мнению Я. Гоффмановой, самое большое различие моделей интерпретативной деятельности "продуктора" и "реципиента" имеет место при анализе письменных текстов, и, напротив, деятельность говорящего и слушающего (при мене ролей, перехвате инициативы – слушающего и говорящего) в ситуации разговора имеет много общего. Безусловно, деятельность говорящего намного сложнее деятельности слушающего или читателя. Автор проецирует воздействие своей речи и предвосхищает конечный результат своих мыслительных операций, учитывая "картину мира" реципиента. Это позволяет ему выработать стратегии изложения, рассчитанные на оптимальное восприятие реципиента. Слушатель, в свою очередь, имеет свой замысел интерпретации и стратегию восприятия. Здесь надлежит следовать определенной мере соответствия между текстом как о б ъ е к т о м интерпретации, с одной стороны, и текстом как р е з у л ь т а т о м интерпретации – с другой. Естественно, что реципиент также является для автора объектом интерпретации.

Стратегии и модели понимания так или иначе структурируют механизм интерпретации, являясь, по сути дела, интерпретациями фрагментов, гипотетических этапов, интерпретативного процесса [36; 37; 23]. Л.Г. Васильев в современной лингвистической литературе выделяет три научных парадигмы понимания, основываясь на опыте разделения "концептуальных каркасов" В.Н. Поруса; разделение производится на основе параметров: а) что первично в исследовании – субъект или объект понимания; б) как соотносятся категории понимания и знания; в) что является основным критерием понимания; г) каково соотношение категорий понимания и взаимопонимания. П е р в а я п а р а д и г м а. Объект понимания представлен как отправной пункт анализа. Понимание приравнивается к знанию. Сюда относятся генеративная семантика, падежно-ролевая семантика, фреймовые теории. В т о р а я п а р а д и г м а. Познающий субъект – отправной пункт анализа. Понимание отлично от знаний о предмете (понимание субъективно и относительно). Сюда относятся теории В. фон Гум

больдта, А.А. Потебни, семантика прототипов Ч. Филлмора, процессуальная семантика Т. Винограда, теория гештальтов Дж. Лакоффа. Третья парадигма. Концепции, основанные на идеях М.М. Бахтина. Необходимое условие понимания – активность понимающих, взаимопонимание. Сюда Л.Г. Васильев относит теорию ван Дейка и Кинча, модель речевого общения (постулаты Г. Грайса), концепцию типов намерения Шенка, модель вероятностных состояний адресата У. Чейфа [23, 29–31]. Ср. общеметодологическое разделение деятельностей на субъектно-объектные, субъектно-субъектные, смешанные [50; 12, 342–363]. По мнению Л.Г. Васильева, в настоящее время актуальны теории, основанные на так называемой текущей семантической гипотезе (т.е. поэтапная обработка, смена гипотез); именно такую разновидность интерпретации предлагает Л.Г. Васильев при объяснении архитектоники и понимания научного текста.

С точки зрения О. Шолтиса, особый интерес представляют те фрагменты текста, значения которых не выражены вербально, не могут быть выражены вербально и которые "социально неузуальны". О. Шолтис называет наличие таких фрагментов при понимании текста "нормой недоразумения". Методов их лингвистического описания еще не найдено [172, 149–150].

Центральная тема прагматики, других лингвистических дисциплин и смежных наук – диалог. Диалог – монада психической, психологической и когнитивной деятельности человека – стал необходимым объектом исследования в лингвистике. Несмотря на большое количество работ по этой теме [141; 11; 12; 137; 32; 91; 110; 35; 76; 31; 151, 160–167; 39; 138; 105; 9], не выработано ни комплексной методики анализа феномена "диалог", ни конкретных методик изучения разных типов речевого общения, что представляет большой интерес для культуры речи. Интерес к моделям общения неуклонно растет и в прикладной лингвистике ("общение" с ЭВМ). По мнению Б.Ю. Городецкого, «сама реальность, а именно деятельность общения (как в ее внешних проявлениях, так и во внутренних процессах), не стала объектом научного рассмотрения, а слова "общение", "коммуникация", "коммуникативный" обесценились, стали привычно бесцветными» [31, 13]. Он считает, что возможно выделить группы признаков целостной модели диалога, по которым рассматривать двусторонний коммуникативный акт. К таким признакам могут быть отнесены: сфера общения (круг потенциальных участников и виды удовлетворяемых жизненных функций); социальный статус места; вид практической деятельности, частью которого является диалог; разносторонняя характеристика коммуникантов; хронологический период; тип стратегической цели каждого коммуниканта; тематика (моно-/поли-) диалога; характер информации; объем диалогического текста; композиция диалога; речевой стиль, например телеграфный, педантичный и т.п.; степень искусственности "языковой игры" (в смысле Л. Витгенштейна). С.А. Сухих предлагает в качестве исходного критерия классификации диалогических образцов дискурса взять социальный мотив, который "опредмечивается" в тексте как макроинтенция [117, 45–50].

Большинство исследователей диалога придерживаются основной концепции теории речевых актов: классифицируют реплики по иллокутивной силе, отказывая вопросо-ответному единству в статусе текста. Например, в чешской теории диалога обмен репликами в разговоре считается системой текстов, каждая реплика – текстом. Аргументом такой позиции является то, что в диалоге отсутствует один целостный смысл и стиль, в отношении диалога нельзя говорить о связности и цельности, обязательных компонентах текстовой структуры [155; 157; 135]. Однако структурная несамостоятельность высказываний в диалоге, стилистическая "настроенность" и стремление коммуникантов к стилистической согласованности и однородности реплик заставляют исследователей предполагать возможность существования специфической диалоговой текстовой структуры [166, 147].

Более плодотворным представляется путь развития концепций М.М. Бахтина и Л.П. Якубинского о диалогическом сотрудничестве коммуникантов на основе взаимной заинтересованности, что не исключает изучения фрагментов речевого взаимодействия по видам коммуникативной интенции, иллокутивных сил участников диалога, по видам конвенций.

В настоящее время изучена система регулятивных средств (коммуникативных сигналов), предназначенных для динамичной организации речевого взаимодействия [105], стратегии и тактики коммуникантов. А.А. Романов классифицирует средства диалогической регуляции в зависимости от целей общения и согласованности/несогласованности участников общения (при противодействии общению сдерживается и нейтрализуется стратегическая инициатива партнера). Так, кооперативные регулятивы членятся на инициативные и ответные, ответные подразделяются на регулятивы несогласия, коррекции, согласия, альтернативы, комментария, подсказки и исправления. Коммуникативное взаимодействие в виде модели фреймового сценария А.А. Романов детализирует при помощи параметров социальных ролей и видов социальной деятельности. Основу фреймового сценария образует иллокутивная переменная (конститутивная, репрезентативная, когнитивная и интерактивная). Выделены типы и подтипы регулятивных действий, которые выражаются специальными языковыми единицами – форматорами, образующими лексико-семантическую и синтактико-семантическую системы (перформативы, вводные элементы, модальные частицы; диалогические коннекторы, междометия, условные и интеррогативные конструкции; например, *неправда ли?; а вы?; а что же вы?*).

Это, казалось бы, частное исследование имеет и большое значение для общей теории диалога, поскольку регулятивные средства представляют собой главное и специфическое качество диалогического текста.

С точки зрения ортологии и стилистики интересна проблема коммуникативно-прагматических свойств акта молчания в структуре диалога [61]. Выделены следующие функции: контактивная, дискон тактивная, экспрессивная, информативная ("отражает способность молчания быть до некоторой степени эквивалентом речевого акта с иллокутивной силой утверждения, обещания, просьбы, согласия")

оценочная, рогативная, когнитивная ("поиск содержания и формы ответа"), хезитативная, экспективная, акциональная ("молчание является здесь фоном или условием для осуществления действий"), аффективная, стратегическая ("содержание такого молчания определяется нежеланием говорить, отвечать"), риторическая ("с целью формирования определенных эмоций у адресата"), синтаксическая («для "озвучивания" синтаксических знаков»), функция социальной установки, ролемаркирующая, ритуальная, этносоциокультурная.

Подробная характеристика актов молчания в структуре диалога представляется не совсем полной. К какой функции молчания можно отнести фоновое молчание согласия? Ни к информативной, ни к экспрессивной функции оно, вероятно, не может быть отнесено, ср.: Когда люди сочувственно встречаются в исчезающих оттенках, они могут молчать о многом – очевидно, что они согласны в ярких цветах и густых тенях (А. Герцен. Былое и думы).

В реальном речевом взаимодействии, безусловно, молчание дополняется различными паралингвистическими средствами.

Тема "диалог" заставляет исследователей включать в число рассматриваемых параметров речевого взаимодействия даже "атмосферу диалога". Д. Франк считает, что устный диалог – совершенно особое явление, исследование которого не может проводиться обычными методами [151, 160–167]. Она сравнивает устную речь не только с рекой, о которой говорил Гераклит, но и с политикой: в ней также "множество иерархий ценностей" и "стратегий отношений". Д. Франк приходит к выводу, что специфическое явление устного диалога не может анализироваться с позиции наблюдателя-исследователя, так как это разрушает его уникальность. Анализ диалога одним из участников делает истолкование наблюдений и результатов выводов необъективным. Использование записей представляется некорректным, и многократное прослушивание записей диалога приводит каждый раз к новому толкованию. Автор считает, что цель анализа разговоров не в объективации (объяснении), в "понимающем понимании"; это обусловливает и метод обучения речевому общению – не через описательные руководства, а в живом общении.

А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин пришли к выводу, что начинать изучение речевого взаимодействия следует с построения определения минимальной диалогической единицы (МДЕ) [9, 85]. Из последних исследований речевого общения работа этих авторов представляет несомненный интерес для выработки конкретных рекомендаций оптимальной организации диалогов. А.Н. Баранов и Г.Е. Крейдлин дают следующее определение МДЕ: "Минимальная диалогическая единица, или минимальный диалог, – это последовательность реплик двух участников диалога – адресанта и адресата, – характеризующаяся следующими особенностями: (I) все реплики в ней связаны единой темой; (II) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым речевым актом; (III) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения и самовынуждения выполнены; (IV) внутри данной после-

довательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям (I) – (III)" [там же, 94].

В перспективе исследований диалога – выработка вариантов речевого общения с учетом личностных характеристик коммуникантов; ср. попытку построения типологии дискурса и типологии языковых личностей [102, 50–60]. Еще более сложным представляется построение модели участия в коллективном речевом акте.

Прагматический подход к анализу функционирования языка поставил вопрос о полной характеристике говорящей личности, о языковом социуме и о нормах владения языком. Этой проблематике посвящены исследования последних 20 лет, лежащие в русле смежных дисциплин – социолингвистики, социальной психологии, этнопсихолингвистики, нейросоциолингвистики, культурологии. Задачи этих исследований близки дисциплине "Культура речи" не только в аспекте анализа материала, но и в постановке задачи – выработать социальные нормы владения языком, определить критерии предпочтительного ситуативного речевого поведения, выявить речевые нюансы социально-ролевого поведения и рекомендации "пользования" языком в обществе. Но прежде чем решать именно эти задачи, социолингвистика и культура речи должны показать в эксплицитной форме, выявить зафиксированный в структуре каждого национального языка социальный ракурс национального менталитета (мировосприятия) и тем самым способствовать формированию языковой компетенции или совершенствовать ее, а также улучшать социальную ориентированность личности, поскольку все оттенки социальной жизни общества находят отражение в языке, и прежде всего в лексической системе языка, в клишированных синтаксических конструкциях. Например, такие общие тенденции в развитии общества, как демократизация и интеллектуализация, проявляются на всех уровнях языковой системы: увеличение книжных лексических элементов, политических и научных терминов, появление новых производных предлогов, отвлеченных существительных (адвербативов) и большее распространение в стилистически нейтральной речи разговорных и просторечных элементов, широкого бытования словообразовательных моделей существительных, свойственных разговорному языку, неполных предложений с различными типами эллипсов. Через публицистику и средства массовой информации эти структурные элементы становятся частью языкового сознания, поскольку их "ценность" как языковых элементов обусловлена определенными речевыми ситуациями с определенными эмотивными, экспрессивными и оценочными параметрами.

Социальные роли участников речевого общения наиболее очевидным образом проявляются в их речи в типичных ситуациях. Социолингвистика типизирует ситуации общения и изучает их речевую специфику, учитывая такие паралингвистические элементы речи, как темп, интонации, логическое ударение (эмфазы), а также этический фактор социального поведения в той или иной социальной группе.

Социальные отношения и иерархия в обществе фиксируются в лексической системе как в именах, так и в глаголах, например: *опекун*

покровитель, льстец, нагоняй, подобострастие, распоряжение, просьба, заявление, разрешение, указание, приказ, выговор, ходатайство, хлопотать, благоволить, распекать. Ср., например, приведенные Л.П. Крысиным [69, 155–159] ненормативные выражения, свидетельствующие о незнании говорящим компонентов лексических значений глаголов, которые указывают на социальные роли участников обозначаемой ситуации: **Директор завода принял министра; *Подчиненные распекали начальника за грубость; *Учитель постоянно дерзил ученикам.*

Параллельно понятию "языковая компетенция" Д. Хаймс ввел понятие коммуникативной компетенции, что означало правильное употребление языковых единиц разных уровней в бесконечно разнообразных жизненных ситуациях [156]. Те же идеи были сформулированы Ю.Д. Апресяном [2, 8 и след.]: "владеть языком – значит: (а) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале – всеми возможными в данном языке) способами (способность к перифразированию); (б) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности – различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); (в) уметь отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных" [2].

Владение социальными нормами в речевом общении предполагает не только знание значений единиц разных уровней языковой системы (лексических, словообразовательных, синтаксических), но, безусловно, и знание текстовых социальных параметров, например приемы диалогизации речи (употребление обращений, искреннее выражение своей оценки того или иного факта или события – поиск ответного сопереживания), которые могут служить также средствами интимизации общения, введение афоризмов, пословиц и поговорок, а также любых известных многим выражений с "приращением" смысла, реакция собеседника на которые однозначно предопределена национальными, культурными традициями. Аллюзии и прецедентные тексты в речи говорящего свидетельствуют о высокой степени владения социальными нормами языка: "Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры" [52, 216]. Ср., например, ироническую оценку положения дел, данную Н. Травкиным на VI съезде народных депутатов Российской Федерации, путем цитирования строки из известной советской песни, восхваляющей счастливую жизнь: "Я другой такой страны не знаю!".

Следующий аспект культурно-речевых исследований связан с риторикой и герменевтикой. В основном на стыке этих дисциплин (и, безусловно, функциональной лингвистики и прагматики) родилось новое направление в культуре речи как науке – теория речевого воздействия, т.е. концепция целесообразного и оптимального использования языковых средств и речевых механизмов для достижения целей общения и оказания запланированного воздействия на собеседника или коллективного партнера. Формирование этого направления

происходит под влиянием большого числа работ по прагмастилистике, вертикальному контексту, которые стремятся эксплицировать не только смысл отдельных высказываний, а скрытый смысл текстов при помощи "соотношения линейного и вертикального чтения" [30, 532].

Вертикальный контекст [101; 113] понимается не только как результат "прочтения" текста, но (что очень важно для решения культурно-речевых проблем) и как потенциальное свойство языка – иметь в своем арсенале репертуар приемов, форм и механизмов для выражения и формирования скрытых смыслов. Прагмастилистика, по сути дела, ввела в процесс интерпретации новый (третий) ракурс: текст – действительность, текст – читатель, текст – автор. Этот ракурс позволяет воссоздать, по терминологии Л.В. Щербы, "индивидуально-речевую систему писателя", его идиостиль, следовательно, позволяет "чтение" на уровне социокультурного контекста. Таким образом, современная дисциплина "Культура речи" через классификацию, типологию стилистических норм может прогнозировать воздействие текста на читателя. Л.Г. Лузина цитирует слова Н.Э. Энквиста: "вопросы иерархизации дисциплин слишком во многом зависят от ярлыков" [77, 70], – и это действительно отражает положение дел в современной лингвистической парадигме, отличительной чертой которой является переход от трактовки линейно организованных форм к трактовке "форм, состоящих из форм", что совершенствует знания о языке и знание языка, способность мыслить стилистическими фреймами. Ср. возможность коммуникативной неудачи в случае несовпадения социокультурного контекста участников общения: «Коммерсант Майсль приезжает из Черновцов в Вену. Вечером он хочет пойти в Бургтеатр. Он спрашивает в кассе театра: "Ну, что у вас сегодня на сцене?" – "Как вам будет угодно". – "Отлично! Пусть будет "Королева чардаша"!» (цит. по [124, 89]; ссылка Н.Н. Трошиной на М. Шернера). Юмористический эффект диалога рассчитан на того читателя, который знает, что Бургтеатр – это драматический театр, что кассир не в праве отвечать "как вам будет угодно", что "Как вам будет угодно" – пьеса Шекспира. В этом примере участники диалога наделяют разные формы компонентами общего смысла (и разного смысла).

Понятие социокультурного контекста языковой формы близко понятию стилистического фрейма, более общего концепта, использующего понятие коннотации относительно текста. В качестве примера стилистического фрейма можно привести случай трудного перевода Б. Стольта [124, 83]: шведы считают очень поэтичным время "между цветением черемухи и сирени"; буквальный перевод этого словосочетания на немецкий язык не сохраняет ореола поэтичности. Чтобы передать этот нюанс мировосприятия, следует использовать немецкое слово, означающее "время Троицы" и обладающее аналогичной эмоциональной окраской.

Данный аспект прагмастилистики ставит много вопросов перед когитологией и психологией: язык, как расширяющаяся Вселенная, не увеличивая состава структурных средств, концептуализирует действи-

тельность на все более высоком уровне, формализуя разные сочетания единиц, "означивая" ранее скрытые смыслы.

Герменевтическая традиция анализа текстов любого типа представляет собой стратегию гипотез и эвристических находок; она предполагает "встречный" синтезирующий подход к организации текстов с определенной стилистической доминантой, с заданными свойствами воздействия, что является важным в практике культуры речи.

Риторика в течение двух тысяч лет была "искусством речи", теперь становится "наукой о речи": И. Краус [163] считает, что риторика стала интегральной областью, охватывающей и проблематику создания речи, и оказание воздействия речью, дисциплиной, которая "описывает" процесс, идущий от коммуникативного задания к собственно сообщению, далее – к интеграции формы и содержания текста, что риторика проявляет удивительную способность заполнить брешь, которую создала постоянно углубляющаяся специализация наук. Кроме интеграции формы и содержания в каждом конкретном фрагменте речи, риторический подход представляет собой интеграцию всех знаний о языке. Это дало основания Д. Франк сказать, что "риторика... должна *обнаруживать* скрытые нормы, которыми пользуется говорящий, и при этом различать те нормы, которыми он пользуется сознательно, и те, действенность которых может быть показана непосредственным анализом эмпирических данных..." [127, 372].

Культуру речи и риторику сближает ориентация на будущие "совершенные" тексты, в то время как большинство лингвистических дисциплин стремились объяснить каждый конкретный языковой факт "как это было": как та или иная форма генерировалась в языке.

Д. Франк считает, что "необходимо пересмотреть и переработать весь аппарат риторики. Наиболее существенный аспект этого пересмотра – приспособление системы понятий, ориентированной на монолог, к более базисной форме общения – диалогу (с двумя или бóльшим числом участников" [там же, 370]. Д. Франк находит большое сходство традиционного риторического подхода к языку с ТРА – стремлением "выработать репертуар стратегий, коммуникативных принципов и формальных моделей".

Современная риторика "эксплуатирует" главную составляющую своей теории – п е р с у а з и в н ы й э ф ф е к т (ср. понятие перлокуции в ТРА), чтобы быть руководством по организации эффективной коммуникации. Актуальность этой задачи в современной лингвистике очевидна. Еще в 1979 г. Р.М. Блакар в теоретико-эмпирическом исследовании языка и его использования в социальном контексте пришел к выводу, что вне зависимости от намерений говорящего язык всегда оказывает воздействие на слушающего, что влечет за собой обязательные социальные последствия [17, 88–121].

С 40-х годов получила развитие неориторика (в основном в Германии, США), в которой нашли сближение такие понятия, как "коммуникация" и "риторическая коммуникация". В исследованиях языка представителями неориторики используются все методологические понятия современной теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики,

семиотики, методы моделирования, социологического эксперимента, статистический метод. Так, в схеме Ф. Берингера [123] "Риторическая коммуникация" элемент "изменение внешнего мира" представляет собой "непосредственную реализацию цели" отправителя и "косвенную реализацию цели" получателя.

Понятия "персуазивность" и "воздействие" не совпадают в своих границах. "Персуазивность" – это реализация персуазивной компетенции говорящего, его способности к речевому освоению типичных социальных ситуаций (составная часть его общей коммуникативной компетенции). "Воздействие" (в теории речевого воздействия) содержит элемент намеренного воздействия на адресата, вне зависимости от его согласия на это воздействие.

Современная риторика тем не менее шире, чем другие дисциплины, трактует понятие персуазивного эффекта, результата воздействия: это не только убеждение, но и изменение эмоционального состояния адресата [13].

С теорией речевого воздействия сближается персуазивная прагматика Ю. Хабермаса и Й. Котершмидта [123], которые вкладывают в понятие "персуазивная коммуникация" такой смысл: это – "функциональная последовательность речевых актов, в процессе которых коммуниканты пытаются аргументативно воздействовать друг на друга для достижения консенсуса". Близкая точка зрения демонстрируется и в функциональной риторике Г. Гайснера "Герменевтика устной речи", "Теория речи".

Стремление неориторики стать интегрирующей областью языкознания, на наш взгляд, еще далеко от осуществления, поскольку тогда риторика должна вобрать в себя все тонкости разных направлений собственно лингвистического анализа и знать досконально весь механизм реализации коммуникативного замысла с правильной прагмастилистической интерпретацией, т.е. стать языкознанием. Принимая условность разделения дисциплин, следует скорее согласиться с "обогащением" лингвистики (в том числе культуры речи) с помощью риторического подхода, в частности со "смягчением" понятия воздействия элементом персуазивности. Так, представляется весьма актуальным развитие концепции убеждения, "внедрения" (термин М.С. Сергеева [109, 7]) в когнитивную и эмотивную системы адресата не только путем явных лингвистических приемов аргументации, но и приемов скрытой аргументации, структурированных языковой системой, например: *Известно, что...; при его способностях...; Да, действительно...; Сообщают, что...* и другие синтаксические конструкции, – а также путем активного использования пресуппозициональных элементов высказываний (из фоновых знаний и "картины мира" адресата, его возможного ассоциативного ряда), меры пресуппозиционной и ассертивной части высказывания, включением пресуппозиции в ассертивную часть высказывания.

Один из примеров тонкого анализа "лингвистической демагогии", "убеждения *не в лоб*", приводится в статье Т.М. Николаевой "Лингвистическая демагогия" [89, 154–165]. Автор демонстрирует заложен-

ные в языковой системе возможности выражения средствами языковых форм существующего в языке социального сознания; например, негативный плюрализ выражается средствами "мультипликации" и "минимизации": Петрушка, *вечно* ты в обновке... (Грибоедов); Вы *обычно* любите в командировках зубную пасту покупать (пример Т.М. Николаевой); Он что-то скучный. Т.М. Николаева заметила, что существуют особые средства языка, которые выявляют систему социального мнения, общепринятые нормы жизни вообще, этикетного поведения человека: "В лингводемагогических высказываниях" имеет место создание как бы общепринятой нормы, т.е. мнения формируемого социально плотного пространства. Например, *Она уже в десять лет прочла всего Тургенева* (очевидно, в этом возрасте читать Тургенева рано) [там же, 156].

Создание социального мнения при помощи языковых средств как главная цель лингвистических исследований провозглашено новым направлением в изучении языка – теорией речевого воздействия. Это направление основано на богатой традиции риторики в активизации персуазивной компетенции говорящего, на достижениях прагматики в выявлении и классификации типов высказываний, ориентированных на строго определенный эффект у определенного адресата в определенной социальной ситуации, на точной характеристике коммуникативных качеств языковых средств, данной в работах по функциональной лингвистике, на социолингвистических работах, на исследованиях по функциональной стилистике, особенно по публицистике, средствам массовой информации (см. например, [90; 104; 64]). Теория речевого воздействия тесно связана с культурой речи в самом широком смысле этого слова, поскольку это – попытка представления культуры человеческого общения, сущности коммуникации, "хотя нельзя говорить о наличии у этой дисциплины сложившейся предметной области (единой системы исходных гипотез, постулатов, проблем) и специфических методов исследования" [118, 4].

При всей многоаспектности этого направления можно выделить два "крыла" исследований: первое базируется на логико-философских, семиотических и когнитивных моделях языка, второе – на социологических. И в том и в другом типе работ преследуется цель выявить, как можно повлиять на восприятие мира и его структурирование собеседником (собеседниками), обусловить его поведение, принятие решений. В связи с этим Дж. и Б. Фаст говорят о создании концепции метакоммуникации [149], Л.А. Киселева – об учении об управляющей информации [54]. Однако классификация Л.А. Киселевой двух систем информации – собственно информативной (семантической, релятивной, социостилистической) и прагматической (эмоционально-оценочной, эмоциональной, экспрессивной, побудительной, контактной) – представляется не совсем корректной, так как языковые структуры в реальных высказываниях и текстах являют собой образец тесного взаимодействия двух типов информации. Возможно, типология Л.А. Киселевой обусловлена опытом традиционного лексического анализа и

разделения значения на денотативные и коннотативные элементы, но синтаксические структуры (см., например, [134]) – модели предложений, словосочетаний – "запрограммированы" на коммуникативную ситуацию, на определенный тип актуального членения, на эмфазу в высказывании, на возможную локализацию на "шкале оценок". Еще сложнее взаимодействие этих типов информации в макроструктурах – фрагментах текстов, текстах (наиболее изученными в этом плане являются тексты информационных газетных жанров и рекламы).

В рамках теории речевого воздействия ведутся исследования "языковых механизмов вариативной интерпретации действительности". Именно данный способ номинации выбран А.Н. Барановым и П.Б. Паршиным для объединения междисциплинарных по своей сути работ, описывающих возможности разноуровневых языковых средств [10, 100–143].

Как соотносится теория речевого воздействия с дисциплиной "Культура речи?" Безусловно, очевидна общая "сфера интересов" – изучение репертуара языковых единиц, необходимых для обеспечения эффективности речевого взаимодействия, типов этого взаимодействия; ориентация на личностные свойства адресата, его заинтересованность в контакте, результатах общения. Однако теорию речевого воздействия, как явствует из самого названия этого направления исследований, отличает пристальное внимание к обеспечению при помощи языковых средств достижения цели общения, поэтому в рамках этой теории гипостазирование и моделирование в каждом конкретном случае "грамматики говорящего", по терминологии Л.В. Щербы, – этапный момент в конструировании "грамматики слушающего", которая является определяющим фактором эффективности целенаправленного воздействия на адресата речи. Упрощенной схемой воздействия при помощи отбора языковых средств в теории речевого воздействия может быть такое отношение между участниками коммуникации и действительным положением дел: "реальность такова" – "я, говорящий, считаю, что реальность такова" – "я, говорящий, сообщаю тебе следующий факт в данной речевой форме, чтобы у тебя сложилось именно данное мнение относительно реального положения дел, которое побудило бы тебя к совершению необходимых, с моей точки зрения, в моих интересах, действий".

Акцентирование роли адресата в теории речевой деятельности складывалось на основе работ в области социопсихологии и анализа эффекта пропаганды. Именно публицистические жанры средств массовой информации, реклама стали "полигоном" этой теории: здесь получали экспликацию скрытые ресурсы языка и апробировались приемы формирования мнений, манипулирования сознанием, управления общественным поведением. Основной единицей изучения стал текст, вернее, социально и психологически обусловленный дискурс, учитывающий широкий спектр экстралингвистических фактов, известных адресату, и построенный на различных типах знаний и мнений с использованием приемов вторичного означивания, подчеркивания скрытых смыслов, метафоризации, прецедентов употребления языковых единиц

с известным "смысловым приращением", оценкой. Высказывание-предложение в связи с этим считается фрагментом текста высшего синтаксического уровня, обладающего такими чертами, как цельность, связность, отдельность [86].

Ортологические проблемы культуры речи, естественно, косвенно соприкасаются с проблематикой теории речевого воздействия, но понятие стилистической нормы актуально для этого направления: это и выбор способа представления реального положения дел, и формирование неологизмов, и метафоризация, и употребление эвфемизмов, клише, жаргонов, и признание табу. В целом уровень дисциплины "Культура речи" выше, чем уровень теории речевого воздействия, так как это уровень к у л ь т у р ы я з ы к о в о г о с о ц и у м а.

Теория речевого воздействия, заимствуя понятийный аппарат современных лингвистических дисциплин (психолингвистики, теории речевой деятельности, когнитивной лингвистики, прагматики, ТРА), естественным образом возрождает постулаты риторики греческой античности – "искусства убеждения", тем более что прескрипции риторики, вернее, ансамбль этих "предписаний" представляют собой способ описания, имитирующий порождение речи (см.: "Риторикой описывается, говоря современным языком, алгоритм речевого акта" [14, 20]), особое внимание обращая на установление контакта с адресатом или аудиторией, привлечение внимания адресата, обеспечение правильного восприятия сообщения. Современные риторические теории также близки теории речевого воздействия, представляя любой речевой акт как передачу информации и воздействие (П. Тейгелер), считая риторику "риторической коммуникацией" личности и социальных групп, призванной выяснить условия оптимизации этой коммуникации (Г. Рихтер) [14, 21; 123], "теорией персуазивной коммуникации" (Х. Перельман). Так, по мнению Х. Перельмана, современной коммуникативной ораторской моделью следует признать не внутренний монолог, а диалог (ср. концепцию М.М. Бахтина, работы Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского). Вероятно, диалог – единственно возможная основа речевого воздействия: об этом свидетельствуют все типы текстов. Так, например, рекламы и плакатные тексты обладают всеми признаками диалогового взаимодействия: обращение на "ты", апелляция к интересам и мнению "каждого", прогноз эмоциональной реакции, совет, призыв в оригинальной форме, короткие фразы, принятые в разговорной речи, междометия; ср. рекламу: "Хочешь быть красивой? – Будь! Хочешь творить красоту – твори! Не знаешь, как это делать? Приходи в Дом русской косметики!".

Диалог, имитирующий отношения накоротке в рекламных текстах, использование средств интимизации изложения необходимы рекламодателям, поскольку информация в рекламном тексте должна завладеть непроизвольным вниманием случайного адресата, затронув эмоции, вызвав оценку (одобрение, интерес, доброжелательное удивление и т.п.). Простота языковой формы также требует минимума усилий при восприятии. "Скрытый диалог" в монологической ораторской речи также должен способствовать успешности восприятия, эффективности

выступления. И если в данном случае внимание произвольно ориентировано на определенную информацию, то остается опасность пассивного аудирования. Вопросо-ответные ходы, техника воображаемого диалога позволяют говорящему предвосхищать прогностическую деятельность слушающих (см., например, [64]). В ходе речи моделируется не только образ аудитории, но и поведение слушающих: процесс интерпретации и реакции. Идеальный слушатель – «второе "я"» говорящего. Такое моделирование составляет суть работ по искусственному интеллекту, вычислительной лингвистике, "общению" с ЭВМ.

При разнице метаязыка работ в области когнитивной лингвистики, риторики, теории речевой деятельности, теории речевого воздействия, теории речевых актов, культуры речи, функциональной лингвистики очевидны общие сферы интереса: выявление обязательных черт строения текста, описание возможных способов концептуализации действительности, типов языкового представления знаний, мнений, незнания, лжи, выявление способов оптимизации всех видов общения. При решении проблем речевой коммуникации все лингвистические дисциплины в аспекте их исследовательских интересов находятся в отношении дополнительности (дополнительной дистрибуции), и перед дисциплиной "Культура речи" стоит целый комплекс задач изучения как общих вопросов обеспечения эффективности коммуникации, так и частных вопросов кодификации, закономерностей развития нормативных вариантов, становления норм грамматики и стилистики, функционально-стилистической дифференциации языковых средств.

Примером культурно-речевого подхода к актуальной в настоящее время политической публичной речи может служить монография "Культура парламентской речи" (М., 1994), которая содержит объективно обоснованные оценки особенностей речи депутатов и различного рода нарушений норм функционирования языка, что позволило дать детальные рекомендации по организации выступлений. Трудность лингвистических рекомендаций в этой области обусловлена новыми для нашего общества особенностями психологии и этики политического публичного общения. Так, жанровое многообразие парламентской речи также связано не столько с языковыми канонами, сколько со спецификой политической жизни в многоаспектном "человеческом измерении": четкого жанрового разграничения провести не представляется возможным, так как, например, вопрос может содержать в себе утверждение каких-то положений, а информация может являться постановкой проблемы, реплика – включать элементы полемики, а дискуссионное выступление – вносить в обсуждение положения или документа добавочную информацию. Одним из аспектов политической публичной речи является общение по социальным и этическим правилам, ритуалу, предписанному обстановкой. Ритуал выступления перед аудиторией ответственного лица с отчетом, анализом текущих событий, информацией отражается в такой форме монологической речи, как доклад.

Для успешного выступления докладчику недостаточно соблюдать максимы Г. Грайса в его теории речевых актов. Принцип Кооперации

обусловливает в данном случае "диалогическое" взаимодействие говорящего и слушающих. "Диалогичность" как имплицитная категория всей речи докладчика проявляется на содержательном и формальном уровнях, в соблюдении принципов целесообразности, уместности и нетенденциозности аргументации (тенденциозность – демонстрация убежденности и собственного мнения, а не убеждения), что, по сути дела, является проявлением этических норм общения, уважения к аудитории. Ср. О. Эшейма, К. Бреде и Б. Томмсена: "1) избегай тенденциозного неделового разговора, ибо отклонения от существа дела снижают ценность аргументации; 2) избегай тенденциозного воспроизведения чужих мнений; формулировки их должны быть нейтральными в отношении к обсуждаемой проблеме; 3) избегай тенденциозной многозначности, стремись к конкретности и точности; 4) избегай шаржирования противника; 5) избегай тенденциозных представлений – установок – по поводу чужого мнения; 6) избегай тенденциозности в форме подачи аргументов" (цит. по [38, 23]).

К средствам "диалогизации" доклада относятся: употребление обращения не только в начале доклада, но и в середине, и в заключительной части; сопоставление всех "за" и "против" какого-либо положения, решения вопроса; апелляция к авторитету слушателей; искреннее выражение своего мнения и своей оценки того или иного факта, что обусловливает ответную реакцию слушателей; введение афоризмов, пословиц, поговорок, а также любых известных многим выражений с "приращением" смысла, восприятие которых однозначно и предопределено национально-культурными традициями аудитории.

Эти правила заставляют говорящего постоянно проверять эффективность речи по вниманию слушателей, их соучастию в создании концептуальной основы выступления, системы оценок и образов. Однако докладу присуща бóльшая по сравнению с многими другими парламентскими жанрами независимость от условий произнесения речи, от непосредственной ситуации выступления. Если дискуссия, вопрос, реплика представляют собой образцы политической речи, в которой четко и немедленно проявляются идеологические и личностные интересы говорящего, а ожидания слушающих вознаграждаются тотчас и должным образом, то при чтении доклада между оратором и аудиторией имеет место большее отдаление. Поэтому жанр доклада таит в себе опасность несоблюдения говорящим этических правил речевого "общения" с аудиторией, появления черт только ритуального речевого поведения, что, в конце концов, ведет к омертвлению языка. Это может происходить в следующих случаях: при "отстранении" говорящего от авторства (сигналом этого может быть бесстрастное, безучастное проговаривание текста доклада), при обезличивании аудитории, при безадресном чтении, при произнесении "лживых слов", выражающих "лживые понятия", т.е. понятия нежизненной, лживой идеологии. Ср.: "Лживые слова – это почти без исключения лживые понятия. Они относятся к некоторой понятийной системе и имеют ценность в некоторой идеологии. Они становятся лживыми, когда лживы идеология и ее тезисы" [21, 63].

Директивный тон и превалирующая модальность долженствования в речи докладчика разрушают живые нити, связующие оратора со слушателями; в таком случае имеет место одностороннее "вещание", которое обусловливает и "ритуализацию" языка, когда слушатели уже не могут ожидать непредсказуемых сочетаний слов, гибкости аргументации, оттенков чувств. В понятие "ритуализации" языка входит и опасность закрепления слов вместе с их контекстами в единых блоках, клише. Многообразие возможных контекстов слов сужается до почти шаблонных выражений, не способных вызвать живые ассоциации. Ср. недавние газетные штампы: *правофланговые (пятилетки, перестройки), застрельщик соревнования, группа товарищей, делегация представителей, слова – теплые, напутствия.*

Омертвление и ритуализация языка неудачного доклада проявляются и в структуре предложений: появляется обилие предложений квалификации, характеризации, констатации положения дел, идентификации; увеличивается фрагментарность изложения; нарушается связность и цельность текста; реже встречаются сложные предложения, представляющие собой формирование умозаключений, рассуждения. В конечном счете составление такого рода докладов приводит к потере навыков правильного, логического мышления. "Ритуальный" доклад, ритуальная публичная политическая речь порождает феномен "речь-никому-ничья-ни о чем-никакая", т.е. "неречь", "антитекст", в котором нет динамики чувства-мысли и который вследствие этого не может быть воспринят как человеческая речь. И, наоборот, мастерское владение языком, коммуникативная компетенция предполагают возможность прогнозирования и планирования воздействия речи докладчика; например, использование сигнала скрытой полемики или утверждения (*Да, действительно, необходимо решить этот вопрос*), приведение в качестве подтверждения своей мысли бесспорного суждения или очевидной истины [66].

Речевоздействующий эффект дает умелое использование вариантов структуры предложения (изменение функциональной перспективы предложения, порядка слов, тематизации, номинализации, конверсии, пассивизации, эллипса), употребление односоставных предложений, подчеркивающих результат действия (неопределенно-личных, безличных).

Наиболее разработанным является вопрос о видах аргументации, воздействии на аудиторию с целью принятия ею приведенных оратором аргументов как истинных. Корректным считается введение тезиса с использованием так называемых глаголов мнения. Пропуск или сознательное элиминирование этих глаголов делает предложение, истинность которого нуждается в доказательстве, бесспорным и, следовательно, соответствующим истине, поскольку факт умолчания воспринимается как отсутствие сомнений. Высказывание из утверждения превращается в категорическое заявление, декларацию, требование, приказ, рекомендацию. Ср.: "Стремление народов к независимости и самостоятельности теперь не остановить, и самое лучшее – не стараться воспрепятствовать этому, а быстрее понять неизбежность этого объективного процесса".

Аргументация, или показ того, что высказывание истинно, имеет много приемов. Одни из них базируются на правилах выводного знания, т.е. на правилах логического вывода из истинных посылок (индукция и дедукция), другие – на формировании мнения аудитории путем обращения к оценкам, иерархии ценностей, выработанной веками; такой имплицитный "аргумент" может выражаться любым словом, прошедшим этап вторичного означивания, например указанием на историческое событие (*Оборона Севастополя*), дату (*август 1991-го*), географическое название (*Нагорный Карабах*), имя собственное (*Нерон*), актуальный элемент сознания социума (*ваучер, предпринимательство*), сюжеты Библии; ср.: "Рушится искусственная модель устроения общества, основанная на разрыве с тысячелетним духовным и естественным опытом человечества. На память приходят слова библейской мудрости: если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его. Дом строился на зыбком песке богоборства, на отвержении абсолютной нравственности, на практическом отрицании смысла, достоинства и ценности человеческой жизни" (А.М. Ридигер. Известия. 1991. 3 сент.).

Этот тип аргументации, безусловно, более сложен, чем аргументация на основе умозаключений; кроме того, он недостаточно изучен, поскольку человеческие ценности не имеют четких ориентиров и апеллирование к ним говорящего не всегда корректно, хотя оратору удается таким образом манипулировать общественным мнением.

Естественно, аргументативную природу имеют все сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения. Однако форма предложения может "эксплуатироваться" в тенденциозных по содержанию заявлениях: уязвимо с этой точки зрения известное изречение: "Учение Маркса всесильно, потому что оно верно". Синтаксический тип предложения затушевывает отсутствие аргумента у тезиса *Учение Маркса всесильно*; налицо подмена аргумента еще одним определением, которое является авторской оценкой, т.е. средством укрепления заблуждения. Ср. также предложения с "готовой оценкой": *Бесспорно, что...; Известно, что...*

Импликатурой текста может быть метафора, которая, модифицируясь, проходит через весь текст и "навязывает" адресату мнение или "модель мира" говорящего (см., например, [7]).

Средством убеждения может быть манипуляция лексической многозначностью. Так, Т.М. Николаева приводит в качестве примера употребление прилагательного *настоящий* как "неверифицируемого коммуникативного приема": "Это слово – *настоящий* – часто в коммуникации закрепляется за абстрактными родовыми понятиями вроде *человек, мужчина, женщина, ребенок* и постепенно становится, употребляясь в коммуникации, неким средством семантики убеждения, аналогичным универсальным высказываниям... Например (из словарной картотеки ЛО ИЯ): *Как все настоящие ученые, он был романтиком*" [89, 164].

В качестве структурных средств убеждения выступают сегментированные предложения и парцеллированные конструкции: психо-

лингвистические исследования показали, что такие фрагменты высказывания несут основную коммуникативную нагрузку, т.е. являются средством категории выделения. И наоборот, "редуцируют" важность информативного содержания придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты, вводные предложения, пояснения в скобках.

Таким образом, речевоздействующим потенциалом обладают языковые единицы всех уровней и модели высказываний. Приемы формирования мнений и убеждений являются сферой интересов нескольких лингвистических дисциплин, в их число входит функциональная стилистика.

Термин "стиль" относят ко всей сумме наук о человеке и культуре (ср.: "Стиль – это человек". Бюффон). Функциональная стилистика сложилась как направление лингвистических исследований текстов, отражающих различные специфические сферы социальной жизни – различаются тексты (дискурсы) разговорной речи, публицистики, научные, официально-деловые. Функциональная предназначенность текстов обусловливает комплекс стилистических норм внутри каждого типа текста. Эти нормы касаются как способов содержательной организации дискурса, так и сознательного отбора автором всех системных средств концептуализации и выражения авторской оценки. Поскольку функциональная стилистика изучает все возможные способы применения различных вариантов (в письменной и устной форме) литературного языка, то есть основание считать ее "макродисциплиной", "снабжающей" другие дисциплины общими теориями, понятиями, методами [152, 10]. Основные понятия стилистики были заложены в пражском структурализме, затем понятие функциональной дифференциации языка было развито в отечественной и западноевропейской лингвистике, прежде всего трудами М.М. Бахтина (его термин – "речевые жанры"), Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, В. Матезиуса, К. Гаузенбласа, Б. Гавранека.

«Стиль является результатом порождения речи с двумя основными фазами: селективной и интегративной, текстообразующей. Селективный процесс предполагает существование множества конкурентных средств выражения. ⟨...⟩ Также интегративный процесс имеет свой аспект отбора, так как текст образуется выбором из множества текстовых схем (по терминологии Е. Верлиха, "текстовых идиом"). В соответствии с двумя фазами процесса порождения речи можно было бы различать стилистическую селектологию и стилистическую текстологию» [160, 17]. С учетом достижений психолингвистики и теории речевой деятельности, с признанием в качестве главенствующего фактора текстообразующего фактора в процессе порождения речи следовало бы усомниться в правильности подобного разделения фаз. Однако в качестве методологического конструкта можно иметь в виду подобное разделение, тем более что история развития дисциплины "Функциональная стилистика" свидетельствует о том, что закрепление за определенными стилями языковых средств, специфическая маркированность средств выражения, является наиболее очевидным аргументом существования функциональных разновидностей языка.

Несмотря на то что в качестве материала исследования лингвисты брали в каждом конкретном случае тексты, на протяжении первой половины XX в. выводы ученых касались стилистической принадлежности единиц разных уровней языковой системы. И только с развитием лингвистики текста в функциональной лингвистике и информатике, в современной герменевтике и прагмастилистике функциональная стилистика обратилась к категориям и элементам текста, его стилевой специфике. Ср.: "...каждое сообщение имеет комплекс идиосинкратических черт – стиль. Тексты вне стиля или стилистические нейтральные тексты не существуют. Другими словами, стилистически значимыми (маркированными. – *Е.Л.*) являются речи различных представителей социальных ролей и ситуаций, т.е. почтальона, ученого, учителя, школьника, домохозяйки, стиль ораторского искусства, науки, коммерции, журналистики, беседы, менеджмента и т.д." [164, 83–84]. И. Краус считает, что стилеобразующий фактор содержится уже в интенции говорящего, которая, естественно, связана с интерпретацией адресата.

Все элементы характеристики личностей коммуникантов, выявленные как прагматически значимые в работах по социолингвистике, значимы для составления комплексной типологии и классификации текстов. Такой непротиворечивой классификации еще не создано: к одному стилю относятся довольно разнородные жанры, особенно это касается публицистического стиля. Возможно, и методологический конструкт "структура поля" не может быть применен для объяснения структурных взаимосвязей внутри одного стиля.

Как связаны дисциплины "Культура речи" и "Функциональная стилистика?" Понятие "культура речи" шире понятия "функциональный стиль". И в иерархии наук эти дисциплины занимают разные позиции: культура речи соотносима с культурой человека, культурой социума, современной культурой, культурой нации как изучение всего, что составляет богатство языка и успешного его использования, кодификации прогрессивных черт и прогнозирования его развития; функциональная стилистика изучает специфику текстов в той или иной сфере общественной жизни. В связи с этим некоторые ученые выделяют в языке особый уровень, который является «феноменом речи, имеет соотносительность (коррелят) с уровнем языковой системы – функциональный язык ("функциональный страт"), состоящий из специальных языковых средств, например из терминологии и эксплицитного синтаксиса как сущностных свойств научного (теоретического) стиля, фамильярных и разговорных слов в стиле беседы и т.д.» [164; 83]; субсистемой [26]; совокупностью "референтных языковых вариантов" [174]; слоем языка [160, 17].

Культура речи включает в предмет своих исследований функциональную предназначенность языковых единиц разного уровня и способов их применения, а также определение функционально-стилевой специфики текстов (что в настоящее время составляет самую неразработанную часть исследований), высшего уровня языковой коммуникации.

Из всех направлений анализа текста в культуре речи преобладает

коммуникативно-прагматический анализ текста, который строится на понятии коммуникативной компетенции, определении средств внешней (формальной) и внутренней (содержательной) связности. К таким средствам относятся семантико-грамматические характеристики глагольных форм (в том числе видовременная характеристика), союзы, союзные слова, местоимения, номинативные цепочки-перифразы (например, *Иван, брат Петра, завещатель*), повторы, синтаксические параллелизмы, лексические элементы, принадлежащие к одной тематической группе, изменение функциональной перспективы предложения, рематическое продвижение. К текстовой характеристике может быть отнесена и степень эксплицитности текста, соотношение содержания и смысла ("фактуальной и концептуальной информации" [30]).

Выявление полного списка текстовых категорий – предмет будущих исследований; впрочем, уже в работе Т.В. Матвеевой [78] сопоставляются способы реализации текстовых категорий (тематической целостности, локальности, темпоральности, оценочности и т.д.) в разных функциональных стилях. Типовая реализация категории называется автором функционально-стилевой нормой текста.

Довольно подробно описан репертуар разноуровневых единиц, присущих той или иной функциональной разновидности языка (см., например, [59]); однако спорным представляется вопрос о принадлежности к публицистическому стилю специального круга лексики. На наш взгляд, правильна та точка зрения на этот вопрос, согласно которой в публицистике используются слова всех функциональных стратов национального языка [135]. Термины и слова, означающие понятия политической или идеологической сферы, не могут считаться принадлежностью публицистики, так как эти слова (например, *агитация, идеология, интеграция, интенсификация*) употребляются и в других функциональных стилях – научном, официально-деловом, разговорном: денотативная отнесенность слова не тождественна сфере его использования.

Наиболее детально анализ языковых единиц разных языковых уровней проводится в монографии [33]: показаны варианты их использования при выражении различных содержательных блоков в той или иной сфере языка.

В разделе Е.Н. Ширяева "Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка" коллективной монографии [133] проводится исследование синтаксиса в разных аспектах: от коммуникативных запросов сферы к ее языковым особенностям, от текстов разных стилей к языковым средствам, их дифференцирующим, от анализа синтаксической структуры к определению специфики ее употребления в текстах разной стилевой принадлежности. Интересный материал и многоаспектность исследования показали, что стилевые особенности создаются взаимодействием разноуровневых средств и представляют собой картину сложных закономерностей соответствий, распределений и выбора содержательных и формальных структур (в том числе закономерности выбора семантико-синтаксических структур предложения для представления "положения дел", закономерности использования синтаксических структур с неявно

выраженным смыслом, особенности появления лексических элементов в нетипичных для нее синтаксических позициях, закономерности изменения порядка слов в определенных моделях предложений, закономерности компрессии предложений в разных типах текстов, соответствия простых и сложных предложений в разных функциональных стилях, закономерности распределения по сферам языка бессоюзных структур как структур с неясно выраженным смыслом и союзных как структур с выраженным смыслом). Автор ставит вопрос о необходимости учитывать "коммуникативные запросы" разных языковых сфер и о релевантности этих запросов для функционального синтаксиса. Что касается особенностей функционального страта языка "разговорная речь", то Е.Н. Ширяев приходит к важному выводу: "...основная особенность в области выбора и функционирования семантико-синтаксических схем предложений в РР состоит в том, что многие схемы предложений в РР способны выражать более широкий круг значений, чем в других сферах" (ср.: *Он инженер; Шкаф карельская береза; Она уже второй курс*).

Исследование современного публицистического стиля [7] продемонстрировало связь таких текстовых категорий, как адресат, адресант, оценочность; репертуар средств, выражающих их, обеспечивает перлокутивный эффект.

Знание новейших достижений современной лингвистики обеспечивает высокий уровень прагмастилистических исследований: помогают выработать алгоритм анализа текстов различной стилистической направленности и позволяют планировать составление нормативно-стилистических словарей. Последние работы выполнены на высоком теоретическом уровне [46, 30–63; 49; 107; 108]. Так, Н.К. Рябцева, анализируя перформативные высказывания в научном дискурсе, выявила их метатекстовые функции смысловой когезии, определила риторическую нагрузку, составила классы глаголов, способных формировать ментальные перформативные высказывания, определила наиболее характерные перформативные формулы, составила перформативную схему научного текста. Е.А. Земская и О.Н. Ермакова представили типологию коммуникативных неудач, проанализировав структуру диалогов разговорной речи. Л.Ю. Иванов описал совокупность прагматически релевантных грамматических структур в текстах научных дискуссий, раскрыл особенности тема-рематического строения предложений, дал образец социопрагматического анализа текстов этого типа. Используя такой методологически важный синтетический концепт культуры речи, как эффективность дискуссии, Л.Ю. Иванов показал связь текстовых категорий "культура дискуссии" и "рациональность".

Культура речи в современной научной парадигме занимает авангардные позиции, решая актуальные проблемы лингвистического анализа текстов различной функциональной направленности, вырабатывая приемы и способы повышения культуры речевого общения. Использование достижений других дисциплин и создание современной методологической основы позволяют решать задачи кодификации норм, выявлять границы допустимых вариантов речевого поведения, определяя оптимальные пути к коммуникативному успеху.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллен Ф., Перро Р.* Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка.

2. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.

3. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

4. *Арутюнова Н.Д.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

5. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

6. *Ахутина Т.В.* Порождение речи. М., 1989.

7. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: (Материалы к словарю). М., 1991.

8. *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: Наука, 1988.

9. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. 1992. № 2.

10. *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1986.

11. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

12. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1982.

13. *Безменова Н.А.* Речевое воздействие как риторическая проблема // Проблема эффективности речевой коммуникации: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1989.

14. *Безменова Н.А.* Проблема эффективности речи в перспективе неориторики // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.

15. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

16. *Бирвиш М.* Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

17. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

18. *Болинджер Д.* Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

19. *Брушлинский А.В., Поликарпов А.В.* Диалог в процессе познания // Познание и общение. М.: Наука, 1988.

20. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3.

21. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987.

22. *Ван Валин Р., Фоли У.* Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике.

23. *Васильев Л.Г.* Текст и его понимание. Тверь, 1991.

24. *Вендервекен Д.* Небуквальные речевые акты // Концептуализация и смысл. Новосибирск: Наука, 1990.

25. *Виноград Т.* К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика.

26. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

27. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.

28. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.; Л., 1934.

29. *Выготский Л.С.* Из неизданных материалов // Психология грамматики. М., 1968.

30. *Гальперин И.Р.* Грамматические категории текста: (Опыт обобщения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1977. Т. 36, № 6.

31. *Городецкий Б.Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика.

32. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

33. Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989. Ч. 1; М., 1991. Ч. 2.

34. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983.

35. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

36. *Дейк Т.А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

37. *Демьянков В.З.* Общая теория интерпретации и ее приложение к критическому анализу метаязыка американской лингвистики 1970—80-х гг.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1985.

38. *Демьянков В.З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1989.

39. *Демьянков В.З.* Загадки диалога и культура понимания // Текст в коммуникации. М., 1991.

40. *Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

41. Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991.

42. Диалог и коммуникация — философские проблемы: Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1989. № 7.

43. *Дмитровская М.А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

44. *Добиаш А.В.* Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка // Изв. историко-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1898. Т. 16.

45. *Долинин К.А.* Имплицитное содержание высказывания // ВЯ. 1983. № 6.

46. *Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.

47. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Иностр. лит., 1958.

48. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.

49. *Иванов Л.Ю.* Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

50. *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.

51. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.

52. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

53. *Кибрик А.Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38, № 4.

54. *Киселева Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.

55. *Кобозева И.М.* "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

56. *Кобозева И.М.* Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991.

57. *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 47, № 5.

58. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

59. *Кожин А.Н., Крылова О.Б., Одинцов В.В.* Функциональные типы русской речи. М.: Наука, 1982.

60. *Краусс Р.Н.* Познание и общение // Познание и общение. М.: Наука, 1988.

61. *Крестинский С.В.* Коммуникативно значимое молчание в структуре языкового общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

62. *Кривоносов А.Т.* Мышление без языка? // ВЯ. 1992. № 2.

63. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.

64. Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994.

65. *Лазуткина Е.М.* К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М.: Наука, 1988.

66. *Лазуткина Е.М.* Парламентские жанры // Культура парламентской речи. М.: Наука, 1994.

67. *Лазуткина Е.М.* Синтагматический класс глаголов: языковая данность, концептуальный феномен, коммуникативный стереотип // НДВШ. Филол. науки. 1995. № 5—6.

68. *Лайонс Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.

69. *Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10: Лингвистическая семантика.

70. *Лалаянц И.Э., Милованова Л.С.* Новейшие исследования механизмов языковой функции мозга // ВЯ. 1992. № 2.

71. *Лауфер Н.И.* Семантическая и формальная организация конструкций со значением множества (в связи с механизмом распределения внимания): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

72. *Лекомцев Ю.К.* Структура лингвистической гипотезы в аспекте формализации // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980.

73. *Леонтьев А.А.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

74. *Ли Ч.Н., Томпсон С.А.* Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1982. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике.

75. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

76. *Лотман Ю.М.* Асимметрия и диалог // Труды по знаковым системам. Тарту, 1983. Вып. 16.

77. *Лузина Л.Г.* Проблемы стилистики в лингвопрагматической интерпретации // Прагматика и семантика. М., 1991.

78. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

79. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. радио, 1978.

80. Метафора в языке и речи. М.: Наука, 1988.

81. *Мигунов А.С.* Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопр. философии. 1986. № 7.

82. *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965.

83. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

84. *Михайлова Т.А.* О понятии "правый" в лингвоментальной эволюции // ВЯ. 1993. № 1.

85. *Михальская А.К.* К современной концепции культуры речи // НДВШ. Филол. науки. 1990. № 5.

86. *Мурзин Л.Н., Штерн А.С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1990.

87. *Николаева Т.М.* Актуальное членение — категория грамматики текста // ВЯ. 1972. № 2.

88. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М., 1985.

89. *Николаева Т.М.* "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенсиональности. М., 1988.

90. Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.

91. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

92. *Павиленис Р.И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

93. *Павиленис Р.И., Петров В.В.* Язык как объект логико-методологического анализа: новые тенденции и перспективы // Вопр. философии. 1987. № 7.

94. *Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 3.

95. *Падучева Е.В., Крылов С.А.* Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1984.

96. *Паршин П.Б.* Сопоставительное выделение как коммуникативная категория: (Опыт процедурно-семантического описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

97. *Петров В.В.* Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1990.

98. *Петров В.В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ. 1990. № 3.

99. *Петров В.В., Герасимов В.И.* На пути к когнитивной модели языка (Вступит. ст.) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

100. *Поливанов Е.Д.* По поводу звуковых жестов японского языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

101. *Прохоров М.Ю.* Филологический вертикальный контекст в прагмалингвистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

102. *Пушкин А.А.* Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.

103. *Радзиховский Л.А.* Диалог как единица анализа сознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988.

104. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990.

105. *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.

106. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2.

107. *Рябцева Н.К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе // ВЯ. 1992, № 4.

108. *Рябцева Н.К.* Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

109. *Сергеев В.М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

110. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

111. *Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития прагматики // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984.

112. *Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981.

113. *Софронова И.Н.* Вертикальный контекст как категория художественного текста и средства его создания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990.

114. *Степанов Ю.С.* Иерархия имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38, вып. 4.

115. *Столнейкер Р.С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

116. *Стросон П.Р.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

117. *Сухих С.А.* Типология языкового общения // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.

118. *Тарасов Е.Ф.* Речевое действие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.

119. *Тарасова В.К.* Поэтический текст как коммуникативный поиск (поэтика Э. Дикинсон) // Прагматический аспект предложения и текст. Л., 1990.

120. *Тарасова И.П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992. № 4.

121. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.

122. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. Л.: Наука, 1991.

123. *Трошина Н.Н.* Риторика и теория коммуникации: (На материале немецкоязычных публикаций) // Неориторика. Генезис, проблемы, перспективы: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1987.

124. *Трошина Н.Н.* Прагмастилистический контекст и восприятие текста // Прагматика и семантика: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991.

125. *Филлмор Ч.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. Вып. 12: Прикладная лингвистика.

126. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

127. *Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов.

128. *Харитонов А.Н.* Переопосредствование как аспект понимания в диалоге // Познание и общение. М.: Наука, 1988.

129. *Чейф У.Л* . Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.

130. *Шахнарович А.М., Габ М.А.* Прагматика текста: психолингвистический подход // Текст в коммуникации. М., 1991.

131. *Ширяев Е.Н.* Два типа незамещенных позиций в конситуативных высказываниях // Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М., 1981.

132. *Ширяев Е.Н.* Культура русской речи: теория, методика, практика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51, № 2.

133. *Ширяев Е.Н.* Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык в его функционировании: Уровни языка. М.: Наука, 1996.

134. *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.

135. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.

136. *Шпербер Д., Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

137. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

138. *Ыйм Х.Я.* Рассуждения и порождение реплик диалога // Текст в коммуникации: Сб. научных трудов. М., 1991.

139. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

140. *Яковлева Е.С.* О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // ВЯ. 1993. № 4.

141. *Якубинский Л.П.* Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986.

142. *Ястрежембский В.Р.* Понятие релевантности в современной прагматике // Прагматика и семантика: Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991.

143. *Bally Ch.* Copule Zéro et faite counexes // Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1922. 23.

144. *Belyaeva A.V., Kharitonov A.N.* Cognition, verbal communication and understanding // Stud. psychol. 1985. Vol. 27, N 4.

145. *Bělicová H.* Semantická struktura věty a kategorie pádu. Pr., 1982.

146. *Daneš Fr.* Věta a text. Pr., 1985.

147. *Daneš Fr., Hlavsa Zd.* et al. Větné vzorce v češtině. Pr., 1981.

148. Dialog: An Interdisciplinary approach. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

149. *Fast J., Fast B.* Talking between the lines: How we mean more than say. N.Y., 1979. Vol. 10.

150. *Fodor J., Pylyshyn Z.* Connectionism and cognitive architecture: a critical and lysis // Cognition. 1988. N 1—2.

151. *Frank D.* Zweimal in der gleichen Flus steigen? Überlegungen zu einer reflexiven,

prozesorientierten Gesprachsanalyse // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. B., 1989. N 2.

152.*Gaida St.* Stylistics today // Stylistyka. 1992. N 1.

153.*Givon T.* Topic continuity and word-order pragmatic in Ute // Topic continuity in discorse. Amsterdam; Philadelphia, 1983.

154.*Hajičová E.* Negace a presupozice ve vyznamové ztavbě věty. Pr., 1975.

155.*Hausenblas K.* Text, Kommunikaty a jejch Komplexy: (Zamyšleni pojmoslovné) // Slovo a slovesnost. 1984. T. 4, N 45.

156.*Hays D.G.* How many levels should a grammar recognize? // Language and discourse: test and protest. Amsterdam; Philadelphia, 1986.

157.*Hoffmanová J.* Typy a vzájemné vztahy interpretačních činností produktora a recipienta v komunikačních procesech // Slovo a slovesnost. 1988. [T.] 49, N 2.

158.*Hymes D.* On communicative competence // Sociolinguistics. Harmondsworth, 1972.

159.*Jakobson R.* Zigne zero // Selected writings. The Hague; Paris, 1971. T. 2.

160.*Jelínek M.* Problematika definice pojmu "styl" // Stylistyka. 1992. N 1.

161.*Johnson-Laird P.* Mental models. Cambridge, 1983.

162.*Kořenský I.* Obecná teorie interpretačních procesů a rečová komunikace // Slovo a slovesnost. 1988. T. 49, N 2.

163.*Kraus I.* Retorika v dejnach jazykové kommunikace. Pr., 1981.

164.*Kraus I.* On the sociolinguistic aspects of the notion of functional style // Reader in Czech sociolinguistics. Pr., 1986.

165.*Kuipers B.* Representing knowledge of large-scale space. Cambridge (Mass.), 1978.

166.*Müllerová O.* Komunikační proces a text jako object teoretické interpretace // Slovo a slovesnost. 1988. T. 49, N 2.

167.*Nebeská I.* Produktor vs. recipient: specifika jejích interpretačních činností // Slovo a slovesnost. 1988. T. 49, N 2.

168.*Panevová J.* Formy a funkce ve stavbě česke věty. Pr., 1980.

169.*Quine W.O.* Word and object. N.Y., 1960.

170.*Sgall P.* et al. Uvod do syntaxe a semantiky. Pr., 1986.

171.*Šledrová J.* Ztvárnění záměru mluvčího ve vykladovém textu // Linguistica. XVII / 1. Funkční linguistika a dialektika. Pr., 1988.

172.*Šoltys O.* K problematice interpretace s hlediska linguistiky // Slovo a slovesnost. 1988. T. 49, N 2.

173.*Šticha Fr.* Utváření a hierarchizace struktury větného znaku. Pr., 1984.

174.*Werlich E.* Typologie der Texte. Heidelberg, 1975.

Глава 4

НОРМАТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Вынесенная в заглавие раздела оппозиция, разграничивающая нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи, есть не что иное, как экспликация при помощи современной терминологии реально существующей в пределах "лингвистики хорошей речи", или "мелиоративной лингвистики", дихотомии. Поскольку мелиоративная лингвистика, сосуществуя с "объективной" ("описательной", "дескриптивной") лингвистикой, отличалась от последней поиском нормы и идеала, а вследствие этого аксиологической направленностью и императивностью, она всегда располагала целым набором предписаний и рекомендаций, группировавшихся и группирующихся в две генеральные максимы: "говори правильно" и "говори так, чтобы твое общение с

другими людьми было успешным". Первый (нормативный) аспект был реализован в словарях и грамматиках, второй (коммуникативно-прагматический) — в риториках, которые, не чураясь нормативности, все же ставили своей основной целью обучить искусству "о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению" [28, 91].

Оба указанных аспекта были выявлены и в известном смысле противопоставлены — в теоретическом плане — и в лингвистических работах. О категории нормативности много говорить не приходится: именно проблема нормы "создала" культуру речи как лингвистическую дисциплину. Культура речи в коммуникативно-прагматическом аспекте при общей для этого подхода акцентуации деятельностной стороны языка получала разное концептуальное осмысление — от понимания культуры речи как "учения о говорении в самом широком смысле этого термина, т.е. учения об индвивидуальном использовании языковой традиции в самой различной обстановке социально-культурного быта" [7, 38], до признания принципа "коммуникативной целесообразности" основным и универсальным регулятором общения [26, 8].

Сегодня можно говорить о новом этапе в развитии культуры речи как лингвистической дисциплины, что не в последнюю очередь объясняется как раз более отчетливым осознанием того факта, что объектом мелиоративной лингвистики является не только языковая норма (а известный перекос в сторону нормативности в работах по культуре речи достаточно очевиден), но и коммуникативный процесс, рассматриваемый в аксиологическом и деонтическом измерении. Но помимо внутренних потребностей саморазвития науки значительную роль сыграли и факторы общелингвистического и даже общенаучного масштаба.

1. Прежде всего здесь следует отметить возрождение интереса к деятельностной стороне языка, развитие лингвопрагматики. Произошел сдвиг в лингвистических парадигмах, сущность которого кратко и точно сформулирована как переход "от лингвистики языка к лингвистике общения" [11, 39]. Важнейшим объектом исследований становится коммуникативный акт (коммуникативное событие, дискурс), который принципиально не может быть осмыслен лишь на основе изучения тех фактов, которые традиционно считались собственно языковыми и поэтому единственно достойными внимания лингвиста. Именно по этой причине, сохраняя в силу традиционности термин "культура речи", мы должны отчетливо осознавать, что под ним понимается к у л ь т у р а о б щ е н и я.

2. Еще одним фактором стал заметно усиливающийся антропоцентричный характер современной лингвистики. Становится все более ясным, что как человека нельзя изучать вне языка, так и язык нельзя изучать вне человека (см. [23]). Отсюда интерес к языковой личности, к homo loquens — "человеку говорящему", хотя, очевидно, точнее в данном случае было бы говорить о "человеке общающемся". Как коммуникативно-лингвистический и социокультурный феномен культура речи антропоцентрична по самой своей природе, так как представляет собой определенный — результативный и общественно

одобряемый в рамках данной культуры — способ коммуникативной деятельности, включая пользование языком.

3. Наконец, важным фактором, определяющим сегодняшнее состояние культуры речи как лингвистической дисциплины, является культурологическая направленность многих современных лингвистических (или шире — филологических) исследований. Культурогенное измерение культуры речи по существу носит глобальный характер. Культура речи (точнее — культура общения) в значительной мере непосредственно опирается на ценности и регулятивы данной национальной культуры. При этом, однако, нужно учитывать, что национальная культура глубоко стратифицирована, поэтому речь здесь идет о ценностях и регулятивах высшей культурной страты — так называемой "элитной" (или "высокой") культуры, которой в качестве языковой формации изоморфен литературный язык (см. [37, 6—9]). В связи с этим весьма важным оказывается понятие культурной рамки общения: любой коммуникативный акт — даже в случае своей максимальной результативности, — осуществляемый вне этой рамки, должен быть признан дефектным с точки зрения культуры речи (ср., например, использование нецензурных слов в качестве своеобразных "маркеров эффективности", действительно в некоторых случаях усиливающих воздействие на адресата, или осознанное введение дезинформации в дискурс для достижения какой-либо цели, что нередко приводит к желаемому результату).

Развитие лингвистической мысли, сдвиги в лингвистических парадигмах вполне закономерно оказывают влияние на науку о культуре речи в ее обоих аспектах.

НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Нормативность, т.е. следование нормам литературного языка в процессе общения, справедливо рассматривается как основа, фундамент речевой культуры. Давно отмечено, что ориентация на языковую норму обеспечивает стабильность литературного языка, создает возможность не только "горизонтальной" (между представителями данного социокультурного сообщества), но и "вертикальной" (между разными поколениями) коммуникации [31]. Кроме того, нормативность идиолекта или социолекта имеет культурно-семиотическое значение: владение литературным языком (а следовательно, и его нормами) — важнейшее условие и показатель принадлежности к данной культуре, точнее — к ее высшей страте ("элитной", или "высокой", культуре).

Изучение языкового сознания носителей языка показывает, что именно нормативность регулярно идентифицируется ими как культура речи; и напротив, нарушения нормы осознаются как наиболее неприемлемые речевые девиации.

Нормативность — один из параметров текста и дискурса. Однако сама языковая норма, безусловно "извлекаемая" прежде всего из текстов, будучи коррелятом системы, подобно системным явлениям, изучается как некий самостоятельный феномен, в известном отвлечении

от текста и дискурса, что и позволяет говорить о нормативном аспекте культуры речи, выделять в ней в качестве относительно автономного такое направление исследований, как ортология, объектом которой является языковая норма.

Ортология длительное время занимала главенствующее положение в науке о культуре речи, и именно в изучении языковой нормы достигнуты наиболее существенные результаты.

Несмотря на различие во взглядах на языковую норму и обилие ее определений (аналитический обзор см. в [42]), после опубликования известной статьи Косериу [25] господствующим становится понимание нормы как коррелята системы (норма — это реализованные и реализуемые возможности системы), как промежуточного звена между системой и узусом, связанного с ними отношениями взаимной детерминации. Нельзя переоценить эвристическое значение концепции двойственной — объективно-языковой и социально-аксиологической — природы нормы [29; 35; 34]. Были выявлены оппозитивные характеристики языковой нормы, важнейшей из которых, несомненно, является оппозиция "стабильность/изменчивость"; создана "динамическая теория нормы" [33]. Проведены исследования в области вариантности языковых средств и вариативности языкового выражения, по общему мнению конституирующих норму как проблему выбора [9; 10; 43; 34; 14]. При помощи различных методов, включая квантитативные, изучались нормы на разных языковых уровнях [1; 8; 41; 44; 22; 10; 34; 14; 21]. Из всех уровней меньшее внимание в теоретическом плане уделялось лексической норме, и это вряд ли возмещалось изданием словарей. Хотя практическую кодификацию, осуществляемую преимущественно путем создания толковых и ортологических словарей (среди последних можно выделить универсальные и специализированные словари), безусловно, следует занести в актив отечественной науки о культуре речи.

Тем не менее сегодня вряд ли можно говорить о всестороннем и равно глубоком для всех аспектов теоретическом осмыслении феномена языковой нормы и уж тем более о создании общей теории нормы. Нерешенными остаются и многие вопросы, связанные с выработкой принципов кодификации языковой нормы и с реализацией этих принципов в практике словарной работы. Так, необходимо выявить саму сущность языковой нормы в ее противопоставлении нормам других типов, регулирующих общение на естественном языке. Попытки создания типологии нормы предпринимались неоднократно. Предлагалось, например, различать нормы дескриптивные и прескриптивные [39], но они соотносятся с разными языковыми объектами: первые — с диалектами[1], вторые — с литературным языком. Еще одна классификация предполагает рассмотрение нормы на трех уровнях — языковых единиц, текста и языка как системы систем [12]. Если противопоставление нормы на уровне языковых единиц и на уровне текста

[1] Есть ли вообще смысл выделять в качестве особого типа дескриптивную норму, если она "абсолютно идентична возможностям, данным системой языка" [39, 98]?

представляется вполне оправданным (при условии понимания, что это не разные уровни или ипостаси о д н о й нормы, а р а з н ы е нормы), то применение концепта "норма" по отношению к иерархической организации разновидностей и субстандартов в пределах этноязыка по существу ведет к отождествлению нормы и системы. Вряд ли в основе типологии нормы может лежать ее разделение на нормы алстические (то, что реально существует, обычно, типично), деонтические (описываемые в терминах "правильно"/"неправильно") и аксиологические (интерпретируемые с позиции "хорошо"/"плохо"). Дело в том, что эти признаки имманентно присущи норме в их единстве: норма — это реальный и типичный факт, осознаваемый как правильный и поэтому получающий позитивную оценку.

Наиболее релевантной с точки зрения культуры речи является типология норм, представленная в ряде работ немецких и чешских лингвистов (Хартунга, Нериуса, Барнета). Во всех этих классификациях противопоставляются языковые, или системные, нормы (Sprachnormen, Sprachsystemnormen) и коммуникативные нормы, или нормы применения языка (kommynikative Normen, Sprachverwendungsnormen). Эта дифференциация существенно уточняется, когда с введением понятия "стилистическая норма" принимает вид трихотомии. А.Едличка в одной из работ [18, 140—147] интерпретирует указанные типы норм следующим образом:

1. Языковые, или системные, нормы (Едличка называет их также формационными, поскольку они "увязаны" с формой существования языка, языковой формацией) определяются как "совокупность языковых средств и закономерностей их использования, свойственных данной форме существования языка, которые ей приписаны коммуникативным сообществом и которые в соответствии с этим данное коммуникативное сообщество использует как обязательные" [там же, 140]. Языковые нормы ограничены собственно языковым компонентом, тесно связаны с системой, а их отношение к коммуникации характеризуется лишь тем, что их конституирующими признаками являются общественное признание и обязательность в данном языковом и коммуникативном сообществе.

2. Коммуникативные нормы связаны с процессом коммуникации, включают не только вербальные, но и невербальные элементы, в значительной мере обусловливаются ситуацией общения.

3. Стилистические нормы, которые Едличка считает "наиболее широкими по объему", не ограничиваются проблемой выбора и использования языковых средств в тексте: они охватывают не только вербальные, но и тематические и собственно текстологические компоненты. Связанность стилистических норм с текстом "проявляется в том, что внутреннее членение стилистических норм может опираться на разработанную классификацию типов текста" [там же, 146].

Предложенное А. Едличкой определение языковой (системной) нормы явным образом корреспондирует с тем пониманием нормы, которое является господствующим и в русистике: языковая норма — это реализации языковой системы, принятые в данное время данным языковым

сообществом в качестве образцовых или предпочтительных. Языковая норма соотнесена с собственно языковыми фактами (языковыми единицами) — их составом, образованием, сочетаемостью, употреблением.

Вызывает несогласие предложенное А. Едличкой соотношение между коммуникативной и стилистической нормой: поскольку сферой действия стилистической нормы является текст, представляющий собой лишь один из структурных компонентов процесса коммуникации, а коммуникативная норма охватывает весь коммуникативный процесс, то именно она обладает наиболее "широким объемом" и включает в себя нормы других типов. Существенно подчеркнуть, что стилистическая норма обращена к тексту, и только к тексту как целостному продукту речевой и коммуникативной деятельности в единстве всех его уровней (содержательно-информационного, структурно-композиционного и речевого). Она непосредственно не соотносится со стилистически маркированными единицами языка, находящимися под "юрисдикцией" языковой нормы, и интересуется ими лишь постольку, поскольку они используются в том или ином тексте. Очевидно, в самом общем виде стилистическую норму можно определить как соответствие текста (относящегося к тому или иному жанру, функциональной разновидности, подсистеме литературного языка) сложившемуся в данной культуре и общественно принятому в данный момент стандарту. Понятие стандарта не исключает вариативности, а, напротив, предполагает ее; но оно предполагает также наличие определенных ограничений и предпочтений в процессе продуцирования текстов с заданными функционально-коммуникативными характеристиками (эти ограничения и предпочтения могут касаться набора топиков, вида информации и способов ее передачи, структурной организации текста, отбора языковых средств и т.д.).

Коммуникативная норма понимается автором настоящей главы как адекватность коммуникативного процесса ситуации общения, а также его соответствие ценностям, стандартам и регулятивам, существующим в данной культуре. Она включает в себя нормы более низких уровней — языковые и стилистические, — но, кроме того, имеет и свои собственные параметры, к которым относятся, например, следование постулатам общения и соблюдение этических норм.

Из сказанного ясно, что с нормативным аспектом культуры речи (в традиционном понимании этого термина) соотносятся только языковые нормы, тогда как стилистические и коммуникативные нормы репрезентируют коммуникативно-прагматический аспект (хотя можно предположить, что в будущем они составят единый объект нового направления в науке о культуре речи — нормативистики).

В изучении языковой нормы реализуются различные подходы, а ее типология может создаваться на разных основаниях. Наиболее традиционна классификация языковой нормы по уровням языка, в которой выделяются нормы произношения и ударения, лексико-фразеологические и грамматические нормы (словообразовательные, морфологические, синтаксические); кроме того, сюда же могут быть отнесены просодические (наименее изученные), орфографические и пунктуацион-

ные нормы. Гипостазирование в переделах этой классификации такого таксона, как "стилистическая норма", является лингвистически необоснованным (см. выше).

Несомненно, как перспективное следует рассматривать такое направление ортологии, как изучение норм в разновидностях и подсистемах литературного языка. На передний план здесь выдвигается исследование норм разговорной речи, которые в отличие от ее системы недостаточно изучены, несмотря на то что в этом существует очевидная потребность — хотя бы уже потому, что разграничение просторечия и разговорной речи (имеющее принципиальное значение с точки зрения культуры речи) требует их всестороннего дистинктивного описания.

При всей аксиоматичности положения, согласно которому норма реализует возможности языковой системы, практически не разработан вопрос о путях этой реализации, о типах (или уровнях) конкретной манифестации языковой нормы как деонтического ограничителя и регулятора. По мнению автора, существуют по меньшей мере четыре взаимопересекающихся уровня манифестации, проявления нормы:

1. Уровень состава языковых единиц. В каждый период своего развития литературный язык располагает определенным корпусом языковых средств, достаточно четко отграниченным от языкового инвентаря других форм существования национального языка (диалекты, просторечие), субстандартов (жаргоны), предшествующих состояний системы самого литературного языка (историзмы, архаизмы), других языков (спорадические заимствования, варваризмы). На этом уровне манифестации языковой нормы большинство языковых фактов (языковых единиц и их вариантов) может быть отнесено к одной их двух больших сфер — "норма" и "ненорма":

Норма	**Ненорма**
нога	ноγа (диал.)
инструме́нт	инстру́мент (прост.)
пополам	напополам (прост.)
принять решение, определить позицию	определиться (ненорм.)
угодить	потрафить (прост.)
жить у сестры	жить у сестре (диал.)
зал	зала (устар. и диал.)
инженеры	инженера (прост.)
здесь трактор проехал	здесь трактором проехано (диал.)
он политикой не интересуется	он о политике не интересуется (прост.)

Между "нормой" и "ненормой" существует множество переходных явлений, находящихся в своего рода тамбурной (или "серой", по определению В.А. Ицковича) зоне. К их числу относятся, например, "системные" варианты, не вошедшие в образованный узус (*до́говор, нефтепро́вод, слесаря);* элементы субстандартов (*тусовка, крутой, по*

жизни); "слабые", т.е. употребляемые в текстах, но не закрепившиеся в словаре заимствования (*консалтинг, дилер, саммит*); неологизмы различных типов (*коммуняки, обвальный* в значении 'происходящий повсеместно, в краткий промежуток времени, затрагивающий все стороны объекта, *совок* 'советская действительность, советский человек'); устаревшие и устаревающие слова, формы и конструкции (*фóльга, запáсный, полячка, по ком звонит колокол*); устаревшие факты, переживающие стадию реактивации (*губернатор, дума, давеча, намедни*[2]). Ясно, что именно переходные явления требуют особого кодификаторского внимания.

2. Уровень комбинаторики и сочетаемости. Под комбинаторикой здесь понимается упорядоченное объединение единиц в составе единиц более высокого уровня — фонем в морфемах и словах, морфем в словах, слов во фразеологизмах, словоформ и словосочетаний в предложении. Нормативными могут быть вариантные комбинации элементов в той или иной единице (сосуществование одностатусных вариантов нормально для языка), но все же чаще изменение состава и порядка следования компонентов ведет к нарушению нормы.

В комбинаторике существуют четыре типа девиаций: добавление, сокращение, перестановка, замена. Примерами добавления могут служить протетические вставки (*вострый*), эпентезы (*компентенция*), включение во фразеологизмы изначально не входящих в них слов (*отдать должную дань*), семантически не мотивированная, избыточная аффиксация (*навряд ли*) и т.д. К сокращению относятся редукции, стяжения, утрата звуков (*ваще, истит, рупь*), элиминация компонентов фразеологизма (*раскинуть* вместо *раскинуть умом*), пропуск соотносительного слова в сложноподчиненном предложении (*опоздал по причине, что электричка не пришла*) и др. Типичным примером перестановки является метатеза (*ре-се-фе-се-эр, друшлаг, тубаретка*). Замены охватывают языковые единицы всех уровней: это могут быть, например, замены звуков (*колидор, радиво, перьвый*), аффиксов (*лимоновый, взад*), слов во фразеологизмах (*пока суть да дело, львиная часть*), грамматических форм в определенных синтаксических

---

[2] В одной из предыдущих работ автор высказал предположение, что наречия *давеча* и *намедни* могут вернуться в литературный язык — этому должны были способствовать их литературное прошлое и возможность заполнения в этом случае лакун в темпоральной лексико-семантической парадигме. Ранее весьма точную семантическую характеристику этим словам дал писатель А.К. Югов: «Это ведь только кажется иному, что "намедни" с легкостью-де и полностью заменяется наречием "недавно". Да, действительно: "намедни" означает "незадолго", "недавно", но при условии считать не часами, а д н я м и. И русский человек, не оторвавшийся от народа, понимает это, как понимал Пушкин. А вот когда в просторечии (также общерусском) произносится "даве", "давеча", то здесь разумеют тоже "недавно", но этого же дня, то есть считая на ч а с ы. Такова различительная тонкость народного языка!» [47, 16]. Похоже, что эти слова (во всяком случае, наречие *намедни*) в последнее время актуализировались в литературном словоупотреблении. "Намедни" — так одно время называлась рубрика на телевизионном канале "Новая студия"; используется это слово и в печати: Намедни сыщики Ярославской области поймали банду дерзких разбойников (Независимая газета. 1992. 3 дек. № 233).

позициях (*я согласный, он стал председатель кооператива*) и мн. др.

В сочетаемости реализуется валентность слова, т.е. его способность вступать в сочетания с другими словами как лексическими или синтаксическими единицами. Нарушение нормы лексической сочетаемости выражается или в замене слова (*происходит типичная ситуация*), или в создании избыточных, плеонастичных сочетаний (*памятный сувенир*).

Среди девиаций в области синтаксической сочетаемости можно отметить замену слова в синтаксической конструкции (*иметь двоих дочерей* вместо *двух дочерей*), изменение грамматической формы управляемого, согласуемого или находящегося в отношениях координации компонента (*заведующий кафедры, в городе Тверь, пришли 21 человек*), замену предлога (*прийти с магазина, лекция по теме*), преобразование предложной конструкции в беспредложную или наоборот (*равноправны друг другу* вместо *равноправны друг с другом, подчеркнуть о важности момента*).

3. Уровень дистрибуции языковых единиц. Выделение этого уровня связано с внутренним членением литературного языка и коммуникативного пространства. Информация, которую несут в себе ненейтральные, маркированные в каком-либо отношении языковые единицы (закрепленные за каким-либо функциональным стилем или типом ситуации общения, обладающие эмоционально-оценочной коннотацией), нормально представлена вместе с этими единицами в языковых тезаурусах личности (ассоциативно-вербальной сети). Владеющий нормами литературного языка человек отчетливо осознает дистрибуцию этих единиц, т.е. возможность их употребления в текстах и ситуациях определенных типов, которые будут существенно различаться, например, для высокой и сниженной лексики или для разговорных и книжных синтаксических конструкций. Этот уровень языковой нормы не следует определять как стилистическую норму, так как сферой действия последней является текст.

4. Уровень эталонной языковой единицы. Несмотря на "асимметричный дуализм языкового знака" (С.О. Карцевский), можно утверждать, что в каждый данный момент языковая единица (речь здесь идет о словах и синтаксических конструкциях) обладает достаточно устойчивым единством формы и значения (что, разумеется, не исключает возможности синхронного сосуществования нескольких ее вариантов в границах нормы). С точки зрения нормативного образца релевантны все свойства и признаки языковой единицы: состав, звуковая и грамматическая форма, структура значений, стилистическая окраска, лексическая и синтаксическая сочетаемость. К нарушению нормы на этом уровне — скажем, применительно к лексеме — ведут формальные и семантические трансформации языковой единицы, связанные, например, с изменением звукового состава, грамматической формы, места ударения (*бюллетни, средствá, полоскает*), приписывание означающему "чужих" денотата или десигната (*подошел*

автобус с аншлагом "Москва — Бронницы"; это конгениальная книга), элиминция коннотативных сем (*зачинщик славных дел*), употребление слова без учета его стилистической окраски (*я проживаю в соседнем доме* — в разговорной речи), изменение в сочетаемости слова — лексической и синтаксической (*овладеть способностями, противоречит с убеждениями*).

Манифестация литературной нормы не является строго дискретной: выделенные уровни взаимопересекаются, образуя своего рода поле нормативности, в пределах которого большинство языковых фактов может занимать не одну, а несколько позиций. Так, деформированное слово *истиут* должно интерпретироваться как просторечное (уровень состава), в котором ненормативная утрата фонемы (уровень комбинаторики) приводит к искажению звуковой формы эталонной лексемы (уровень эталонной единицы). Правда, существуют языковые единицы, которые нормативно идентифицируются только на одном уровне манифестации нормы. Так, исчерпывающей нормативной характеристикой слов *зарод* (большой стог сена), *заплот* (забор), *потрафить* (угодить), *всклянь* (до краев какой-либо емкости) будет указание на их внелитературность, принадлежность к словарю говоров или просторечия.

Типология нормы по необходимости должна быть дополнена типологией отступлений от нормы, которая может создаваться на разных основаниях, но с обязательным объяснением причин ненормативных девиаций.

Традиционна и общепринята дифференциация отступлений от нормы по языковым уровням, при которой выделяются и противопоставляются друг другу орфоэпические, акцентологические, лексико-фразеологические, грамматические (словообразование, морфология, синтаксис), орфографические и пунктуационные ошибки (выделение здесь такого таксона, как стилистические ошибки, некорректно; в то же время эта структура может быть существенно расширена за счет просодических девиаций и отступлений от нормы в номинации). Ценность этой классификации заключается в том, что она соотнесена с системой языка, недостатком же ее является отнесение к одной группе фактов с очевидно разным нормативным статусом — скажем, собственно литературных и находящихся за пределами литературного языка языковых средств. Поэтому она должна быть дополнена типологией отступлений от нормы на основе выявленных уровней манифестации языковой нормы (см. выше). Причем важной задачей является не просто описание разных типов ненормативности, но и составление своеобразного "конкорданса" ненормативных языковых единиц, относящихся к тому или иному типу.

С точки зрения типологии отступлений от литературной нормы существенно различать "слабую" и "сильную" ненормативность. Примерами первой могут служить некоторые системно обусловленные факты, достаточно широко употребляемые в литературных текстах (в том числе в разговорной речи носителей литературного языка), но не имеющие достаточно устойчивого нормативного статуса и однозначной позитивной кодификаторской оценки (*черное кофе, сто грамм, самый*

лучший и т.д.). Факты, относящиеся ко второй группе, можно определить как идентификаторы ненормативности (или "лакмусовые бумажки нормы", по словам С.И. Ожегова). Сюда относится просторечие в полном объеме (*инстру́мент, трудящие, зазря*), а также вполне системные для литературного языка единицы, однако традиционно закрепленные в языковом сознании его носителей как ненормативные в отличие от тех своих коррелятов, которые столь же традиционно населяют "заповедник нормы" (*до́говор, зво́нит, сектора́*).

Весьма важным дистинктивным признаком отступлений от языковой нормы является признак "непреднамеренность/преднамеренность" нарушения. Непреднамеренные отступления от нормы в свою очередь подразделяются на ошибки и оговорки. Ошибки появляются обычно по причине недостаточной языковой компетенции говорящего и могут быть определены как "неосвоенная норма". Оговорки возникают (об оговорках речь может идти только в том случае, когда человек владеет литературным языком и данным типом нормы) под воздействием комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов. Среди языковых явлений, в известном смысле "провоцирующих" оговорки, можно отметить, например, смежность или сходство языковых единиц (принадлежность к одному семантическому полю, паронимия). К оговоркам могут привести, например, следующие обстоятельства: неожиданный прорыв подсознательного в сферу речевой объективации (так называемые "фрейдовы оговорки"), определенное психофизическое состояние субъекта (усталость, волнение), неосознаваемое человеком влияние на его речь массового узуса или речевых особенностей контрагента по дискурсу.

Преднамеренные отступления от нормы различаются прежде всего сферой и целями их использования. В художественной литературе, например, ненормативные факты (диалектизмы, жаргонизмы, просторечие) употребляются для создания образа автора или рассказчика, в целях речевой характеристики персонажа или изображаемой социальной среды. Многообразны цели, с которыми связаны преднамеренные отступления от нормы в "обычной", нехудожественной речи. Это может быть невинная языковая игра, лингвистическая пародия, сатирическое изображение оппонента (последнее возможно и в том случае, когда оппонент безукоризненно владеет литературным языком), аффективное состояние, намеренный эпатаж (выражающийся, например, в использовании нецензурной лексики), выражение ментальности (скажем, употребление человеком диалектных и просторечных слов, для того чтобы самоидентифицировать себя как национал-патриота).

Разумеется, в данной главе типология отступлений от нормы лишь намечена, однако ясно, что в дальнейшем они вполне заслуживают самого серьезного лингвистического внимания, которое могло бы инициировать их всесторонний анализ и развернутое описание.

Поскольку норма находится под двойным воздействием – со стороны языка, представляющего собой динамическую систему, и узуса, – она неизбежно должна пребывать в состоянии перманентного изменения. Это обстоятельство закономерно выдвигает на передний план

ортологических исследований проблему нормативной идентификации языковых фактов, т.е. их оценки как "нормы" или "ненормы". Отсюда ясно, что весь комплекс вопросов, связанных с кодификацией, под которой понимаются фиксация и описание нормы в специально предназначенных для этого источниках, приобретает не только прикладной, но и концептуальный характер.

Прежде всего теоретической интерпретации требует уточнение соотношения нормы и кодификации. От Пражского лингвистического кружка идет традиция строгого разграничения нормы и кодификации как объекта и его по возможности адекватного отражения, воспринятая большинством исследователей в нашей стране [20; 42; 10; 34]. При всей теоретической безукоризненности данного тезиса нужно отметить, что в условиях регулярной и ориентированной на массовую аудиторию кодификации – а именно такой представляется ситуация, сложившаяся в кодификации норм русского литературного языка (ср. едва ли не ежегодное переиздание "Словаря русского языка" С.И. Ожегова и "Орфографического словаря"), – она (кодификация) сама становится весьма существенным фактором нормообразования. Это объясняется, во-первых, господствующим на обыденном уровне общественного и индивидуального языкового сознания представлением о данных и рекомендациях словарей как об абсолютной лингвистической истине, а во-вторых, тем, что наиболее влиятельные и авторитетные в языковом отношении носители литературного языка (литераторы, журналисты, редакторы, дикторы, педагоги, филологи) в своей профессиональной и речевой деятельности (а эти виды деятельности во многих случаях совпадают), несомненно, следуют рекомендациям кодифицирующих источников, перенося тем самым норму из словаря в текст, откуда она через некоторое время может быть опять возвращена в словарь.

Чтобы избежать этого порочного круга, кодификация должна строиться на таких принципах, которые позволили бы ей быть максимально адекватной сложившейся или складывающейся норме. А для этого нужно как минимум, чтобы эти принципы соответствовали сущностным характеристикам объекта – языковой нормы. Поскольку наиболее важным свойством нормы является внутренняя противоречивость, выраженная в одновременном действии тенденций к устойчивости и изменчивости, то и основными принципами кодификации следует признать р а з у м н ы й л и н г в и с т и ч е с к и й к о н с е р в а т и з м, с одной стороны, и т о л е р а н т н о с т ь – с другой. Очевидно, эти принципы относительно объективного состояния нормы расположены не вполне симметрично. Золотое правило кодификатора, как, впрочем, и любого культурного человека, можно сформулировать в виде следующей максимы: "Плохо отстать от нормы, но еще хуже опередить ее". Традиционный вариант, если он окончательно не вышел из употребления, длительное время сохраняет культурную ауру, образующуюся в результате его использования в прошлом в литературных, культурогенных контекстах. В то же время кодификация, разумеется, должна способствовать поддержке, по словам Л.В. Щербы, "новых, сов[illegible]ревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность

Существенно различающиеся, порой контрадикторные рекомендации словарей, касающиеся довольно широкого круга фактов, свидетельствуют о том, что пока не выработана единая система нормативной оценки. Поиск универсального критерия нормативности непродуктивен: инструментарий определения объективного состояния нормы по необходимости должен представлять собой иерархически организованную структуру ее признаков. Господствовавшее ранее мнение о том, что норма может иметь только одно основание (в качестве такого основания назывались, например, авторитетность источника, традиция, соответствие "просвещенному вкусу"), ушло в прошлое. В современной лингвистике практически общепринятым стало представление о множественности критериев нормативности, хотя исследователи обычно выделяют разные признаки нормы, релевантные, с их точки зрения, для кодификации, ср.: "Признание нормативности языкового факта должно опираться на непременное наличие трех признаков: 1) языкового узуса, т.е. массовой и регулярной употребляемости (воспроизводимости) данного способа выражения; 2) соответствия этого языкового выражения возможностям системы литературного языка (с учетом ее исторической перестройки) и 3) общественного одобрения данного языкового узуса; причем роль судьи в этом случае обычно выпадает на долю образованной части общества" [10, 49]; "Достоверность представлений о норме обычно устанавливается по отношению этих представлений к системе языка, к традиции употребления, к практике современного употребления. Другими словами, нормативная оценка варьирующихся языковых единиц (а вне вариантности проблемы нормы не существует) исходит из характеристики вариантов с позиций того, что может быть (соответствует системе языка), что было (соответствует традиции) и что есть (отражает речевой узус)" [46, 3].

Представляется, что предлагаемые перечни значимых для кодификации признаков нормы могут быть существенно расширены. Система критериев нормативности в этом случае могла бы приобрести следующий вид:

1) соответствие языкового факта системе литературного языка и тенденциям ее развития (критерий системности);

2) функциональная мотивированность появления и бытования в языке знака с данным значением, функциями, прагматическими свойствами (критерий функциональной мотивированности);

3) узуальность единицы, ее массовая воспроизводимость в литературных текстах, включая разговорную речь образованных людей (критерий узуальности);

4) позитивная общественная оценка языкового факта, его социальная санкционированность (критерий аксиологичекой оценки);

5) безусловная нормативность контекста употребления языковой единицы (критерий нормативного окружения);

6) высокий культурный престиж "использователя" знака (критерий культурогенного употребления).

Ясно, что данные критерии нормативности находятся между собой не только в отношениях взаимной дополнительности – часто они

вступают в контрадикторные отношения. Поэтому важно представить их как иерархически организованную структуру, компоненты которой обладают разной значимостью при определении нормативного статуса языковых единиц.

В первом приближении представляется естественным вывод, что наиболее сильным, как бы "само собой разумеющимся" является критерий системности, конституируемый самой сущностью языковой нормы как коррелята системы. "Именно в плане научной теории о закономерностях развития системы того или иного живого языка, – писал В.В. Виноградов, – и должны оцениваться новые явления в языке и отклонения от установившихся норм" [6, 7]. Разумеется, большинство нормативных факторов носит системный характер. В то же время известны многочисленные случаи конфликта между системой и нормой. С одной стороны, норма не допускает в литературный узус вполне системные (соответствующие закономерностям развития системы) образования. Так, находятся за пределами нормы такие закономерные с точки зрения системы факты, как причастия с суф. *-ущ-/-ащ-* от глаголов совершенного вида (типа *станущий, прилетящий*), образуемые лишь окказионально; глагол *ложить* и приставочные образования от глагола *класть (покласть, перекласть);* имперфективаты от так называемых двухвидовых глаголов *(атаковывать, использовывать);* соответствующие тенденциям акцентологических изменений варианты *до́говор, зво́нит, нефтепро́вод* и мн. др. (см. [27, 22; 38, 291–293]). С другой стороны, норма сохраняет в употреблении явно несистемные (с точки зрения современного состояния системы) языковые единицы, их варианты и грамматические формы. Типичный пример – устойчивая (и поощряемая кодифицирующими источниками вопреки протестам грамматистов) дифференциация родовых форм числительного *оба/обе* в косвенных падежах (*с обоих столов, из обоих сел – с обеих сторон*) при системно обусловленном отсутствии родовых различий во множественном числе прилагательных, местоимений и числительных (см. [46, 6–17]). Таким образом, критерий системности нельзя признать универсальным и самодостаточным, хотя он играет значительную роль в определении нормативной перспективы языковых фактов и снятии традиционно-консервативных запретов на употребление ряда системно обусловленных образований.

Обращение к критерию функциональной мотивированности может иметь решающее значение, например, при кодификации иностранных слов, которые в большинстве своем – вопреки пуристическим представлениям – заполняют образующиеся по тем или иным причинам лакуны в словарном составе литературного языка. Тот же критерий не позволяет, по-видимому, выводить за пределы литературного языка так называемое экспрессивное просторечие – сниженную лексику с эмоционально-оценочной коннотацией: присущие ей экспрессивность и оценочность предопределяют достижение некоего прагматического эффекта при ее использовании, что делает эту лексику практически незаменимой в определенных ситуациях общения. И напротив, в сил

своей функциональной немотивированности, избыточности вряд ли могут претендовать на права литературного гражданства слово *порядка* и сочетание *в районе*, используемые как предлоги в оборотах со значением локативной и темпоральной приблизительности (*порядка семи километров, в районе двух часов*): в языке существуют другие, безусловно нормативные способы выражения данного значения (*около семи километров, примерно семь километров, километров семь*).

Говоря о критерии узуальности, необходимо внести одно существенное уточнение. Речь здесь может идти, разумеется, не о массовом, а о литературном узусе, т.е. о типе (способе, образе, обычае) вербального общения в устной и письменной форме представителей высшей культурной страты, которой в качестве языковой формации изоморфен литературный язык (см. выше). При этом необходимо учитывать, что состав носителей "высокой" культуры, равно как и носителей литературного языка, в культурно-языковом отношении неоднороден: наряду с самым обширным серединным, или медиальным, слоем здесь можно выделить такие группы, как элита (точнее – элиты) и маргиналы, к числу которых относятся культурные неофиты, выходцы из других социокультурных сообществ. Очевидно, при определении нормативности/ненормативности языковых факторов следует учитывать узус, складывающийся в среде представителей двух более высоких культурных слоев, возможно с предпочтительной ориентацией на речь лингвистической элиты, отличительной чертой которой является использование языка в качестве инструмента профессиональной деятельности (к этой группе можно отнести, например, литераторов, журналистов, научных работников, редакторов, преподавателей и т.д.). При этом следует, однако, помнить об известном языковом консерватизме интеллигенции [31], что ставит исследователя и кодификатора перед необходимостью рассматривать "элитный" узус на широком фоне массовой речи.

Критерий аксиологической оценки непосредственно связан с критерием узуальности, так как "социальная, в широком смысле, оценка" (С.И. Ожегов) заключается в реальном принятии или непринятии узусом того или иного факта. В то же время выделение этого критерия представляется необходимым по следующим причинам. Во-первых, языковые оценки часто эксплицируются говорящими в виде суждений о языке, метатекстовых замечаний (замечаний по поводу текста, его фрагментов или элементов, которые содержатся в самом тексте), ответов респондентов при проведении опросов и т.д.; все эти оценки "в узком смысле", несомненно, должны учитываться как в теоретических исследованиях в области нормы, так и в практической кодификации литературных норм. Во-вторых, сама кодификация является одной из разновидностей общественно-аксиологической оценки, а кодификация, как отмечалось выше, представляет собой весьма существенный фактор нормообразования.

Критерий нормативного окружения по существу носит операциональный характер: любой факт может быть признан литературным только при регулярной встречаемости в безусловно нормативном

контексте. Однако этот критерий не реверсивен, поскольку в нормативном окружении могут встречаться и безусловно ненормативные факты (ср.: *вскорости последуют изменения; где-то в районе двух часов; навряд ли это будет иметь большое значение*, отмеченные в литературной речи газетных и телевизионных журналистов). Это значительно затрудняет введение понятия нормативной позиции, которое бы позволило формализовать принятие кодификаторских решений.

Критерий культурогенного употребления связан с высоким культурным престижем пользователей языка, с узусом наиболее авторитетных в культурном и языковом отношении социальных групп и отдельных лиц. Этот критерий корреспондирует с критерием узуальности в том понимании, которое предложено в данной работе, но не совпадает с ним, так как культурной аурой могут быть окружены достаточно локальные явления, не свойственные массовому образованному узусу. Один из примеров – сознательное культивирование норм старомосковского произношения интеллигентами-немосквичами [достатошно, смеюс, дожж'и], что, кстати, может рассматриваться как свидетельство нормативности некоторых особенностей этого произношения в современном русском литературном языке. Разумеется, при кодификации должны учитываться и "вычитаться" явно ненормативные факты, которые могут характеризовать идиолекты самых авторитетных носителей литературного языка (элементы диалектного субстрата, регионализмы, например особенности петербургского произношения, окказионализмы и т.д.).

Многие из нормативно маркированных языковых единиц (т.е. единиц, нуждающихся в прояснении их нормативного статуса) могут получить соответствующую нормативную оценку на основе сугубо квантитативного показателя – соответствия или несоответствия большинству критериев нормативности. Так, предлоги *порядка* и *в районе* в конструкциях со значением временно́й приблизительности должны быть отвергнуты по крайней мере по четырем позициям: отвечая критерию системности в результате "нормальности" для языка конверсии пространственно-временны́х значений и "грамматичности" перехода существительных (в том числе предложных сочетаний) в разряд предлогов, встречаясь в нормативном окружении, они нефункциональны (в языке существует немало способов выразить то же значение безусловно нормативными средствами: *встретимся около двух часов; примерно в два часа, часа в два*), несвойственны в целом культурному узусу и тем более не имеют традиции культурогенного употребления, отмечены эксплицитно выраженной негативной оценкой.

Однако такой чисто "количественный" подход к определению нормативности/ненормативности языковых фактов явно недостаточен: критерии нормативности, как уже отмечалось, могут находиться не только в отношениях взаимной дополнительности, но и в контрадикторных отношениях (ситуация "конфликта критериев"). Мы в целом принимаем иерархическую структуру критериев нормативности, предложенную Ф. Данешем. По Данешу, существует три критерия оценки литературного языка: 1) нормативность; 2) функциональная адек

ватность; 3) системность. Критерий нормативности формулируется следующим образом: "Нормативным является то языковое средство, которое принято (закреплено) или приемлемо для данного языкового коллектива". С точки зрения адекватности "языковое средство оценивается тогда, когда выясняется, в какой степени оно способно удовлетворять функциональные нужды данного сообщества <...> Положительная оценка языкового средства с этой точки зрения возможна, если в нем существует общественно-функциональная потребность. Важной составной частью адекватности является эффективность (действенность)". Степень системности языковых фактов устанавливается на основе того, "как они согласуются с существующими отношениями (правилами) в языковой системе, как они способствуют внутреннему единству, регулярности и динамическому равновесию данной подсистемы и системы вообще как иерархически организованного целого" [16, 291–292]. Делая отсылки к высказываниям о критериях нормативности В. Матезиуса (единственный критерий – "современный узус литературного чешского языка"), Ф. Травничека ("общая привычка – высший судья в языке"), Ф. Данеш приходит к выводу: "На основе социолингвистического анализа мы наконец получаем естественную иерархию критериев: 1) нормированность (общепринятость и т.п.); 2) функциональная адекватность; 3) системность" [там же, 292–293]. В принятой в данной работе терминологии структура критериев нормативности выстраивается следующим образом: 1) критерий узуальности (имеется в виду культурный, образованный узус); 2) критерий функциональной мотивированности; 3) критерий системности. Однако следует отметить, что конфликт критериев – ситуация нетипичная: в большинстве случаев эти важнейшие критерии нормативности оказываются интегрированными в общей нормативной оценке.

Важное значение имеет проблема оценочной шкалы и ее градуирование. Система оценочных знаков, с одной стороны, должна адекватно отражать языковую действительность, а с другой – быть по возможности простой, доступной неспециалистам, которые являются основным адресатом кодифицирующих источников.

Ясно, что оценочная шкала не может быть биполярной, в результате чего весь массив нормативно актуализируемых фактов характеризовался бы лишь с точки зрения отнесенности к одному из двух подмножеств – "норме" или "ненорме", тогда как реально существует много переходных случаев, единиц с неявным нормативным статусом, входящих в нормативное пространство или покидающих его. Это обстоятельство учитывается и лексикографической практикой. В лексикографии представлены два типа нормативных оценок: 1) нормативные императивы, прямо и непосредственно указывающие на положение единицы или ее варианта относительно нормы; при этом "нулевая" помета при безусловно нормативных фактах обычно противопоставлена оценочным знакам с полузапретительным (или условно-разрешающим) и запретительным значением при единицах с ослабленной нормативностью и ненормативных единицах: "допустимо",

"недопустимо", "не рекомендуется", "неправильно" (и как вариант оценочная формула "X – не Y"); 2) так называемые стилистические пометы с приписанным им нормативным значением, характеризующие языковые факты по принадлежности их к той или иной языковой формации, сфере употребления, субстандарту, а также дающие им временну́ю характеристику: "областное", "просторечное", "профессиональное", "жаргонное", "устаревшее", "устаревающее".

Давно стало притчей во языцех несовершенство нормативно-стилистической квалификации языковых единиц и их вариантов в существующих словарях. Это заставляет лексикографов создавать новые системы помет, однако не всегда эти системы в достаточной степени удовлетворяют двуединому требованию – адекватно отражать реальное состояние нормы и быть простыми, не вызывать затруднений у пользователя словарем. Например, в "Орфоэпическом словаре" предложена пятиместная (не считая вариантов) шкала нормативной характеристики слов, где только ненормативным фактам отводятся три позиции. Эта шкала имеет следующий вид: "правильно" ("нулевая" помета) // "допустимо" (+ варианты "допустимо устаревающее", "допустимо в профессиональной речи") // "не рекомендуется" – "неправильно" – "грубо неправильно" [30, 5–6]. Представляется, что трудно объяснить читателю (да и вообще рационально объяснить), почему *музэ́й* зачисляется в разряд неправильных форм, а *дэмагог* "просто" не рекомендуется и какое различие с нормативной точки зрения между "просто" неправильным *атлёт* и грубо неправильным *доку́мент* [там же, 6].

По нашему мнению, оптимальной является трехместная шкала нормативной оценки, на которой между крайними значениями ("правильно" – "неправильно") располагался бы всего один оценочный знак – "допустимо", используемый абсолютивно или в сочетании с конкретизаторами. Абсолютивное применение этого нормативного квалификатора будет означать, что данный языковой факт не нарушает нормы, но является менее желательным в литературной речи, чем его синоним или другой вариант той же единицы: *фено́мен* и доп. *феноме́н, стена́м* и доп. *сте́нам, черный кофе* и доп. *черное кофе, характеристика студента* и доп. *характеристика на студента*. В сопровождении конкретизаторов императив "допустимо" будет указывать на сферу или ситуацию общения, тип текста, где возможно употребление языковой единицы или ее варианта: *200 граммов* и доп. разг. *грамм, наркома́ния* и доп. профес. у медиков *наркомани́я, тусовка* – доп. в качестве экспрессемы в разговорной и публичной речи, в языке средств массовой информации.

Изучение языковой нормы, самодостаточное и самоценное как с теоретической, так и с прикладной точки зрения, особое значение приобретает по той причине, что оно неразрывно связано с фундаментальной для культуры речи категорией "правильности". Эта же категория объединяет в единое целое оба выделенных аспекта культуры речи.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Предметом культуры речи в коммуникативно-прагматическом аспекте является коммуникативный процесс, рассматриваемый в аксиологическом и деонтическом аспектах. Иными словами, речь идет об у с п е ш н о й коммуникации (ее факторах и признаках), а также явлениях деструкции. Культура речи не противостоит прагматическому, когнитивному, психо- и социолингвистическому изучению коммуникации – напротив, опираясь на результаты исследований, полученные в разных отраслях научного знания, она выступает по существу как интегративная дисциплина. Ее своеобразие заключается, во-первых, в особом подходе к предмету (см. выше), а во-вторых, в мелиоративной направленности, которая реализуется в кодификации коммуникативной нормы, выработке рекомендаций, направленных на реальное повышение культуры общения.

Что касается объекта исследования, то культура речи оперирует теми же понятиями и единицами, что и другие дисциплины. Важнейшими из них являются три концепта: коммуникация, речевой акт, дискурс. Под коммуникацией здесь понимается процесс особого знакового взаимодействия людей, обеспечивающего возможность осуществления ими всех других видов деятельности. Речевой акт – минимальная единица общения, представляющая собой коммуникативно-речевой сегмент, выделяемый на интенциональной основе (ср. иллокутивные различия между такими коммуникативными актами, как сообщение, поиск информации, благодарность, оскорбление, просьба, соболезнование и т.д.). Последовательность речевых актов образует дискурс, который, несомненно, представляет собой основное звено коммуникативного процесса. Под дискурсом мы понимаем завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения. В ролевой структуре дискурса наличествует кроме двух облигаторных позиций (субъекта и адресата) позиция факультативная (слушателя, присутствующего). В знаковом комплексе, обслуживающем коммуникацию, нормально главенствующее положение занимает вербальный текст, хотя при устной форме общения большую роль играет взаимодействие посредством невербальных знаков разной природы – от жестов до "кинетического поведения"[3].

---

[3] Ср. с интерпретацией концепта "дискурс" Т.А. ван Дейком: "...Дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. Скорее это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения <...> Дискурс в широком смысле слова является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события <...> Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию" [17, 113, 121–122].

Сложным является вопрос о типологии дискурса, поскольку она может быть построена на разных основаниях. Классификация коммуникативных событий по сфере общения позволяет выделить такие, например, типы дискурса, как бытовой, политический, научный, деловой, конфессиональный и т.д. Стратификация дискурса на прагматических основаниях (субъект, адресат, характер взаимодействия между ними, ситуация общения) дает возможность говорить о существовании таких его типов, как разговорный, полуофициальный, публичный, дискурс в массовой коммуникации. Подход к дискурсу с точки зрения выражаемой в нем интенции (его иллокутивной силы) позволяет построить интенциональную типологию: информационный, комментарийный (интерпретационный), персуазивный, дискурс самопрезентации, директивный, дискурс введения в заблуждение, аргументативный и т.д.; правда, в дискурсе нормально реализуется сразу несколько интенций, в результате чего он приобретает "комплексный" характер [36, 49]. При описании различных типов дискурса существенны и такие оппозитивные характеристики, как "устный – письменный", "монолог – диалог (полилог)", "синкретичный – дискретный", "контактный – дистантный". Таким образом, любой дискурс может быть представлен в виде набора определенных квалификаторов и признаков; например, митинг: политический, публичный, персуазивный; устный, полилог (при доминировании чередующихся монологов), дискретный, контактный.

Совершенно очевидно, что именно успешный дискурс является основным предметом культуры речи как лингвистической дисциплины. Естественно, при таком подходе возникает необходимость в раскрытии (и конвенционализации) самого понятия успешности общения. Часто успешность интерпретируется как эффективность коммуникации (см., например, [40, 458–459; 45, 47–59]. Эффективность – "глобальная" категория прагматики; такой же характер она имеет и в аксиологически и нормативно ориентированной прагматике, чем по существу является культура речи в ее коммуникативно-прагматическом аспекте. Коммуникативная деятельность человека целенаправленна, поэтому мерилом успеха этой деятельности может быть прежде всего тот реальный результат, который достигается или не достигается в процессе ее осуществления. В лингвопрагматике принято считать успешным такой дискурс, в котором перлокутивный эффект (изменение когнитивного, ментального или акционального состояния адресата) соответствует интенциям субъекта, иными словами, в котором результат соответствует цели.

Однако при рассмотрении дискурса в аксиологической и деонтической системе координат такое понимание успешности общения оказывается слишком узким. Во-первых, цели вступающих в интеракцию коммуникантов могут расходиться, вследствие чего коммуникативный (а часто вслед за тем и социальный) успех одного из них может оборачиваться поражением другого. Во-вторых, цель может достигаться негодными средствами, т.е. такими способами, которые находятся за пределами нормы и культуры (насилие, грубость, оскорбление, использование более высокого положения в социальной иерархии).

Приведем лишь один пример легкой "коммуникативной победы", одержанной с нарушением ряда очевидных правил общения. Г. Семенова, главный редактор журнала "Крестьянка", входившая в последний состав Политбюро ЦК КПСС, вспоминает, как "приглашал" ее для работы в этом партийном органе М.С. Горбачев:

«Горбачев был один. Встал навстречу, широко улыбнулся, будто мы давние знакомые, и сразу:

– Галя, хотим избрать тебя членом Политбюро. – И тут же: – Что, страшно?

Не ожидая моего ответа, заговорил о реформировании партии, всей политической системы, о роли женщин... Осторожно коснулся моего плеча:

– Ты мне веришь?

Помню, настроена я была несколько иронично, может быть, даже излишне раскованно. Боролась со смущением, "выдавливала раба". Почему говорит мне "ты"? Знак доверия, приязни? Наверное. Зачем ошеломил так сразу? Думал позабавиться женской растерянностью? Я сказала:

– Вы сейчас похожи на Кашпировского...

И испугалась. Вдруг не поймет, что эта наивная дерзость – как защита... Он понял. Рассмеялся, взмахнув руками:

– Отказываться нельзя...

Нет, мы не были знакомы раньше, не доводилось мне разговаривать с Горбачевым вот так, один на один. Правда, он узнавал меня, здоровался издалека: ведь я была постоянной участницей всех его встреч с прессой, с главными редакторами. Собиралось на эти встречи около ста журналистов, среди них всего три женщины. Как же было Горбачеву нас не запомнить?

Я ответила:

– Вы правильно делаете, приглашая в свою команду таких, как я, но я неправильно сделаю, если соглашусь.

В моих словах не было самодовольства, и уж тем более я не ломалась. Просто у меня было любимое дело – самый популярный в стране журнал "Крестьянка" тиражом 22 миллиона. И масса нереализованных идей. Сама по себе власть меня не интересовала» (Совершенно секретно. 1993. № 4).

Хотя в данном случае инициатор общения использовал ряд действенных коммуникативных тактик (прием нарушения ожиданий партнера – эффект неожиданности, прием фамильярно-доверительной интимизации), общий результат, выразившийся в том, что контрагент по дискурсу принял вопреки своим интересам последовавшее предложение, был обусловлен прежде всего разной "весовой категорией" социальных ролей коммуникантов. Кроме того, со стороны коммуникатора дискурс был вообще ненормативен: обращение к лично незнакомой женщине на "ты" и по имени; директивная форма предложения ("прессинг"), не оставляющая места для альтернативных решений.

Из сказанного ясно, что характеритика успешного ("хорошего") дискурса требует введения и иных, помимо эффективности, квалифи-

кативных категорий. Одна из них – категория о п т и м а л ь н о с т и общения (коммуникативный оптимум дискурса). Исходя из принципа кооперации (Г. Грайс), оптимальным следует считать такой дискурс, в котором реализуются как интенции субъекта, так и экспектации адресата. Поскольку бремя оптимизации лежит на "говорящем", одной из доминант коммуникативной деятельности должна быть ориентация на адресата. При этом необходимо учитывать все его личностные (если адресат индивидуальный) и групповые (если адресат коллективный или массовый) особенности: социально-психологическую характеристику, культурный фонд, уровень языковой компетенции и степень владения нормами общения. Естественно, при мене ролей "говорящего" и "слушающего", как это бывает в бытовом диалоге (полилоге), в устной научной или политической дискуссии, усилия по оптимизации дискурса распределяются между всеми участниками общения. Степень адаптивности дискурса в значительной мере зависит от прагматических умений "коммуникативного лидера", т.е. того из коммуникантов, который располагает наибольшим объемом "энциклопедических, лингвистических и интерактивных знаний и соответствующих им компетенций" [5, 28].

Некомпенсированное различие "знаний и компетенций", характерное для представителей разных культурных страт или разных слоев одной культурной страты (скажем, "элиты" и "маргиналов"), ведет к лакунизации общения и может иметь своим следствием непрогнозируемый и нежелательный для "говорящего" или "коммуникативного лидера" перлокутивный эффект, ср.: «На этой почве (выпивки. – *С.В.*), кстати сказать, однажды крепко пострадал мой друг-фельетонист. Виной всему, точнее, было благородное воспитание Есипова, который в юности окончил Суворовское училище и по пьяной лавочке щеголял какими-то белогвардейскими замашками. Короче, Есипов был в командировке в Чусовом <...> Вечером Есипов решил сходить в ресторан при гостинице. Надел костюм, галстук, почистил ботинки, спустился вниз, выпил первую рюмку, расслабился, и тут ему пришла мысль пригласить на танец девушку, сидевшую за соседним столом с чусовским рабочим парнем. Есипов поправил галстук, подошел к ничего не подозревавшему металлургу и сказал: "Извините за беспокойство. Вы позволите пригласить вашу даму на танец?" Ошалевший от такого наглого обращения, парень, в жилах которого тек расплавленный металл, после секундного замешательства встал и, широко размахнувшись, своим чугунно-литейным кулаком молча заехал Есипову в глаз. Есипов помнит только, как на карачках отползал к стенке, лежа у которой и провел остаток командировки» (В. Константинов. Советский характер // Моск. новости. 1993. № 10). Разумеется, приведенный отрывок представляет собой беллетризованно-фарсовое описание ситуации, причем ситуации общения двух культурных антиподов, однако и в нем можно рассмотреть некие элементы модели несбалансированного дискурса.

Было бы наивным предполагать, что общение на всем коммуникативном пространстве основывается (и может основываться) только на принципе кооперации. По справедливому замечанию Е.А. Земской, "наряду с принципом сотрудничества, провозглашенным Грайсом, в обще-

нии большую роль играет и принцип соперничества" [19, 37]. Социальные и психологические различия между людьми, наличие объективных политических, социальных, национальных, бытовых и других противоречий – все это неизбежно приводит к возникновению коммуникативных конфликтов. Речевые акты угрозы и инвективы столь же естественны и "нормальны", как и речевые акты благодарности и извинения. Тем большее значение приобретает то измерение успешного дискурса, которое можно было бы определить, как нормативность общения. Коммуникативная норма, как отмечалось выше, включает нормы более низких уровней – языковую и стилистическую, но в то же время обладает и собственными параметрами.

Коммуникативная норма манифестируется прежде всего в осуществлении коммуникативной деятельности в соответствии со сложившимися стандартами общения. Эти стандарты могут быть достаточно жесткими (речевой акт соболезнования, дискурс официального документа) или, напротив, обладать широким диапазоном варьирования (директивный речевой акт, дискурс приватного письма), однако во всех случаях их реальность и функционирование в качестве регулятивов общения несомненны. Думается, выявление и описание этих стандартов может стать весьма перспективным направлением исследований в области культуры речи, равно как и создание типологии нарушений стандарта и проведение на этой основе кодификации коммуникативной нормы. Регулирующему воздействию стандарта подвергаются все стороны коммуникативного акта или дискурса, но важнейшими из них, по-видимому, нужно считать следующие: 1) уместность/неуместность речевого акта или дискурса в данной ситуации общения; 2) эксплицитное/имплицитное, прямое/косвенное выражение интенций; 3) топики и типы представления содержания; 4) способы выражения модуса и пропозиции; 5) паралингвизмы.

Коммуникативная норма проявляется также в ориентации на ценность и регулятивы, существующие в данной культуре (или культурной страте), включая этические нормы и нравственные императивы. Речь здесь идет о своего рода культурной рамке общения, выход за пределы которой маркирует дискурс как ненормативный и по существу представляет собой явление дисфункции. Культурная рамка не соотнесена с дискурсами лишь определенных типов – она объемлет все коммуникативное пространство. Однако, очевидно, в каждом конкретном случае можно говорить о культурной – позитивной или негативной – окрашенности общения. Позитивная культурная маркированность дискурса создается прежде всего наличием в нем культурем, т.е. текстовых или поведенческих знаков принадлежности к данной культуре (культурной страте), и владения культурной информацией. Примером текстовых культурем может служить, например, представление в тексте энциклопедических знаний коммуникатора: упоминание исторических событий и лиц, введение научных понятий, цитирование, аллюзии, использование имеющихся в культурной традиции способов аргументации. Важнейшая культурема – сам литературный язык,

применяемый в качестве знаковой системы в процессе общения. Понятие поведенческой культуремы можно интерпретировать как следование этическим нормам, принятым в данной культуре.

Нарушение коммуникативных норм часто связано с выходом за пределы пространства, очерченного культурной рамкой, с проявлением таких контрадикторых по отношению к высшей культурной страте форм социальной жизни и общения, как антикультура (контркультура), субкультура, полукультура. Типичным образцом контркультуры могут служить многочисленные фрагменты молодежной культуры с ее ценностями, нормами поведения и языком. Кроме того, антикультура – это явное (нередко намеренное) нарушение культурного стандарта: ее языковым знаком является, например, использование нецензурной лексики, поведенческим – разные формы социально деформированного, не санкционированного нормой (включая юридическую) поведения. Субкультура представляет собой конгломерат языковых и культурных субстандартов – от просторечия до ценностей и стереотипов "низовой", "мещанской" культуры. Полукультура – результат неполного, парцеллированного "вхождения" в культуру при общей ориентации на культурные стандарты высшей культурной страты. Следствием этого часто оказывается гиперкорректное отношение к норме. В качестве проявлений полукультуры можно рассматривать, например, гипертрофированную книжность разговорной речи, соседствующую с элементами просторечного субстрата (см. [24, 241]) или своеобразную "этическую избыточность" общения. Коммуникативное и жизненное крушение экзекутора Червякова в рассказе А.П. Чехова "Смерть чиновника", ставшее следствием гиперкорректной вежливости, не в последнюю очередь объясняется "образом культурного поведения", бытующим в его социальной среде (жена чиновника, напутствуя его перед визитом к генералу Брызжалову с очередным извинением, говорит: "А все-таки ты сходи, извинись... Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь").

Между категориями эффективности (достижение коммуникатором прогнозируемого результата), оптимальности (сопряжение этого результата с благоприятными для адресата следствиями и реализацией его ожиданий) и нормативности (следование существующим в данной культуре стандартам общения) существуют сложные, нелинейные отношения. Эффективность может достигаться вне ориентации на адресата и с ущербом для его интересов (ср., например, дискурс введения в заблуждение). Оптимальное общение нередко протекает за пределами культурной рамки. Так, инвективы типа уничижительных характеристик ("мальчики в розовых штанишках") или зоосемических метафор, к которым питают пристрастие некоторые политические деятели, высказанные по адресу политических оппонентов, могут быть вполне сочувственно встречены аудиторией, состоящей из идейных соратников, что отнюдь не придает дискурсу культурогенный характер. То же самое можно сказать и о гиперболизированных оценках-угрозах ("развесить демократов на фонарях", "повесить президента за ноги"), ставших привычными в политическом узусе представителей анти-

демократического лагеря. Кстати, и в выступлениях "демократов", у которых можно было бы предполагать более высокий по сравнению с их оппонентами уровень политической и общей культуры, также порой можно встретить весьма нелицеприятные оценки, призывы к насилию или противозаконным действиям, ср.: "Я сказал бы нашему президенту: плохо, что он не разогнал съезд, что не свернул ему шею, что не отдал крестьянам землю, что все время перед этой съездовской гидрой отступает. У этой гидры язык блатной, бандитский, и это важно понять. Здесь то же самое, если бы к вам пришел уголовник с топором. Тут не до деликатных манер – надо реагировать яростно против этой шпаны. А на последнем съезде Ельцину, как у нас когда-то в детдоме, просто делали темную. У меня кулаки чесались – за такие нечестные дела надо было бить рожу <...> Для съездовцев я нашел определение – это стадо бешеных носорогов, которые все сметают на своем пути" (А. Приставкин. Выступление на общем собрании писателей в ЦДЛ 14 апреля1993 года. // Моск. комс. 1993. 15 апр.). Подобные тексты, разумеется, могут вызвать явление резонанса в когнитивном и эмоциональном состоянии аудитории единомышленников, однако вряд ли их можно признать соответствующими коммуникативной норме применительно к публичной речи.

Прагматические регуляторы общения могут быть выявлены и описаны только в результате изучения под соответствующим углом зрения дискурсов различных типов. Эпистемологическими ориентирами здесь могут послужить известные постулаты Г. Грайса, на которых основано кооперативное общение. Грайс разделил постулаты на четыре категории, которые, вслед за Кантом, назвал категориями Количества, Качества, Отношения и Способа. Категория К о л и ч е с т в а, по Грайсу, связана с тем количеством информации, которое необходимо передать, и представлена двумя постулатами: 1. "Твое высказывание не должно содержать меньше информации, чем требуется"; 2. "Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется". Категория К а ч е с т в а раскрывается в общем постулате – "Старайся, чтобы твое высказывание было истинным", и конкретизируется в двух частных постулатах: 1. "Не говори того, что ты считаешь ложным"; 2. "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований". С категорией О т н о ш е н и я связан лишь один постулат – релевантности ("Не отклоняйся от темы"). Наконец, важнейшей категорией является категория С п о с о б а, которая соотнесена не с тем, ч т о говорится, а с тем, к а к говорится. Общее требование "Выражайся ясно" в данном случае реализуется в более конкретных постулатах: "Избегай непонятных выражений", "Избегай неоднозначности", "Будь краток" ("Избегай ненужного многословия"), "Будь организован" [13, 222–223]. Г. Грайс отмечает, что существуют постулаты и другой природы – эстетические, социальные, моральные (например, "Будь вежлив") [там же].

Разумеется, эти постулаты не являются универсалиями общения – уже потому, что в реальном процессе коммуникации возможен не только кооперативный, но и конфронтационный дискурс, а в разных

типах общения существуют специфические, присущие только данному типу коммуникативные стандарты и регуляторы. Вместе с тем ясно, что эти несколько наивные на первый взгляд формулы отражают реально существующие коммуникативные нормы. Их верификация оказывается возможной на уровне языкового сознания, более того – на уровне языковой картины мира. Например, негативная оценка дискурса носителями литературного языка почти всегда связана с нарушением изложенных Грайсом правил успешной коммуникации. Непосредственно соотнесены с постулатами кооперативного общения многие типовые директивные речевые акты, направленные на коррекцию дискурса: "Говори по делу", "Будь краток", "Говори понятней", "Четко формулируй мысль" и т.д. Обращает на себя внимание изоморфизм между содержанием указанных постулатов и значением оценочной глагольной лексики, объединяемой в семантико-прагматическую группу "нормы речевого общения", ср.: *вилять* 'уклоняться от прямого ответа, лукавить' (постулат качества), *пережевывать* 'нудно, надоедливо говорить или писать об одном и том же' (постулат количества), *приплести* 'прибавить что-либо не относящееся к делу' (постулат релевантности) и т.д. (см. [15, 67]).

Глубокая разработка категории успешного (с точки зрения культуры речи) дискурса еще предстоит. Но даже при самом общем подходе можно утверждать, что такой дискурс по необходимости должен сочетать в себе признаки эффективности, оптимальности и нормативности (включая в последнее культурную рамку общения).

Исключительно важной является проблема факторов успешного общения. Значительное воздействие на коммуникативный процесс оказывают социокультурные условия общения, которые можно представить как совокупность социальных, идеологических, политических, правовых, экономических особенностей жизни данного этноса или социума. Совершенно очевидно, например, что тоталитарный режим затрудняет, деформирует или вообще делает невозможной реализацию дискурсов определенных типов в публичной и массовой коммуникации. Здесь уместно вспомнить слова Д.И. Фонвизина, который на вопрос "отчего имеем мы так мало ораторов?" отвечал следующим образом: "Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться".

Существенное влияние на дискурс оказывает способность коммуникаторов к достижению психологического, когнитивного и эмоционального контакта, что обусловливается их психологической совместимостью, общностью фоновых знаний и менталитета. Значительную роль играет также позитивная установка на кооперативное общение. При противоположной (негативной) установке дискурс либо деформируется и разрушается (вплоть до полного прекращения), либо приобретает конфронтационный характер, что нередко связано с целью

коммуникативно подавить, подчинить себе собеседника. Пример дискурса-подавления представлен в приводимом ниже фрагменте из романа А. Гладилина "История одной компании", где главный герой, экс-интеллигент, работающий слесарем на станции техобслуживания, с целью закрепить и без того очевидное в данной ситуации ролевое превосходство, с одной стороны, и соответствующим образом репрезентировать себя перед окружающими – с другой, прибегает к игровой тактике действий "от противного" – по отношению к интенциям, ожиданиям и особенностям локуции контрагента по дискурсу: «Попадется мне интеллигентный клиент, вежливый, чистоплюй, обращение на "вы", сложные литературные обороты. А я его матом: "Что ты, тра-та-та, мне мозги, тра-та-та, тут надо, тра-та-та, и все дела, понял?" Интеллигент снимает очки, суетится около меня (а я все норовлю в своем замасленном комбинезоне к его светлому костюму прислониться) и вдруг тоже, неумело, не к месту выругается – смех один.

А то наскочит хмырь, под своего парня работает, дескать, я, ребятишки, сам такой, все понимаю, ты, дескать, кореш, тра-та-та, прошпринцуй да посмотри, нет ли люфта, тра-та-та, в передних колесах. И хлопнет по плечу.

А я тихо отстранюсь и спокойно отвечаю: "Простите, но, мне кажется, мы с вами на брудершафт не пили. Возможно, в вашем учреждении считается хорошим тоном материться. Или вы ошиблись адресом? Здесь вам не бордель, здесь станция обслуживания. Много молодых рабочих, только что со школьной скамьи, а вы, взрослый образованный человек, какой пример им подаете?"

Еще какую-нибудь цитату из Достоевского приведу.

У хмыря челюсть отваливается, пот его прошибает, а ребятишки наши демонами ходят, усмехаются. Давно привыкли к моим номерам».

Важнейшим фактором успешного общения является коммуникативная компетенция коммуникаторов. Под коммуникативной компетенцией здесь понимается совокупность личностных свойств и возможностей, а также языковых и внеязыковых знаний и умений, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека. Структура коммуникативной компетенции соотносительна со структурой языковой личности (как ее понимают в современной лингвистике), но не тождественна ей. Если в структуре языковой личности чаще всего выделяют три уровня – вербально-семантический, когнитивно-тезаурусный и мотивационно-прагматический (см. [23]), – то коммуникативную компетенцию (а человек участвует в общении как целостная личность во всей совокупности присущих ей особенностей) можно рассматривать как структуру, состоящую из пяти уровней:

1. Психофизиологические особенности личности. Совершенно очевидно, что эти особенности – от общего психического типа личности (экстравертивность – интравертивность) до устройства артикуляционного аппарата – в значительной мере определяют речемыслительную и собственно коммуникативную способность человека, помогают успешному общению или затрудняют его. При тех значительных результатах, которые достигнуты в изучении психоло-

гической стороны вербальной коммуникации, в психолингвистике предстоит много сделать для установления корреляции между психофизиологическими свойствами человека и его способностью к общению того или иного типа.

2. Социальная характеристика и статус личности. Хорошо известно, что на процесс коммуникации оказывают влияние самые разнообразные социальные характеристики личности – как примарные, так и динамические: происхождение, пол, возраст, профессия, принадлежность к определенной социальной группе. В меньшей степени прослежена связь между социальными ролями коммуникаторов (и иерархией этих ролей) и характером коммуникации. Между тем эта связь, несомненно, существует: о том свидетельствуют не только эмпирические наблюдения, но и, например, тот факт, что асимметрия отношений, проявляющаяся в общении между людьми, которые занимают разные ступени в социальной иерархии, закреплена в пресуппозиционной части семантики слов, входящих в группу лексики межличностных отношений [27, 145–147].

3. Культурный фонд личности. Культурный фонд включает в себя энциклопедические знания и присвоенные ценности (например, нравственные императивы, разного рода идеалы, идеологии и т.д.). Ясно, что коммуникация может быть успешной только в том случае, если актуализирумые в дискурсе фрагменты культурного фонда коммуникаторов в значительной степени совмещаются. Существенные различия в культурных фондах (фоновых знаниях, пресуппозициях) участников общения обычно ведут к образованию лакун, бремя заполнения или компенсации которых ложится на коммуникативного лидера [2, 163–184].

4. Языковая компетенция личности. По Апресяну, языковая компетенция (= "владение языком") представляет собой набор умений и способностей, куда входят: 1) умение выражать заданный смысл разными способами (способность к перифразированию); 2) умение извлекать из сказанного смысл, различая при этом внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находя общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); 3) умение отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных; 4) умение выбрать из множества средств выражения мысли то, которое в наибольшей степени соответствует ситуации общения и с наибольшей полнотой выражает личностные характеристики его участников (селективная способность) [3, 503; 4, 2] (об этом см. также [27, 120–125]). При интерпретации понятия "языковая компетенция" с точки зрения культуры речи, т.е. с точки зрения способности человека к успешной коммуникации, основанной на ценностях и регулятивах "высокой" культуры, релевантными оказываются и другие лингвистические характеристики личности: объем и глубина языковых тезаурусов – лексического и грамматического, уровень владения литературным языком и его нормами, умение продуцировать и понимать тексты различных типов на литературном языке.

5. Прагматикон личности. Помимо мотивационной сферы он включает в себя собственно коммуникативные знания, умения и навыки. Сюда входят, например, владение коммуникативными нормами; набор коммуникативных стратегий и тактик в блоке со способностью к их оптимальной речевой реализации; умение устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт, при необходимости корректируя дискурс; умение использовать и распознавать импликатуры и конвенциональные речевые акты и т.д.

Коммуникативная компетенция личности, будучи важнейшим фактором успешного общения, является в то же время основным объектом мелиоративно-дидактического воздействия, поскольку уровень культуры речи человека прямо и непосредственно определяется уровнем его коммуникативной компетенции. Поэтому повышение уровня этой компетенции (прежде всего это касается языковой компетенции и прагматикона) должно рассматриваться как основная задача лингводидактики, а также преподавания курса культуры речи в средней и высшей школе.

Еще одно направление исследований в области культуры речи – выявление и описание фактов и факторов деструкции дискурса, т.е. тех явлений, которые деформируют, затрудняют или делают невозможным общение. В первом приближении можно выделить три типа таких явлений: нарушения коммуникативной нормы, коммуникативные неудачи, коммуникативные помехи.

1. Нарушения коммуникативной нормы представляют собой немотивированные отступления от коммуникативных стандартов и правил общения как в текстообразовании, так и в поведении. В одинаковой степени такими нарушениями могут быть признаны, например, гипертрофированная книжность разговорной речи (равно как сниженность и фамильярность делового дискурса), отсутствие коммуникативной реакции на приветствие, ложь ради собственной выгоды, публичное оскорбление, вмешательство в разговор других людей без извинения и т.д. Коммуникативные нормы – это сложный сплав коммуникативных стандартов, прагматических регуляторов и этикетных правил. Изучение как самих этих норм, так и типичных отступлений от них, очевидно, можно считать одним из пионерных направлений в науке о культуре речи.

2. О коммуникативных неудачах имеет смысл говорить в тех случаях, когда общение не приносит желаемого и прогнозируемого его участниками результата, т.е. когда не удается достичь тех целей и реализовать те ожидания, с которыми коммуниканты (или один из них) вступают в дискурс. Конкретное содержание коммуникативных неудач многообразно. Это, например, непонимание или неверное понимание одним участником общения другого, отсутствие прогнозируемой реакции (или негативная реакция) со стороны партнера, изменение когнитивного или эмоционального состояния у адресата в нежелательном для субъекта направлении, отсутствие интереса к общению у одного из его участников и т.д. Причинами коммуникативных неудач могут послужить нарушение коммуникативных норм, создание ошибочного "образа партнера" или "образа дискурса", отсутствие ориентации

на адресата (или чрезмерная ориентация на самовыражение в ущерб ориентации на адресата), разного рода коммуникативные помехи.

3. Под коммуникативными помехами здесь понимаются явления разной природы, затрудняющие общение или делающие его вообще невозможным. Типологию коммуникативных помех еще предстоит создать; предварительно же можно выделить следующие их типы:

– социальные: воздействие на коммуникацию социокультурных условий, социальных институтов, политики, идеологии, результатом которого может стать аберрация или вообще изъятие из коммуникативного процесса дискурсов определенных типов (ср. ритуализацию пропагандистского текста в тоталитарном обществе, снятие газетных материалов, закрытие радио- и телепередач);

– ментальные: различия в мировоззрении, идеологии, глубинных интересах нередко приводят участников общения к коммуникативному краху, лишая их возможности договориться (примером здесь могут послужить парламентские дискуссии);

– ситуационные: включаемые в этот разряд явления имеют весьма широкий диапазон – от чисто физических (сильный шум) до собственно коммуникативных (присутствие нежелательного лица при доверительном общении);

– помехи канала: сюда относятся разнообразные технические и "технологические" дефекты, затрудняющие передачу и восприятие информации, – от нечеткой артикуляции до полиграфического брака и неисправности телевизионной аппаратуры;

– поведенческие: обычно являются следствием незнания или неисполнения этикетных правил и возникают тогда, когда тип поведения одного из участников общения неприемлем для другого;

– пресуппозиционные: связаны с различием в объемах предварительной, "дотекстовой" информации, которой располагают коммуниканты;

– текстовые: самая многочисленная группа, включающая все вербализованные помехи (требующие семантизации слова́, усложненные или амбивалентные синтаксические конструкции, стилистическая или синтаксическая неупорядоченность высказываний, чрезмерная перифрастичность и т.д.).

В процессе изучения конкретного материала вполне возможно выявление и иных типов отступлений от коммуникативной нормы, коммуникативных неудач и коммуникативных помех, однако в целом, очевидно, они принципиально не изменят очертаний предложенной здесь общей схемы.

Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты (или уровни) культуры речи как социокультурного и коммуникативно-лингвистического феномена являют собой нерасторжимое единство, подобно тому как образуют целое фундамент и строение, которое на нем возведено. Однако это не означает, что выделение этих двух аспектов

теоретически неоправданно. Напротив, оно однозначно задается наличием двух относительно самостоятельных объектов – языковой нормы, с одной стороны, и дискурса (в его аксиологическом и деонтическом измерении) – с другой.

В данной главе монографии была предпринята попытка осмыслить основную проблематику культуры речи как лингвистической дисциплины, предложить интерпретацию некоторых неоднозначно понимаемых явлений, проанализировать возможные направления дальнейших исследований, среди которых в качестве магистральных можно назвать создание общей теории нормы и выработку (на репрезентативном материале) концепции успешного дискурса (применительно к его разным типам).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. 4-е изд. М., 1984.

2. *Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

3. *Апресян Ю.Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.

4. *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл–Текст" // Wiener slavistischer Almanach. Wien, 1980. S.-Bd.

5. *Богданов В.В.* Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.

6. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1964. № 3.

7. *Винокур Г.О.* Культура языка. 2-е изд. М., 1929.

8. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. М., 1979.

9. *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

10. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

11. *Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М., 1990.

12. *Горшков А.И.* Литературный язык и норма (на материале истории русского литературного языка) // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

13. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика.

14. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. М., 1980.

15. *Гуськова О.В.* Оценка как компонент значения глагольного слова (прагматический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

16. *Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

17. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

18. *Едличка А.* Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

19. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.

20. *Ицкович В.А.* Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

21. *Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

22. *Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С.* К типологии формальных отклонений от фразеологической нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.

23. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

24. *Кожевникова Н.А.* Отражение функциональных стилей в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

25. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

26. *Костомаров В.Г., Леонтьев А.А.* Некоторые теоретические вопросы культуры речи // ВЯ. 1966. № 5.

27. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

28. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 7.

29. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.

30. Орфоэпический словарь русского языка. М., 1983.

31. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Русский язык в школе / Труды постоянной комиссии преподавателей русского языка и литературы; Сб. статей под ред. Д.Н. Ушакова. М.; Пг., 1923. Вып. 1.

32. Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967.

33. *Скворцов Л.И.* Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

34. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

35. *Степанов Г.В.* Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.

36. *Сухих С.А.* Типология языкового общения // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.

37. *Толстой Н.И.* Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. на Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 1.

38. *Улуханов И.С.* О причинах, влияющих на степень системности и нормативности языковых единиц // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1991. Т. 50, № 4.

39. *Фаска Г.* Норма серболужицкого (литературного) языка и ее кодификация // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.

40. *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

41. *Шварцкопф Б.С.* Единица фразеологического состава языка и норма // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

42. *Шварцкопф Б.С.* Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

43. *Шварцкопф Б.С.* Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы // Языковая норма и статистика. М., 1977.

44. *Шварцкопф Б.С.* Морфологическая норма фразеологической единицы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.

45. *Ширяев Е.Н.* Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. на Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 1.

46. *Шульга М.В.* Проблемы грамматической нормы в практике редактирования. М., 1988.

47. *Югов А.К.* Думы о русском слове. М., 1975.

Глава 5

О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РИТОРИКИ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Ренессанс риторики, наблюдающийся в лингвистике в последние десятилетия (см. работы С.С. Аверинцева, В.П. Вомперского, Ю.В. Рождественского, В.И. Аннушкина и др. [1; 7; 2; 4; 5; 6; 17]), не может не оказывать влияния на дальнейшее развитие культуры речи как научной дисциплины и в чисто теоретическом, и в прагматическом аспекте.

К нашему времени в неориторике в основном сохранились два аспекта научного поиска: 1) организация языкового материала, ориентированная на современные проблемы аргументации (см. неориторику Брюссельской школы [14]); 2) аспект, связанный с развитием одного из разделов традиционной риторики – ars ornandi (искусство украшения речи). Если первый аспект близок прагматике и в зарубежной лингвистике особенно успешно развивается в трудах Х. Перельмана, Г.П. Грайса, Дж.Л. Кинневи, Ю. Коппершмидта, И. Крауса, И. Зёмека и др. [30; 23; 25; 26; 27; 32], второй аспект связан с развитием орнаментального раздела риторики, близкого к проблемам художественной стилистики (см. работы Р. Якобсона, Р. Лахмана, Т. Тодорова, Ж. Дюбуа и др. [24; 28; 31; 11]). В современных исследованиях широко используются также достижения риторики в метаязыковом аспекте, чему способствует ее полифункциональность.

Интерес к риторике отнюдь не случаен. Кроме чисто теоретических достоинств риторика как филологическая учебная дисциплина имеет немалые возможности и перспективы включения в учебный процесс в вузах и в школах по одной, и очень основательной, причине. Риторика как интегральная область, охватывающая проблематику эффективности речи, как дисциплина, которая описывает процесс, идущий от коммуникативного замысла к поискам аргументации, к собственно сообщению и далее к интеграции формы и содержания, "проявляет удивительную способность заполнить бреши, которые создала все углубляющаяся специализация наук" [20, 209]. Традиционная риторика дает нам образцы словесной "формы обобщения действительности" (по словам акад. С.С. Аверинцева) и содержит согласно пяти ведущим канонам искусства речи пять важнейших составных частей: 1) инвенция (изобретение речи); 2) диспозиция (организация и расположение речевого материала); 3) элокуция (стилистическое оформление речи, ее выражение); 4) память; 5) произнесение. При этом следует принять во внимание, что широкое определение риторики предполагает репрезентацию материала и в письменной форме. Риторика учила и учит, как осуществлять речевую коммуникацию; как правильно, логично и выразительно излагать и развивать мысли, употреблять слова; как пользоваться речевой активностью в личной жизни и в общественной деятельности, как выступать перед аудиторией.

Здесь еще раз важно подчеркнуть, что на данном этапе развития науки нельзя ставить знак равенства между культурой речи (если под этим разуметь традиционно понимаемую дисциплину обучения) и риторикой. Термин "культура речи" стал широко употребляться в конце 20-х годов, после того как в 1925 г. был создан Научно-исследовательский институт речевой культуры. С тех пор обучение культуре речи понималось исключительно в одном смысле, в 20-е годы очень важном и актуальном: научить грамотно, правильно писать, читать и говорить (см. работы В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, С.И. Ожегова и др. в хрестоматии "Основы культуры речи". М., 1984). С риторикой же дело обстоит иначе.

В классической школе обучение риторике включало три необходимых компонента:

1) изучение теории (изложение риторических правил, характеристика специфики речевого общения, выявление типов аудитории и связанные с этим теоретические аспекты соответствующего речевого поведения);

2) изучение выдающихся образцов прошлого и настоящего, дающих возможность понять, как формируется образ говорящего, с одной стороны, и уяснить конкретные приемы и средства речевого воздействия – с другой;

3) упражнение в самостоятельных публично-речевых выступлениях, в составлении и произнесении речей.

В историческом аспекте развитие отечественной риторики проходило через определенные этапы. Понимание пройденного пути важно потому, что стилистические воззрения того или другого исторического периода, сконцентрированные в теориях словесности и риториках своего времени, подобно "годовым кольцам" в стволе дерева, оставили видимый и четко очерченный след. Кратко эти этапы могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Начальный этап русского красноречия, подробно освещенный в монографии В.П. Вомперского [7].

2. Учение о красноречии в трудах М.В. Ломоносова и его последователей (середина и последняя треть XVIII в.). Именно в это время сложился канонический тип русской риторики, в которой отражалась и обобщалась мозаика языковых стилистических элементов – лексико-фразеологических, грамматических и структурно-синтаксических – в рамках трихотомии (теории трех "штилей" М.В. Ломоносова).

3. Риторическая школа российских академиков, а затем и университетская школа красноречия (труды А.С. Никольского, И.С. Рижского и др.), сложившаяся в конце XVIII – начале XIX в.

4. Новая концепция, предопределенная происходившими преобразованиями стилистических норм литературного языка и отраженная в риторических сочинениях 30–40-х годов XIX в. – в работах Н.Ф. Кошанского, А. Мерзлякова, А.И. Галича, К. Зеленецкого, В.Н. Классовского и др.

5. Становление и формирование русского судебного красноречия (см. труды А.Ф. Кони, П.С. Пороховщикова, В.Д. Спасовича), давшее особые импульсы развитию стилистической теории в России в 60-е годы XIX в.

6. Проявление новых форм ораторского искусства в России вместе с открытием и деятельностью Государственной Думы в начале XX в. Парламентские и гражданские речи этого времени возродили интерес к общественно-политическим задачам живого слова в разных областях – "в области суда, законодательства, учебного научения и духовного поучения" (А.Ф. Кони). (Подробную характеристику этих риторик см. в кн. [8].)

Уже в конце XVIII в. в Европе угасал интерес к риторике. В России же пик развития риторики пришелся на первую половину XIX в. Но

этот же период явился и тем рубежом, который положил начало критическому отношению к общей риторике. Однако и в конце XIX – начале XX в. появлялись работы, в которых словесники обращались к идеям риторики, например книга А.Г. Тимофеева "Очерки по истории красноречия" (СПб., 1899), И.П. Триодина "Принципы красноречия и проповедничества" (Екатеринослав, 1915) и др. Последние наиболее яркие публикации по риторике связаны с деятельностью Института Живого Слова (1918–1924). В "Записках Института Живого Слова" (1919) были опубликованы детально разработанная "Программа курса лекций по теории красноречия (риторика)" Н.А. Энгельгардта и работа А.Ф. Кони "Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях" [13]. В 20-е годы XX в. риторика была исключена из школьного и вузовского курсов.

Лишь с конца 70-х годов (и особенно в конце 80-х – начале 90-х годов) в отечественной лингвистике вновь пробудился интерес к риторике, который в значительной мере поддерживался достижениями неориторики в США и Европе (см. Литературу в конце главы). Однако нельзя не вспомнить, что самобытные русские ученые и общественные деятели, способствовавшие проникновению в Россию заимствований с Запада, подчеркивали, что путь слепого подражания, "сравнительно легкий и свободный от смущающих душу сомнений, является опасным" [12, 62]. В частности, А.Ф. Кони приводил в пример нормы немецкого судебного красноречия (как считал он, несколько тяжеловесного и педантичного) и нормы французского красноречия, опирающегося на "блестящую форму и галльское остроумие". В связи с этим А.Ф. Кони вспоминал русские нравы, отличающиеся от немецких и французских: «В одном весьма серьезном процессе, разбиравшемся в судебной палате, защитник, пробовавший внести юмор в свою речь и постоянно цитировавший куплеты из "Стряпчего под столом", был остановлен угрюмым замечанием старшего председателя: "Не довольно ли водевилей?" ⟨...⟩ Юмор в речи прокурора, – добавил автор, – противоречит той "печали трезвой мысли зрелой", которою должна быть проникнута речь понимающего свои обязанности обвинителя» [12, 65].

Ориентация на строй отечественного языка и отечественные нравы представляется более перспективной еще и по той причине, что постепенно развивающееся на протяжении истории взаимоотношение стилей в системе литературного языка сформировалось для обслуживания исторически сложившейся общности людей, характеризующейся и общностью неповторимой общенациональной культуры.

Так, в течение каждого из выделенных этапов развития русской риторики при сохранении определенных традиций предыдущего периода все же происходил известный сдвиг в осмыслении речевой деятельности и преодолевались те стилистические представления, которые были господствующими в предшествующее время.

Эволюция риторической концепции происходила в тесной связи с изменением литературной нормы языка и новыми складывающимися вкусами. Показательно и то, что категория вкуса выдвигалась в риторике в качестве ключевой. Однако в разные эпохи эта категория

наполнялась разным историческим содержанием. В "Опыте риторики" И.С. Рижского (СПб., 1796; 2-е и 3-е изд. – 1809), обобщенном для своего времени "до значения нормативной системы литературной речи" (по словам В.В. Виноградова [6, 100]), приводились интересные и для нас суждения о правильном и неправильном вкусе, вкусе времени или века и вкусе народном.

Вкус в современной интерпретации -- аксиологическая, ценностная категория, связанная со способностью дифференцированно воспринимать и оценивать языковые факты. Мы говорим о хорошем, тонком, воспитанном вкусе и, напротив, о плохом, испорченном, неразвитом, вульгарном вкусе. И качество вкуса при этом определяется тем, в какой мере выраженная оценка соответствует объективной эстетической или этической ценности того, что характеризуется нами. Приведем одну иллюстрацию. В программе Российского телевидения (16 июля 1991 г.), в передаче, подготовленной автором и режиссером Светланой Немчевской, в одном из фрагментов диалога писателей была высказана мысль о том, как резко изменилась в наши дни речевая реакция в обществе. Процитируем по памяти: "Раньше, когда наступало внезапное молчание, народ говорил: *тихий ангел пролетел*, – а теперь говорят: *где-то мент сдох*. Раньше говорили: *милому сто верст – не околица*, – а теперь: *Для бешеного кобеля и сто километров не преграда*". Не требуется приводить много примеров, чтобы доказать, что сейчас у нас в моде "заниженный", нередко вульгарный, просторечный стиль, часто с установкой на иронически презрительное отношение к обозначаемому. Эффективность речевого воздействия многими понимается так же, как это выразил один из строителей, выступавший на ТВ (16 июля 1991 г.): "Строился он (объект на Дальнем Востоке) кайлом и крепким словом".

Традиционной риторике всегда была присуща система стилистических ценностей, организуемых в особый символический мир. И этому миру соответствовали вполне определенные и сознательно отбираемые языковые структуры. Исторически относительный характер предпочитаемых норм общения реально воплощался в учении о качествах речи; ср. такие качества речи со знаком плюс, как чистота, точность, благозвучие, уместность, пристойность, вежливость и т.д., и противоположные положительным качествам – все отрицательные (со знаком минус). Можно привести пример того, как понималось качество пристойности в судебной риторике. П. Сергеич (П.С. Пороховщиков) писал: "По свойственному каждому из нас чувству изящного мы бываем очень впечатлительны к различию приличного и неуместного в чужих словах, было бы хорошо, если бы мы развивали эту восприимчивость и по отношению к самим себе... Соблюдайте уважение к достоинству лиц, участвующих в процессе.

Современные молодые ораторы без стеснения говорят о свидетельницах: содержанка, любовница, проститутка, забывая, что произнесение этих слов составляет уголовный проступок и что свобода судебной речи не есть право безнаказанного оскорбления женщины. В прежнее время этого не было" [21, 32–33]. Изложение системы нравственных

норм и моральных предписаний составляло специфику всех наиболее прогрессивных нормативных концепций речи, начиная с Аристотеля. Риторика, как считал Аристотель, это не только наука об убеждении словом, но и наука о нравах. Обычно эти мысли из риторики Аристотеля не цитируются, однако весьма полезно вспомнить их: "Можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом, – ведь мы верим оратору, потому что он кажется нам человеком известного склада ⟨...⟩ ввиду всего этого нам следовало бы обладать знанием нравов. Нравственные качества обнаруживаются в связи с намерениями, а намерение имеет отношение к цели" [3, 42]. Термин "риторическая этика" подразумевает программу тех нравственных норм, которой должен придерживаться говорящий. Это – как раз тот аппарат, который нуждается в полном восстановлении и дальнейшем развитии уже на новом витке возрождаемой культуры языка. Нельзя не заметить, что такой подход отличается от собственно стилистического, принятого в современных работах.

Понятия "риторика" и "стилистика" нередко отождествляют: риторика многими воспринимается как старинная стилистика. Однако чаще всего под риторикой разумеют теорию ораторской речи. И то, и другое – неточно, хотя сама возможность сопоставления риторики и стилистики указывает на бесспорную близость двух дисциплин, общность их исторических корней. В то же время и современная риторика, и современная стилистика существенно отдалились друг от друга. Терминологический аппарат и одной, и другой дисциплины, если и пересекается в каких-то разделах, все же полностью не совпадает. Это требует определения их специфики в подходе к изучению общего предмета. Следует добавить: само положение стилистики как научной и учебной дисциплины продолжает оставаться не вполне определенным. Не уточнены некоторые важнейшие понятия учения о стилистически обусловленном употреблении языка. Термин "стиль" нередко наполняется самым различным содержанием. Нуждается в большей четкости и терминология, связанная с обозначением таких понятий, как "стили языка" и "стили речи", "стилистическая норма", "функциональный стиль", "композиционные типы речи" и т.д. Без четкого осознания основных категорий, связанных с дифференциацией современных стилей литературного языка, не может развиваться и современная отечественная риторика. В качестве рабочей может быть использована признанная классификация, предложенная акад. Д.Н. Шмелевым. Интерпретируя эту схему, Е.Н. Ширяев выделяет два ее уровня: на первом, высшем, уровне классификации выделяются три функциональные разновидности: разговорная речь, язык художественной литературы и функциональные стили. На втором уровне классификации функциональные стили подразделяются на официально-деловой, научный и публицистический (см. гл. 1).

Не возражая против предложенной типологии стилей в целом, хотелось бы обратить внимание на необходимость того, что в системе стилей литературного языка особое место должно быть отведено ораторской речи. В традиционной риторике ораторство всегда выноси-

лось на первый план. Суть же обращения к этой проблеме в наше время прекрасно выразил акад. В.В. Виноградов: «В русской филологии возрождается интерес к риторике. Его поддерживают требования общественного быта... Причина же его возникновения глубже. Она лежит в принципиальном пересмотре теории слова и в изменении общего направления лингвистических интересов. В лингвистике русской старые принципы диалектологического "народничества", тяготевшие как к центру к проблеме этнографической колонизации, поколеблены... В тех случаях, когда научная работа лингвиста сочетается с постановкой проблем "культуры" современного литературного языка, с речевым воспитанием общества, – вопрос об ораторской речи получает еще большую остроту, как живая задача технологической реформации» [6, 101].

В риторике с давних времен различаются роды и виды красноречия. Их не менее десяти: академическое, духовное (церковно-богословское), дипломатическое, деловое, военное, общественно-политическое, парламентское, социально-бытовое, судебное, торговое. При всем различии ораторских интенций, многообразии тем и способов их речевого оформления существует нечто общее, что обособляет публичную живую речь и превращает ее в особую разновидность речевой деятельности. Одной из ведущих и определяющих черт ораторской речи является "речевое воздействие единичной воли говорящего на разобщенные сознания и волю отдельных индивидуумов, составляющих в целом массового слушателя" [8, 213]. За советские доперестроечные годы многообразие разновидностей ораторской речи было сведено в основном к общественно-политическим формам ее проявления. Всем памятна фигура оратора – ремесленника брежневского времени, – не отрывающего глаз от бумажки и читающего текст речи с талмудистской, начетнической, монотонной интонацией. Практически не было в нашем обществе с 20-х по 80-е годы ни развитого духовного, ни тем более парламентского красноречия, было сведено к минимуму социально-бытовое и судебное. Торговое же "красноречие" и сейчас еще понимается не иначе как переругивание продавца и покупателя, иногда даже доведенное до виртуозной грубости:

– Что, бабка, тебе надо? Не видишь, я одна, а вас таких, глухих и тупых, много. Сидела бы дома. Неужели сноха вместо тебя в магазин сходить не может? Небось, развязать пояс, так и рассыпешься.

Естественно, что, стремясь к возрождению культуры общения хотя бы в тех пределах, которые рекомендовались русской риторикой, необходимо в специальном теоретическом курсе с практической направленностью дать развернутые оценки стилистической нормы не только основных функциональных стилей русского литературного языка, но и разных форм ее реализации в устных ораторских разновидностях речи. Причем нужна не только характеристика коммуникации с точки зрения целей и типа общения, но и конкретная, детальная каталогизация жанров речей. В каждом жанре предусмотрены свои ограничительные нормы, которыми регулируется общение. Для примера сравним некоторые из жанров. Сейчас активно возрождаются нормы духовного

красноречия. С экранов телевизора и по радио священники говорят: надо знать церковнославянский язык, чтобы "избежать суесловия, ругани, нечисти всякой. Заметьте: на славянском языке все книги хорошие, они учат добру" (слова духовного лица, высказанные в программе ТВ от 26 апреля 1991 г. в передаче "Пятое колесо"). Священники, выступая по радио, рекомендуют и молиться. В пример приводится молитва, "самая краткая и самая сильная, с внутренним покаянным чувством": "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Аминь" (Радио "Маяк". 21 марта 1993 г.). Это так называемая молитва предначинательная, но есть и множество других молитв: утренние, молитвы на сон грядущий, канон Ангелу хранителю и т.п. Каждая из молитв строга по композиции и не допускает ни разговорных, ни тем более просторечных или жаргонных синонимов для тех понятий, которые используются в молитве. Иногда можно услышать замену церковнославянского местоимения русским (*Помилуй мя – меня – грешного*!) или замену формы звательного падежа формой именительного (*Господи Иисусе Христе – Господи Иисус Христос*) – но и не более того. Канонический, не допускающий отступления от издавна принятых норм жанр молитвы входит лишь как один из строевых в общую систему жанров духовного (церковно-богословского) красноречия (ср. еще и такие жанры, как проповедь, исповедь, покаяние, причащение и т.д.).

Другая иллюстрация – речь парламентария, входящая в систему жанров того вида красноречия, который называется в риторике парламентским. Выступление депутата в парламенте характеризуется целым рядом ограничительных норм, в частности связанных с употреблением эвфемизмов и дисфемизмов – парламентских и непарламентских выражений. Например, в речах депутатов не допускаются зоосемические параллели применительно к оппонентам или другим лицам типа *козел*, *быдло*, *свинья*, *осел*, *черви* и под. Так, журналисты требовали укротить "ругательскую лихоманку" в парламенте и "возбудить уголовное дело против публикации интервью спикера (в итальянской газете), направленного против правительства, уподобленного червям" (Радио России. 13 апреля 1992 г.). Даже использование фразеологизмов и пословиц (ср.: "черного кобеля не отмоешь добела", "не доверять козлу капусту", "собака лает – ветер носит") должно быть осмотрительным, с тем чтобы не давать повода для оскорбительных аллюзий.

В Англии в 1981 г. был издан "Словарь парламентских выражений". В нем можно найти, например, 125 заменителей слова *лжец* (ср.: манипулятор правды; человек, неточный в терминологии, и под.).

Особые этические и терминологические запреты распространяются и на судебную речь (в риторике относящуюся к судебному красноречию). Представления о нормативных требованиях к стилистике судебной речи дает эпизод, изложенный А.Ф. Кони: «Когда один из товарищей прокурора, придя сказать мне об исходе своего обвинения в ряде мошенничеств, сказал мне: "Ну, хоть я и проиграл, но зато ему всю морду сапогом вымазал, – останется доволен", – разумея под ним

подсудимого, я устранил его надолго от выступлений в качестве обвинителя, возложив на него другие обязанности. "Пройтись насчет подсудимого", без сомнения, иногда бывает соблазнительно... Но этому соблазну не следует поддаваться... Исполняя свой тяжкий долг, он (прокурор-обвинитель. – *Л.Г.*) служит обществу. Но это служение только тогда будет полезно, когда в него будет внесена строгая нравственная дисциплина и когда интерес общества и человеческое достоинство личности будет ограждаться с одинаковым чувством и усердием» [12, 64]. Точность изложения фактов, строго продуманная стилистика речи, осторожность в выборе аргументации, "нравственная дозволительность приемов судоговорения" (по словам Кони) – это как раз те качества речи, без которых невозможна образцовая судебная речь. Достаточно перечислить и некоторые другие жанры из разных "родов красноречия", чтобы напомнить читателю о существующих специальных и дифференцированных приемах стилистического оформления речи в зависимости от жанрового признака: речь полководца перед боем, военный приказ (из области подъязыка военных); застольный тост, свадебная речь ("социально-бытовое красноречие"); речь главы государства, обращенная к народу; речи сторон в политических дискуссиях ("социально-политическое красноречие") и т.д. Единство денотативного, модального и референциального планов текста в разных жанрах осуществляется по-разному.

На формирование культурно-речевых навыков общения оказывает влияние не только ситуативная заданность речевого контакта, но и коммуникативная целесообразность в функционально-стилистическом плане, что обусловливается общей стилевой культурно-речевой традицией и законами жанра, определяющими характер выбора языковых средств. К мысли о том, что необходимо возродить объект риторики в полном объеме, нужно добавить и другие соображения.

Обзор жанров русских риторических сочинений (см. [8]) дал возможность выделить следующие их группы:

1) риторика, приближающаяся к теории текста и расширенной нормативной стилистике. Наиболее характерными представителями этой группы является "пространная" риторика М.В. Ломоносова (1748) и общая риторика Н. Кошанского (1829). В них широко трактовался, как бы мы теперь сказали, коммуникативный аспект речевой деятельности. Большее внимание, чем в современной практической стилистике и культуре речи, уделялось "орнаментальной" части речи, составлявшей один из основных разделов риторики. Образный язык и синтагматические средства выразительности, как показано в этих трудах, служат соединительным звеном между канонизированными, нейтральными устойчивыми знаками и актуализирующим творческим открытием нестандартных значений языковой номинации;

2) риторика как теория речевых жанров. Лучшим трудом в этой области была книга проф. А.И. Галича – "Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений" (1830). Наряду с разработкой жанрово-стилистических типов сочинений автор уделил внимание и логико-аргументативному совершенству передаваемого содержания. Пафос все-

стороннего воздействия на читателя или слушателя, притягательность личности говорящего или пишущего были также в центре внимания автора. Говоря современным языком, в книге освещались основные сферы речевого взаимодействия в коммуникативной цепи "адресант – передаваемая информация – адресат";

3) особый тип агональной (воздействующей) риторики, обучающей законам воздействия преимущественно на чувство и эстетическое восприятие слушателей. Классическим образцом этого направления в русской традиции является риторика М.М. Сперанского – "Правила высшего красноречия" (1844). В 1792 г. М.М. Сперанский занимался преподавательской деятельностью в Главной семинарии при Александро-Невском монастыре в Петербурге и в течение ряда лет читал там курсы по словесности. Семинария готовила священников, церковных деятелей – словом, представителей духовного красноречия. Риторика предназначалась поэтому прежде всего ораторам церковной кафедры;

4) большая группа риторических сочинений, относящихся к жанру так называемой школьной, учебной риторики – пособия, преследующие цель воспитания молодежи. В школьном обучении риторика сохраняла господствующее положение вплоть до 20-х годов XX в.

Необычными учебниками в этом жанре были "Детская риторика или благородный вития" (1787) и "Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесные науки" Г. Глинки (1797).

В журнале "Русский язык в школе" (1990. № 4) напечатана статья И.П. Рыльниковой "Из истории русской школьной риторики". Автор сетует на плохое обучение культуре речи в школе и справедливо пишет: "Русская школа имела прекрасные традиции речевого обучения и воспитания, и можно только сожалеть о том, что многое из накопленного богатства оказалось так прочно забытым. Листая страницы старинных риторик, многому можно улыбнуться как милому прошлому, но сколько же мудрого, полезного можно еще черпать из этих источников! Что же возрождает интерес к риторике вообще и к школьной риторике в частности сегодня? Вновь появился заказ общества на мыслящего и говорящего человека независимо от его социальной принадлежности. Демократизация, как мы видим, ослабляет власть приказа и усиливает значение убеждения. А значит, надо учить убеждать.

(...)В нашем обществе проблема трагического непонимания людьми друг друга сейчас особенно остра, а значит, надо учить слушать и понимать" (с. 27).

Какие координаты в развитии речи учитывались в риториках этих четырех типов и что нельзя упускать и в наше время? Обращает на себя внимание прежде всего очень ярко выраженная социологическая ориентация риторических знаний. Это проявлялось во многих отношениях. В частности, в риториках учитывалась разная степень владения языком (о значении этого фактора см. [28]), но при этом конечная задача формулировалась однозначно: необходимо "усовершенствование в дарованиях хорошо изъяснять свои мысли и здраво рассуждать...

дабы впоследствии могли они (учащиеся. – *Л.Г.*) быть способнее к возлагаемым на них должностям" [8, 91].

Коммуникативно-прагматическое обоснование целей обучения языку представляется целесообразным и в наше время. Известно, что речевые умения и навыки складываются у человека постепенно, и в методике выделяются по крайней мере не менее четырех ступеней на пути овладения речью. Первый этап связан с дошкольным развитием речи. На следующем, "школьном", этапе преподаватели отмечают два наиболее значительных рубежа. Первый рубеж составляют 5–7-й классы, когда коммуникативные речевые умения проявляются в понимании и способности развить тему, в знании, как построить школьное сочинение, как правильно и хорошо выразить свои мысли на заданную тему, отвечая на уроках. Следующий рубеж охватывает время обучения в старших классах и в вузе. Учащийся должен подняться на новую ступень речевой культуры: он должен научиться более осознанно и свободно пользоваться богатствами родного языка. И что особенно важно, – широко ориентируясь в функциональных стилистических средствах, на этом этапе учащийся должен опираться на полную стилистическую парадигму, включающую представления об основных стилях литературного языка. Однако и на этом уровне степень владения языком, бесспорно, неодинакова. Если расположить сложившиеся умения в направлении к тому, что можно считать образцовым (эталонным) владением языком, то в самой огрубленной форме мы получим трехзвенную оценочную шкалу. В одной группе находятся студенты, закончившие технический или естественный вуз (будущие инженеры, механики, биологи). Другую группу составляют студенты, закончившие гуманитарные вузы (филологический, исторический, журналистский и под.). Наконец, существует литературный институт, в котором совершенствуется писательское мастерство. Степень владения литературным языком и стилями национального языка и у писателей должна быть самая высокая.

Существует множество оттенков в характере владения языком в зависимости от личных способностей, дарований и талантов, места обучения, культурного уклада в семье и т.д. Объем знаний, которые давала риторика, в полной мере необходим в старших классах гимназий, лицеев, школ и в гуманитарных вузах. Надо учесть еще одно обстоятельство. Риторика существовала как особый жанр регламентирующей литературы, как специфическое нормативное руководство, которое ставило своей задачей регуляцию речевой деятельности в социальном контексте, на фоне конкретной общественной обстановки. Гораздо шире, чем в новейших учебниках по культуре речи, учитывались нормы словесных взаимоотношений между разными группами людей: между малознакомыми, между мужчинами и женщинами, между приятелями и родственниками и т.д. Скажем, письмо (а эпистолярный стиль рассмотрен во многих риториках), которое интерпретировалось как "разговор с отсутствующим", могло быть извести тельным или совет подающим, обличительным, просительным, рекомендательным, нравоучительным, утешительным и т.д. Во всех этих случаях риторика

учила, каких правил надо придерживаться при написании писем. Регуляция межличностных и социальных отношений предполагала установление разветвленных и детально разработанных ролей в речевой коммуникации, различающихся по своей функционально-стилистической тональности.

Социологическая предназначенность риторики – это как раз тот признак, который существенно отличает риторику от стилистики, но сближает ее с работами культурно-речевой ориентации. Поэтому в наше время, когда и средняя, и высшая школа переживает процесс крутого поворота в преподавании и резко осознается необходимость гуманитарного направления, опыт создания профессионально ориентированных риторик, которые существовали в России, должен быть учтен. Офицерскому составу преподавалась риторика и создавались руководства по военному красноречию, ср.: "Военное красноречие" Я.В. Толмачева (1825), "Примеры военного красноречия минувших войн" П. Лебедева (1878), "О военном красноречии" Е.Б. Фукса (1825). О судебном красноречии писали юристы, и эти книги были предназначены для адвокатов, прокуроров и всех работников юриспруденции (см., например, книги Б.Б. Глинского "Русское судебное красноречие" (1897), А.Г. Тимофеева "Судебное красноречие в России" (1900), П. Сергеича "Искусство речи на суде" (1910). Общественно-политическая и парламентская речь также не были обойдены вниманием (см. книги М.Н. Попова "Политическое красноречие: Что нужно для оратора" (1906), Ф.А. Кудринского "Как говорить на политические темы" (1918)). Нормам социально-бытового красноречия учили цитированная выше "Риторика для молодых девиц", "Риторика для дворян" И. Мочульского (1789), "Хороший тон: сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной" (1881), "Хороший тон: правила светской жизни и этикета" (1889).

Мы не должны уподобляться Иванам, не помнящим родства: и в этой области, конечно же, необходимо возрождение утраченных традиций. Этот процесс уже идет, хотя и стихийно. В Педагогическом университете создается "Педагогическая риторика" (для учителей) и вышла в свет "Детская риторика" (под ред. Т.А. Лодыженской. М., 1992) для школьников. В Институте русского языка РАН написана книга "Культура парламентской речи" (М.: Наука, 1994), в которой на современном уровне использованы, в частности, подходы в описании материала и речевой деятельности парламентариев, принятые в риторике. Было бы полезно создать серию подобных профессионально-ориентированных руководств – для школ менеджеров, для дипломатического корпуса, для офицерского состава, для юристов и т.д.

Знаменателен тот факт, что с начала 90-х годов книги по риторике издавались одна за другой (см., например, [10; 15]). Причем все вышедшие в свет современные риторики весьма заметно различаются. По жанру и содержательному охвату материала они могут быть рассмотрены в нескольких аспектах. Некоторые из книг относятся к жанру общей риторики. Таковы "Общая риторика (современная интерпретация)" Е.А. Юниной и Г.М. Сагач (Пермь, 1992), "Общая риторика:

Курс лекций и словарь риторических фигур" Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной (Ростов н/Д.,1994). Другие учебные пособия в большей мере сохраняют элементы исторической риторики: "Риторика как норма гуманитарной культуры" О.И. Марченко (М., 1994), "Риторика" В.И. Аннушкина (Пермь, 1994). В жанре прикладной и практической риторики написаны книги "Искусство диалога или беседы о риторике" С.Ф. Ивановой (Пермь, 1992) и "Практическая риторика" И.А. Стернина (Воронеж, 1993). Специфике публичной речи и мастерству устного выступления посвящена "Риторика" Н.Н. Кохтева (М., 1994). В целом же можно сказать, что риторика в наши дни реабилитирована, возрождается из пепла и активно участвует в обновлении гуманитарного образования в России.

Еще одно положение, которое обосновывается в этой главе, касается характеристики содержательных аспектов риторики и культуры речи как обучающей дисциплины. Система координат сложившихся к нашему времени риторических представлений содержит шкалу ценностей, которая охватывает четыре пласта языковых структур, рассматриваемых с точки зрения целесообразности их предпочтений в разных ситуациях общения: 1) пласт ортологических структур, соответствующих критерию правильности (в рамках оппозиции "правильно/неправильно"); 2) пласт структур, относящихся к нормам речевого этикета (в рамках оппозиции "принято/непринято"); 3) пласт нормативно-этических структур (в рамках оппозиции "прилично/неприлично, пристойно/непристойно"); 4) пласт экспрессивных структур, относящихся к орнаментальному разделу риторики (в рамках оппозиции "выразительно/невыразительно"). Структуры четвертой группы соотносятся с законами эстетического восприятия речи. Как ясно из сказанного, только в одном случае пересекаются культура речи (как традиционная дисциплина) и риторика – в случае интерпретации проблем правильности и трудности русского языка. Хотелось бы подчеркнуть различия между вторым и третьим разрядами предложенной классификации. К речевому этикету (второй разряд) относится совокупность правил речевого поведения, касающихся внешнего проявления отношения между людьми в речи. Н.И. Формановская, автор книги "Употребление русского речевого этикета" (1982), выделяет не менее 15 этикетных позиций: формы обращений и приветствий, правила учтивости, правила общения с должностными лицами в соответствии с их рангом, согласие и несогласие с мнением собеседника, поздравления, пожелания, благодарность и т.д.

Вопросы такого рода постоянно возникают в жизни, и сотрудникам отдела культуры русской речи Института русского языка РАН приходится отвечать на них. Вот два примера. Журналист, обращаясь к президенту, написал: как, по-вашему, то-то и то-то. Вопрос: не лучше ли было бы соблюсти этикет и спросить иначе – "как, по-вашему мнению, то-то и то-то"? Конечно, обращение к высшему должностному лицу в государстве в письменной речи требует большей полноты стиля, чем в разговорной речи. Удачнее был бы второй, а не первый вариант вопроса журналиста. Еще один вопрос по речевому этикету, выра-

женный в письме офицера: «В своем лексиконе по привычке употребляю такое выражение при встрече с товарищами, с сослуживцами и всеми теми, которых я уважаю: – *Я вас приветствую*! Вместо традиционных *здравствуйте* или по службе – *Здравия желаю*! В один из дней одному высокопоставленному товарищу по служебному телефону на его "Здравствуйте!" Я ответил "Я вас приветствую". Этот товарищ, когда я соединил его по телефону с моим начальником, отчитал моего начальника, а тот, в свою очередь, меня, за подобное приветствие... Как говорится, не взирая на личность, дайте объективный ответ». Итак, высокопоставленный офицер по одной лишь разговорной форме приветствия сделал вывод о "необразованности" военного, который стоял ниже его рангом по чину. Справедливо ли это? Телефонный разговор допускает отклонения от строгой деловой формы общения. К тому же отвечавший использовал не жаргонную или просторечную форму приветствия (типа *чао, привет, наше вам с кисточкой* и под.), а вполне нейтральную, хотя и разговорную, форму. Если бы телефонный разговор был сведен к чисто уставному, то и вопрошавший должен прибегнуть к уставной форме приветствия. Вспомним слова Лермонтова из повести "Бэла": "Целые пять лет ему никто не скажет: *здравствуйте* (потому что фельдфебель говорит *здравия желаю*)". К тому же телефон не дает возможности отвечающему разглядеть, кто ему задает вопрос: высший военный чин, просто солдат или приехавший родственник. Поэтому в рамках телефонного разговора сохраняется право и на общелитературные нормы общения, и на разговорный вариант приветствия.

Даже эти два примера показывают, что вопросы речевого этикета не могут быть сведены к упрощенным этикетным формам, известным детям с малых лет. Этикетные структуры, бесспорно, нужны, но их необходимо отличать от нормативно-этических структур. Этикет, принимая характер чисто внешнего ритуала, не всегда бывает показателем подлинной нравственной культуры личности, тогда как нормативно-этические структуры соответствуют кодексу поведения человека, обеспечивающего социально-нравственный характер речевых взаимоотношений между людьми, и отвечают сложившимся в этом обществе этическим нормам (подробнее об этом см. ниже). В ситуациях общения постоянно возникает необходимость выбора. По Аристотелю, выбору подлежит только наилучшее из хорошего. Но это лучшее в языке не представляется одинаковым для всех. Общение – не только речевой акт, но одновременно и обмен действиями, поступками, мыслями и чувствами. Поэтому так важен вопрос о культурных формах речевого взаимодействия, при которых наряду со словом придается значение и многим другим элементам, таким, как поза, манера держаться, взгляд, жест, интонация и мн. др.

Акад. Н.И. Толстой подчеркнул важную мысль о существовании стратов в национальной культуре, которые поддерживают иерархически выстроенные сферы общения, что решающим образом влияет и на тот или иной выбор речевых форм. В докладе на Всесоюзной конференции "Русский язык и современность" (1991) Н.И. Толстой

выделил четыре культурных страта: 1. Литературный язык – элитарная культура. 2. Просторечие – "третья культура". 3. Наречия, говоры – народная культура. 4. Арго – традиционно-профессиональная культура. Для обоих рядов, пишет далее автор, может быть применен один и тот же набор различительных признаков: 1) нормированность/ненормированность; 2) наддиалектность (надтерриториальность)/диалектность (территориальная расчлененность); 3) открытость/закрытость (сферы, системы); 4) стабильность/нестабильность [19, 7]. По выделенному набору различительных признаков здесь отмечены все аспекты противопоставления реальных форм существования национального языка представлениям о нормированном литературном языке. Риторика в своих ценностных ориентациях всегда опиралась на элитарную культуру, допуская в определенных пределах лишь те формы народной словесности – пословицы, поговорки, фразеологизмы, фольклорные элементы, – которые прошли путь "легализации" и закрепления в нормах литературного языка. Диалектные, областные формы речи, так же как просторечные, жаргонные и арготические элементы, русская риторика, закончившая, по существу, свой путь развития в XIX в., не рекомендовала к употреблению. И сейчас вопрос о воздействии языковых и профессиональных культурных стратов на сложившиеся нормы отшлифованного литературного языка остается открытым. Существующая тенденция к детабуированию целого ряда языковых явлений требует пересмотра границ нормативности и характера регламентирования определенных видов речевой деятельности (см. об этом гл. 6).

Последнюю часть главы хотелось бы посвятить пласту нормативно-этических структур, поскольку об этих структурах написано меньше, чем о структурах ортологических, этикетных или эстетических. Мы являемся свидетелями смены норм в средствах массовой информации. В газетах, на радио и телевидении противоборствуют альтернативные партии, программы, передачи. Идеальными представляются неординарность мышления, свежесть мысли, широта кругозора, свобода выражения... И тут – стоп! Одни журналисты считают: говори, как дышишь, – свободно. Другие рассуждают иначе: свобода слова не должна пониматься как развязность и полное отсутствие самоконтроля. На эту тему появляются даже "миниатюры без корректуры":

Между нами утрачена связь,
Говорильня людей утомила,
Как сказала старушка, крестясь:
"Одолела речистая сила".

И. Сафонов. Речистая сила

В прозе высказываются еще более определенно: «Язык – среда нашего обитания – сейчас исковеркан, груб и почти фотографически отражает смуту времени, его излом и падение нравов. И на улице, и со страниц газет – то, что называется у ученых "пониженная лексика"» (С. Спиридонова. Самый толковый словарь // Веч. Москва. 1993. 3 февр.). Для всех, занимающихся культурой речи, наиболее актуальной стала тема "Этика и язык". Потеря культурных ориентиров в этой

области особенно сильно ощущается в наше время. Е.Н. Ширяев справедливо пишет о том, что для культуры владения родным языком "нельзя недооценивать этического компонента". И далее: "Требует исследования этика общения в разных социальных и возрастных группах и этика общения между этими группами" [19, 58–59].

Мораль есть некая основа духовности и всей отечественной культуры. Исследователи этики всегда приводят в пример мысль Руссо о таком этическом кодексе, который содержал бы "в положительной форме те максимы, которые всякий должен признавать, и в отрицательной форме нетерпимые максимы, которые следует отвергать".

Конечно, невозможно полностью исчерпать все богатство социально-речевой практики и предусмотреть все разнообразие речевых ситуаций, при которых бы удалось согласовать исчерпывающим образом языковые и нравственные нормы. Однако существуют общие принципы, относящиеся и к культуре речи, отступления от которых нежелательны.

Представляют определенный интерес те культурно-этические универсалии, которые выдвигал на первый план А.Ф. Кони, связывая их напрямую с проблемой воздействия живого слова и приемами обращения с ним в различных областях. Так, перечисляя необходимые условия воздействия живого слова, он выделял следующие общие категории: знание предмета точное и подробное; свободное владение родным языком; отсутствие лжи в речи; тенденциозность в речи; лицемерие в речи; софизмы и злоупотребление словом; искренность слова, ее свойства, виды и влияние [13]. Конечно, эти качества необходимы и учителю в школе, и лектору в вузе, и юристу в суде, и политику в парламенте, и священнику в его отношениях с паствой, и родителям, воспитывающим детей.

Важно и другое положение, высказанное А.Ф. Кони: следует различать аспекты, связанные: 1) с этикой общественных взаимоотношений в широком смысле слова; 2) с профессиональной этикой; 3) с этикой и моралью личного поведения. В частности, к этике общественного порядка отнесено все, что касается кинематографа: жестокие зрелища и порнография; шовинизм; ложный и лживый патриотизм; законные пределы свободы слова; клевета в печати и ее виды. К этике личного поведения отнесен другой круг категорий: отношение к самому себе и отношение к другим; терпимость к чужим убеждениям; такт и умение учитывать интересы других; умение слушать и умение рассказывать.

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ ЭТИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Нарушения этики в общении должны стать объектом анализа прагматической (термин О.Б. Сиротининой) культуры речи [19, 119]. При таком подходе с неизбежностью встанут вопросы, весьма актуальные для нашей действительности, например вопросы о языке и партийной демагогии; о существующих разновидностях словесных оскорблений; о пределах допустимости бранных, жаргонных и других видов

речевых форм, нарушающих этику общественных взаимоотношений. Об этом говорят и дикторы российского радио: "Нельзя выливать в эфир и на экран грубости, оскорбительные слова, зоологические инстинкты. Мы же не все слова и выражения, которые есть на свете и слышим на улице, употребляем в семье. Мы же боимся своих близких ранить словом. Почему же мы не думаем также о слушателях?" (Радио России. 1 марта 1993 г.). Действительно, в наши дни в газетах, в передачах на радио и телевидении нередко звучат недопустимо грубые оценки оппонентов типа *подлецы, негодяи, предатели, употевшее быдло, свиные рожи* и под.

Пример: в телепередаче "Зайцы" (о тратах военных на поездки) обмениваются "любезностями" офицер и член комиссии, которая знакомилась с документами о тратах (РТВ. 29 мая 1991 г.):

Офицер. Вы некорректно поступаете!

Член комисии. Это вы некорректно поступаете...

Офицер. Вы предатель.

Член комиссии. Это вы тратите миллионы из бюджета. Мне стыдно за ваших внуков.

Еще одна иллюстрация из речи журналиста: «23 декабря 1992 г. на радиостанции "Эхо Москвы" обозреватель Андрей Семенов позволил себе ряд непарламентских выражений в адрес парламента и его спикера: ...депутаты – "употевшее быдло", спикер – "верный большевистский холуй". Парламент решил призвать несдержанного на язык журналиста к барьеру в суде» (Ж. Авязова. Депутаты бранятся – только тешатся // Веч. Москва. 1991. 22 февр.).

Можно привести примеры необычных судебных процессов, состоявшихся в Челябинске, о чем написано в "Правде" (1991. 14 мая). СДПР (социал-демократическая партия России) в Челябинске предъявила местному общественному деятелю гражданский иск. Цитируем: «Суть претензий, в своем выступлении на семинаре обществоведов... он употребил такое, мягко говоря, непарламентское выражение, как "свиные рожи". Отнеся это на свой счет и сочтя это оскорблением для себя, социал-демократы и потребовали, что называется, "сатисфакции"... Суд, посовещавшись, решил, что выражение "свиные рожи", употребленное докладчиком в историческом аспекте, отнюдь не умаляет чести и достоинства челябинской организации СДПР». По этому делу суд в иске отказал. Однако в другом судебном процессе концовка была иной. Когда другой докладчик в своем выступлении сравнил демократов с "группой пьяных молодцов, свергающих памятники В.И. Ленину", лидеры социал-демократов с лихвой взяли реванш. Процитируем слова об исходе второго судебного процесса: «Так как ответчик не смог представить фактов, опровергающих это обвинение, суд резонно признал допущенное сравнение оскорбительным для членов СДПР, обязал в месячный срок извиниться перед ними через газету "Вечерний Челябинск" и уплатить штраф десять рублей». Такова была цена метафоры.

Эти факты заставляют вспомнить слова Монтеня в "Опытах": "Брань во время споров должна запрещаться и караться, как другие словесные преступления".

Другие примеры нарушения этики должностными лицами. Под рубрикой "Бестактность недели" в "Московских новостях" (от 9 июня 1991 г.) была опубликована заметка "Скандал на лексической основе". Цитируем: «Скандал возник на лексической основе из-за единственного слова: *першерон*. Слово означает французскую породу лошадей-тяжеловозов.

Бывший министр культуры СССР Николай Губенко, выступая в Кракове на симпозиуме по культурному наследию, заявил: "Премьер-министр Белецкий с легкостью першерона танцует чечетку на могиле социалистического строя". То ли министр рассчитывал на смех в зале от своего своеобразного чувства юмора, то ли просто решил блеснуть незатертой метафорой. В результате министр иностранных дел Республики Польша Кшиштоф Скубишевский вызвал временного поверенного в делах СССР в Польше и заявил ему официальный протест. А Николай Губенко вновь повторил ту же самую фразу, но уже по советскому телевидению – наверное, для того, чтобы его не смогли не услышать и в посольстве Польши в Москве». К слову сказать, иногда у нас встречаются и более утонченные примеры "припечатывания словом" – с использованием зоосемических литературных метафор. Так, председатель комиссии по депутатской этике в союзном парламенте А. Денисов на заседании парламента в декабре 1990 г. заступился за честь КПСС, назвав безответственным заявление А.Б. Оболенского о "преступной деятельности КПСС". При этом А. Денисов в своей речи использовал литературный образ одноглазого кобеля, который бьет себя в грудь и кричит о своей "голубой крови". А. Оболенский, как и следовало ожидать, обиделся. А. Денисов извинился впоследствии следующим образом: "Приношу извинения и товарищу Оболенскому и всем вам. Я хочу сказать, что и в мыслях не держал уподоблять депутата Оболенского тому одноглазому кобелю Ильфа и Петрова, от которого по всей округе пошли щенки с одним глазом" (цитируется по публикации С. Евгеньева "Понимай, как хочешь // Правда. 1990. 23 дек.). Остроумно, ничего не скажешь! Но все же не столь уж и безобидно.

Помимо основной коммуникативной цели в споре – заставить оппонента замолчать или подчинить его собственной воле – говорящий преследует еще одну цель: важно поддержать общение в определенной сталистической тональности – вежливой, официальной, иронической и т.п. Это своего рода метакоммуникативная цель, направленная на регуляцию межличностных и социальных отношений.

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Особенно значимы те языковые структуры, которые обусловлены канонами профессиональной этики. Имеются в виду речевые формы, обеспечивающие нравственный характер взаимоотношений между людьми, вытекающий из их профессиональной деятельности. Так, специфические нормы речевого поведения лежат в основе врачебной этики, педагогической, судебной, деловой, дипломатической и т.д.

Например, к компетенции медицинской этики относятся такие сложные проблемы, как границы сохранения врачебной тайны. Нормами профессионального общения продиктовано употребление нерусских названий болезней в отличие от коренных и всем известных бытовых типа *желтуха, чахотка, сенная лихорадка, потеря памяти* и т.п. (ср. профессиональные названия *гепатит, туберкулез, аллергия, амнезия*). Наряду с проблемой функционирования единиц специального коммуникативного уровня в медицинских текстах существует и проблема этических норм общения с посетителями больниц и поликлиник. Как отмечают некоторые из посетителей, "в больницах и разговорный язык стал каким-то холодным. – *Больной*! – обращается к тебе сестра, и что-то откровенно презрительное сквозит в этом обращении" (Радио России. Евангельское чтение. 13 февр. 1993 г.).

Любое отступление от норм профессионального общения в какой бы то ни было области воспринимается как показатель недостатка культуры. А. Собчак в телепередаче "Россия перед выбором", говоря о деградации партийного руководства, заметил: "У меня все время в ушах фраза одного из членов политбюро: – Собралась тут *всякая шушера*..." (О демократах. РТВ. 11 апреля 1991 г.).

Иногда очень трудно определить те грани, за которыми сказанное может квалифицироваться как недопустимая грубость, клевета, оскорбление, унижение чести и достоинства человека, особенно в неприличной форме. Работы филологов в этом направлении должны быть, как говорят, не отражающим зеркалом, а увеличивающим стеклом. Следует усилить этическую составляющую в речевой деятельности (можно говорить, конечно, о культуре профессиональной речи).

Великое наследие русских судебных реформаторов второй половины XIX в. и "чародеев слова" (как назвал знаменитых судебных ораторов А.Ф. Кони) к 30-м годам XX в. было совершенно забыто. Сталинская система и в этой области создала жестокие нравы и жесткий язык. В документальном фильме "Рука Сталина" одна из многих несправедливо осужденных женщин вспоминала, как с ней разговаривал следователь 30-х годов: "– Если ты, пся крев, не подпишешь сейчас протокол, то я тебя застрелю.

Приставил револьвер к виску. Я упала в обморок. Когда очнулась, была уже в кресле. Он облил меня водой: – Так вот, получай!

Рукояткой по зубам. Выплюнула зубы, которые он выбил.

– Если не подпишешь, я тебя прикончу.

Подписала и сама себя оклеветала" ("Рука Сталина". Передача 2-я. РТВ. 5 июня 1991 г.).

Поведенческий стереотип того времени был одинаково далек от этических норм для всех сфер деятельности человека. Те правила "красноречия бюрократического", которые ядовито высмеивал М.Е. Салтыков-Щедрин, продолжали процветать и в послеоктябрьское время. Напомню слова сатирика:

«**Красноречие бюрократическое.** "Да вы знаете ли, милостивый государь! Да как вы осмелились, государь мой! Да известно ли вам, что я вас туда упеку, куда Макар телят не гонял!"» [20, 124].

«Карл Радек грустно пошутил о невозможности какой бы то ни было академической дискуссии со Сталиным: "Ты ему сноску, а он тебе – ссылку". Наша Россия все так же печальна, как и была» (Известия. 1992. 4 окт.).

Само изучение профессиональной речи предполагает отсутствие у наблюдателя какого-либо пристрастия: анализ должен быть непредвзятым и объективным. И в этом отношении представляется целесообразной разработка стратегического, поискового и описательного плана исследования, которого в данной главе приходится лишь коснуться, не углубляясь во всесторонний анализ проблемы. Тем не менее принципиальный подход к теме все же должен быть обозначен. Ценностно-ориентированные функции слова в профессиональной речи, тесно связанные с мотивационной сферой высказывания, постоянно наталкиваются на привычные для говорящего бытовые и просторечные формы употребления. Типичная ошибка в этих случаях – смешение стилистических норм литературной профессиональной и нелитературной бытовой речи. Несколько примеров. На экскурсии, посвященной виноделию, экскурсантов везут на дегустацию вин (в Крыму). Экскурсовод рассказывает: "– Вы не упьетесь, не волнуйтесь. Многие считают: дегустация, значит, на пьянку. Нет, совершенно нет. Наоборот. Это – борьба с алкоголизмом. А сейчас мы пересекем хребет горы Кошки". Рассказ живой, но содержит немало отклонений от литературной нормы – на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровне.

Другой пример: в этнографическом музее в рассказе о мельниках, мельницах и намолотах по поводу одного эпизода экскурсовод заметил:"Мельник шастал пшёнку в лавке", – чем, конечно, очень развеселил собравшихся. Впрочем, возможно, именно этого эффекта гид и добивался.

Еще один пример. В рассказе сотрудника МВД о росте преступности в Москве по радио звучал такой текст: "Были допущены деструктивные элементы в плане мордобоя лиц кавказской национальности" (Радио России. 11 марта 1993 г.). Более изящного перла милицейского красноречия, чем "план мордобоя", трудно себе представить!

Даже и немногие приведенные примеры убеждают в том, что в рамках действующих институтов общества и существующих профессиональных стилей процесс воспитания культуры речи должен иметь прежде всего коммуникативную направленность с опорой на отечественные традиции, на лучшие образцы, сложившиеся в профессиональных сферах нашего общества.

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ ЭТИКИ ЛИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В психологическом аспекте общение характеризуется как совокупность социальных связей, как средство динамичного взаимодействия общества и личности, как непосредственно переживаемая реальность и конкретизация определенных взаимодействий и взаимоотношений (см. [29; 23; 25]). Наше время – время новой социологической и норма-

тивной этики и эстетики. Нам необходимо поэтому представлять учение о культуре речи как об орудии социальной солидарности и симпатии. В этом ключе особое значение получают задачи эстетического и этического воспитания языковой личности. Сейчас далеко не всё в этой области обстоит так благополучно, как хотелось бы. В. Астафьев в статье "Черемуховая стужа" пишет именно об этом: "Память о благородных нравах и обычаях, знаю, жива в нас. Но только чаша весов, где беснуется зло, заколебалась. Может, она и перетянет, но яд-то плещется всюду. Мы позволяем себе гневаться, завидовать, мстить. Ведь прежде какая-то самовоспитанность была, а теперь самораспущенность процветает". Особенно в словах, которые мы адресуем друг другу, и в диалогах, в которых мы участвуем. В этой же статье В.А. Астафьев приводит один очень характерный эпизод: «Недавно был свидетелем такой истории. В благородном семействе готовили малыша первый раз в первый класс... И вот – торт, свечи, наряженные дедушки и бабушки, папа и мама – все в ожидании дитя. Влетает малыш. Картуз набекрень, пуговица оторвана. Прямо с порога счастливый кричит: "Вот вы тут сидите и не знаете, что писька называется...". И по ушам бьет мат.

Мерзость теперь окружает нас почти повсеместно. С ней встречаемся уже не только в подворотнях, но порой и на высоких собраниях» (В. Астафьев. Черемуховые холода // Правда. 1991. 7 дек.)

Хотя употребление нецензурных слов всегда почиталось у нас зазорным и шокирующим, сейчас заметно стремление легализовать эту лексику. Витиеватый матерный перебор звучит и в песне, и в репортаже, и в кинодиалогах. Нельзя не вспомнить народную мудрость: равно худы – и негодная жизнь, и негодное слово. Если имеешь одно, будешь иметь и другое. Но даже если и считать, что мат – это одно из средств выражения человека, который находится в тяжелейшем состоянии, – его нет необходимости тиражировать в печати. "Дорогие братья и сестры, – сказал священник в телевизионной передаче по поводу нецензурной лексики. – Сохраним язык от черных слов! Земля содрогается в конвульсиях, когда произносится бранное слово. Это проказа души" (ТВ. 10 ноября 1992 г.). Впрочем, сейчас в газетах публикуется немало высказываний и в защиту нецензурной лексики: "Нет плохих слов, есть плохие люди" – это основной тезис любителей запретной прежде зоны высказываний (А. Никонов. Мать-перемать, или размышления о том, есть ли "плохие" слова в русском языке // Частная жизнь. 1991. № 9). Очевидно, только хорошо организованный репрезентативный опрос разных слоев российского общества поможет выявить отношение к ненормативной лексике и пределам ее кодификации.

Одна из преподавательниц писала в газете: "Думаю, из множества проблем, стоящих сегодня перед страной, перед всеми нами, необходимо выделить одну, первостепенной важности – поднять культуру в широком смысле слова с колен. Иначе захлебнемся в невежестве, лицемерии, безнравственности... Не выходят у меня из головы те

девушки, лузгающие семечки и вставляющие в разговор нецензурные слова" (Н. Мочалина. Очистимся от грязи?). Этим же настроениям вторит и режиссер С. Говорухин: "Молодежный сленг все больше напоминает уголовную феню" (Радио. 12 мая 1991 г.). Как тут не вспомнить Ф.М. Достоевского, который сказал: кто виноват в том, что их идеал так уродлив?

Интеллигенция сетует и на то, что жаргон и просторечие становятся почти литературной нормой. Словечки *шмон, ништяк, напряг, оттяг* и многие другие "украшают" не только молодежную речь – они встречаются в прессе, звучат на радио и в телепередачах. Психологи отмечают, что ребята попадают в плен "блатной" романтики: жаргон – их любимая стихия. Один пример, приведенный в статье психолога М.В. Розина "Последствия контркультурного образа жизни": "Когда у хиппи Красноштана спросили: – А где твои друзья, с которыми ты начинал? – он ответил: – Одни *сторчались*, другие *сдринчались*, третьи *кинулись* (одни погибли от наркотиков, другие от алкоголизма, третьи – покончили жизнь самоубийством). Речь шла о людях в возрасте от 20–25 до 30–40 лет" [18, 166].

В современных массовых изданиях стала модной "приблатнённая" речь. Татьяна Толстая видит наше несчастье в бедности, скудоумии и отчетливой тюремной стилистике подобных текстов. В статье "Долбанем крутую попсу́" писательница приводит образцы такой публицистики: «Читаю в "Неделе" интервью Е. Додолева с "гендиректором" (а как же!) Российского телевидения Анатолием Лысенко. "Вроде она уже проходит по рангу крутой передачи", "смотрю по видушнику фильмы. Какие-то крутые там фильмы". Или... о "Независимой газете": "Что, она очень лихая? Нет. И по верстке она достаточно "кирпичевая". Она долбает и тех, и тех..." Хочется, набравшись христианского смирения и положив дружескую руку на плечо "гендиректора", – нет, не круто долбануть, а тихо, проникновенно прошептать с нехорошей консервативной улыбкой: "Толя! Зайчик! Товарищ! Верь: есть в нашем языке синонимы. Си-но-ни-мы!" ⟨...⟩ И не надо выражать все эти мысли с помощью полутора слов... При нашем-то наследстве так себя обворовывать, чтобы слышалось только бурлацкое, дубинистое: "Ух! Ух! Ух!".

Парень, извини, парень. Толян, прости. Понял? Все нормально, Толян. Нормально, понял? Усек разницу?» (Т. Толстая. Долбанем крутую попсу // Моск. новости. 1992. № 11, 15 мар.).

Т. Толстая использует в приведенной концовке статьи прием обращения с полным воспроизведением убогого стиля уличного разговора "сообразивших на троих". Ассоциации прозрачны. Ирония и насмешка эффективнее всех других филологических наставлений и увещеваний.

Внимание наших писателей и журналистов к жаргонной лексике отнюдь не случайно. Свобода слова вывела жаргон из подполья. Один за другим печатаются словари, содержащие самую разнообразную арготическую лексику. Как отмечает исследователь социальных диалектов М.А. Грачев, в 80–90-е годы происходит новое нашествие

арготических слов – так называемая "третья волна" по сравнению с первой (10–20-е годы) и второй (40–50-е годы) [9]. История учит, что жаргонная речь всегда существовала наряду с литературным языком уже с XVIII в. В десятилетия острых соприкосновений с литературным языком "подземного потока" жаргонной речи в общенародном языке оставались лишь очень незначительные его элементы – отдельные слова типа *доходяга, клёвый, беспредел* и т.п. Неумеренные современные заимствования слов из жаргонных и просторечных пластов, с одной стороны, в особенности из американской и английской лексики – с другой, вызывают законные протесты интеллигенции (см. гл. 14).

Однако, если вспомним нашу историю, сами собой напрашиваются параллели. Время татарского засилья оставило в языке значительные пласты тюркизмов. Но и противодействие восточному натиску было необычайно сильным. Акад. Е.Ф. Карский писал: "Татарское иго в истории литературного языка оставило еще заметные следы и в том отношении, что в нем сказался сильный поворот к архаистическому письму и форме выражения. Этот поворот достиг своего высшего развития в XV веке. Видя в татарском нашествии кару Божью за грехи, лучшие представители русского народа целыми массами устремились в монастыри, пу́стыни... здесь среди аскетических упражнений они с большим усердием принялись за чтение старинных... духовных произведений и за подражание им" (*Карский Е.Ф.* Главнейшие течения в русском литературном языке. М., 1947. Отд. отт. С. 5–6).

Не наблюдаем ли мы это же явление и сейчас? Церковнославянская лексика вновь зазвучала в храмах, в школах, с экранов телевизоров и в радиопередачах. Достаточно привести только названия фильмов и телепередач за январь 1993 г., чтобы убедиться в возрождении элементов высокого стиля, свойственных духовному красноречию: "Чада светлой России", "Азъ есмь", "Спаси, Боже, люди твоя", "Рождество Христово". А вот несколько примеров возвышенных контекстов с церковнославянскими элементами: Сегодня наш взор устремлен в горнее пространство (ТВ. Репортаж из программы "Добрый вечер, Москва!" от 13 апреля 1991 г.); Возлюбленные братья! Человек крещеный, который живет с благодатью и возгревает в себе благодать... (ТВ. Из речи священника в передаче "Непознанная вселенная" от 20 апреля 1992 г.); Перед отверстой могилой отца Александра (Радио. 15 ноября 1992 г.); Крещаемый – тот, кто принимает крещение... (Радио России. 18 августа 1992 г.)

Нельзя не заметить: идет перестройка стилистических норм. Усилились контрасты между высоким и разговорным стилем. В жанры, представляющие высокий стиль речи, хлынула внешне весьма архаичная лексика, идущая из христианской литературы. В жанры, характеризующие тесную связь с разговорной речью, стремительно вливается лексика просторечной и жаргонной стихии.

Принято считать, что в резком падении культуры речи в последние два десятилетия, о чем много говорят и много пишут, проявилось

отсутствие программы воспитания культуры, в том числе в нравственно-психологическом аспекте. Планирование коммуникативных стратегий, знание общающихся о прагматических функциях языковых единиц и средств входят в коммуникативную компетенцию, позволяя выбрать наиболее эффективный вариант речевого взаимодействия. Конечно, в учебных заведениях должны быть введены программы этики, риторики* и культуры речи, в которых найдет отражение анализ активных процессов, происходящих в современном русском языке. Создание же расширенной программы отечественной риторики поможет привнести новый концептуальный элемент в гуманитарное образование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.

2. *Аннушкин В.И.* Первая русская "Риторика" начала XVII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

3. Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.

4. *Безменова Н.А.* Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.

5. *Брынская О.П.* Основные черты американской риторики новейшего времени: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

6. *Виноградов В.В.* Поэтика и риторика // Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.

7. *Вомперский В.П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988.

8. *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

9. *Грачев М.А.* Третья волна // Рус. речь. 1992. № 4.

10. *Гурвич С.С., Погорелко В.Ф., Герман М.А.* Основы риторики. Киев, 1988.

11. *Дюбуа Ж.* и др. Общая риторика / Общ. ред. и вступит. ст. А.К. Авеличева. М., 1986.

12. *Кони А.Ф.* Приемы и задачи обвинения // Избранные произведения: В 2 т. 2-е изд. М., 1959.

13. *Кони А.Ф.* Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях (Программа курса) // Русская риторика: Хрестоматия. М., 1996.

13а. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.

14. Неориторика: генезис, проблемы, перспективы: (Сб. обзоров). М., 1987.

15. Риторика и синтаксические структуры: (Тез. докл. и сообщ.). Красноярск, 1988.

16. Риторика и стиль / Под ред. Ю.В. Рождественского. М., 1984.

17. *Рождественский Ю.В.* Проблемы риторики и стилистической концепции В.В. Виноградова // Русский язык: Проблемы художественной речи: Лексикология и лексикография. М., 1981.

18. *Розин М.В.* Последствия контркультурного образа жизни // По неписаным законам улицы. М., 1991.

19. Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. конф. (20–23 мая 1991 г.): Доклады. М., 1991. Ч. 1.

20. *Салтыков-Щедрин М.Е.* О красноречии в России // Об ораторском искусстве. М., 1959.

21. *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1988.

* Необходимо подчеркнуть, что риторика как предмет преподавания признана во всем мире. Существуют Европейское общество по риторике и Международная ассоциация истории риторики при ЮНЕСКО.

22. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово, 1992.
23. *Grice H.P.* Meaning // Readings in semantics. Urbana, 1974.
24. *Jakobson R.* Questions de poétique. P., 1973.
25. *Kinneavy Y.Y.* Greek rhetorical origins of Christian faith: An inquiry. N.Y., 1987.
26. *Kopperschmidt Y.* Allgemeine Rhetorick. 2. Aufl. Stuttgart, 1976.
27. *Kraus Y.* Retorika v dejinach jazykóvé komunikace. Pr., 1981.
28. *Lachmann R.* Rhetorik und Kulturmodel // Slavistische Studien zum VIII. Internationalen Slavisten Kongress in Zagreb. 1978. Köln-W., 1978.
29. *Mistrik Y.* Retorika. Br., 1980.
30. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* Traité de argumentation: La nouvelle rhetorique. P., 1958.
31. *Todorov T.* Poétique de la prose. P., 1971.
32. *Ziomek Y.* Retoryka opisowa. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.

II

НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 6

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРОГНОЗЫ

Совершенствование культуры речи обусловлено в немалой степени потребностями общежития и имеет целью избежать недостатков в общении, вооружив человека языковыми знаниями, которые необходимы для совместной жизни в обществе. Еще в 50-е годы основатель отдела культуры русской речи в Институте русского языка АН СССР С.И. Ожегов выдвинул идею планомерной, последовательной работы в области массового развития культуры речи населения, предусмотрев в разработанной им программе разные аспекты нормализаторской деятельности языковедов и подчеркнув при этом актуальность выдвигаемого направления. Основу нормализации языка должен составить анализ его современного состояния в свете закономерностей исторического развития.

Постоянные обследования норм литературного языка, анализ действующих тенденций и прогнозирование наиболее вероятных путей развития – эти стороны, по словам С.И. Ожегова, "разумной и объективно-оправданной нормализации языка" составляют важнейшую часть работы отдела культуры речи [18]. В нашу эпоху "вопросы нормализации языка, упорядочения грамматики, словоупотребления и произношения приобрели большое общественное значение, приняли характер борьбы за повышение культуры речи, за правильность и точность языка, за его ясность и чистоту, за умелое пользование всеми выразительными средствами языка" [2, 255]. Отрицание старых норм, сколь бы нигилистическим и ниспровергающим основы оно ни выглядело, должно вытекать как следствие экспериментальных исследований, и чем более оно обосновано теоретически, тем это очевиднее с точки зрения норм современного общения. Важно непредвзято взглянуть на ценностные ориентиры, которыми должна быть проникнута языковая политика: в ней многое зависит не только от лингвистов, но и от мнения, психологии общественных деятелей, писателей, журналистов и масс. Языковая политика считалась и считается не только общим филологическим делом, она являлась и является средоточием многих интересов, а главное – всегда проникнута оценочными суждениями нередко прямо противоположного характера. Проблема истинности таких суж-

дений актуальна и в теоретическом, и в практическом плане. Языковая культура относится к инвариантным человеческим ценностям, ее нельзя привязать к каким-то меняющимся политическим установкам. Противопоставляя пуристической доктрине долженствования "правду жизни языка", важно установить новые принципы, отвечающие реальностям языкового существования, строя таким образом иерархию ценностей, в которой допускается сосуществование вариантов и других параллельных средств применительно к складывающейся современной стилистической системе языка. Изучение проблемы колебаний нормы с этой точки зрения приобретает особое значение.

Термин "колебание" (или "колебание нормы")[1] широко употребителен в лингвистической литературе. При этом, с одной стороны, этот термин сплошь и рядом является неоднозначным, а с другой – оказывается связан с проблемами динамики языка. Это приводит к тому, что понятие "колебание" в последнее время все больше привлекает к себе внимание исследователей. В процессе его исследования закономерно происходит расширение круга явлений, связываемых с колебаниями. И как результат исследований имеет место уточнение, углубление понимания того, что есть колебание. Поэтому представляется своевременной попытка уточнить статус понятия "колебание" ("колебание нормы") в сфере исследований по культуре речи и тем самым в теории культуры речи. Обобщение накопленных русским языкознанием в этой области теоретических и фактических данных позволяет выделить несколько сущностных моментов, необходимых для понимания колебания.

I. Понятие "колебание" органически связано с языковой системой; оно вытекает из реализации системы языка – в той широко распространившейся концепции, которая возникла на основе теоретической платформы Пражского лингвистического кружка и известной схемы Э. Косериу. Для пражцев норма охватывает сферу динамики "язык – речь" (см. определение Б. Гавранека: "Языковую норму я понимаю как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка – с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка" [32]); по Э. Косериу, исходя из соотношения трех уровней "система–норма–речь", норма есть совокупность обязательных (традиционных) реализаций возможностей языковой системы [11]. Сказанное позволяет интерпретировать норму как коррелят системы, как закономерность реализации системных возможностей языковой единицы, накладывающую ограничение на использование системных возможностей.

Тем самым колебание нормы можно понимать как проявление нестабильности в ходе реализации языковой системы, как форму нестабильности плана выражения. Такая нестабильность может иметь место и относительно отдельно взятой языковой единицы, и относительно клетки парадигм, и относительно определенной позиции в том или ином фрагменте языковой системы.

---

[1] Эта часть главы написана в соавторстве с Б.С. Шварцкопфом и опубликована в кн.: Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. науч. конф. (Москва, 20–23 мая 1991 г.). Доклады. М., 1991. Ч. 1. С. 100–101.

II. Колебание столь же органически связано с асимметрией языкового знака, с категорией избыточности, вытекающей из присущей знаковой асимметрии оппозиции "многозначность/избыточность" [28]. По существу избыточность – не что иное, как стремление к защите знака [24], тенденция к "двойной (точнее, более, чем одной) системе выражения" [8, 37].

Традиционно механизм избыточности плана выражения (и соответственно механизма колебания) принято понимать как вариантность, конкуренцию вариантов. Такое уподобление колебания – вариантности – берет свое начало в работах Е.С. Истриной [9] и С.И. Ожегова [18]. Позднее оно было разработано – как два типа колебаний нормы – в орфоэпическом словаре (1959): 1) сосуществование нормативных вариантов – а) равноправных и б) неравноправных и 2) сосуществование нормативного и ненормативного вариантов. На основе понимания варианта как момента динамики нормы (А. Едличка [7]) В.А. Ицкович [10] представил эту схему в плане вытеснения одним вариантом другого. Рассмотренные типы колебаний норм интерпретируются в литературе как: 1а) нормативная вариантность языковой единицы (А.А. Леонтьев [14]); 1б) собственно колебание нормы (расшатывание ее "изнутри"); 2) колебание употребления языковой единицы (расшатывание нормы "снаружи") (Б.С. Шварцкопф [29; 30]).

Однако понимание избыточности в плане выражения только как вариантности было бы принципиально некорректным. Следует учитывать те сферы языка, где фактически отсутствует вариантность (как внутриединичная изофункциональность плана выражения), но зато действует функциональность межъединичная, ср. синонимию слов (и выражений) в лексике и знаков препинания в пунктуации. Следовательно, диктуемое асимметрией языкового знака колебание, связанное с избыточностью в плане выражения, может реализоваться и как внутриединичная, и как межъединичная изофункциональность, а это может быть представлено как вариантностью, так и синонимией.

III. Колебание выступает как форма деятельностного проявления языка. Это такая форма функционирования языковой системы (и ее норм), в процессе которой совершается нормально не осознаваемая деятельность массы говорящих или пишущих в русле незаметных стихийных изменений. По своей функционально-системной направленности колебание есть не что иное, как спонтанный поиск в плане разрешения внутрисистемных противоречий, а по своему механизму колебание – выход за пределы фиксированного правилом, т.е. результат колебания ориентирован на выход за пределы предшествующей кодификации.

IV. Понятия колебания и функционирования языка необходимо взаимосвязаны: "Никакая нормализация не может до конца устранить колебания в литературной речи или обнаруживающиеся в ней неправильности. Колебания в нормах – обычное явление живого развивающегося языка" [20, 255]. "Языковая структура никогда не бывает полностью сбалансированной, в ней всегда можно наблюдать слабые точки, внутреннее напряжение, конфликтные ситуации..." [27, 290].

Итак, колебание связано с такими сущностными понятиями языка и

языковой теории, как "система", "норма", "асимметрия языкового знака". Собственно, содержание самого колебания как языкового феномена обусловлено сущностью перечисленных понятий. И представляется по меньшей мере недостаточным в исследованиях по культуре речи исходить только из двух базовых понятий "норма/ненорма", или "норма/отклонение от нормы", как это часто делают, тогда как колебания представлены неким исключением из правил, какой-то "лингвистической Золушкой". В культурно-речевом аспекте функционирования языка срабатывают также и факторы нестабильности, избыточности. Поэтому – наряду с понятиями "норма" и "отклонение от нормы" – сущностным понятием в культурно-речевом плане представляется и третье – "колебание нормы". И здесь можно согласиться с К.С. Горбачевичем, который нашел удачную и емкую формулу: он считает колебание нормы "естественным состоянием языка как конкретно-исторического явления" [3].

Принципиальным представляется положение о том, что "колебание нормы" как особое сущностное понятие проявляется по-разному применительно к различным ярусам языка. С этой точки зрения "произносительная, грамматическая и лексико-стилистическая сферы современной литературной речи по свойствам своей структуры требуют различного подхода" [18, 17]. Нельзя считать случайностью тот факт, что на протяжении трех последних веков (XVIII–XX) вопросы нормализации литературного языка решались русистами на основе отечественной традиции и с намерением проникнуть в суть тех закономерностей, которые отличают один уровень языковой системы от другого. Так, принципы упорядочения орфографии в русской традиции разрабатывались, начиная с трудов по орфографии В.К. Тредиаковского в XVIII в. и особенно активно в конце XIX – первые десятилетия XX в. (см. работы Я.К. Грота, Д.Н. Ушакова, К.И. Былинского, С.И. Ожегова [19] и др.).

Особые свойства структуры акцентологической и орфоэпической нормы русского литературного языка исследовались в работах Р.И. Аванесова, В.В. Колесова, М.В. Панова, В.Л. Воронцовой, А.В. Суперанской и др. (см., например, [2; 21]).

Следующий уровень – грамматический. Упорядочение грамматических норм распространяется прежде всего на совершенствование принципов кодификации форм, учитывающихся при составлении нормативных грамматик и словарей. Нормализация в области грамматики опирается также на результаты исследования закономерностей и тенденций употребления грамматических дублетов, в особенности на регламентацию грамматических вариантов с указанием их стилистических дифференциаций [6, 143–146].

Нормализация современного литературного языка на лексическом уровне особенно сложна. Она требует постоянных обследований состояний живой речи и четкого определения существующих границ современного литературного языка. С этим связана в первую очередь проблема совершенствования и обновления толковых и специализированных словарей.

Справедливым представляется суждение Д.С. Лихачева по этому поводу: "Четырехтомник, вышедший под ред. А.П. Евгеньевой, с моей точки зрения, нужно переиздавать, перерабатывать каждые пять лет, – так, как это делается, скажем, в Англии или во Франции в отношении словаря Вебстера, Оксфордских словарей разного типа, которые постоянно совершенствуются и постоянно переиздаются" [15, 61].

Нормализации лексического состава и прежде всего пластов оценочной лексики, круга заимствованных слов и разного рода стилистических модификаций языковых явлений способствуют разработка принципов и критериев нормативности и тщательное исследование характера изменчивости и взаимодействия лексики в пределах существующих функционально-стилистических и жанровых разновидностей языка.

Постулат о необходимости дальнейшей и более углубленной разработки теории поуровневой нормализации языка представляется основополагающим. Чтобы эта мысль не казалась слишком отвлеченной и схоластической, приведем конкретные иллюстрации, касающиеся категории вариантности, которая составляет один из важнейших объектов внимания нормализаторов.

ВАРИАНТНОСТЬ следует рассматривать как свойство по терминологическому значению прилагательного *вариантный*. Она обозначает особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частностей (вариантов) при сохранении того, что является основой (инвариантом). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Принципиальным представляется соображение о том, что языковые варианты, относящиеся к разным языковым уровням, существенно различаются.

I. *Варианты, различающиеся произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков*, относятся к фонетическим с уточнением характера варьирующегося признака. Так, вариации произношения составляют круг о р ф о э п и ч е с к и х вариантов: *т*[е]*рапи́я – т*[э]*рапи́я*, дож[д']*и́ – до*[ж'ж']*и́, дое*[ж'ж']*а́ть – дое*[жж]*а́ть, ж*[ы^{э}]*ра́ – ж*[^]*ра́* и т.д. Вариации слов по месту ударения относятся к а к ц е н т н ы м вариантам: *звони́т – зво́нит, алфави́т – алфа́вит, леме́х – ле́мех, ма́ркетинг – марке́тинг* и под. Варианты, различающиеся по составу фонем, являются ф о н е м а т и ч е с к и м и: *галоша – калоша, шкаф – шкап, валериана – валерьяна, ойраты – ойроты, тоннель – туннель* и др.

Существование этих групп вариантов определяется состоянием звуковой системы русского языка. Поэтому различия между ними подчиняются определенным закономерностям этой системы: существуют варианты по произношению сочетаний согласных, безударных гласных, долгих согласных в заимствованных словах и т.д. "Орфоэпический словарь русского языка" (М., 1983) насчитывает ≈ 63500 слов –

величина, свидетельствующая о размахе колебаний норм на орфоэпическом уровне[2].

II. *Грамматические варианты* характеризуются прежде всего тождеством грамматической функции. Ведущим признаком грамматических вариаций оказывается критерий грамматической системности, предполагающий регулярное колебание грамматической формы. Так, строение ряда вариантов грамматической модели предполагает три необходимых элемента:

1) грамматический тип вариантов, т.е. ряд варьирующихся форм-моделей, например словоизменительный тип инфинитива ряда глаголов;

2) варианты формы-модели внутри каждого типа: все формы на *-нуть* (один грамматический вариант этой модели) и все формы на *-чь* (второй вариант модели);

3) варианты словоформ: это лексемы, которые принимают один из варьирующихся формантов. В приведенном примере могут быть следующие варианты словоформ: *достигнуть – достичь, застигнуть – застичь, настигнуть – настичь, постигнуть – постичь.*

Варианты словоформ выступают в качестве параллели к вариантам слов. Однако у вариантов слов грамматическое значение не реализуется в ряду вариативной грамматической модели (ср. качественное различие между лексическими вариантами типа *брег – берег* и вариантами форм род.п. ед.ч. у сущ. муж.р. на твердый согласный типа *сыра – сыру, творога – творогу, сахара – сахару* и т.д.).

В соответствии со структурой грамматики различаются три состава грамматических вариантов: 1) словоизменительные, представляющие собой варианты словоизменительных форм (форм рода типа *спазм – спазма*, падежных форм типа *длиною – длиной, верховий – верховьев*, причастных форм типа *промерзший – промерзнувший* и под.); 2) словообразовательные, у которых вариативны словообразовательные аффиксы (типа *накатка – накат – накатывание, экранизация – экранизирование, туристский – туристический, двусторонний – двухсторонний, межсоюзнический – междусоюзнический* и под.); 3) синтаксические, к которым относятся варианты управления, согласования и примыкания (типа *большинство стремилось – большинство стремились, две основные задачи – две основных задачи, нельзя купить спичек – нельзя купить спички, просьба предоставить убежище – просьба о предоставлении убежища* и под.)[3].

---

[2] В подзаголовке словаря имеется уточнение – "Произношение, ударение, грамматические формы". Варианты грамматических форм, хотя и не в полной мере, все же представлены в словаре (см. также [25]).

[3] В словаре "Грамматическая правильность русской речи" (М., 1976) содержится 8000 вариантов, функционирующих в составе литературного языка. В число этих наиболее употребительных вариантов не включены диалектные и просторечные варианты типа *больно голова, в радиве играют, ехать по метру*, так же как и варианты, возникшие в результате контактного двуязычия на территории бывшего СССР, нынешнего СНГ (типа *приехал с Киева, с Одесщины; начинать усовершенствовать; Анвар взошел ко мне* и под.).

В отличие от других типов языковых вариантов грамматические варианты отвечают четырем критериям: грамматической системности, регулярной взаимозаменяемости (эта черта присуща всем типам вариантов), функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородности сравниваемых грамматических структур (подробнее см. [6, 143–146]).

III. *Лексические варианты*, представляющие собой разновидности одного и того же слова, которые характеризуются тождественной лексико-семантической функцией и частичным различием звукового состава неформальной части слова (типа *средина – середина, ветр – ветер, огнь – огонь, посребренный – посеребренный, позлатить – позолотить* и др.). Группировки лексических вариантов определяются представлениями о системности лексики и обусловливаются характером парадигматических и синтагматических отношений в ней. В отличие от грамматических вариантов ряд лексических вариантов одномерен – он располагается только по горизонтали, и при этом варианты слов характеризуются тождеством не означающего, а означаемого.

Различие в качестве вариантов определяет их историю, время сосуществования, т.е. характер и продолжительность фазы вариантности, что особенно важно в нормативно-историческом аспекте. Орфоэпические и акцентные варианты существуют только в устных формах речи (однако проявляются и в стихотворных произведениях). С одной стороны, вековая история грамматических вариантов и, с другой стороны, иногда однолетнее существование фонематических вариантов, на письме закрепленных в вариантах написания (типа *фломастер* и *фламастер, постижерский* и *пастижерский*), должны осмысляться как неизбежная закономерность, осуществляющаяся для контрастных явлений языка по-разному. Бернард Шоу выразил эту мысль в остроумной форме: «Есть пятьдесят способов сказать "да", пятьсот способов сказать "нет" и только единственный способ написать эти слова».

Проведенные исследования по проблеме вариантности (К.С. Горбачевича, Р.П. Рогожниковой, Н.Н. Семенюк и др.) убедительно показали, что вариантность в системе живого языка – это извечная форма ее развития. Как элементы, неизбежно сопутствующие языковой эволюции, варианты появляются в результате трансформации языковых средств вследствие контакта литературного языка с разного рода стратами (диалектами, другими языками, профессиональной речью, просторечной или жаргонной стихией и т.п.).

Всем типам вариантов свойственны такие общие черты, как структурность, регулярная воспроизводимость в пределах всей исторической фазы сосуществования вариантов, употребительность, связь с внешними и внутренними факторами, воздействующими на их функционирование. Процесс взаимодействия этих факторов предстает перед нами как процесс многовариантного типа. Современная лингвостатистика показала "иллюзорность строгого детерминизма" (по выражению статистиков), установила вероятностный характер употребления вариантов в речи. Элемент неопределенности может быть сведен к

уточненному характеру распределения вероятностей функционирования конкурирующих языковых единиц.

Исследование вариантов убедило также в необходимости системного подхода, который позволяет комплексно сочетать все необходимые аспекты – количественные, функционально-семантические, стилистические и структурные. Принципиальным является тот факт, что значительные группы вариантов состоят из взаимосвязанных категориальных подсистем различной природы, автономия каждой из которых соответствует отдельным подсистемам фонетического, грамматического или лексического уровня. Так, по грамматическим свойствам языка разграничиваются варианты имени и глагола; варианты имени, в свою очередь, распадаются на варианты существительных, прилагательных, местоимений и т.д. Существенным признаком систем вариантности является определенный порядок взаимозависимости и соподчинения определенных подсистем и в то же время некоторая степень неопределенности в употреблении варьирующихся единиц.

Недостаточная кодифицированность нормы, отсутствие нормативных указаний об употреблении некоторых вариантов в словарях (толковых и ортологических), слабая разработанность правил в учебниках и грамматиках являются существенными причинами, оказывающими влияние на процесс развития варьирования языковых единиц. Нормативные решения должны разрабатываться с учетом влияния как факторов, постоянно действующих в течение длительного периода, так и временных, периодических или случайных факторов.

Проблема соотношения эмпирического и теоретического уровней в работе, связанной с активной нормализаторской деятельностью языковедов, всегда вставала перед исследователями как один из важнейших аспектов их культурно-речевой деятельности. Сама жизнь заставляла придавать русскому языку высокий государственный статус. Вместе с тем вопрос о государственном нормировании русского языка широко никогда не ставился, если не считать, конечно, времени начала работы Российской Академии во главе с Е.Р. Дашковой. Этим занимались трудолюбивые и талантливые составители словарей и грамматик – и только! На протяжении прошедшего семидесятилетия после октябрьских событий русский язык благодаря деятельности средств массовой коммуникации превращался в язык казенной идеологии. Достаточно вспомнить, как говорили и писали партийные деятели в звеньях государственного аппарата, как говорила и писала хрущевско-брежневская верхушка.

Партийный "спецяз", бюрократический канцелярит... – все уродливые явления, обусловленные навязанными "сверху" идеологемами, относятся к сфере функциональных и стилистических особенностей современной речи в определенных ее жанрах. Очевидно, лингвистическое вмешательство должно проявляться не только в отборе и рекомендации предпочитаемых литературных языковых средств (орфоэпических, грамматических, лексических), но и в определении системы ценностных стилистических ориентаций, касающихся и языка средств массовой коммуникации, и языка делового партнерства, и языка улицы.

Сложившееся массовое употребление (особенно в просторечной или еще более сниженной уголовной среде) – это далеко не то употребление, которое может служить моделью для подражания. Следовательно, система рекомендаций языковедов должна опираться на то употребление, которое соответствует не только правилам, установленным в словарях и грамматиках, но и другим существенным критериям: национальному этикету, хорошему вкусу, системе этических норм – словом, всему складу традиционной отечественной культуры, которая воспринимается обществом как образцовая.

Нельзя не признать справедливыми предложения, высказанные Е.Н. Ширяевым по поводу проблем нормализации: "Следует заметить, что лингвисты в области нормирования литературного языка обычно выполняют функцию фиксаторов того, что есть. Между тем их роль могла бы быть более активной" (см. подробнее [31, 40]). Одним из условий успешной экспертизы должно быть и соблюдение высоких требований, предъявляемых к экспертам. В качестве экспертов должны выступать бесспорные авторитеты, чьи глубокие и профессиональные знания в области современного литературного языка и понимание ими существующих тенденций развития норм не вызывают сомнений. С этой точки зрения могут представлять определенный интерес разработки вопросов прогнозирования развития языка и использованием экспертных оценок.

В 1988 г. в отделе культуры русской речи был подготовлен сборник статей на тему "Лингвистическое прогнозирование и культура речи", рекомендованный к печати, но так и неопубликованный. В нем рассмотрена проблема изучения общих принципов регулирования языковых явлений, связанных с оценкой тенденции развития языка и прогнозированием путей и процессов его обновления. Объект исследования – факты и явления русского языка на всех его уровнях (варианты, ошибки, диалектные и просторечные отклонения от литературной нормы).

Научная цель исследования закономерностей развития нормы обусловлена в первую очередь необходимостью теоретического решения ключевых вопросов формирования и осуществления научно обоснованной лингвистической политики. Не менее актуальны задачи, стоящие перед нормализаторской деятельностью, когда речь идет о выработке достаточно аргументированных рекомендаций в трудных случаях языкового употребления.

Выбор рациональных нормативных решений не может основываться только на интуиции лингвиста или простого носителя языка и на его здравом смысле. Современные ортологические исследования нуждаются в систематически разработанных прогнозах, которые должны опираться на обширный и доброкачественный фактический материал. Прогнозирование пороговых величин процессов развития нормы, знаменующих ее переломное изменение, – этот аспект анализа связан с представлением о продолжении в будущем тех тенденций, которые сложились в прошлом. Нормативно-целевой прогноз должен опираться на установленную систему активных показателей, с тем чтобы предвидеть возможность их дальнейшего воздействия на языковой процесс.

Уже начиная с 50-х годов в нашей стране разрабатывались основы прогностики как научной дисциплины, которая изучает общие принципы и методы прогнозирования развития объектов любой природы [1]. Термин "прогноз" вошел в научный обиход сравнительно недавно, но к понятию, им выражаемому, наука обращалась на протяжении длительной истории. В сборнике рекомендуемых терминов, изданном Комитетом научно-технической терминологии, предлагается следующее определение прогноза: "Научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления" [23]. Обычно прогноз носит вероятностный характер. Это значит, что всегда остается возможность для сомнения. Важно все же, что позитивное прогностическое утверждение обладает определенной степенью достоверности. Оно тем более обоснованно и полно, чем надежнее и полнее исследование базового периода, прогнозного фона и всей совокупности условий, существенных для прогноза.

Конечно, методы и приемы лингвистического прогнозирования разработаны пока еще недостаточно, и работ в области прогнозирования нормы не так уж много. Посвященные прогнозированию нормы впервые были опубликованы в 60–70-е годы [5; 6].

В 1971 г. вышла в свет книга "Вероятностное прогнозирование в речи", а в 1974 г. – "Прогноз в речевой деятельности". В этих работах понятие прогноза в речевой деятельности относилось к комплексу операций обнаружения, сличения, идентификации, которые обеспечивают текущее распознавание речи человеком. Психологические аспекты речи, связанные с ее порождением и восприятием у людей здоровых, с одной стороны, и больных шизофренией – с другой, были избраны в качестве основного объекта исследования.

Вероятностный прогноз речевого поведения основан на обширном анализе статистических данных и, как считают авторы, значительно расширил "арсенал методов исследования речевого поведения" [22, 6]. Эти работы подтвердили широкие возможности экспериментальной лингвистики. Многосторонний подход к постановке прогностических задач проявился в том, что в исследованиях учитывались не только лингвистические факторы, но и данные экспериментальной психологии, психофизиологии и клинической психологии.

В 1984 г. была опубликована популярная книга К.С. Горбачевича "Русский язык. Прошлое, Настоящее. Будущее". В главе "Взгляд в будущее" автор писал: "Прогнозирование развития языка, установление продуктивных тенденций и наиболее перспективных, наиболее вероятных форм выражения в будущем – это не гимнастика ума, не отвлеченная схоластика, а живое, нужное дело, подсказанное самой практикой нормализаторской деятельности... Конечно, прогнозирование языкового будущего – дело в то же время необычайно труднос, трудоемкое и даже рискованное, а результаты его весьма ограничены и относительны. Языкознание делает пока первые шаги на этом тернистом пути..." [4, 154].

Излагая тактику языковых прогнозов, К.С. Горбачевич подчеркивал мысль о необходимости комплексного использования всех воз-

можных методов, которые могут быть применены в процессе прогностического исследования: экспериментального и статистического, аналитического и дедуктивного, гипотетического и т.д. [4, 165]. В развитие этой плодотворной идеи хотелось бы добавить следующее. В разработанной методологии прогностики существуют неформальные способы оценки предположений, исходящие из общетеоретических принципов. Таков, в частности, метод исторической аналогии, "основанный на установлении и использовании объекта прогнозирования с одинаковым по природе объектом, опережающим первый в своем развитии" [23, п. 76].

В некоторых статьях упомянутого выше неопубликованного сборника "Лингвистическое прогнозирование и культура речи" используется как раз метод исторической аналогии. Так, в статье Н.В. Новиковой "Новообразования в фантастике: современность и предвидение" показано, каким образом происходит номинация в жанре фантастики, как авторы, создающие неологизмы будущего, раскрывают и реализуют потенциальные возможности, заложенные в современной языковой системе. Многие из тех номинаций, которые совсем недавно использовались только в фантастической литературе, теперь уже стали настоящим литературного языка: *гуманоид, сталкер, глайдер, кибер, гипно* и т.д. Анализируя многочисленные словообразовательные ряды этих номинаций, В.Н. Новикова замечает: научная фантастика «является как бы своего рода экспериментальным полигоном, на котором писатели "обкатывают" не только новые идеи, но и довольно многочисленные языковые новшества».

В ряде статей сборника разрабатываются экспертные методы прогнозирования, а также методы, связанные с прогнозированием поведения системных единиц в тексте (на основе изучения законов порождения текста). Автором же данной главы использованы приемы перспективного прогноза на базе моделирования временны́х рядов. В данной главе представляется важным не столько показать приемы частных прогностических решений в применении к отдельным языковым явлениям, сколько дать представление о прогнозе как о едином целостно-системном подходе к языку, в основных своих звеньях скрепленных общей идеей.

Сама задача системного лингвистического прогноза не является чисто формальной – она должна определяться постановкой проблемы, т.е. исходить из назначения прогноза, природы и конкретных особенностей изучаемых лингвистических процессов, характера полученных исходных данных. Важно подчеркнуть одно: системный подход позволяет комплексно сочетать все необходимые аспекты, которые должны быть учтены в исследовании, – количественные, функционально-семантические и структурные. Сущность системного подхода особенно ярко обнаруживается в применении к явлениям грамматической вариантности.

Сочетание "ошибочного" и "правильного" в употреблении вариантов, объективного и субъективного факторов, влияющих на это употребление, относительная автономность отдельных грамматических категорий и пути взаимодействия категорий с грамматической подсис-

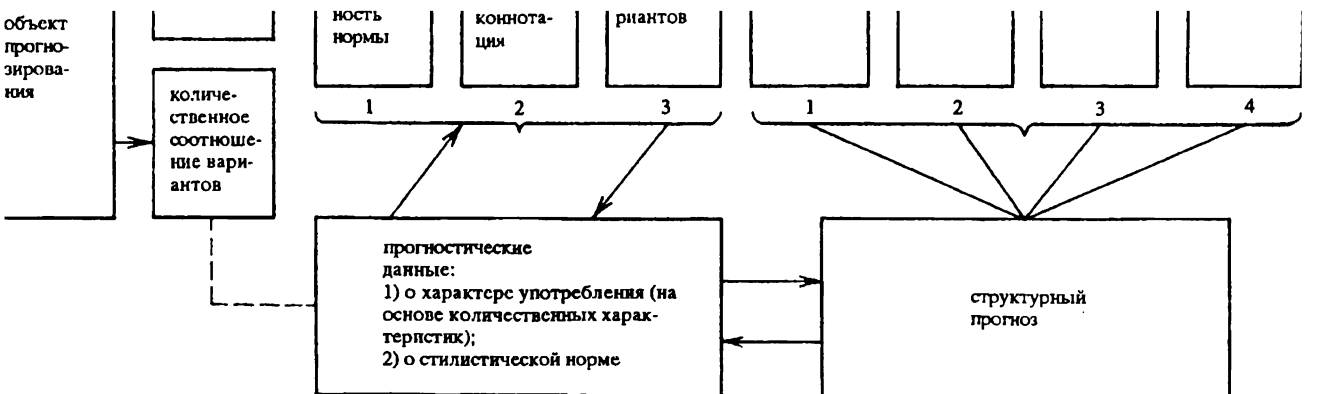
темой и системой в целом – все эти разносторонние аспекты процесса варьирования должны быть отражены в модели системного прогноза. Поскольку лингвистический прогноз мыслится как важный ориентир в разработке определенных решений, важно, чтобы в модели прогноза были отражены все основные стороны наблюдаемого процесса.

Подчеркнем главную мысль: в настоящей главе предпринимается попытка создания модели системного прогноза, в которой сводятся воедино, синтезируются наиболее существенные показатели, оказывающие влияние на эволюцию нормы. При этом оказываются важными и внешние, и внутренние факторы. В прогностике их называют экзогенными (вызываемыми внешними причинами) показателями и эндогенными (вызываемыми внутренними причинами) показателями. Так, к экзогенным показателям относится рост частоты употребления вариантов в связи с актуализацией инвариантной формы. Показатели, относящиеся к социологическому аспекту речи, также должны рассматриваться в тесной связи с факторами, внешними по отношению к языковой системе.

Как уже упоминалось, наряду с экзогенными показателями в модели должны быть учтены показатели эндогенного характера, вызываемые внутрисистемными языковыми причинами. Структурные компоненты составляют наиболее важную часть всей модели системного прогноза. Ниже дано графическое изображение модели системного прогноза. При этом следует отметить, что, поскольку системный прогноз можно корректировать в различных направлениях, схема, содержащая наиболее существенные компоненты, может видоизменяться в каждом конкретном случае при непосредственном обращении к языковому материалу.

Одно из назначений модели – обнаружить зависимость (эластичность) показателей, динамика которых выявляется с помощью расчетов на основе экспериментальных наблюдений. Системная модель помогает наглядно показать сложившийся стереотип динамического равновесия взаимодействующих факторов, который оказывает влияние на ход варьирования, а тем самым и на характер выводов, заключающих экспериментальную работу. На схеме отражены, с одной стороны, варьирующиеся переменные, которые служат отправными для прогнозных расчетов величинами. С другой стороны, в правой части графика помещены стабильные структурные показатели, которые влияют на динамику переменных величин. В левой части схемы помещаются статистические данные, полученные в результате проведенного эксперимента. В целом схема носит обобщенный характер.

В представленной модели сочетаются количественный, качественный, семасеологический и структурный аспекты. Что касается "квантифицированной" части прогноза, количественно и хронологически отнесенного к ближайшему периоду времени, то для него обязательно накопление необходимой статистической информации. Поскольку процесс эволюции литературной нормы развивается сравнительно медленно, на первый взгляд плавно и в одном направлении, целесообразным представляется обращение к традиционному, наиболее испытанному и раз-

объект прогнозирования
количественное соотношение вариантов
ность нормы
коннотация
риантов
1
2
3
1
2
3
4
прогностические данные:
1) о характере употребления (на основе количественных характеристик);
2) о стилистической норме
структурный прогноз

работанному приему перспективной экстраполяции ряда численных значений показателя количественных соотношений конкурирующих вариантов за длительный период времени. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, продолжает действовать и в ближайшем будущем. Суждения о будущей литературной норме основаны на детальном исследовании ее прошлой эволюции. Согласно английской пословице, "Грядущие события назад свою бросают тень".

Ниже помещена модель системного прогноза для грамматических вариантов. Если каждую из клеток заполнить конкретными показателями, то на выходе будет получена прогнозная информация, которая позволит определить предпочтительность нормативных квалификационных характеристик.

Приведенная схема ориентирована на конкретный прогностический анализ ряда грамматических явлений. Например, в этом отношении привлекала внимание подвижная, колеблющаяся норма употребления топонимов в современном литературном языке. Склонение топонимов представляет собой один из неустойчивых фрагментов грамматической системы. Как известно, топонимы составляют достаточно крупный пласт наименований. Во второе издание "Словаря географических названий СССР" (М.: Недра, 1983) включено более 17 000 названий, а в третьем издании "Словаря географических названий зарубежных стран" (М.: Недра, 1986) содержится 40 000 названий. Поскольку пословной кодификации топонимов в наиболее известных нормативных словарях не проводится, в практике работы отдела культуры русской речи ИРЯ РАН приходится постоянно сталкиваться с вопросами, касающимися грамматических характеристик топонимов. В частности, одним из наиболее спорных является вопрос о склоняемости или несклоняемости топонимов в сочетаниях с географическим термином (типа *в местечке Хансунг – в местечке Хансунге, из города Чан-лин-сянь – из города Чанлин-сяня*). В наши дни создается "Энциклопедия российских деревень". Составителями энциклопедии были заданы вопросы о склоняемости названий типа *Ликино-Дулево, Соболево-на-Камчатке, Юрьево-Девичье* и т.д.

В конце 70-х годов автором данной главы была проведена работа по теме "Современная норма склонения топонимов". Под этим же заголовком в сборнике "Ономастика и грамматика" была опубликована статья (М.: Наука, 1981). На обширном статистическом материале, методика получения которого детально охарактеризована, в статье прослеживалась история становления нормы склонения топонимов с начала XX в. до середины 70-х годов. Тенденция развития нормы проявлялась в изменении количественных показателей, приуроченных к последовательно сменяющимся хронологическим периодам – начала XX в., середины XX в. и конца 60-х – начала 70-х годов. Однако "жизнь неуклонно транспонирует будущее в настоящее, настоящее – в прошедшее". На основе полученных статистических данных, характеризующих употребление топонимов на протяжении всего шестидесятилетия, выявленная динамика нормы в середине 80-х годов послужила фактической основой для построения прогнозной ретроспекции.

Таблица 1

Динамика роста несклоняемой формы топонимов в конструкции "географический термин + топоним" в косвенных падежах

Временной интервал (годы)	Средняя частота* (уровень ряда)	Прирост	Средний коэффициент роста	Темп роста
1901–1913	0,259	–		–
1930–1960	0,407	0,148	1,74	$\frac{0,148}{0,259} \approx 0,57$
1966–1975	0,783	0,376		$\frac{0,376}{0,407} \approx 0,92$

* В таблице указывается средняя частота употребления несклоняемых форм за исследованный отрезок времени.

На основе этих данных рассчитан ряд необходимых статистических показателей (см. табл. 1).

С помощью среднего коэффициента роста (1,74) сделаем расчет: 0,407 × 1,74 = 0,70818. Этот результат ориентирует относительно уровня ряда для десятилетия. Частота несклоняемых вариантов не должна быть ниже частоты ≈ 0,7. Такова экстраполированная теоретическая величина, которая хорошо согласуется с полученными эмпирическими данными, помещенными в табл. 2. Таблица содержит данные по употреблению склоняемых и несклоняемых вариантов топонимов в профессионально-публицистической речи.

Вследствие большой инерционности лингвистических процессов в рамках относительно коротких временны́х интервалов (от 10 до 30 лет) основное внимание приходится уделять выявлению общих тенденций эволюции нормы. Вместе с тем итоги предыдущего исторического развития непосредственно ориентируют нас не только на современную норму и существующие формы ее воплощения. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, может быть перенесена на будущее, при этом характеристика процесса исследования может принять и более конкретные очертания. Здесь важно подчеркнуть различие между прогнозом и тенденцией. Функция прогнозирования заключается в оценивании в недалеком будущем конкретных реализаций изучаемых процессов, тогда как тенденция есть не что иное, как преобладающее направление развития событий, некоторые общие закономерности эволюции. Прогнозируемая величина в конкретной форме характеризует результаты процесса, осуществляющегося в рамках действующей тенденции.

Выявленная в ходе исследования существенная черта однонаправленности развития получает яркое выражение в таком важном аспекте динамики нормы, который характеризуется понятием необратимости процесса. Несмотря на морфологическое своеобразие топонимики, ее современные грамматические свойства находятся в прямой зависимости от состояния нормы в общеязыковой системе. Поэтому те грамматические формы, которые были нормативными в XVIII–XIX вв., в наши

Таблица 2

Употребление конструкции "географический термин + топоним" в косвенных падежных формах
(в письменных текстах 1966–1985 гг.)

I				II		
Номер выборки	Год	1966–1975 гг.		Год	1976–1985 гг.	
		Абсолютные данные (слева – несклоняемые, справа – склоняемые)	Процентное соотношение (слева – несклоняемые, справа – склоняемые)		Абсолютные данные (слева – несклоняемые, справа – склоняемые)	Процентное соотношение (слева – несклоняемые, справа – склоняемые)
1	1966	160/58	72,48/27,52	1976	346/81	81,03/18,97
2	1967	247/67	78,67/21,33	1977	427/93	82,01/17,99
3	1968	269/69	79,59/20,41	1978	371/116	76,2/23,8
4	1969	253/84	75,08/24,92	1979	271/103	72,27/27,63
5	1970	273/104	72,42/27,58	1980	490/109	81,81/18,19
6	1971	320/111	74,25/25,75	1981	382/106	78,28/21,72
7	1972	460/81	83,18/16,82	1982	476/123	79,5/20,5
8	1973	380/95	80/20	1983	380/123	75,55/24,45
9	1974	400/124	76,15/23,85	1984	420/110	79,25/20,75
10	1975	419/85	85,12/14,88	1985	297/89	76,9/23,1
$\overline{X}$		318,1/87,8	78,37/21,63		386/105,3	78,54/21,46

дни будут интерпретироваться как отклонения от современной нормы литературного языка. По существу, возврат к старым грамматическим нормам в современном литературном языке невозможен. Ни один современный писатель не назвал бы свой рассказ так, как назвал его И.С. Тургенев – "Вечер в Сорренте" – в XIX в. еще были употребительны склоняемые формы иноязычных топонимов на *-о, -и*. Теперь такие формы могут использоваться только со специальным стилистическим заданием, а в нейтральной строго нормативной речи склоняемость этих форм не рекомендуется грамматикой.

Конечно, можно в разговорной речи или в интеллигентском просторечии услышать выражения, подобные следующим: "невеста Мехики", "отдыхал в Сочах" (аналогично склонению несклонямых апеллятивов – "поехать на метре"). Однако в литературном языке такие формы могут быть употреблены как характерологические, как специально задуманное и обыгранное автором целесообразное отступление от литературной нормы, которое лишь подтверждает существование твердого правила. Можно привести такой пример. Е. Марков в книге "Россия в Средней Азии" в XIX в. писал: "Впрочем, русскому сердцу все-таки утешительно вспомнить, что теперешние безопасные наши странствия по всем этим Новороссийскам, Афонам, Сухумам – далеко уже не то, чем были когда-то сношения с этим злополучным берегом прежних плавателей" (цит. по [13, 1]).

В XIX в., да и в начале XX в., названия кавказских городов *Сухум, Батум, Тифлис, Пассанаур* употреблялись в склоняемой форме. Лишь в послереволюционные годы утвердилась иная, неизменяемая фонетико-морфологическая форма названий. В современном литературном тексте употребление склоняемых вариантов в выражениях типа "природа города Сухума", "виды города Батума", "старая дорога в Тифлис" воспринимается как дань прежним историко-этнографическим описаниям. Склоняемые формы этих топонимов стали типичными историзмами.

Как показывает проведенное исследование, в самом развитии новой нормы отчетливо выделяются три фазы, в течение которых происходило созревание будущих элементов нормы. Прежде всего обращает на себя внимание л а т е н т н ы й п е р и о д, когда зарождались предпосылки новых норм внутри старой нормативной системы. Проявления новых форм были случайными, спорадическими, единичными. В литературном языке этот период относится к дореволюционному времени. Исследователь О.И. Лабунько, которая изучала склонение географических названий на протяжении XVIII–XX вв., отметила тот факт, что рост несклоняемых форм стал особенно заметным только в литературном языке XX в. Однако уже и в начале XIX в. можно было встретить несклоняемые варианты. О.И. Лабунько приводила, в частности, такие примеры несклоняемости топонимов в начале XIX в.: "Маршал Виктор и генерал Груши... остановились на выгодном местоположении, заняв войсками правого крыла Диенвиль, утвердя средину в Ларотьер..." (Ф. Глинка. Письма русского офицера. 1815. Ч. 7. С. 157); "Я нашел себе очень приятное убежище от скуки в Гемниц, где стоял наш Вагенбург" (Р. Зотов. Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов.

1836. С. 153). Тогда же изредка употреблялись и первые несклоняемые топонимы в функции приложения, конечно в тех случаях, когда географические названия были иноязычными и обозначали отдаленные неизвестные населенные пункты: "Сей залив называется... от уездного города Чан-лин-сянь на юг – Мин-хай" (И. Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. 1842. С. 8) [13, 136].

Новая фаза развития характеризуется чертами становления нового качества. В этот п е р е х о д н ы й п е р и о д количественные накопления достигают пикового состояния и знаменуют собой переход к новой норме. Для склонения топонимов в функции приложения таким переходным периодом стали 40–50-е годы XX в. Можно согласиться с теми исследователями, которые предполагают, что в период Великой Отечественной войны норма испытывала воздействие экстралингвистических факторов – под влиянием языка военного времени, стиля военных приказов тенденция к несклоняемости географических названий еще более углублялась и упрочивалась [17]. Однако и в послевоенный период процесс усиливался, а не угасал. Эта переходная стадия характеризовалась наиболее острой конкуренцией форм, неопределенностью и неустойчивостью нормы, равновероятностью употребления вариантов.

На третьей стадии развития заметно более определенное становление новой нормы, пришедшей на смену старой. Именно эту фазу исторического развития проходит сейчас склонение топонимов в функции приложения.

Необходимо отметить, что количественные показатели, с помощью которых объективируется и конкретизируется динамика нормы, все же не раскрывают полностью качественного своеобразия протекающего процесса. Поэтому задача научной прогностики предполагает необходимость анализа не только количественных, но и качественных параметров системы.

Исследователи проблем прогнозирования справедливо отмечают, что в процессе прогностического анализа следует иметь в виду «...характер отношений как в "пространственном" плане (синхронном), что дает будущее как "сеть", так и во "временном" плане (диахронном), что дает будущее как "стрелу"» [23]. В связи с этим необходимо вернуться к приведенной выше схеме – модели системного прогноза. Наряду с количественными показателями модель включает экзогенные и эндогенные показатели, расположенные на схеме в порядке значимости и силы влияния на характер варьирования форм. Представляется целесообразным в прогностических целях прокомментировать собранный материал с точки зрения влияния отмеченных факторов.

Факторы, связанные с грамматическими свойствами топонимов, в модели системного прогноза помещены на второе и третье место. Однако значение этих факторов нельзя недооценивать. Морфологическая структура топонима и тип его конечной морфемы в значительной мере определяют выбор того или иного варианта. Прежде всего следует сказать о структуре топонима. В тех случаях, когда топоним не является однословным названием, а представляет собой или

сложносоставное наименование, или словосочетание, вероятность выбора несклоняемого варианта в составе приложения резко возрастает. За ограниченностью места можно привести лишь некоторые примеры подобных топонимов из выборки последнего десятилетия: *на реку Северная Сосьва, у реки Большая Алмаатинка, на реках Левая и Правая Фролиха, по реке Аян-Юрах, у реки Биамо Кхуцинская; к городу Камень-Каширский, в районе города Новоград-Волынский, в городе Корсунь-Шевченковский, до города Спасск-Рязанский, в районном центре Старо-Субхангулово, в местечке Мария-дель-Кармен, у нанайского села Улика-Национальная, у села Вяжи-Заречье, к селу Вита-Почтовая, в поселении Красные Станки, у села Марфин Брод, в село Пролей-Каша, в деревне Воля-Высоцкая, по озеру Улуг-Куль, за водоразделом Ямпо-ты-Вис, до ледника Восточный Мугур, до горы Печорья-Голях-Чахль, на горе Ери-Тайга, с вершины Северная Демерджи* и мн. др. Как свидетельствуют примеры, такие наименования в составе приложения удобнее употреблять в несклоняемой форме. Лишь в конструкции "топоним на реке" сохраняется склоняемость названия: *в городе Николаевске-на-Амуре, из г. Ростова-на-Дону, близ города Комсомольска-на-Амуре* и т.д.

Внешняя морфологическая форма топонима относится к ряду сильнодействующих факторов, влияющих на способность наименования к формоизменению. Эта черта особенно ярко прослеживается в склонении иноязычных топонимов. Иноязычные топонимы на *-и, -у, -о, -е* без колебаний вошли в разряд несклоняемых слов (*в столице Финляндии Хельсинки, в царстве Урарту, около Пунта-дель-Эсто, в Буркина-Фасо, в крепости Чуфут-Кале*).

Некоторые колебания испытывают наименования на *-а* с предпочтительным употреблением несклоняемых вариантов: *в порту Осака, к городу Санта-Клара, из деревни Кеврола, в селе Онага, на острове Абрука*. Практически не склоняются топонимы на *-а* в сочетании с административными терминами "штат", "республика", "княжество", "королевство", "провинция", "муниципия", "департамент", "кишлак", "аул", "аил": *в штате Флорида, Алабама, Баиа; из Республики Куба, Гана, Ботсвана, Уганда, Гайана, Гватемала, Панама* и др.; *возле кишлака Ахмета, из кишлака Гохона* (исходные формы – *Ахмета, Гохона)* и под.

В наибольшей степени склонность к формоизменениям в функции приложения обнаруживают топонимы на согласный. Однако и в этой группе по сравнению с XIX в. неустойчивость в употреблении форм усилилась: численное превосходство в современной письменной речи – на стороне несклоняемых форм: *в женевском аэропорту Куантрэн, в районе Куррам, на реке Альмендарес, в городке Певек, вокруг города Кайлай, от города Георгиу-Деж, цирк ледника Терскол, за рекой Оюмрак, к полонине Мунчерык, мимо урочища Дилок, в окрестностях холма Саулескалнс, из ущелья Джиналач* и др. Иноязычные наименования княжеств, королевств, герцогств, штатов, провинций на согласный и на *-й* употребляются только в несклоняемой форме: *в Народной*

Республике Бангладеш, из Демократической Республики Вьетнам, из Восточной Республики Уругвай, в Объединенной Республике Камерун; за Республикой Чад, Эквадор, Сенегал, Заир; в Княжестве Лихтенштейн, в Королевстве Непал, в деревне департамента Коррез, в провинции Зя динь и мн. др.

Склоняются иноязычные топонимы на твердый согласный в тех случаях, когда они называют известный город, реку, населенный пункт: *в столице Северной Ирландии Белфасте, из города Нью-Йорка, в городе Загребе, на реке Тибре, на реке Ниле* и т.д.

В итоге анализа материала можно считать доказанным положение о том, что при изучении нормы нельзя рассматривать факты варьирования изолированно, в отрыве от взаимосвязей с условиями не только системно-грамматическими, но и позиционно-синтаксическими. Наблюдаемые закономерности должны быть увязаны, синтезированы в единый комплексный узел. Хотя в процессе исследования приходится препарировать материал, рассматривая его в зависимости от тех или иных факторов, на конечном этапе исследования процесс должен быть охарактеризован комплексно, причем принципиальное значение приобретает иерархия факторов, анализ которых выявляет наиболее существенные линии взаимодействия.

Поскольку конкретный анализ материала дал возможность сделать отбор существенных, доминирующих факторов и определить направление кодификации, в итоге важно показать практическую значимость проведенных разработок, усилив их прогностический характер.

На базе сделанного прогноза оптимальное решение предполагает необходимость установления различий между разными подходами к задачам кодификации. При одном подходе осуществляется тенденция к унификации варьирующихся языковых форм. При другом подходе рассматривается более широкий спектр допустимых вариантов. Поскольку кодификация по своей природе консервативна, исследователю надо по отклонению от нормы, по характеру функционирования зафиксировать тип переломных сдвигов, когда употребление нетрадиционных вариантов выходит за границы кодифицированной нормы и происходит рождение новой закономерности. Второй подход позволяет динамично применять критерии нормативности в зависимости от фиксируемого состояния вариантности.

Первый и третий периоды по времени намного более продолжительны, чем переходный период, характеризующийся острой конкуренцией вариантов, равновероятностью их употребления. Этот период у топонимов приходился на конец 40-х – 50-е годы и составлял немногим более одного десятилетия, тогда как в первом периоде предпосылки развития новой нормы складывались на протяжении целого ряда десятилетий – в XIX в. и в первой половине XX в.; третий же период зафиксирован с начала 60-х годов и длится по настоящее время. Как видим, процесс не развивался равномерно и каждому новому этапу не соответствуют хронологические отрезки равной длины.

Естественно, что в каждый из этих трех периодов в процессе кодификации нормы на первый план выдвигаются разные критерии нормативности. Поэтому и задачи нормализации на протяжении всего наблюдаемого процесса эволюции нормы существенно меняются. В латентной фазе, пока еще не обнаружились слишком явно диссонансы между кодифицированной нормой и употреблением, нормализатору важно сохранить привычные грамматические нормы. Критерий традиционности литературной нормы в этом случае является ведущим. Когда же развитие новой нормы достигает пика и варианты смешиваются в употреблении, естественно признать факт их сосуществования. Критерий употребления, или речевого узуса, т.е. реализации языковой системы в определенных условиях общения, на этой стадии развития выдвигается на первый план. Упоминается факт существования традиционной нормы и констатируется факт возникновения новой. На третьей же стадии более отчетливого становления новой нормы появляется необходимость существенного пересмотра старых норм, которыми приходилось руководствоваться прежде. В этом случае на первый план выдвигается критерий соответствия новым стилистическим условиям употребления, новым коммуникативным потребностям.

Как показано на схеме модели системного прогноза, недостаточная кодифицированность нормы отнесена к числу самых важных внешних факторов, влияющих на динамику процесса. Поскольку и широкий пласт топонимических названий (так же как и ономастических) в толковые словари не включается, а грамматические правила употребления применительно к этой лексике не детализированы в нужном объеме, было бы целесообразно, чтобы в переизданиях "Словаря географических названий СССР" (при переиздании он будет, конечно, переименован) и "Словаря географических названий зарубежных стран" приняли участие лингвисты. В первую книгу включены названия всех городов, поселков городского типа, райцентров, наименования административных единиц первого и второго порядка. Второй словарь "имеет целью установить единое русское написание названий наиболее крупных географических объектов зарубежных стран во всех публикуемых научных, справочных, информационных изданиях, в периодической печати и т.д." [26, 3]. В обоих словарях дается только исходная форма. Необходимо добавить к этой информации хорошо разработанные нормативные грамматические пометы.

Предложенный метод представляется перспективным, когда в качестве объекта для изучения избираются группы вариантов, которые относятся к высокочастотным зонам, входят в состав емких грамматических моделей и охватывают значительные пласты лексики. В этих случаях установление вероятностных закономерностей развития литературной нормы помогает научному обоснованию языковой политики. В решении задач такого рода могут быть с успехом использованы достижения техники: применение компьютера повышает производительность труда. Формализованные операции приучают к более строгим логическим процедурам в исследовании и сулят в дальнейшем открытие новых, неизвестных еще закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование, М., 1979.

2. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XIX вв. М., 1990.

3. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

4. *Горбачевич К.С.* Русский язык: Прошлое. Настоящее. Будущее. М., 1984.

5. *Граудина Л.К.* Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. *чая – чаю*) // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

6. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации языка: Грамматика и варианты. М., 1980.

7. *Едличка А.* О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

8. *Елизаренкова Т.Я.* О факультативности и ее особенностях в древнеиндийском языке // Восточное языкознание: факультативность. М., 1982.

9. *Истрина Е.С.* Нормы русского литературного языка и культура речи. М.; Л., 1948.

10. *Ицкович В.А.* О языковой норме // Рус. яз. в нац. шк. 1964. № 3.

11. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

12. Культура русской речи: Тез. I Всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.) М., 1990.

13. *Лабунько О.И.* Склонение географических названий в современном русском литературном языке (наименования населенных пунктов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

14. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.

15. *Лихачев Д.С.* О словарях и словарниках // Рус. речь. 1973. № 2.

16. Машинный фонд русского языка. М., 1986.

17. *Миртов А.В.* Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // ВЯ. 1953. № 4.

18. *Ожегов С.И.* Вопросы нормализации современного русского литературного языка // Открытое расширенное заседание Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР (13–16 июня 1955 г.): Тез. докл. и выступ. М., 1955.

19. *Ожегов С.И.* Упорядочение русской орфографии // Вестн. АН СССР. 1957. № 1.

20. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

21. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.

22. Прогноз в речевой деятельности / Авторы: Р.М. Фрумкина (отв. ред.), А.П. Василевич, П.Ф. Андрукович, Е.Н. Герганов. М., 1974.

23. Прогностика. Терминология. М., 1978.

24. *Реформатский А.А.* Техническая редакция книги: Теория и методика работы. М., 1983.

25. Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник / Под ред. В.И. Аванесова, С.И. Ожегова. М., 1959.

26. Словарь географических названий зарубежных стран. 3-е изд. М., 1986.

27. *Степанов Г.В.* К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.

28. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. 2-е изд. М., 1975.

29. *Шварцкопф Б.С.* Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

30. *Шварцкопф Б.С.* Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы // Языковая норма и статистика. М., 1977.

31. *Ширяев Е.Н.* Культура русской речи: теория, методика, практика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 51, № 2.

32. *Havranek B.* Studie o spisovnem jazyce. Pr., 1963.

Глава 7

НОРМА В ПИСЬМЕННОМ КОДИФИЦИРОВАННОМ ЯЗЫКЕ

СПЕЦИФИКА НОРМ ПИСЬМЕННОГО КОДИФИЦИРОВАННОГО ЯЗЫКА

Специфика норм письменного кодифицированного языка вытекает из самого понятия "письменный язык" ("письменная речь"), из интерпретации его сущности и характерных особенностей. Как известно, при господстве младограмматических взглядов, "когда в науке о языке почетное место принадлежало фонетике, письмо не пользовалось благосклонным вниманием лингвистов" [11, 524]. Тем более, что письменный язык долго воспринимался лишь как простое отображение устного на бумаге. Ср. даже у Бодуэна де Куртенэ, впервые специально обратившегося к проблеме отношения русского письма к русскому (устному) языку: "...произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного; писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым" [3, 219] – в свете сегодняшнего распространения печатных текстов, предназначаемых для чтения "про себя" [66, 158]. И только с формированием системного подхода к языку, с подходом к языку как к структуре связано осознание в лингвистической литературе специфики письменного языка, осмысление соотносительности устного и письменного языка как отношений функциональной комплементарности между ними, признание "специфической функции письменной речи" (последняя становится "из вторичной знаковой системы... первичной"), свойственности ей собственной, "иной структуры" [11; 12]; иначе говоря, современная лингвистика исходит из идей "автономности" и "различной организации" двух "параллельных систем знаковой информации: оптико-графической и артикуляционно-акустической", при всей сложности их отношений [44] (см. обзор этой проблематики в кн. [1, ч. 1]).

Отметим, что в качестве главных средств письменного языка выступают графика и пунктуация. По А.А. Зализняку, определим графику как систему общеобязательных алфавитных графем, соотнесенную с фонетической системой и служащую для передачи ее на письме, – в отличие от орфографии как "совокупности правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания)", а пунктуацию – как систему неалфавитных графем, служащих для членения письменного текста [23, 137–138, 148, 150]. При этом некоторые графические средства могут выступать и как средства орфографии, и как средства пунктуации, например: пробелы (между словами и пунктуационно нагруженные знаками препинания), дефис (внутрисловный и висячий), отточие (как внутрисловный знак, употребляемый параллельно дефису, и как знак препинания), кавычки (как "семантико-стилистическая помета слова" и как знак препинания для выделения чужой речи) [40, 6–7, 10–11].

Вопрос о характере норм письменного кодифицированного языка непосредственно связан с проблемой соотношения последних с кодификацией. Под кодификацией (в отличие от нормализации – активного вмешательства в речевую практику, с разной степенью сознательности, аргументированности и масштабов, от утверждения или осуждения какого-либо слова до проблем языковой политики) понимается процесс письменной фиксации объективно существующих (действующих) языковых норм, фиксации, которая осуществляется лингвистом, а результаты его научной деятельности в этом плане – "правила" в "авторитетных руководствах" (грамматика, словарь, стилистика, справочник), адресованные пользующемуся языком обществу, всем носителям языка [25; 54; 27].

Внимание исследователей привлекли некоторые особенности процессов реализации письменного языка. В частности, Л.С. Выготский отмечал "бóльшую сознательность письменной речи по сравнению с устной" [15, 240] – эта черта естественно вытекает из того, что овладение письмом всегда есть не что иное, как результат целенаправленного обучения, при котором необходимо проделать путь от осознаваемого изучения правил правописания – через систему повторяющихся упражнений – ко вторично автоматизированному навыку письма. Именно это обстоятельство открывает возможность – в процессе обучения – решающего влияния со стороны кодификации норм письменного языка (орфографических, пунктуационных правил) на пишущего, на формирование у него установок в процессах письма. Тем самым определяются максимальные (по сравнению с различными уровнями языковой системы) возможности действия кодификации в письменной речи [24, 68–79], в аспекте "реализации кодификации" или "внедрения кодификации в практику" [20, 282].

Одна из сложностей кодификации языковых норм заключается прежде всего в том, что в языке мы имеем дело с процессом спонтанного формирования норм. Эти процессы складываются из двух моментов – отбора и закрепления. Понятие отбора является конституирующим для языковой нормы [38, 15]. Сущностное назначение отбора обусловлено самим понятием нормы: она «соответствует не тому, что "можно сказать", а тому, что уже "сказано" и по традиции "говорится"... включает *модели,* исторически *уже реализованные*», т.е. отобранные [29, 175]. Таким образом, лингвистической научно обработанной кодификации норм в "авторитетных руководствах" должны предшествовать спонтанные процессы отбора, распространения и формирования норм в сфере узуса (отстоявшегося употребления); эти процессы создают условия для кодификации норм, а сама кодификация, по выражению Б. Гавран(е)ка, "подкрепляет" стабильность и обязательность нормы [65, 87; 47].

В развитии теоретических взглядов на правописание (орфографию) большую роль сыграли идеи Пражского лингвистического кружка. Именно в его тезисах, подготовленных в 1929 г. для I Международного съезда славистов в Праге, содержится утверждение об орфографии как о "продукте чистой условности и практики" [49, 39]. Это утверждение,

в свою очередь, породило мысль о полном отождествлении нормы и кодификации в области правописания (вопреки идее их разграничения в теории Пражского лингвистического кружка). Например: правописание – сфера, "где норма и кодификация тождественны, где нормой является то, что кодифицировано... при наличии орфографических правил они и представляют собой норму правописания" [25, 34]; «...это тот случай, когда понятия "норма" и "кодекс правил" действительно идентичны. Норма правописания существует только благодаря кодифицированным правилам» [50, 95–96]. И – в качестве аргумента в пользу тождества "норма – кодификация" – Г. Фаска считает нужным различать и противопоставлять два типа норм в плане их возникновения: (1) "данные в языке" (обусловленные языковой системой, возникающие спонтанно и лишь регистрируемые лингвистом в ходе кодификации) и (2) "установленные" (толчок к функционированию исходит от нормализатора – от лица или от организации, предписавших данное правило). По Г. Фаске, нормам второго типа свойственны наименьшая степень варьирования и изменчивости, наибольшая степень устойчивости и обязательности, и именно таким критериям соответствуют нормы орфографии [там же, 94–97]. Схема кодификации этих норм имеет отправной точкой нормализационный акт "установления" правила – и тем самым Г. Фаска (как и В.А. Ицкович) как бы исключает возможность спонтанных изменений в процессе дальнейшего функционирования, в процессах массовой письменной (печатной) практики.

Памятуя, что за понятием правописания скрывается и орфография, и пунктуация, рассмотрим вопрос о характере функционирования пунктуационной нормы, чтобы убедиться, насколько утверждения В.А. Ицковича и Г. Фаски справедливы для пунктуационных норм. В отношении пунктуационных норм тезис об отнесении их к "устанавливаемым" не вызывает сомнений: к концу XVIII в. сформулированные М.В. Ломоносовым, Н. Курганoвым и А.А. Барсовым правила употребления охватывают практически почти весь корпус знаков препинания [52, 14–23]. Но эти нормализационные "установления" XVIII в. сыграли роль своего рода "пуска" русской пунктуационной системы; ее развитие определялось внутрисистемными отношениями и практикой художественной литературы, где происходило оттачивание функций знаков препинания.

Так, в "Русском правописании" Я.К. Грота (1-е изд. – 1885 г.) налицо некоторые (а) явно устарелые или (б) устаревающие рекомендации. Ср.: а) рекомендация обозначения "малого абзаца", т.е. сочетания "точка + тире" "для резкого разграничения двух рядом стоящих предложений" внутри абзаца [19, 101]: ...дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришел. – Старушка обмерла и онемела (Пушкин. Арап Петра Великого, гл. VI); б) рекомендация точки с запятой перед противительными союзами: Некоторые из послушных хотели его поймать и представить, как возмутителя, в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым... (Пушкин. История Пугачева, гл. 2), – допуская в этом случае и запятую ("при кратких предложениях") [там же, 102–103]. Отражение последнего правила

можно найти в Правилах 1956 г., где рекомендуется точка с запятой перед противительными союзами ("особенно если эти предложения значительно распространены или имеют внутри себя запятые", § 131), а запятая в этой ситуации рекомендуется "лишь в тех случаях, когда такие предложения тесно связаны между собой по смыслу" (§ 138); данные рекомендации можно связывать и с тем обстоятельством, что Правила 1956 г. в большинстве случаев опираются (как и Я.К. Грот) на примеры из художественной литературы XIX в. Д.Э. Розенталь ограничивает возможность употребления точки с запятой перед противительными союзами условиями значительной распространенности и наличия в сложносочиненном предложении запятых, считая нормой употребление в этой ситуации запятой [45, § 30, 31]. Как замечает Н.С. Валгина, активность точки с запятой в XIX в. в значительной мере связана с выражением противительных и присоединительных отношений; по ее наблюдениям над современной пунктуационной практикой, "основной тенденцией в употреблении точки с запятой является стремление сузить сферу распространения до четко обозначенных позиций: это синтаксическая однородность, перечислительные отношения" [8, 36–37].

Рассмотренные примеры (подробнее об этом см. [57, 134–135]) позволяют говорить об отставании правила от современной пунктуационной практики, что означает не что иное, как возможность в процессе функционирования пунктуационной системы спонтанного, вне сферы строгого подчинения предписаниям, появления и распространения новых тенденций в употреблении знаков препинания. Таким образом, схема развития пунктуационной нормы включает в себя: 1) нормализационный акт "установления", 2) функционирование, т.е. процесс массовой пунктуационной – письменной и печатной – практики, в рамках которой создаются условия для 3) спонтанного развития тенденций и норм употребления, отклоняющихся от "установленных" правил, нуждающихся, в свою очередь, в 4) кодификации, в процессе которой лингвист выступает уже не как нормализатор ("установитель" в XVIII в.), а именно как кодификатор.

Как мы видим в случае с пунктуационными нормами, свойственность последним возникновения с помощью нормализационного акта "установления" не отменяет основной схемы процесса кодификации (спонтанное формирование нормы в узусе – письменная регламентация уже сформировавшейся нормы), а лишь усложняет схему, объединяя то, что разъединяет и противопоставляет в своем тезисе Г. Фаска. Строго говоря, пунктуационная норма не может быть отнесена ни к первому типу норм ("данных в языке"), ни ко второму ("устанавливаемых") или, иначе, должна быть отнесена и к тому, и к другому: ко второму – в плане возникновения, к первому – в плане функционирования естественно развивающейся и изменяющейся пунктуационной системы. О спонтанном движении пунктуационных норм свидетельствуют и факты колебания, ср. хотя бы известное колебание "двоеточие – тире" (о колебаниях пунктуационных норм см. далее раздел "Синхронно-динамический аспект характеристики пунктуационных норм").

Не следует, однако, понимать сказанное так, что орфографической норме – в отличие от пунктуационной – не присуще внутреннее движение. Напротив, вопреки духу тезисов Пражского лингвистического кружка 1929 г., и здесь, в массовой орфографической практике, могут быть отмечены случаи, когда намечаются и развиваются тенденции употребления, спонтанно формируются нормы, тем более что "орфографические нормы обычно узаконялись через большой промежуток времени после появления и широкого развития письменности на данном языке и узаконялись не сразу все" [33, 13–14]. Любопытно отметить, что дальнейшая кодификация отсутствующих в правилах орфографических норм не всегда оказывается адекватной спонтанно образовавшимся тенденциям, и это может приводить к невыполнению правил (даже в отдельных словарях) и, следовательно, к разнобою в орфографической практике.

Так, специальное исследование было посвящено "процессу становления орфографической нормы" написания сложных прилагательных (слитное, дефисное, раздельное) в XIX–XX вв. При отсутствии соответствующего орфографического правила пищущие оказались на протяжении длительного периода "предоставлены своему языковому чувству" и имели возможность самостоятельного выбора одного из способов написания. Таким образом спонтанно складывалось предпочтение определенных написаний для одних словообразовательных типов сложных прилагательных и колебания для других [30, ч. 1]. Однако регламентация написания сложных прилагательных в Правилах 1956 г. (§ 80, 81) – на основе семантико-синтаксического критерия (сочинительная или подчинительная связь компонентов сложного прилагательного) – не разрешила всех противоречий в этом плане, разнобой и колебания здесь продолжались. В поисках разрешения противоречий составители словаря-справочника "Слитно или раздельно?" предложили иной – формально-структурный – критерий (наличие или отсутствие аффиксального оформления первого компонента сложного прилагательного) [48, 5–6]. В настоящее время здесь налицо ситуация, когда орфографическая норма написаний сложных прилагательных испытывает колебание в массовой практике, при наличии двух противоположных рекомендаций на базе разных критериев: семантико-синтаксического (Правила 1956 г., § 80, 81) и формально-структурного ("Слитно или раздельно?"). (Ср. аналогичную ситуацию в пунктуации: отсутствовало правило пунктуационного оформления вставки в скобках после конечного знака препинания, что породило колебание в постановке точки после второго элемента скобок, перед вторым элементом и даже и перед, и после второго элемента скобок. В то же время в лингвистической литературе налицо две прямо противоположные рекомендации: постановка точки после скобки [5, 142–143] и перед скобкой [8, 138–140; 34, 192–193]. Небезынтересно, что рекомендация по этому поводу в "Справочнике по пунктуации" Д.Э. Розенталя отсутствует, но при вопросе на эту тему он ссылался на прецедент в Правилах 1956 г. (§ 189) – написания типа "(Аплодисменты.)" для указания на "отношение слушателей к излагаемой речи какого-нибудь лица". Подробнее см. [57, 176–183].)

Ситуация колебания сложилась в сфере написания сокращений слов с двумя одинаковыми согласными (типа *кор.* или *корр.*). И здесь в XIX–XX вв. отсутствовало соответствующее правило, предоставляя выбор предпочтений самим пищущим, – и, по-видимому, это предпочтение не было угадано составителями Правил 1956 г., так как их рекомендация (точка после первой согласной) встречает сопротивление в массовой практике, предпочитающей написание с двумя согласными (типа *корр.*) [4, 50]. И здесь в настоящее время имеет место орфографический разнобой.

Еще один пример из орфографии: употребление буквы *э* после согласного в заимствованных словах. Попытка регламентации в "Русском правописании" Я.К. Грота заключалась в рекомендации писать *э* в иноязычных именах собственных, в нарицательных заимствованных – только букву *е*, делая исключения для тех слов, где в случае употребления буквы *е* были возможны переход *е* > *о* или "двусмыслие" (пример: *пэр*) [19, 77–78]. Правила 1956 г. фактически повторили эту рекомендацию, еще ограничив число собственных имен, а также нарицательных (исключения: *мэр, сэр* и тот же *пэр*) [42, § 9]. «Казалось бы, четкость правила с точным перечнем слов, пищущихся с *э*, исключает возможность орфографического разнобоя. Однако можно назвать десятки "нарушений" этого четкого правила, встречающихся не только в периодической печати, но и в словарях» (в том числе и в "Орфографическом словаре русского языка"). Дело, очевидно, в том, что "трудно учесть в с е слова (существующие и могущие войти в язык), где возможно написание *э*" [4, 45–46].

Таким образом, в орфографии, как и в пунктуации, наблюдаются случаи отсутствия "установления" некоторых правил и – на основе свободы выбора самими пищущими – формирование тенденций и норм употребления, достаточно четко проявляющих себя в массовой орфографической практике; кодификационный характер поздних (1956) регламентаций в этих случаях проявляет себя в том, что несоответствие правила спонтанно формирующимся тенденциям написаний порождает ситуацию "сопротивления" кодификации со стороны пишущих и в целом массовой практики. Но – в отличие от пунктуации, где колебания обусловлены главным образом разрешением противоречий во внутрисистемных отношениях между пунктуационными знаками, – противоречия и колебания орфографических норм суть следствие отставания правил орфографии от процессов развития словарного состава, от процессов развития некоторых грамматических категорий [37].

Этот беглый обзор характера функционирования – именно функционирования, а не беспрекословного выполнения правил – пунктуационных и орфографических норм позволяет сделать серьезную поправку к интерпретации норм письменного языка в духе Пражского лингвистического кружка как "продукта чистой условности и практики". Если бы нормы письменного языка – в отличие от закономерностей реализации единиц языковой системы – были бы действительно "чисто условны" (как прикажут, так и будете писать!), то оказалась бы

невозможной ситуация, когда, несмотря на наличие регламентации (сформулированного правила), имеет место колебание, пишущие своей практикой выдвигают альтернативный вариант пунктуационного оформления в контексте или написания в слове.

По-видимому, в формуле тезисов Пражского лингвистического кружка заложено противоречие между пониманием норм правописания как "продукта чистой условности" и "продукта практики": фактор массовой практики сам по себе обусловливает процесс функционирования, процесс употребления, в свою очередь накапливающий факты варьирования, созревания тенденций употребления и в конечном счете изменения норм. При этом возможны две схемы хода развития норм. Первая – при акте "установления" нормы (более типичная для пунктуации), когда дальнейшие процессы функционирования выступают условием для спонтанного формирования норм и их последующей кодификации. Вторая – при отсутствии акта "установления" нормы, т.е. при отсутствии правила (более типичная для орфографии), когда свобода выбора пишущего обусловливает спонтанное формирование тенденций и нормы в процессе массовой практики; их еще предстоит кодифицировать. И в том и в другом случае очень важна идентичность кодификации сформировавшейся норме (или тенденции употребления); несоответствие в плане "норма – кодификация" – источник колебаний и разнобоя. Следует подчеркнуть: если правило (в результате акта "установления" или кодификации) соответствует тенденциям употребления, оно имеет силу предписания, и в этом случае справедливо утверждение о том, что нормы п и с ь м е н н о г о языка "соблюдаются значительно строже", чем нормы единиц различных уровней языковой системы [25, 34].

Сказанное представляется существенным в связи с идеей об автономности письменного языка – при соотносительности и специфике устного и письменного языков. Как проявление языковой системы, нормы письменного языка представляют собой закономерности реализации графической и пунктуационной систем, формирующиеся, функционирующие и изменяющиеся по законам языковой системы – и в то же время как нормы письменного языка, обладающие значительной стабильностью, обязательностью и силой воздействия регламентации на употребление.

СПЕЦИФИКА ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ[1]

Установившийся в современной лингвистической теории – после работ Пражского лингвистического кружка и Э. Косериу – взгляд на языковую норму как на свойство системы в плане ее функционирования, как на закономерность реализации системы в речи (тексте) справедлив и для пунктуации как автономной части системы средств письменного языка, генеральное назначение которой – графическая

[1] Раздел написан при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 95-06-17855.

организация (членение) письменного (печатного) текста. Поэтому необходимо изложению проблем пунктуационной нормы современного русского письма предпослать сжатую характеристику пунктуационной системы, ее структуры и внутренних свойств.

Основной принцип организации пунктуации как функциональной системы строится на разграничении трех общих функций пунктуационных средств: механизм действия пунктуационного знака в плане членения письменного текста может представлять собой: 1) отграничение в тексте одной синтаксической структуры (или ее элемента) от другой (или от другого), графическая фиксация правой границы первой и левой – второй (*разделение* или *отделение*); 2) двойное отграничение синтаксической структуры (или ее элемента) от соседствующих – левой и правой, графическая фиксация левой и правой границ структуры в тексте (*выделение*); 3) объединение в тексте нескольких синтаксических структур в одно целое, графическая фиксация внешних границ последнего и внутренних его частей (*распределение* как функция комплексов пунктуационных знаков). Соотношение общих функций иерархично: выделение включает в себя разделение, обе они включаются в распределение.

Центр пунктуационной системы составляет корпус знаков препинания, обеспечивающий графическую организацию текста предложения. Внутрисистемная структура знаков препинания основывается на взаимодействии двух системообразующих признаков: 1) оппозиция общих функций разделения и выделения (соответственно двух типов знаков препинания – одиночных и парных) и 2) противопоставление позиций употребления знаков препинания: для одиночных знаков препинания это постоянно или середина предложения, или конец предложения (практически отсутствуют знаки препинания, употребляющиеся в позиции начала предложения); для парных знаков препинания: начальная часть предложения (для парных запятой и кавычек) – середина предложения – конечная часть предложения; для парных знаков запятая и тире позиция середины предложения является сильной, они представлены в тексте обоими элементами, остальные две – слабые, здесь эти парные знаки представлены в тексте лишь одним элементом: в начальной части – правым, в конечной – левым. (Заметим, что понятие позиции середины предложения условно, оно охватывает пространство между его первым и последним словом.)

При этом действие системы знаков препинания опирается на такие сущностные признаки, как: а) сфера действия знака препинания (предложение или текст); б) объект членения (текст или предложение); в) результат членения (отрезок текста, предложение, элемент или группа элементов предложения); г) грамматическая (синтаксическая) и/или смысловая характеристика объекта и результата членения. На основе этих признаков может быть выявлен ряд классов знаков препинания, их ядро составляют три класса: разделительные 1) конечные (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие "обрыва") и 2) середины предложения (запятая, точка с запятой; тире, двоеточие; многоточие "разрыва"), 3) выделительные середины предложения (пар-

ные скобки, тире, запятая, многоточие; кавычки), т.е. классы знаков препинания, которые обеспечивают графическую организацию предложения (класс 1 – обеспечение правой границы текста предложения, классы 2 и 3 – обеспечение его внутреннего членения).

Так как цель пунктуации – способствовать пониманию читателем письменного текста через осознание структуры текста (синтаксической – и тем самым смысловой), то отсюда вытекает взаимосвязь между определенными знаками препинания и синтаксическими структурами. Отсюда и то обстоятельство, что основная грамматическая (синтаксическая) нагрузка ложится на запятые – одиночную (разделение равноправных структур – однородных элементов простого и частей сложносочиненного предложения) и парную (выделение придаточных предложений, обособлений, вводных и обращений).

Структура всех трех классов знаков препинания изоморфна, в каждом из них имеет место противопоставление двух подклассов – формальных знаков препинания (действие общих функций в них проявляется в чистом виде) и семантизированных (на действие общей функции в них накладываются смысловые отношения): формальная точка – остальные знаки в классе 1 смысловые; формальные запятая и точка с запятой – смысловые тире и двоеточие в классе 2; смысловые кавычки – в противовес остальным формальным знакам в классе 3. Различны и системные связи знаков внутри этих двух подклассов: иерархия формальных знаков препинания (усиление общей функции в чистом виде: запятая → точка с запятой в классе 2; парные запятая → тире → скобки в классе 3) и контрарность (контрадикторность) смысловых знаков препинания (вопросительный – восклицательный – многоточие в классе 1; тире – двоеточие в классе 2), в то время как усиление здесь может выражаться через повтор знаков (! – !! – !!!), через сочетание их или наложение их друг на друга (?! или ?..). Способность знака препинания к "усилению" в выражении общей функции связана с тем, что – в отличие от других единиц языковой системы (фонетических, грамматических) и скорее как в лексике – гибкость пунктуационной системы, системная избыточность знаков препинания проявляется не как внутриединичная (вариантность), а как межъединичная (синонимия), обеспечивающая путем перебора знаков возможность выбора пишущим одного из знаков ряда (подкласса, класса) для любой пунктуационной (соответственно синтаксической) ситуации (подробнее см. [57, раздел первый]).

Изложенные принципы внутренней организации пунктуационной системы позволяют при описании пунктуационных норм современного русского письма уяснить закономерности функционирования знаков препинания (нормативного и отступающего от нормы), интерпретировать случаи колебаний в массовой письменной практике и тенденции синхронной динамики в пунктуационном узусе.

1. *Структурно-теоретическая характеристика пунктуационной нормы.* Выше мы сказали, что придерживаемся трактовки языковой нормы как закономерностей реализации системных возможностей единицы любого уровня языковой системы; эти закономерности фиксируют

параметры традиционного употребления единицы – и тем самым накладывают ограничения на использование ее системных возможностей (см. подробнее [57, 127–132]). Поскольку специфика нормы в каждом конкретном случае обусловлена сущностными свойствами реализуемой языковой единицы, то, применительно к пунктуационной норме, такая специфика выражена соотношением факторов "структурно-системные свойства пунктуационного знака – пунктуационная (синтаксическая) ситуация (кон)текста": само это соотношение служит выражением взаимосвязи знака препинания и синтаксической структуры и выступает орудием ограничения употребления определенного знака препинания в определенных синтаксических структурах. Эта – ограничительная – роль пунктуационной нормы в функционировании единиц пунктуационной системы может быть прослежена по закрепленности кодификацией использования знаков препинания в следующих планах: 1) за предложением как сферой действия знака; 2) за определенной позицией употребления; 3) за определенной синтаксической конструкцией; 4) за некоторыми семантико-синтаксическими отношениями; 5) за передачей неоднозначным служебным словом определенного смысла; 6) за результатом взаимодействия (контактирования) двух знаков препинания в одном пробеле (подробнее см. [56]).

Притом координация или дискоординация "свойства знака препинания – пунктуационная ситуация (кон)текста" существенны не только как критерий и операционный прием при решении вопроса о нормативности/ненормативности пунктуационной организации конкретного (кон)текста, но и как базовые при рассмотрении колебаний в употреблении знаков препинания (см. раздел "Синхронно-динамический аспект характеристики пунктуационных норм").

2. *Функционально-нормативный аспект характеристики пунктуационных норм.* Наличие ряда пособий по русской пунктуации (начиная с Правил 1956 г.), многочисленность самих правил, охват ими еще более многочисленных случаев пунктуации и, наконец, императивный характер формулировок ("Знак препинания ставится...") – все это создает впечатление о том, что все наши возможные действия в плане постановки/непостановки знаков препинания заранее предусмотрены и спрогнозированы, а на нашу долю остается только в рамках действующих правил буквально выполнять предписания – что́ и где ставить. Иначе говоря, все это нам внушает: жесткость пунктуационных предписаний обусловливает отсутствие свободы воли пишущего. Так ли это на самом деле? И так, и не так.

Если вдуматься в те возможности, которые пунктуационная система предоставляет пишущему, то оказывается, что вопрос о свободе воли пишущего не так прост. Действительно, пунктуационная ситуация (характер синтаксической структуры) служит отправным моментом в решении вопроса о необходимости (или ненужности) знака препинания в данном (кон)тексте. Например, у пишущего нет сомнений в необходимости постановки разделительного знака середины предложения между частями бессоюзного сложного предложения. Но решение вопроса о выборе конкретного знака предоставлено самому пишущему – в зави-

симости от того, как он понимает (толкует) семантико-синтаксические отношения между частями бессоюзного сложного: в качестве перечисления, простой последовательности событий (*Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...*) или усиленной (*Татьяна в лес; медведь за нею*), пояснения, причины или следствия (ср. возможное и двоеточие и тире в примере: *Молодежь ушла ◆ на вечере стало скучно*)... [45, §45] (см. [64]). Аналогично может складываться выбор знака препинания и в других случаях, например при однородных сказуемых, соединенных неповторяющимися союзами: это может быть тире (при противопоставлении и неожиданности действия: *Хотел объехать целый свет – и не объехал сотой доли*; *Скакун мой призадумался – и прыгнул*) и даже многоточие в последнем случае (*Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам*) [45, § 12, п. 3].

Таким образом, можно констатировать отсутствие свободы воли пишущего, обусловленное пунктуационной (синтаксической) ситуацией, и наличие свободы воли пишущего, обусловленное возможностями понимания конкретных обстоятельств (кон)текста. Последнее системно обусловлено, оно связано с характером избыточности пунктуационной системы, с синонимическими рядами знаков препинания. Обратим при этом внимание на два типа синонимических замен знаков препинания. Один связан с наличием смысловых знаков препинания, с синонимическим переходом из формального подкласса в семантизированный: в этом случае имеет место изменение смысла (или смыслового оттенка) знака препинания, ср. отмеченные выше случаи с тире при однородных сказуемых с неповторяющимися союзами. Иной характер носят синонимичные замены в рамках формального подкласса, здесь имеет место только усиление общей функции: запятая → точка с запятой. Впрочем, последний случай усиления не столь распространен: в силу малой частотности употребления точки с запятой он характерен в основном для научных и официально-деловых типов текста, реже – для публицистических. Зато широкое распространение в различных типах текста получили синонимические замены выделительных формальных знаков препинания, где парные знаки различаются лишь по силе выражения общей функции.

2.1. В лингвистической литературе неоднократно отмечались случаи взаимозамен членов градуального синонимического ряда в классе 3 "парные запятая – тире – скобки". Так, в Правилах 1956 г. (§ 174, п. 1; § 188) – а вслед за ними и в ряде пособий по пунктуации (например, [45, § 26]) – правила, рассматривающие пунктуацию при вставных конструкциях, указывают на возможность выделения последних и в скобках, и в двойном тире. Существенно при этом подчеркивание равноправности обоих способов: "Хотя скобки считаются более сильным выключающим знаком, чем тире, для выделения одинаковых по типу вставных конструкций могут на равных основаниях употребляться оба знака. Ср.: ... Солдаты (их было трое) ели, не обращая внимания на Пьера... (Л. Толстой) ...Булочники – их было четверо – держались в стороне от нас (Горький)" [46, § 100].

С другой стороны, в правилах, регулирующих пунктуационную отмеченность обособлений, при том, что эти синтаксические структуры закреплены за знаком выделительной запятой, достаточно регулярно отмечается возможность усиления знака препинания в этом случае, т.е. постановка парного тире. Ср. в "Справочнике по пунктуации" Д.Э. Розенталя: "Вместо запятой при обособлении приложений употребляется тире... 3) для выделения с двух сторон приложений, носящих пояснительный характер... *Достали глубиномер – гирьку на длинной бечевке – и промерили глубину...*" (§ 19, п. 10); "1. Для смыслового выделения или для попутного пояснения могут выделяться обстоятельства, выраженные именами существительными в косвенных падежах (обычно с предлогами), особенно если при этих существительных имеются пояснительные слова: *...Подержав Рагозина год в тюрьме, его отправили – за участие в уличных беспорядках – на три года в ссылку* (Федин) (постановка тире вместо запятых факультативна)..." (§ 20).

Иногда исследователи указывают на то, что "чрезвычайно растет популярность знака тире сравнительно с запятыми при выделении обособленных приложений, выраженных именами существительными и непосредственно относящихся к имени существительному... *Вот покрытое чешуей чудище – дракон контрреволюции – готовится проглотить голубую нежную девушку – революцию* (Известия. 1977. 23 марта)" [17, 136–137].

Мы хотим обратить здесь внимание на то, что общая функция выделения, лежащая в основе рассматриваемого градуального синонимического ряда, делает возможным не только "усиление", но и "ослабление" функции знака препинания. Так, Д.Э. Розенталь отмечает: "3. В редких случаях вставные конструкции выделяются запятыми, например: *...Экспонаты биологического музея, а их свыше двух тысяч, рассказывают о животном мире нашей планеты* (из газет)" [45, § 26]. Почему такое выделение вставного предложения с помощью сигнификативно более слабого знака парной запятой неудобно – поясняют примеры типа: Люди понимали, *и Лев Толстой это изумительно передал в образах Кутузова, Андрея Болконского, Пьера Безухова, капитана Тимохина,* что на Бородинском поле будет решаться судьба родины (А.З. Манфред. Наполеон Бонапарт) – *Люди прекрасно понимали (// – *и Лев Толстой это изумительно передал в образах Кутузова, Андрея Болконского, Пьера Безухова, капитана Тимохина*) // – что... Неудобство для читающего здесь связано со скоплением в (кон)тексте запятых – парной и трех одиночных (в тексте вставки).

Таким образом, в пределах пунктуационной нормы пишущий волен использовать градуальную синонимию парных формальных знаков – скользящее движение и "вверх" (усиление), и "вниз" (ослабление выделительной функции), любой из трех выделительных знаков. Такое изменение зависимости "парный знак препинания $\rightleftarrows$ сила функции выделения" характерно для использования парных знаков препинания

главным образом в своей усилительной функции, в плане замен "парные запятая → тире → скобки".

Прежде чем проиллюстрировать эту мысль, необходимо отметить, что наблюдаемые взаимозамены парных знаков препинания, как правило (за немногими исключениями), касаются усиления "парные запятая → тире" или "парная запятая → скобки", иногда полностью покрывая весь ряд "парные запятая → тире → скобки". В этом процессе принципиально важным является переход от парной запятой, – узуально и кодификационно закрепленной за такими синтаксическими структурами, как обособления, придаточные предложения, вводные конструкции, – к парному тире и скобкам, употребление которых связано со вставными конструкциями. Это означает, что возможность пунктуационного выделения с помощью двух последних знаков препинания обособлений и придаточных предложений есть не что иное, как перевод из статуса "член предложения" или "часть сложного предложения" в статус вставной единицы, содержание которой выступает по отношению к смыслу (основного) предложения как дополнительное, попутное (оно обусловлено потребностями самого процесса общения, ориентацией пишущего на учет понимания создаваемого письменного текста читающим), а само наличие другой (второй) линии изложения означает, что происходит нарушение синтаксической однолинейности, или одноплановости, предложения [26, 189–190].

Сошлемся на прецедент в лингвистической литературе: интерпретацию употребления в узусе знака парное тире – вместо сочетания других знаков препинания. Еще накануне реформы 1956 г. А.Б. Шапиро по поводу сочетания "двоеточие... тире" в ситуации "обобщающее слово + перечень однородных членов + продолжающийся текст предложения" писал: "Довольно часто в предложениях описываемого строения наблюдается *выделение однородных членов двумя тире* (курсив наш. – *Б.Ш.*)... Все – и этот голубой разлив реки, и это небо, и дали, и пароход – казалось огромным, необъятным... (Гладков. Вольница)". Эту замену "можно понимать как иное истолкование конструкции всего предложения: однородные члены оказываются в положении вставной группы приложений к обобщающему слову..." [52, 247–248].

Рассмотренный переход членов предложения (как и обособлений, и придаточных предложений) в статус вставки создает некоторые сложности в их интерпретации: будучи (став) вставными, они сохраняют определенную грамматическую связь с членами предложения, со схемой организации сложного предложения. Выход из положения возможен, он состоит в разграничении двух типов вставных конструкций: 1) включаемых в предложение и 2) выключаемых из него. Первый тип предполагает возникновение вставки в процессе речи и в к л ю ч е н и е в процессе последней в текст предложения; поэтому содержащаяся во вставке информация несет дополнительный – по отношению к содержанию основного предложения – смысл. Вставные конструкции описанного типа совпадают с традиционным пониманием вставных единиц в синтаксисе. В отличие от первого типа второй включает в себя вставные единицы, образовавшиеся чаще всего на базе обособлений и

придаточных предложений в результате придания им статуса вставных с помощью использования двойного тире и скобок, а тем самым – в ы к л ю ч а е м ы е из схемы синтаксической организации предложения, переставшие служить компонентами этой схемы. Но – в силу базовой остаточности – они сохраняют связь с членами предложения, со схемой синтаксической организации предложения, ослабленную, правда, переводом во второй план изложения. Промежуточными между двумя этими типами являются вводные конструкции, получившие статус вставных (дополнительность информации, отнесение ко второму плану изложения), но сохраняющие модальную (модально-оценочную) функцию (см. [9, § 85]).

Приведем примеры усилительных взаимозамен парных формальных знаков препинания при выделении: 1) обособленных конструкций, в том числе пояснительных и присоединительных, 2) придаточных предложений, 3) вводных слов и словосочетаний.

1) ...была создана новая, *буржуазного типа,* финансовая система... (Родина. 1992. № 2. С. 35) – У художника украли новенькую – *только что из магазина* – "Волгу"... (С. Высоцкий. Среда обитания. 15) (несогласованное определение);

Но *в отличие от Иоганнеса Росмера* он не слишком верил в близость счастья на земле (М. Алданов. Самоубийство. Ч. 1, VIII) – Хотя генералы, *в отличие от адмиралов,* исходили из убеждения, что именно армии, а не флоту придется вынести на своих плечах всю тяжесть приближавшейся войны... (Вопр. истории. 1991. № 7–8. С. 229) – А терпеть и ждать – *в отличие от демократов* – закаленный годами службы аппарат умел (Г. Попов. Август девяносто первого, III); Поэтому монополизировать название "академия" *при всей значимости Российской академии наук* было бы не совсем правильно (Поиск. 1992. № 37) – Она подумала и о том, что Вавила, *при его силе,* мог серьезно ушибить Симу (М. Горький. Городок Окуров) – Но я убежден, что – *при тесном взаимодействии США и СССР* – новую войну на Ближнем Востоке можно не допустить (Известия. 1991. 29 нояб.) (обстоятельство, образованное сочетанием "предлог – или предложное сочетание – плюс имя существительное в косвенном падеже");

В ту пору пожарные трубы, *т.е. насосы для подачи воды,* были основными средствами тушения огня... (Родина. 1992. № 6–7. С. 90) – Дошел Трифон и до Нявдемской губы – *то есть до Нейдена,* – где на западном берегу есть утес Аккобафт (Вокруг света. 1991. № 11. С. 9) – ...генеральное направление русской истории – в уничтожении аристократии и замене ее служилым дворянством (*т.е. корпусом янычар, рекомендованным, как мы помним, еще в XVI веке Иваном Пересветовым и о котором уже Юрий Крижанич в XVII веке знал, что он представляет собой основание турецкого "людоедства"*) (Нева. 1992. № 5–6. С. 300) (пояснительная конструкция);

...я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, *особенно в женщинах* (А.Н. Островский. Без вины виноватые, д. 2, явл. 4) – С годами у шахматиста слабеет не столько

игра, сколько воля к победе, пропадают – *особенно у экс-чемпионов мира* – стимулы... (Независимая газета. 1992. 15 окт.) – И наоборот, в лучшие из своих композиций (*особенно этюды*) он вкладывал не только остроумие составителя, но и опыт шахматного мастера (С. Гродзенский. Шахматы в "Мемориале совести") (присоединительная конструкция);

2) Потом, подойдя к другому прилавку, эта старушка, *которая*, я уверен, *родилась в чуме и знала в детстве только одно мясо – оленину, один вид молока – оленье, один вид транспорта – оленью упряжку*, положила в другой пакет несколько плодов киви... (Вокруг света. 1991. № 11. С. 8) – Вне зависимости от того, как бы развивались события после вторжения советских войск в Германию (*которая, кстати, как и Советский Союз, к обороне не готовилась*), исход войны мог быть решен вдали от основных полей сражений (В. Суворов. Ледокол. Гл. 16,7) (определительное придаточное);

Один, *если он и велик*, все-таки мал (М. Горький. Часы) – Если считать революцию бесперспективной и признавать путь реформ, то – *если даже их ведут аппаратчики* – демократическим силам надо научиться участвовать в этом процессе в роли оппозиции (Г. Попов. Август девяносто первого, IV) – После венгерских событий и нашей интервенции опасность войны резко возросла, гонка вооружений не имеет никаких шансов на смягчение (*если только наши круто не изменят политики*)... (Знамя. 1991. № 10. С. 177) (условное придаточное);

Когда дело дошло до голосования по десятому пункту, Хасбулатов как бы между прочим сказал, что, *поскольку комиссия у всех вызывает изжогу*, нужно возложить контроль прямо на Президиум (Веч. Москва. 1992. 20 авг.) – Историки царствования Николая, вернее его биографы, – *потому что история этого царствования еще не существует*, – большей частью придерживаются взгляда, очень распространенного и среди современников той эпохи... (Родина. 1992. № 1. С. 30) – Среди заседания съезд (*так как он выходит из рамок*) закрывается, по распоряжению из Петербурга, московской администрацией (Вопр. истории. 1992. № 11. С. 212) (придаточное причины);

3) Но, *главное*, нес радостные вести домой (Б. Горбатов. Непокоренные) – Именно это – *главное* – должно было быть надлежащим образом легитимизировано традицией (Нева. 1992. № 7. С. 220); Мы имеем сведения, что ваш приятель Бастрюков занялся, хм, *как бы это выразиться*, недозволенной деятельностью (Г. Николаев. Южная площадка, 10) – Я не стала звонить матери, зная ее... *как бы сказать*... нервную реакцию на все (В. Амлинский. Нескучный сад, 1) (вводное слово и словосочетание; в последнем примере парное многоточие).

Перед пишущим стоит возможность пунктуационного оформления (кон)текста с соответствующими синтаксическими структурами с помощью либо канонического знака парной запятой (закрепленного за этими структурами практикой и кодификацией), либо усиленного,

синонимичного каноническому. Наряду с усилительными взаимозаменами наблюдаются также случаи пунктуационного ослабления собственно-вставных конструкций – вплоть до выделения их в тексте парными запятыми:

Мне неоднократно приходилось слышать и от старейших сотрудников музея, и от самого Бонч-Бруевича (*я начала работать в музее в 1946 г.*) о той огромной переписке, которую он вел... (Знамя. 1991. № 11. С. 163) – Когда-то в середине двадцатых – *меня еще не существовало* – он окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта и стал специалистом по металлическим конструкциям (Э. Рязанов. Предсказание. Гл. 2) – На это П. Демичев, *был такой министр культуры во времена Брежнева,* отвечал... (Д. Гранин. Этому нас не учили); ...как ни странно, приписывали ему высказывания, крылатые выражения и поговорки, которые (*я знал это наверняка*) впервые были сказаны вовсе не им (Вл. Войнович. Москва 2042. Ч. 2) – ...именно тогда залегла в его душе та скорбная складка, которая – *он это чувствовал* – уже не разгладится (И. Головкина. Побежденные. Кн. 1, гл. 17) – Одни, *он чувствовал это по реакции зала,* оставались равнодушны, другие, видимо, вообще сомневались в справедливости предъявляемых Москвину и Потапову обвинений... (Б. Горай. Либерея раритетов, XI).

2.2. Используя формулу А.Н. Леонтьева, определившего механизм процессов присвоения личностью общественно-исторического опыта как "механизмы формирования механизмов" [32, 123], можно охарактеризовать пунктуационную норму как механизм, обеспечивающий действие механизмов членения письменного текста с помощью знаков препинания (разделение – выделение). Этот основной аспект функционально-системного содержания пунктуационных норм, в свою очередь, нуждается в корректировке; эту функцию выполняют специальные корректировочные механизмы – пунктуационные нормы, регулирующие особенности реализации знаков препинания в контексте. Такие нормы предполагают механизмы поправки двух типов – на основе (А) роли позиции в функционировании знаков препинания и (Б) контактного взаимодействия знаков препинания в (кон)тексте в одном пробеле [58].

(А) В противовес разделительным знакам препинания, закрепленным за одной, постоянной позицией – середины или конца предложения (за исключением многоточия), – для выделительных знаков парных запятой и тире характерно то, что они могут выступать в сильной (в позиции середины предложения) и в слабой позиции (в конечной части предложения, а для парной запятой – еще и в начальной части предложения); в сильной позиции эти парные знаки представлены в тексте обоими своими элементами, в слабой – только одним из своих элементов, правым (в начальной части) и левым (в конечной части предложения). Ср.: *Друзья мои,* прекрасен наш союз! – Красуйся, *град Петров,* и стой / Неколебимо, как Россия! – Что, *маменька*?; Фридрих – *как опытный стратег* – отлично понял это (В. Пикуль. Пером и

шпагой) – Наконец, собака согласилась. Вернее, пошла сама и повела за собой Маринку – *так звали девочку* (Ю. Яковлев. Дочь преферансиста). Заметим, что особый случай составляет употребление знака парного тире в позиции конечной части предложения: то, что здесь не единичное тире, а двойное, может быть аргументировано специальной (мысленно-экспериментальной) процедурой – продолжением текста предложения, восстанавливающим тем самым второй (правый) элемент парного тире, ср.: *...пошла и повела за собой Маринку – так звали девочку – *сначала по Хользунову переулку, потом по Комсомольскому проспекту...*

Позиционное варьирование этих парных знаков создает в тексте омонимию запятых и тире – одиночных и парных – в слабых позициях (начальной и конечной частях предложения); отсюда то обстоятельство, что одиночные и парные запятые, в отличие от других знаков препинания, не обладают функцией предупреждения (обнаружение в тексте знака запятой или тире не позволяет – без обращения к последующему (кон)тексту – ответить на вопрос: какой это знак – одиночный или парный?) [57, 16–18]. Это особенно регулярно проявляется при пунктуационном оформлении сложноподчиненных предложений, в которых фиксация границ придаточной части выступает в середине предложения в сильной позиции (наличие обоих элементов выделительной запятой) и в слабой позиции – в начальной и конечной частях, где в тексте налицо один элемент парной запятой; при этом в наиболее массовом случае – в конечной части сложного предложения – второй (правый) элемент совпадает с конечным знаком [61].

Позиционное варьирование парной запятой обнаруживает любопытную параллель в тексте вставной конструкции, заключенной в скобках. В таком вставном тексте – независимо от того, какой синтаксической структурой он является, – действуют относительно парной запятой те же закономерности, что и в рамках предложения. Ср.: В дальнейшем в международной жизни использовались живые, наиболее распространенные языки, вытеснившие мертвые (*например*, французский в дипломатической деятельности) (Ю.Д. Дешериев. Социальная лингвистика. Гл. 10) – Это был тот самый матч, когда под стать безусловному лидеру (Пархомчук, *кстати*, была признана лучшим игроком чемпионата) действовали и ее партнеры (Правда. 1990. 14 сент.) – ... (Вилли – это фрау ван Хенгелер, Виллемина ван Хенгелер, *если точнее*) (Штефан Мурр. Гиблое место. Пер. с нем. Н. Литвинец). Эта закономерность справедлива как для скобок в тексте предложения (см. примеры выше), так и для скобок, следующих после конечного знака препинания, когда текст вставки – самостоятельное предложение [57, 176–177], ср.: Не найдется любителя футбола, которому не известны имена Н. Симоняна, В. Николаева, И. Нетто, С. Сальникова, Д. Кипиани. Но ведь они были не просто выдающимися мастерами, а были и есть люди высоко интеллигентные. (*Кстати*, нет ли здесь объяснения тому, *что в игре каждого из них никогда не было и намека на грубость*). [так в тексте вместо точки перед правым элементом скобка] (Известия. 1983. 31 окт.) – здесь

пунктуационные ситуации "вводное слово" и "придаточное предложение" в позиции начальной и конечной частей текста вставки в скобках; результат взаимодействия – поглощение элементов знака парной запятой, левого и правого.

Парное тире ведет себя относительно включаемой в него парной запятой иначе: здесь парная запятая в слабой позиции только в начальной части текста вставки, где после тире невозможна постановка запятой [45, § 66], ср.: Несмотря на это, вопросы к нему – *очевидно,* по журналистской привычке, *подсказавшей выбор жанра,* – поначалу выходят вполне традиционными (Веч. Москва. 1992. 9 окт.). Что касается конечной части текста вставки, то здесь, в позиции перед вторым элементом парного тире, возможна постановка правого элемента двойной запятой [57, 45], хотя и не обязательна.

Надо обратить внимание на то, что пишущие, как правило, верно пользуются парными знаками препинания в подобных случаях (признак бессознательного владения пишущими и пунктуационной системой, и пунктуационными нормами).

(Б) Другая разновидность норм, корректирующих механизм функционирования знаков, связана с (кон)текстными условиями употребления знаков препинания в рамках одного предложения, с возможностью – и фактами – столкновения двух знаков препинания в одном пробеле. Такой непосредственный контакт знаков, естественно, невозможен для двух разделительных (одиночных) знаков; как правило, позиция конца предложения и позиция середины предложения обеспечиваются одним каким-либо разделительным знаком препинания – класса 1 или класса 2 (исключение составляет многоточие, выступающее как знак и "обрыва", в классе 1, и "разрыва", в классе 2). Но такой контакт в одном пробеле двух знаков обычно обусловливается взаимодействием графически соотносительных парного знака с одиночным или двух парных знаков. При этом приходится учитывать возможность различных результатов такого контактирования в одном пробеле: а) сочетаемость двух знаков (или элементов двух знаков), б) поглощение одним знаком (или элементом знака) другого, а также в) метатезу, связанную с сочетаемостью знаков [26, 183–185; 57, 126]. При контакте двух графически одинаковых знаков в тексте представлен один – "суммарный" – знак препинания. Ср.:

– взаимодействие одиночных и парных запятых: Мысль Ключевского о том, что история в своем изучении идет путем, обратным жизни – не от причины к следствию, *как движется жизнь,* а, наоборот, от следствия к причине, – мысль эта верна (Г. Бакланов. Меньший среди братьев. Гл. X) – здесь пунктуационная ситуация "сравнительный оборот с *как* + противительный союз *а*"; запятая перед *а* в тексте – суммарная (результат контакта "правый элемент парной + одиночная запятая"); запятая между союзом *а* и последующим вводным словом отсутствует на основании правила [45, § 25, п. 5];

– взаимодействие двух парных запятых: Затем, *увидев, что* ее не берут, она ищет, кому отдаться (Знамя. 1993. № 3. С. 167) – пунктуационная ситуация "деепричастие + придаточное с союзом *что*"; запятая

перед *что* в тексте – суммарная (второй элемент одной парной запятой + первый элемент другой);

– взаимодействие парной запятой и одиночного тире: ...пожалуй, единственное, *что меня останавливает*, – как Катя примет меня (В. Шаров. Репетиции); Единственное, *чего мы не знаем* – смысла его поступка (Э. Хруцкий. Осень в Сокольниках. Ч. 2) – пунктуационная ситуация "придаточное предложение + одиночное тире", результат взаимодействия в первом примере – сочетаемость знаков "второй элемент парной запятой + тире", во втором – поглощение второго элемента парной запятой знаком одиночного тире; Гронский молчал, – *казалось*, с явным наслаждением (Ю. Герт. Ночь предопределений. Ч. 1, 17); Мост, дороги – *разумеется*, кровное дело моего отца (Л. Рахманов. Взрослые моего детства) – пунктуационная ситуация "тире перед вводным словом", результат взаимодействия в первом примере – сочетаемость знаков "тире + первый элемент парной запятой" ("При встрече внутри предложения запятой и тире сначала ставится запятая, а затем тире..." [там же, § 66]), во втором примере – поглощение первого элемента парной запятой знаком тире;

– взаимодействие одиночного и парного тире: А правый столбец в меню – надо знать! – цены... (В. Ишимов, А. Лукин. Беспокойное наследство) – пунктуационная ситуация "вставка в парном тире + одиночное тире перед именной частью сказуемого", перед последним – суммарный знак тире (второй элемент парного тире + одиночное тире);

– взаимодействие парной запятой и двоеточия: Мы с Маей сбежали вниз, *чтоб расстаться у автобусной остановки:* ей ехать, мне идти пешком (В. Тендряков. Затмение. Гл. 4); Ответ, по существу, один: *значит*, детство и отрочество – поразительно емкий период... (Л. Рахманов. Взрослые моего детства) – пунктуационная ситуация в первом примере "придаточное причины + двоеточие", во втором – "двоеточие + вводное слово"; в обоих примерах происходит поглощение двоеточием элемента парной запятой (второго или первого);

– взаимодействие парной запятой и знака точки с запятой: Может, я будто увидел степь, солнце, *когда много места и вольно душе; может*, надоела кобыла пегая... (Вл. Гусев. Огненный ветер Юга) – пунктуационная ситуация здесь "придаточное времени с союзом *когда* + точка с запятой" и "точка с запятой + вводное слово"; в обоих случаях происходит поглощение знаком точки с запятой элемента парной запятой (второго и первого);

– взаимодействие парной или одиночной запятой и многоточия "разрыва": И закономерен вывод из совершенного только что грабежа: Всякий, *идущий против продовольственной политики*... вольный или невольный враг народа (Книжное обозрение. 1993. № 15) – пунктуационная ситуация "причастный оборот + многоточие купюры внутри текста предложения"; результат – поглощение правого элемента парной запятой знаком многоточия; ... инженер А.А. Бубликов признавал в конце июня: "Сообщение наше с Архангельском висит на волоске... с Владивостоком фактически прервано" (Наука и жизнь. 1991. № 2.

С. 39) – пунктуационная ситуация "многоточие + одиночная запятая", результат – сочетаемость этих двух знаков препинания.

Впрочем последний рассматриваемый случай взаимодействия знаков препинания более сложен. Хорошо известен механизм "наложения и совмещения" конечных знаков: взаимодействие многоточия "обрыва" и вопросительного и восклицательного знаков – [?..] и [!..]. Но, оказывается, при взаимодействии одиночной или парной запятой с многоточием середины предложения также может работать механизм "наложения и совмещения", случай, частотный для купюр при цитировании, но не кодифицированный ни в Правилах 1956 г., ни в пособиях по пунктуации [57, 40–41], ср.: Вот что пишет Ришелье о Густаве Адольфе в своих "Мемуарах": "Король Швеции.., *находясь в войне со всеми своими соседями,* отнял у них многие провинции" (Л.П. Черкасов. Кардинал Ришелье) – пунктуационная ситуация "многоточие + деепричастный оборот"; Он получил *указание "относиться* самым дружественным образом к русскому министру.., *советоваться* с ним обо всяком важном деле и шаг за шагом действовать заодно с ним" (А.В. Гаврюшкин. Граф Никита Панин, 5) – пунктуационная ситуация "многоточие + одиночная запятая".

Особые случаи контактного взаимодействия знаков препинания связаны с парными знаками кавычек и скобок, которые, как принято считать, "не поглощают других знаков и не поглощаются ими" [26, 184] (см., однако, выше о поглощении элемента знака парной запятой первым и вторым элементами скобок):

– взаимодействие в тексте двух парных знаков кавычек: И еще далее: "*Несвоевременные мысли*" – это страстный отчет о том, что, с точки зрения Горького, "тяготит и пугает" людей... В этом главный этический пафос "*заметок о революции и культуре*" (Наш современник. 1989. № 10. С. 174) – пунктуационная ситуация в первом случае "кавычки в названии книги в позиции начальной части предложения, заключенного целиком в кавычки", и во втором – "кавычки при цитировании в позиции конечной части предложения, заключенного в кавычки"; результат взаимодействия – суммарный знак на месте контакта двух левых элементов кавычек и на месте контакта двух правых элементов кавычек;

– взаимодействие двух парных знаков скобок: Мифологическое и дискурсивное (рассудочное) мышление в процессе формирования этого сознания (вместе с тем вплоть до нового времени они сосуществуют и взаимодействуют как две формы исторической культуры: фольклорной и письменной (*ученой*) (Вопр. истории. 1982. № 12) – пунктуационная ситуация "скобки в позиции конечной части предложения, заключенного в скобки"; результат взаимодействия – суммарный знак на месте контакта двух правых элементов скобок.

К механизмам, регулирующим контакты знаков препинания, можно отнести также запреты на сочетаемость некоторых знаков, таких, например, как "тире + разделительный знак препинания".

Подобно пунктуационным нормам, регулирующим позиционное варьирование парных запятых и тире, и для норм контактного взаи-

модействия знаков препинания характерен бессознательный уровень владения ими со стороны пишущих; сами эти нормы частично освещены в "Справочнике по пунктуации" Д.Э. Розенталя ("XVIII. Сочетания знаков препинания").

3. *Синхронно-динамический аспект характеристики пунктуационных норм.* Рассматривая состояние современной русской пунктуации, действие пунктуационных норм, регулирующих механизмы употребления знаков препинания в тексте и коррективы к ним, нельзя не заметить, что – на общем фоне регулярности процессов реализации пунктуационной системы в режиме узуса (отстоявшегося употребления) – в разных звеньях пунктуации можно наблюдать действие возмущающих факторов: речь идет о колебаниях в процессе функционирования пунктуации.

Понятие колебания входит в парадигму трех основополагающих понятий теории культуры речи. Оно основывается на соотношении "структурно-системные свойства знака препинания – пунктуационная (синтаксическая) ситуация (кон)текста", предполагающем, как уже говорилось, признание результатов реализации системы в тексте нормативными (при координации этих факторов) или отклоняющимися от нормы (при их дискоординации). При этом, в силу асимметрии языкового знака и избыточности средств самой системы, реализация последней в тексте может опираться на координацию в соотношении "свойства знака препинания – пунктуационная ситуация (кон)текста" не для единственного знака, предусмотренного кодификацией пунктуационных норм, а для двух (или более) знаков препинания – дополнительно для еще одного (или двух), совпадающего с каноническим по своим структурно-системным свойствам, но не кодифицированного правилами. Следовательно, применительно к пунктуации колебание можно охарактеризовать как такое проявление избыточности в ходе реализации пунктуационной системы, которое, выявляясь в виде нестабильности плана выражения, базируется на синонимии знаков препинания.

Колебание – такая форма функционирования пунктуационной системы и ее норм, в процессе которой совершается нормально не осознаваемая деятельность массы пишущих (и читающих) в русле незаметных стихийных изменений, по сути своей являющихся спонтанным поиском в плане разрешения внутрисистемных противоречий, а по своему механизму – выходом за пределы фиксированного правила [59; 18, 100–102]. Таким образом, наличие колебаний в употреблении есть не что иное, как сигнал о намечающемся или происходящем в синхронии динамическом движении отдельного средства (звена) системы и тем самым системы в целом.

Широко известным – классическим – примером колебания в пунктуации является конкуренция "двоеточие – тире" и связанная с этим так называемая экспансия тире. Их взаимодействие объясняется двумя факторами: 1) их местом в пунктуационной системе – в классе разделительных знаков середины предложения, причем оба относятся к подклассу смысловых знаков; 2) смежностью некоторых значений этих знаков, особенно в сфере пояснительных и причинно-следственных

отношений, в частности в бессоюзном сложном предложении. В свою очередь, экспансия тире может быть объяснена немаркированностью этого знака (и маркированностью двоеточия) и тем, что он играет активную роль в коммуникативной перестройке предложения [2].

Эти обстоятельства свидетельствуют, что экспансия тире находит основное объяснение в системных характеристиках обоих знаков и по существу не может рассматриваться как отклонение от нормы. (Поэтому в "Справочнике по пунктуации" Д.Э. Розенталя – при всей осторожности отношения последнего к фактам употребления – специальный пункт в § 74 посвящен "параллельному употреблению" двоеточия и тире.)

Колебания характерны для комплексов пунктуационно-орфографических средств, обеспечивающих пунктуационное оформление в наиболее сложных пунктуационных ситуациях. Укажем на такое колебание, как "место точки при вставке текста в скобках после конечного знака препинания" [57, 176–182]; выше уже был приведен случай такого колебания – в постановке точки в газетном тексте после правого элемента скобки (вм. системно обусловленного перед правым элементом скобки) – в разделе "Функционально-нормативный аспект характеристики пунктуационных норм", в примере на взаимодействие парной запятой и скобок (с. 215).

Отмечено колебание и для такой интерпозитивной схемы прямой речи, которая характеризуется употреблением двоеточия в позиции перед правым элементом двойного тире, выделяющего вводящее предложение; специфика этой схемы с двоеточием состоит в предупреждении о дальнейшем следовании второй части разорванной чужой речи. Именно в этой р а з о р в а н н о с т и чужой речи заложена возможность синтаксической несамостоятельности обеих ее частей (обе части синтаксически составляют одно предложение), что может толкать пишущего на нарушение правила об обязательности прописного написания в начале второй части чужой речи [57, 172–176], ср.: – Конечно, любопытно, – согласился я и добавил, ностальгически капризничая: – но ведь вернуться в свою эпоху нельзя будет? (Ф. Искандер. Человек и его окрестности).

Следует подчеркнуть, что почти все отмеченные здесь колебания происходят именно в пунктуационно-орфографических комплексах, формирование которых активно совершается в современном языке, и здесь причина колебаний – ощущение пишущего в связи с возможностью дифференцировать две различные ситуации в рамках одной, ранее уже кодифицированной (или вовсе не кодифицированной, как это было с комплексом "вставка в скобках после конечного знака"), ср.: вставка в скобках – в составе предложения или вне его; разорванная чужая речь – одно предложение или два. Повторяясь и суммируясь в массовой практике, подобные действия пишущих способны в конечном счете выявить тенденции динамики современного узуса, тенденции, отчетливо проявляющиеся в практике печати (как в случае с точкой при вставке в скобках после конечного знака) или, наоборот, едва наметившиеся – и потому пока не отмеченные в пособиях по пунктуации

(как в случае с колебанием "прописное // строчное написание в начале второй части чужой речи в интерпозитивной схеме прямой речи с двоеточием").

4. *Функционально-стилистический аспект характеристики употребления знаков препинания*[2]. В этой сфере внимание исследователей привлекали в основном два направления. Первое связано с индивидуально-авторским использованием знаков препинания в различных жанрах художественной литературы, с пристрастием или, наоборот, с идиосинкразией авторов к определенным знакам препинания (ср. хотя бы распространенное отношение к кавычкам [55, 209]), с расширением в художественном тексте регламентируемых функций знака или даже с попытками строить свою – индивидуально-авторскую – пунктуационную систему (см. [35]); эта линия исследований ориентирована прежде всего на пунктуационную специфику художественной литературы, а не на выяснение лингвистической природы пунктуации. Второе направление связано с зависимостью употребительности/неупотребительности знаков препинания от типа текста, с оппозицией типов текстов "информационный (деловой, научный) – экспрессивный (художественный, публицистический)"; выявляется высокая степень употребительности или даже прикрепленность отдельных знаков препинания к определенным письменным жанрам (см. [53, 62–65; 7, 36–42; 26, 181]); тем самым пунктуация становится здесь объектом изучения со стороны стилистики языка.

Наиболее интересной – и специфической для самой пунктуации – является проблема взаимосвязи позиции пунктуационных средств и механизмов экспрессивной пунктуации. Экспрессивную пунктуацию составляет корпус пунктуационных приемов, служащих для придания письменному тексту экспрессии. Говоря об экспрессии письменного (печатного) текста, мы опираемся на понятие "актуализация", выдвинутое Пражским лингвистическим кружком ("такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное..." [16, 355]), и на понятия "графические защиты" и "активизация графики", разработанные А.А. Реформатским – в связи с проблемой выразительности печатного текста [43, гл. V, § 5].

Характеристика экспрессивного пунктуационного приема включает в себя несколько аспектов. Рассматриваемый прием противопоставляется нами нормальному функционированию знака препинания в письменном тексте. (Последнее составляет процесс реализации пунктуационной системы, нормативный характер которого обусловлен возможностями системы и базируется на координации соотношения факторов "структурно-системные свойства знака препинания – пунктуационная (синтаксическая) ситуация (кон)текста"; нормативное употребление знаков препинания носит в значительной степени автоматизированный характер – в сочетании с режимом бессознательного контроля [31, 123].) а) Экспрессивный пунктуационный прием есть (более или менее)

[2] Этот раздел написан в соавторстве с Е.В. Дзякович.

осознаваемый способ целенаправленного применения пунктуационных средств с целью создания экспрессии в (кон)тексте; б) прием основывается на дискоординации соотношения указанных факторов нормативности: употребление знака препинания в не обусловленной системой позиции выступает здесь как механизм создания экспрессивного напряжения в (кон)тексте; в) тем самым очевидна неправомерность применения по отношению к экспрессивному пунктуационному приему критерия нормативности/ненормативности (то, что явилось бы отклонением от пунктуационной нормы в нейтральном или информационном типе текста, не может считаться ошибкой в силу самой цели и механизма приема); г) с этим же связано и то обстоятельство, что экспрессивные пунктуационные приемы большей частью не регламентируются, кодифицированы лишь немногие из них (парцелляция, вставка в текст предложения вопросительного или восклицательного знака в скобках для выражения отношения пишущего, расчленение текста вопросительного и восклицательного предложения с однородными членами при помощи вопросительного и восклицательного знака); по своему характеру эти приемы нуждаются не столько в кодификации, сколько в лингвистическом описании; д) при этом в любом случае приходится исходить из понятия сформированности приема, т.е. из того, что за механизмом определенного приема закреплено определенное пунктуационное средство (почему, например, не может быть признано экспрессивным пунктуационным приемом такое экспрессивное синтаксическое явление, как именительный представления или темы: для отделения его от основного предложения может быть в принципе употреблен почти любой разделительный знак препинания); е) характерно несовпадение явлений, составляющих экспрессивный синтаксис и экспрессивную пунктуацию: причину этого можно видеть в принципиальном различии между способами перестройки синтаксической структуры и между способами изменения в пунктуационном членении структуры (совпадение обеих сторон наблюдается только при парцелляции и сегментации).

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
www.ruslang.ru

Итак, общий принцип механизма приемов в экспрессивной пунктуации заключается в смещении системно обусловленной позиции знака препинания в (кон)тексте. Не имея возможности дать в рамках этого раздела описание всего корпуса приемов, кратко рассмотрим здесь некоторые из них, наиболее полно и характерно отражающие сущность и механизм экспрессивной пунктуации (подробнее см. [21]).

Ряд приемов строится на основе употребления конечных знаков препинания (и их сочетаний) в позиции середины предложения. Так, один из приемов представляет собой способ экспрессивного расчленения текста предложения на две части – путем вставки в позицию середины предложения сочетания знаков "смысловой разделительный конечный знак (вопросительный, восклицательный, многоточие) + одиночное тире (с последующим строчным написанием)".

Вопросительный знак + тире: ...Карамазовы – характеры. Типичные для русских людей? – да, типичные (Д.С. Лихачев. Заметки о русском); А я вот в этом большом доме, видите, с навесом крыльцо? –

я живу у бабушки (Г. Немченко. Миля Лебедева, XV). Наиболее характерно здесь диалогическое противопоставление "вопрос – ответ" или "вопрос – пояснение"; употребление именно этого сочетания знаков позволяет реализовать подобное противопоставление внутри одного предложения (о чем свидетельствует строчное написание), ср. иную возможность: Что побудило чувство Лоры к Шимеку, некрасивому, немолодому, женатому человеку? – Благородство цели, поставленной им перед собой, преданность науке... (Э.Л. Шрайбер. Жорж Сименон).

Восклицательный знак + тире: Какое там великое! – скромно жил, втихомолку, в техбюро не наведывался... (В. Добровольский. Текущие дела, 33); Будто сухой лист ураганом подхватило! – взвился зайчишка в воздухе и пошел, пошел плясать по узорчатой сини... (Е. Марысаев. Пират). Наиболее характерны здесь противопоставление содержания частей или подчеркивание содержащегося сравнения.

Многоточие + тире: Всего лишь один из... – может ли быть цель человечнее и практичней, неопробованней и достижимее? (50/50. Опыт словаря нового мышления); Вероника Васильевна отпала, после того, как ее кандидат покраснел и выкрикнул, что он не допустит, что он как честный человек... – и так далее (М. Чулаки. У Пяти углов, I). Наиболее характерны здесь недоговоренность, обрыв текста (перед сочетанием "многоточие + тире", в противном случае – при одном многоточии – имел бы место разрыв). При возможности употребления в тексте обоих знаков сочетание "многоточие + тире" может служить целям подчеркивания: И была еще одна опасность... – проникновение воздуха (Наука и жизнь. 1985. № 10. С. 106).

Любопытно, что при всех трех рассмотренных сочетаниях возможен именительный представления: Обозреватели? – те быстро перестроились (М. Ботвинник. К достижению цели); Психология! – мы проходили ее в институте (Р. Киреев. Победитель, 17); Час простоя завода... – да это же черт знает сколько долларов! (В. Барабашов. Короеды, 8).

Приемам, связанным с употреблением конечного знака в позиции середины предложения, противопоставлен прием антипарцелляции. Он строится на основе употребления знака середины предложения в позиции конца предложения и противоположен по своему механизму парцелляции (представлению одного предложения – благодаря вычленению парцеллята и оформлению последнего с помощью прописной буквы и конечного знака препинания, при том же составе – как двух и более). Механизм антипарцелляции – представление в качестве единого пунктуационного целого нескольких предложений, объединяемых в один абзац; "несамостоятельность" частей этой макроединицы подчеркивается тем, что предложения отделяются друг от друга знаком середины предложения – точкой с запятой, при строчном написании первого слова предложения (кроме самого первого); конечный знак ставится только в конце абзаца. Цель приема – передача внутренней речи персонажа, ее импульсивности, потока мыслей. Ср. в романе Ю. Семенова "Экспансия" (кн. 2): Он клюнул, понял Роумэн. Он назвал меня "мистером" впервые за весь разговор. Только сейчас я взял инициативу на

себя, когда упомянул о деньгах. Хорошо, что я не заговорил об этом раньше – *и*: Подпишет, понял Кемп; с этой все в порядке, сработано крепко, привязана на всю жизнь; если рискнет признаться ему во всем, он перестанет ей верить; она понимает, что Роумэн не сможет переступить свою память.

Ср. также случай антипарцелляции с двоеточием (вм. точки с запятой): Стало быть – случай совершенно исключительный: не часто заезжают в "Китай" полковники: чину не соответствует: для чиновных – специальные имеются "дома свиданий": без огласки, на манер меблированных комнат, вполне прилично (С. Мстиславский. Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках).

Рассмотренные особенности достаточно резко выделяют антипарцеллированный абзац в художественном тексте – на фоне традиционных типов абзацев: с авторской речью и с прямой речью персонажей [60]. Теоретическая интерпретация подобного приема дана Ю.В. Ванниковым в его концепции синтаксиса речи, где основное рабочее понятие – "высказывание со смещенным членением (с парцелляцией и интеграцией предложений)", а интеграция есть "объединение синтаксически независимых предложений в составе одного высказывания", "объединение смыслового содержания составляющих высказывание предложений в единое целое", "семантическая фокусировка", позволяющая представить то же содержание "единой картиной" [10, 266–267, 281, 286–289].

Для экспрессивной пунктуации характерно использование не только отдельных знаков препинания (и их сочетаний), но и целых схем (пунктуационно-орфографических комплексов для передачи чужой речи). Здесь механизм создания экспрессии связан с понятием графической выделенности чужой речи в тексте [36, 276]. Чужая речь может быть графически усилена – тогда в тексте художественной прозы для подчеркивания диалога заимствуются графические средства оформления диалога из драматического текста, ср. типичный пример:

Красин (оторвал глаза от газеты – разговор заинтересовал и его). Таким щедрым я Вацлава еще не видел – я бы согласился, а? (Это "а" было адресовано мне.)

– Значит, Рим? – вопросил я и надел очки: очень хотелось увидеть в эту минуту Воровского. – А Геную?

Красин. Не пренебрег все-таки окулярами, Воропаич! (К Воровскому). Он не доверяет не только себе, но и тебе, Вацлав!

Воровский. Нет, я готов повторить: подам Рим как на тарелочке!

Но я был упрям, настаивая:

– А Геную? (С. Дангулов. Заутреня в Рапалло).

И наоборот: графическая выделенность чужой речи в тексте может ослабляться – в тех случаях, когда имеет место перенос одной пунктуационной схемы (абзацного выделения чужой речи, с сигнальным тире) в условия другой, более слабой, пунктуационной схемы (внутриабзацной, выделяемой, по правилам, в кавычках), в не свойственную первому способу внутриабзацную позицию (середины или конца абзаца). Ср.: Я пристально посмотрел на библиотекаршу-общественницу.

Раиса Семеновна невозмутимо сказала: – У каждого свои вкусы... (А. Безуглов. Инспектор милиции, XVI); Ричардсон рассмеялся. – Вам известна, Стив, моя записка о методах обработки в СССР зарубежной научной информации? (Т. Гладков, А. Сергеев. Последняя акция Лоренца. Гл. 7).

В этих примерах чужая речь канонически должна была бы идти с абзаца: *Раиса Семеновна невозмутимо сказала:

– У каждого свои вкусы...

К такой передаче чужой речи может быть применена характеристика: переключающая повествование прямая речь [28]. Такая передача внутренней речи – без обозначения ее границ, внутри абзаца – может варьироваться: если вводящее предложение разрывает внутреннюю речь, то она может выделяться с помощью парного тире (как в канонической интерпозитивной прямой речи); если же текст внутренней речи содержит вопрос, то может использоваться вопросительный знак и – для обозначения правой границы – между вопросительным знаком и последующим вводящим предложением ставится одиночное тире. Ср.: Даже если б он и добрался до побережья, итог один: его или поймают и водворят обратно в лагерь, или он умрет. Глупо умирать в конце войны, – подумал он, лежа на спине и закрыв глаза, – так, как он, особенно глупо (Е. Ролле. Загадка двух таблеток. Гл. 1); Робин пересел в кресло, скорчился, сдавив кулаками виски. Его била дрожь. Я еще не сошел с ума? – подумал он. Какая дикая смесь сна с явью, прошлого с настоящим... (С. Иванов. По ту сторону моста).

Все эти экспрессивные способы усиления и ослабления графической выделенности чужой речи в художественном тексте, отступающие от канонических, достаточно широко представлены в современной пунктуационной практике художественной литературы.

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ И КОДИФИКАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННЫХ НОРМ

Содержание процесса кодификации нормы можно определить как регламентацию рекомендуемых употреблений, что заставляет обратить внимание на принципиальное различие между результатом кодификации (правилом, предписанием) и основным типом лингвистического исследования языковых фактов (их научным описанием). Тем самым в плане лингвистического познания должны быть разграничены два этапа кодификации: 1) этап теоретического описания сферы реализации системных возможностей как объективной закономерности; здесь норма предстает как элемент нормативной описательной дисциплины, задача последней – "не отвлечение от языкового материала в целях установления абстрактной системы отношений, а возможно более полное отражение самого этого материала и его всестороннее освещение... в непосредственной связи с понятием грамматической нормы..." [39, 4, 6] (осуществляется в собственно лингвистических работах и адресуется лингвисту); 2) этап преобразования

описания закономерности в предписание [14, 87–88] (осуществляется в "авторитетных источниках" в виде правила и адресуется носителю языка) (см. [57, 130–133]).

Специфической формой пунктуационной кодификации является с п р а в о ч н и к. Правила употребления знаков препинания очерчивают синтаксические условия применимости знака в тексте, их формулировка должна включать в себя описание синтаксической – а тем самым и пунктуационной – ситуации (кон)текста плюс семантические, функционально-стилистические, жанровые признаки, позволяющие интерпретировать (кон)текст с целью установления координации "структурно-системные свойства знака препинания – пунктуационная (синтаксическая) ситуация в (кон)тексте"; в результате такой – широкой – характеристики у пишущего должно складываться достаточно ясное представление о возможностях знаков препинания и о их связи с синтаксическими структурами. (Ср. замечание Ф. Данеша: "В целом следует иметь в виду, что кодификация в нашем понимании имеет скорее характер директивы (инструкции, рекомендации) и технической нормы, чем строгого предписания или распоряжения (приказа или запрета)" [20, 282] – это вполне относимо к пунктуации.) Таким образом, в справочнике постоянно имеет место как бы сочетание формулировки собственно правила с комментариями к нему, с аргументацией. Всякого рода уточнения здесь существенны, например: а) из-за сложности характера некоторых синтаксических ситуаций; б) из-за сложности самих правил, их формулировок и их применения; в) из-за открытого характера решения некоторых пунктуационных ситуаций.

(а) Очевидно, что пунктуационная (синтаксическая) ситуация сама по себе может быть достаточно сложной, о чем свидетельствуют в первую очередь пунктуационно-орфографические комплексы, такие, например, как контекст с прямой речью, где интерпозитивная схема ("интерпозиция вводящего предложения относительно чужой речи") характеризуется парадигматичностью взаимодействия частей комплекса [57, 1.5]. О ситуации "стык двух союзов (или союзного слова и союза)", которая может иметь место и в сложноподчиненном, и в сложносочиненном, и в осложненном простом предложении (наиболее сложен первый случай, связанный с наличием придаточных предложений первой и второй степени), см. в следующем пункте.

(б) Сложность самих правил и их применения может быть продемонстрирована, например, правилами постановки знаков препинания при однородных членах предложения. Факторы для установления однородности определений таковы, что однородность здесь следовало бы считать скорее явлением не грамматическим, а семантическим. Столь же неопределенны правила постановки знаков препинания при однородных приложениях – а именно запятой между учеными званиями и учеными степенями (эти последние различаются, но "выступают в общем ряду как однородные приложения"), не говоря уже о различении ученого звания и должности (*профессор, доцент*) [45, § 11]. Сюда же может быть отнесено употребление трудно разграничиваемых семантически неоднозначных служебных слов, требующих в одном значении

выделения с помощью парной запятой (*как* = сравнение) или невыделения в другом значении (*как* = в качестве), при "смазанности" этой оппозиции случаем *как* = будучи.

Типичный случай трудности применения правила связан с уже упомянутой ситуацией "запятая на стыке двух союзов (или союзного слова и союза)". Согласно правилу вопрос о постановке/непостановке запятой между союзами должен решаться на основании возможности/невозможности мысленной операции опущения придаточного второй степени без структурной перестройки придаточного первой степени. Такой мысленный эксперимент сам по себе труден для пишущего (даже для студента-филолога и журналиста), подробнее об этом см. [62].

(в) Иногда рекомендация постановки знака препинания не является определенной – решение вопроса оставляется на волю пишущего, в зависимости от конкретной синтаксической структуры в (кон)тексте, как, например, в ситуации "запятая на месте разрыва текста предложения вставной конструкцией с помощью парного тире". Здесь допустимы (по условиям) все четыре возможности: парное тире вообще без запятой [– –]; запятая перед первым или перед вторым элементом парного тире – [, – –] или [– , –]; запятая и перед первым, и перед вторым элементами парного тире [, – , –] [45, 113–114]. На выбор в конечном счете влияет наличие тех или иных конструкций – как в тексте разрываемого вставкой предложения (в первой или второй его части), так и в тексте самой вставки.

Центральным вопросом кодификации является проблема адекватности кодификации – существующей норме. Главное условие такой адекватности и соответственно главная задача кодификатора: объективное описание норм современного литературного языка [25, 28–29]; иначе говоря, кодификация должна опираться на наблюдения над живыми процессами функционирования литературного языка. Это и облегчено и в то же время затруднено тем обстоятельством, что кодификатор здесь сам является и свидетелем и участником описываемых языковых процессов, – и неизвестно еще, помогают ли ему в этом его собственный речевой опыт и опыт его среды или нет. Но что безусловно мешает кодификатору – это влияние, груз предыдущей кодификации, ее предписаний, ее традиций (ср. известное утверждение А.М. Пешковского: "Правильной всегда представляется речь старших поколений..." [41, 236]). При такой ориентации кодификатора появляется опасность отрыва кодификации от реальной нормы. Неслучаен тот факт, что Я.К. Грот в своем "руководстве", оказавшем огромное влияние на письменную практику конца XIX - начала XX в., не сумел избежать некоторых рекомендаций, которые явно не соответствовали пунктуационному узусу его современников и сформировавшимся современным пунктуационным нормам (примеры этого см. выше, в разделе "Специфика норм письменного кодифицированного языка", с. 201).

Другой пример подобного рода касается употребления сочетания знаков "двоеточие + тире" перед второй частью разорванной чужой речи в интерпозитивной схеме контекста с прямой речью: "Если в

словах автора заключаются два глагола со значением высказывания, из которых один относится к первой части прямой речи, а другой ко второй, то после слов автора ставится двоеточие и тире..." – гласит формулировка в Правилах 1956 г. (§ 196), а следом за ними – и в других пособиях, отправляясь от обязательного наличия в вводящем предложении двух глаголов (типа *сказал и добавил*). Между тем наблюдения показывают, что в современной прозе широко распространено употребление интерпозитивной схемы, пунктуационно оформленное сочетанием "двоеточие + тире" перед второй частью разорванной чужой речи, но с одним глаголом в вводящем предложении (с глаголом речи или обозначающим "действие + говоря при этом"), типа: – Ага! – Салтыков повернулся к Суворову: – Слышишь, как они тебя хвалят? (С. Григорьев. Александр Суворов. Гл. 2). Такое употребление – результат развития интерпозитивной схемы контекста с прямой речью: здесь не реализуется функция ввода первой части чужой речи, ориентированная влево (при обратном порядке следования главных членов вводящего предложения), а действует только функция ввода второй части – односторонняя ориентация вправо, поддержанная семиотической функцией предупреждения (с помощью двоеточия), подчеркнутая прямым порядком главных членов вводящего предложения (находящегося в препозиции по отношению ко второй части чужой речи).

Известно значение книги А.Б. Шапиро "Основы русской пунктуации", вышедшей накануне реформы 1956 г. Касаясь рассматриваемой схемы, А.Б. Шапиро сформулировал следующее положение: "Если в словах автора содержится указание на то, что прямая речь будет продолжена в виде второго отрезка, то после слов автора ставится двоеточие" [52, 326]. В свете сегодняшней пунктуационной практики художественной прозы формулировка А.Б. Шапиро представляется более широкой и, главное, более гибкой, обращает внимание пишущего на функцию предупреждения. Закрепленная же Правилами 1956 г. формулировка охватывает только часть случаев рассматриваемой схемы – с наличием двух глаголов в вводящем предложении.

Сказанное показывает, что кодификация должна "иметь при своей статичности и определенную перспективную глубину" [22, 68]. Адекватность кодификации и нормы возможна лишь в том случае, если кодификатор стремится к описанию свойственных узусу процессов синхронной динамики, иначе говоря, к "изучению норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях" [13, 9]. Правда, даже и в этом случае вступают в противоречие между собой стабилизирующее действие кодификации и динамика языковой нормы. В.А. Ицкович видел основной – внутренний – недостаток кодификации в самом факте ее существования, в направленности ее действия на сохранение устаревающей литературной нормы [25, 29]. (Следствие этого образно представлено А.М. Пешковским: «Если в языке "все течет", то в литературном наречии это течение заграждено плотиной нормативного консерватизма до такой степени, что языковая река чуть ли не превращена в искусственное озеро» [41, 236].) В этой "неподвижности" (или

"малоподвижности") и сказывается роль кодификации, вернее, роль "внедрения кодификации в практику" ([20, 282], выражение А. Едлички). Действие фактора "охранительного" влияния кодификации на письменную практику – при том, что процессы синхронной динамики носят микроскопический характер и их выявление в процессе кодификации представляет значительную сложность, – может иметь следствием неотмеченность в кодификации некоторых изменений, происходящих в пунктуационной практике на наших глазах, таких, например, как процесс "наложения и совмещения" многоточия и запятой [57, 40–41], развитие сопроводительных ремарок в интерпозитивной схеме контекста с прямой речью [там же, 100–109] и нек. др.

Так, все пособия по пунктуации отражают явление, заключающееся в росте употребительности тире и в вытеснении им двоеточия. Это явление может отражаться в некоторых других пунктуационных процессах современности. И оказывается, что одни случаи такого рода зафиксированы в кодификации, а другие – нет. Например, отмечены случаи вытеснения двоеточия знаком тире в пунктуационной ситуации "обобщающее слово перед однородными членами предложения": "На письме после обобщающих слов, предшествующих однородным членам, согласно существующим правилам, ставится двоеточие. Однако очень часто мы видим здесь не двоеточие, а тире... Три молодых дерева растут перед дверью пещеры – липа, береза и клен" [52, 244–245]; "В связи с общим ростом употребительности тире и при обобщающих словах наблюдается тенденция к вытеснению двоеточия знаком тире. Это еще не стало правилом, но, при учете тенденций, не может восприниматься как ошибочное употребление" [8, 108].

Сказанное касается и ситуации "обобщающее слово + перечисление однородных членов + дальнейший текст предложения": правая граница перечня однородных членов отделяется от последующего текста знаком тире, и пунктуационное оформление этой ситуации может быть характеризовано как комплекс пунктуационных знаков – дистанционное сочетание "двоеточие... тире", например: Эти три важные функции: требования, критика и жалобы – направлялись, главным образом, через ЦИК (Аврора. 1990. № 5. С. 45). И в этом случае может иметь место замена двоеточия на тире, и вместо сочетания "двоеточие... тире" употребляется парное тире: Все выразительные средства музыкального театра – вокал, диалог, балет – словно закручены в единый клубок... (Нева. 1985. № 3. С. 176). Такое употребление было отмечено еще А.Б. Шапиро ("Довольно часто в предложениях описываемого строения наблюдается выделение однородных членов двумя тире..."); в этом случае изменяется синтаксический характер перечисления однородных членов: они "оказываются в положении вставной группы" [52, 247–248].

Есть еще одна пунктуационная ситуация, в которой употребительно дистанционное сочетание "двоеточие... тире" – "схема интерпозиции чужой речи относительно вводящего предложения" в контексте с прямой речью. Левая граница чужой речи фиксируется двоеточием, а для обозначения правой границы используются знаки запятая или тире

(или их сочетание) [45, § 51]. Примеры употребления такого тире с а) прямой речью и б) свободной прямой речью [51]: а) Услышал в ответ унылое: "Вас понял" – и выключил рацию (В. Санин. Точка возврата); б) Сказать: сегодня я играл хорошо – было просто непозволительно (С. Юрский. Кто держит паузу). И в этой ситуации оказывается возможной замена сочетания знаков "двоеточие... тире" на интерпозитивное выделение чужой речи знаком "парное тире": а) А когда я услышал крик – "джиу-джиу" – понял, что это не чечевица (Вокруг света. 1983. № 1. С. 22); б) Потом мама играла, а Анастасия Ивановна слушала и говорила – хорошо, ах, как хорошо, начинаю любить Моцарта больше Бетховена, Моцарт нужен детям для формирования характера – и просила, чтобы мама вела уроки музыки у них в детдоме (А. Розен. Разговор с другом). Но такое употребление двойного тире в этой ситуации не отмечено ни в Правилах 1956 г., ни в других пособиях по пунктуации.

Как один из случаев рассмотренной только что ситуации может расцениваться пунктуационная ситуация "прямой вопрос в позиции середины текста предложения". Например: а) На вопрос: "О чем думают химеры?" – Гейне ответил не сразу (Б. Кузнецов. Путешествие через эпохи); б) Когда мы спросили: зачем? – сослалась на забывчивость (Правда. 1981. 11 янв.). В отличие от ситуации "интерпозиция чужой речи относительно вводящего предложения" здесь правая граница текста вопроса фиксируется обязательным сочетанием "знак вопроса и тире" (для отделения от последующего текста). И здесь достаточно широко наблюдается оформление прямого вопроса с помощью знака парного тире: а) Когда Алексей вошел и спросил – "Можно"? – Бешелев помахал рукой... (Е. Воеводин. Семейное дело, 7); И тем не менее вопрос – Кенигсберг или Рига? – оставался пока открытым (Вокруг света. 1990. № 6. С. 48). Случай с парным тире не регламентирован ни в Правилах 1956 г., ни в пособиях по пунктуации (подробнее об этом см. [63]).

Это краткое рассмотрение случаев употребления сочетаний знаков "двоеточие и тире" и "двоеточие... тире" достаточно показательно для демонстрации возможностей в сфере кодификации пунктуационных норм современного русского языка.

Говоря о кодификации пунктуационных норм, следует указать также пласт в современной русской пунктуации, использование которого не может предписываться правилами. Это сфера употребления так называемых необязательных кавычек. Они противостоят четко регламентированным случаям обязательного употребления кавычек (при безабзацной прямой речи, для выделения цитат и условных наименований) и охватывают круг слов и выражений, отмечаемых как употребляемое не в своем обычном значении, иронически, как новое и, наоборот, устарелое... (§ 193 Правил 1956 г.). По своей функции это, скорее, не пунктуационный знак, а в широком смысле оценочные (оценочно-семантические, оценочно-модальные, оценочно-стилистические) "пометы" при словах и выражениях в тексте, отражающие языковое чутье пишущего, при их чрезвычайной употребительности весь-

ма субъективные [55]. Таким образом, суть противопоставления обязательных и необязательных типов кавычек можно интерпретировать как различие между предписанием и возможностью, иначе говоря, между правилом и правом пишущего. И сам факт отмеченности в правилах необязательных кавычек отнюдь не делает их обязательными: здесь неуместна обычная категорическая формулировка: "Кавычками выделяется", но предпочтительнее "могут выделяться" – при обозначении факультативности ("если автор хочет обратить на это внимание", "подчеркнуть эту их особенность" [6, § 127]). (Вопрос о применении формулировок с указанием на возможность – особая проблема в кодификации пунктуационных норм.)

О другом пласте современной русской пунктуации, к которому неприменим критерий нормативности/ненормативности и который соответственно не нуждается в кодификации, – о корпусе экспрессивных пунктуационных приемов см. выше, раздел "Функционально-стилистический аспект характеристики употребления знаков препинания".

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирова Т.А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М., 1985.

2. *Барулина Н.Н.* Роль знаков препинания при актуализации высказывания // Рус. яз. в шк. 1982. № 3.

3. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку [1912] // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

4. *Букчина Б.З.* "Правила русской орфографии и пунктуации" (1956 г.) и орфографическая практика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33, № 1.

5. *Былинский К.И., Никольский Н.Н.* Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 4-е изд. М., 1970.

6. *Былинский К.И., Розенталь Д.Э.* Трудные случаи пунктуации. 2-е изд. М., 1961.

7. *Валгина Н.С.* Принципы русской пунктуации. М., 1972.

8. *Валгина Н.С.* Трудные вопросы пунктуации. М., 1983.

9. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. 3-е изд. М., 1991.

10. *Ванников Ю.В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.

11. *Вахек Й.* К проблеме письменного языка [1939] // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

12. *Вахек Й.* Письменный и печатный язык [1948] // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

13. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1964. № 3.

14. *Винокур Г.О.* Проблема культуры речи // Рус. яз. в сов. шк. 1929. № 5.

15. *Выготский Л.С.* Мышление и речь [1934] // Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т. 2.

16. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура [1932] // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

17. *Гостеева С.А.* О взаимозамене знаков препинания в предложениях с обособленными приложениями // Школьная и научная грамматика. Воронеж, 1979.

18. *Граудина Л.К., Шварцкопф Б.С.* Колебания нормы в современном литературном языке: реальность и прогнозы // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. науч. конф. Москва, 20–23 мая 1991 г.: Доклады. М., 1991. Ч. 1.

19. *Грот Я.К.* Русское правописание. 16-е изд. СПб., 1903.

20. *Данеш Ф.* Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

21. *Дзякович Е.В.* Стилистический аспект современной пунктуации: Экспрессивные пунктуационные приемы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

22. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.

23. *Зализняк А.А.* О понятии графемы // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979.

24. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М., 1968.

25. *Ицкович В.А.* Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

26. *Ицкович В.А.* Опыт описания современной пунктуации // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.

27. *Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С.* Объективное и субъективное в кодификации литературной нормы // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тез. докл. секционных заседаний. М., 1974.

28. *Карич Л.В.* Грамматические, семантические и функциональные особенности конструкций с переключающей повествование прямой речью: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1986.

29. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

30. *Кочубей Р.И.* Сложные имена прилагательные в русском литературном языке XIX–XX вв.: (Словообразовательный и орфографический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

31. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.

32. *Леонтьев А.Н.* Об историческом подходе в изучении психики человека // Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1.

33. *Мамонов В.* Орфография // Проект Главнауки о новом правописании: Сборник. М., 1930.

34. *Наумович А.Н.* Современная русская пунктуация. Минск, 1983.

35. *Николаев А.А.* Пунктуация стихотворений Тютчева // Современная русская пунктуация. М., 1979.

36. *Одинцов В.В.* Принципы построения пушкинского диалога // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. 33, № 3.

37. *Ожегов С.И.* Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в шк. 1954. № 5.

38. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.

39. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966.

40. *Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С.* Опыт описания русской пунктуации как функциональной системы // Современная русская пунктуация. М., 1979.

41. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.

42. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

43. *Реформатский А.А.* (при участии М.М. Каушанского). Техническая редакция книги: Теория и методика работы. М., 1933.

44. *Реформатский А.А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

45. *Розенталь Д.Э.* Справочник по пунктуации: Для работников печати. М., 1984.

46. *Розенталь Д.Э., Голуб И.Б.* Русская орфография и пунктуация. М., 1990.

47. *Семенюк Н.Н.* Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

48. Слитно или раздельно?: (Опыт словаря-справочника) / Сост. Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая, Л.К. Чельцова. М., 1972.

49. Тезисы Пражского лингвистического кружка [1929] // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

50. *Фиска Г.* Норма серболужицкого (литературного) языка и ее кодификация // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах: Докл. на IV заседании Междунар. комиссии по славянским литературным языкам 22–25 октября 1974 г. М., 1976.

51. *Чумаков Г.М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.

52. *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955.

53. *Шапиро А.Б.* Современный русский язык: Пунктуация. М., 1966.

54. *Шварцкопф Б.С.* О норме и ее кодификации // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: Материалы IX зональной конф. кафедр рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1972.

55. *Шварцкопф Б.С.* О факультативных случаях употребления кавычек // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.

56. *Шварцкопф Б.С.* О параметрах кодификации пунктуационной нормы // Язык: система и функционирование. М., 1988.

57. *Шварцкопф Б.С.* Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

58. *Шварцкопф Б.С.* О двух аспектах современной русской пунктуационной нормы // Культура русской речи: Тез. I Всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.). М., 1990.

59. *Шварцкопф Б.С.* О понятии "колебание" ("колебание нормы") // Культура русской речи: Тез. I Всесоюз. науч. конф. (Звенигород, 19–21 марта 1990 г.). М., 1990.

60. *Шварцкопф Б.С.* О приеме антипарцелляции // In honour of professor Victor Levin. Russian philology and history. Ierusalem, 1992.

61. *Шварцкопф Б.С.* Сложное предложение и функции знаков препинания // Актуальные проблемы сложного предложения: Материалы науч. конф. 21–22 января 1993 г. Тверь, 1993.

62. *Шварцкопф Б.С.* Опыт анализа пунктуационной ситуации "стык двух союзов" // Русистика сегодня. 1994. № 2.

63. *Шварцкопф Б.С.* Сочетание "двоеточие... тире " в пунктуационной системе // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995.

64. *Ширяев Е.Н.* Соотношение знаков препинания в бессоюзном сложном предложении // Современная русская пунктуация. М., 1979.

65. *Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963.

66. *Sedláček M.* Interpunkce z hlediska jazykové kultury // Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Pr., 1979.

III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 8

ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Функциональная стратификация современных высокоразвитых литературных языков, в число которых входит и русский, – результат их эволюции, их исторического бытия, результат "разнообразных форм реализации" [6, 116], "различия по видам специального применения" [28, 123], а также по "сферам использования" [29, 75]. Именно в силу этого литературный язык приобретает качества полифункциональности и полиструктурности, т.е. универсальности.

Вычленение в общем языковом пространстве функциональной разновидности, обслуживающей профессиональную сферу общения, признано всеми специалистами в соответствующей области знания. Существует некоторый плюрализм мнений относительно обозначения этого феномена. Но при всем разнообразии номинаций сходство обнаруживается в том, что данную разновидность литературного (кодифицированного) языка называют языком (подъязыком) специальным.

Понятие специального языка в современном его понимании достаточно широко как по содержанию, так и по объему, поскольку включает в себя речь всех сфер профессиональной деятельности.

Ранее всего из профессионального общения исследователи выделяют сферу научного общения. Именно она, по мнению исследователей исторической лексикологии, оформляется на русской общекультурной и языковой почве как особая разновидность общелитературного национального языка в первой трети XVIII в., когда научные знания в России обретают контуры профессиональных знаний со всеми необходимыми атрибутами. Временно́е совпадение процессов формирования национального (русского) литературного языка и языка науки в условиях России не было случайным, напротив, оно отразило их известную взаимообусловленность и взаимосвязь. Это был этап в развитии отечественной культуры, когда "наука подошла к познанию таких пластов реальности, которые могут быть отображены лишь с помощью особого, противостоящего обыденному языку "языка науки" [10, 51]. Рождение такого "особого" языка диктуется рядом обстоятельств, характерных для определенного периода развития науки, а именно: обособленностью понятийного аппарата, его специализацией, усилением

роли субъективного фактора (появление ученых-профессионалов), необходимостью порождения и передачи новых знаний (новых смыслов), преобразованием "обыденного опыта" в "научный опыт" и др.

Л.Л. Кутина, известный исследователь языка науки, оформляющегося на русской языковой основе [11; 12], с исчерпывающей полнотой показала, как формированию национального (русского) литературного языка сопутствовало "возникновение и оформление различных функциональных разновидностей его, связанных с определенными направлениями и потребностями общественной практики. Одной из таких разновидностей является язык науки с разнообразными системами научных терминологий" [12, 3]. Все сказанное справедливо и не вызывает сомнений в истинности наблюдений автора. Однако в связи с иной постановкой проблемы, а именно в связи с более широким и объемным представлением о сфере профессионального общения, нельзя не признать, что научное общение – это одна из сфер профессионального общения, вершина его, но им не исчерпываются все области трудовой деятельности на разных ее уровнях и направлениях. Видимо, именно под влиянием этого обстоятельства почти синхронно в англо-, германо- и славяноязычной лингвистике появляется необходимость обращения к языку профессиональной сферы общения как к феномену, и, естественно, как следствие этого рождаются соответствующие номинации: languages for special purposes (LSP) – в англоамериканской литературе, Fachsprachen – в германоязычной литературе. Русскоязычные исследователи приняли английский вариант в виде кальки – "язык для специальных целей" (в развернутом виде) и LSP – ЯСЦ (в виде аббревиатуры). Этого можно было бы и не делать, поскольку в отечественной лингвистике (в трудах Д.Н. Шмелева) уже существовали номинации "специальный язык", "специальная речь".

Итак, более современным можно признать анализ функциональной разновидности литературного языка, обслуживающей профессиональное общение, в понятиях и терминах идеи о языке для специальных целей. Родилась эта идея не в собственно филологической среде. Чешский исследователь Любомир Дрозд считал "родиной" языка для специальных целей прикладную, так называемую экономическую лингвистику [7, 118–131]. Тем же автором в более ранней его работе была дана развернутая дефиниция понятия LSP: "...это функциональные разновидности современных развитых национальных языков, которые обслуживают специальные сферы знаний и деятельности (науку, культуру, производство, управление и др.) и обладают определенной спецификой в лексике, синтаксисе, словообразовании по сравнению с такими разновидностями естественного языка, как литературный язык, язык повседневного общения, обиходно-разговорный язык и др." [32]. Принимая данную дефиницию в основных ее дифференциальных и интегральных признаках, считаем, что она требует известной коррекции. А именно: LSP – функциональная разновидность национальных литературных языков (о чем фактически и говорится в начале дефиниции), поэтому брать за основу родовое понятие в виде естественного языка и противопоставлять ему "литературный язык",

"обиходно-разговорный язык" все-таки не совсем корректно. Позднее, видимо, именно это обстоятельство принимается автором во внимание и соответственно меняется определение: "...это функциональный язык, язык в специальной функции, подъязык данного национального **литературного** языка" [7, 120].

Интерес исследователей разных специальностей к функциональным разновидностям современных литературных языков возникает не в рамках филологической науки, как ее углубление и уточнение, а как реакция на практическую необходимость, вызванную потребностями профессиональной коммуникации, в условиях современной цивилизации, когда встает проблема гармонизации межъязыковых средств, появляется необходимость в стандартизации определенных пластов (дабы быть одинаково понятными в процессе профессионального общения специалистов, говорящих на разных языках). Не случайно совпадение обстоятельств зарождения в начале 30-х годов XX в. терминологических школ в Австрии и России, во главе которых оказались представители технических наук – инженер и промышленник Е. Вюстер (1898–1977) в Австрии и инженер Д.С. Лотте (1898–1950) в России.

Интерес к языку профессиональных сфер общения начинался с определения фундаментальных постулатов и методов работы с терминологией как с "неким инструментом, которым надо пользоваться наиболее рациональным способом, с тем чтобы он мог наиболее эффективно служить цели, для которой создан: устранению затруднений в научно-технических связях" [22, 15]. Этому способствовал и тот факт, что понятие языка для специальных целей нередко совмещалось (совпадало) с понятием терминологии, что хотя и близко к истине, но неисчерпывающе полно[1].

Носителями специальной информации действительно являются термины. А терминология в целом относится к числу интегрирующих факторов, которые, как теперь принято говорить, позволяют создавать единое информационное (экономическое, научно-техническое и т.п.) пространство, поскольку именно терминология обеспечивает информационное взаимопонимание на национальном и межнациональном уровнях, совместимость законодательных, правовых и нормативных документов и т.п. Но нельзя не учитывать и того факта, что для передачи профессиональной информации совершенно необходимы и нейтральные в семантическом отношении пласты лексики, имеющие свою функциональную специфику в рамках языка для специальных целей. Эта лексика не просто упаковка для терминов, но и необходимый атрибут, завершающий акт оформления специальной речи (текста).

В изучении языка для специальных целей (специального языка, профессионального языка) наступает такое время, когда требуется по

---

[1] Характерно в этом отношении мнение В. Ментрупа: "Под профессиональным языком можно понимать терминологию, имеющую в значительной мере конвенциональный характер, по возможности свободную от синонимии и омонимии, характеризующуюся высокой степенью точности, семантической четкости и однозначности" [16, 306–307].

возможности полная, всесторонняя его аттестация как своеобразной семиотической системы, действующей при всей своей особенности в определенных рамках существующих средств коммуникации, естественно модифицированных и приспособленных.

Характеристика понятия языка для специальных целей требует некоторых предварительных пояснений и прежде всего вопроса о том, какие конкретно ситуации актуализируют реализацию функционального языка. Первопричина заложена в потребностях общения в пределах специальных сфер коммуникации (наука, техника, производство, управление, сельское хозяйство, транспорт, связь, медицина, дипломатия и др.). Специальная тематика, специальные цели общения побуждают специалистов переходить на профессиональный язык, который в меньшей степени зависит от национальной принадлежности его носителей и совсем не зависит (не должен зависеть) "от общественно-экономической формации", от идеологии и мировоззрения[2].

Понятие LSP предполагает определение субъективного фактора, т.е. выяснение вопроса о том, кто является носителями (потребителями) языка для специальных целей. Что отличает этих людей именно как носителей LSP? Самая общая особенность коммуникации на языке для специальных целей сводится к тому, что общение осуществляется по системе "человек–человек" (хотя не исключена и система "человек–машина–человек"). Но это не особый человек – это человек, профессионально работающий в конкретной области знания (науки, техники, производства, управления и т.п.). Иными словами, основным необходимым качеством носителя (потребителя) языка для специальных целей становится п р о ф е с с и о н а л и з м, для которого необходимо владение понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности и соответствующей ему системой терминов. Именно поэтому нередко язык для специальных целей именуют профессиональным языком, языком профессии [16; 31].

Владение языком для специальных целей – явление вторичного характера, поскольку его носители изначально должны быть носителями национального литературного языка[3]. Именно это обстоятельство, видимо, позволило исследователям профессиональной речи говорить о явлении полиглоссии: «...человек, принадлежащий одновременно нескольким различным коллективам, социальным группам, имеет в своем распоряжении несколько "языков", "языковых систем". Такая полиглоссия предполагает возможность выбора варианта речи в

---

[2] Последнее обстоятельство в настоящее время представляется бесспорным, тогда как в недалеком прошлом исследователи находились в состоянии повального заблуждения, утверждая зависимость языка для специальных целей от "конкретной общественно-экономической формации (социалистической, капиталистической), т.е. зависимость от идеологии, мировоззрения говорящих на этом языке" [13, 29].

[3] Правда, степень владения литературным языком у носителей языка для специальных целей не всегда стопроцентно высока. Вполне можно допустить случай прекрасного владения языком профессии и не столь безупречного владения литературным языком (не исключены проявления языкового субстрата, недостаточно высокая общая культура и некоторые другие обстоятельства).

зависимости от конкретных условий общения» [3, 29]. Думается, что это утверждение мало соответствует действительности. Никакого "многоязычия" в данном случае не наблюдается, поскольку речь идет об одном национальном литературном языке, представленном в его практическом использовании несколькими функциональными разновидностями.

Что происходит, когда профессионал начинает общение на LSP? Переход на язык для специальных целей образно можно охарактеризовать, как некую смену языкового регистра[4]. В целом язык (инструмент) остается тем же национальным литературным языком, но в конкретных (профессиональных) условиях он содержательно редуцируется, делается монотематичным в зависимости от области знания и предмета общения (хотя и не обязательно), насыщается специальными словами и выражениями, использование которых предполагает тот же необходимый профессионализм, т.е. компетентность. Все это становится возможным при переходе субъектов общения на профессиональной уровень сознания[5].

Для общения профессионалов в конкретной области знания подобная "смена регистров" осуществляется достаточно естественно и автоматично. В общении специалистов разных сфер деятельности механизм включения языка для специальных целей не срабатывает автоматически (особенно если сферы профессиональных интересов достаточно далеки друг от друга).

Важным компонентом профессионального речевого акта в рамках того же субъективного фактора является адресат, партнер по коммуникации. Социально-ролевой статус отправителя речи и адресата позволили исследователям выделить в качестве самостоятельных интерпрофессиональную и интрапрофессиональную коммуникации [3, 32]. "Интерпрофессиональная коммуникация представляет собой речевые акты, в которых профессиональные роли коммуникантов не совпадают" [там же]. Типичным примером в этом случае является общение типа "врач–пациент". "Интрапрофессиональная коммуникация осуществляется внутри определенной социально-профессиональной общности" [там же, 34].

Кроме коммуникации по модели "специалист–специалист", которая, как уже отмечалось, сама по себе неоднородна, поскольку включает и

---

[4] В данном случае понятие регистра, скорее, метафора по сравнению с "идеей так называемых регистров (registers)", "разновидностей языка, выделяемых в соответствии с употреблением и соответствующих определенным типам ситуации" (см. об этом [17, 4–5]).

[5] Существует и другая точка зрения, согласно которой "своеобразие профессиональной речи наших дней лишь на первый взгляд кажется чем-то принципиально значительным. В действительности же специфика имеет не качественный, а количественный характер и ограничена набором узкоспециальной лексики, особенностями ударения у нескольких десятков слов (*искра́, до́быча* и т.п.), образованием некоторых грамматических форм (*клапана́, ватмана́* и т.п.) и синтаксических конструкций (*разведка на нефть, наблюдение больного, следить зверя* и т.п.)" [4, 8]. Следует заметить, что сказанное весьма дискуссионно и требует тщательного изучения на большом и всестороннем языковом пространстве.

однодисциплинарные и разнодисциплинарные ветви, столь же актуальна и модель общения "специалист–неспециалист". Последняя реализуется в достаточно широко представленном наборе таких "жанров", как научно-популярные произведения, словари, ориенированные на дилетантов, а также многочисленные инструкции по эксплуатации электроприборов; руководства по сборке предметов быта (мебели и др.); брошюры с рекомендациями для людей, страдающих наиболее распространенными болезнями; научно-популярные передачи по радио и телевидению и т.п. В последнем случае язык общения, оставаясь в рамках LSP, "рассматривается уже не как сугубо специальные терминологические системы, а как неоднородные комплексы, расслоение которых на горизонтальные пласты определяется такими параметрами, как коммуникативная ситуация, партнер коммуникации и коммуникативные условия" [16, 323–328]. Все это подтверждает мысль о неоднородности языка для специальных целей. При этом имеется в виду не только его дисциплинарное различие, но и структурно-функциональное.

Существенна и еще одна характеристика LSP. Исследователи считают, что язык профессиональной сферы общения, и прежде всего язык науки, по сути своей представляет "проявление групповой речевой деятельности" в отличие от художественной речи, которую можно охарактеризовать как "проявление индивидуального речевого акта" [20, 38; 21, 56][6].

Специальный язык предельно диалогизирован во всех своих внешних формах, будь то письменная речь или устная, поскольку профессиональная сфера всегда предполагает обсуждение проблемы, конкретного вопроса или факта. Исследователи в понятие "научный диалог" вкладывают глубокий смысл, видя в нем "вид речевой деятельности, в котором реализуется не только процесс научного общения, но и процесс коллективного научного творчества в его динамике. Для ученого диалог нередко становится не только формой речи, но и формой мысли" [25, 258–261]. Может быть, именно эти обстоятельства способствовали тому, что "свойственные людям (вовлеченным в науку) индивидуальные особенности языкового употребления слабо предохраняют их научную речевую деятельность от нивелирующего коллективизма" [20, 38].

После этих в целом достаточно общих характеристик LSP перейдем к его основным лингвистическим чертам.

I. LSP – это естественный язык с элементами языков искусственных, точнее, специализированных искусственных, или символических, языков науки (языки математики, логики, лингвистики, химии и др.), а также языков человеко-машинного общения (алгоритмические,

[6] Понятие (термин) "групповой язык" используется и в другом смысле, т.е. как язык определенной группы людей, объединенных профессиональными интересами. И в этом смысле "групповой язык" противопоставляется "всеобщему". Ср. следующее высказывание: «Поскольку термин принадлежит не всеобщему, а "групповому языку", его семантика относительна для самостоятельных, целенаправленных, регулирующих модификаций» [1, 33].

или языки программирования, языки операционных систем и т.п.) [14, 202].

II. LSP – это в е р б а л ь н ы й я з ы к, но с достаточно широко развитой тенденцией к привлечению в его составе авербальных средств, используемых и в функции номинации специального понятия, и в функции его дефиниции, последнее как дополнительное средство в виде рисунка, чертежа, схемы и т.п. Имеются в виду экземплификация, пиктография и др. Можно сослаться на диссертацию, в которой приводятся примеры "терминоединиц, мотивированных графической конфигурацией денотата" [18, 12].

Использование невербальных средств (цифровых, буквенных, графических) в профессиональных языках относится прежде всего к сфере терминообразования. И здесь их предназначение достаточно разнообразно. Они могут быть: терминоэлементами (α-лучи, β-излучение, *K*-тый шаг, *N*-ный член) в простом термине; терминоэлементами в составном термине в функции атрибутивной его части (константа *K*, кривая L_2); самостоятельным термином (H_2O, H_2SO_4), являющимся формульным аналогом вербального термина [23, 8][7].

Важно отметить существующее мнение о том, что "представление информации с помощью нелингвистических средств в таблицах, графиках и рисунках... высокоэкономно, но понятно только специалисту, который знает символы и может использовать намерение данного сообщения" [24, 227]. Думается, этот "порок" невербальных средств выражения специальной информации не лишает последних прав на успешное существование, поскольку вся эта информация изначально рассчитана на "посвященных".

III. Язык для специальных целей – это н а ц и о н а л ь н ы й в сво-

---

[7] Конечно, эти средства выражения понятий – привилегия языка для специальных целей, главным образом языка науки. Те редкие случаи использования невербальных номинативных средств вне их основной сферы, в частности в языке художественной литературы, свидетельствуют об использовании их в иных функциях, иногда как некоего изысканного авторского приема. Ср., например, в тексте А.И. Цветаевой: "Где была Мэри? Ника не знала. Она помнила, как первый раз в жизни, так смело презрев страх волн, она плывет по ночному, холодному морю прочь от берега, в открытое, шумное – и хохочет, что плывет в аш-два-о..." (Amor. М., 1991. С. 285). А может быть, это отражение некоторой привычки автора (он же персонаж) называть (в шутку, конечно) воду "аш-два-о" или атрибут сюжета. Так, тот же автор в том же произведении еще дважды использует химические формулы в их вербальном обличии. На сей раз они потребовались сюжетной ситуацией: "Я на извозчике выучила сорок восемь формул, я их забыла... но две и теперь помню, которые я ответила по билету – серная кислота и вода! Помню! Аш-два-эс-о-четыре..." (с. 285). И далее: " – Ты хохотала ундинным серебряным смехом, – рассказал ей наутро Макс, – и я еле с тобой справился – ты уплывала... Ты была холодная, скользкая и кричала про аш-два-о..." (там же). Данные примеры как нельзя лучше показывают, что в языке художественных произведений формулам не место. Означаемые ими понятия здесь именуются в словесной форме, и даже если, когда автору требуется, упомянуть о них именно как о формулах, то в этом случае они предстают не в символическом виде. Правда, тот же сюжет, повторенный автором в другом его произведении, выглядит уже по-иному: "По пути на экзамен по химии я выучила на извозчике 48 формул, почти незнакомых. Из них меня спросили две: воду и серную кислоту. Их помню – и только их: H_2O, H_2SO_4 до сих пор" (А. Цветаева. Воспоминания. М., 1984. С. 371).

ей основе язык, но с постоянной, традиционной тенденцией к его интернационализации. Тенденция эта – неизбежное следствие того факта, что профессиональные знания (и прежде всего наука) не имеют государственных, национальных, идеологических и иных границ. Опыт понятийно-терминологического обособления, предпринятого и строго насаждаемого в условиях существования СССР, окончился полной катастрофой и признанием необходимости отказа от "доморощенных" идеологически отстраненных номинаций типа *социалистический реализм, социалистическое соревнование, социалистическая собственность, закон социалистического накопления* и т.п., с одной стороны, и таких идеологически противопоставленных понятий (терминов), как *агропромышленный комплекс при капитализме – агропромышленный комплекс при социализме, банк при капитализме – банк при социализме, заработная плата при капитализме – заработная плата при социализме* – с другой (примеры см. в кн.: Политическая экономия: Словарь. М., 1990).

Интернационализация языков для специальных целей предполагает прежде всего гармонизацию их на понятийном уровне, на уровне содержания и объема основных понятий.

Иными словами, термины *биржа, банк, брокер, рынок, налог, права человека, инвестиция, спекуляция, предпринимательство* или *бизнес* и т.п. на всех языках должны обозначать одно и то же содержание понятия. Только в этом случае возможны содружество, торговля, совместные предприятия и другие формы международной деятельности и профессионального общения.

Применительно к научным дисциплинам вернее говорить не об основных понятиях, а о "парадигмах" (системах постулатов, правил, форм завершенного продукта), поскольку, как отмечают ученые, научные дисциплины вырабатывают единое для дисциплинарной общности, т.е. для живущего поколения ученых, представление о членениях предмета, что обеспечивает взаимопонимание ученых и возможность дисциплинарного признания результатов их исследования [19, 56].

Интернационализм в языках для специальных целей осуществляется двумя основными способами: использованием в терминообразовании терминоэлементов (префиксов, суффиксов, основ, частей сложения) из интернационального языкового (греко-латинского) фонда и заимствованием готовых номинаций из одного и того же языка-лидера. На роль последнего в настоящее время, без сомнения, претендует английский язык, на базе которого формируются основные современные терминосистемы (информатика, электроника и т.п.). В свете сказанного обостряется традиционная проблема борьбы с заимствованиями, особенно в профессиональном общении, где "чистота" национального языка не должна быть понята слишком банально[8].

---

[8] На региональном уровне с ограниченными интернациональными границами (например, в ситуации современного СНГ) неизбежен вопрос о языке-посреднике. Эту роль традиционно играл и продолжает играть русский язык. Недаром в некоторых новых государствах "ближнего зарубежья" русский язык официально признается языком межнационального общения.

IV. LSP – полифункциональная языковая формация. Будучи одной из функциональных разновидностей высокоразвитого литературного языка, LSP занимает широкое поле языкового пространства и выполняет самые существенные функции языка: отражение действительности и хранение знания (эпистемическая функция), получение нового знания (когнитивная функция), передача специальной информации (коммуникативная функция)[9].

Выполняя достаточно разные, но одинаково важные функции, LSP сам становится функцией человека в его деятельности и оценивается "как основная социально-ролевая функция человека, реализация которой предоставляет ему средства для существования, но одновременно требует от него соответствующих знаний и умений, приобретаемых в результате обучения, а также опытом и привычкой" [3, 30–31].

V. LSP – полиструктурная языковая система. Полифункциональная языковая формация естественно должна обладать способностью к полиструктурности, чтобы обеспечивать разные коммуникативные потребности. На содержательном уровне LSP распадается на конкретные профессиональные языки, которые при общей основе специального языка приобретают всякий раз свои приоритеты в плане выражения. Не надо доказывать, что язык математиков существенно отличается от языка историков, а язык химиков – от языка филологов. Но при этом у них есть общие разновидности, характер которых обусловлен формой реализации. Таковы письменная и устная формы LSP.

Установилось своеобразное соотношение форм реализации с основными функциями LSP: в функции накопления и передачи знаний "письменная (точнее, печатная) речь занимает почти монопольное положение" [26, 16–17]; в функции распространения знаний также приоритет принадлежит письменной речи; в профессиональном общении ведущей остается устная речь [там же].

Современный LSP стилистически неоднороден. Исследователи, отмечая эту особенность, разработали своеобразные "многослойные модели" профессиональных языков. Воспользуемся готовой разработкой, сделанной на материале немецкого языка, но явно носящей характер универсальности. Проиллюстрируем это положение выдержкой из упоминавшейся ранее статьи Ментрупа [16].

Для отдельных профессиональных языков были разработаны примерно следующие многослойные модели:

"– Для области профессиональных языков техники: язык науки

---

[9] Интересно вспомнить, как оценивали основные идеи (функции) языка ученые в прежние времена, например В. Гумбольдт: "Язык имеет троякую цель, соответствующую интенсивности его действия:

Он – посредник в процессе понимания и требует поэтому определенности и ясности.

Он дает чувству выражение и сам вызывает чувство и поэтому требует силы, отчетливости и гибкости.

Он побуждает через сообщаемый мысли облик к новым мыслям и их сочетаниям и потому требует действия духа, который оставляет в словах свой отпечаток" [5, 378].

(язык теории, специальная терминология), язык производства (цеховой язык, профессиональный разговорный язык, собственно производственный язык, специализированный по более мелким отраслям) <...>.

– Для политического профессионального языка: научный язык, деловой язык, профессиональный разговорный язык.

– Для профессионального языка химии: научный язык, жаргон, употребляемый в лабораториях, язык учебников, язык преподавателя.

– Для медицинского профессионального языка: научный язык, профессиональный разговорный язык, язык учебников, язык практики, или язык клиник.

Сравнение этих различных моделей позволяет выделить три основных слоя.

– Первый слой – это научный язык... за исключением тривиальных названий и, возможно, общих специальных слов.

– Второй слой – это профессиональный разговорный язык (цеховой язык, производственный язык, лабораторный жаргон), который состоит прежде всего из нестрого определенных профессиональных слов и жаргонизмов и служит преимущественно для повседневного общения людей, работающих в данной отрасли.

– Третий слой – <...> язык продавцов, язык торговцев, язык агитации, язык рекламы" [16, 328].

Предложенные (процитированные) модели дифференциации профессиональных языков, конечно, не могут быть рассмотрены как некий эталон. Это один из возможных вариантов, к тому же разработанный на материале разных (но далеко не всех) конкретных языков для специальных целей. В данном случае необходимо было подчеркнуть по крайней мере два немаловажных обстоятельства. Во-первых, язык для специальных целей как объект исследований предстает по своей функциональной и структурной направленности в виде феномена, который в конкретных условиях реализации достаточно легко расслаивается на конкретные профессиональные разновидности (часть таких разновидностей приводится в цитируемой работе); во-вторых, и это представляется особенно существенным, в каждой из таких профессиональных разновидностей LSP последовательно выделяются язык науки и профессиональный разговорный язык (язык практики). Последнее обстоятельство дает возможность аттестовать язык науки в рамках (а не за пределами) языка для специальных целей. Выражаясь образно, можно сказать, что язык науки – один из основных стеблей LSP, переходящих в ствол и составляющих вершину всего дерева как по его функциональной роли, так и по информационной насыщенности и ценности.

Такое положение языка науки обеспечивается его особым лексико-семантическим и деривационным потенциалом, который обнаруживается при обращении к плану содержания и плану выражения в их единстве.

VI. Лексико-семантическая система LSP – д и ф ф е р е н ц и р у ю щ и й ф а к т о р этого функционального языка. Исследователи давно отметили, что суть и основное отличие языка для специальных

целей заключены в специфике плана содержания. Именно содержательная организация определила конкретную адресованность специальной речи, формы функционирования, ее жанрово-стилистическое своеобразие. Объективация содержания вкупе с коммуникативным характером научного и другого творчества потребовала соответствующих средств выражения. Произошел и продолжает происходить, с одной стороны, отбор из общеязыкового национального и интернационального фондов готовых единиц номинации, с другой – формирование (как правило, по образцу и подобию существующих) собственных средств выражения необходимых смыслов, категорий, понятий.

То, что дифференцирующий фактор языка для специальных целей заключен в его лексико-семантическом аппарате, что именно этот аппарат) способен осуществить основное предназначение языка, как будто не вызывает сомнений.

Исследователи средств выражения в LSP неизбежно сталкиваются с необходимостью их классификации, выделения типов на определенных (не случайных, а приоритетных) основаниях. И это вполне естественно, поскольку речь идет об огромном массиве номинаций специальных понятий, неоднородных по семантическим критериям, а следовательно, и по своему назначению, по выполняемой ими роли носителей специальных смыслов.

Классификационные схемы средств выражения в LSP давно заняли свое место в лингвистической литературе, в словарях, и они достаточно традиционны. Последнее обстоятельство и побудило возвратиться к классификации как первичному приему анализа объекта. Однако часто используемый принцип классификации, как правило по логическим категориям (предметы, процессы, свойства, величины), а иногда и по лексико-семантическим группировкам терминов (наименования профессий и др.), представляется не совсем удачным, несмотря на возможность охватить основной корпус специальных наименований, поскольку он слишком универсален и не отражает специфики профессиональной деятельности специалистов. Предлагаемая нами классификация единиц специальной номинации имеет два основания: по функциональному признаку (общенаучная, межнаучная (межсистемная) и узкоспециальная терминология) и по существенным атрибутам деятельности (наименования сфер деятельности, ее субъектов, объектов, средств, продуктов).

Далее будет предпринята попытка классификационного описания средств выражения в языке для специальных целей с анализом современных тенденций, нормативных направлений и культурно-речевых особенностей.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ, КАТЕГОРИЙ, ПОНЯТИЙ В LSP

Набор средств выражения в LSP столь разнообразен (о чем частично уже говорилось ранее), что не может быть представлен исключительно лингвистическими единицами. Однако основу его составляют вербальные средства (слова, словосочетания, фразеологические еди-

ницы). Именно поэтому представляется целесообразным остановиться на них более подробно.

Как и всякое массовое средство выражения, вербальные средства имеют тенденцию к формированию некоего ядра (центра), составляющего основной, наиболее функционально нагруженный лексико-семантический фонд, и периферии, роль которой существенно иная, но не менее заметная.

Основной лексический фонд включает в себя как специальные, так и неспециальные вербальные средства выражения соответствующей области знания. Специальный словарь основного лексического фонда, естественно, представлен терминологией, которая помимо собственно номинативного терминологического пласта содержит терминированные слова, выраженные другими знаменательными частями речи (термины-глаголы, прилагательные, наречия), а также предложно-падежные конструкции, функционально выполняющие ту же роль, что и термины. Это своеобразные шаблоны, заготовки для конкретных номинаций типа "в... режиме" (*в автоматическом режиме*), "в... исполнении" (*в северном исполнении*). Общеупотребительные, неспециальные средства выражения в составе основного лексического фонда LSP функционально также значительны в силу их общей с терминологией предназначенности.

Периферию лексики LSP составляют те языковые средства, которые часто присутствуют в специальной речи (текстах) как индивидуально-авторские черты. Тем не менее они также поддаются некоторому обобщенному группированию.

Итак, язык для специальных целей осуществляет вербализацию профессионального знания, а для этого он должен обладать соответствующими лексико-семантическими средствами, способами адекватно передавать все основные категории и понятия науки, техники и других областей профессиональной деятельности.

В сложной и многомерной системе вербальных средств выделяются достаточно автономные функциональные пласты. Вершину их составляют общенаучные термины, предназначенные выражать категории и понятия, принципиально и продуктивно применимые ко всем областям научного знания и объединяющие в своем составе номинации логико-философских категорий, обладающих гносеологической универсальностью, а также категорий и понятий нового типа, возникших в результате математизации и кибернетизации, электронизации, информатизации, науки, интеграционных процессов и новейших методов исследования. Таковы: *система, элемент, структура, функция, модель, парадигма, информация, управление, программа, надежность, адаптация, метод, фактор* и мн. др.

Функциональное предназначение общенаучных средств выражения сводится в конечном итоге к поиску средств теоретизации науки, к универсализации научных средств и тем самым к универсализации языка для специальных целей вообще.

Можно отметить некоторые достаточно внешние в языковом отношении характеристики общенаучных терминов, которые обнаружи-

ваются при функционировании их в специальной литературе и в специальной речи. Входя в состав универсальных средств выражения, общенаучные термины не только не утрачивают конкретизации, но, напротив, предполагают ее при использовании их в отдельных областях знания. Тем самым реализуется способность терминов (понятий) к порождению производных. Ср.: *информация* и *социальная информация, экономическая информация, научно-техническая информация, производственная информация, биологическая информация, генетическая информация, измерительная информация* и т.п. Существенной и традиционной чертой общенаучных терминов (понятий) считается их способность к "сопряженности в парах", на основе которых развиваются и более сложные комплексы: *абстрактное и конкретное, необходимость и случайность, возможность и действительность, причина и следствие, качество и количество, структура и функция, эволюция и революция, анализ и синтез, а* также более сложное сопряжение: *содержание–форма–структура–функция, возможность–действительность–необходимость* и др.

Дисциплинарная организация науки (дифференциальный фактор) естественным образом порождает и объединения науки (интегральный фактор), основания для которых могут быть самые разные: по основным формам движения материи (наиболее традиционная), позволившим выделить три цикла наук – общественные, естественные, технические. Правда, вне их пределов остались математические, сельскохозяйственные, медицинские и некоторые другие науки. Известны и другие деления наук – на фундаментальные и прикладные, эмпирические и теоретические, высокоформализованные и описательные. Современное состояние развития науки, с приоритетными интеграционными процессами, изменило сам принцип деления наук: на смену дисциплинарному пришел проблемный принцип, который породил междисциплинарные комплексы. Этот факт не мог не отразиться на понятийном аппарате науки в целом, ее отдельных комплексов и конкретных дисциплин, что естественным образом вызвало адекватные процессы интегрального, синтетического характера в терминологическом фонде современного языка для специальных целей. В самом общем виде это выразилось в увеличении и закреплении пласта м е ж н а у ч н о й, или межсистемной, терминологии. Само понятие "межнаучная (или "межсистемная") терминология" объединяет два достаточно самостоятельных пласта. Один из них обнаруживается при вычленении интегрирующих элементов внутри цикла наук (покажем это далее на примере общетехнических терминов), другой – в отдельных терминологических единицах, именующих понятия, применяемые в понятийных аппаратах разных (не внутрикомплексных) объединений.

Межнаучные (межсистемные) термины, будучи интегрирующими средствами областей теоретического знания и практики (общебиологические, общегеологические, общетехнические и т.п.), имеют универсальные основания для объединения понятий. Так, общетехнические термины, обозначающие понятия структуры деятельности в области

техники, представлены следующими универсальными группами наименований.

С ф е р а д е я т е л ь н о с т и: *техника, производство, машиностроение, приборостроение, станкостроение, энергетика, радиоэлектроника, телемеханика, автоматика, вычислительная техника, робототехника, ядерная техника* и т.п.

О б ъ е к т д е я т е л ь н о с т и: *техника* (в значении "совокупность средств, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей общества" – Сов. энцикл. словарь. – СЭС).

С у б ъ е к т д е я т е л ь н о с т и: *конструктор, инженер, техник, оператор, аппаратчик, автоматчик, программист* и т.п.

С р е д с т в а д е я т е л ь н о с т и, в составе которых объединяются орудия деятельности (предметы) и процессы деятельности (действия).

Сюда же относится и п р о д у к т д е я т е л ь н о с т и: *проводниковые материалы, терминалы, лазеры* и др.

1. О р у д и е д е я т е л ь н о с т и:

а) наименования собирательных понятий:

– аппаратура (*а. связи, а. акустиковой связи, а. телеграфной связи, а. телефонной связи, а. передачи данных, телевизионная а., пускорегулирующая а.*);

– арматура (*кабельная а., а. электрических изоляторов, а. электронной аппаратуры, напрягаемая а., ненапрягаемая а., проволочная а., пучковая а., стеклопластиковая а., стержневая а.*);

– оборудование (*буровое о., химическое о., газонефтяное о., горноразведочное о., горно-шахтное о., испытательное о., нагревательное о., оптическое о., радиолокационное о., акустическое о., гидроакустическое о.*);

– средства (*гидрографические с., гидрометеорологические с., грузоподъемные с., землеройные с.* (бульдозеры, грейдеры, скреперы, экскаваторы), *радиотехнические с., с. бурения, с. многоканальной связи, транспортные с.*);

– устройства (*кодирующие у., декодирующие у., коммутационные у., у. вычислительной машины, у. аналоговой вычислительной машины, весодозирующие у., исполнительные у., делительные у., множительно-делительные у., множительные у., запоминающие у., ассоциативные запоминающие у., буферные запоминающие у., внешние запоминающие у., емкостные запоминающие у., криогенные запоминающие у.* и т.п.);

– установки (*силовые у., пусковые у., орбитальная у.*);

– блоки (*б. вычислительной машины, строительные б., б. защиты реактора, б. памяти, б. управления, суммирующие б.* и т.п.);

– сооружения (*водозаборные с., гидротехнические с., оградительные с., судоподъемные с., котлованные с., подземные с., с. связи, пневмосооружения* и нек. др.);

– системы (*автоматизированные с. контроля, автоматизированные с. контроля параллельного действия, автоматизированные с.*

контроля последовательного действия, автоматические с. управления, автономные с. управления);

– станции (*автоматические космические с., автоматические метеорологические с., автоматические телефонные с., космические с., подвижные с. спутниковой связи* и т.п.);

б) наименования несобирательных понятий, обозначающих предметные средства деятельности. Особенностью этих терминов является обязательность наличия родовидовых разновидностей номинаций:

– аппараты (*воздушные летательные а.* (аэростаты, автоматические аэростаты), *беспилотные летательные а.* (вертолеты, винтокрылы, радиоуправляемые самолеты), *автоматические космические а., а. исследования Луны, а. исследования планет, а. "сердце–легкие", вакуумные а., глубоководные а., космические а.*);

– двигатели (*аварийные д., газотурбинные д., паровые д., газовые д., карбюраторные д., автомобильные д., пусковые д., ракетные д., подъемные д.*); движители (*водометные д., гидромоторные д., магнитогидродинамические д., роторные д., электровзрывные д., электролизные д.*);

– детали (*машин, приборов, радиоэлектронной аппаратуры* и т.п.);

– машины (*роботы, абсорбционные холодильные м., адресовальные, алфавитные счетно-перфорационные м., аналоговые вычислительные м., аналоговые электронные вычислительные м., асинхронные вычислительные м., безадресные вычислительные м., вероятностные м., вычислительные м., вычислительные м. для управления энергосистемами, вычислительные м. с жестким программным управлением*);

– приборы (*электровакуумные п.* – аноды, катоды; *астрономические п., газовые квантомеханические п., геофизические п., дозиметрические п., жидкостные квантомеханические п., измерительные п., квантовые п. СВЧ; полупроводниковые приборы:* коллекторы, эмиттеры и др.);

– станки (*станки-автоматы, буровые с., деревообрабатывающие с., заточные с., круглопильные с., ленточнопильные с., лесопильные с., металлорежущие с., механические с., сверлильные с., с. для гнутья арматуры, с. для резки арматуры, токарные с., фрезерные с., шлифовальные с., электрозаточные с.*);

– механизмы (*манипуляторы, вибрационные м., дифференциалы, инерционные м., м. для свайных работ, пневматические м., часовые м.*);

– части (*соединительные ч.:* муфты, фитинги; *составные ч., ч. машин, запасные ч., трубопроводные ч., хвостовые ч. летательных аппаратов, ч. наземных машин*);

– инструменты (*и. для сварки и резки, картографические чертежные и., медицинские и., обжимные и., оптические и., режущие и., твердосплавные и., пневматический и., слесарный и., строительный и.*);

– элементы (*гибкие э. сооружений, жесткие несущие э. сооружений, конструктивные э., силовые э. конструкций летательных аппаратов, э. дозиметрической и радиометрической аппаратуры*).

Термины, объединенные в группу "средства деятельности", на общетехническом уровне обозначают обобщенные наименования сово-

купности механизмов, машин, устройств, аппаратов, приборов, приспособлений, сооружений и т.п., необходимых для осуществления разных видов деятельности, или обобщенные наименования одного типа орудий деятельности, в объеме содержания соответствующего понятия которых будут содержаться конкретные видовые понятия (соответственно термины). При этом важно отметить, что обобщение может иметь несколько степеней, пока общетехнические понятия не пройдут путь к конкретному по области знания и по другому дифференциальному признаку понятию. Например: *приборы – медицинские приборы – эндоскопические приборы – бронхоскоп, гастроскоп* и др.; *средства – землеройные средства – бульдозер, грейдер, скрепер, экскаватор; аппараты – воздушные летательные аппараты – аэростат, автоматический аэростат, беспилотный летательный аппарат, вертолет, винтокрыл, радиоуправляемый самолет; машины – сварочные машины – машины для стыковой сварки, машина для кислородной сварки, машина для точечной сварки, машина для контактной сварки, машины для шовной сварки и др.; инструменты – медицинские инструменты – хирургические инструменты – скальпель* и др. В своих конкретных разновидностях данные термины становятся принадлежностью узкоспециальной лексики.

Особенность терминов, вошедших в группу "орудия деятельности", в том, что они объединимы и в группу "продукты деятельности" в тех случаях, когда эти термины обозначают реалии машиностроения, приборостроения, станкостроения и под. И тогда эти термины не утрачивают признаков межнаучной терминологии, в частности общетехнической.

2. Процессы деятельности (производственные процессы) включаются нами в обобщенную группу средств деятельности, поскольку процессуальные понятия выражают общие приемы, способы создания, эксплуатации, совершенствования средств производства. Выделение конкретных групп терминов процессуального характера зависит от масштаба обобщенности. Можно выделить три ранее указанные крупные тематические группы, связанные с созданием (разработка, проектирование, конструирование, производство (в процессуальном значении), оборудование (в процессуальном значении), сооружение (в процессуальном значении) и т.п.), эксплуатацией (установка, монтаж, наладка, настройка, компоновка, амортизация, регулирование и т.п.) и совершенствованием (реконструкция, механизация, автоматизация, роботизация, компьютеризация, контейнеризация и т.п.).

Принципиально иную группу межнаучных (межсистемных) терминов составляют наименования таких понятий, которые свойственны нескольким областям знания, не обязательно входящим в единый комплекс. Семантически это, как правило, широкие, абстрактные обозначения явлений, характеризующие общие или специфические особенности проявления каких-либо процессов, состояний. Например:

Аберрация [лат. aberratio < aberrare отклоняться, заблуждаться] – 1) *физ.* искажение изображений, получаемых в оптических системах (телескопах, микроскопах, фотоаппаратах и др.) при использовании широких

пучков лучей (*сферическая а.* ...) или пучков, наклонных к главной оптической оси системы (*астигматизм, дисторсия,* искривление изображения); ⟨...⟩ 2) *астр.* изменение видимого положения светила на небесной сфере, вызванное конечным значением скорости света и движением наблюдателя вместе с Землей при ее обращении вокруг Солнца (годичная а.) или вращением ее вокруг своей оси (суточная а.); 3) *биол.* хромосомные аберрации (перестройки) – структурные изменения хромосом; морфологические или физиологические аберрации – всякие отклонения от нормы в строении (форме, окраске и др.) или в функции (Словарь иностр. слов – СИС).

Как видно из примера, в качестве межнаучной номинации выступает родовое наименование (отвлеченное имя существительное), которое в частном, конкретно-научном употреблении приобретает модифицированное содержание и усложненную (видовую) структуру: в физике – *сферическая а., хроматическая а.*; в астрономии – *годичная а., суточная а.*; в биологии – *хромосомные а., физиологичские а.* Объединяющим все эти разные научные понятия аберрации началом является этимологическое значение отклонения.

Агглютинация [< лат. agglutinare приклеивать] – 1) *лингв.* способ образования производных слов и грамматических форм путем присоединения к корню аффиксов, которые сополагаются друг с другом, не претерпевая при этом таких существующих звуковых изменений, которые сделали бы трудным проведение между ними границ; ⟨...⟩ 2) *мед.* склеивание и выпадение в осадок (из гомогенной взвеси) микробов, эритроцитов ⟨...⟩ и других клеточных элементов (СИС).

Аккумуляция, аккумулирование [лат. accumulatio] – 1) накопление, собирание; 2) *геол.* процессы накопления на суше или на дне водных бассейнов минеральных веществ и органических остатков; ⟨...⟩ 3) а. капитала – накопление капитала путем присоединения к нему части вновь создаваемой прибавочной стоимости (СИС).

Альтерация [< лат. alteratio изменение] – 1) *муз.* повышение или понижение звука на полутон или целый тон; ⟨...⟩ 2) *биол.* изменение функций и строения клеток, тканей и органов под влиянием повреждающих воздействий (механических, температурных, электрических, химических и др.) (СИС).

Аналогия (гр. analogia – соответствие, сходство) – 1) в праве – разрешение судом к.-л. случая, непосредственно не урегулированного законом, путем применения правовой нормы, регулирующей сходные по характеру отношения или на основе общих правовых принципов; 2) *лингв.* – уподобление, вызванное влиянием одних элементов языка, образующих более продуктивную и более распространенную модель, на связанные с ними другие элементы языка (СЭС).

Индукция[1] [<лат. inductio выведение] – 1) логическое умозаключение от частных, единичных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщениям (ср. *дедукция*); 2) способ математических доказательств и определений, основанный на переходе от заключения,

верного для нек-рого целого числа n, к заключению, верному для числа $n + 1$.

Индукция[2] [< лат. inductio возбуждение, наведение] – *физ.* 1) и. э л е к т р о с т а т и ч е с к а я ⟨...⟩; 1) и. э л е к т р о м а г н и т н а я ⟨...⟩; 3) и. м а г н и т н а я ⟨...⟩; 4) и. э л е к т р и ч е с к а я ⟨...⟩.

Индукция[3] [< лат. inductio возбуждение] – *физиол.* закономерные взаимоотношения между двумя основными нервными процессами – возбуждением и торможением, выражающиеся в том, что возникновение одного из них вызывает развитие противоположного (СИС).

Минимизация [< лат. minimum наименьшее] – 1) эквивалентное преобразование структуры системы автоматического регулирования в целях уменьшения числа входящих в нее элементов или упрощения связей между ними; 2) *мат.* отыскание минимума функции при заданных граничных условиях (СИС).

Модальность [фр. modalité < лат. modus способ, наклонение] 1) *лингв.* грамматическая категория, обозначающая отношение содержания предложения к действительности и выражающаяся формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т.п.; 2) *лог.* м. с у ж д е н и я – характеристика суждения в зависимости от характера устанавливаемой им достоверности – от того, выражает ли оно возможность, действительность или необходимость чего-л. ... (СИС).

Морфология [гр. morphē форма + *...логия*] – 1) комплекс наук, изучающих форму и строение животных и растительных организмов; ⟨...⟩ 2) *лингв.* раздел грамматики, изучающий структуру слова и выражение грамматических значений в пределах слова (СИС) и т .п.

В составе межнаучных (межсистемных) терминов этого типа обнаруживаются и наименования признаков, выраженных именами прилагательными. Именно на межнаучном уровне происходит терминологизация имен прилагательных (это лишний и бесспорный аргумент в пользу номинативной значимости данной части речи). Таковы: *абсолютный, аморфный, интенсивный, интегральный, иррациональный* и т.п.

В составе конкретных терминосистем данные прилагательные выступают в виде терминоэлементов терминов-словосочетаний. Так, термин *абсолютный* – 'безотносительный, безусловный', взятый вне связи, вне сравнения с чем-л., в терминологии философии реализуется в абсолютной истине – истине, дающей полное, всестороннее, исчерпывающее знание объекта; в физической терминологии с этим терминоэлементом встречается несколько терминов-словосочетаний: *абсолютный нуль температуры* – наиболее низкая возможная температура; *абсолютная температура* – температура, отсчитываемая от абсолютного нуля; *абсолютная влажность* – количество водяного пара в единице объема воздуха. В геодезии данный терминоэлемент присутствует в номинации *абсолютная высота*, в математике – *абсолютная величина*, в музыке – *абсолютный слух*.

Межнаучные термины, пределы распространения которых опреде-

лены комплексами наук, представляют собой определенным образом организованные объединения наименований обобщенных, базовых понятий, общих для всего комплекса наук (или для большинства входящих в данный комплекс наук). Это такие понятия, которые становятся, как правило, и структурной базой для оформления более конкретных, видовых понятий (соответственно терминов), главным образом в тех случаях, когда номинация осуществляется средствами синтаксической и частично морфологической деривации. Термины межнаучного ранга и термины конкретно-специального характера находятся в отношениях семантической иерархии (*приборы – медицинские приборы*), в этом случае налицо вертикальная связь; или в отношениях деривационной соотнесенности (*приборы, приборостроение, приборостроитель*; *роботы, робототехника, робототехник*), в этом случае налицо горизонтальная связь.

Межнаучные термины второй группы принципиально отличаются от межнаучных терминов первой группы отсутствием "организованности" по дисциплинарному признаку, поскольку они представляют собой набор терминологических единиц, употребление которых в терминологиях нескольких областей знания и практики не связано с общим объектом (предметом) деятельности. Их связывают некоторые схожие в каком-то отношении характеристики отдельных явлений, процессов, имеющих место в разных областях знания. Для межнаучных терминов этого рода актуален вопрос о типе семантических отношений, которыми связаны эти наименования при условии их употребления в разных терминологических системах. Иными словами, являются ли они значениями одного термина или в разных терминологиях фактически употребляются термины-омонимы, т.е. самостоятельные наименования, сохраняющие внешнее сходство и общую изначальную сему, которая в каждой конкретной терминологии претерпевает модификацию. Видимо, решение этого вопроса будет в значительной мере зависеть от того, по отношению к какой лексической системе рассматриваются данные слова. Применительно к лексике общелитературного языка (многие из этих номинаций включены в толковые словари литературного языка) данные лексемы могут быть рассмотрены как полифункциональные и полисемантичные (словари в этом случае укажут посредством соответствующих помет конкретные сферы их употребления). Если же эти термины будут рассматриваться в рамках специальной лексики языка науки, но с учетом их принадлежности разным терминосистемам, то они могут быть расценены как самостоятельные наименования. И тогда их можно расценить как находящиеся в отношениях омонимии.

Но подобный "порядок" может быть и нарушен тем обстоятельством, что в одном и том же наименовании могут быть обнаружены и полисемия и омонимия. Например, *гармония* в составе музыкальной терминологии: а) область выразительных средств музыки, основанная на объединении тонов в созвучия и на связи созвучий в их последовательном движении (...); б) раздел теории музыки, изучающий созвучия; 3) *лингв.* г. г л а с н ы х – то же, что сингармонизм (СИС). Или *октава*: 1) *муз.* – а) 8-я ступень диатонической гаммы; б) *интервал*

2 шириной в 8 ступеней звукоряда ⟨...⟩; в) особая разновидность самого низкого мужского голоса...; 2) стихотворная строфа из восьми строк; 3) *физ.* единица частотного интервала ⟨...⟩ (СИС).

Узкоспециальная терминология – самый представительный слой специальных терминов, именующих специфические для каждой отрасли знания реалии, понятия, категории. Организующим началом для узкоспециальных терминов считается наличие в каждой из терминосистем и в терминологии как общей совокупности специальных слов типовых категорий понятий, по которым распределяется основной корпус терминов. Традиционно таких категорий исследователи насчитывают девять (предметы, процессы, состояния, величины, режимы, свойства, единицы измерения, науки и отрасли, профессии и занятия) [8, 27]. Внутри отраслевой терминологии распределение ее по самостоятельному признаку будет носить всякий раз свой, часто неповторимый порядок, особенно если внутри терминологических объединений вычленить тематические группы. И само количество этих категорий может варьироваться в зависимости от степени и полноты охвата отраслевой терминологией соответствующей области знания.

Однако при характеристике узкоспециальной терминологии нельзя не учитывать того факта, что она отражает общую специфику труда, предполагающую наличие таких обязательных составляющих, как самостоятельная сфера (область) деятельности (даже если она носит интегративный, пограничный характер, она все равно самостоятельна), объект деятельности, субъект деятельности, средства деятельности и продукт деятельности.

Все эти неязыковые характеристики деятельности находят почти адекватное вербальное отражение в составе специальной лексики. Поэтому представляется уместным и целесообразным предложить эту до некоторой степени нетрадиционную классификацию узкоспециальной терминологии, в которую также укладывается основной корпус терминов каждой конкретной области знания с известными модификациями в составе рубрик в зависимости от особенностей сфер деятельности.

В соответствии с указанными особенностями той деятельности, которую обслуживает язык для специальных целей, мы выделяем пять относительно самостоятельных лексических группировок узкоспециальных терминов:

1) термины, именующие сферу деятельности, в состав которых войдут названия научных дисциплин, отраслей техники, технологии производства; наименования проблем, решением которых занимаются конкретные науки, и т.п.: *науковедение, информатика, кибернетика, физика элементарных частиц, физика атома и молекулы, радиофизика, молекулярная биология, генетика, цитогенетика, иммуногенетика, микробиология, экология, гидробиология, космическая биология, космическая физиология, космическая микробиология, космическая токсикология, бионика, нейробионика, биокибернетика, биоинженерия, гляциология, планетология, космология, атомная энергетика, гелиоэнергетика, ветроэнергетика, электроника, голография, криоэлектроника, автоматика, телемеханика, эргономика* и т.п.;

2) термины, именующие о б ъ е к т д е я т е л ь н о с т и: язык (*языкознание*), литература (*литературоведение*), искусство (*искусствоведение*), вирусы (*вирусология*), энергия солнца (*гелиоэнергетика*), энергия ветра (*ветроэнергетика*), металлы (*металловедение*) и т.п.;

3) термины, именующие с у б ъ е к т д е я т е л ь н о с т и: *науковед, информатик, кибернетик, генетик, цитогенетик, микробиолог, эколог, гидробиолог, гляциолог, планетолог, телемеханик, вирусолог, цитолог, машиностроитель, роботостроитель, робототехник* и т.п. Термины, обозначающие субъекта деятельности, часто (хотя далеко не всегда) находятся в отношениях производности с терминами сферы деятельности: *науковедение – науковед, фонология – фонолог, синтаксис – синтаксист, лексикология – лексиколог, лексикография – лексикограф* и т.п. Такое соотношение не всегда укладывается в рамки прямой производности, вернее, оно предполагает номинацию от однословных терминов. Иначе представлено соотношение производности, когда производящее наименование составное: *аналитическая химия – аналитик, органическая химия – органик, неорганическая химия – неорганик* и ряд других моделей семантического и формального соотношения;

4) термины, именующие с р е д с т в а д е я т е л ь н о с т и, включают несколько самостоятельных категориальных группировок: а) орудия деятельности (предметная категория): *датчик, преобразователь, микропроцессор, терминал, модулятор, мазер, лазер, резер, газер, фазер, резонатор, трансформатор, реактор*; б) процессы деятельности: *телеуправление, радиолокация, радиоуправление, проектирование* и *конструирование* (чего), *диагностика* (*диагностика средств вычислительной техники*); в) методы деятельности: *методы сбора информации, методы обработки и анализа информации, аннотирование, реферирование, численные методы алгебры, численные методы анализа, методы исследования операций* (кибернетика); г) измерения (метрология в широком смысле слова): *измерения геометрических величин, измерения механических величин, измерения давления, вакуумные измерения, теплофизические и температурные измерения, измерения акустических величин, радиоэлектронные измерения, биологические и биомедицинские* измерения и т.п.;

5) термины, именующие п р о д у к т ы д е я т е л ь н о с т и, объединяют широкий круг разного рода результатов деятельности (главным образом предметная и абстрактная категории понятий): *полуметаллы, металлические сплавы, керметы, искусственные волокна, пластмассы, полимеры, теория автоматического проектирования, языки программирования, микропроцессоры, запоминающие устройства*. Одни и те же реалии и соответственно термины могут одновременно входить в две группы, т.е. быть и средством (орудием) деятельности, и результатом (продуктом) деятельности. Таковы наименования областей машиностроения, приборостроения, робототехники, станкостроения, инструментального производства и т.п.

В развитии отраслевой терминологии наблюдается ряд ведущих тенденций, по которым можно судить, насколько близка связь терминологии, развивающейся в недрах языка науки, техники и др., с последними его лексико-семантическими и номинационными возможностями (лингвистический фактор) и сколь велика зависимость формирования отраслевых терминосистем от характера развития современных областей знания (экстралингвистический фактор).

При рассмотрении конкретных тенденций обнаруживается естественная для всякого развития разнонаправленность (иногда противоречивость) тех процессов, которые предопределяют ту или иную тенденцию. Общие тенденции в развитии узкоспециальной терминологии затрагивают узловые вопросы терминообразования и терминоупотребления, к числу которых в первую очередь необходимо отнести современное состояние терминологии по источникам ее формирования, по способам номинации, по особенностям терминоупотребления в текстах научной литературы (проблемы ввода термина, проблема авторского терминоупотребления и т.п.). Отметим основные из этих тенденций.

Настоятельная потребность в терминах-неологизмах, с одной стороны, расширяла источники пополнения терминологий (путем привлечения значительного числа заимствований из других национальных языков и нелитературных форм существования собственного национального языка); с другой стороны, активный процесс интернационализации языков для специальных целей привел к естественному сокращению числа продуктивно действующих источников и сосредоточению усилий на ресурсах собственного и других литературных языков, которые в свою очередь опираются на ресурсы международного лексического фонда.

Естественно, что эта тенденция проявилась в процессе развития русского литературного языка, когда он вошел в число высокоразвитых языков мира с неограниченными способностями к слово- и терминообразованию, полной освоенностью международного лексического и морфологического фонда, а также в процессе развития отечественной науки с учетом интегративной деятельности ученых развитых стран, при которой интернационализация терминологии становится необходимым средством коммуникации. Поэтому неудивительно, что при рождении новой реалии или понятия из числа конкурирующих номинаций наименование для нового объекта выбирается главным образом не по "национальному" признаку, а по признаку целесообразности номинации. Целесообразными же становятся те, которые максимально отвечают универсальным требованиям к термину, – краткие, семантически точные, обладающие способностью к словопроизводству. Хрестоматийны примеры типа *лазер*, вытесняющий *квантовый генератор света* и давший множество производных в разных областях теоретического знания и практики (*лазерный луч, лазерная терапия, лазерная техника, лазерное излучение* и др.). Или: *электронная вычислительная машина (ЭВМ)* и *компьютер*, активно входящий в наш язык главным образом благодаря его терминопроизводящим способностям (*компьютерная техника, компьютерная томография, компьютеризация,*

компьютеризировать, персональный компьютер, мини-компьютер и т.п.). Вошли в отечественную терминологию ставшие интернациональными чешское слово *робот* и его производные: *промышленный робот, адаптивный музыкальный робот, роботизация, роботизированные звенья технологии, роботизированный комплекс, робототехническая система, роботодром* и мн. др. Без особых колебаний вошли в нашу терминологию готовые номинации: *терминал, файл, дисплей, интерфейс, супервизор, сумматор, перфоратор, монитор, телетайп, микропроцессор*. Принципиально иные процессы появились в развитии терминологии в начале 90-х годов, когда язык стал адекватно отражать те изменения, которые произошли в этот период.

Магистральной тенденцией стала гармонизация терминов, т.е. обеспечение сопоставимости терминологии национального и международного уровней. Именно гармонизация (естественно, на понятийном уровне) потребовала известной коррекции содержания понятий, обозначаемых "старыми" терминами (*рынок, спекуляция, биржа* и т.п.), отказа от некоторых терминов, оказавшихся "неуместными" в связи с принятием нашим государством международных правил и соглашений (*тунеядец, тунеядство* и др.). Вышли из употребления многие термины типа *социалистический рынок, социалистическое соревнование, социалистический реализм, советский образ жизни, советское общество, советский народ* и мн. др.).

Часто средства выражения исконного языка переплетаются в конкретных номинациях с интернациональными, которые по существу стали фактами национального языка, поскольку на их основе создаются (или калькируются) термины для нужд новых областей знания: *генная инженерия, генетическая инженерия, клеточная инженерия, тканевая инженерия*; *солнечный генератор, реактор-размножитель, термоядерный синтез, гелиостат, гелиоэнергетика, гелиокомплекс, немеханическая технология, нетканый материал, радиационная технология, пневмотранспортная установка, пневматический транспорт, трубопроводный транспорт, гидрошахта, пульпопровод, пневмоконтейнер, гидропонный метод (выращивания), лучевая терапия, дистанционное облучение, дистанционный манипулятор, бесконтактное дистанционное управление* и мн. др.

Уходят в прошлое средства номинации нелитературных форм существования языка (диалектизмы, "просторечизмы", жаргонизмы). В виде отдельных вкраплений они встречаются в конкретных терминосистемах как традиционные наименования. Продуктивность же этого источника в современной номинации специальных понятий практически сведена почти к нулю.

Весьма показательны в этом отношении данные, сопровождающие унификацию, стандартизацию терминологии. Обобщенно их можно охарактеризовать как стремление освободить отраслевую терминологию от всего, что находится за пределами строго литературного языка, вывести стандартизованную терминологию на уровень литературно-письменных образцов. Приведем несколько примеров замены

просторечно-разговорных элементов в термине: в ГОСТе 19088 термин *плешки* (он имеет помету "ндп." – "недопустимый") заменяется термином *пятна на бумаге (картоне)*; в ГОСТе 19112-78 как "ндп." термин *шитво* заменяется *шитьем бумажного блока*; в ГОСТе 19112-78 как "ндп." термины *сортирование в пересыпку, сортирование в переглядку* заменены *веерным сортированием бумаги*.

С одной стороны, потребности современного практического терминотворчества расширяют базу номинации (привлекаются новые, нетрадиционные для литературного языка типы производящих основ, используются периферийные для литературного словообразования средства и способы номинации и т.п.); с другой стороны, процесс неизбежной специализации терминоэлементов и моделей ограничивает сам аппарат терминообразования до исчислимого набора как способов, так и типовых продуктивных моделей.

Говоря о расширении базы номинации в профессиональных сферах функционирования языка, мы имели в виду такие тенденции, как необычайная продуктивность эпонимических наименований (всех их разновидностей), которые вызывают противоречивое к себе отношение: с одной стороны, неодобрение, в силу их известной семантической ущербности, с другой – их принятие по причине того, что эпонимизация – это единственный способ увековечения имени собственного в термине. Столь же очевидной приметой терминообразования становится тенденция к максимальной конденсации словесного материала в номинациях, как правило, предметных понятий средствами разного рода сложносокращенных образований, в результате которых получаются аббревиатуры, похожие на слова: *токамак* (созданное на основе словосочетания *токовая камера с комбинацией магнитных и электрических полей*), *фианиты* (название класса термостойких материалов, созданное посредством суф. *-ит* от производящей основы *ФИАН* – аббревиатуры Физического института Академии наук СССР), *сигран (синтетический гранит), ворсанит (ворсовая нить), ситалл (силикат и металл), метон (металл* и *бетон), рубераи (рубероид антисептический)* и т.п. Непродуктивный в общелитературном словообразовании способ сращения в терминологии используется достаточно часто для образования терминов – сложных прилагательных: *вечнозеленый, долгоиграющий, ртутьсодержащий, водосодержащий* и т.п.

Собственно терминологический аппарат номинации конкретно-научных понятий, в основе своей базирующийся на словообразовательной системе литературного языка, характеризуется максимальной специализацией средств терминотворчества, отбором и закреплением этих специализированных средств как за категориями понятий, так и за областями знания. Выработке достаточно определенного набора средств терминообразования способствует стремление к аналогичному формированию терминов в пределах общей категории понятий и особенно внутри одной и той же тематической группы. Таковы аналогические наименования понятий квантовой электроники: *мазер, лазер, резер, газер, фазер*.

Характерно, что значительный количественный рост терминов-

неологизмов по существу не ведет к большому росту совершенно новых лексем и новых терминоэлементов, поскольку в подавляющем большинстве случаев новая номинация осуществляется на базе ранее существовавшего языкового материала. Для этого есть свои основания, заключающиеся, как отметил акад. Д.Н. Шмелев, в том, что "материальное воплощение наших знаний о мире выражается не просто в словах, но в словах, многие из которых (а потенциально все) обладают способностью передавать не одно, а несколько значений, т.е. попеременно выступать в качестве различных единиц номинации" [30, 5]. Примером тому служат многие новые терминологические наименования типа: *гибкая технология, диалоговый режим, порошковая металлургия, заместительная терапия, бесконтактное дистанционное управление, тканевая инженерия, генная (генетическая) инженерия, клеточная инженерия, спутникостроение, искусственный спутник земли, космонавт-исследователь, космический корабль, полуслово* (термин автоматизированных систем управления), *поколение ЭВМ, программирование, программист, программное управление, программный модуль, программа-диспетчер, программа-монитор, самовосстанавливающаяся программа, самоперемещающаяся программа, вероятностный автомат, детерминированный автомат, читающий автомат, банк данных, технология безбумажного проектирования* и мн. др.

Пополнение действующего в терминообразовании лексического материала происходит не только посредством заимствований из других живых национальных языков (в этом случае новыми лексемами эти заимствования становятся для заимствующего языка), а также посредством перехода в апеллятивную лексику имен собственных, которые затем становятся основой для новых производных, например: *рентген, рентгеновский аппарат, рентгеновские лучи, рентгенограмма, рентгенодефектоскопия, рентгеноспектральный анализ, рентгеноструктурный анализ*; *ампер, ампер-весы, ампер-виток, ампер-час, амперметр, амперометрия; вольтметр, гальванопластика, гальванотехника, вольто-добавочный трансформатор* и т.п.

Заимствования по мере освоения их языком становятся фактами заимствующего языка и могут давать производные на базе этого языка. Таковы многие производные от термина *лазер*, являющегося заимствованной аббревиатурой из английского языка, но продуцирующего на базе русского языка, поскольку приоритет в соответствующей области науки и техники принадлежит нашей стране: *лазерное излучение, лазерные лучи, лазерная медицина, лазерная терапия, лазерная установка, лазерно-химическая реакция, лазерная физика, лазерная техника, лазерный генератор, лазерный канал связи, лазерная система, лазерное устройство, лазерная оптика, лазерная сварка, лазерный прибор, лазерная электроника, лазерная телефонная линия, лазерный эффект, лазерный теодолит, лазерный дальномер, лазерный аппарат* и т.д.

Для отраслевой терминологии, и прежде всего для ее формирования и пополнения, характерен интенсивный путь развития как в поисках лексико-семантических резервов, так и непосредственно в

способах номинации. Интенсификация терминообразующего аппарата современного языка для специальных целей определяет приоритетные и перспективные способы номинации, а также ведет к поискам новых моделей, по которым возможно на традиционном (старом) материале создавать новые наименования. Реализация возможности повторной (многоразовой) номинации на существующем лексическом материале актуализирует семантический и синтаксический способы номинации и использует скрытые резервы в соединении элементов слов.

При образовании узкоспециальной терминологии наблюдаются разнонаправленные процессы. И это не случайно, поскольку они типичны для специальной терминологии, они "руководят" развитием этой лексики, ее совершенствованием вслед за развитием понятий в самой науке. Имеется в виду следующее. Термин должен быть строго соотнесен с соответствующим понятием, содержание которого отражено в дефиниции. Дефиниция – необходимый атрибут термина, без нее термин не существует как единица номинации специального понятия. Закрепленность дефиниции за термином гарантирует необходимую однозначность знака и понятия. На фоне такой обязательной связи наблюдается явление некоей "свободы" терминоупотребления, проявляющееся в том, что границы содержания понятия, именуемого конкретным термином, оказываются подвижными. Это ведет к нестандартности употребления термина в текстах научной литературы. В одних случаях употребление терминов происходит без всякой подготовки к их восприятию, без авторской "ремарки", без содержательного комментария. Так употребляются термины традиционные, с устоявшейся семантикой, термины однодисциплинарной принадлежности. Таковы, например, *аффикс, суффикс, префикс, флексия* и т.п. в лингвистике; *эндоскоп, эндоскопия, кардиография* и т.п. в медицине; *трубопровод, газопровод, нефтепровод* и т.д. в транспортной технике. В других случаях (это относится к терминологии развивающихся областей знания, к номинации и дефиниции новых или допускающих содержательный пересмотр понятий) требуется специальный комментарий, который сопровождает введение термина в текст. И это не противоречит природе термина, ибо границы содержания понятия подвижны, поскольку само понятие претерпевает развитие или интерпретируется с разных позиций. Существует несколько типичных приемов введения термина в текст:

а) а в т о р с к о е терминоупотребление – очень распространенный прием введения термина посредством авторской дефиниции, соответствующей позиции автора, его концепции. Авторскому определению, как правило, подлежат термины, составляющие суть точки зрения автора и суть изучаемого явления, т.е. основные, базовые термины. В текстах всегда обнаруживаются внешние приметы авторского терминоупотребления, которые содержат указание на автоматизированность содержания термина и на локальность его употребления: «Итак, под "парадигмой" мы понимаем здесь господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом

таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем...» (Ю.С. Степанов. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 4);

б) р а б о ч е е терминоупотребление, т.е. такое, которое условно допускается как приемлемое в данной конкретной работе. Этот вид определения имплицитно тоже авторский, но в нем более существенным является признак некоего вспомогательного и окказионального средства. Возможность употребления такого определения всегда специально оговаривается. Пример: "Попытался охарактеризовать... содержание с помощью следующего рабочего определения. Ответственность – это такой способ регуляции человеческого поведения, при котором деятельность субъекта (индивида или коллектива людей) сопровождается нравственной самооценкой, а также ожиданием и осуществлением общественно значимой оценки результатов этой деятельности в виде моральных, юридических, экономических или других санкций (как негативных, так и позитивных) в рамках определенной системы общественных отношений и со стороны соответствующих социальных институтов" (Я. Ребане. Опыт исследования социальной ответственности // Обществ. науки. 1984. № 2. С. 34);

в) к рабочему терминоупотреблению примыкает употребление у с л о в н ы х т е р м и н о в, которое вводится авторами в качестве атрибутов рабочей гипотезы. Так, говоря о типовых лексических минимумах – языковых, коммуникативных, речевых и метаречевых, – автор отмечает условность терминов: «"Речевой лексический минимум" – термин условный, обозначающий некоторую функционально-стилистическую модель языка и коммуникативную (ситуативно-тематическую) сферу» (П.Н. Денисов. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 82).

Все перечисленные типы терминоупотребления (авторское, рабочее, условное) сопровождаются текстовой дефиницией, употребление которой ограничено конкретным исследованием, но в то же время вписывается в более широкий "контекст" исследования проблемы, явления, закономерности, внося свой вклад в теорию вопроса. Поэтому роль этих текстовых дефиниций значительна не только для истории вопроса, но прежде всего для развития теории.

Текстовые дефиниции отличает от словарных варьированность их формы. В одних случаях текстовая дефиниция близка к лексикографической или совпадает с ней, т.е. основана на тех же правилах соотношения понятий (ближайшего рода и видовых отличий), с той только разницей, что в тексте соединяются в одной фразе определяемая и определяющая части термина, для чего необходимы соответствующие связи типа "называется", "считается", "является", "это" и т.п., а объект определения не обязательно стоит в им. падеже, чаще – в творительном. Например: "К о н ф р о н т а ц и е й называется сопоставление языков по всем уровням и единицам" (П.Н. Денисов.

Лексика русского языка и принципы ее описания. С. 6); "К о н т р а с т и р о в а н и е м считается сопоставление языков только по различающимся явлениям" (там же); в других случаях текстовые определения имеют не с т р о г о д е ф и н и т и в н у ю форму, в которой определительный смысл сохраняется, но свободным остается порядок подачи определяемой и определяющей частей. Ср., например: "Отношения между разными значениями одного и того же многозначного слова называются эпидигматическими" (там же, с. 95).

Итак, три представленных терминологических блока (общенаучная, межнаучная и узкоспециальная терминология) составляют лексико-семантическое ядро языка для специальных целей. Однако было бы принципиально неправильным оставить за пределами этого ядра неспециальную лексику, которая также имеет общенаучное распространение и характеризуется рядом особых черт.

НЕСПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ОБЩЕНАУЧНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

В общенаучные средства выражения специального содержания помимо общенаучной терминологии, т.е. терминологии, обозначающей широкие и специализированные понятия, принципиальная возможность использования которых не ограничивается одной наукой или комплексом наук, а распространяется на все области современного знания, входит и неспециальная лексика общенаучного употребления. Такая точка зрения не является оригинальной, ее придерживаются и исследователи-лексикологи и лексикографы (имеются в виду составители частных словарей). Наша позиция в этом отношении принципиально отличается тем, что мы считаем возможным выделить группу о б щ е н а у ч н о й т е р м и н о л о г и и из группы о б щ е н а у ч н о й л е к с и к и, понимая под последней лексику неспециального содержания, широкого, обобщенного значения и книжного по употреблению характера, использование которой также не ограничивается одной областью знания. Понимая, что данную характеристику неспециальной лексики общенаучного употребления нельзя считать всеобъемлющей, постараемся представить ее конкретнее по ряду параметров.

Имена собственные. Тот факт, что в языке для специальных целей, представленном многими жанрами, широко используется (главным образом в языке науки) класс имен собственных, нет ничего неожиданного. Научные открытия связаны с именами ученых, дискуссии ведутся с оппонентами, представляющими в науке разные школы, направления, точки зрения, – все это естественным образом находит отражение в каждом научном исследовании, а потому может быть отнесено к общей характеристике лексического состава языка науки. Однако это не главное. Существеннее то, что функции имен собственных не ограничиваются "простой констатацией" того факта, что то или иное открытие связано с именем конкретного ученого. Они значительно сложнее и глубже. Прежде всего это относится к той

особенности собственных имен, что они входят в номинативный фонд языка науки, т.е. становятся средствами терминологической номинации. И хотя сказанное уже выходит за рамки собственно лексикологического аспекта анализа словарного состава языка науки, мы считаем необходимым и здесь несколько подробнее сказать о номинативной функции имен собственных.

Участвуя в номинации специальных понятий, имена собственные создают несколько типичных разновидностей терминов-эпонимов: 1) традиционные словосочетания терминологического характера с именами собственными типа *аксиома Фреге, алгебра Буля, диаграммы Венна, закон Лейбница, теорема Левенгейма, теоремы Геделя, кривая Велера*; 2) термины-словосочетания, в составе которых присутствуют образованные от имен собственных прилагательные притяжательного типа: *аклеева строфа, спенсерова строфа, булево кольцо, булево сложение, булево умножение, булевы операции, гамильтоновы знаки, ламберовы линии, эйлеровы круги*; 3) термины – производные от имен собственных с помощью суффиксов; *дарвинизм, вейсманизм, марксизм* и др.; 4) термины – слова собственно эпонимической природы типа *рентген, ом, вольт, ампер* и мн. др.; 5) производные от эпонимов: *рентгеновская трубка, р. лучи, р. аппарат, рентгенограмма, рентгеноспектральный анализ, рентгеноструктурный анализ*; *амперметрия, вольтодобавочный трансформатор, гальванопластика, гальванотехника* и т.п. И хотя все конкретные представители этой группы наименований "разойдутся" по своим областям знания, и в этом смысле они не могут быть отнесены к общенаучным средствам выражения; кроме того, их место – в составе собственно терминологии, а не общеупотребительной лексики, о которой идет речь в этом разделе; тем не менее мы считаем уместным упомянуть о них в связи с рассмотрением роли имен собственных в составе лексики языка науки, в ее общенаучном фонде.

Имена нарицательные. Имена нарицательные неспециального назначения – самый обширный класс лексики общенаучного употребления, характеристика которого может быть дана по ряду основных лексикологических и грамматических показателей: по принадлежности к знаменательным или служебным частям речи, по семантическому признаку, по эмоционально-экспрессивным характеристикам, по функциональному признаку.

Говоря о частеречной принадлежности имен нарицательных неспециального содержания и общенаучного употребления, можно констатировать, что в языке для специальных целей находится место словам всех без исключения частей речи – как знаменательным, так и служебным. В этом смысле лексический состав текстов специальной литературы мало чем отличается от лексического состава текстов других функциональных разновидностей общелитературного языка. Однако такая характеристика мало что проясняет в обнаружении специфики общеупотребительной лексики. Поэтому целесообразно представлять эту лексику в виде семантических групп, основание для выделения которых выходит за рамки собственно языковых данных. Оно осно-

вывается, как и для терминов, на специфике деятельности творческой, созидательной, частично репродуктивной (т.е. деятельности, повторяющей то, что уже есть).

Сам факт аналогии в группировании специальных и неспециальных слов в рамках LSP знаменателен и функционально вполне оправдан. Неспециальные слова той же семантической наполненности, что и термины, выполняют собственно стилистическую функцию, являясь нейтральными аналогами официальных терминов, выраженных на другом (обыденном) уровне сознания.

Можно выделить те же пять ранее отмеченных для терминов групп: 1) сфера деятельности; 2) объект деятельности; 3) субъект деятельности; 4) средства деятельности; 5) продукт деятельности. Особенность конкретного распределения основного лексического фонда языка для специальных целей по указанным универсальным семантическим группам состоит в том, что в одних из них окажутся только специальные наименования, например в сфере деятельности (наука, техника, производство, управление, биология, физика, космонавтика и т.п.); в других объединятся как специальные, так и общеупотребительные (субъект деятельности, например); в третьих произойдет своеобразная дифференциация (средства деятельности).

Применительно к неспециальной лексике, о которой сейчас идет речь, семантическое распределение слов происходит следующим образом. 1-я и 2-я группы – "сфера деятельности" и "объект деятельности", – как правило, не имеют аналогов номинации в общем употреблении, поскольку указываются сферы либо в общем, самом широком виде (*природа, общество*), либо с большей конкретизацией (*наука, техника, производство, управление*), либо сугубо конкретно (*физика твердого тела, физика элементарных частиц, астрофизика, биофизика; радиоэлектроника, телемеханика, инженерная психология, информатика* и т.п.).

В 3-й группе – "субъект деятельности" – вычленяются общеупотребительные наименования типа *автор, соавтор, исследователь, ученый, специалист, учитель, ученик, последователь, первооткрыватель, пионер, классик, апологет, оппонент, участник, сотрудник* и т.п. Все конкретные номинации лиц по профессиональному признаку окажутся в аналогичной группе лексики специальной.

4-я группа – "средства деятельности" – применительно к общеупотребительной лексике объединяет слова, обозначающие необходимые приемы творческой деятельности в их общем и неспециальном виде. Даже если в числе этих слов встретятся лексемы, совпадающие с терминами, то в данном случае будет иметься в виду их неспециальное употребление, например *анализ* в значении 'всесторонний разбор, рассмотрение'. Включенные в эту группу общеупотребительные слова характеризует еще один семантический признак – все они, как правило, процессуального значения: *включение, внедрение, внесение, воспроизведение, восстановление, вскрытие, выделение, выполнение, вычисление, вычленение, выявление, выяснение; группирование, демонстрирование,*

заключение, заполнение, извлечение, изготовление, изложение, информирование, изучение, изменение, изображение, испытание, исчисление, исследование, истолкование и т.п. Грамматическими средствами выражения процессуальности являются глаголы, поэтому естественно, что в данную группу могут быть внесены и производящие указанные существительные глаголы: *базироваться, варьировать, вводить, включать, внедрять* и т.п.

5-ю группу – "продукт деятельности" – в основной своей массе составляют специальные наименования, обозначающие конкретные результаты труда. Из числа общеупотребительных слов сюда войдут лишь немногие слова обобщенного характера: *произведение, труд* (в конкретном значении), *исследование* (в предметном значении), *продукт, итог, результат* (труда), *вклад* и т.п.

Конечно, вся общеупотребительная лексика LSP не распределяется по указанным пяти группам. Сюда войдет очень существенный пласт, группирующийся вокруг терминов и в некотором роде являющийся, как уже отмечалось, аналогом специальной лексики. За пределами этих группировок останутся слова, которые по семантическому признаку могут быть охарактеризованы как модально-оценочные. Таким образом, при их квалификации возникает иной признак, а именно экспрессивность лексики.

Характеризуя лексический состав языка для специальных целей, исследователи чаще говорят об "элиминации эмоционально-экспрессивных индивидуальных элементов" и об "отказе от употребления экспрессивной, стилистически маркированной лексики" [27, 48]. В основном это действительно так. Однако о полном отказе от таких средств как в индивидуальной, так и в обобщенной их реализации говорить все-таки нельзя, ибо такая лексика в текстах специальной литературы обнаруживается постоянно. Необходимо, однако, при этом сделать оговорку о характере данной лексики: эту лексику можно было бы охарактеризовать как интеллектуально-оценочную (в отличие от эмоционально-оценочной, используемой в других функциональных разновидностях литературного языка). В ее составе также обнаруживаются слова, относящиеся к разным частям речи, но прежде всего, естественно, прилагательные, среди которых можно обнаружить и образованные посредством суффиксов субъективной оценки: *большой, наибольший, высокий (уровень), высочайший, крупный, крупнейший, догматический, многогранный, новый (метод), новейший (новейшее открытие), уникальный, видный, интересный (результат), безуспешный, обстоятельный, безнадежный, поучительный* и т.п.

Эти оценочные прилагательные, как правило, употребляются в составе словосочетаний с именами существительными типа: *уровень, значение, достоинство, степень, качество, решение, наблюдение, достижение, проблема, интерес, исследование, успех, область, диапазон, уровень, поиск, проблема, аспект, борьба, этап, попытка, характер, дискуссия, результат, гипотеза, концепция, открытие, роль, аргументация, разработка, критика, факт(ы)* и т.п., значение которых

предполагает наличие оценочных определений, выражение степени проявления того или иного качества.

Элементы оценочности обнаруживаются и в других группах слов, в частности в отвлеченных существительных: *актуальность, перспективность, ясность, отчетливость, ценность, слабость, несостоятельность, фундаментальность, уникальность, тривиальность, стабильность*; в глаголах: *спекулировать, игнорировать, углублять, обобщать*; в наречиях: *заманчиво, гибко, скептически, тонко, грубо, слабо, всесторонне, широко, узко, значительно, фундаментально, уникально, убедительно, ощутимо, актуально, эффективно, кардинально, тривиально, несостоятельно, стремительно, совершенно, заметно, отрицательно, положительно, существенно, интенсивно, недостаточно* и т.п.[10] По мнению исследователей, такие интеллектуально-оценочные средства необходимы для "установления степени достоверности сообщаемой информации, оценки действий или мыслительных операций с точки зрения их необходимости, оценки важности информации, интереса для науки, оценки ее новизны, оценки ее актуальности" [2, 69].

Характеризуя неспециальную лексику LSP по функциональному признаку, необходимо отметить, что для значительного ее массива типично явление полифункциональности, т.е. использование в неспециальном значении таких лексем, которые имеют и терминологический смысл. В словарях они отмечены как значения слова. Явление лексической полифункциональности не создает никаких затруднений в правильном понимании специального текста, поскольку ближайший контекст исключает возможность восприятия полифункциональной лексики в двух и более значениях. Таково, например, *множество* в значении 'очень большое количество, число кого-чего-н.' в отличие от математического термина *множество,* обозначающего 'совокупность элементов, объединенных по какому-н. признаку' (значения слов см. в "Словаре русского языка" С.И. Ожегова).

Таким образом, неспециальная лексика общенаучного употребления при всем своем семантическом и другом многообразии функционально тяготеет к лексике специальной. Именно это дает возможность обнаружить в ней такие характеристики, которые не создают контраста между неспециальной и специальной лексикой.

Характерны заключения относительно общенаучной лексики исследователей, занимавшихся изучением ее роли и состава в специальных текстах [15]. Для терминологии, по их мнению, общенаучная лексика важна по крайней мере в трех ситуациях; она может: а) быть родовым понятием в дефиниции другого термина и б) частью сложного термина; в) служить основой для создания производных терминов [там же, 53]. В

---

[10] Роль наречий в специальных (главным образом научных) текстах, по мнению исследователей, "весьма велика. Именно за их счет в основном и создается общий оценочный фон сообщения и приобретенная адресатом информация получает бóльшую объемность" [2, 72].

тексте общенаучная лексика образует "условия для понимания текста как целого и формирует контекст научного изложения: определение темы сочинения, предпосылки данной темы, метод анализа и метод рассуждения, само рассуждение и выводы" [там же, 52].

ТЕРМИНОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Своеобразную, отличную от собственно терминологии и в то же время не входящую в пласт неспециальных средств выражения группу составляют так называемые терминологизированные лексико-фразеологические элементы LSP. Они являются, как правило, приметой научной литературы (речи), характеризующейся некоторой авторской избирательностью или определенной распространенностью (своеобразной модой) на каком-то временно́м отрезке. В число терминологизированных лексико-фразеологических средств мы включаем две разновидности, во многом отличные друг от друга и в то же время объединяемые сферой распространения и некоторыми другими формальными признаками.

П е р в а я разновидность представлена определенными фразеологическими элементами или целыми речениями интернационального распространения, используемыми, как правило, в написании на языке источника. Существует достаточно широкий и известный набор таких выражений, который часто используется в произведениях научной литературы. Это чаще всего латинские по происхождению речения и выражения, употребление которых в основном не регламентируется одной областью знания. Так, можно отметить достаточное количество подобных выражений, используемых в логической литературе или связанных с логикой мышления и выражения: *a majore ad minus* (лат.) – по большему о меньшем (заключение), *a maximis ad minima* (лат.) – от большого к малому, *a posteriori* (лат.) – исходя из опыта, *a potiori* (лат.) – на основании основного, главного, *argumentum a contrario* (лат.) – аргумент от противного, *idem per idem* (лат.) – то же через то же, *ignotum per ignotum* (лат.) – неизвестное через более неизвестное, *genus proximum* (лат.) – ближайший род, *via eminentia* (лат.) – метод определения с помощью сравнения, *via negationis* (лат.) – метод определения через отрицание, *de nomine* (лат.) – формально, на основе формы и т.д.

Употребление подобных выражений в текстах является совершенно естественным и не требующим толкования.

Достаточно много речений, фразеологизмов, используемых, как правило, в исходной графике общенаучного употребления, например: *à la lettre* (фр.) – в буквальном смысле, *a majore* (лат.) – в частности, *à propos* (фр.) – кстати, по поводу, *a tempo* (лат.) – одновременно, *ad hoc* (лат.) – к этому; к случаю, кстати, *ad infinitum* (лат.) – до бесконечности; без конца, *ab ovo* (лат.) – с самого начала, *eo ipso* (лат.) – вследствие этого, в силу этого, *ergo* (лат.) – вследствие этого; поэтому,

ibidem (лат.) – там же, *en bloc* (лат.) – в целом, вместе, полностью, *en masse* (лат.) – в полном составе, целиком, *explicite* (лат.) – в развернутом, раскрытом виде, ясно, *implicite* (лат.) – в скрытом виде, неявно; подразумевая, *causa prima* (лат.) – первопричина, *contra rationem* (лат.) – вопреки здравому смыслу, *lapsus lingual* (лат.) – обмолвка, *nulla ratione* (лат.) – без всякого основания и т.п.

Некоторые из этих фразеологизмов становятся фактом национального языка и образуют производные по моделям своего языка (*априорный, адхоковый* и т.п.). Если говорить об особенностях их употребления в текстах, то прежде всего необходимо отметить, что они нередко являются приметами, фактами авторского слога.

Создание в LSP подобных лексико-фразеологических средств выражения, видимо, является данью традиции и в некоторой степени "хорошим тоном", поскольку почти все они имеют эквиваленты в национальном языке и в аналогичных контекстах вне языка науки не привлекаются в их традиционной форме. Ср., например, "масло масляное" и "idem per idem" для характеристики тавтологии.

Вторую разновидность терминологизированных лексико-фразеологических элементов составляют своеобразные трафаретные модели-каркасы с заменяемым элементом. Их достаточно много, и чаще всего они группируются вокруг понятий "режим", "вариант", "исполнение", "модель", "метод", "эффект", "фактор" и т.п. Так, с понятием "режим" связаны две наиболее распространенные модели "в... (каком?) режиме": *в автоматическом режиме, в автоматизированном режиме, в ждущем режиме*; *в импульсном режиме, в пилотируемом режиме, в заданном режиме, в нерегламентированном режиме* и т.п. "В режиме... (чего?)": *в режиме теледоступа, в режиме диалога, в режиме запоминания, в режиме сети* и т.п.

Предложно-падежные модели с заменяемым элементом представлены такими образцами: "в... (каком?) исполнении": *в графическом исполнении, в невзрывозащищенном исполнении*; "в... (каком?) варианте": *в кирпичном варианте, в панельном варианте*; "на... (каком?) уровне": *на планетарном уровне.*

Беспредложные модели с повторяющимся элементом представлены терминологизированными словосочетаниями с постоянными элементами типа: "...(какой?) эффект": *фотоупругий эффект, электронно-оптический эффект, парниковый эффект, антистрессовый эффект, туннельный эффект* и т.п.; "...(какая?) модель": *малопараметрическая модель, биогеоценотическая модель, гидродинамикостатическая модель;* "модель... (чего?)": *модель сокращения* и т.п.; "...(какой?) метод": *аэрокосмический метод, взрывонабросный метод, генно-инженерный метод, вибросейсмический метод, регрессивно-спектральный метод, пьезоэлектрический метод, сейсмоакустический метод, радиофизический метод, программно-целевой метод, твердофазный метод, ультразвуковой метод*; "метод... (чего?)": *метод биений, метод реографии, метод преломления волн, метод отраженных волн, метод гибридизации, метод резонансной спектроскопии, метод сдвиговой*

интерферометрии, метод хроматографии, метод электрофореза и т.п.; "... (какой?) фактор": *патогенетический фактор, человеческий фактор.*

Номинативная значимость, а следовательно и терминологичность, перечисленных "трафаретных" образований с постоянным и переменным элементами различна, но то, что все они, хотя и в равной степени, становятся традиционными средствами выражения специального содержания, несомненно. LSP отрабатывает помимо собственно терминологии "заготовки" постоянно используемых моделей, которые по мере необходимости наполняются конкретным содержанием. По статусу их, видимо, лучше отнести к фрагментам специального текста, а вернее, к своеобразным терминологизированным фразеологическим элементам лексического состава LSP.

Лексико-семантическое ядро языка для специальных целей, включающее в свой состав как специальную терминологию (три основных ее блока – общенаучную, межнаучную и узкоспециальную), так и лексику общеупотребительного назначения, предполагает выделение и периферийного лексического слоя, т.е. той части лексического состава, представленного в текстах специальной литературы, которая не несет профессиональной информации и не является обязательной для выражения специального содержания.

Главную отличительную черту этой периферийной лексики составляет ее семантическая и стилистическая инородность. Часто эта инородность подчеркивается автором графически: такие слова и выражения заключаются в кавычки.

Применительно к периферийным средствам можно, видимо, говорить, что они противопоставлены в определенном отношении стереотипным для данной разновидности общелитературного языка языковым средствам, выраженным как специальной, так и общеупотребительной лексикой.

Функционально эти лексические (и лексико-фразеологические) средства выполняют роль образных инкрустаций, не отличающихся, как правило, ни свежестью образа, ни обязательностью их присутствия в конкретном тексте. Их скорее можно было бы отнести к авторским избирательным средствам, хотя эта избирательность не лишает их типизированности. Отметим две типичные группы:

1. Употребление в функции образных средств м е т а ф о р и з и р о в а н н ы х т е р м и н о в разных областей знания. Можно отметить некоторые области, которые традиционно и постоянно поставляют новые средства в этот образный фонд. Таковы, например, космонавтика, значительно обновившая и пополнившая этот фонд, военное дело, медицина, математика и др. Например: "В истории языкознания, как и в истории любой науки, наблюдается определенная закономерность в смене идей и направлений, вызываемая прежде всего практическими потребностями имеющейся исторической действительности. Если при этом иногда возникает чрезмерная односторонность в трактовке реальных фактов языка, то с течением времени неизбежно наблюдается известное выравнивание и новый, более высокий виток в

развитии науки. Так, с нашей точки зрения, произошло в языкознании, когда на смену атомистической трактовке языка в начале XX в., и особенно в 20–30-е годы нашего столетия, пришло понимание языка как системы. Это совпало с вовлечением в орбиту лингвистики множества языков различных континентов – Азии, Африки, Австралии..." (В.Н. Ярцева. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // ВЯ. 1983. № 5. С. 17).

2. Употребление поэтизмов, мифологизмов. Неудивительно, что такие средства выражения используются чаще всего в работах гуманитарного профиля, где они более естественны. Например: человек, приобщающийся к "вере, надежде, любви"; искусство "отрекается" от витальных потребностей человеческого организма и поэтому становится "пиршеством духа" и т.д.

Эстетический компонент нормы LSP понимается и достаточно широко, и предельно конкретно. В первом случае исследователи считают: "В понятие эстетики научной речи входят такие группы параметров: логичность изложения, стилистическая правильность, сбалансированное соотношение предложений, несущих фактуальную концептуальную информацию" [9, 42]. Столь же широкий смысл вкладывается в "логичность изложения" – "не только знание и грамотное применение правил формальной логики... правильное обращение с терминами, умение давать точные определения..." [там же, 43] – и в другие указанные параметры. Применительно к терминологии в практике упорядочения, стандартизации ее эстетический компонент конкретизируется, как правило, до требования "благозвучия", "удобопроизносимости".

Таким образом, лингвистическая оценка терминологии предусматривает прежде всего разработку единых принципов практического терминообразования. Но никакая практическая область не может не основываться на общетеоретических положениях. Такой основой для практического терминообразования является общая теория номинации (в ее ономасиологическом и деривационном аспектах). И в этом смысле подчинение закономерностей номинации специальных понятий единым принципам соответствия смысловых структур структурам словообразовательным (терминообразовательным) является одинаково необходимым для всех сфер функционирования и образования терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Рус. яз., 1990.

2. *Воробьева М.Б.* Французский научный язык: Структуры. Прагматика. Л., 1991.

3. *Гарбовский Н.К.* Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // Функционирование системы языка и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

4. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М.; Л.: Просвещение, 1989.

5. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

6. *Гухман М.М.* Литературный язык и культура // ВЯ. 1991. № 5.

7. *Дрозд Л.* К проблеме лингвистической теории терминологии // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум. Infoterm. Ser. 6. München; New York; London; Paris, 1981.

8. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.

9. *Корсакова Т.В., Шашкина Н.И., Лазуренко Л.А., Дружинина Л.В.* Эстетика научной речи // Культура речи в разных сферах общения: Тез. докл. Всеросс. конф. Челябинск, 1992.

10. *Куравлев В.И., Лазарев Ф.В.* Основания научного познания: рефлексия и рациональность // Вопр. философии. 1986. № 5.

11. *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964.

12. *Кутина Л.Л.* Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966.

13. *Лейчик В.М.* Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986.

14. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

15. *Лобанова Л.П., Рождественский Ю.В.* Структурно-семантический сопоставительный анализ общенаучной лексики // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988.

16. *Ментруп В.* К проблеме лексикографического описания общенародного языка и международных языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии.

17. *Наер В.Л.* Уровни языковой вариативности и место фунциональных стилей // Научная литература: Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985.

18. *Острикова Г.Н.* Предметно-образный компонент именных лексических единиц вторичного образования в подъязыках информатики и кибернетики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990.

19. *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991.

20. *Разинкина Н.М.* О понятии стереотипа в языке научной литературы: (К постановке вопроса) // Научная литература: Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985.

21. *Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика. М.: Высш. шк., 1989.

22. *Рондо Ги.* Введение в терминологию. Монреаль, 1979.

23. *Русова Н.Ю.* Участие цифровых, буквенных и графических элементов в терминообразовании // Термины и их функционирование. Горький, 1987.

24. *Сейгер Дж.К.* Критерии оценки функциональной эффективности терминов // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум. Infoterm. Ser. 6. München; New York; London; Paris, 1981.

25. *Славгородская Л.В.* О логико-смысловых связях в научном диалоге // Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979.

26. *Славгородская Л.В.* Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания // Научная литература: Язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985.

27. *Солганик Г.Я.* К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе // Основные понятия и категории лингвистики. Пермь, 1982.

28. *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2.

29. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М., 1977.

30. *Шмелев Д.Н.* Введение // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982.

31. *Danilenko V.P.* [Даниленко В.П.] On professional language // TermNet. Austria, 1985. 13.

32. *Drozd L., Seibicke W.* Fash- und Wissenschafts Sprache. Wiesbaden, 1973.

Глава 9

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ЯЗЫК

Норма языковой единицы органически связана со спецификой сферы ее употребления, т.е. с ее стилистическими свойствами. Мы исходим из понимания сущности функционального стиля как взаимообусловленности двух факторов: экстралингвистического (характера сферы дея-

тельности/сферы коммуникации) и внутрилингвистического (обслуживающих эту сферу набора языковых средств и закономерностей их употребления). Применительно к характеристике официально-деловой речи приходится вносить некоторые коррективы, значительно усложняющие соотношение экстра- и внутрилингвистического планов.

Этот функционально-стилистический пласт языковых средств обслуживает сферу, включающую в себя все множество официально-деловых отношений, причем деловое общение стремится свести их к однотипным (официально-деловым) ситуациям, а обсуждение (или принятие решений по поводу) последних – к фиксации типовых реакций. Эти обстоятельства обусловливают понятие жанра официально-делового текста – письменного текста, содержание которого соотнесено с типом определенной официально-деловой ситуации; будучи элементом делового общения, такой текст является документом, т.е. имеет юридическую силу.

Отталкиваясь от официально-деловой ситуации, пишущий должен совершить выбор жанра документа, предопределяя тем самым и выбор формы документа (этот выбор может быть бессознательным – как результат предыдущего речевого опыта – или сознательным поиском подходящего "образца"). Понятие формы документа включает в себя набор постоянных элементов содержания (сумму реквизитов, см. [15, 12–30; 5, 14–20]) и их последовательность и расположение в тексте. В свою очередь, в рамках формы документа происходит его наполнение конкретными – переменными – элементами содержания, тем самым – его языковое наполнение.

Так возникает трехчастная формула функциональной обусловленности в сфере официально-деловой речи: "типовая ситуация – жанр документа и его форма – его языковое наполнение". Следовательно, при рассмотрении официально-деловой речи как функциональной разновидности современного русского литературного языка мы имеем дело не с традиционно двучленной оппозицией (экстралингвистическое/внутрилингвистическое), а с трехчленной, где в качестве промежуточного – связующего – компонента работает содержательная структура текста, выступающая в единстве жанра документа и его формы.

Таким образом, в сфере официально-деловой речи действуют наряду с языковыми нормами (закономерностями реализации языковой системы в тексте) также нормы, определяющие построение текста документа, – особые текстовые нормы. (Понятие "текстовые нормы" было введено в оборот в работах [9] и [10].) Текстовые нормы адресуют исследователя не к лингвистике текста, рассматривающей свойства линейного текста вообще, а к лингвистике текстов, т.е. к "определенной совокупности или совокупностей текстов", "с предрешенной смысловой сеткой отношений" [8, 34–35; 2, 4–5]. Текстовые нормы представляют собой закономерности реализации семантико-информационной структуры и правил линейного развертывания типа текста как особого лингвосемиотического феномена. Эти нормы регулируют семантическую и формальную организацию текста

и его частей применительно к разным жанрам последнего. Основные различия между языковыми и текстовыми нормами (это закономерности реализации разных знаковых систем) обусловливают и аспекты направленности данных закономерностей: для языковых норм это – ограничение возможностей употребления единиц системы; для текстовых – требования к построению определенного типа текста. Автономность этих двух типов норм подтверждается возможностью строгой нормативности языковых единиц текста – при нарушении норм построения последнего, и наоборот, возможностью отступлений от норм литературного языка – в тексте, построенном по всем правилам.

Выбор жанра делового текста играет роль пускового механизма, включающего конкретный комплекс текстовых норм; при этом в речевом сознании пишущего возникает некий "образец", выступающий как механизм, обусловливающий общую схему текста документа, его постоянные (и переменные) элементы, их композицию. Текстовые нормы при этом – применительно к разным жанрам текста – могут различаться по степени жесткости организации; можно наметить по меньшей мере три степени жесткости/гибкости текстовых норм.

1. Текстовые нормы в типе текста, являющемся *образцом-матрицей*. Они характеризуются фиксированностью трех основных параметров организации текста документа: а) набора всех содержательных элементов (реквизитов); б) их последовательности; в) их пространственного расположения. Здесь имеет место наиболее жесткое ограничение на все параметры, наиболее полная унификация документов, таких, например, как справка или доверенность. (По степени жесткости этот тип норм позволяет вспомнить об одном из путей нормализации старославянских текстов в начале XVII в. – "текстологическом", связанном с канонизацией целых текстов, ср. [12, 259–261].) Жесткость организации делает здесь схему особенно прозрачной, даже при художественно-пародийном ее изображении (напомним, что пародия – инструмент передачи сущности пародируемого явления); ср., например, в "Записных книжках" И. Ильфа:

«Дано сие тому-сему (такому-сякому) в том, что ему разрешается то да се, что подписью и приложением печати удостоверяется. За такого-то.
За сякого-то.
Учреждение "Аз есмь"».

Для образца-матрицы существенной является фиксированная пространственная организация постоянных элементов содержания в таких типах текста, как анкета, таблица, бланк приходного и расходного ордера, в которых на первый план выступает роль пробелов для обозначения переменных элементов в тексте. "Стандартно-готовый" характер построения текстов рассматриваемого типа приводит к тому, что они дифференцируются далее по "ключевым словам" [3, 14]. Обращаясь к иронически-пародийному изображению документа в художественной литературе, здесь можно было бы вспомнить сказку В. Шукшина "До третьих петухов". Ивана-дурака – в его поисках

справки "что он умный" – черт вразумляет насчет разнообразия справок по ключевым словам:

«– А какую справку, Ваня? Они разные бывают... Есть о наличии, есть об отсутствии, есть "в том, что", есть "так как", есть "ввиду того, что", а есть "вместе с тем, что" – разные, понимаешь?.. Какую именно тебе сказали принести?.. Есть "в связи с тем, что", есть "несмотря на то, что", есть... Мы можем сделать любую справку, надо только понять – какую?»

2. Текстовые нормы в типе текста, являющемся *образцом-моделью*. Они демонстрируют бóльший (по сравнению с образцом-матрицей) уровень гибкости нормы – при фиксированности двух основных параметров организации текста: а) набора основных содержательных элементов и б) их последовательности. Но и здесь форма документа достаточно жестка, почему и несет в себе достаточно ярко выраженный "заряд" официально-деловой ситуации, даже в условиях самого необычного словесного наполнения, например в жанре фантастики:

"В Совет старейшин острова Итаки
от Одиссея, царя,
проживающего на Козьем холме, 15

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу предоставить мне долгосрочный отпуск без сохранения содержания на предмет участия в Троянской войне с 1-го июня с.г." (В. Тублин. Доказательства, 15). К текстам типа образца-модели относится бóльшая часть разновидностей деловых писем, подробно рассмотренных в работе [3]. Ужесточение образца-модели может привести к превращению текста в образец-матрицу (например, готовый бланк для заявления об отпуске).

3. Текстовые нормы в типе текста, являющемся *образцом-схемой*. Они характеризуют наименее жесткий тип организации документа, представленный только параметром (а) – фиксированный набор основных элементов содержания, причем чаще всего имеет место употребление конституирующих данный тип текста начальных его реквизитов. Ср. типичное изображение объяснительной записки в детективно-милицейском жанре:

– А вас, Зоя Геннадьевна, я попрошу все, о чем мы говорили, изложить письменно.

– Хорошо. Я сделаю, только как?

– Возьмите бумагу, ручку... Так... Прекрасно... В правом углу пишите: "Начальнику ОББ, подполковнику Данилову И.А." Написали?.. Прекрасно... Далее – от кого... Так... Теперь посредине листа: "Объяснение"... Отлично... "По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. С гражданкой Валиевой З.В., проживающей..." Так... Дальше – все, как было (Эд. Хруцкий. Четвертый эшелон).

Иначе говоря, характер действия текстовых норм определяется характером организации соответствующих текстов. Степень свободы при выборе пишущим в процессе построения (составления) текста документа обратно пропорциональна степени фиксированности

параметров текста. Здесь на одном полюсе (предел жесткости организации) – заполнение пробелов как фиксация переменной информации (вспомним еще недавно заполняемый нами двусторонний бланк на вложение/получение денег в сберкассе); на другом полюсе (наибольшая степень свободы) – обязательность лишь "шапки" документа*.

Типовое построение делового текста (сфера действия текстовых норм) выступает в качестве рамки, в которой пишущим совершается конкретизация текста документа – его языковое наполнение (сфера действия языковых норм). Масштаб самостоятельной деятельности пишущего зависит от отнесения документа к одному из рассмотренных выше типов текста-образца.

Говоря о действии текстовых норм, регламентирующих требования к построению документа (вернее, того или иного жанра документа), нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что – при строгой обусловленности выбора, последовательности и расположения реквизитов – в каждом жанре документов можно выделить те реквизиты, которые несут конкретизированную информацию и предполагают не простую "подстановку" (наименования организации, должностного лица, фамилии и инициалов пишущего, заголовка документа, подписи, даты), а изложение сути дела, предполагают творческую работу пишущего по формулированию обязательств, материала, аргументации дела. Для документов, с которыми нам так или иначе приходится иметь дело в нашей общественной практике, такими "свободными" реквизитами оказываются: для расписки – точное наименование получаемого (передаваемого) с указанием количества; для счета – обозначение суммы, подлежащей выплате, и мотивировки требования; для доверенности – точное и исчерпывающее определение доверяемой функции; для заявления – точная формулировка просьбы (жалобы) и краткой аргументации (см. [18, 44–46]).

Граница между действием текстовых норм и действием языковых норм одновременно представляет собой границу, означающую – с вступлением в действие языковой нормы – резкое возрастание свободы пишущего: с переходом к изложению переменных элементов содержания делового текста возрастают возможности выбора в сфере языковых средств передачи конкретных обстоятельств дела – и возрастают трудности, стоящие перед непосредственным составителем текста документа. Трудности такого выбора касаются в основном двух языковых аспектов: 1) выбора лексики и формул для адекватной передачи существа дела и 2) выбора грамматических средств – в основном синтаксических конструкций, составляющих синтаксическую структуру делового текста.

1. Так, казалось бы, оставленная на усмотрение составителя документа часть текста заявления, как правило, начинается формулой

---

* Материал о жесткости/гибкости текстовых норм разработан А.Б. Пеньковским и Б.С. Шварцкопфом в сообщении "О трех типах текста-образца", прочитанном на научно-методической конференции историко-филологического факультета Университета дружбы народов им. П. Лумумбы в 1977 г.

"Прошу (разрешения, предоставить и т.д.)", причем если это заявление об отпуске, то конкретная информация должна включать в себя наименование вида отпуска – "очередной", "за свой счет" и др. (согласно существующим классификаторам – систематическим перечням вопросов, могущих возникнуть в процессе делового общения).

С помощью определенных наборов стандартных выражений в деловых письмах передается определенная семантическая информация типа: а) предупреждения: *По истечении срока...*; *В противном случае...*; б) мотивации действия: *В порядке обмена опытом...*; *В порядке исключения...*; в) причинно-следственных отношений: *В соответствии с протоколом...*; *Согласно Вашей просьбе...* [3, 10–11].

2. Синтаксический аспект построения языковой структуры делового текста, как правило, представляет собой значительную сложность для непосредственного составителя текста документа. Здесь заключено несколько проблем.

С одной стороны, для деловой речи характерна стандартность не только в плане закономерностей содержательной структуры документа, но и в плане набора готовых синтаксических конструкций, представляющих собой отработанные конструктивные средства (синтаксические конструкции) для выражения стандартных элементов смысла, так называемых блоков и схем с определенным семантическим содержанием. Так, П.В. Веселов подчеркивает, что стандартизацию языка деловых писем "следует рассматривать не столько как канонизацию конкретных выражений, сколько как стандартизацию их моделей" [3, 12]. Можно грамматическую характеристику "процесса составления стандартного письма свести к выбору синтаксических конструкций, закрепленных за каждым аспектом" – так П.В. Веселов называет готовое стандартизированное выражение мыслей (с помощью одного или нескольких предложений), передающих типовые действия и обстоятельства рассматриваемого дела. Такие "стандартные аспекты содержания" включают в себя ряд моделей синтаксических конструкций и вариантов их реализации, например: *Доводим до Вашего сведения* или *Напоминаем, что...*; *Просим* + инфинитив; *Направляем* или *Гарантируем* + дополнение в вин. падеже и др. под. [там же, гл. 7].

Регламентация языка документов затрагивает даже такие вопросы, как синтаксические особенности словосочетания и предложения. Так, в гостах рассматривалась сочетаемость ряда ключевых слов, например: "приказ – издается, должностные оклады – устанавливаются, контроль – возлагается на кого-либо или осуществляется, выговор – объявляется, порицание – выносится" [14, 191]. Особенно большое внимание составители этого госта уделили порядку слов: в деловой речи преобладает прямой порядок главных членов предложения; вынесение обстоятельства или дополнения на первое место служит их подчеркиванию; место согласованного определения – перед определяемым словом, а несогласованного – после определяемого слова; место обстоятельства степени – перед прилагательным, а дополнения – после него; место дополнения – после глагола, в порядке "прямое – косвенное" (*передать что кому*); место обстоятельства образа дей-

ствия (наречий на *-о*, *-е*), меры и степени, причины и цели – перед глаголом-сказуемым (если на них не падает логическое ударение), а обстоятельств образа действия, выраженных иначе, – после глагола [там же, 195–197].

С другой стороны, нельзя забывать, что трудности, стоящие перед непосредственным составителем текста документа, в значительной степени касаются того, что Л.В. Щерба называл "культурой сложных предложений по способу подчинения" [20, 119]. Именно здесь, в этой сфере, достигает максимума "сопротивление языкового материала", выражающееся в тех "усилиях, которые мы тратим на написание какой-нибудь деловой записки, счета, объявления", в необходимости "следить за тем, не запутался ли я в построении своего сложного предложения" [11, 165]. Так и кажется, что последнее замечание А.М. Пешковского прямо относится к изображенной И.А. Гончаровым сцене, в которой Обломов решается наконец написать письмо домохозяину – о несогласии съехать с квартиры в связи с ремонтом:

Илья Ильич сел к столу и быстро вывел: "Милостивый государь!.."

– Какие скверные чернила! – сказал Обломов. – В другой раз у меня держи ухо востро, Захар, и делай свое дело как следует!

Он подумал немного и начал писать.

"Квартира, *которую* я занимаю во втором этаже дома, *в котором* вы предположили произвести некоторые перестройки, вполне соответствует моему образу жизни и приобретенной, вследствие долгого пребывания в сем доме, привычке. Известясь через крепостного моего человека, Захара Трофимова, *что* вы приказали сообщить мне, *что* занимаемая мною квартира..."

Обломов остановился и прочитал написанное.

– Нескладно, – сказал он, – тут два раза сряду *что*, а там два раза *который*.

Он пошептал и переставил слова: вышло, что *который* относится к этажу – опять неловко. Кое-как переправил и начал думать, как бы избежать два раза *что*.

Он то зачеркнет, то опять поставит слово. Раза три переставлял *что*, но выходило или бессмыслица, или соседство с другим *что*.

– И не отвяжешься от этого другого-то *что*! – сказал он с нетерпением. – Э! да черт с ним совсем, с письмом-то! Ломать голову из таких пустяков! Я отвык деловые письма писать. А вот уж третий час в исходе.

– Захар, на вот тебе. – Он разорвал письмо на четыре части и бросил на пол (И.А. Гончаров. Обломов. Ч. 1, VIII).

Все описанное выше: и действие текстовых норм, обусловливающее стандартность формы различных жанров документов, и действие языковых норм, обусловливающее выбор стандартных лексических формул и семантически нагруженных моделей синтаксических конструкций и предложений, – все это в целом превращает процесс создания документа (при профессиональном его исполнении) в выбор из набора готовых средств в соответствии с официально-деловой ситуа-

цией и традицией. Поэтому документы, строго говоря, не "пишутся", а "составляются" [3, 10], и точнее говорить здесь не о пишущем, а о составителе документа.

Текстовые и языковые нормы, регламентирующие форму документа, не являются чем-то совсем не изменяемыми: они испытывают давление со стороны все шире развивающегося способа составления и сохранения документов с помощью электронно-вычислительной техники. Так, в результате ориентации официально-деловой речи на ЭВМ регламентация организационно-распорядительных документов стала регулярно включать в себя реквизит (для всех жанров документов) "заголовок к тексту", являющийся по существу аннотацией документа, в форме предложно-падежной конструкции: предлог *о* + название управленческого действия + указание объекта этого действия (типа *О рекламации партии новых бланков*) [13, 170]. Такой заголовок не только облегчает поиск документа, но при предмашинном формировании текста выступает в качестве базы для превращения предложно-падежного сочетания (*О...*) в слово-дескриптор в им. падеже (*рекламация*).

С категорией им. падежа связана и другая особенность введения текста документа в машинную память: при этом текст структурно реорганизуется в табличную форму, что и обусловливает исходную форму содержащихся в таблице языковых единиц (слов, словосочетаний) [14, 191–192]. Это, однако, не влияет на один из самых применяемых реквизитов – адресат документа: принято ставить в им. падеже наименование организации или ее структурного подразделения, но в дат. падеже – ранг и фамилию должностного лица (например: Минмонтаж/Объединение "Сибкомплектмонтаж" – Начальнику лаборатории по качеству т. Артюховой А.Б.); и при адресовании письма частному лицу адресат имеет форму того же дат. падежа (после почтового адреса), см. пример: 327025 Николаев, Киевское шоссе, 67, кв. 45 – Иванов А.Е. [7, 9–10].

Попробуем взглянуть на текстовое "устройство" пласта официально-деловых документов еще с одной стороны: в функциональном плане. А.Б. Шапиро неоднократно отмечал характерную для русской письменности противопоставленность двух типов текста: информационного (делового, научного) и экспрессивного (художественного, публицистического) [16, 70; 17, 62]. Установочное по цели и содержанию различие этих двух типов текста обусловливает и различие их синтаксической структуры.

Для деловой речи как информационного текста в высшей степени (значительно больше, чем для научной) характерны отсутствие разнообразия и ограниченность синтаксических конструкций [16, 70]: почти полное преобладание повествовательных предложений (при незначительном числе вопросительных предложений и ограничении восклицательных предложений только обращениями, в основном в деловых письмах); стремление "представить все обстоятельства дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом" порождает "культуру сложных предложений по способу подчинения"

[20, 119]; то же стремление "представить все обстоятельства дела... в целом" делает весьма употребительными в деловой речи причастные и деепричастные обороты; это же стремление активизирует в тексте документов конструкции с однородными членами, большей частью при предшествовании обобщающего слова, а сами такого рода перечисления, преимущественно с рубрикацией (см. [1, 66–69]), имеют в документации значительный удельный вес; стремление же к однозначности и непротиворечивости (ведь текст документа имеет юридическую силу!) подталкивает пишущего, как правило, к довольно многочисленным детализациям и уточнениям, откуда довольно высокая частотность уточняющих смысл вставных конструкций. Вот, собственно, почти полный набор синтаксических конструкций, типичных для официально-деловой речи, – в противоположность всему разнообразию синтаксических средств и конструкций, которые могут употребляться – и реально употребляются – в экспрессивных текстах (художественном, публицистическом), не говоря уже о конструкциях с прямой речью, о средствах синтаксиса, имеющих экспрессивную окраску.

Оговорим, однако, наше несогласие с тем категорическим выводом, который А.Б. Шапиро делает из стандартности делового текста и из ограниченности свойственных ему конструкций: для него стандартность синтаксиса в деловой речи означает "сравнительно несложный характер" последнего, ибо "пишущему либо вовсе не приходится, либо приходится в незначительной степени иметь дело с выражением тонких оттенков смысла" [16, 70]. Но ведь речь идет не только о бланке расходного ордера или о справке из РЭУ, деловые тексты могут иметь – и имеют подчас – весьма сложное содержание излагаемого в них "дела", а необходимость концентрации смысла "дела" и юридически существенных уточнений смысла конструкции предъявляют к пишущему (составителю и редактору документа) самые высокие требования в плане не просто точности изложения, но и взвешенности информации, непротиворечивости и невозможности нежелательной интерпретации текста.

Сказанное выше о синтаксической структуре делового текста позволяет выдвинуть также задачу: составить обобщенный "пунктуационный портрет" официально-делового типа текстов. Такой портрет, естественно, обусловлен синтаксическими свойствами структуры делового текста и ее отличиями от синтаксической структуры экспрессивного текста.

Понимая (схематически) письменный текст как линейную последовательность предикативных единиц, мы прежде всего обратим внимание на пунктуационную организацию текста (или – в качестве микротекста – абзаца) в позиции конца предложения. Для делового текста характерна здесь исключительно точка. Частотность же других конечных знаков в деловой речи минимальна, она приближается к нулю и ограничена специальными условиями; постановка вопросительного знака связана, как правило, со случаями наличия прямого вопроса, восклицательного же, о чем говорилось выше, – исключительно с обращением в деловых письмах (обратим внимание на то, что в печатаемых

газетами официальных и дипломатических документах вместо традиционного русского восклицательного знака все чаще встречается запятая после обращения, подобно тому, как в английских текстах). Многоточие может иметь место только при цитации – при оборванности цитаты или при купюре в ней.

В позиции середины предложения в деловой речи – преобладающая масса запятых, одиночных и парных. Одиночные запятые широко употребляются при перечислении, где, в зависимости от сложности синтаксического построения компонентов перечисления, довольно широко употребляется еще и точка с запятой. Для последнего знака препинания в деловой речи характерна довольно большая (бóльшая, чем в других стилистических разновидностях литературного языка) частотность употребления. Также характерна бóльшая, чем обычно, частотность в деловой речи и для двоеточия: здесь не ощущается в такой степени тенденция к вытеснению его знаком тире, что объясняется позицией двоеточия как сигнала последующего перечисления или цитаты, а также систематическими случаями необходимости дальнейших пояснений.

Среди выделительных знаков препинания наиболее частотной оказывается парная запятая: это обусловлено массовостью случаев выделения придаточных в сложноподчиненных предложениях, причастных и деепричастных оборотов. Довольно часто в деловой речи встречаются скобки. В противовес экспрессивному тексту, где в пунктуационном оформлении вставных конструкций в значительной мере частотны парные тире, здесь при вставных уточнениях заметно преобладают скобки как графически сильный знак вставки. Что касается кавычек, то они, как и многоточие, оказываются ограничены случаями цитации.

Таким образом, в официально-деловом тексте, в силу его синтаксической специфики, очевидно подавляющее преобладание нейтральных – "грамматических" – знаков препинания, фиксирующих позиции конца предложения (точка) и его середины (разделительная и выделительная запятые). Употребление других знаков четко ограниченно.

И тем не менее разделительные знаки середины предложения: маркированные, связанные с немногими пунктуационными ситуациями точка с запятой и двоеточие (см. [19, 36–37]) – в деловом тексте оказываются частотнее, чем в других типах текстов.

Любопытно отметить случай, когда стандартность организации делового текста выходит за рамки рассматриваемых нами жанров документации. Как известно, одна из важнейших черт специфики деловой речи заключается в перевернутости отношения "устная – письменная речь": в отличие от других разновидностей литературного языка деловая речь исторически возникла, сформировалась и функционирует как первично письменная. Между тем исследователи деловой речи в последнее время стали обращать внимание на ее функционирование и в устном варианте – в качестве средства делового общения в ситуациях заседаний, совещаний, деловых переговоров и т.п. (см. хотя

бы [4; 21]); в число последних входит и деловое общение по телефону. И, оказывается, текст телефонных деловых переговоров принципиально моделируем (не случайно акад. А.П. Ершов характеризовал деловую прозу как действующую "всегда в строгой модельной ситуации", с "четкостью функций каждого сообщения" [6, 7–8]): "В некоторых учреждениях для подготовки междугородных телефонных переговоров, их упорядочения используются специальные бланки, в которых будущий телефонный разговор записывается с учетом прогнозируемых ответов. Вот примерная форма бланка [4,73]:

Объединение (предприятие, учреждение) _____
Номер телефона _____

1. Введение собеседника в курс дела.

_____

2. Обсуждение ситуаций.

_____

3. Заключительное слово.

_____

Исполнитель _____

Дата и время _____

Мы не рассматриваем здесь особенностей устной деловой речи (и из-за их неизученности, и в силу того, что они тесно связаны со спецификой устной публичной речи). Однако отмеченная выше черта роднит ее со стандартной организацией документа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина Н.С.* Трудные вопросы пунктуации. М., 1983.

2. *Ванников Ю.В.* Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. М., 1985. Ч. 2.

3. *Веселов П.В.* Современное деловое письмо в промышленности. 3-е изд. М., 1990.

4. *Власов Л.В., Сементовская В.К.* Деловое общение. Л., 1980.

5. *Головач А.С.* Оформление документов. 2-е изд. Киев, 1983.

6. *Ершов А.П.* К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы // Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.

7. Методические указания по внедрению и применению государственных стандартов на организационно-распорядительную документацию... РД 50-161-79. М., 1980.

8. *Николаева Т.М.* Проблемы лингвистики текста (комплекс идей горизонтального порождения) и конкретные исследования балканского материала // Симпозиум по структуре балканского текста: Тез. докл. и сообщ. М., 1976.

9. *Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С.* К вопросу о текстовых нормах // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. М., 1974. Ч. 1.

10. *Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С.* Взаимодействие текстовых и языковых норм при порождении текста // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Ленинград, 27–30 мая 1975 г.). М., 1975. Ч. 1.

11. *Пешковский А.М.* Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школах взрослых // Избранные труды. М., 1959.

12. *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.): Докл. сов. делегации. М., 1963.

13. Унифицированная система организационно-распорядительной документации: Унифицированные формы, инструктивные и методические материалы по их применению. М., 1980.

14. Унифицированная система организационно-распорядительной документации, используемой в автоматизированных системах управления и в условиях традиционных методов управления: Альбом форм, нормативные и методические материалы. М., 1976.

15. *Фельзер А.Б., Миссерман М.А.* Делопроизводство: Справочное пособие. 3-е изд. Киев, 1988.

16. *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955.

17. *Шапиро А.Б.* Современный русский язык: Пунктуация. М., 1966.

18. *Шварцкопф Б.С.* О культуре деловой речи // Рус. речь. 1968. № 3.

19. *Шварцкопф Б.С.* Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

20. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

21. *Эрнст О.* Слово предоставлено вам: Практические рекомендации по ведению деловых бесед и переговоров / Пер. с нем. А.Д. Богомолова. М., 1988.

Глава 10

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Описать язык газеты, а точнее, – поскольку рассматриваться должны не только эксплицитные вербальные, но и надречевые структуры (макроструктуры), причем рассматриваться в социальном контексте [8, 111–160], – описать газетный дискурс с точки зрения культуры речи – значит прежде всего определить условия успешности этого дискурса, раскрываемой в терминах эффективности, оптимальности и (широко понимаемой) нормативности. В настоящей главе вследствие сложности и вариативности объекта (дискурса), а также многообразия параметров, которые могут быть представлены на "шкале успешности", представляется возможным рассмотреть лишь некоторые явления, преимущественно связанные с проблемами информационного пространства газеты, сферы субъекта и нормативной регуляции дискурса.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА

Газетный дискурс можно охарактеризовать с помощью набора присущих ему постоянных и факультативных признаков. Постоянные признаки позволяют представить его как письменный, дистантный, ретиальный, с индивидуально-коллективным субъектом и рассредоточенным массовым адресатом. Среди факультативных важнейшим является признак персуазивности (агональности). Речь здесь идет не о персуазивности как константном признаке любого речевого акта, иллокутивная сила которого так или иначе делает его направленным на перлокутивный эффект изменения знаний, мнений или поведения адресата (под последним имеется в виду инициация, коррекция или прекращение действий реципиента). Персуазивность как признак газетного

дискурса выражается в сознательном, намеренном воздействии на когнитивно-ментальную сферу читателя с целью добиться нужного манипулятору результата.

Вместе с тем общепризнано, что основной целью газетного дискурса является транслирование (или ретранслирование) информации различных типов – фактуальной, комментарийной, концептуальной, развлекательной. Основу же газетной информации составляют сообщения о фактах и их комментарий (подробно о разных взглядах на информационную природу газеты и типы передаваемой в ней информации см. в кн. [10, 19–60]). Отсюда следует, что важнейшей характеристикой газетного дискурса является категория информационного поля, под которым здесь понимается информационный континуум, охватывающий то или иное пространство фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем. Информационное поле – категория аксиологическая: в идеале газета должна сообщать о всех возможных фрагментах действительности. На деле объем информационного поля всегда ограничен. Эти ограничения могут носить институциолизированный (запрет на разглашение государственных тайн) или конвенциональный (например, следование этическим нормам) характер. Запреты иного рода должны расцениваться как факт дефектной коммуникации, однако, как показывает история российской печати советского периода, именно они часто становятся своеобразной "информационной нормой".

В пятикомпонентной схеме массовой коммуникации, предложенной Г. Ласуэллом: "кто, что сказал, через посредство какого канала (средства) коммуникации, кому, с каким результатом" (цит. по: [2, 11]), – именно компонент "что сказал", т.е. транслируемая информация, наиболее уязвим для социального воздействия. Советская печать практически на протяжении всего своего существования находилась под мощным идеологическим прессом. Выдвинутый Лениным принцип партийности печати приобрел характер незыблемого закона, особенно после того как был в виде прямой директивы сформулирован Сталиным в его выступлении на "историческом" апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г.: "Надо принять меры к тому, чтобы в органах печати, как партийных, так и советских, как в газетах, так и в журналах, полностью проводилась линия партии и решения ее руководящих органов" (цит. по: А. Латышев. О вреде единомыслия // Моск. новости. 1989. 10 сент.). Нельзя не вспомнить, что одним из первых законодательных актов советской власти был декрет о закрытии всех сколько-нибудь оппозиционных изданий, а на информацию, помещаемую в лояльных к режиму газетах и журналах, сразу же был наложен ряд запретов. Так, 19 декабря 1918 г. решением бюро ЦК РКП(б) была запрещена критика ВЧК в печати (В. Костиков. Время оттаявших слов // Огонек. 1989. № 2). Таким образом, "информационная норма" с первых послереволюционных лет на долгое время приобрела характер нормы, прежде всего идеологической: жестко регламентировалось и то, о чем можно писать, и то, как об этом нужно писать. Табуированию (а это один из наиболее распространенных видов искажения действительности) подвергались целые сферы жизни общества и важнейшие для

судеб страны события. Те же факты и события, о которых позволялось сообщать на страницах газет и журналов, должны были интерпретироваться строго определенным образом.

Одним из проявлений идеологической детерминированности печати стало проведение разного рода газетных кампаний, содержание и тон которых могли меняться буквально в течение одного дня. Показательно в этом отношении поведение советской прессы после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г.: из нее исчезли обличения фашизма, и, напротив, появились статьи, клеймящие Англию и Францию за то, что они силой пытаются "подавить идеи гитлеризма". Посол Германии в Москве фон Шуленбург сообщал в своем донесении от 6 сентября 1939 г.: "Внезапный поворот в политике Советского Союза после многих лет пропаганды, направленной именно против немецких агрессоров, еще не очень ясно понят населением. Особенные сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как будто подменили. Нападки на Германию не только полностью исчезли, но все описания событий внешней политики в значительной мере основаны на немецких сообщениях, и вся антинемецкая литература изымается из книжной продукции" (цит. по: А. Чубарян. Август 1939 года // Известия. 1989. 1 июля).

Политический обозреватель С. Кондрашов вспоминает о трансформациях, происходивших с прессой в период карибского кризиса: «В советских газетах тех дней вы обнаружите массу материалов о карибском кризисе, целые полосы с аршинными ритуальными заголовками, клеймящими американский империализм тем ругательным нечеловеческим языком, который остался – это стоит подчеркнуть – от сталинских времен, когда так привычно было обрушиваться на "врагов народа", "презренных наймитов", "шайки диверсантов и убийц", и который в силу широкозахватной и устойчивой инерции сталинизма мы все еще сохраняли для газетных "разговоров" со своими людьми о западном мире». По словам С. Кондрашова, в первые дни кризиса газеты пестрели заголовками: "Обуздать зарвавшихся американских агрессоров!", "Народы мира гневно клеймят американских авантюристов!", "Решительный отпор поджигателям войны!", "Усмирить разбойников, отстоять мир!". В последующие дни, пишет журналист, тон газетных заголовков стал несколько спокойнее, а при достижении компромисса произошла их полная (но в пределах той же идеологической гаммы) референциальная, а следовательно и оценочная, трансформация: "Выдающийся вклад в дело сохранения мира", "Все человечество приветствует мудрость и миролюбие Советского правительства". Таким образом, заключает С. Кондрашов, "газеты лишь отражали резкий перепад официального тона от противостояния к примирению" (С. Кондрашов. Из мрака неизвестности // Новый мир. 1989. № 8. С. 182–183).

Идеологизированная информационная норма вступала в непреодолимое противоречие с объективной информационной нормой по крайней мере по двум параметрам: информация в идеологически ангажирован-

ной прессе, во-первых, была, с одной стороны, избыточной, а с другой – редуцированной и поэтому недостаточной; во-вторых, отличалась высокой степенью недостоверности (ср. с постулатами количества и качества Г. Грайса).

Избыточность выражалась, например, в повторяющемся тиражировании информации, безальтернативной интерпретации действительности, включении в текст стереотипных идеологем и достаточно регулярной ритуализации дискурса. Недостаточность, будучи производной от тех ограничений, которые накладывались на информацию, была в то же время обратной стороной избыточности.

Особого внимания заслуживает параметр истинности/ложности (достоверности/недостоверности) информации, передаваемой в печати и вообще в mass media. Эта проблема актуальна применительно не только к советской прессе, и ее исследованием занимаются как зарубежные, так и отечественные лингвисты (см., например, [5; 6; 9; 15; 4; 18; 13]). Так, Х. Вайнрих связывает языковую ложь с лживостью понятий и идеологических систем. По его мнению, "лживые слова – это почти без исключения лживые понятия. Они относятся к некоторой понятийной системе и имеют ценность в некоторой идеологии. Они становятся лживыми, когда лживы идеология и ее тезисы". В качестве примера лживости слова Х. Вайнрих приводит слово *демократия*, помещенное в такую идеологическую систему, которая не признает демократию как форму государства, где власть исходит от народа и по определенным политическим правилам передается свободно избранным его представителям [6, 63].

Согласно Д. Болинджеру, характерная для американской политики (речь идет о 70-х годах) и средств массовой информации "коррупция языка" в значительной мере объясняется продуманным вмешательством властей, преследующих непопулярные цели [5, 39–40].

Г. Джоуэтт и В.О'Доннел определяют пропаганду как "активизированную идеологию", поскольку ее реальная задача состоит в том, чтобы распространить среди аудитории определенную идеологию и тем самым добиться заранее поставленной цели. Поэтому пропаганда стремится втиснуть информацию в определенные рамки и отвлечь реципиента от вопросов, которые за эти рамки выходят. Поэтому не случайно, замечают авторы, под пропагандой часто понимают что-то нечестное – об этом свидетельствует уже тот синонимический ряд, в который помещают сам термин "пропаганда": *ложь, искажение, манипуляция, психологическая война, промывание мозгов*. Правда, Г. Джоуэтт и В.О'Доннел указывают, что пропаганда совсем не обязательно должна опираться на ложь. В зависимости от источника и достоверности информации они различают "белую", "серую" и "черную" пропаганду. "Белая" пропаганда характеризуется тем, что ее источник можно установить с большой точностью, а информация соответствует действительности. При "серой" пропаганде источник точно определить нельзя, а достоверность информации находится под вопросом. "Черная" пропаганда использует ложный источник, распространяет ложь и сфабрикованные сообщения. Таким образом, заключают авторы, пропа-

ганда может строиться на широкой гамме сообщений – от правды до откровенной лжи, но всегда в ее основе лежат определенные ценности и идеология [9, 3–5].

Применительно к советской печати можно говорить о глобальной и своего рода системной лжи. Это была типичная "черная" пропаганда, хотя в большинстве случаев "источник" информации был хорошо известен – им были средства массовой информации, полностью подчиненные идеологическому демиургу. Информация становится дезинформацией во всех случаях, «когда надо скрыть имеющуюся действительность и когда надо построить "новую"» [11, 109]. Применительно к советской действительности такая ситуация была повсеместной. Использовались, и, нужно сказать, с большой эффективностью, различные способы искажения истины[1]. По многочисленным воспоминаниям современников, "тому, что пишут", верили (см., например: Г. Померанц. Записки гадкого утенка // Знамя. 1993. № 7–8). Социальные предпосылки этого были общими для макроситуации введения в заблуждение: 1) недостаток информации; 2) приверженность "стереотипам и жестким высокоидеологизированным структурам"; 3) социальная пассивность реципиентов [4, 113–114].

Вместе с тем существует немало свидетельств того, что ложь в печати распознавалась людьми, принадлежащими к разным социальным группам общества. Н.Я. Мандельштам вспоминает пожилого рабочего, у которого она жила в Александрове, с его неизменной оценкой газет: "Опять врут, сволочи". Ср. также оценку газетной информации, данную кинорежиссером А.П. Довженко (в дневниковой записи): "Что более всего раздражает меня в нашей войне – это пошлый, лакированный тон наших газетных статей. Если бы я был бойцом непосредственно с автоматом, я плевался бы, читая в течение такого длительного времени эту газетную бодренькую панегирическую окрошку или однообразные, бездарные серенькие очерки без единого намека на обобщение, на раскрытие силы и красоты героики. Это холодная, наглая бухгалтерия газетных паршивцев, которым, по сути говоря, в большой мере нет дела до того, что народ страдает, мучится, гибнет. Они не знают народа и не любят его. Некультурные и душевно убогие, бездуховные, они пользуются своим положением журналистов и пишут односторонние и сусальные россказни, как писали до войны о соцстроительстве, обманывая наше правительство, которое безусловно не может всего видеть. (Здесь, конечно, трудно согласиться с автором, видящим истоки газетной лжи лишь в самих журналистах. – *С.В.*) Я нигде не читал еще ни одной критической статьи ни о беспорядках,

---

[1] Ю.И. Левин выделяет четыре семиотических типа искажения истины, в основе каждого из которых лежит то или иное преобразование реальной ситуации: 1) аннулирующее – умалчивающие описания, пределом которых является нулевой текст; 2) фингирующее, состоящее во введении в ситуацию "посторонних" предметов и/или событий; 3) преобразование индефинитизации, при котором аннулируется часть свойств предмета или предиката, в результате чего ситуация оказывается неопределенной; 4) модальное, изменяющее модус (способ существования) предмета, предиката или события [11, 109–112].

ни о дураках, а их хоть пруд пруди, о неумении правильно ориентировать народ и т.п. Все наши недостатки, все болячки не разоблачаются, лакируются, и это раздражает наших бойцов и злит их, как бы честно и добросовестно ни относились они к войне" (А.П. Довженко. Дневник // Огонек. 1989. № 19. С. 11).

Характерно, что реципиентами порой распознаются собственно языковые (эксплицированные в поверхностной структуре высказываний) "маркеры лжи": «Не знаю, как вы, а я весьма скептически отношусь к официальным решениям, содержащим глухие формулировки типа: "улучшить", "усилить внимание", "повысить", "углубить" или "ускорить", изначально обреченным на неисполнение в силу своей абсолютной неконкретности и, я бы даже сказал, обезоруживающей безликости.

У нас любят говорить: проделана "определенная" работа, в наличии "определенные" недостатки, – вам известно, как следует это понимать?..

Вникать и задумываться мы стали только теперь: блаженное время, не многие, к сожалению, это ценят сегодня, а зря... Именно по этой причине, то есть по причине того, что стала, кажется, уходить из нашей жизни абстрактность призывов и демагогическое пустословие, мы сегодня точно знаем: если проделана "определенная" работа – значит ничего не сделано, нам просто пудрят мозги; если имеются "определенные" недостатки – значит и сами не желают их видеть, и нам не хотят показать. По этой же причине многие из нас готовы "углублять" только в том месте, где уже что-то вырыто, "улучшать" – где уже есть что-то хорошее, "ускорять" – где уже началось движение, "усиливать" – где уже приложены пусть небольшие усилия» (В. Аграновский. Личность решает все! // Огонек. 1989. № 14. С. 7)[2].

Советская печать дважды в своей истории пыталась выйти за пределы очерченного идеологией круга. Первая попытка – во второй половине 50-х – начале 60-х годов – не была и не могла быть последовательной: сохранялись прежние глубинные идеологические основания, традиционные мифологемы; пресса продолжала оставаться под мощным давлением со стороны политического истэблишмента. Вторую попытку – начиная со второй половины 80-х годов – можно охарактеризовать как путь от "робкой гласности" к подлинной свободе слова с присущей ей информационной (и стилистической) полифонией[3]. При всей стремительности, с которой пресса проделала этот путь, движение к свободе слова знало свои этапы: скажем, в 1986–1988 гг.

---

[2] О языковых механизмах искажения истины (вариативной интерпретации действительности) в их противопоставлении так называемой пропозициональной лжи см. [4, 100–143].

[3] В тоталитарном обществе жестко регламентировалось не только содержание, но и сам "язык" печати, ср.: "В апреле 1923 года состоялся XII съезд РКП(б). В докладе на съезде товарищ Сталин дал классическое определение большевистской печати как единственного орудия, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке. Простой и ясный, сжатый и смелый язык большевистской печати – это и есть язык, нужный нашей партии" [17, 5].

воспринимались как сенсации публикации о "вязком партийно-бюрократическом слое" и привилегиях ("Правда"), репортажи о жизни проституток ("Моск. комсомолец") или письмо десяти эмигрантов с призывом вывести войска из Афганистана и подвергнуть ревизии коммунистическую идеологию ("Моск. новости"). Расширение информационного поля печати происходило в основном за счет следующих информационных сфер: политическая система, внутренняя и внешняя политика; религия; "теневые" стороны жизни общества (преступность, проституция); история страны; возвращение одиозных по прежним идеологическим стандартам персоналий (Бухарин, Троцкий, Бердяев, Флоренский, Некрасов, Солженицын и мн. др.); критика коммунистической доктрины; акцентуация "позитива" в зарубежной жизни; секс; личная жизнь представителей различных элитных групп (политических деятелей, артистов, спортсменов и т.д.). Поскольку преодоление информационной ограниченности газетного дискурса было в первую очередь освобождением от гнета господствующей идеологии, представлявшей собой достаточно стройную систему мифологем (впрочем, мифологизировано было практически все: политическое устройство государства, история, мораль), этот процесс может быть определен как процесс последовательной демифологизации. Показательны в этом отношении изменения в интерпретации личности и деятельности Ленина, происходившие на фоне ревизии и критики марксизма как доктрины.

Образ вождя по существу являлся важнейшим тотемом социалистической идеологии. Причем если в традиционном российском массовом сознании существовало два "суперэго", т.е. два суперсубъекта, определяющих "мышление каждого отдельного социума и руководящих его поступками" [3, 12], – бог и царь, то в общественное сознание советской эпохи образ Ленина (как затем и Сталина) внедрялся как "суперэго", существующее в трех ипостасях – бога, всемогущего, всезнающего и бессмертного ("учение всесильно, потому что верно", "Ленин и теперь живее всех живых", "учение Ленина живет и побеждает"), царя ("основатель и руководитель Советского государства") и некоей идеальной моральной сущности ("самый человечный человек").

На начальной стадии перестройки "хороший" Ленин противопоставлялся "плохому" Сталину, равно как истинный (хотя и творчески развиваемый) марксизм противопоставлялся его извращениям, на счет которых и списывались все ошибки, неудачи и трагедии в истории советского общества, ср.: «Пора уж признать, что мы до предела исказили, не претворили практически в жизнь ни одного положения марксизма, а теперь критикуем его творцов за свои ошибки ⟨...⟩ Ленин нашел в себе мужество пересмотреть свои взгляды ⟨...⟩ Переход к нэпу был исключительно крутой ломкой и теоретических, и практических взглядов Ленина, а позже – самого Бухарина на социализм. Это была и личная трагедия для большевиков "первого призыва". Увы, нэп был вскоре уничтожен под натиском сталинской диктатуры. Зачатки ленинского демократического социализма были растоптаны ⟨...⟩ Мы стремимся вернуться к ленинской концепции социализма. Но пока что очень робко приближаемся к пониманию вопроса, которое было достигнуто Лени-

ным в 1921 году (...) Между прочим, поворот на новые экономические рельсы был сделан Лениным быстро и энергично. Наша же сегодняшняя вялая раскачка довела экономику до последней черты (...) Конечно, многие положения марксистской теории сейчас устарели. Это касается, например, учения о диктатуре пролетариата, о революции. Но ни в коей мере не касается главной цели, которую ставят перед собой те, кто хранит верность коммунистическим идеалам построения общества свободных людей» (Р. Хасбулатов. Ленин нашел в себе мужество... А мы? // Комс. правда. 1990. 2 февр.).

В этот период цитата из работ Ленина еще часто рассматривалась как самодостаточный и абсолютный довод в любой идейной дискуссии (сакрализованный "аргумент к авторитету"). Но в то же время началась уже и "война цитат", когда идейные противники, используя различные ленинские высказывания, приходили к по существу противоположным выводам. Как это ни парадоксально, некоторые ленинские тексты стали орудием борьбы с ортодоксальной коммунистической идеологией, хотя здесь, очевидно, не обходилось без мистификаций. Так, получили широкое распространение слова Ленина, якобы сказанные им в 1923 г. (хотя в то время речь была уже потеряна) М.И. Гляссер и Л.А. Фотиевой и позднее записанные бывшим секретарем Сталина Б. Бажановым: "Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке" (см.: В. Сироткин. Уроки нэпа // Известия. 1989. 9, 10 мар.). Естественно, подобные публикации, безусловно разрушавшие образ вождя как тотема и подрывавшие сами основы господствующей идеологии, подвергались резкой критике в охранительной печати с использованием традиционных ритуально-запретительных формул. Ср., например, реакцию "Правды" на указанную статью В. Сироткина и ряд других публикаций на ленинскую тему: "В современном половодье публикаций на исторические темы читателю ориентироваться нелегко. И, конечно, он вправе требовать, чтобы новая информация, которая приходит к нему со страниц газет и журналов, была точной и достоверной, без домыслов и искажений, вводящих в заблуждение. *И особенно нетерпимы ошибки, искажающие ленинское теоретическое наследие, факты жизни и деятельности В.И. Ленина* (здесь и везде далее в примерах курсив наш. – *С.В.*)" (Правда. 1989. 13 апр.).

Десакрализация образа Ленина шла по нескольким направлениям. Первоначально основным из них было "дискредитирующее цитирование" высказываний из опубликованных работ, которое было явно рассчитано на негативную реакцию по крайней мере со стороны либерально-демократической части общества (это, например, слова о том,

что интеллигенция не мозг нации, а ее говно; о том, что нравственно все, что служит победе пролетариата, и т.д.). Затем последовала публикация ряда документов из секретного ленинского архива с содержащимися в них бесконечными призывами к подавлению, уничтожению, насилию, террору, в которых Ленин предстает как аморальная, жестокая личность. Наконец, в печати стали появляться прямые оценки личности и деятельности Ленина, нередко весьма резкие, основанные на крайне неблагоприятных для образа вождя сопоставлениях: «Мне уже приходилось писать о том, что Ленина и Гитлера роднила общая черта – патологическая жестокость к людям, которых они стали считать "второстепенными", предназначенными к физическому уничтожению. У Гитлера – это евреи, цыгане, вообще часть неарийцев, славян в том числе. У Ленина – "буржуи", к которым он порою относил всех, кроме рабочих и крестьян-бедняков» (А. Латышев. Что подогревает пыл защитников Ленина // Известия. 1993. 29 мая). Несмотря на то что в сознании определенной части общества образ Ленина до сих пор остается "суперэго", в целом этот образ как тотем тоталитарной идеологии (и в известном смысле ее последний оплот) перестал существовать, и не в последнюю очередь именно благодаря средствам массовой информации.

Существенно приблизило российскую печать к цивилизованной информационной норме принципиально иное, чем ранее, освещение деятельности политического истэблишмента. Речь здесь идет не только о возможности критиковать заявления и действия высших политических руководителей государства (а самой суровой критики не избежал ни один из них), но и о возможности сообщать факты из их частной жизни: биография, привычки, семья, квартиры, дачи (о характере и направленности многих из подобных публикаций говорит, например, заглавие помещенного в "Московском комсомольце" материала о строящейся даче политического деятеля высокого ранга – "Дача ложных показаний"). Еще одной чертой, отличающей современную российскую прессу от печати предшествующего, "социалистического", периода, является стремление не ограничиваться передачей произносимых слов и описанием наблюдаемых событий, а проникать на "закулисный" уровень той или иной ситуации, пытаясь объяснить ее реальные причины и истинный смысл. Правда, в данном случае велика возможность дезинформации, о чем свидетельствует сам способ подачи материала: журналисты обычно подвергают ситуацию модальному преобразованию (см. выше), вводя в нее постороннего субъекта – якобы надежного (компетентного, осведомленного), но анонимного источника, ср.: «Еще через полчаса, *как сообщили корреспонденту "Известий" члены правительства, попросившие не называть их имена*, состоялось новое совещание – в кабинете Е. Гайдара и в более узком кругу ⟨...⟩ Дискуссия продолжалась несколько часов, а главным ее итогом стало решение команды Гайдара о коллективной отставке. Они сразу же приступили к подготовке соответствующего проекта указа президента, который намерены вручить главе государства 15 декабря ⟨...⟩ После двенадцатидневной "публичной порки", которая была устроена депутатами

реформаторам из правительства, их отставка не представляется неожиданностью. Иное дело соответствие этого шага их предыдущим заявлениям о том, что они будут работать до тех пор, пока будет оставаться возможность проводить реформы. С этого тезиса и начался мой разговор с упоминавшимися членами правительства. Вот как они оценивают ход и исход съезда, роль президента *в большой закулисной "кремлевской" игре*.

– Результаты схватки могли бы оказаться иными, если бы не грубые тактические ошибки, допущенные президентской стороной, – заявили источники. – Прежде всего "план Бурбулиса", составной частью которого было обращение президента к народу, накалил до предела страсти и ничего, кроме авантюры, собой не представлял. Тем не менее шанс на сохранение Е. Гайдара оставался до последнего дня съезда. Гайдару удалось в результате многочасовых переговоров 12–13 декабря со спикером и его командой выработать основу компромисса, от президента требовалась лишь последовательность действий и твердость позиций. В правительстве были подготовлены сценарии в зависимости от настроений на съезде ⟨...⟩ Увы, 14 декабря, *подчеркивали собеседники*, президент дрогнул ⟨...⟩ В ходе 40-минутного перерыва президент проводил консультации. Главы республик поддерживали Гайдара. Не было также напора и со стороны глав местных Советов. Однако президент, уединившись с Е. Гайдаром, не искал пути сохранить его, а уговаривал выйти из игры. Гайдар, измотанный изнуряющими политическими сражениями, сказал в ответ: "Вы президент, вам и принимать решение. Самоотвод я не подаю". Трудно сказать, каков результат мог бы оказаться, если бы Гайдар проявил твердость и если бы президент вновь выдвинул его на голосование» (В. Кононенко. Гайдар и его команда уходят в отставку // Известия. 1992. 15 дек.). Примечательно, что уже в следующем номере той же газеты ни о какой коллективной отставке кабинета речь уже не шла, а, напротив, говорилось о том, что "Егор Тимурович обратился с личной просьбой к нескольким членам команды не принимать решения об отставке" (Известия. 1992. 16 дек.).

В условиях объективно существующей в любом обществе недостаточности официальной информации пресса использует особые приемы информирования читателя, например такие, как "проведение журналистского расследования" или "выдвижение журналистских версий", причем в последнем случае сама семантика "предположительного полагания" слова *версия* защищает печать от возможных обвинений в недостоверности сообщаемых сведений. Ср.: «Указ никак не мотивирует отставку (заместителя министра внутренних дел РФ. – *С.В.*). *Так что о подоплеке можно лишь гадать*. Наша газета сделала такую попытку еще в мае с.г. Цитируем: "Интересно, кто из братьев Дунаевых уйдет с поста, когда закон о коррупции будет принят, – первый замминистра или зам. начальника отдела" (Моск. новости. 1993. № 19). Закон не позволяет чиновнику быть в подчинении у близкой родни. Но, как всегда, о таком законе вспоминают лишь в случае надобности. *Другие версии*: банальная – не особо интенсивный розыск лиц, совершивших

тяжкие преступления против личности (тройной рост этого вида криминала в сводке за полугодие); актуальная – тесное сотрудничество и даже дружба со спикером ВС РФ; оригинальная – личное присутствие на проводах г-на Якубовского в международном аэропорте...» (Моск. новости. 1993. 1 авг.).

Информационное поле газетного дискурса формируется прежде всего за счет новостийной информации. И в этой области в печати перестроечного и постперестроечного периода произошли существенные изменения. П. Вайль, анализируя русскоязычную прессу "эпохи гласности", отмечал (правда, с излишней категоричностью), что видит "из принципиально нового – наверное, лишь обилие мелкой живой информации и микрорепортажей" (П. Вайль. Поэзия и правда // Лит. газета. 1991. 20 марта). В основе происходивших в дискурсе новостей изменений лежали его деидеологизация и деофициализация. Если в соответствии с "социалистическим" новостийным стандартом (при его, разумеется, известном огрублении) новости в основном группировались вокруг трех "глобальных" макротем – "слова и деяния вождей", "язвы капиталистического общества, происки империалистов", "успехи в социалистическом строительстве", – то современный новостийный дискурс при отсутствии каких-либо тематических ограничений по существу имеет вид информационной мозаики. Любое событие, любая ситуация, по той или иной причине привлекшие внимание журналиста, могут быть представлены на страницах газеты. Иерархия новостей по степени важности устанавливается обычно объемом и расположением информации: наиболее существенная информация, как правило, более объемна и располагается на первой полосе. Об информационном пространстве новостийного дискурса можно судить хотя бы по заголовкам материалов – а многие из них не просто формулируют тему сообщений, но представляют собой макропропозицию (под макропропозицией понимается пропозиция, выведенная из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса, и представляющая основное содержание текста). Ср.: "Представитель МИД уточняет заявление Козырева о демонтаже ядерного оружия на Украине"; "В Тольятти будет построен новый автомобильный завод"; "Российский солдат и колхозу урожай уберет, и фермера защитит"; "Соединенные Штаты сокращают помощь зарубежным странам"; "Годовщина путча у Белого дома обещает быть бурной"; "Углубляется кризис в экономике Кыргызстана"; "Курс доллара и марки остался прежним"; "Сильный ход президента в Петрозаводске"; "В Пензе голосуют за конституцию Слободкина"; "Реконструкция центра столицы возвращает Москву москвичам"; "В Уфе собирают посылки за границу"; "В Усть-Ижоре открыт центр по лечению СПИДа"; "Дачный вор украл капкан"; "Английских туристов пугают дифтерией в России"; «Угонщик самолета "Боинг-737" схвачен немецкой полицией»; "Адам Михник защищает честь президента Польши от российской телепрограммы"; "Единственный в России йодный завод решено закрыть"; «Будущему фильму "Королева Марго" уже прочат бешеный успех»; "В стритбол играли под дождем"; "Как крутые ребята на новейшем танке регулировали рыночные отношения";

«Родионов вернулся в "Спартак"»; "Угнанные машины в Таджикистане не находят хозяев"; «"Парламентский час" мечтает превратить себя в "парламентские сутки"»; "Убит отец самого знаменитого баскетболиста Америки" (Известия. 1993. 17 авг.).

Существенно изменился не только объем, но и сам способ представления новостийной информации. Прежде всего это связано со свободным смещением "информационного фокуса" сообщения: оно перестало быть просто стандартным протокольным отчетом о событии – журналист (или газета), как правило, актуализирует те фрагменты ситуации, которые представляются ему наиболее существенными и интересными для читателя. Это приводит к субъективизации новостийного дискурса, когда стремление преодолеть информационный стандарт нередко вступает в противоречие с критериями релевантности передаваемой информации. Оказывается, репортаж об авиационном празднике в Тушине можно вполне свести к рассказу о том, как "тусовалась" публика и что делали высокопоставленные гости праздника: «*Первым делом самолеты? Авшапраздник в Тушине: каждому свое* (заголовок. – *С.В.*)... Зеленые газоны аэродрома были, как мухами, усеяны кафезакусочными и ватерклозетами. Все – на колесах. Пиво шло нарасхват. Среди балдевших от грохота и чудес на виражах тусовались вице-президент Руцкой, премьер-министр Черномырдин, маршал Шапошников (в штатском), генералитет от авиации. Правда, через полчаса после начала праздника их будто корова языком слизнула. Объявились первые лица у большой брезентовой армейской палатки. Полчасика пили и закусывали. Руцкой не участвовал, стоя следил невдалеке от комментатора за авиатрюками. К народу элита больше не выходила. После полудня, когда на небе появились тучи, процессия в полсотни человек чинно проследовала по летному полю к военной зоне. Не стал более сдерживаться и Руцкой. Для банкета облюбовали крохотный зеленый домишко, украшенный двумя стягами – российским и ВВС, – а также весьма скромным плакатом "Слава российским авиаторам!". Мероприятие прошло спокойно, тех, кто слегка перебрал, выводили под белы руки и вежливо сажали в служебные черные "волги"» (Моск. комсомолец. 1993. 17 авг.). Нужно сказать, что представленный здесь стиль "стёба" вообще характерен для некоторых изданий, и в частности для газеты, откуда приведен данный фрагмент.

Возможность смещения "информационного фокуса" имеет своим следствием альтернативное представление одних и тех же ситуаций, а в конечном итоге – может стать источником искажения действительности. Ср., например, сообщения об одном и том же событии двумя разными газетами: "*Местом разборки между мафиями стали Лужники* (заголовок. – *С.В.*)... Крупное побоище между азербайджанской и дагестанской группировками с трудом удалось предотвратить милиции в пятницу утром на вещевом рынке в Лужниках. Первый очаг конфликта вспыхнул в 7.30 на площадке перед плавательным бассейном. Здесь произошла потасовка, в которой приняли участие около двухсот человек с той и другой стороны. Милиция быстро среагировала и перебросила в этот район значительные силы. Спустя некоторое время

беспорядки удалось пресечь. Рынок временно пришлось закрыть. В 135-е отделение милиции было доставлено 200 дагестанцев-зачинщиков. Со стороны милиции в разгоне враждующих сторон приняло участие 143 сотрудника милиции плюс еще 55 человек из специального резерва ГУВД. Причиной конфликта стало то, что накануне у одного из дагестанцев группа азербайджанцев отобрала 800 тысяч рублей. После профилактической беседы и выявления зачинщиков все задержанные были отпущены. Не исключено, что разборки смогут произойти вновь, но уже в другом месте" (Моск. комсомолец. 1993. 25 мая); «*Уцелевшие евреи кричали: "Фантастика*!" (заголовок – *С.В*).... В прошлую пятницу в 8 утра на вещевом рынке в Лужниках случились разборки между дагестанцами и азербайджанцами. Примерно по 200 бойцов с каждой стороны – полуголых и с кольями наперевес – пошли друг на друга с выкриками: "Русских нэ бьем!" Как на грех, между враждующими оказались двое черноголовых посторонних. Быстро сообразив, что делать, они достали паспорта и громко заявили: "Мы евреи!" Проверив пятый пункт, противники внесли в свои лозунги коррективы: "Русских и евреев нэ бьем!" И слово сдержали. "Фантастика! Впервые за всю историю нас не бьют!" – кричали уцелевшие евреи. Побоище происходило без участия органов правопорядка» (Сегодня. 1993. 25 мая).

Эти сообщения представляют собой разные семиотические типы представления ситуации. В первом случае автор ориентирован на объективное описание ситуации, поэтому текст в целом соответствует стандартам новостийного дискурса, а информация, содержащаяся в нем, производит впечатление достоверной. В "информационном фокусе" сообщения – не только столкновение между двумя группировками, но и его пресечение органами правопорядка. Пропозиция, содержащая информацию о событии, имеет пространственную и временну́ю локализацию, названы участники происшествия, его результат и причины. Сообщение характеризуется референциальной определенностью: указаны номер отделения милиции, точное количество сотрудников правоохранительных органов, принимавших участие в пресечении беспорядков. Восприятие сообщения как достоверного поддержано пресуппозицией: общеизвестно, что Лужники – криминогенная зона и там постоянно дежурит большое количество сотрудников милиции. При той же макропропозиции и тех же лексических средствах ее выражения ("разборка" между двумя группировками) второе сообщение представляет собой не объективное о п и с а н и е ситуации, а ее беллетризованное и з о б р а ж е н и е: конструируется сюжет, место участников занимают персонажи (не исключено, принадлежащие не к реальному, а "возможному" миру), вводится прямая речь. "Информационный фокус" смещается с события на поведение и слова персонажей, причем это смещение явно носит "концептуальный" характер: автор сосредоточивает внимание на заключительных словах персонажей, о чем свидетельствует их вынесение в заголовок. При такой ориентированности дискурса факт участия или неучастия "органов правопорядка" оказывается второстепенным, что и приводит к искажению действительности.

Традиционный стандарт информационного текста расшатывает и сам язык новостийных сообщений, нередко выходящий за пределы стереотипов газетно-информационного стиля (о понятии газетно-информационного стиля см. [16, 69]). Чаще всего это происходит за счет использования разговорной, оценочной, жаргонной лексики, а также за счет тропеизации текста. Возможность выражать в новостийном дискурсе оценку делит текст на две части: традиционно-книжному представлению пропозициональной основы сообщения противостоит разговорно-сниженное, с использованием экспрессивной лексики, метафор, иронии, выражение оценки: «*Белые тапки для ФНС* (заголовок. – *С.В.*)... Генеральная прокуратура РФ направила в адрес руководителя ФНС – Фронта национального спасения Ильи Константинова (он же депутат ВС РФ) официальное представление, в котором указывает, что ряд действий ФНС выходит за рамки закона и дестабилизирует политическую ситуацию. Речь идет о провозглашении ФНС-ом начала гражданской войны в РФ ("Национально-освободительной борьбы в России") и [об] одном из пунктов текущей программы ФНС – создании "отряда самообороны". В представлении прокуратура строго предупредила ФНС, что "антиконституционные действия с его стороны повлекут за собой предусмотренные законом меры и привлечение виновных к ответственности". Из чего следует, что прокуратуре известен какой-то способ совладать с "виновниками" при том, что многие из них защищены иммунитетом *нардепов*, а большинство Советов не только не считает деяния ФНС преступными, но и просто разделяет убеждения национального фронта. Кроме того, генеральная прокуратура обратилась в Министерство юстиции с тем, чтобы оно *разобралось с конторой* (ФНС), которую оно зарегистрировало (в согласии с решением Конституционного суда!). Если выяснится, что ФНС поступает "нехорошо", ему в соответствии с законом *погрозят пальцем*. В случае если он после этого не исправится (а организует, например, обещанную всероссийскую "борьбу"), его можно будет ликвидировать по решению суда. Все это для ФНС, конечно, *не гроб. Но белые тапки – тоже немало. Если они вовремя подарены*» (Моск. комсомолец. 1993. 17 авг.).

Языковой приметой современного новостийного дискурса является широкое использование жаргонизмов и жаргоноидов (генетических жаргонизмов, вошедших в состав экспрессивно-сниженной лексики литературного языка). Можно указать сразу несколько причин этого процесса: общая тенденция к деофициализации дискурса, расширение информационного пространства, явный интерес журналистов к криминальной тематике (и вообще к явлениям социальной патологии). Например, арготизмы (и квазиарготизмы) часто выступают в роли словесных знаков криминальной ситуации или используются при описании антикриминальных действий: «Когда Д. (назову ее так) показали медицинское заключение, она "*поплыла*". Сожитель под весом неопровержимых улик "*раскололся*"» (Куранты. 1992. 22 янв.); «Работники уголовного розыска ГУВД Москвы "*повязали*" девять человек, нажравшихся *наркоты*» (Куранты. 1992. 27 нояб.).

Тематически обусловленным часто оказывается и употребление

элементов молодежного сленга – они встречаются, например, в сообщениях о разного рода фактах "неформального времяпрепровождения", эпизодах из частной жизни кумиров молодежи и т.п. Кроме того, во многих случаях имеют место стилизации разных типов: самостилизация (автор стремится создать образ "своего", т.е. образ жаргоноговорящей языковой личности), стилизация речевой манеры участников описываемого события, стилизация узуса потенциального читателя (особенно в газетах, адресуемых преимущественно молодежи): «*Крутая музыкальная тусовка* под названием "Крещенские морозы" прошла в выходные дни во Дворце спорта "Лужники". Однако успехом у москвичей она не пользовалась. Огромный дворец почти пустовал. Впрочем, организаторов *тусовки* это ничуть не смутило: *они балдели* и веселились, как могли» (Куранты. 1922. 21 янв.); «*У Бони появилась новая баба. Резиновая* (заголовок. – *С.В.*)... В минувший вторник дискотека "Джамп" стояла просто на ушах. Г-н Богдан Титомир справлял свой очередной день рождения... К входу не пробиться, только по спискам. *Непущенные "соски"* просто рыдали у ног милиционеров и охранников. *Фирменные тачки* подъезжали одна за другой. Сливки, элита, "звезды" эстрады и *околотусовочная мафия – в общем, крутые* (как принято их называть у нас) были желанными гостями. Боня лично всех обзванивал. Под сводами "Джампа" летали резиновые свиньи, слоны, бегемоты и носороги – в темноте и не разберешь. В центре – *классная, до самого потолка резиновая негритосская телка* с кольцом в носу и огромными красными сосками – *Богдан от нее тащился* и сказал, что это его любимая женщина. За столиками восседали сливки богемы. Богдан с командой лично всех встречал у подножия *резиновой телки* и на фоне блестящего металлом "Харлея". *Причесон у него покрутнел* – выбрил на затылке тюбетейку и стал похож на узбека» (Моск. комсомолец. 1993. 19 мар.). Нужно заметить, что подобное словоупотребление отнюдь не является спорадическим и спонтанным выходом за пределы традиционной литературной нормы. Как отметил в беседе с А. Карауловым главный редактор газеты "Московский комсомолец" П. Гусев (телепередача "Момент истины". 1993. 9 авг.), газета намеренно и сознательно говорит с читателем на "языке улицы", тем самым устанавливая для себя некую локальную прагматически ориентированную норму, принимаемую большинством читателей газеты (ее тираж значительно превосходит тиражи других московских и центральных газет).

Современную (постперестроечную) прессу часто обвиняют в парадоксографии (термин П. Вайля, означающий нечто удивительное, экстравагантное, сенсационное), безнравственности (под которой чаще всего подразумевается интерес к сексуальным проблемам, особенно к проблемам нетрадиционного сексуального поведения), "кадаврофилии", склонности к описанию "негатива", "эсхатологическом" комментировании событий, ср.: "Известно, что советский строй держал своих граждан на голодном информационном пайке, выдавая им только те новости, которые работали в пользу власти. Оттого гласность и была воспринята как чудо почти библейское: жезл вождя ударил о скалу, откуда вдруг забил поток информационного изобилия. И вот

теперь, на очередном году гласности и даже уже свободы слова, вдруг замечаешь, что информация опять стала сжиматься в узкое русло и несет поток новостей в одну сторону, имя которой – гибель, конец, одичание, пустыня, на этот раз уже без вождя и надежды на выход ⟨...⟩ Кажется, что и не газета перед тобой, а переписанная на новый лад ветхозаветная книга, где народ Израилев стонет и содрогается от чудовищных бед: и земля перестала родить, и вода стала горькой, и матери выбрасывают плоды из чрева, и поля в коросте, и небо в зареве ⟨...⟩ Вот этот библейский вопль и раздирание одежд и есть наша сегодняшняя пресса" (М. Эпштейн. От правды к истине // Независимая газета. 1992. 29 июля).

Сама пресса как будто подтверждает подобные оценки, заявляя, скажем, самой лексикой, строением высказываний, метафорикой как об интересе к фактам насильственной смерти, так и о циничном отношении к ним: «*Летние "подснежники"* (заголовок. – *С.В.*)... Трупы, трупы, трупы... В одной из весенних хроник я описывал, как много находят трупов по весне, которых называют ласково "подснежниками". Летом их количество почему-то не убывает, несмотря на мертвый для города сезон» (Моск. комсомолец. 1993. 21 авг.). Сообщения о фактах насилия, катастрофах, разного рода аномальных явлениях составляют весьма заметный фрагмент информационного поля современной российской прессы. Однако это само по себе не нарушает цивилизованной информационной нормы: интерес к необычному, выходящему за пределы обыденных представлений или общепринятых социальных норм, свойствен всей мировой печати, потому что служит откликом на интерес к подобного рода информации значительной части читателей (прежде всего читателей массовых изданий, часто именуемых "бульварной прессой"). Кроме того, как и на Западе, в современной российской прессе на "черной" и "желтой" информации все-таки специализируются отдельные издания: и подобно тому как в Америке "Нью-Йорк таймс" не будет печатать большинства материалов, появляющихся в "Инкуайрере", в "Известиях" принципиально не могут быть опубликованы многие из сообщений, помещаемых в "Московском комсомольце" под рубрикой "Срочно в номер". Такая "информационная специализация" – безусловно положительное явление: она позволяет разным группам читателей выбрать то издание, которое в наибольшей степени отвечает их информационным потребностям и уровню культуры.

В то же время действительно нельзя не отметить перенасыщенности некоторых современных газет негативной информацией, а также снижения (если вообще не снятия) культурного ценза в отборе материала для опубликования. Именно эти явления становятся причиной критики средств массовой информации со стороны читателей, оказываются в центре дискуссий по проблемам современной российской прессы. Ср., например, фрагмент из письма читательницы газеты "Московский комсомолец": "Цинизм, апофигизм, мрачность, нытье, истерика, склеротическая ностальгия по прошлому осточертели и стали пошлыми. Да, да, пошлыми, т.к. пошли по рукам, стали общим местом

и единственной палитрой наших СМИ. Вы ежедневно лепите образ жизни как кровавый гиньоль. Ну, станьте оригинальными! Сделайте хоть раз в неделю день приятных, радостных, добрых новостей! Попробуйте! Вам самим станет от этого хорошо! Это будет дерзкий вызов всеобщему тошнотворному мазохизму" (Моск. комсомолец. 1993. 2 сент.). Обозреватель газеты ответил читательнице следующим образом: «Действительно, сегодня тот, кто занимается "производством" новостей, стоит перед рядом сложных проблем. С одной стороны – надо быть интересным читателю-телезрителю, чтобы сбывать свой товар. Ибо "производитель" новостей одновременно является и агентом по продаже своего товара. С другой стороны – как быть интересным, сообщая хорошие новости? Ведь хорошее, извините, но это мое твердое убеждение, настолько распространено, настолько типично и характерно для любого времени (а я также считаю, что плохих времен не бывает), настолько, если хотите, заурядно, что оно просто-напросто неинтересно. Сразу же здесь и оговорюсь: не всегда интересно. Вот и приходится нам, многогрешным, трупы показывать ⟨...⟩ Ну и спешка, знаете. Также не всегда мастерства хватает. Зло ведь эффектней. Тут готовая драматургия. А чтобы хорошее показать, нужно попотеть, пока эту самую драматургию извлечешь» (Л. Новоженов. Хорошие новости и плохие // Моск. комсомолец. 1993. 2 сент.). Ясно, что оценка читательницы излишне категорична (все-таки информационное поле современного газетного дискурса в целом достаточно полно и всесторонне охватывает действительность, приближаясь к идеалу "информационной мозаики"), а ответ журналиста в значительной степени построен на иронии и самоиронии. Тем не менее нельзя не признать, что некоторые издания действительно отличает "отрицательная" селективность в отборе материала, сосредоточенность на аномальных и паранормальных явлениях, хотя подобная селективность присуща и читательскому восприятию информации, для которого факты, не представляющие собой отклонения от нормы, оказываются немаркированными и поэтому не обращают на себя внимания.

При деонтическом подходе к газетному дискурсу (в данном случае при его рассмотрении с точки зрения соответствия передаваемой информации информационной норме) необходимо выявить, описать и систематизировать факты дефектной коммуникации. К ним, по-видимому, в первую очередь следует отнести: 1) утрату критериев релевантности при отборе информации; 2) выход за пределы институциональных и конвенциональных ограничений, накладываемых на публичное распространение тех или иных сведений; 3) недостоверность информации.

Обратной стороной свободы поиска и распространения информации стала своего рода "информационная всеядность" ряда изданий, при которой резко снизился или вообще "нулизовался" порог информативной пригодности сообщений для опубликования. Критерии отбора часто приобретают явно патогенный характер: любое, пусть самое незначительное событие, за которым стоит отклонение от нормы (социальной, биологической, психической), особенно если оно связано с наси-

лием, гибелью людей, сексуальными отношениями, может быть представлено на страницах печати, ср.: "*Дон Жуану подсыпали перец в презерватив* (заголовок. – *С.В.*) ...Просто изуверский способ мести выбрала жена-ревнивица, узнав о том, что муж бегает от нее на сторону. Заподозрив измену, она в один из дней улучила момент и обшарила карманы своего неверного. Поиски закончились обнаружением вещдока – припасенного презерватива. Сгорая от гнева, мстительница аккуратно вскрыла пакетик и посыпала изделие черным молотым перцем, потом так же аккуратно заклеила и положила обратно. Как сообщили нам в травмпункте № 4 Центрального округа, на днях сюда примчался ошалевший от боли гражданин с опухшим половым органом. После оказания первой медпомощи он-то и поведал медикам о чудовищном поступке супруги. И пообещал предпринять ответный удар. Чем кончится семейная драма?" (Моск. комсомолец. 1993. 25 мая). Наличие достаточно большого количества подобного рода сообщений в современной печати делает актуальной проблему выработки критериев релевантности публикуемой информации. Ориентация на необычные и курьезные ситуации в поиске и отборе материала должна уравновешиваться социокультурными показателями релевантности дискурса, среди которых можно назвать следующие: социальная значимость информации, ее актуальность для большей части потенциальных читателей, этическая приемлемость, невозможность отрицательного "дидактического" воздействия.

Информационное поле прессы – при ее нормальном положении в обществе – должно адекватно, всесторонне и полно отражать действительность. Однако это не значит, что в распространении информации не существует никаких ограничений. Напротив, эти ограничения есть и будут при любом типе власти и форме государственного устройства. Для нетоталитарного общества характерны два основных типа ограничений.

Первый из них можно определить как институциональные ограничения. Они связаны с деятельностью социальных институтов (прежде всего государства) и часто имеют юридическое закрепление (например, в перечнях сведений, составляющих государственную тайну). Опубликование законодательно табуируемой информации по существу представляет собой нарушение не просто информационной, но и юридической нормы и может повлечь за собой соответствующие санкции, ср.: «Факты разглашения сведений есть в каждой стране, в том числе и в России ⟨...⟩ Так, "Советская Россия" от 14 июля 1992 года опубликовала сведения о возможных развязках территориального вопроса с Японией. По мнению МИД РФ, опубликование таких документов нанесло серьезный ущерб внешнеполитическим интересам России. 9 июня 1992 года в газете "День" было опубликовано секретное распоряжение правительства РФ о поставке Литовской Республике стрелкового оружия и боеприпасов к нему. Участились случаи опубликования в органах периодической печати сведений о спецобъектах, в том числе об их назначении, дислокации. В "Московских новостях" опубликована статья Вила Мирзоянова, в настоящее

время обвиняющегося в разглашении государственной тайны» (Сегодня. 1993. 31 авг.).

Второй тип ограничений, накладываемых на публичное распространение информации, – конвенциональные ограничения – основан на социокультурных регулятивах общения. Речь здесь должна идти прежде всего о следовании этическим нормам – именно они часто нарушаются некоторыми изданиями. Это, например, относится к принятому в культурном сообществе правилу, согласно которому запрету подлежит публичное обсуждение частной жизни людей. Между тем некоторые газеты считают себя вправе вмешиваться в эту жизнь, стараясь обнаружить и вынести на всеобщее рассмотрение ее самые неприглядные стороны, ср.: "*Замочил свою жену* (заголовок. – *С.В.*) . ...В праздник первомая переплюнул всех своих соотечественников артист Большого театра г-н В.С. (в газете указаны подлинные имя и фамилия. – *С.В.*). Сначала (не без помощи невестки) выбросил вещи своей жены на лестничную клетку, а потом вылил на голову супруге литр (!!!) собственной мочи. На этом пытка не закончилась: артист избил жену и запер ее в ванной" (Моск. комсомолец. 1993. 7 мая). Даже если представить, что эта (или подобная) информация достоверна, публикуя ее, газета явно идет вразрез со сложившимися представлениями о приличии ("синдром замочной скважины") и берет на себя несвойственные ей функции милицейского протокола.

Актуальной для современной прессы остается проблема достоверности/недостоверности информации. Если ранее распространяемая средствами массовой информации ложь, носившая по существу глобальный характер, была обусловлена преимущественно воздействием на печать государственной идеологии, то в перестроечное и особенно в постперестроечное время недостоверность информации все более приобретала вид своего рода "дезинформационных универсалий", присущих прессе как социальному институту.

Один из типов лжи порождается тем, что печать не только публикует собственные материалы, но и ретранслирует официальную информацию государственных структур, по той или иной причине заинтересованных в том, чтобы ввести общество в заблуждение относительно своих намерений или действий. Именно такой характер носили появлявшиеся в начале 90-х годов в официозных средствах массовой информации сообщения о событиях в Баку, Вильнюсе, "маневрах" десантных войск под Москвой. Однако в то время печать уже не была идеологически и политически однородной, появилась возможность альтернативного описания и альтернативной интерпретации действительности (в "Комсомольской правде", например, официальные сообщения именовались каламбурным окказионализмом "подТАССовка"). Это обстоятельство наряду с пресуппозициональными знаниями реципиентов дискурса способствовали распознаванию лжи.

Еще одним источником недостоверной информации является политическая борьба, неизбежно отражающаяся в средствах массовой информации. Печать принципиально не может быть вне политики (за исключением тех изданий, которые по самому своему назначению не

должны обращаться к политическим проблемам). В большинстве случаев и издания в целом, и отдельные журналисты занимают определенную политическую позицию, которая, правда, в отличие от прежних времен представляет собой не проявление идеологического конформизма, а результат свободного идейного самоопределения. Ситуацию, сложившуюся в советской прессе к концу 1990 г., главный редактор "Независимой газеты" В. Третьяков характеризовал следующим образом: "С достаточной степенью точности можно разделить всю нынешнюю советскую прессу на три группы: прогорбачевскую, проельцинскую и антигорбачевско-антиельцинскую. Актуально и еще одно деление: прокоммунистическая пресса и антикоммунистическая" (Независимая газета. 1990. 21 дек.). Свою же только что созданную газету В. Третьяков противопоставлял прессе этих "пяти лагерей" как подлинно независимую, полагая независимость в «стремлении объективно и полно информировать читателей, оперативно комментировать события, нуждающиеся в комментариях, и отражать на своих страницах не узкую или широкую партийную точку зрения той или иной группы, а по возможности все существующие в обществе точки зрения без искажений, но с правом для авторов "НГ" иметь свой взгляд на происходящее и высказывать этот взгляд» (там же). Если говорить о состоянии постперестроечной прессы, то основная демаркационная линия в ней проходит между демократической и антидемократической (националистической, коммунистической, национал-коммунистической) печатью, хотя, конечно, существуют и явные официозы типа "Российской газеты", и так называемые независимые (или квазинезависимые) издания. Естественно, газеты разной политической ориентации не просто отражают борьбу различных политических сил, но и становятся активными участниками этой борьбы.

Ложь на страницах печати имеет разные причины, в результате чего можно говорить о разных типах искажения действительности. Первый из них можно определить как параноидальный тип лжи, поскольку он представляет собой проявление некоей навязчивой идеи вне зависимости от того, о чем конкретно идет речь – о необходимости построения в России коммунизма или, напротив, возврате к монархии, о масонском заговоре или об управлении Запада через марионеточный режим Россией. Признаками параноидальной лжи являются полная неверифицируемость исходных положений и делогизированный характер аргументации, явно рассчитанной не на рациональную обработку информации, а на когнитивные эмоции адресата. Например, тезис о масонском заговоре, оказывается, можно аргументировать следующим образом: если в стране возникли перебои с табачными изделиями, а из продажи исчезли наручные часы (?), то за этим непременно стоит некая организованная сила, и, "стало быть, вполне допустимо думать о сборищах поклонников сатаны и секретном управлении масонства, творящем недозволенное за спиной народа" (В. Фомичев. Призраки или масоны? // Пульс Тушина. 1991. № 20). А положение об "иноземном господстве", о "руке" Запада, якобы ныне управляющего Россией в своих "вечных", незыблемых геополитических интересах", обосновывается

тем, что "Россией ныне правят слишком расчетливо, рационально, истинно по-западному", без учета "маятниковых особенностей российского менталитета, склонного к крайностям" (А. Салуцкий. Россией правят не по-русски // Рос. газета. 1993. 15 июля).

Весьма распространен в современной печати и такой тип искажения действительности, который можно определить как ложь политической выгоды. Диапазон дезинформации здесь весьма широк – от замалчивания нежелательных для печатного органа той или иной политической ориентации фактов до их полного извращения. В некоторых газетных сообщениях действительность трансформируется самым примитивным образом – путем преобразования (за счет манипулирования с "ассертивной частицей" *не*) утверждения в отрицание или, напротив, отрицания в утверждение. В один из последних дней своего существования в качестве официального органа Верховного Совета РФ "Российская газета" (1993. 23 сент.) опубликовала под заголовком "Московские студенты: поддерживаем призыв к политической забастовке" следующую заметку: "Представители студенческих профсоюзных организаций столицы высказались за политическую стачку, считая, что только так можно добиться спокойствия среди студентов, которых уже не раз обманывало правительство". Через несколько дней лживость этой информации была разоблачена другой газетой: «В "РосГаз" 22 сентября пришел факс с заявлением представителей студенческих профсоюзов Москвы, который решили не то чтобы переврать, а элементарно "отредактировать", вычеркнув все "не" и сделав для любимого парламента из подброшенного дерьмеца желанную конфетку. Так как прежней "Российской газеты" больше не существует (после постановления Черномырдина о средствах массовой информации) и, стало быть, требовать опровержения не с кого, студенческие профсоюзы попросили "МК" привести настоящий кусок текста заявления, переставленный с ног на голову подобострастными нашими коллегами. Итак "...Выражаем озабоченность усилением конфронтации между различными политическими силами и органами власти страны ⟨...⟩ Как руководители самой массовой московской молодежной организации мы не собираемся поддерживать призыва к политическим стачкам и забастовкам, считая спокойствие в студенческой среде одним из залогов стабильности общества"» (Моск. комсомолец. 1993. 29 сент.).

Дезинформация является одним из распространенных способов компрометации политических оппонентов. "Дискредитирующая ложь" реализуется при помощи нескольких моделей: приведение заведомо ложных фактов; объединение реальных и измышленных фактов; "конструирование" информации с опорой на пресуппозицию, на фонд знаний потенциального читателя. Искажение действительности в данном случае, как правило, носит пропозициональный характер и опровергается (обычно в газетах с противоположной политической ориентацией) также на пропозициональном уровне: «...Общественный интерес к вероятным вашингтонским доходам Федорова не ослабевает. Недавно "Советская Россия" (№ 95) сообщила, что вице-премьер не просто был в отпуске в Вашингтоне, а навещал там свою семью, которая живет в

арендуемой им вилле стоимостью 20 тысяч долларов в месяц. Сын Федорова, по сообщению той же "Советской России", учится в частном колледже, а жена "пристроена" в фонде, который "опекает ЦРУ" ⟨...⟩ Мы связались с Федоровым, и он подтвердил, что уходит с поста директора Всемирного банка, о чем и подал соответствующее заявление, когда находился недавно в Вашингтоне. Однако признался, что не хотел широко распространять эту информацию до очередного годового собрания банка в сентябре, когда будет решен вопрос о его преемнике на этом посту. Что касается других сведений, в частности распространенных "Советской Россией", Федоров заявил, что намерен подать в суд на эту газету за распространение клеветы. Дом в Вашингтоне он не снимает, а его семья давно живет с ним в Москве. Кстати, представить себе жилье, арендная плата за которое близка зарплате президента США, может только очень больное воображение. Его девятилетний сын при всем желании не мог учиться в колледже, даже когда Федоровы жили в США. Возрастом не вышел. Жена, Ольга, как сказал вице-премьер, ни в каком фонде и вообще на какой бы то ни было работе в США не находилась» (Известия, 1993. 18 авг.). Нетрудно увидеть, что опровергаемое дезинформационное сообщение, имеющее целью дискредитацию политического оппонента, строится с опорой на пресуппозицию (известно, что российский министр финансов действительно занимал пост директора Всемирного банка от России и жил в Вашингтоне), информационные стереотипы, далеко не всегда адекватные действительности (члены правительства, используя свое положение, устраивают родственников за границей и находятся под влиянием ЦРУ), приведение якобы точной квантитативной, но неверифицируемой информации (сумма арендной платы).

"Дискредитирующая ложь" не всегда выступает в явном виде: часто она маскируется референциальной неопределенностью при указании на анонимный источник информации и семантикой языковых единиц, формирующих модус возможной недостоверности сообщаемого: «*Некоторые источники утверждают*, что в ночь с 27 на 28 июля 1993 года состоялось заседание политсовета "Демроссии". *Предполагают*, что на нем шел разговор о смене высшего руководства государства в ближайшие дни. Причем причиной, побудившей пойти на эти действия, послужило *якобы* резкое ухудшение здоровья Президента и возможность в связи с этим его отставки или ухода иным способом. Далее речь шла *будто бы* о том, что необходимо любыми средствами препятствовать созданию государственной медицинской комиссии по освидетельствованию здоровья Президента ⟨...⟩ Косвенно *эти слухи* находят подтверждение. Так, Геннадий Бурбулис заявил на днях на пресс-конференции, что на предстоящих выборах блок "Выбор России" не будет опираться на Президента и его команду, так как считает их неперспективными. Характерно, что это заявление не вызвало ни протеста, ни опровержений ⟨...⟩ Впрочем, *не исключена вероятность*, что заседание политсовета носило провокационный характер. *Возможно*, была сознательно допущена утечка информации, чтобы оказать психологическое воздействие на Президента, вице-президента, а также

на общественность страны» (Скоро осень. За окнами август? В воздухе пахнет грозой // Рос. газета. 1993. 31 июля). В некоторых случаях авторы дискредитирующих сообщений с целью произвести впечатление достоверности более точно, хотя и избегая полной референциальной определенности, указывают источник информации: "Невольно вспоминается рассказ одной уборщицы Моссовета, которая по понятным причинам просила не называть ее имени. Она с ужасом сообщала, что никогда за время ее работы в этом здании не было вечерами такого количества шелухи от семечек, пустых бутылок и использованных презервативов" (Дальше ехать некуда... // Правда. 1990. 15 нояб.). Как видно из приведенного примера, выбор или "гипостазирование" очевидцев тех или иных событий порой носит настолько прямолинейно-курьезный характер, что это приводит к прямо противоположному по сравнению с авторским прогнозом результату – превращению сообщения в акт самодискредитации.

Разумеется, ложь в газетном дискурсе связана не только с менталитетом и политической позицией субъекта. "Дезинформационные универсалии" прессы в значительной степени определяются целями, характером и режимом ее деятельности. Стремление к информационному приоритету, поиск нетривиальной (сенсационной) информации, необходимость оперативной передачи сообщений нередко приводят к публикации материалов без проверки надежности источника и достоверности сообщаемых сведений. Кроме того, применительно к современному состоянию российской прессы, очевидно, можно говорить о снижении у некоторых журналистов и изданий порога профессиональной ответственности за достоверность передаваемой информации, что в какой-то мере является компенсаторной реакцией на многолетнее отсутствие свободы слова в печати. Отсюда столь большое количество опровержений и самоопровержений, публикуемых в газетах, хотя известно, что опровержение никогда не возмещает полностью тот информационный моральный и социальный ущерб, который может нанести первичная недостоверная информация. Не могло не вызвать недоумения большинства читателей сообщение одной из газет о том, что "сумма налога (на помещения, находящиеся в частной собственности. – *С.В.*) составит *одну десятую инвентаризационной стоимости*" (Моск. комсомолец. 1993. 16 апр.). И только через несколько номеров публикуется скромная поправка: "Уточнены размеры налога, которым в 1993 году будут обложены жилые дома, квартиры, дачи, садовые домики и гаражные боксы, находящиеся в личной собственности граждан ⟨...⟩ Размеры налога составят, как определено российскими законами, *0,1 процента от инвентаризационной стоимости недвижимости*" (Моск. комсомолец. 1993. 20 апр.).

Разного рода фактологические ошибки и неточности порой приводят к своего рода "информационным конфликтам" между разными средствами массовой информации, ср.: «*Нравоучения вместо комментария* (заголовок. – *С.В.*). 12 октября в передаче "Спортивная карусель" российского ТВ, комментируя очередную партию шахматного матча Г. Каспаров – Н. Шорт, гроссмейстер А. Суэтин лихо "про-

шелся" по "Известиям". Да, в нашей газете (№ 180) в материале шахматного обозревателя Ю. Васильева была допущена серьезная ошибка, когда перепутали филиппинского шахматиста Торре с его мексиканским однофамильцем, игравшим почти 70 лет назад. Допущена эта досадная ошибка по вине редакции, а не Ю. Васильева. За что мы и приносим извинения читателям. Однако произошедшее ни в коей мере не давало права А. Суэтину вместо телекомментария к партии отчитывать "безграмотного" журналиста Ю. Васильева. Не по-гроссмейстерски все это. Телеэкран, как и газета, не место для сведения счетов» (Известия. 1993. 16 окт.).

Ясно, что наибольшей "этической маркированностью" обладает дезинформация, которая становится причиной компрометации государственных органов и политических деятелей, затрагивает честь и достоинство человека. Так, в одном из номеров "Известий" читаем: "Мы вовсе не склонны обелять бывшего всемогущего министра (безопасности. – *С.В.*), который, судя по некоторым имеющимся данным, сквозь пальцы смотрел на поездку своей жены с подругой (женой бывшего высокопоставленного чиновника – Скокова) в Швейцарию. Вояж этот был по приглашению скандального бизнесмена Бориса Бирштейна" (Известия. 1993. 29 июля). Но уже в следующем номере газета вынуждена опубликовать опровержение: «В статье А. Иллеша и В. Руднева "Виктор Баранников наступил на грабли. Кто следующий?", опубликованной в газете "Известия" 29 июля, допущена ошибка. Жена бывшего секретаря Совета Безопасности РФ Ю. Скокова в действительности не выезжала в Швейцарию вместе с женой бывшего министра безопасности В. Баранникова по приглашению бизнесмена Б. Бирштейна. Как нам сообщили по поручению председателя Федерации товаропроизводителей России, руководителя Центра по исследованию межрегиональных и межнациональных экономических проблем Ю. Скокова, Милада Скокова не знакома ни с женой В. Баранникова, ни с Б. Бирштейном, в Швейцарии никогда не была и вообще в последние годы за границу не выезжала» (Известия. 1993. 30 июля). Приведенные примеры свидетельствуют о компенсаторной недостаточности опровержений: одни читатели не смогут с ними ознакомиться, другие будут не в состоянии полностью освободиться от сомнений, психологически естественных в ситуации альтернативного представления действительности. Непреднамеренная ложь, разумеется, в нравственном отношении отлична от преднамеренного, сугубо манипулятивного введения адресата в заблуждение, но и она является нарушением не только информационной, но и коммуникативной нормы, в том числе в ее этическом измерении.

Завершая данный раздел следует еще раз подчеркнуть, что в целом дискурс в современной российской прессе – в отличие от прессы тоталитарного общества – соответствует цивилизованной информационной норме, основными чертами которой являются: идеологический индетерминизм (отсутствие зависимости от государственной идеологии), тематическая открытость, свобода поиска и распространения информации с ориентацией на информационные потребности и интересы потенциального читателя.

СФЕРА СУБЪЕКТА В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТА С АДРЕСАТОМ

Если в предыдущем разделе рассматривалось соотношение транслируемой и ретранслируемой в печати информации с действительностью (преимущественно с точки зрения соответствия или несоответствия газетных текстов информационной норме), то настоящий раздел посвящен субъекту, основному "фигуранту" газетного дискурса, на котором лежит бремя производства, оптимизации и нормативной регуляции текста.

В рамках обсуждения вопроса об основном предназначении средств массовой информации и в лингвистических работах, и в выступлениях профессиональных журналистов уже давно ведется дискуссия о соотношении в газете (равно как и на радио и телевидении) "объективного" (т.е. сугубо фактуальной информации) и "субъективного" (под которым обычно понимается оценка и связанная с намеренным воздействием на читателя иллокуция). "Объективизм" полагает основную цель mass media в информировании адресата, отводя субъекту роль едва ли не "вербального фотографа", беспристрастно фиксирующего события и факты. Еще в конце 20-х годов Г.О. Винокур писал: «Если язык вообще есть прежде всего некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение по преимуществу, коммуникация, обнаженная и абстрагированная до крайних мыслимых своих пределов. Подобную коммуникацию мы называем "информацией" ⟨...⟩ Газетное слово есть, конечно, также слово риторическое, т.е. слово выразительное, рассчитанное на максимальное воздействие, однако главной и специфической особенностью газетной речи является именно эта преимущественная установка на голое сообщение, на информацию как таковую» [7, 229]. В современных выступлениях журналистов и критиков можно встретить негативные отзывы о "так называемой публицистике", которая порой весьма нелицеприятно приравнивается к «умению развешивать "сопли" по материалу» (В. Старков. Интервью // Известия. 1989. 2 сент.; см. также: Он же. Следовать вкусам читателей // Моск. ведомости. 1990. № 1). Со ссылкой на международные авторитеты в области массовой коммуникации провозглашается принцип полной отстраненности журналиста от сообщаемого, так как именно он соответствует задаче прессы – информировать общество, а не реформировать его (Ю. Богомолов. Ведущие, уважайте своего зрителя // Известия. 1993. 31 июля). Кстати, нарушение этого принципа нередко ставится в вину современной российской журналистике: «А не надо из журналистики делать высокий вид искусства, в связи с чем любая газета в России превращается в толстый журнал. Журналистика – такое же ремесло, как покраска заборов. Есть четкие структуры, на которых можно набить руку и, не будучи халтурщиком, делать все это автоматически. Западные журналисты всегда выдают на-гора чудовищное количество материала по сравнению с советскими журналистами. Правда, пишут кратко и конкретно. В России же журналистика страшно неконкретная. Там репортера спросишь, сколько

времени, он же не ответит "без пятнадцати пять". Он же еще час будет рассуждать о природе времени. Я читаю дайджест Радио "Свобода" с лучшими заметками из всех российских газет. Все равно с американской прессой трудно сравнивать. Совершенно другой подход к журналистике. Здесь очень четко разделяют редакционный комментарий и репортерское освещение. А в России эта грань смазана. Трудно найти статью во всей газете, которую можно взять и ей поверить. Всегда проскальзывает тенденция» (В. Козловский. Интервью // Моск. новости. 1993. 7 февр.).

Однако высказываются и другие, порой прямо противоположные, взгляды на роль субъекта в средствах массовой информации, по-видимому в большей степени учитывающие особенности прессы как общественного института и типа дискурса. В этом случае за субъектом признается право на ментальную и социальную активность; более того, проявление этой активности рассматривается как одна из максим деятельности журналиста: "Нашим журналистам иногда лень углубляться в анализ, они выклевывают по зернышку отдельные факты и не задаются вопросом: а случайны ли эти факты ⟨...⟩ Кто, как не журналист, должен с гражданским чувством рассказывать людям, куда идет Россия, какие впереди трудности. Но для этого нужно изучать жизнь, точно ориентироваться в процессах. И главное – быть частицей многострадальной России ⟨...⟩ Чисто объективистская позиция – это не в традициях русской журналистики. Такая позиция похожа на дождь, который льет, где не нужно, а не там, где земля высыхает. Газеты с такой позицией умирают – это видно по итогам подписки" (М. Полторанин. Интервью // Моск. комсомолец. 1993. 14 авг.). Нужно сказать, что и в советском лингвистическом газетоведении применительно к печати преобладало утверждение "диалектического единства организующе-воздействующей функции убеждения и информационно-содержательной функции сообщения" [12, 220], хотя персуазивность газетного дискурса нередко понималась в духе господствующих идеологем как проявление основной для "советской" прессы "агитационно-пропагандистской функции" и связывалась исключительно с идеологическим влиянием на массового читателя.

В основе воздействия в сфере массовой коммуникации, несомненно, лежит присвоение адресатом содержащейся в тексте и значимой для него информации. Что же касается формирования убеждений и мировоззрения, о чем говорилось в работах советского периода, посвященных языку газеты, то идеологическая ориентация или переориентация реципиента (индивидуального или группового) возможна только в сложной структуре социальных и психологических воздействий, где средства массовой информации выступают в качестве одного из факторов. По мнению многих зарубежных исследователей массовой коммуникации, чаще всего она является неким "дополняющим" фактором закрепления существующих условий. Значительно реже под воздействием массовой коммуникации происходят незначительные изменения в существующей системе "мнения – ценности – нормы". И уж совсем редко наблюдаются случаи конверсии, т.е. отказа от этой системы и перехода к новой.

Последнее возможно, как правило, лишь в моменты серьезных социальных сдвигов, когда привычные ценности и взгляды входят в противоречие с изменяющимися условиями материальной и духовной жизни (подробнее об этом см. [2, 10–19]). Однако, как показали последние события в новейшей истории Советского Союза и России, пресса ("четвертая власть") обладает весьма значительным потенциалом воздействия на общественное сознание и в результате этого не только "закрепляет" существующие условия социальной жизни, но и может в определенные исторические моменты способствовать изменению этих условий. Решающую роль играет здесь индивидуально-коллективный субъект "совокупного" газетного дискурса (как и дискурса в других средствах массовой информации): изменяясь под воздействием сдвигов, происходящих в обществе, он оказывает ответное влияние на жизнь социума.

Как известно, субъект в коммуникации обладает сложной структурой. По мнению Е. Гоффмана, говорящий выступает в трех ипостасях: аниматора – того, кто произносит высказывание; автора – того, кто порождает высказывание; принципала – того, чья позиция выражена в высказывании (см. об этом [3, 26]). При помощи этой триады может быть охарактеризовано не только психологическое и когнитивное "расщепление" субъекта, но и его социальная структура. Тогда (при известной детализации) структура субъекта в массовой коммуникации, скажем применительно к тоталитарному обществу, может быть представлена следующим образом: автор – редактор – цензор – идеологический демиург. В период перестройки и особенно в постперестроечное время эта структура претерпевает существенные изменения. Постепенно ослабевает, а затем и "нулизуется" влияние государственной идеологии; исчезает, правда временами напоминая о себе отдельными рецидивами, цензура; редактор утрачивает функции идеологического сифогранта и становится организатором коллектива журналистов, объединяемых общей позицией (при утрате общности позиции журналистские коллективы обычно распадаются, как это произошло с "Комсомольской правдой" и "Независимой газетой"). Результатом этого стала глобальная "авторизация" газетного дискурса, т.е. совмещение в субъекте ролей автора и принципала. Субъект в современной массовой коммуникации не просто функционален – он выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре его интенций все бóльшую роль начинает играть стремление к самовыражению.

"Авторизация" газетного дискурса неразрывно связана с тремя видами "свобод", завоеванных прессой: тематической свободой (возможность избрания в качестве предмета описания или оценки любого фрагмента действительности), прагматической свободой (отсутствие внешней детерминированности дейксиса, оценки, иллокутивной силы), стилевой свободой (преобладание в тексте "слога" над "стандартом"). В качестве примера "авторизованного" дискурса можно привести статью Л. Никитинского "Сколько Рубиконов на пути Горбачева?" (Комс. правда. 1991. 12 апр.). Само неритуализованное обращение к личности, взглядам и действиям Генерального секретаря КПСС и Президента

страны было в то время одним из высших проявлений тематической свободы. Автор в целом высоко оценивает своего героя как человека и руководителя государства: "для меня он прежде всего гуманист, а потом уже коммунист"; "Горбачев сразу же проявил себя как человек совести"; "он выпустил дух свободы из клетки". Однако значительное место в статье занимает критика взглядов и действий генсека, причем критика, выраженная в достаточно резкой форме, чему способствует использование пейоративной лексики, создание снижающих "образ" героя контекстов, введение элементов иронии: "Сегодня в кулуарах большой политики ходят упорные разговоры о том, что *КПСС (партаппарат, по крайней мере) готова "сдать"* своего Генерального секретаря"; "Демократам и Ельцину ⟨...⟩ Горбачев в качестве *мальчика для битья* тоже уже больше не нужен. *По отношению к Ельцину он тоже отыграл свою историческую роль, раз семь наступив на одни и те же грабли* и поспособствовав своему сопернику собрать все очки, какие только мыслимо было взять в оппозиции"; «Где-то Горбачев не сумел выломиться из собственных рамок, чего требовала от него жизнь, он продолжает упорствовать в "социалистическом выборе" ⟨...⟩ *Дальнейшие судорожные, часто нелепые шаги,* начиная от торпедирования без объявления войны программы "500 дней" и кончая *последней истерикой на Совете Федерации,* – все это уже лишь следствия главного кризиса. Горбачев трагически потерял ориентировку, *будучи зашорен в те самые "принципы",* буквально перепутал, где право, где лево. *Он обернулся в растерянности на Старую площадь* и, подобно легендарной жене Лота, оглянувшейся на город Содом, обреченный уничтожению за грехи, "ибо велик был вопль на жителей его перед Господом", *превратился в соляной столб.* Демократия обогнала своего прежнего лидера, обтекла его со всех сторон, и *он остался, постаревший, в обозе*».

Характерной чертой рассматриваемого текста является наличие в нем директивных речевых актов и высказываний с семантикой долженствования, обращенных к высшему политическому руководству страны: "Много сложнее вопрос о том, следует ли и возможно ли, чтобы руку Горбачеву протянули антипартийно настроенные демократы во главе с Ельциным ⟨...⟩ *Я призываю сделать усилие духа* подняться над бойней сиюминутной политической борьбы и взглянуть на Горбачева как бы глазами будущего потомка, чтобы осмыслить его роль в истории страны"; "*Он [Горбачев] должен, как мне кажется, сегодня заявить,* хотя бы предварительно, *что уходит в отставку как минимум с одного из двух своих постов*"; "В создавшемся положении, *на мой взгляд, демократы во главе с Ельциным обязаны еще раз протянуть Горбачеву руку и помочь ему подняться*". Все указанные особенности приведенного текста наряду с типичным для него дейксисом первого лица позволяет охарактеризовать дискурс как глубоко авторизованный, с широким диапазоном самопрезентации субъекта как личности, обладающей определенной ментальностью и языковой

способностью. Примечательно, что автор вполне осознает эту особенность созданного им текста, причем говорит о ней, как бы извиняясь перед читателем (очевидно, потому, что выражение личного, во многом критического отношения к первому лицу государства на страницах печати в то время еще не стало заурядным явлением и нуждалось в специальной мотивировке): "Да простится мне, быть может, *слишком личный* тон этой заметки, но драму Горбачева я переживаю как драму нашей истории, а следовательно, и как свою собственную. И я не хочу, чтобы мы оставались в ней безучастными зрителями, тем более злорадно потирающими руки".

Обратная сторона авторизации – чрезмерный субъективизм дискурса. Он проявляется, в частности, в том, что некоторые авторы вместо объективного описания ситуации, которое заявляется заголовком текста, предлагают читателю некое самоизображение, выдвигая себя на передний план и используя все остальное лишь в качестве фона. Этот авторский эгоцентризм находит адекватное лингвистическое выражение в гипертрофированном Я-дейксисе. Вот, например, как описывает события грузино-абхазской войны один весьма известный литератор, проведший несколько дней в Абхазии: «*Подымаюсь* в здание администрации, в пресс-центр. *Представляюсь. Спрашиваю* о диверсионной группе. *Делаю заявку* на пропуск в зону военных действий. *Выхожу* ⟨...⟩ С заявкой на пропуск *иду* в военную комендатуру Абхазии. Сопровождает *меня* главный редактор газеты "Республика Абхазия" Виталий Чамамагуа – его "прикрепили" *ко мне* ⟨...⟩ *Спрашиваю*, какие силы у противника в Шромах ⟨...⟩ *Упрямый, я* портил кровь командующему не затем, чтобы глупо лезть под снаряды, а чтобы поговорить с солдатами на передовой, и в первую очередь с русскими» (Э. Лимонов. Война в Ботаническом саду // День. 1992. 22–28 нояб.). Ясно, что авторская установка в данном случае заключается в том, чтобы представить не столько ситуацию, сколько "себя в ситуации" – отсюда такое скрупулезное перечисление собственных состояний и действий, в том числе и чисто физических.

Интенции субъекта, акты его взаимодействия с адресатом в средствах массовой коммуникации часто реализуются в оценке (ее прагматический смысл заключается в том, что субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать изоморфное отношение у адресата). Естественно, рассмотрение в рамках данной работы такого сложного феномена, как оценка, требует введения ряда ограничений. Во-первых, из трех типов оценок, дифференцируемых по объекту, – оценка действительности, оценка содержания сообщения, оценка адресата [1, 8–14] – рассматривается только первый, т.е. отношение субъекта к положению дел (оценка фактов, событий, лиц). Во-вторых, предметом описания в настоящей главе являются только так называемые аксиологические оценки, непосредственно связанные с ментальной сферой (системой ценностей) субъекта и адресата. В-третьих, внимание обращается преимущественно на те оценки, которые могут и должны быть интерпретированы с

точки зрения нормативной (при широком понимании категории нормативности) регуляции дискурса.

Не требует особых доказательств утверждение, что оценка, выражаемая в текстах средств массовой информации, во многих случаях определяется социальными и идеологическими факторами – она каузируется задачами политической борьбы, противостоянием идеологий, потребностями позитивной идейной и моральной самопрезентации, часто связанной со стремлением к компрометации оппонента. Нужно сказать, что в советском лингвистическом газетоведении социальная оценочность нередко рассматривалась как примарный признак "языка газеты", хотя это утверждение покоилось не столько на лингвистических, сколько на идеологических основаниях.

В работе, специально посвященной языку средств массовой информации, их общественное предназначение определяется следующим образом: "Средства массовой информации и пропаганды являются важнейшим орудием формирования коммунистического мировоззрения. Они служат также формой осуществления связи партии с народными массами, формой осуществления социалистической демократии" [19, 3]. В разделе "Язык газеты" указанной монографии говорится,что "принцип партийности определяет не только содержание, направление, характер деятельности печати, оценки ею фактов и явлений общественной жизни, политики и т.д., но и сущностные особенности формы публицистики, прежде всего языка и стиля газетно-публицистической речи" [14, 6]. Тем самым провозглашается принцип идеологической детерминированности субъекта, распространенный здесь не только на содержание, но и язык газетных текстов. Из той же презумпции примата идеологии закономерно вытекают представления о функции средств массовой информации и "сущностных особенностях" языка газеты: «В публицистике, в средствах массовой информации и пропаганды все языковые средства служат в конечном счете задачам убеждения и агитации. Иначе говоря, использование языковых средств определяется во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного и целеустремленного воздействия на массовую аудиторию. Таким образом, социальная оценочность языковых средств, определяемая в конечном счете принципом коммунистической партийности, выступает как главная особенность газетно-публицистического стиля, выделяющая его среди других функциональных стилей и проявляющаяся на всех "уровнях" его языка, но особенно явно и ярко в лексике» [там же, 8].

Безусловно, по отношению к общественно-политической ситуации в стране конца 70-х – начала 80-х годов многое из сказанного здесь справедливо: глобальная идеологизированность всей, а не только партийной прессы; ориентация на формирование единого и цельного мировоззрения как на необходимый и наиболее важный результат деятельности органов печати; главенствующее положение особого типа оценочности, при котором оценочные знаки симметрично распределяются по идеологическим объектам ("наше" – "+", "не наше" – "–"). Примерно так же оценивают особенности советской прессы доперест-

роечного периода и сами журналисты. Ср.: «Один эмигрант, в прошлом советский журналист, открывший на Западе свою газету, рассказывал о панике, которая охватила его, когда газете нужно было высказать мнение о произошедшем где-то политическом перевороте. Дома он не испытывал в таком случае никаких затруднений, сверху всегда сообщалось: хорошо это или плохо, "наш" или "не наш" какой-нибудь очередной политический деятель. Можно было с этим не соглашаться, но была ясность. Здесь же пришлось решать самому. И этот человек, всегда, как ему казалось, самостоятельный в суждениях и независимый во мнениях, обнаружил, что еще как зависим! В него въелось ожидание первоначального толчка в жизни ⟨...⟩ Наша информационная жвачка строилась так, чтобы имитировать, пусть примитивно, мыслительный процесс. Вкушающий ее человек был убежден, что он думает. На деле ему вовсе не требовалось включать собственные мозги, извилины сами пошевеливались вслед за указкой» (В. Чернов. И мы перестали смеяться // Огонек. 1989. № 37).

Идеологический примитивизм, навязываемый политическим истеблишментом, находил адекватное выражение в языке: «В командировку за классовой ненавистью ездили не только великие, ездили и прочие, помельче, которые знали, чтó писать об Америке еще до того как туда приехать. Идеологическая бдительность проявлялась в том, чтобы не проговориться ⟨...⟩ Этот беглый экскурс в прошлое, мы считаем, уместен в преддверии рассказа о беседах в Центре русских исследований. Будут колкости и выпады с их стороны, но и мы не станем забывать про свою недавнюю привычку говорить с оппонентами на языке политического мата. Ведь всего 6–7 лет назад мы, очутившись там, где очутились сегодня, писали бы про "логово заокеанских ястребов" или про "цитадель продажных писак и наймитов"» (А. Васинский, А. Шальнев. Советологи у себя дома // Известия. 1989. 14 июля).

Нужно отметить, что в известном смысле биполярность оценочного поля в печати сохранялась и в дальнейшем, так как газеты, равно как и другие средства массовой информации, не могли не отражать биполярной расстановки политических сил в стране, где в разное время противоборствовали "демократы" (или "дерьмократы" в номинационной трансформации оппонентов) и "коммунисты" ("коммуняки"), "реформаторы" и "консерваторы", "левые" и "правые" (а затем "правые" и "левые" в традиционном значении этих политических терминов), "демократы" ("демофашисты") и "национал-коммунисты" ("национал-патриоты", "коммунофашисты", "красно-коричневые"), "правительство" (ВОР – временный оккупационный режим) и "парламент" ("нардепы") и т.д. Что же касается традиции "политического мата", то она, пожалуй, даже укрепилась в перестроечное и постперестроечное время, поскольку освобождение от идеологических уз сопровождалось процессом "вербального раскрепощения", и это могло иметь не только позитивные следствия. В результате в газетах появлялись и продолжают появляться такие тексты, в которых оценка политического оппонента находится либо на грани оскорбления, либо уже за этой гранью: «Хам –

библейский персонаж. Он надсмеялся над своим отцом, и слово "хам" стало нарицательным для всех, кому свойственно то, о чем идет речь, – хамство, т.е. крайнее пренебрежение нормами устоявшейся морали, отсутствие стыда и совести. К стыду нашему, другим словом нынешних правителей России назвать трудно ⟨...⟩ Бедный Хам! За что тебя тысячелетиями презирают живущие на земле? Ты же невинное дитя по сравнению с нынешними властителями России» (В. Белоглинец. Хамы у власти // Молния. 1993. № 60, июль); «Навоевавшись на американском фронте, Волкогонов и его шатия-братия сейчас брошены спасать фронт внутренний – российский ⟨...⟩ Слабо волкогонам разогнать Московский гарнизон и весь неблагонадежный Московский военный округ ⟨...⟩ Безмозглым полторанинцам надо бы уразуметь: партизанские отряды, подпольщики, сопротивление появляются не потому, что об этом пишет "День" и говорит Невзоров, а потому, что есть оккупация» (В. Филатов. Поход на Москву // День. 1993. 18–24 апр.). А вот инвективы с другой стороны: "Оппозиция, как красивая женщина: хороша, пока молчит. Стоит только ей раскрыть свой прелестный ротик, сразу портится все впечатление: дура дурой. Хотя и ноги длинные. Зачем объединенная оппозиция накануне референдума напечатала свою экономическую программу, я не знаю ⟨...⟩ Если бы не корявые формулировки, я бы вообще перепечатал эту программу целиком без всяких комментариев. И дело с концом. Прочитал, плюнул и пошел голосовать за президента. Не за этих же полудурков" (А. Лапик. Пусти козла в экономику – пятилетка и начнется // Моск. комсомолец. 1993. 17 апр.); "Новые цирковые номера в синантропической ассамблее, по инерции называемой Верховным Советом, перемежались привычно хамскими репризами спикера ⟨...⟩ Не отставал от своего политического поводыря и А. Руцкой, выступивший в уже привычном и в сущности единственном амплуа опрокидывателя бочек с нечистотами ⟨...⟩ Глубоко осознавая свой общенациональный статус, президент просто не может участвовать в тараканьих бегах хасбулатовых и руцких" (В. Костиков. Президент и имитаторы // Моск. комсомолец. 1993. 7 авг.).

Подобная прямая, резко аффективная оценка выражается, как видно из приведенных примеров, пейоративной лексикой (и фразеологией), используемой в качестве термов при референции либо в качестве атрибутов и предикатов, а также с помощью метафор с "неблагоприятным" для объекта источником метафоризации. Правда, встречаются и особые оценочные конструкции. Так, автор одной из публикаций, резко критикуя главного редактора другого печатного издания, заканчивает свою статью следующим образом: «Так что все. О В.Т. (в тексте имя и фамилия указаны полностью. – *С.В.*) больше не пишу ⟨...⟩ Но все же я В.Т. несказанно благодарен. Он поставил передо мной исключительно сложную творческую задачу: написать о главном редакторе, не употребляя слова "гнида". Получилось» (А. Минкин. Из носков Ельцина в портянки Руцкого // Моск. комсомолец. 1993. 19 окт.). Хотя оценка и не выражена здесь в форме прямой предикации, ее оскорбительный характер сохраняется,

поскольку из общего контекста совершенно ясно, к кому именно она относится.

Как уже отмечалось выше, многие "прямые" оценки могут быть восприняты как оскорбления (и по существу являются ими). Поэтому часто авторы стремятся к косвенному, как бы "смягченному" выражению оценки, совершенно отчетливо при этом, однако, заявляя свое отношение к ее объекту. Одним из наиболее распространенных и эффективных способов непрямого выражения оценки является ирония, на основе которой нередко создаются целые тексты или по крайней мере их значительные фрагменты, ср.: «Едва ли не все беды нашей страны проистекают от того, что мы не умеем электронными средствами показывать свой парламент. Показывать доброжелательно, взволнованно, проникновенно, подчеркивая его интеллектуальную мощь, демократическую наступательность и чисто душевное, человеческое великолепие. Сделать это чрезвычайно сложно, потому что, как известно, наши средства массовой информации оккупированы откровенными врагами народовластия, жалкими марионетками в лапищах г-на Полторанина и других прихвостней президентской команды. И все-таки... Все-таки правда по золотым крупицам, по родниковым капелькам прорывается в радиоэфир и на телеэкран. То выступит в рубрике "Герой недели" несгибаемая Сажи Умалатова, объявившая себя пожизненным депутатом Верховного Совета СССР. То сам Руслан Имранович или товарищ Зорькин из телеящика задушевно побеседуют с народом о текущем моменте в жизни страны и о продвижении демократии. Тикают героические "600 секунд" ⟨...⟩ Маловато, конечно. Но, может быть, мы скромничаем, приуменьшаем?.. Ведь гигантские телеполотна, запечатлевшие сессии и съезды-"чрезвычайки", по своей протяженности и эмоциональному воздействию уступают разве что всенародно любимому сериалу "Богатые тоже плачут"» (А. Зоркий. Прелестные картинки // Куранты. 1993. 8 июня). Очевидно, эффект иронии заключается в том, что, проигрывая в резкости и прямоте, она выигрывает в остроумии и культуре.

Еще одним средством "смягченного" выражения оценки является эвфемизация, обычно "заявленная" какими-либо вербальными сигналами или сопровождаемая другими знаками, помогающими читателю выявить оценочный смысл высказывания: "Словом, на фоне соратников А.В. (в тексте полностью. – *С.В.*) смотрится. Есть у него, однако, изъянец, по-человечески вполне извинительный, но для политика неприятный: он, как бы тут поделикатнее выразиться, простоват. Мало одного, два высших образования прошли для него в общем-то безболезненно. Эта ущербинка усугубляется свойством, которое в любой другой комбинации выглядело бы достоинством, а вот в сочетании с отмеченной выше особенностью образует поистине гремучую смесь. Р. энергичен, инициативен, берется за все, бестрепетно полагая, что не боги горшки обжигают. Поручи ему штопать озоновую дыру, я думаю, он немедля приступил бы к исполнению" (В. Селюнин. Я единственный... // Известия. 1993. 6 мая). Эвфемизация здесь обозначена

("как бы тут поделикатнее выразиться"), используется в сочетании с аллюзией (предикаты "простоват" и "инициативен" с неизбежностью отсылают более или менее подготовленного читателя к известному выражению "дурак с инициативой") – и это создает определенное пространство для интерпретации авторской оценки.

Один из распространенных приемов косвенной оценки – создание контекстов самодискредитации "фигурантов" описываемой ситуации. Обычно они создаются путем цитирования высказываний какого-либо человека, которые отрицательно характеризуют его личность или деятельность, например свидетельствуют о его непрофессионализме, грубости, малообразованности, низком уровне коммуникативной компетенции и речевой культуры. Так, в одной из газет было опубликовано следующее сообщение: «В конце февраля представители шахтеров сами приехали в Москву и добились встречи с вице-президентом СССР Геннадием Янаевым. Второй человек в государстве, по рассказу председателя воркутинского стачкома Виктора Колесникова, сказал следующее: "Если я до 26 февраля (с.г.) не дам ответа о готовности правительства СССР подписать генеральное типовое соглашение, то назовите меня козлом". Ответа в срок он не дал. Шахтеры решили бастовать» (Д. Беловецкий. Как вас теперь называть? // Лит. газета. 1991. 20 мар.). Через несколько дней другая газета опубликовала (разумеется, не без умысла) заметку под заголовком "Гнусная инсинуация", содержащую некое псевдоопровержение, способное лишь усилить компрометирующий эффект: в ней было полностью перепечатано приведенное выше сообщение, и, хотя ссылками на самого бывшего вице-президента и одного из участников встречи информация о злополучной фразе, казалось бы, опровергалась, был создан такой контекст, который лишь, напротив, привлекал к ней внимание: "Понятное дело, в разговоре с разгоряченными шахтерами всякое могло быть... Но чтобы сам вице-президент... Не иначе как газета досрочно встретила первое апреля этого года, носящего, как известно, имя овцы" (Комс. правда. 1991. 22 мар.). Создание контекста самокомпрометации – достаточно эффективный прием воздействия на читателя, так как – при полной или частичной импликации субъекта – он устраняет посредника между объектом и адресатом оценки. Однако именно в подобных случаях приходится сталкиваться с достаточно большим числом журналистских мистификаций и неточностей, когда высказывания либо искажаются, либо приписываются лицам, никогда их не произносившим.

Говоря о приемах "смягчения" или "маскировки" оценки, следует принимать во внимание, что российскую печать сегодняшнего дня все же отличает стремление не столько к вуализации оценочного отношения, сколько к предельной открытости его выражения. Отсутствие цензуры и идеологического воздействия на печать позволяют авторам газетных материалов выбирать в качестве объекта оценки любой интересующий их факт (или лицо), формировать оценку в соответствии с собственными взглядами, облекать ее в приемлемую для самих журналистов форму, ср.: «К тому времени, когда я ушел в "Коммерсантъ",

цензура поослабла в принципе. Мы как-то с моим другом писали статью для "Ъ", и нам надо было сказать, что Рыжков не очень умно себя повел. Я говорю: "Хорошо бы сейчас написать, что Рыжков как-то подурацки себя повел". А потом вдруг мы поймали себя на мысли: а что, собственно, мешает нам это написать?» (М. Рогожников. Интервью // Моск. комсомолец. 1993. 13 окт.).

Однако свобода слова, оказалось, имеет и свою обратную сторону: выход из идеологии порой оборачивается выходом из культуры, разрушение окостеневших стереотипов воспринимается как отказ от любых норм. Только достигнув предельной степени безнравственности, интеллектуального примитивизма и языковой косности, можно решиться на публикацию тех текстов – нередко при этом выдавая их за фольклор, "творчество господина Народа", – которые еще недавно печатала так называемая оппозиционная пресса: "Ходят слухи, что Борис Николаевич сам пытался подсчитать результаты референдума, да пальцев не хватило – поручил Черномырдину" (Молния. 1993. № 60, июль); "При виде патриотов лицо Караулова становится толстопузым" (День. 1993. 18–24 апр.); «Когда я слышу слово "демократия", я хватаюсь за гигиенический пакет»; "Равенство – это когда у адвоката Макарова лицо и задница выглядят одинаково"; "Беспалый у меченого отобрал жилплощадь" (День. 1992. 22–28 нояб.). Вряд ли в данном случае возможна лишь собственно лингвистическая квалификация явления.

Одним из наиболее приметных процессов, протекающих в современной прессе, стала вульгаризация языка (в значительной степени она связана именно с выражением оценки). Резко понизился порог приемлемости в использовании маргинальной и нелитературной лексики (вульгаризмов, жаргонизмов, бранных слов). Наконец, подлинное языковое открытие последних лет – мат на страницах газет. Как средство выражения оценки он (наряду с сопредельной "лексикой дна") используется в трех видах контекстов:

1. При передаче "чужой" оценки. Причем в типичном случае воспроизводится не высказывание в целом, а лишь соответствующие слова: «И не люблю я расхожих разговоров: вот какие они идиоты, эти путчисты-коммунисты, настолько глупее нас, умненьких писателей и читателей... "Козлы", словом, как невольно выразился о себе Янаев, "мудаки", как якобы отозвался Горбачев о своих друзьях-однополчанах из политбюро» (Л. Радзиховский. Советский Пиночет: вторая примерка // Огонек. 1991. № 41, октябрь). Кроме того, нецензурная лексика используется с целью "вербального портретирования" фигурантов ситуации, отражения или беллетризованного "изображения" узуса той или иной социальной группы или среды: «Следом за Андреем вышел парень спортивного вида, подстриженный чуть ли не под ноль, и плюхнулся за стол. – Ну что, Андрюха, как она, жисть-то? – Да вот с братвой приехал перетереть одно дельце... Решили мы тут с народом контору открыть. "Спецконтингент" есть, быки тоже, с "хатой" вопрос решаем – крыша нужна. – Ты что, б..., в сутенеры записался, а? С "дырок" бабки решил намывать, да еще и "крышу" от братвы поиметь.

В падло такое даже предлагать» (А. Погонченков. Дырочные бабки // Моск. комсомолец. 1993. 25 мая).

2. В авторской речи для выражения собственной оценки субъекта: "Личное дело кучки старых пердунов, считающих сталинское правление образцом государственного устройства, а социализм – единственным раем, – собираться на свои комтусовки" (Р. Байрашев, М. Дмуховский. Коммунисты: "Назад!" // Собеседник. 1993. № 7); "Довольно. Пусть я старый трухлявый пень, пусть я злобный закомплексованный импотент – но никогда, слышите, никогда апологеты Монро не убедят меня в том, что сладкая, пленительная, ласковая б... лучше добродетельной трески" (Д. Горелов. Девочка ищет вдовца // Сегодня. 1993. 16 сент.); "Не обещать депутатам харчи, квартиры, оклады жалованья. Делать из них не диссидентов-героев, а дунек-белосракиных" (С. Каледин. Самоволка // Моск. комсомолец. 1993. 20 окт.).

3. Промежуточным является жанр интервью, где интервьюируемое лицо является, с одной стороны, "предметом изображения" (создается некий его образ, в том числе языковой), с другой – полноправным со-субъектом дискурса по отношению к адресату-читателю. Вот небольшой фрагмент из интервью, которое журналист М. Модель взял у поэта И. Губермана: "**М.** Но неужели вам нисколько не обидно, что все читают гарики, а всерьез о них никто не говорит? **Г.** А, наплевать! Просто насрать даже, не для газеты будет сказано... **М.** Почему же не для газеты? **Г.** Нет, если не боитесь, пожалуйста. Я-то считаю, что вся неформальная лексика – естественная часть литературного текста" (Сегодня. 1993. 20 авг.).

Обращает на себя внимание тот факт, что поэт Губерман, утверждающий, что "мат – это глоток чистого воздуха", и рассматривающий использование "неформальной лексики" в качестве одного из ведущих эстетических принципов своего творчества, сомневается в допустимости нецензурной лексики на страницах газеты, тогда как журналист уверен в обратном, демонстрируя тем самым очевидное непонимание различий между художественным и газетным текстом. В газетном дискурсе сквернословие практически всегда – нарушение нормы и вызов адресату, во всяком случае той части читателей, для которых выход за пределы культурной рамки общения неприемлем.

Совокупность изменений, произошедших в последние годы в сфере субъекта газетного дискурса, можно определить как глобальную авторизацию: субъект перестал быть лишь посредником между идеологическим демиургом и массами и получил возможность самовыражения в качестве суверенной (в социальном, ментальном и языковом отношении) личности. Это, несомненно, цивилизационный процесс, хотя сегодня именно российскую прессу часто обвиняют в излишней "ангажированности жизнью", манипулировании общественным мнением, пристрастии к оценкам. Вместе с тем в значительной мере следствиями именно авторизации газетного дискурса стали крайний субъективизм и оскорбительная форма многих оценок, появляющихся в печати, пренебре-

жительное отношение к традиционным установлениям и конвенциям, что проявляется, например, в вульгаризации речи и нарушении нравственно-этических норм.

Ограниченный объем данной главы монографии позволил рассмотреть, да и то, разумеется, не полностью, лишь две проблемы комплексного лингвистического изучения газеты – проблему информационного поля и проблему сферы субъекта, которые вместе с тем именно для этого типа дискурса можно считать базовыми. Перспективы дальнейших исследований разнообразны, но их магистральное направление (следует подчеркнуть: имеются в виду исследования в области культуры речи), очевидно, можно представить как изучение норм всех типов (языковых, стилистических, коммуникативных), действующих в средствах массовой информации, а также как создание типологии языковых, когнитивных, прагматических аномалий, с одной стороны, и факторов успешности дискурса – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсивности. М., 1988.

2. *Артемов В.Л.* Основные направления исследования и современное состояние теории массовой коммуникации за рубежом // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.

3. *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.

4. *Баранов А.Н., Паршин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

5. *Болинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

6. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

7. *Винокур Г.О.* Культура языка. 2-е изд. М., 1929.

8. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

9. *Джоуэтт Г., О'Доннел В.* Пропаганда и внушение: Реферат. М., 1988.

10. *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

11. *Левин Ю.И.* О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4.

12. *Медведева С.Ю.* Специфика языка печати как средства массовой коммуникации // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

13. *Свинцов В.И.* Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

14. *Солганик Г.Я.* Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980.

15. Техника дезинформации и обмана. М., 1978.

16. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

17. Язык газеты. М.; Л., 1941.

18. Язык и стиль буржуазной пропаганды. М., 1988.

19. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980.

Глава 11

РЕКЛАМА: ПАРАМЕТРЫ ОПТИМАЛЬНОГО ТЕКСТА

Рекламу можно определить как информацию людей и воздействие на них всевозможными способами для создания широкой известности чему-либо или кому-либо, оповещение о потребительских свойствах товаров и преимуществах различных видов услуг с целью их реализации и формирования на них активного спроса, о примечательных событиях экономической, культурной, политической жизни с целью вызвать деятельное участие в них людей. Таким образом, объектом рекламы могут быть не только товары, услуги, зрелища, но и политические акции, т.е. митинги, шествия, политические выборы и т.д. К сожалению, последний тип рекламы у нас не разработан.

Несомненно, реклама должна быть правдивой, честной, добросовестной, безупречной в смысле истинности информации. Только в этом случае рекламодатель (фирма, ассоциация и т.п.) будет достоин уважения, будет иметь незапятнанную репутацию и доброе имя. Всякие недомолвки, недоговоренности, эквилибристика словами настораживают получателя рекламы (читателя, слушателя) и снижают доверие к рекламодателю.

Составление рекламы – большое искусство. И написать хороший рекламный текст чрезвычайно трудно. Важное требование, предъявляемое к нему, – максимум информации при минимуме слов. Он должен быть конкретным, убедительным, доходчивым, лаконичным, оригинальным. Вот пример старой рекламы:

Папиросы
"Дюшесъ"
20 шт. 5 коп.
Фабрики А.Н. Шапошникова въ СПБ.
Совершенно **равнокачественны** папиросамъ
20 шт. 6 коп. другихъ фабрикъ.

Основной мотив этой рекламы – выгода.

Рекламный текст носит нормативный характер, т.е. конструируется в соответствии с многоуровневыми нормами: коммуникативно-речевой, стилистической и композиционной. Коммуникативно-речевая норма – это наиболее распространенные, принятые в практике образцового использования и регламентированные правилами произносительные, лексические, морфологические, синтаксические варианты, т.е. правильность речи, а также ее чистота, точность, логичность и доступность. Стилистическая норма – совокупность устойчивых реализаций языковой системы различных функциональных стилей, функционально-смысловых типов и изобразительно-выразительных средств, обусловливающих стилистическую целесообразность рекламного текста и его богатство. Реклама используется для оптимальной передачи информации и эффективного воздействия на читателя (слушателя). Композиционная норма – система смысловых структур и отдельных элементов, ис-

пользованных в целях развертывания воздействующего изложения, которое характеризуется смысловой целостностью, структурной и семантической связностью компонентов рекламного текста. Попутно отметим, что композиция – это закономерная, мотивированная содержанием и замыслом организация материала, целесообразное соотношение, взаимная согласованность и расположение в определенной системе структурно-смысловых частей (о композиции рекламного текста см. ниже).

Как видим, при составлении рекламного текста необходимо учитывать многие моменты, в том числе неисчерпаемые возможности нашего языка и оптимальную композиционную структуру, использование которых зависит от рекламируемого объекта и психологии воздействия на получателя рекламы. Рекламный текст должен быть конкретным, доходчивым, доказательным, убедительным, логично построенным, лаконичным, интересным, информативным, целенаправленным.

Каковы же формы, виды и жанры рекламы? Классификации рекламы весьма разнообразны и базируются на разных основаниях. Поскольку мы анализируем ее стилистический аспект, то целесообразно дать классификацию с учетом использования в ней языка. Можно выделить рекламу визуальную (зрительную), аудиальную (слуховую) и аудио-визуальную (зрительно-слуховую). Первую группу – наиболее распространенную – образует печатная, световая, оформительская, фотореклама. Ко второй группе относится радиореклама, различные устные сообщения. Третью группу составляет телереклама, кинореклама, демонстрация образцов изделий и т.д. в сопровождении устного текста. Во всех этих формах слово – действенное средство информации.

Печатная реклама включает в себя такие виды, как плакаты, афиши, каталоги, проспекты, альбомы, буклеты, вкладыши, памятки, листовки, товарные ярлыки, этикетки, ценники и т.д. Большое место здесь занимает газетно-журнальная реклама, в которой выделяются рекламные жанры: объявление, заметка, статья, корреспонденция, рецензия, интервью и др.

Первое и самое важное условие – рекламный текст должен быть стилистически грамотным, т.е. соответствовать нормам литературного языка. К сожалению, это требование часто нарушается, и читатели получают недоброкачественный текст. Нарушения нормы наблюдаются на всех речевых уровнях. На лексическом уровне – это чаще всего неправильное использование семантики слова и его стилистической окраски, многословие, нарушение круга его сочетаемости, не всегда учитывается степень распространенности слова и сфера его распространения. Приведем несколько примеров.

1. В одной строительной рекламе использовалось словосочетание *строить учреждение*. Но учреждение – это, во-первых, создание либо нового общества, либо новых порядков, т.е. обозначает процесс от глагола *учреждать;* во-вторых, организация, ведающая какой-либо отраслью работы, скажем научное учреждение, детское учреждение. Таким образом, ни строить, ни возводить учреждение нельзя.

2. "...Обучаем дошкольников иностранным языкам, рисованию, музыкально-эстетическому развитию, йоге, готовим к школе..." Конечно, "обучать развитию" нельзя.

3. "Организация оказывает транспортные услуги. Цены на 30% дешевле рыночных". Здесь нарушена сочетаемость слов: нужно – "ниже рыночных", хотя "рыночные цены" – термин в настоящее время тоже весьма неопределенный.

4. "Цветная полиграфия. Рекламный плакат, календарь, буклет, листовка на современном оборудовании и лучших сортах отечественной и импортной бумаги. Сроки исполнения по желанию заказчика". В этом примере наблюдаем явление так называемой лексической недостаточности: необходимо включить в текст причастную форму от глагола *изготовить* (или *исполнить*, или *отпечатать*): "изготовленные на современном оборудовании..."

5. «Я выбираю свободу? Только в учебном центре "Эрудит" свободный выбор программы занятий и преподавателя по Вашему заказу...» Последнее словосочетание дублирует "свободный выбор" (лексическая избыточность), а кроме того, преподавателя нельзя заказать.

6. "Конверты, фирменный стиль. Изготовим быстро и качественно. Цены самые низкие..." Фирменный стиль изготовить нельзя, его можно разработать. Таким образом: "Изготовим конверты, разработаем фирменный стиль. Быстро и качественно. Цены самые низкие..."

7. "Инженеры, сертифицированные фирмой Novell, установят и возьмут на длительное обслуживание ваши сети..."; «Эксклюзивный импортер – внешнеторговая фирма Амикус – поставляет со склада в Москву сигареты класса "А"». В этих рекламных текстах нецелесообразно использовать заимствованные слова, поскольку они не всем понятны. А в первом примере необходимо уточнить, какие сети (лексическая недостаточность).

8. "Если у вас имеются шкурки натурального меха, и вы хотите из них пошить себе пальто, обращайтесь в ателье..." Слово *пошить* в значении 'сшить' профессионально-сниженное и в рекламе, конечно, неуместное.

Не всегда учитывается и степень распространенности слова в речи. Нередко в массовой рекламе встречаются узкоспециальные термины, не всегда понятные широкому кругу читателей. Так, бюро знакомств "предлагает искать спутника жизни по одной из самых информативных анкет, осуществить возможность поиска в желаемом диапазоне социально-личностных требований; воспользоваться гарантиями полной анонимности и секретности..." Несомненно, что среднюю часть сообщения большинство читателей-неспециалистов (а именно им и предназначена реклама) вряд ли поймут, а если и поймут, то весьма приблизительно. Действительно, что значит "возможность поиска в желаемом диапазоне социально-личностных требований"?

На морфологическом уровне ошибки связаны с выбором формы род. падежа мн. числа и, как ни странно, формы множественного – ед. числа. Например: "Фирма реализует мебель со склада (вм.: со складов) в Москве и Санкт-Петербурге"; "Производители визиток, открыток,

каталогов... Вы получите истинное удовольствие от работы! Лучшие в мире мелованные финские бумаги (вм.: мелованнная финская бумага) мелкооптовыми партиями..." Во мн. числе возникаст омонимия форм.

Ошибки на синтаксическом уровне чаще всего связаны с порядком слов, управлением, неоправданным усложнением синтаксических конструкций. Приведем лишь несколько примеров. "Совместное предприятие снимет две двухкомнатные, две трехкомнатные и одну 5-комнатную квартиры на длительный срок в центре или вблизи станции метро с телефоном для проживания сотрудников предприятия. Телефоны..." В приведенном фрагменте рекламы нарушен правильный порядок слов. Получается "с телефоном для проживания". Правильно было бы написать так: "...и одну 5-комнатную квартиру (все с телефонами)..."

"Кооператив "РЭСТ" изготавливает по индивидуальным чертежам мебель в прихожую, кухню, стенки, угловые диваны в кухню для офисов и населения Москвы". Получается – "угловые диваны в кухню для офисов". Один из вариантов: "...изготавливает мебель по индивидуальным чертежам для офисов и населения Москвы".

Каким образом реклама связана с функциональными стилями? В рекламе используются элементы различных функциональных стилей, что объясняется содержанием и целями высказывания, отсюда и различные принципы отбора, сочетания и организации средств языка. Используя в разной степени элементы разговорного, официально-делового, научного, публицистического стилей, которые обслуживают соответственно бытовую, деловую, научную, информационно-пропагандистскую, художественно-эстетическую сферы деятельности человека, составители должны сконструировать оптимальный текст. Приведем в качестве примера фрагмент рекламы авиационного внесения жидких комплексных удобрений на посевы зерновых культур:

Перспективы широкого использования жидких комплексных удобрений (ЖКУ) объясняются низкой их стоимостью и возможностью резкого сокращения ручного труда при доставке их от места производства до поля; они равномерно распределяются по поверхности почвы и растений, их можно вносить при сырой погоде; при необходимости можно изменять состав питательных веществ в нужном соотношении. Кроме того, они могут служить не только источником доступных форм азота и фосфата, но и средством повышения устойчивости многих сельскохозяйственных культур к болезням. ЖКУ можно применять вместе с микроудобрениями, регуляторами роста и некоторыми пестицидами, что ведет к дополнительному сокращению эксплуатационных расходов.

В этом фрагменте рекламы, как легко заметить, проявляются многие характерные признаки научного стиля речи.

Еще пример:

Способ определения
влаги в парокапельном потоке.

Разработанный способ позволяет определять с большой точностью наличие влаги в парокапельном потоке в котлах и парогенераторах АЭС и ТЭС. Регистрация наличия влаги производится цифровым электроизмерительным прибором.

Данная технология исключает налипание капель на чувствительный элемент прибора, реализующего способ, что особенно важно при малых скоростях потока.

Измерение количества влаги в пароводяном потоке может производиться в диапазонах параметров:

– давление 0,1–7 мПа;
– скорость потока 1–7 м/сек;
– диаметр капель 10 мкм – 3 мм;
– влагосодержание потока 1–10%.

Прибор, реализующий способ, прост в эксплуатации, имеет малые габариты и вес.

В этом примере также находим характерные особенности научного и официально-делового (патентное описание) стилей речи. Опора на элементы официально-делового и научного стилей характерна для отраслевой рекламы.

Приведем в качестве примеров несколько описаний из каталога изделий:

Миска.

Миска изготавливается методом литья под давлением из термопластичного материала – полиэтилена белого.

Наружный диаметр 176 мм, высота 58 мм, толщина стенок 2 мм.

Арт. Молд. 167.

Цена...

Мыльница дорожная.

Мыльница изготавливается методом литья под давлением из термопластичных материалов – полистирола и полиэтилена.

Выпускается одноцветная и окрашенная в различные цвета.

Арт. Молд. 636.

Цена ...

Хлебница "Свежесть".

Хлебница изготавливается методом литья под давлением из термопластичного материала – полистирола.

Выпускается как одноцветная, так и окрашенная в различные цвета.

Арт. 224.

Цена ...

Корзина для белья.

Корзина для белья состоит из деревянного каркаса, оплетенного лентой из поливинилхлоридного пластика.

Корзина имеет вид параллелепипеда и следующие размеры: $670 \times 400 \times 270$ мм.

По согласованию с торгующими организациями выпускаются корзины других размеров и форм.

Корзину для белья нужно защищать от воздействия прямых солнечных лучей. Она должна находиться на расстоянии не менее метра от нагревательных приборов.

Арт. М. 134.

Цена ...

Черты публицистического стиля можно отметить в следующей рекламной заметке (Комс. правда. 1990. 19 апр.):

Хотите все знать?

Заочный курс "Азбука успеха" – это ключ к вашим способностям, полезные навыки, которые пригодятся и в учебе, и в работе, и в жизни.

Чтение чтению рознь, считают специалисты кооператива "СТОКС" – авторы заочного курса – и предлагают начать ваш путь к успеху с техники быстрого чтения. Что это сулит? Умение читать в 5–10 раз быстрее обычного, не теряя при этом полезной информации, запоминая и систематизируя материал, мгновенно обнаруживая рациональное зерно в огромном потоке печатной продукции.

Следующая "буква" "Азбуки успеха" – искусство общения. Вы с трудом находите общий язык с коллегами по работе? Те же проблемы и в семье? Не беда: советы специалистов помогут избавиться от комплексов, вы узнаете, как можно расположить к себе собеседника, научитесь правильно говорить и слушать, что весьма важно для взаимопонимания. Пригодятся и рекомендации по ведению деловых бесед, споров, публичных дискуссий. Еще один интересный раздел курса – "Психическая саморегуляция". Овладев методикой аутогенной тренировки, вы сможете управлять своими состояниями, избегать разрушительного воздействия нервных перегрузок и даже использовать энергию неизбежных стрессов в созидательных целях.

А еще в заочный курс входят: риторика, быстрое конспектирование, теория и методика проведения оргдеятельностных игр, советы по улучшению памяти, упражнения и рекомендации, развивающие внимание, а также приемы, позволяющие управлять своей работоспособностью.

Курс включает эффективные методы подготовки и сдачи экзаменов, и, как показывает опыт, студенты и школьники остаются весьма довольны своими знаниями и оценками в зачетках.

Тесты, задания, контрольные работы, которые проверяют опытные преподаватели, не позволяют "заочникам" расслабляться и способствуют хорошему усвоению материалов курса.

Остается добавить, что стоимость заочного курса "Азбука успеха" ... А заявки от вас ждут по адресу: ... В письмо не забудьте вложить конверт с вашим обратным адресом.

Кооператив "СТОКС" располагает программой, позволяющей овладеть техникой быстрого чтения с помощью персональных компьютеров. И еще: жители Москвы и Московской области могут пройти очный курс "Азбуки успеха". Справки для "очников" по телефонам ...

Явные разговорные интонации мы слышим в следующей рекламе:

Много времени уходит на стирку белья. А почему бы вам не воспользоваться услугами по стирке белья с доставкой на дом, которые предлагает трест "Московские прачечные"? Для этого пригласите помощника на дом в любой день, кроме воскресенья. Белье примут и доставят в назначенный срок.

Или:

А счастье так возможно!

Среди счастливых, уверенных в себе супружеских пар вы чувствуете себя особенно одиноким?

Вам пока не удалось встретить того единственного человека, кто бы мог стать верным спутником жизни?

Вы уже потеряли надежду?

Право же, отчаиваться не стоит. Московская городская консультация по вопросам семьи и брака Главного управления по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома готова помочь вам и предлагает новую услугу.

В специальной рубрике "Знакомства" газеты "Рекламное приложение" вы можете опубликовать объявление.

Можно ли отметить какие-либо закономерности в композиции рекламы? Составление рекламного текста – процесс индивидуальный, творческий. Составителю необходимо иметь в виду многие моменты, в том числе психологию восприятия этого текста получателем рекламы. Основным условием повышения уровня психологического воздействия является умение правильно выделить адресат рекламы. Адресатом рекламы могут быть торговые и производственные кооперативы, государственные и общественные организации, научно-исследовательские учреждения, широкие массы потребителей. Специфику целевого назначения и читательского адресата во многом определяют особенности информации, которая включает в себя количественные, смысловые и ценностные аспекты. Реклама достигает цели лишь в том случае, если при ее составлении учитываются особенности человеческой психики. Прежде всего реклама должна привлечь к себе внимание читателя (слушателя). Как известно, внимание – произвольная или непроизвольная направленность и сосредоточенность психической деятельности. Произвольное внимание требует определенного напряжения, связанного с тем, что мы сознательно хотим увидеть что-либо. Предположим, мы хотим обратиться в платную поликлинику, поэтому сознательно ищем на газетной полосе рекламу, сообщающую о медицинских услугах.

Но реклама должна быть наступательной, вызывать непроизвольное внимание, которое определяется как сосредоточение сознания на объекте (в нашем случае – на тексте рекламы) в силу особенности этого объекта как раздражителя. В качестве раздражителя чаще всего выступает слово, хотя могут быть и другие средства, например рисунок или фотография. Причем необходимо иметь в виду, что наибольшее внимание на газетной полосе обращает на себя именно словесный раздражитель, что связано с использованием сильных стилистических и композиционных приемов. Они могут способствовать концентрации, или интенсивности, внимания, которая выражается в том, что внимание поглощено одним объектом, и устойчивости внимания, которая проявляется в длительности сосредоточения его на объекте.

Штампованность, стандартность, монотонность текста рекламы могут понижать устойчивость и концентрацию внимания. Наше сознание скользит по стандартному тексту, хотя речевой стандарт, используемый в качестве легко воспроизводимого в определенных условиях и контекстах готового оборота или словосочетания, может образовывать и конструктивную единицу, сохраняющую свою семантику. Положительная сторона стандарта заключается в том, что он чаще всего соответствует психологическим стереотипам как отражению в сознании часто повторяющихся явлений действительности и поэтому легко

воспроизводится, в результате чего облегчается процесс коммуникации и происходит экономия усилий и времени для пишущего и читающего рекламу. Например, в качестве стандарта используются такие словосочетания, как *Наш телефон...; Пользуйтесь услугами...; Телефон для справок...; Адрес ателье...; Справки по телефону...; Магазин открыт ежедневно...* Но такие стандарты в рекламе ограничены. Речь, таким образом, идет об отдельных стандартных сочетаниях.

Стандартный текст менее действен, чем текст экспрессивный. Сравним две рекламы скороморозильного конвейерного аппарата ГКАЧ:

1. Быстро, качественно заморозить продукты – залог сохранения их вкусовых качеств и возможности их длительного хранения.

Уникальный скороморозильный конвейерный аппарат создан технической мыслью ученых. (Далее дается техническая характеристика аппарата.)

2. Можно ли в XX веке так хорошо заморозить продукты, как 100 000 000 лет назад?

Да!

Если вы воспользуетесь уникальным скороморозильным конвейерным аппаратом ГКАЧ! (Далее следует техническая характеристика аппарата.)

Второй текст более эмоционален, он интригует читателя.

Читатель должен запомнить содержание рекламного текста. И здесь вступает в действие память – форма психологического отражения действительности, заключающаяся в закреплении, сохранении и последующем воспроизведении человеком своего опыта. Основные процессы памяти – запоминание, сохранение, забывание и восстановление информации. Значит, должны быть в рекламном тексте словесные и логические (фактологические) стимулы, которые позволили бы прочно запомнить текст рекламы, чтобы в нужный момент вспомнить его и воспользоваться его предложением. Например: "По новой оригинальной методике. Эффективно и безболезненно (1 сеанс). Быстрый отказ от курения. Адрес ... Телефон ..." Здесь действуют и словесные, и логические стимулы.

В конечном счете вся реклама связана с интересом. Интерес – это избирательное отношение личности к объекту в силу его жизненного значения и эмоциональной привлекательности. Таким образом, возникает мотив выгоды, расчета, пользы для потребителя, что должно быть доказано логическими аргументами и усилено эмоциональным описанием объекта. Именно эмоциональная привлекательность рекламируемого товара и услуги может привлечь потребителя вначале, а затем уже им осознаются их потребительские мотивы, практическая ценность.

Какие же побуждения, мотивы толкают человека воспользоваться призывами рекламы? Назовем лишь некоторые. Основной мотив – выгода. Выгода в широком понимании этого слова. Например, рекламируется изучение иностранного языка. Что это дает? Уверенность в себе, новую работу, карьеру, поездку за рубеж и т.д. Могут быть иные мотивы. Например, любовь – я хочу купить своей жене (если, конечно,

имеются деньги!) модную и дорогую шубу. Могут быть мотивами ревность, зависть, страх.

Выделяются четыре этапа воздействия рекламы: привлечь внимание потребителя, убедить его в необходимости воспользоваться призывом рекламы, заставить его запомнить основную мысль рекламы и прибегнуть к ее рекомендациям. Это воздействие во многом связано с композицией рекламного текста. Можно установить некоторые общие закономерности его построения: рекламный лозунг (заголовок), зачин (вступление), основная часть, заключение. Каждый смысловой блок имеет свои функции.

Рекламный лозунг – это ударная строка в композиции, которая способна мгновенно восприниматься и запоминаться, она выделяет данный рекламный текст из моря других. Он – рекламный лозунг – должен привлечь внимание к рекламе; быть лаконичным и обращенным непосредственно или косвенно к читателю; содержать мысль, связанную с темой рекламы, и сообщать таким образом минимальную информацию; содержать ударное слово (или слова), склоняющее к энергичным действиям; побуждать к чтению текста; размещаться над основным текстом и выделяться (шрифтом, цветом). Вот некоторые примеры рекламных лозунгов: "Вы хотите научиться вести банковское дело так, как это умеют в Швейцарии? У Вас появилась такая возможность!" (Далее – реклама консультативно-методического семинара по проблемам организации и функционирования коммерческих банков); "Компьютеры должны быть исправны всегда!" (Далее – реклама сервисной службы.) Рекламный лозунг выражает основную идею: "Наши машины убеждают в работе!"; "Наверное, Вы не против сэкономить 10–15% топлива?"; "Открыть свое дело!"; "Все для Вашего офиса!"

Широко распространены лозунги, одну из частей которых составляет условное придаточное предложение. Они учитывают личную выгоду потребителя: "Ваш автомобиль прослужит дольше, если..."; "Ваш сон никто не нарушит, если..."; "Вы увеличите выпуск деталей вдвое, если..."; "И первый блин не выйдет комом, если снимать его со сковородки блинной лопаткой из нержавеющей стали".

Многие лозунги стремятся вызвать доверие к рекламируемым фирмам. Вот эта серия: "Тошиба – фирма, на которую Вы можете надеяться"; "Мы заботимся о Вашем зрении" (фирма "Оптикон"); «Ваша забота – выбрать маршрут. Все остальное – забота "Макбет"» (реклама туров за границу); "Мы научим Вас быть здоровыми!" (предоставление медицинских услуг); «Если Вы проснулись утром и у Вас ничего не болит, значит, вчера Вы были у "Доктора на Цветном"».

Ассоциация мебельных предприятий "Интерьер" в качестве лозунга использует следующую фразу: "Мы можем и хотим Вам помочь оборудовать офис по Вашему вкусу". Затем следует перечисление всего, что эта организация предлагает оборудовать. При наличии пояснения такая форма обращения вполне приемлема.

Риторическое обращение помогает установить контакт с потенциальным потребителем. Это один из наиболее часто используемых приемов в российской рекламе. Трудно удержаться от того, чтобы

прямо не воззвать к своему клиенту. Косметический салон "Натали" обращается сразу ко всем: "Для Вас!" – и это оправданно, потому что такие услуги требуются как женщинам, так и мужчинам, а уж к одной из этих категорий себя может отнести любой человек. Есть и продолжение – "С нашей помощью и Вашим желанием Вы будете неотразимы!" Вторая фраза несравненно более конкретна и, как следствие, более убедительна. Формируется положительный образ фирмы.

Обращение на "вы" производит благоприятное впечатление в рекламном лозунге коммерческого магазина "Марс": "Посетив наш магазин, Вы не останетесь без покупки!" Ломается стереотип, ведь обычно мало кто может себе позволить приобретать что-либо в дорогих магазинах. Здесь же мелькает надежда, что, даже не располагая крупной суммой денег, вы купите приглянувшуюся вам вещь. Экспрессии добавляет также форма восклицательного предложения.

Восклицательное предложение в качестве лозунга используется в рекламной листовке Сберегательного банка: "Банкир – профессия завтрашнего дня!" Есть и дополнение: "Финансовое училище – это отличный старт для будущего банкира и делового человека!" Впечатление об этой организации соответствует ее лозунгам.

Вопросительная конструкция, создающая непринужденность изложения, составляет лозунг кооператива: "Стесняетесь своего тела?" Это призвано воздействовать на любого, кто заботится о своей внешности. Был также и другой лозунг: "Хотите похудеть?" Но это только для толстяков.

Сразу и вопрос и ответ уместились в одном рекламном лозунге фирмы "Интерконт": "Вы хотите продать квартиру? Мы предлагаем самые высокие цены". Четко и верно называется предоставляемая услуга, и стимулируется обращение именно к этой фирме.

Сравнение "Лучше, чем в Риме" выбрано в качестве рекламного лозунга кооперативом "Мозаика" и ориентировано на производимую продукцию: мозаичные панно, полы, элементы декора. В тексте упоминаются высокое качество и красота помпейских мозаик. Выстраивается удачный ассоциативный ряд: древность, Рим, Помпея, антиквариат и современные, но создаваемые по-старому цветные картины.

Неэтичная реклама, к сожалению, тоже появляется в средствах массовой информации. Текст рекламного послания одного из коммерческих банков: "Не обращайтесь к нам, если Ваш финансовый оборот составляет менее 50 миллионов в год". Может быть, практический рекламный эффект и появится, но текст играет отнюдь не на самых высоких чувствах человеческой души. Всех же прочих эта реклама обижает, грубо подчеркивая их финансовую неполноценность. То же можно представить в более вежливом варианте: "Если Ваш оборот достиг 50 миллионов – обращайтесь к нам".

Впечатление, производимое безусловно удачным названием "Инкомбанк" (Инновационный коммерческий банк), несколько портится двусмысленными рекламными лозунгами. Их два: "Каждую секунду мы превращаем в доход наших клиентов" и "Есть истинные ценности". Первая фраза явно гиперболизована; кстати, ее можно понять и по-

другому: "Каждую секунду мы превращаем в доход наших клиентов" (в доход банка?). А под истинными ценностями подразумеваются, судя по всему, деньги, что само по себе ошибочно. Возможность двоякого восприятия не способствует возникновению желаемых ассоциаций.

Логически несостоятелен лозунг из рекламы медицинского концерна с названием "Храм бессмертия". Это метафорическое название может только раздражать – ведь, как известно, достичь физического бессмертия до сих пор никому не удавалось. А при уровне развития нашей медицины тем более. И лозунг соответствует: "Если Вы несчастливы – обращайтесь к нам!" Несчастны не только те, кто болен, но те, кто болен, наверняка несчастны. Слабое утешение.

Рекламный лозунг должен отражать особенности рекламного образа и предложений фирмы, возможно, вызывать ассоциации с ее названием. Он должен учитывать психологические особенности целевых групп рекламного воздействия.

Мы подробно остановились на этом явлении, поскольку рекламный лозунг в композиции рекламы занимает важное место.

Рекламный зачин тесно связан с лозунгом: он помогает понять выгоду, пользу предложения, обещает что-либо, сообщает нечто важное читателю, заставляет прочитать следующую часть текста. Например: "У Вас отличная фигура! Такой комплимент станет для Вас привычным после 10 сеансов в нашем центре". Первая фраза – рекламный лозунг, вторая – рекламный зачин, далее следует основная часть, в которой дается подробная информация.

В содержании – основной части текста – говорится о достоинствах рекламного объекта, приводятся аргументы в его пользу, которые убеждают потребителя последовать призыву рекламы.

Заключение призвано закрепить основную мысль, рассеять сомнения, которые могут возникнуть у потребителя, окончательно убедить его в справедливости всего изложенного. В нем даются также этикетные формулы вежливости типа "Мы рады Вам"; "Мы благодарим Вас за внимание"; "Мы всегда с Вами", несомненно приятные потенциальному потребителю, а также адрес и телефоны.

Такова развернутая классическая композиция рекламного текста. Может быть и свернутая композиционная структура, когда отсутствует какая-либо композиционная часть или две части могут совмещаться. Приведем примеры: «(1) Иностранные языки за 20 дней! (2) Краткосрочные курсы иностранных языков к Вашим услугам. (3) "Репетитор" объявляет набор на интенсивные курсы английского, немецкого, французского языков. Обучаем разговорной речи по эмоционально-смысловому методу, даем знания по грамматике. При успешном обучении слушатели овладевают лексическим запасом 1500 единиц. (4) Метод обучения очень эффективен! Ждем Вас! Тел. ...». Или: «(1) Хотите бросить курить? (2) Двадцать минут, и Вы навсегда избавитесь от смертельной привычки. (3) Метод электропунктуры в комплексе с психотерапией, применяемый медицинским центром "Тонус", дает потрясающие результаты. Ваш шанс – 8 из 9. Процедура совершенно безболезненна. Никаких побочных эффектов. Во время

лечения учитываются имеющиеся у вас болезни. (4) Принимаются заявки от частных лиц и предприятий. При семейном посещении – скидка 10%. Итак, гасите сигарету и звоните по телефонам ...». В этих текстах прослеживается четкая композиция: 1) рекламный лозунг, 2) зачин, 3) основное содержание, 4) заключение.

Не менее эффективны могут быть тексты со свернутой композиционной структурой: "10–15 кг за один месяц! Хотите похудеть? Телефон ..." В этом примере композиция состоит из трех частей: вначале идет интригующий зачин, затем рекламный лозунг, которые выражают все содержание рекламы, и заключение, в котором назван телефон; все остальные интересующие получателя рекламы подробности можно узнать по телефону. Однако свернутой композицией необходимо пользоваться весьма осторожно, поскольку отсутствие какой-либо композиционной части может в некоторых случаях привести или к информативной недостаточности сообщения, или к его эмоциональной ущербности.

Большую роль в процессах воздействия играют ассоциации. В тексте рекламы можно выделить тематические слова и ключевые слова, создающие рекламный образ. Благодаря им читателям дается необходимая информация. Тематические слова отражают основную тему рекламного текста, т.е. его главную мысль, то, что положено в его основу, основное содержание изложения, объект рекламного описания. Например, в рекламе джинсов тематические слова "(центр моды) предлагает джинсы" (тема рекламы); в рекламе оргтехники – "оптовая и розничная распродажа оргтехники" и "покупать (впрок)!". В качестве тематических слов выступают имена существительные (название объекта рекламы) и глаголы (действие, к которому призывается получатель рекламы), которые определяют ее основное содержание.

Тематические слова сопровождаются ключевыми словами, которые характеризуют объект рекламы и действие адресата. Ключевые слова – это слова, наиболее часто встречающиеся в рекламе (в основном в мотивационной части рекламного текста) при актуализации потребностей получателя рекламы и при вербальной мотивации его действий. Например, в рекламе джинсов ключевые слова – *мода, удобная и практическая (одежда), любимая (одежда), американские (джинсы);* в рекламе оргтехники – *у нас так дешево... (покупать) впрок!*

В рекламе "Ничего не видно, зато как слышно! Большое ухо. Микроволновое подслушивающее устройство..." первые два предложения – ключевые слова, последнее предложение – тематические слова.

Еще пример:

Морские перевозки грузов
– в любой порт мира,
– в оптимальные сроки,
– с минимальными затратами
обеспечит Вам Санкт-Петербургская фрахтовая биржа
Наш девиз:
Любые грузы, любое судно, в любое место, в любое время...

Тематические слова: *Морские перевозки грузов... обеспечит Вам...* Остальное – ключевые слова.

Нередко тематические и ключевые слова выносятся в рекламный заголовок, поскольку уже в нем задается основная тема и начинает формироваться рекламный образ. Благодаря этим словам создается рекламный образ – понятие весьма сложное, связанное с представлением о рекламируемом объекте, с проблемой рекламного воздействия и восприятия рекламного текста, что, в свою очередь, обусловлено практической деятельностью людей, их желаниями, возможностями и т.д. Рекламный образ – это определенное, конкретное, чувственно-наглядное представление о рекламируемом объекте, которое создается у потребителя при чтении текста.

При создании рекламного образа вступают в действие ассоциации. Слова рекламного текста вызывают представления, чувства, мысли, которые основаны на сложной системе ассоциаций, являющихся хорошими возбудителями и подталкивающих наше воображение. Конечно, ассоциации всегда должны быть конкретными. Так, в рекламе товаров определения *необычный, своеобразный, специфический, хороший, дешевый* не содержат рекламной информации, следовательно, не формируют рекламный образ. Лучше употребить определения, характеризующие конкретные особенности рекламируемого объекта: *вяжущий, медовый, горьковатый, кисло-сладкий, пряный, терпкий, кислый, острый, малинный* (о вкусе); *жасминный, ландышевый, хвойный, смолистый, гвоздичный, мятный, полынный, черемуховый* (о запахе), или любые слова, дающие четкие, определенные, точные представления об объекте. Например: «Мыло "Люкс" обладает тонким ароматом свежей розы и превосходными качествами! Пользуйтесь мылом "Люкс", и Ваша кожа станет нежной и шелковистой! Оптовые поставки. Телефон ...» Эпитеты создают зримый образ товара и подчеркивают его индивидуальные качества с целью привлечения внимания потребителей.

Ассоциации возникают и при использовании логических доводов, доказательств, убедительной аргументации: "Чтобы обувь служила дольше, сдавайте ее в ремонт своевременно! Заменить набойку – дело нескольких минут. Но если вовремя не зайти в мастерскую, починить туфли будет намного сложнее. Адреса ..." Это логический тип рекламы: здесь действует только убедительная аргументация.

Пожалуй, наиболее удачный текст рекламы возможен при совмещении логических и эмоционально-образных элементов, которые составляют его единую стилистическую систему, например:

Сторож, который не спит никогда!
От любых незваных гостей убережет
система охранной сигнализации "Трезор".
"Трезор" – это:
– охрана территории, помещения, окон и дверных проемов;
– 10 (!) пар не знающих усталости оптоэлектронных "глаз";
– безразличие к фоновым помехам;
– автоматическая радио- или телефонная передача тревожного сигнала.
Если вы хотите спать спокойно, позвоните по телефону ...

В этой рекламе используются олицетворение и фактические данные.

Для создания рекламного образа могут использоваться фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, образы из художественной литературы, мифологии, фольклора и т.д., которые также вызывают различные ассоциации, разнообразят текст и привлекают внимание читателей, например:

– Живая вода – в сказках.
– "Лидаза" – в аптеке!
– "Лидаза" – это ускоренное заживление осложненных ран.
Адрес для запросов ...

Таким образом, можно выделить типы рекламных текстов, основанные на ассоциативных принципах:

а) информационный – дается минимальная информация, основанная на прямых значениях слова. Такая реклама, как правило, лишена образности, художественности и, как следствие, малоэффективна, например:

Организация предлагает для продажи по безналичному расчету:
– компьютеры AT/386, AT/286,
– ксероксы А4, А3,
– телефонные аппараты,
– автоответчики,
– одежду, обувь зарубежного производства.
Справки по телефону ...

АО "Меркурий-Москва" продает цемент.
Обеспечит доставку партий от 10 тонн. Телефон ...

В этих рекламных текстах дается только информация, которая может эмоционально воздействовать на читателя. Она предназначена в основном для специалистов и оптовиков, поэтому в ней даются только технические данные;

б) логический — основан на логических доводах, логических доказательствах, убедительной аргументации. Один из самых доказательных аргументов — факт, который можно определить как действительное, реально существующее, невымышленное событие, явление, как то, что произошло на самом деле. А доказательство — логическое действие, в процессе которого истинность какой-либо мысли обосновывается с помощью других мыслей. Таким образом, те ассоциации, с помощью которых построены следующие рекламные тексты, связаны с логическими доказательствами:

Акционерное общество "Техносат" предлагает более 70 вариантов систем спутникового телевидения и радиовещания производства Беларусь— Голландия по цене от 22 тыс. рублей до 105 тыс. рублей.

Антенны автоматического позиционирования, одновременно принимающие несколько спутников, программируемые станции кабельного ТВ и студии удовлетворят любые Ваши запросы. Демонстрация по адресу...

Мини-бухгалтерия — так называют компьютерную программу, которая полностью автоматизирует бухгалтерский учет на Вашем предприятии. Исключительно просто, предельно быстро, максимально удобно!

— учет кассовых и финансовых операций, сырья, материалов, топлива, малоценных предметов и основных средств;

— расчет зарплаты с новыми налогами;

— учет себестоимости и расчеты с поставщиками;

— получение Главной книги и баланса;

— печать всех бухгалтерских, банковских и кассовых документов и т.д.

Быстрота расчетов, максимум возможностей и удобство пользования сделали программу необходимым инструментом любой бухгалтерии.

По поводу приобретения программы обращаться по адресу...

Эмоционально-экспрессивная окраска в этих текстах сведена к минимуму, в основном здесь действуют логические доказательства, которые приведены для того, чтобы показать потребителю ту максимальную выгоду, извлечь которую он может, обратившись к конкретному рекламодателю;

в) образный — основан на эмоционально-образных ассоциациях, на использовании различных эмоциональных, образных средств языка. В таких рекламных текстах, как правило, присутствуют риторические вопросы, восклицания, обращения и т.д., которые привлекают внимание потенциальных клиентов, возбуждают положительную ответную реакцию, говорящую о том, что данное рекламное обращение достигло своей цели, например:

Вы хотите...

— создать собственное дело?

— расширить сферу деятельности?

— достичь успеха в предпринимательской деятельности?

— наиболее выгодно вложить свои средства?

— найти деловых партнеров в России и за рубежом?

— получить квалифицированную юридическую и правовую консультацию?

— быть в курсе всех важнейших событий?

Хотите идти в ногу с веком? — Вам поможет "Век"! "Век" — все, что Вы ждете от прессы... и кое-что еще! Реклама в "Веке" — Ваша визитная карточка в деловых кругах! Мы с удовольствием опубликуем Ваши предложения о сотрудничестве, деловую информацию, частные объявления. Еженедельник "Век". Наш адрес...

В этих текстах присутствуют и логические элементы убеждения, но основной аспект — эмоциональный;

г) смешанный — логические и эмоционально-образные элементы составляют единую стилистическую систему рекламного текста. Это наиболее воспринимаемый потребителем текст, так как качества эмоционально рекламируемого товара или услуги логически подтверждаются, что приводит к проявлению большего доверия со стороны потребителя, например:

Одним дефицитом меньше!.. — облегченно вздохнули те, кто успел купить домашний сгуститель молока. Теперь они готовят дефицитное

лакомство у себя на кухне. А кто не успел? Тот не опоздал! В магазине "Дом" домашний сгуститель молока всегда в продаже. Адрес магазина...

Вы не найдете это в аптеках и магазинах! Возвратить и сохранить здоровье, молодость, красоту и отличную фигуру поможет Вам только продукт сбалансированного клеточного питания производства США, не имеющий аналогов в мире.

Раз и навсегда похудеть или поправиться без голодания и физических нагрузок — это не фантастика! Звоните нам. Консультации бесплатны. Наши дистрибьютеры и физиологи помогут Вам! Телефоны...

Здесь в равной степени убеждают и логические аргументы, и эмоционально-образные ассоциации. Рекламные тексты, построенные по этому типу, способны не только заинтересовать потенциального потребителя посредством ассоциаций, но и логически доказать ему необходимость выбора того или иного товара либо услуги. Таким образом, мы видим, что из всех перечисленных типов рекламных текстов только смешанный тип дает наиболее полную характеристику рекламируемого объекта и удовлетворяет требованиям как потребителей, так и рекламодателей. Немаловажно и то, что рекламные обращения, построенные на логических и эмоционально-образных элементах, можно использовать в газетах, журналах и наружной рекламе, на радио и телевидении, т.е. во всех основных видах средств распространения информации и рекламы. Поэтому смешанный тип рекламных текстов применяется широко и может считаться универсальным.

Реклама не терпит многословия и усложненно-аморфных синтаксических оборотов, так как по своей природе она динамична. Благодаря динамическому (экспрессивному) синтаксису, к которому относят, как известно, стилистические фигуры, можно, во-первых, усилить изложение, во-вторых, структурировать текст рекламы, в-третьих, создать ее динамику, что повышает ее "читабельность", а следовательно, и ее восприятие. Чаще всего в рекламе используются такие фигуры, как парцелляция, сегментация, вопросо-ответные структуры, повторы различного типа, антитеза, градация, риторическое обращение, риторический вопрос и нек. др. Приведем пример парцелляции в рекламе:

Сберегательный банк — Ваш экономический советник.

Вы помните себя в шестнадцать? Правда, прекрасная пора? Время надежд. Стремлений. Желаний. Время, когда кажется, что самое лучшее у тебя еще впереди, и ты готов одолеть любые вершины <...>

Мы рады помочь Вам, внимательные родители! Добрые! Заботливые! Сберегательный банк принимает целевые вклады на детей до 16 лет. Причем вкладчиком может быть любой! Независимо от родственных отношений!

Вопросо-ответные конструкции создают непринужденность изложения. Составитель старается предугадать вопросы потребителя, задает их и отвечает на них. Это стимулирующий прием, так как он вызывает активный, повышенный интерес со стороны потребителей:

Вы хотите вернуть опрятный вид своей любимой зачитанной книжке? Привести в порядок детские книжки Вашего ребенка? Переплести новинки современной журнальной прозы и публицистики?

Если "да" — то запишите адреса, где принимаются заказы на переплет книг и журналов...

Риторический вопрос:

За час до вылета салат с креветками в вине, свежие огурцы и помидоры, вырезка по-внуковски, корейка по-внуковски.

Вкусно. Не правда ли? Отправляясь в воздушное путешествие из аэропорта "Внуково", не забудьте попробовать эти деликатесы.

Мы привели лишь некоторые примеры использования конструкций динамического синтаксиса, который эффективен в рекламе, так как способствует достижению ее главной цели — быстро и результативно воздействовать на восприятие.

Для повышения эффективности текстов используется "игра шрифтов" — различные их размеры и формы (особым шрифтом выделяются основные положения), текст разбивается на абзацы и строчки, ставятся различные знаки препинания. Не только через содержание и язык, но и через внешнюю форму осуществляется "принцип максимального эффекта". Таким образом, восприятие и осмысление содержания рекламы стимулируется ее внешней формой. Читатель может лучше понять, что́ скрыто за словом, если это слово (или словосочетание) будет выделяться на фоне всего текста.

Каков же "пунктуационный портрет" рекламы? Стремление к концентрированности информации в рекламе вынуждает прибегать к различным способам повышения эффективности восприятия текста, в том числе и к необычному употреблению знаков препинания, например к постановке тире перед глаголом-сказуемым или отрицанием. Следует отметить также отсутствие в некоторых случаях нормативно употребляемых в данной позиции знаков препинания, что мотивируется и компенсируется шрифтовым выделением частей рекламного текста. Например, нередко отсутствует в рекламном зачине тире перед словом *это*, присоединяющим сказуемое к подлежащему, если последнее выделено шрифтом: "ОКЕАН-205" это новейшая модель переносного радиоприемника подобного типа". Ср., однако, в другом рекламном тексте: «"Брусничка", "Августина", "Анжелика", "Элегия", "Росинка" — это далеко не полный перечень тканей...». Части последнего текста не выделены шрифтом, и отсутствие тире можно было бы квалифицировать как ошибку.

Чаще всего необычное использование знаков препинания наблюдается в рекламном лозунге, зачине и ударной концовке (заключении), так как именно эти части рекламы содержат призывы, обращения к читателю и лучше всего запоминаются. Знаки препинания выполняют эмоциональную и сигнальную функции, т.е. используются для того, чтобы привлечь внимание читателей к тексту и вызвать у них эмоциональную реакцию. Знаки препинания в рекламных текстах должны быть функционально обусловлены, стилистически мотивированы, их постановка связана с эмоционально-экспрессивной окраской и смысловым выделением их частей.

Мы рассмотрели некоторые параметры оптимального рекламного текста. Они должны выступать в системе и создавать точный рекламный образ, учитывая социально-психологические особенности получателя рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кохтев Н.Н.* Стилистика рекламы. М.: Изд-во МГУ, 1991.
2. *Кохтев Н., Розенталь Д.* Слово в рекламе. М.: Экономика, 1978.
3. *Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н.* Наблюдения над пунктуацией в тексте рекламы // Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979.
4. *Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н.* Язык рекламных текстов. М.: Высш. шк., 1981.

Глава 12

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ЯЗЫКА

(Контаминированные тексты)

Взаимодействие функциональных разновидностей — одна из универсалий развития и синхронного состояния современных литературных языков. Для русского литературного языка послепушкинского периода без учета этого феномена литературно-языковой эволюции нельзя составить исторически достоверного, достаточно полного представления о развитии нашего языка за последние полтораста лет, а также о его современной стилистической структуре, в первую очередь — о внутреннем состоянии и взаимном соотношении функционально-стилевых образований различной коммуникативной направленности и разного масштаба.

Значимость взаимодействия функциональных разновидностей, находящего свое конкретное выражение в использовании в литературных текстах речевых средств разной стилевой принадлежности, разных (вплоть до полярных) стилистических потенциалов, серьезно возрастает в связи с теми коренными преобразованиями, которые происходят во всех сторонах жизни русского общества в 80—90-е годы.

Будучи проецированы в повседневную речевую коммуникацию носителей литературного языка, эти преобразования инициируют отступления от сложившихся норм, их изменения, модификации, обусловленные главным образом влиянием разговорной "стихии" на книжную речь (в первую очередь на устную публичную речь, язык радио, телевизионную речь, на публицистический стиль, отчасти — на язык художественной литературы), усилением воздействия некодифицированной сферы устной речи (народно-разговорной речи) на литературный язык, прежде всего на разговорную (литературную) речь и на только что упомянутые разновидности книжной речи. Далеко не безразличен для состояния литературных норм, особенно в области словоупотребления, наблюдающийся наплыв иноязычных заимствований. Все это в конеч-

ном итоге приводит к расшатыванию литературных норм. Ср. более осторожный вывод О.А. Лаптевой, основанный на наблюдениях над телевизионной речью 80-х годов, о складывании "определенных тенденций, расшатывающих действующую систему кодифицированных норм" [10, 499].

В связи с новыми, в том числе и деструктивными, явлениями и тенденциями в языковой жизни современного русского общества обостряются ортологические проблемы в сфере устной нормированной речи (разговорная речь, устная публичная речь, язык радио, телеречь), в языке газеты, в области словоупотребления, орфоэпии, отчасти — орфографии (главным образом вследствие актуализации сложных и составных наименований, а также иноязычных заимствований).

Очевидно, что литературный язык представляет собой некоторое открытое (неконечное) множество текстов определенных функционально-тематических, композиционно-речевых параметров, известного семиотического статуса, коммуникативной направленности. Функциональные варианты литературного языка складываются как некоторая совокупность текстов определенного идейно-смыслового наполнения, тематико-понятийной отнесенности, внутренней композиционно-речевой организации, как известное объединение типов текстов.

Будучи универсальной формой реализации языка, текст представляется тем феноменом существования литературного языка, в котором находят отражение нормы основных функционально-коммуникативных категорий, присущих литературному языку. В тексте фигурируют общелитературные нормы (уровень литературных норм). Затем — нормы стилевые, которые определяют функционирование речевых средств в рамках каждой из основных разновидностей литературного языка, и жанрово-текстовые нормы, т.е. нормы, регулирующие использование речевых средств (в том числе изобразительно-выразительных) — в соотношении с типовой композиционной структурой данного текста, — которые обусловлены экстралингвистическими факторами (тематикой, внелингвистической ситуацией и т.п., ср. "стилистические нормы" текста, по А.Б. Пеньковскому и Б.С. Шварцкопфу [16, 218]) и функционально-коммуникативными особенностями подстиля, речевого жанра или определенного типа текстов (в рамках подстиля, речевого жанра). В тексте воплощаются и внутристилевые нормы, которые регулируют логико-смысловое построение текста и его композиционную структуру: смысловые нормы [8] и текстовые нормы [16]. Разумеется, в "правильных" текстах все эти нормы соблюдены и целесообразно соотнесены между собой.

Очевиден тезис о том, что в литературном языке практически нет "чистых" функциональных разновидностей, сплошь состоящих из текстов однородной ("остилевой") композиционно-речевой структуры. В этом факте отражается сложность и многомерность культурно-исторического бытия народа — носителя данного языка. Вполне естественно поэтому, что многие исследователи говорят о гибридном ("пограничном", "межстилистическом", "смешанном" и под.) характере известных вариантов (подстилей, речевых жанров) основных функциональных

разновидностей литературного языка. Так, Й. Филипец утверждал: "...в журналистских статьях мы видим все функциональные стили" [21, 131] (ср. [23, 34]); Д.Н. Шмелев пишет о "смешанных речевых жанрах" [20, 72]; А. Едличка характеризует эссеистический стиль как "пограничный между стилем научным и художественным" [22, 97]; А.Н. Васильева выделяет среди жанров "собственно коммуникативных стилей" "межстилистические" [4, 65]; Б. Тошович говорит об "интерстилях", т.е. о "функциональных стилях", "имеющих элементы двух и более функциональных стилей" [24, 81] и т.п.

"Присутствие" иностилевых элементов в тексте определенной функционально-стилевой принадлежности (или их использование в таком тексте) бывает обусловлено тремя рядами факторов.

В о - п е р в ы х , иностилевые элементы фигурируют в тексте в силу сложившихся стилевых норм или — что обычнее — норм жанрово-текстовых. Для иллюстрации можно обратиться к ораторской речи как функциональной разновидности литературного языка (в ораторской речи стилевые нормы представляют собой "совокупность устойчивых реализаций языковой системы различных функциональных стилей, функционально-смысловых типов и изобразительно-выразительных средств, ведущих к стилистической целесообразности речи, ее богатству, с целью оптимальной передачи информации и эффективного воздействия на слушателей" [9, 22]). В рамках делового стиля сложилась жанрово-текстовая норма, предполагающая использование в речевой структуре одного и того же текста юридических формул и элементов публицистического стиля. Это относится, например, к жанру партийно-правительственных постановлений советской эпохи, которому была присуща исходная заданность совместить изложение юридических установлений и пропагандистское разъяснение социально-политической значимости данного документа (ср. [12, 187]), к подстилю дипломатических документов — именно к жанру межправительственных соглашений, деклараций, как, например, Устав ООН. В публицистическом стиле можно назвать жанр фельетона. См., например, "столкновение" речевых средств разных стилистических потенциалов в одном из фельетонов И. Рябова: «Послание речного командира своим подчиненным выдержано в духе отцовского наставления весьма любимым, но не быстрых разумом чадам. Из текста "Памятки" торчит перст указующий. Этот перст то стучит по лбу подчиненного (уразумей!), то касается его груди (восчувствуй!). Указующая длань начальника грузового пароходства достигает и семейного очага подчиненного...».

В о - в т о р ы х , наличие иностилевых элементов в гибридном тексте (как, впрочем, в любом тексте) может быть обусловлено привходящими моментами. Имеются в виду, с одной стороны, особенности индивидуально-авторской манеры изложения. Известны оценки индивидуального стиля историка В.О. Ключевского (см. [13, 3]), математика А.Н. Крылова (см. [14]) и других ученых, публицистов. С другой стороны, необходимо учитывать стремление автора подчеркнуть что-либо в тексте, "оживить" текст, обращаясь к разного рода

иностилевым речевым средствам, включая игру слов, каламбуры и т.п., или вербальную реакцию автора на ситуацию, в чем-то неординарную для данного типа текстов. Ср. утверждение Д.Н. Шмелева о речевых ситуациях, где "невозможно избежать смешение стилистически разнородных единиц" [20, 172]. Часто сигналом присутствия в тексте иностилевых элементов выступает "столкновение" в рамках микроконтекста речевых единиц разных стилистических потенциалов. Например: Старику захотелось важных мыслей, хотелось ему не просто думать, а размышлять (А. Чехов); — Ваш будущий помощник по лаборатории, — представил ее Потапенко. – О, не помощник, а сподвижник (Д. Гранин). См. в одном из выступлений акад. А.Н. Крылова: Разрешите мне в виде маленького дивертисмента рассказать вам еще одно воспоминание, именно как при испытании ракеты от всех приспособлений остались одни "дребезги" (цит. по [14, 83]).

Нередко в тексты привлекаются отдельные явления просторечия, диалектной, жаргонной речи (например: Постсоветское чернушное кино... перекрашивает все в дополнительные цвета: какой-нибудь гад, замочив кучу народа, извлекает из неволи... бледную поганку — М.*). Их с полным основанием можно рассматривать в одном ряду с иностилевыми элементами, поскольку речевые средства "внелитературной" сферы выполняют в тексте те же функции, что и иностилевые элементы.

Можно говорить и о третьем ряде факторов, обусловливающих иностилевые элементы в тексте. Эти факторы сводятся к немотивированности использования иностилевых элементов, в том числе и речевых средств разных стилистических потенциалов, разной стилевой принадлежности и разных сфер распространения в литературном языке, а также характеризующихся разной предметно-логической, тематической отнесенностью. Об этом написано немало работ в аспектах ортологии и учения о культуре речи, не меньше высказано и суждений писателями (см., например, книгу К.И. Чуковского "Живой как жизнь", статьи К.Г. Паустовского и мн. др.), вообще — общественностью (см., например, сборник "О родном нашем языке". М., 1961).

При обращении к иностилевым речевым средствам принципиально важно выдержать коммуникативную мотивированность (а в художественном произведении — и эстетическую мотивированность) их "присутствия" в данном тексте и требования литературных норм.

Весьма показательны в этом отношении свидетельства писателей. Вот как Чуковский рассказывает в упомянутой книге об одном переводе сказки О. Уайльда: «Помню, как смеялся А.М. Горький, когда бывший сенатор... принес в издательство "Всемирная литература" такой перевод романтической сказки (Уайльда): За неимением красной розы жизнь моя будет разбита. Горький указал ему, что канцелярский оборот "за неимением" не уместен в романтической сказке. Старик согласился и написал по-другому: Ввиду отсутствия красной розы жизнь

---

* См. Принятые сокращения в конце главы.

моя будет разбита. Этим стилем перевел он весь текст: Мне нужна красная роза, и я добуду таковую, а что касается моего сердца, то оно отдано принцу.

За неимением, ввиду отсутствия, что касается... в сказке Оскара Уайльда это кажется бездарной чушью» [18, 122—123].

Как очевидно, неприемлемость канцеляризмов в тексте романтической сказки обусловлена жанрово-текстовыми нормами жанра литературной сказки.

И. Грекова сетует на "стилистическую глухоту" корректора: "В одном из моих рассказов имя героини Марья было старанием корректора всюду заменено на Мария, в результате чего возникла такая, например, фраза: Эх, Мария, язык-то у тебя впереди разума рыщет! Автор, естественно, возражает против такой необоснованной замены: Да вы поймите, вся фраза уже не та!" [5]. Здесь, как очевидно, не была учтена узуальная норма речевой среды персонажа и принципиальная возможность ее воспроизведения в художественном произведении. Ср. немотивированность книжных слов в таких "нейтральных" по своей тональности фразах, как *Галя возглавила бригаду свинарок; Ребята возвели два шалаша; Рабочие столы в цехе были водружены на место,* или немотивированное использование глагола *пролонгировать*, уместного в жанре дипломатических документов, в документе "хозяйственного" назначения: *пролонгировать договор на протирочную тряпку...*

В связи со сказанным об основных факторах, определяющих использование иностилевых элементов, целесообразно дифференцировать характер их функционирования в текстах.

1. Само по себе использование иностилевых речевых средств в том или ином тексте еще не создает его гибридный, или контаминированный, характер.

Иностилевые элементы могут быть представлены в тексте нерегулярно, единично. Их "присутствие" может быть обусловлено задачами авторского изложения в рамках микроконтекста абзаца, фрагмента или в целом всего данного текста, частными целями изложения, например прибегнуть к полемике, обсуждая какой-нибудь вопрос, придать какому-либо абзацу выразительность или "оживить" текст "строгого" академического жанра иностилевыми вкраплениями. Так, для слога работ В.В. Виноградова, исполненных в академической манере (Д.С. Лихачев охарактеризовал его авторскую манеру как "усложненная научная проза" [11, 227–228]), между тем были характерны вкрапления из нейтрально-разговорного слоя разговорной речи (*само собой разумеется, к сожалению, вовсе не..., ведь, же, лишь*, союз *и* в функции усилительной частицы и под.), обращение к расширительному, переносному употреблению общелитературных и книжных слов, присущее публицистическому стилю и языку художественной литературы. Например: *Показания великих художников... помогают лучше увидеть то поэтическое, что таится в стилях художественной литературы их эпохи; Между тем, когда разгорается серьезная дискуссия по какому-нибудь научному вопросу...*

2. Использование иностилевых элементов в текстах определенного функционального назначения регулярно. Их присутствие обусловлено самим этим назначением и сложившимися для данной совокупности текстов стилевыми и жанрово-текстовыми нормами. Обычно использование иностилевых элементов "увязано", соотнесено с другими компонентами композиционно-речевой структуры определенной функциональной разновидности литературного языка, речевого жанра известного типа текстов как варианта подстиля. Именно благодаря отмеченным обстоятельствам присутствие иностилевых элементов в контаминированных текстах представляется мотивированным.

Нередко в тексте иностилевые элементы присутствуют в силу первого и второго факторов. Например, в заключительном слове Р.О. Якобсона по его докладу "Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)" на IV Международном съезде славистов (1958) представлены: а) речевые средства разговорного характера (это обусловлено, как очевидно, функционально-коммуникативной природой устной публичной речи, предполагающей в силу своей "устности" присутствие в произносимых текстах речевых средств и приемов их построения, свойственных разговорной речи), например: *лишь, еще, уже, даже;... теряет смысл идея вариации...; грозит превратиться в...; оставить... за бортом грамматического анализа;* б) расширительное употребление общелитературных слов и фразеология, свойственные непринужденной речи (*пестрота рефлексов; хаотическая россыпь единичных фактов...; этот тезис не порывает с лингвистической традицией*), нетерминологическое употребление "математического" сочетания *общий знаменатель* (*...не мешает поискам синхронического общего знаменателя*).

Вместе с тем автор не избежал полемичности. Это обусловило присутствие в устном научном тексте эмоционально "заряженных" слов (*пришлось изобличить в...; насквозь грамматический характер...*), фразеологии публицистического стиля (*перебрасывать мосты между...; прибегать к лозунгу борьбы с...*); расширительное употребление слова *контрабанда*, тоже характерное для публицистики: *фонологическая контрабанда.*

Конечно, следует говорить лишь о принципиальной возможности использования таких и подобных речевых средств в устной научной речи. Сам же факт такого использования определяется личностью или намерениями автора и внешними обстоятельствами (как, например, полемика) создания данного устного текста.

Благодаря перечисленным и подобным речевым средствам передаются "живые" интонации устной речи, известная раскованность в выражении мысли, а также сильнее подчеркиваются полемически высказанные суждения. Все это соответствует общей манере изложения, свойственной профессору Якобсону и вместе с тем стилевой норме устной публичной речи, с одной стороны, и жанрово-текстовой норме устной научной речи — с другой.

Наличие в тексте регулярных иностилевых речевых средств, обус-

ловленных функциональным назначением соответствующей совокупности текстов, образующих известное функционально-стилевое единство, придает данному тексту (и подобным ему) особые стилистические черты, которые и позволяют квалифицировать этот текст как контаминированный, гибридный.

Гибридные тексты есть практически во всех основных разновидностях современных литературных языков, в том числе и русского. В книжной речи гибридные тексты представлены преимущественно в подстилях и речевых жанрах ее функциональных разновидностей. В деловом стиле — это некоторые жанры подстиля дипломатических документов, жанры декретов, партийно-правительственных постановлений советского времени, обращений, заявлений высших государственных органов и высших должностных лиц. В научном стиле — подстиль научно-популярной литературы, некоторые жанры подъязыка гуманитарных наук. В публицистическом стиле иностилевые элементы обусловлены его функциональной природой, а в некоторых его жанрах функционирование иностилевых элементов подчеркнуто, представляется требованием данного жанра, его жанрово-текстовой нормой. Таковы жанры газетного фельетона, очерка, памфлета, эссе, литературно-критической статьи. Гибридные тексты характерны для рекламы. В художественных произведениях функционирование иностилевых элементов определяется, с одной стороны, общей для языка художественной литературы стилевой нормой, предполагающей синкретичность набора речевых средств художественного текста, с другой стороны, для известных литературных жанров — жанрово-текстовыми нормами, например для жанров сатиры и юмора.

В устной сфере книжной речи гибридные тексты представлены в средствах массовой информации, преимущественно в жанрах интервью, репортажа, тематических передач. В устной публицистической речи (УПР) гибридные тексты фигурируют в жанрах политического красноречия (например, митинговая речь), судебной речи (например, речь адвоката), в сфере академического красноречия (устной научной речи) следует назвать жанр публичной лекции. Гибридные тексты типичны для жанров публичного диспута, представленных в основных разновидностях УПР.

В связи с тем, что УПР — функциональная разновидность книжной речи, возникает вопрос, считать ли иностилевыми разговорные речевые средства, функционирующие в ее текстах, по крайней мере в текстах устной научной речи как наиболее строгой в УПР при отборе стилистически окрашенных речевых средств. Ведь — и это общепризнано — "разговорная речь в значительной степени обособилась от остальных стилей языка" [15, 8]. И потом, считается установленным, что "РЯ и устная публичная речь в области структуры текста имеют глубокие отличия... что системное своеобразие РЯ находит яркое выражение на уровне текста, как и на всех других уровнях" [6, 129].

Между тем, видимо, фактор "устности", объединяющий разговорную речь и УПР в общую устно-разговорную сферу литературного языка, позволяет считать разговорные элементы в текстах УПР

нечужеродными для нее. Во всяком случае, в новейших исследованиях современной устной научной речи разговорные элементы в ее текстах рассматриваются как узуальная норма устной научной речи. "Их использование, — подчеркивается в связи с этим в одной диссертации, — не только принципиально возможно, но и коммуникативно целесообразно как способствующее повышению эффективности устно-научного общения" [19, 171].

В разговорной речи гибридные тексты представлены главным образом в эпистолярном стиле. Могут быть квалифицированы как гибридные и диалоги на небытовые темы в нейтрально-разговорной речи.

Рассмотрение речевой (или композиционно-речевой) структуры всех разновидностей гибридных текстов потребует специальной монографии. Ограничимся лишь некоторыми жанрами таких текстов, а именно литературно-критической статьи, частного "делового" письма и газетно-журнального интервью (о контаминированных текстах рекламы см. гл. 11 настоящей книги).

Литературно-критическая статья предполагает совмещение научного, литературоведческого анализа рассматриваемых критиком художественных произведений, проблем литературно-художественного творчества, выяснение их общественной значимости для современности и обсуждение в связи с этим злободневных вопросов социально-исторического, политического, культурного развития общества, его духовной жизни. Русская критика под влиянием В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова приобретает ярко выраженный публицистический характер. Традиции высокой гражданственности, глубокого демократизма русской демократической критики, а также ее основные стилистические тенденции, прежде всего публицистическая экспрессия, динамичность изложения, были восприняты последующими поколениями критиков и получают оригинальное развитие в наше время.

Литературно-критическим статьям последнего десятилетия присуща обращенность к злободневным проблемам современной политической жизни. Для нее характерна погруженность в идейные искания современной российской общественности, активизировавшиеся в атмосфере гласности и плюрализма мнений. Для литературной критики, освободившейся от идеологического диктата и цензуры, свойственны полемичность и личностное начало, прямое высказывание личной точки зрения автора. Как писала Н. Иванова, "просто сказанное, внятное слово, точно передающее мысль автора, стало и самым ценным, и самым желанным" [7, 230].

Идеологическая раскрепощенность литературных критиков (как и всех литераторов), их искреннее стремление высказаться "до конца", в непосредственной эксплицитной форме ("Речи прямые нынче в чести", по словам В.Корнилова) сформулировать сокровенное, выношенное годами, десятилетиями, активно откликнуться на животрепещущие проблемы общественной, духовной, собственно литературной жизни, сказать обо всем этом убедительно, проникновенно, ярко, подчеркивая свою индивидуальность, независимость своих суждений, — все это

создает предпосылки для активизации в текстах литературно-критических статей стилистики "от первого лица".

Современные литературно-критические статьи строятся главным образом по принципу размышлений вслух, когда автор как бы "наговаривает" текст. Затем воспроизводит его "на письме", максимально сохраняя признаки, приметы устного публичного выступления, проникнутого пафосом самовыражения авторской индивидуальности и полемичностью. Благодаря этому в письменном тексте литературно-критической статьи как жанра публицистического стиля, в его речевой структуре заметную роль начинают играть речевые средства и приемы их организации, присущие УПР. Именно это обстоятельство, наряду с известной долей научной (литературоведческой, вообще — искусствоведческой) терминологии, общенаучной лексики, а также лексики и фразеологии, свойственной литературоведческим трудам, создает гибридный, контаминированный характер литературно-критических текстов.

Стилистика "от первого лица" выявляется прежде всего в глагольных и местоименных формах 1-го лица ед. числа, что не свойственно письменным разновидностям книжной речи. Однако в жанре литературно-критической статьи, жанрово-текстовая норма которой позволяет мотивированно обращаться к отдельным элементам устной речи (к разговорной и особенно к УПР), формы 1-го лица ед. числа вполне допустимы, тем более при подчеркивании автором своего личного мнения, личного отношения к теме статьи, к предмету разговора. Например: *Издательство... предложило м н е ...; **я** принялась уточнять...; Между м н о ю и читателем как бы возникал... договор...; Это был путь, выбранный м н о ю сознательно* (И.); *В лучшей, н а м о й в з г л я д , вещи Стругацких...; Не скрою, м н е хотелось бы...; А п о - м о е м у . . . ; П о м н е ...* (В.); *Когда... **я** впервые услышал о находке вариантов к роману..., с каким-то даже облегчением подумал...* (Л.) и т.п.

Ich-формы, представленные в современных литературно-критических статьях, гармонируют с теми речевыми средствами и приемами их организации, которые вносят в текст экспрессию и интонации непосредственного и до некоторой степени непринужденного речевого обращения автора-публициста с читателем.

Известно, что значительный удельный вес в интимизации изложения в публицистическом тексте имеют заимствования из разговорной речи. Именно их мотивированное использование — один из важнейших факторов, создающих контаминированный характер текстов литературно-критических статей. Имеются в виду такие единицы разговорной речи, как частицы (и обороты с ними): *же* (*Что ж е делать писателю...?; как ж е осуществить это. . . –* И.; *к тому ж е ; и все ж е* — В.; *тут ж е* — М.); *ведь, все-таки, вроде бы, уж, -то* (*А словом о какое!* — В.); *-таки, вот* и т.п.; союз *и* в функции усилительной частицы (***И** дело здесь не только в этом...* — В.; *с этого **и** начинается сюжет...; ...поскольку герой... **и** шел за смертью* — М.; *Если чего **и** не хватает...* — Ч.), нередко в сочетании с уступительной частицей *хоть*

(*...х о т ь и не нов антураж "Судного дня", х о т ь и пестрит "Репортер" рассуждениями...* — Ч.), с вводными словами (*И р а з у м е е т с я, только на время; И к о н е ч н о...* — В.), с разговорным союзом *да* (*Д а они... и не очень...* — И.); вводные слова и обороты *конечно* (часто вместе с частицей *же*: *каждый ж е по-своему; конечно ж е* — И.), *кстати скажем, допустим...* и т.п.; союз *да и* (*...д а и не могли понимать...; д а и в самих строках романа...* — И.); разговорные обороты: *и, если угодно; чем-то вроде (кого-, чего-либо); если позволительно так выразиться; стало быть; так сказать; вряд ли стоит (доверять, упрекать...); но это с одной стороны; хотя, казалось бы, что в (них, нем, этом...); конечно, нет; так в чем же дело* и т.п.; фразеологизмы: *попасть в руки (кого-либо)* (М.); *в чем мать родила; слыхом не слыхавший о...* (И.); *без всякой натяжки* (Ч.). Ср. грубопросторечные: *на кой черт; приходит крышка (кому-, чему-либо)*, жаргонное *отбросить коньки*, фольклорное *жить поживать да добра наживать* (М.) и т.п.; разговорная лексика: *тогдашний (в тогдашних условиях* — В.), *свербящий* (*свербящая мысль* — И.), *взвинтить* (*...взвинтила свой тираж "Москва"* — Ч.), *эдакий* (*эдакий балет* — М.), *прыть, сгинуть, с пылом, сперва, недаром* и т.п. Впрочем, разговорные слова и фразеологизмы представлены в литературно-критических статьях достаточно умеренно.

Обращают на себя внимание присоединительные конструкции, которые имеют "разговорное" наполнение (слова, фразеологизмы, речевые обороты разговорного характера). Современные литературные критики "любят" такие присоединения. Во-первых, как всякая присоединительная конструкция, они углубляют синтаксическую и семантическую перспективу предложения. Во-вторых, разнообразят стилистический рисунок изложения. Например: *Я имею в виду... поэтов-авангардистов, а также прозаиков, чья дорога к читателю и сегодня продолжает быть нелегкой. Да они, кстати сказать, и не очень теперь к нему стремятся* (И.); *Стремление к истине — обязанность писателя, условие... художественной убедительности его созданий. Но обязанность, а не задача, как у ученого; условие, а не цель, как у мыслителя; и эту разницу отлично, кстати, понимал Пушкин — достаточно вспомнить, сколь разными вышли у него образы Пугачева и пугачевщины в создававшихся практически одновременно "Истории пугачевского бунта", сориентированной на выяснение истины, и "Капитанской дочки", где верх берет стремление к художественной правде. Ну да не ведущему же сотруднику академического Института мировой литературы все это объяснять!; Эти публикации вызывают сегодня всеобщий интерес — впрочем, не без некоторого зачастую оттенка осторожности* (Ч.).

Важную роль в подчеркивании разговорной интонации и в воспроизведении экспрессии непринужденности в выражении авторской мысли, авторского отношения к обсуждаемому в абзаце, блоке абзацев, в целом в тексте — в статье играют предложения с актуализированным порядком слов, обусловленным, с одной стороны, именно названными целями изложения, а с другой — предшествующим микро-

контекстом. См., например: *...Трифонов мастерски пользовался эзоповым языком. Например, в короткой заметке, написанной для "Литературной газеты" в связи с празднованием 600-летия Куликовской битвы* ⟨...⟩

Написана же заметка была и о битве, конечно, и об ее последствиях, но прежде всего — о современном состоянии общества (И.); *Чем запомнилась "Молодая гвардия"? Тем, что она ничего и отдаленно похожего на эти произведения не напечатала;* ⟨...⟩ *расхожее мнение, согласно которому так называемая задержанная классика* ⟨...⟩ *будто бы напрочь вытеснила современную, текущую прозу с журнальных страниц, есть плод* ⟨...⟩ *недоразумения* ⟨...⟩ *Если чего и не хватает, то разве только секретарской, как шутят в кулуарах, литературы; Слишком могуча инерция обоготворения* ⟨...⟩, *связанного с событиями конца 20-х — начала 50-х годов* ⟨...⟩, *чтобы литература могла удовлетвориться уже сделанным. Она и не удовлетворяется, ища* ⟨...⟩ *новые формы* ⟨...⟩ (Ч.); *Научную фантастику у нас любят. На магазинных полках она не залеживается* ⟨...⟩, *точнее, почти не появляется. Дефицит. Но это с одной стороны* ⟨...⟩ ; ⟨...⟩ *при всей чистоте, лепоте и технической оснащенности этому миру чего-то недостает. И добро бы райской благости, но нет — богатства, тонкости и глубины человеческих отношений. Правда, и показать их для художника всего труднее; По мне, она отвратительна, эта прыть удачливых молокососов* ⟨...⟩ (В.).

Уже из приведенных наблюдений над иллюстрациями можно сделать вывод относительно того, что отдельные элементы разговорной речи в целом мотивированно вписываются в речевую структуру рассматриваемых текстов, разнообразно взаимодействуя и соотносясь с традиционными для книжных стилей, для публицистического стиля речевыми средствами. Обычно заимствования из разговорной речи в речевую ткань литературно-критических статей включаются "пунктирно" (в отличие, скажем, от художественно-публицистических очерков — об этом см. [1, гл. 2, § 3]). Вместе с тем отмечаются случаи немотивированного использования некоторых разговорных явлений.

Несомненно разговорный характер имеют конструкции с начальным союзом *И*, выступающим с усилительным значением. Так, среди стандартизированных конструкций разговорной речи можно насчитать несколько десятков предложений с начинательным (начальным) *И*, выступающих в разных функциях. Эти конструкции в основном готовят читателя к введению важной информации и завершают значимую информацию [17, Прил. I, 180—181].

Начинательный союз *И* с усилительным значением встречается и в литературно-критических статьях (правда, не так часто). См. например: *И* все же есть у Стругацких повесть, где... (В.); *И* недаром в сердцевине "Трех тетрадей" (О. Чухонцева) были помещены "Иронические стансы" (И.). Сравнительно часто такое *И* представлено в статье С. Чупринина, например: *И* еше одна новинка; *И* тем не менее...; *И*, наконец, "Аптекарь"; *И* обратите вниманис... Во всех таких случаях

союз *И* употреблен вполне оправданно. В соответствии с функцией введения важной информации, присущей конструкциям с начинательным *И*, этот союз выступает изолированно от других *И* или от *И* в той же функции.

Между тем в одном "месте" статьи автору, видимо, отказывает чувство меры в употреблении союза *И*, в частности в отмеченной функции: *...**И** не только в том горе, что* ⟨...⟩ *художественное исследование опасно сближается с "апелляцией к городовому"* ⟨...⟩ *Плохо то, что публике навязывается очередной образ врага* ⟨...⟩ ***И** тут уж до приглашения принять участие в "охоте на ведьм" рукой подать. **И** еще...* Как очевидно, здесь союз *И*, трижды употребленный, выступает как начинательный, что идет вразрез со сложившимся (нормативным) изолированным употреблением и в разговорной речи, и как иностилевого заимствования в письменной (книжной) речи.

Наряду с явлениями разговорной речи в текстах литературно-критических статей представлены заимствования из УПР, которые соотносятся, с одной стороны, с разговорными элементами, участвуя в воссоздании "живых" интонаций произносимого текста. С другой стороны, они вполне согласуются со свойственными публицистическому стилю речевыми средствами и приемами усиления экспрессии и эмоционального воздействия текста.

С разговорными элементами в речевой ткани литературно-критических статей соотносится имитация "рождения" фразы в процессе изложения мысли. Такая имитация достигается преимущественно разного рода вставками, лексическим повтором, уточняющим, подчеркивающим авторскую мысль. Это, как известно, типично для УПР, в рамках которой фраза (и весь текст) окончательно сформировывается в ходе устного выступления, в процессе произнесения текста. Например: *... в сходном положении оказались те, чья — нет не политика — поэтика была совершенно чуждой...; Можно (и должно) посвятить отдельное исследование эзопову языку литературы 20-х годов; Недаром А. Солженицын в одном из своих телеинтервью (наконец-то хоть и в урезанном виде, да еще и глубокой ночью показанном на родине) с пылом говорил...*(И.); *Литература последних лет относится к нему настороженно, но Стругацкие, сознавая (хотя, по-моему, не вполне) его опасные свойства, все же любят этого героя; И вот жалкая распря с природой (собственной, взбунтовавшейся)...* (В.); *Тут и традиционная наша (никак нет ей износу!) вера в то, что, если...; Да и пишут эти прозаики по-разному, настолько по-разному, что...* (Ч.).

Сравнительно широко в литературно-критических статьях используется вопросно-ответная форма изложения, в том числе с привлечением разговорных элементов, которые обычно "присутствуют" в "ответной" части. См., например: *Какие же тогда причины? Тематические? Да, уж, пожалуй, теплее...; Что же еще мешает адекватному восприятию этих авторов? Их язык, художественные особенности их произведений? Тут вроде бы уж вовсе горячо...*(Ч.).

В немногочисленных риторических вопросах явственно "звучат" вопросительная интонация и экспрессивные оттенки "живой" речи: удивления, недоумения, несогласия... Например: *Бурно после осторожной пробы в декабрьском "Новом мире"... печатался Иосиф Бродский, оказавшись — кто бы мог предположить сие еще в дни его нобелевского триумфа? — желанным автором сразу и "Невы" (№ 3), и "Дружбы народов"...; А что, если они друг друга все-таки найдут?* (Ч.); *Как же осуществить это — и высказать, "не стараясь угодить", то, что необходимо, и — провести в печать?* (И.).

Из приемов ораторской речи, усиливающих динамичную напряженность текста, его публицистическое звучание, наряду со ставшими традиционными для письменной книжной речи — асиндетоном, полисиндетоном, лексическими повторами, анафорой, оксюмороном и т.п. (что представлено и в современных литературно-критических статьях), целесообразно остановиться на такой фигуре, как начальное *Да* с паузой (нередко анафорическое), обычно сопровождаемое противительным союзом *но* (*Да, ... но...*) Хотя эта фигура и не нова для письменных литературных текстов, она тем не менее обращает на себя внимание (во всяком случае, в речевой ткани литературно-критических статей) в силу своей очевидной связи с произнесением текста, с ораторской речью, тем более что пауза непременно обозначается запятой. Собственно говоря, запятая и является дифференцирующей приметой данной фигуры в письменной речи, отличающей ее от других случаев использования *да* (в качестве утвердительного слова или союза) в тех же текстах. Именно благодаря очевидной устной природе названной фигуры она и рассматривается здесь как заимствование из УПР.

Начальное *Да* с паузой подчеркивает категоричность утверждения автора, она обычно используется в полемическом контексте. Такой ораторский прием построения фразы (это будет видно из некоторых иллюстраций) хорошо гармонирует с другими средствами и способами усиления действенности публицистического текста, фигурирующими в современных литературно-критических статьях, т.е. данная фигура "вписывается" в сложившуюся стилевую норму публицистической речи. Например: *Д а, поэт говорил о свободе и не свободе на "языке листвы", на языке жимолости и сирени, на языке случайно залетевшего мотылька (...), но в "разгоряченном" ритмом стихотворении возникал и "отучивший жаловаться нас свинцовый век": гнетущая, мрачная противоположность и полету бабочки, и полету мысли (...) Д а, словно времена Шумера и Аккада опять возвращались к нам...* (И.) (см. словесный повтор: *на языке*, градацию: *гнетущая, мрачная*, противопоставления: *мотылек, сирень – свинцовый век, мысль – свинцовый век*, историко-культурные символы: *Шумер, Аккад*); *Одну из своих исторических фантазий Б. Окуджава назвал "Глоток свободы" – название тоже эзоповское. Глотком свободы были не только приключения его героев. (...) Глотком свободы для читателей были сами произведения Окуджавы, на которые обрушивалась критика, ловившая автора на неточности исторических деталей. Д а, иные детали были неточны. Д а, с точки зрения исторической достоверности у*

Окуджавы можно обнаружить явные накладки, натяжки и неточности. Но жанр "исторического романа" был для писателя, конечно же, приемом – таким же приемом, как и многие его "исторические" песни и стихотворения (И.) (Этот фрагмент построен на повторах: *глоток свободы, назвал – название, детали, неточности – неточны, исторический;* см. также разговорное *конечно же*, стилистически окрашенный синоним *обрушилась*, усиливающие экспрессию высказывания.); *Да, вряд ли стоит доверять выводам героев (...) они явно утратили чувство реальности. Так что же, драмы нет – есть лишь цепь недоразумений. Но к чему тогда напряженность повествования, его мрачноватый колорит, многозначительность? А если это сатира, почему авторы заметно сочувствуют героям?* (В.). В этом абзаце на первый план выдвинуты вопросы (первая часть вопросно-ответной формы изложения; многие из этих вопросов – риторические, поскольку подразумевается и определенный ответ). Публицистическую экспрессию усиливают и разговорные элементы (*вряд ли стоит; к чему тогда; А если это...*), асиндетон (напряженность повествования, его мрачноватый колорит, многозначительность). Еще иллюстрация: *Да, эзопов язык отнюдь не был изобретением эпохи "застоя" (...) Да, большая часть вышеперечисленных произведений так и осталась ненапечатанной при жизни авторов, но нельзя не сказать о том, что они пытались вывести свою мысль из-под цензурного запрета...* (И.).

"Присутствие" единиц научной речи в литературно-критических статьях обусловлено самим назначением жанра: обсуждение художественных произведений и проблем литературного развития. Поэтому в речевой ткани литературно-критических статей естественно функционирование литературоведческой терминологии, фразеологии, сложившейся в литературоведческих трудах, вообще в научных работах гуманитарного профиля, лексика общенаучная и редакционно-издательская.

В целом использование перечисленных тематических разрядов лексики и фразеологии в современных литературно-критических статьях соответствует сложившейся жанрово-текстовой норме данного жанра. В то же время иногда наблюдается немотивированное употребление лексических единиц. Например: *Уже появились переиздания в традиционном оформлении, но с издательским знаком "Ладомир". Ряд раритетных "памятников", необходимых просвещенной публике (...) будет републикован в ближайшее время* (Н.). Как представляется, причастная форма глагола *републиковать*, как и сам глагол, не уместна в газетной статье, рассчитанной на широкого читателя, поскольку, во-первых, этот глагол относится к узкоспециальной лексике (и, возможно, является потенциальным). Во-вторых, есть русский глагол *переиздать–переиздавать*, полностью совпадающий с *републиковать*.

Отмечается словоупотребление и "на грани" допустимого общелитературной нормой. Например, в статье-рецензии В. Гаевского о классическом труде известного теоретика балета А. Волынского: "Понятно, какие эмоции вызывал у Волынского классический балетный экзерсис со всеми пришедшими из чужеземного французского языка словами (*арабеск, аттитюд, croisé, effacée, pas de basque, saut de basque*

– весь этот профессиональный вокабюлер, с детства привычный для артиста, но для зрителя на всю жизнь сохраняющий таинственный ореол)..." (Г.). "Присутствие" перечисленных специальных балетных терминов объясняется темой статьи. Однако сло́ва *вокабюлер* (фр. *vocabuler* – "словарь") вполне можно было избежать, поскольку есть русское *словарь*. Намерение автора, впрочем, понятно: набор экзотических терминов иноязычного происхождения вроде бы естественно обозначить столь же незнакомым словом, о смысле которого можно догадаться из контекста.

Необходимо отметить, что литературоведческая и общенаучная лексика и фразеология в литературно-критических статьях, принадлежа к книжной речи, не изолирована, как и другие разряды книжной лексики, от разговорных элементов. В этом отношении показательна статья А. Лебедева. В ней "книжное" (1) и "разговорное" (2) а) соседствуют в рамках одной фразы (*...речи их столь* (2) *горячи, академическая терминология* (1) *звучит столь* (2) *свежо в интонации* (1) *неподдельного запала, что кажется, будто* (2) *Набоков помолодел. Порой даже слишком* (2) – присоединительная конструкция "разговорного наполнения); [Набоков] *оказался способен претендовать – по решительному мнению иных современных авторов* (1) (*в частности, В. Гусева и П. Паламарчука, – но не только их* (2) – *на персональное творческое замещение* (1) *того самого пропущенного звена... которое соединяет высокую прозу "серебряного века" старой русской литературы* (1) *с "незаказной" (...) "другой литературой" нового времени* (1); б) взаимодействуют в составе предложения: *Набоков? Одно знакомство с его творчеством* (1) *годилось разве для* (2) *определения срока; В самом деле, для чего, собственно* (2), *"дан" нам Набоков? (...) Ведь и впрямь* (2), *его проза, весь мир его творчества* (1) *отнюдь "не наши"* (2), *совсем "другие берега"* (А.Л.).

Частные "деловые" письма в подавляющем большинстве своем представляют собой контаминированные тексты. Они относятся к той области частной переписки, которую составляют письма к официальным, должностным лицам, написанные в неофициальном (или полуофициальном) порядке по служебным вопросам, коллегам (ученым, инженерам, врачам...), лично или заочно знакомым адресанту. В таких письмах обычно обсуждаются в более или менее непринужденной форме профессиональные, служебные, научные вопросы, общекультурные темы, темы воспитания и т.п.

В силу того что частная переписка – сфера разговорной речи (ее письменная форма), текстам частных "деловых" писем присущи речевые средства и приемы их организации, свойственные неофициальному общению (однако с соблюдением норм речевого этикета, распространяемых на общение "неродственников" и "неблизких друзей"). Такие письма характеризуются большей или меньшей степенью раскованности по сравнению с "деловой" или академической манерой изложения мыслей, личного мнения, эмоций адресанта. В этих письмах активно используются, как вообще в эпистолярном стиле, субъектные формы, глагольные и местоименные формы 1-го лица ед. числа, обращения к

адресату (и соответственно формы 2-го лица мн. числа), эмоционально окрашенная, в том числе оценочная, лексика и фразеология, разнообразные средства выражения субъективной модальности, актуализированный порядок слов, ориентированный на высказывание, подчеркивание экспрессивной интонации, эмоционально-экспрессивных и смысловых оттенков, вопросительные конструкции и т.п.

Наряду с необходимыми аксессуарами разговорной речи, обусловленными функциональным назначением частной переписки, в неофициальных "деловых" письмах (т.е. частных письмах на небытовые темы) фигурирует специальная и общенаучная лексика, сложившиеся в рамках речевого общения специалистов обороты, профессиональные жаргонизмы, потенциальные или окказиональные образования.

Если жаргонизмы "идут" из родственной (по форме манифестации) с разговорной (литературной) речью устной "внелитературной" сферы профессионального общения, то специальная терминология, общенаучная лексика и фразеология, речевые обороты, сложившиеся в письменных текстах той или иной специальности, синтаксические построения, свойственные научной, в том числе научно-технической, речи, в частной переписке представляются иностилевыми элементами, заимствованными из книжной речи, функционирующими регулярно. Они вполне соответствуют жанрово-текстовой норме частных "деловых" писем.

Здесь целесообразно рассмотреть лишь некоторые стороны соотношения иностилевых элементов с "исконными" речевыми средствами в частных "деловых" письмах. Для текстов таких писем характерно:

1) объединение *ich*-форм (1) с книжными лексико-фразеологическими единицами (2) – терминами, терминологическими сочетаниями, с общенаучной лексикой и фразеологией, с установившимися в той или иной сфере человеческой деятельности речевыми оборотами (научной, технической, административно-хозяйственной, политической, культурной и т.п.). См., например, в письмах П.Л. Капицы: *...мне нужно для моего* (1) *нового гелиева ликвифайра большой мощности* (2), *о котором я Вам рассказывал* (1) *(...) фирма дает* (2) *мне* (1) *по договоренности с ней скидку в 25%* (2); *Я думал* (1), *что в создавшихся условиях* (2) *для моей* (1) *научной работы – биология* (2) *это единственный выход для моей* (1) *исследовательской деятельности* (2)... Ср. в письмах К.И. Чуковского: *Книга моя* (1) *(...) до сих пор не включена в план издательства* (2)...; *...в них нашел я* (1) *ценный материал для нового издания* (2) *одной своей* (2) *книжки; Конечно, я* (1) *с жадностью прочитал* (1) *Ваши комментарии к исследованиям* (2) *Якова Грота и вновь подивился* (1) *и позавидовал* (2) *Вашей эрудиции* (2).

Если в письмах книжные элементы соотносятся с *ich*-формами, то для литературно-критических статей наиболее свойственно соотношение книжных единиц со сравнительно широким спектром разговорных речевых средств. Объединение же (или соотношение) их с субъектными формами не характерно;

2) объединение разговорной лексики и фразеологии (1) с терминами, терминологическими сочетаниями, словами и оборотами книжного ха-

рактера (2). См., например: *Нет ничего проще* (1), *чем сдать стандартный заказ* (1) *заграничной фирме* (2) ...; *Но вот тут-то и* (1) *важно, чтобы спор велся на базе опытного материала* (2)... (К.); *Ведь* (1) *только взрослому понятен биологический термин "клетка"* (2) (К.Ч.).

При этом нередко происходит "столкновение" речевых единиц разных (до противоположности) стилистических потенциалов, различной стилевой принадлежности, разной предметно-тематической отнесенности. Однако обычно такие "нарушения", точнее сказать – такое расширение, лексической или лексико-стилистической сочетаемости бывает оправдано общей тональностью письма, а также атмосферой непринужденности общения, особенно если корреспонденты не связаны официальной субординацией.

См. объединение: а) сло́ва (словосочетания) разговорного (1) и специального термина, клишированного сочетания, сугубо книжного оборота (2). Например: *...сейчас я дьявольски задушен* (1) *корректурами* (2): *сразу нахлынули на меня* (1) *корректуры собрания моих сочинений* (2)... (К.Ч.); *Я хочу написать Вам что-то вроде* (1) *отчета за этот год* (2) (К.); б) речевых единиц разной экспрессивной тональности и предметно-тематической отнесенности: [работа В.В. Виноградова] *очаровала меня точностью формулировок; ВВВ, вооруженный своей чудотворной лингвистикой...* (К.Ч.); *Такой аргумент заткнет глотки 99% ученых* (К.);

3) существенное место в речевой ткани неофициальных "деловых" писем занимают предложения с актуализированным порядком слов (или частей), обусловленным микроконтекстом и стремлением адресанта наиболее точно передать свою мысль, интонацию фразы, смысловые и экспрессивные оттенки. Например: *...мне его основная мысль представляется так...* (К.); *Именно пропорциональность всех частей больше всего импонирует мне...; Очень мне понравилось определение литературного языка...; Выползу я из-под этих корректур лишь к концу августа...; Вопрос у меня есть только один...* (К.Ч.); *Мне очень хотелось бы, чтобы он* [сын] *сумел почувствовать традиции, которых Вы теперь едва ли не единственный носитель у нас. Дело (...) в общих линиях умственной деятельности, а они у большинства отсутствуют и, по-видимому, утрачиваются безнадежно; Он* [В.И. Вернадский] *единственный у нас ученый, мыслящий глубоко в области круговорота веществ в земной коре...* (Ф.);

4) этим же целям служат некоторые синтаксические модели аффективного характера, как, например, *от кого, чего не..., а один (-а, -о, -и)...: От него не помощь, а одно беспокойство и неприятности* (К.); *...не потому, что..., а потому, что...; ...мне кажется невероятным, чтобы Фок намеренно дал неправильную теорию. Не потому, что это очень легко установить, а потому, что Фок чересчур крупный ученый, чтобы это сделать* (К.).

Газетно-журнальное (напечатанное) интервью – гибридный жанр. С одной стороны, это диалог журналиста и интер-

вьюируемого, т.е. происходит обмен репликами. Однако – в отличие от диалога "натурального" (в условиях разговорной речи) – реплики интервьюируемого имеют закономерную тенденцию быть достаточно протяженными и, следовательно, тенденцию к отбору и организации речевых средств, свойственных монологической речи. Уже одно это создает известное своеобразие речевой структуры интервью. С другой стороны, интервью – жанр газетный, включенный в композиционно-речевую структуру публицистического стиля, т.е. целиком находящийся в сфере письменной книжной речи. Это означает, что разговорные элементы в текстах интервью – иностилевые.

Вместе с тем по самой своей функциональной природе жанр интервью, призванный воспроизвести беседу, диалог, предполагает функционирование в его текстах известного набора разговорных речевых средств, без которых нельзя передать ни саму ситуацию обмена вопросами-ответами, ни "живых" интонаций беседы, эмоциональной реакции интервьюируемого на вопрос журналиста и т.п. Не случайно исследователи подчеркивают: "Интервью – жанр разговорный" [2, 58].

В задачи данной монографии не входит решение или изучение в полном объеме вопросов о характере и составе речевой структуры текстов печатных интервью, в частности вопроса о характере и степени "чужеродности" или "исконности" для жанра интервью разговорных элементов. Вместе с тем несомненно, что "присутствие" в интервью разговорных речевых средств, их соотнесенность и взаимодействие с книжными речевыми явлениями (прежде всего с речевыми средствами публицистического стиля) определяют контаминированный характер этих текстов.

Гибридность текстов интервью создается и за счет привлекаемых в интервью речевых единиц научного, делового стиля – в зависимости от темы интервью, от профессии, должности, рода занятий его "героя", а также за счет речевых средств поэтического языка и ораторской речи – в зависимости от задач изложения обсуждаемых проблем, их остроты, актуальности, в зависимости от индивидуальности, темперамента участников интервью (в основном интервьюируемого), их манеры излагать свою мысль.

Для интервью типично объединение субъектных форм и свойственных разговорной речи способов выражения личного мнения, выражения субъективной модальности (1) со специальной терминологией и сложившимися в данной специальности оборотами речи (2). Например: *Я не против* (1) *новой Конституции* (2), *но у нас пока* (1) *есть действующая* (2), *которой мы – нынешние* (1) *власти – принесли присягу* (2). *И там* (1) *есть базовые принципы* (2) ... (З.); *Я всегда подчеркивал* (1), *что Министерство печати и информации должно выступать гарантом соблюдения Закона о СМИ* (2); *Именно это право журналистов отстаивал* (2, 1) *и на только что* (1) *закончившемся процессе по проверке на соответствие Конституции постановления съезда народных депутатов от 29 марта 1993 года* (2), *хоть меня и* (1) *не удовлетворяет решение Конституционного суда* (2) *прежде всего с*

правовой точки зрения (2) ... (М.Ф.); *Беспокоит меня и* (1) *катастрофическое положение старейших оранжерей, ботанического сада при Ботаническом институте Академии наук в Ленинграде* (2) *(...) Я не могу не сказать* (1) *о положении зоологических садов* (2). *Каждый зоопарк* (2) *имеет не только культурное значение* (2), *он еще и* (1) *поддерживает генофонд тех видов, которым грозит вымирание* (2) (Н.В.).

К этим речевым явлениям нередко присоединяются характерные для публицистического стиля способы усиления эмоционального воздействия текста. Например: *И тогда и сейчас* (усилительное, подчеркивающее мысль повторение союза *и*) *считал и считаю* (1); наряду с личной формой глагола лексический повтор, имеющий ту же цель: *Главная роль министерства* (2) *заключается в том, чтобы быть проводником через бурную реку реформ* (метафора) (М.Ф.). Очень активно привлекается экспрессивно окрашенная, оценочная лексика и фразеология. См., например, в иллюстрациях из интервью Н.Н. Воронцова: *катастрофическое положение, старейший*. См. еще: *Мне кажется* (1), *это страшное наследие прошлого (...); меня* (1) *крайне беспокоит положение с гербариями (...) Крайне тревожно положение с огромными хранилищами наших зоологических коллекций* (Н.В.); см. также *завораживающий (лозунг), безжалостное (наступление на природу)*, ср. у журналиста: *монстр, пожирающий сам себя; цифры ужасающие* (Н.В.). Встречается и употребление экспрессивных слов, свойственное разговорной речи: *У нас есть совершенно замечательные породы аборигенного скота в Якутии...* (Н.В.).

Разговорные единицы соотносятся с книжными и независимо от ich-форм. Например: *Решения суда являются окончательными и обжалованию не подлежат* (2). *Но вот пример* (1) ... (З.).

Разговорные элементы "обнаруживаются" также и в обращении интервьюируемого к корреспонденту и читателю – как прием, повышающий убедительность или вообще действенность речи, ее эмоциональность, например: *Ну давайте вдумаемся* (М.Ф.); *Подумайте: республиканские президенты взяли на себя ответственность...* (З.), и как переход к новой теме: *вот вы спросили о законах* (Н.В.), и как десемантизированное слово, усиливающее категоричность высказывания: *Здесь, знаете, тоже не надо идеализировать* (Н.В.); в указательной частице *вот* в начале абзаца (*Или вот сейчас идет спор о северной ТЭЦ...* – Н.В.) как подводящей итог сказанному: *Вот цена ведомственного варварства; Вот такого понятия экологической емкости, к сожалению, пока у нас нет* (Н.В.), как возвращающей к уже начатой мысли или теме разговора: *...И вот этот крупный рогатый скот начал исчезать* (Н.В.).

В текстах интервью фигурирует лексика и фразеология научного, научно-технического, административно-юридического, финансово-коммерческого содержания и назначения (как, например, биологическая и

медицинская в интервью Н.Н. Воронцова: *биосфера, биология, природные сообщества, неистощительное природопользование, биологическая продуктивность, биогенный процесс, наследственные заболевания, онкологические болезни, стресс* и т.п.). Эти речевые средства (1) мотивированы темой интервью, профессией, родом занятий интервьюируемого. Они соотносятся не только с разговорными речевыми явлениями, но и с книжными единицами и приемами, характерными для публицистического стиля (2). Например: *А пресса должна быть свободной* (2). *Министерство и помогает редакциям* (1) *обрести эту свободу* (2), *выделяя дотации, оказывая юридическую помощь* (1); *...процесс, в котором ответчиком выступает* (1) *такая газета, как "День", – процесс* (1) *в значительной степени исторический. Не исторический, а истерический* (2) (М.Ф.); *Горько слышать* (2), *когда говорят применительно к Конституции* (1), *что это "клочок туалетной бумаги"* (2) ... *Нужно свято* (2) *сохранять закон* (1), *пока он есть Закон* (1) (З.). Возникают столь свойственные публицистическому стилю словосочетания из "публицистических" и "специальных" лексических единиц, например: *технологический террор, технократический террор, ведомственное варварство, экологический диктат* (Н.В.).

В аспектах учения о культуре речи важен вопрос о "внелитературных" речевых средствах в текстах интервью. Он встал достаточно остро именно в последнее время в связи с общей либерализацией жизни в постсоветской России, а конкретно – главным образом в связи с тем, что стали выходить в свет разного рода издания, в которых пристальное внимание уделяется бытовой, интимной стороне жизни людей, ставших в силу тех или иных причин известными, популярными. Имеется в виду "присутствие" в интервью просторечных, жаргонных (в том числе узкопрофессиональных) слов, речений, использование общеупотребительных слов в просторечных или жаргонных "значениях", диалектизмов.

Разумеется, что если тема интервью, вопрос корреспондента ориентирует интервьюируемого на освещение специальных вопросов, на уточнение деталей профессиональной работы, интимных подробностей жизни "героя" интервью, то "присутствие" соответствующих речевых средств в ответах возможно. Мотивирующим моментом наряду с темой является также общая эмоциональная и стилистическая тональность интервью, самих ответов, особенно когда манера "отвечающего" выражать свои мысли и эмоции погружена, если можно так сказать, в стихию "разговорности" и сам он достаточно раскован, откровенен (это характерно для интервью с Л. Полищук, Б. Моисеевым). См., например, вполне мотивированное темой коммуникативное использование узкопрофессиональных выражений и современных жаргонизмов в интервью с Л. Вайкуле: *Мой стиль как раз в этом и заключается – каждую песню я стараюсь "сделать". Я надеваю разные образы для каждого номера, и это позволяет мне менять стили – быть сегодня женственной, завтра нарядиться в джинсу́* (жаргонизм), *послезавтра панковать* (жаргонизм). Ср. жаргонизмы у Б. Моисеева: *Слишком дешевый понт для меня – искать внимания любой ценой; Я не знаю,*

что такое бисексуал, что такое гомик... дело не в дурацких словопрениях "педик" – "не педик"... (Л.В.).

В целом мотивированно привлекаются и просторечные элементы. Например: *...оставшееся в России семейство после кировских событий "махнули" из Петербурга, все уехали в Казань...* (Б.); *Прочие могут считать меня шушерой – это как угодно, их право; Это как раз к вопросу о коммуняках, ставивших меня перед ультиматумом: плясать под их дудку...* (Б.М.); *...Если я его не захотела, он для меня не красив, он для меня не мужчина* (П.).

Как правило, жаргонизмы и просторечные единицы "даются" в сопровождении явлений разговорной речи. См. в приведенных иллюстрациях: *как раз, как угодно, дурацкие (словопрения), плясать под их дудку*. Соотносятся они и с книжными единицами. См. там же: *надеваю разные образы для каждого номера, дешевый понт – искать внимания, бисексуал – гомик, семейство "махнули", коммуняки, плясать под чью-либо дудку – ультиматум*.

В некоторых интервью (см. "Новый взгляд". 1993. № 16, 21) представлены отдельные единицы табуированной (нецензурной) лексики и фразеологии, которые в последнее время "прорываются" на страницы печатных изданий, в эфир, на киноэкран. Такие единицы всегда были и остаются грубым отступлением от общелитературной нормы и от узуальной нормы носителей литературного языка.

Исследование внутритекстовых закономерностей функционирования речевых средств различной стилистической принадлежности в контаминированных текстах представляется весьма перспективным, во-первых, в связи с непреходящим значением проблемы взаимодействия стилей для выяснения общих и частных закономерностей функционирования современных литературных языков; во-вторых, в связи с актуальностью вопроса о взаимодействии разговорной речи в современных литературных языках с другими их функциональными разновидностями (ср. [6, 150]), поскольку среди иностилевых речевых элементов гибридных текстов всех письменных разновидностей книжной речи и экспрессивно окрашенных иностилевых элементов в гибридных текстах УПР, радио- и телетекстах разговорные явления фигурируют практически всегда, как правило органически "вписываясь" в речевую ткань текстов перечисленных разновидностей литературного языка, будучи тематически и коммуникативно мотивированными. По сравнению с другими иностилевыми элементами они наиболее активны, а также наиболее результативны для конкретных текстов по "положительному" стилистическому эффекту.

В силу сказанного, а также под воздействием одной из ведущих тенденций развития литературных языков (европейского ареала) в XX в. – всевозрастающего влияния разговорной речи на их "книжную" сферу – разговорные речевые элементы приобретают в композиционно-речевой структуре современных литературных языков все более существенный удельный вес.

Отмеченные обстоятельства подчеркивают важность исследования

данной проблемы в аспектах учения о культуре речи, поскольку в связи с актуализацией разговорной речи в языковой жизни русского общества за последнее десятилетие, с возрастанием ее воздействия на книжную речь обостряется вопрос о мотивированном включении разговорных средств в современные литературные тексты (письменные и устные), в конечном счете – вопрос о соблюдении общелитературных, стилевых и жанрово-текстовых норм в современной речевой коммуникации.

В-третьих, взаимодействие в текстах речевых средств и приемов их организации разной стилевой принадлежности, разных стилистических потенциалов создает и углубляет стереоскопичность стилистической перспективы изложения в литературных текстах, прежде всего в текстах контаминированных. Исследование взаимодействия и взаимной соотнесенности речевых средств разной стилистической характеристики открывает возможности для того, чтобы детально выяснить основные общие и частные закономерности построения композиционно-речевой структуры текстов разной функциональной ориентации и на этой основе выработать рекомендации по целесообразному использованию всего арсенала речевых средств литературного языка и приемов, способов их организации в соответствии с действующей в современном литературном языке системой норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельчиков Ю.А.* Русский литературный язык второй половины XIX века. М., 1974.

2. *Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.

3. *Варварин В.* [В.В. Розанов] Около науки и университета: (По поводу 30-летия ученой службы В.О. Ключевского) // Рус. слово. 1909. 12 дек. (= В.В. Розанов. Уединенное. М., 1990).

4. *Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 1978.

5. *Грекова И.* Правда живого слова // Лит. газ. 1982. 17 мар.

6. *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование. М., 1988.

7. *Иванова Н.* Смена языка // Знамя. 1989. № 11.

8. *Ицкович В.А.* Языковая норма. М., 1968.

9. *Кохтев Н.Н.* Ораторская речь: композиционно-стилистическая структура: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.

10. *Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана. Сегед, 1990.

11. *Лихачев Д.С.* О теме этой книги // Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

12. *Логинова К.А.* Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

13. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

14. *Орлов А.О.* Академик А.Н. Крылов – знаток и любитель русского языка // Вестн. АН СССР. 1946. № 11.

15. *Панов М.В.* О развитии русского языка в советском обществе // ВЯ. 1962. № 3.

16. *Пеньковский А.Б., Шварцкопф Б.С.* К вопросу о текстовых нормах // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. М., 1974. Ч. 1.

17. *Фаст Л.В.* Стандартизированные предложения в разговорных и драматургических текстах: Дис. ... канд. филол. наук. М. 1993.

18. *Чуковский К.* Живой как жизнь. М., 1962.

19. *Шкварцова Т.В.* Словообразовательные категории в устной научной речи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
20. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
21. *Filipec J.* Česka synonima z hlediska stylistiky a lexikologie. Pr., 1961.
22. *Jedlička A.* Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1978.
23. *Stich A.* Problematika publicistického funkčního stylu a jeho konfrontačního studia v rámci slovanských jazyků // Stylistické studie, I. Pr., 1974.
24. *Tošovič B.* Funkcionalni stilove. Sarajevo, 1988.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А.Л. – *Лебедев А.* Приглашение к Набокову // Знамя. 1989. № 10.
Б. – *Богословский Н.В.* Дворянин, задержавшийся с отъездом // Артфонарь (Прил. к АиФ). 1993. Июнь.
Б.М. – *Можаев Б.* Интимные тайны Бориса Можаева // Новый взгляд (Прил. к "Моск. правде"). 1993. № 16.
В. – *Васюченко И.* Отвергнувшие воскресенье (Заметки о творчестве Аркадия и Бориса Стругацких) // Знамя. 1989. № 5.
Г. – *Гаевский В.* Азбука Акима Волынского. О "Книге ликований" // Независимая газета. 1992. 5 авг.
З. – *Зорькин В.Д.* "Не революция нам нужна, а согласие" // АиФ. 1993. № 28.
И. – *Иванова Н.* Смена языка // Знамя 1989. № 11.
К. – *Капица П.Л.* Письма о науке. 1930–1980. М., 1989.
К.Ч. – *Чуковский К.И.* Переписка с московскими лингвистами // Рус. речь. 1991. № 6.
Л. – *Литвинов В.* Загадка "Тихого Дона" // Огонек. 1993. № 17.
Л.В. – *Вайкуле Л.* Не умею быть вульгарной // АиФ. 1993. № 28.
М. – *Матизен В.* Как закалялась шваль. "Дюба-Дюба" Александра Хвана: Эстетический садизм. Кошмар // Независимая газета. 1992. 26 дек.
М.Ф. – *Федотов М.А.* Жилетка, в которую можно поплакать // Куранты. 1993. 11 июня.
Н. – *Немзер А.* Восстановленная норма под маской господина Баркова // Независимая газета. 1992. 26 дек.
Н.В. – *Воронцов Н.Н.* Экономический диктат в эпоху демократизации // Сов. культура. 1989. 2 сент.
П. – *Полищук Л.* «Я перестала быть "мустангом"» // Частная жизнь. 1993. № 7.
Ф. – *Флоренский П.А.* Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2.
Ч. – *Чупринин С.* Предвестие // Знамя. 1989. № 1–4.

Глава 13

АРГУМЕНТАЦИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЯЗЫКА

ФЕНОМЕН АРГУМЕНТАЦИИ

Представление об аргументации как о полноправном объекте лингвистических исследований находит все большее число сторонников среди ученых-языковедов, в первую очередь среди тех, кто изучает использование языка в различных ситуациях межчеловеческого общения.

Повышенное внимание к аргументации стимулируется и плодотворным ее исследованием в ряде смежных наук – философии, логике,

психологии, политологии, а также начавшимся формированием единой междисциплинарной теории аргументации.

В исследованиях аргументации выделяются в качестве основных различные аспекты изучаемого феномена. Наиболее важными представляются несколько таких аспектов.

Во-первых, аргументация ("аргументационная конструкция" [1, 39–40]) – это обязательно некий з а к о н ч е н н ы й т е к с т. Объем такого текста – не менее одного сложноподчиненного предложения с придаточным, как правило имеющим общее синтаксическое значение обусловленности, объединяющее более частные значения причины, предпосылки, основания, обоснования, подтверждения, предопределенности, повода, стимула и др. [7, 562] (впрочем, для развертывания "аргументационных конструкций" могут использоваться бессоюзные сложные предложения, как в примере "Не следует воспринимать всерьез разглагольствований Н.: он известный пустозвон", и другие типы).

Во-вторых, рассматриваемый текст ("аргументационная конструкция") обладает с п е ц и ф и ч е с к о й с т р у к т у р о й. Абсолютного единогласия по поводу наименования и соотношения элементов этой структуры среди исследователей – от Аристотеля до современных разработчиков теории аргументации – нет. Однако прослеживается определенная преемственность в определении элементов, позволяющих считать следующие из них наиболее существенными:

Основные элементы.

1. Т е з и с. В современном понимании это утверждение (или совокупность утверждений), представляющее собой вербальную формулировку основной доказываемой идеи, передающее суть выносимой на обсуждение концепции, предлагающее определенное толкование фактов, утверждение, чьи достоинства мы пытаемся установить [11], и добавляющее нечто новое к нашим знаниям. Аристотель отмечал, что тезис есть некоторая проблема и определял его как "предположение сведущего человека, не согласующееся с общепринятыми мнениями...". Также, по его словам, "тезисы суть предположения, для доказательства которых у нас есть довод, противный общепринятым мнениям" [2, 361]. В современной прагматике и когнитологии неочевидность тезиса также считается необходимой предпосылкой начала процесса аргументации.

2. А р г у м е н т ы, и л и д о в о д ы. Это утверждения, с помощью которых обосновывается истинность тезиса, которые выдвигаются в поддержку тезиса и обладают доказательной силой для тех, кому адресована аргументация. В литературе по риторике выделяют различные типы аргументов: аргументы с помощью примера, иллюстрации, образца, аналогии, с помощью определения, возведения к роду, разделения на виды, от противоположного, указанием причин и последствий, нахождением противоречий и др. В качестве доводов могут выступать также факты, т.е. явления действительности, которые подтверждают тезис или согласуются с ним.

Дополнительные элементы.

3. П о с ы л к и – утверждения, положенные в основание тезиса и послужившие базой для его формулировки, т.е. источники тезиса. В

качестве посылок могут выступать, например, общепринятые или ранее доказанные положения. В отличие от выдвижения доводов предъявление посылок, как правило, не обладает самостоятельной доказательной силой для адресатов аргументации.

4. У с л о в и я. Утверждения вида "А верно, если соблюдено В, С и D" или "А верно лишь для В, С и D", ограничивающие область применения аргументации определенными временны́ми и пространственными рамками или перечислением случаев ее применимости (указанием на то, что аргументация применима лишь для данного конкретного случая).

5. О ц е н к а. Высказывания, в которых содержится позитивная или негативная характеристика содержания других высказываний аргументативного взаимодействия. Тот, кто выдвигает тезис, как правило, положительно оценивает высказывания, подтверждающие тезис, и отрицательно – высказывания, вступающие с тезисом в противоречие. Тот, кто возражает против тезиса, поступает наоборот, позитивно оценивая все то, что тезису противоречит.

6. С в я з к и. Утверждения, выполняющие функцию соединения других аргументативных высказываний в логически правильный и стилистически корректный текст.

7. В ы в о д ы. Утверждения, заключающие аргументативное взаимодействие, подводящие ему итог: "Таким образом, А доказано!"; "Мы видим, что пришлось несколько скорректировать первоначальный тезис, хотя по сути он оказался верным" и т.п.

Все эти структурные элементы могут получать различное содержательное наполнение в зависимости от того, точку зрения какой из сторон аргументативного взаимодействия они представляют (это лучше всего видно на примере оценки).

В-третьих, аргументативный текст имеет определенную – и жесткую – ц е л е у с т а н о в к у. Он создается не для беспристрастного информирования слушателей и не для их эстетического наслаждения (хотя последнее тоже вовсе не исключено; так, мы можем испытать чисто эстетическое удовольствие, слушая неотразимую аргументацию опытного и умелого оратора), по крайней мере не это является главным. Главное – убедить или разубедить в чем-то адресата аргументации, заставить его действовать и понимать нечто желаемым для аргументирующего образом, или, говоря языком когнитивной науки, изменить модель мира реципиента так, чтобы повлиять на процесс принятия им решения [3].

Доля истинности есть и в другой точке зрения, отличной от только что упомянутой. Согласно ей, аргументативная целеустановка характеризуется в несколько уступительном духе: показать реципиенту аргументации лишь возможность существования противоположных взглядов, хотя бы допустить их в ряду прочего [1, 6]. Это утверждение содержит не "всю истину", а лишь долю истины потому, что настоящий аргументатор никогда не удовлетворится демонстрацией только возможности того, в чем он сам твердо убежден, но будет добиваться большего – либо чтобы его положения были приняты, либо чтобы они

были опровергнуты столь убедительным образом и с приведением столь неопровержимых доказательств, чтобы он сам мог от них отказаться и принять (или начать искать) концепцию, обладающую более высокой степенью достоверности.

В-четвертых, при рассмотрении аргументации выделяется *социально-статусный показатель* – степень свободы адресата аргументации, т.е. его право и возможность отвергнуть предлагаемые аргументы. Здесь проходит очень четкая граница между ситуациями аргументативного использования языка и другими речевыми ситуациями, в которых сказывается воздействие на "принятие индивидом решения", например отдание приказов армейским командованием. В последнем случае требуется обязательное реагирование предписанным образом, а в первом – все оставлено на усмотрение реципиента, который сам решает, соглашаться ему или нет. И неверно иногда высказываемое мнение относительно того, что в нашей стране еще недавно не было свободы реципиента аргументации (идеологической). Разумеется, эта свобода была ограничена, но не отсутствовала вовсе: всегда можно было перестать слушать выступление политического обозревателя Юрия Жукова и включить радио "Голос Америки", а затем решать, кто же из них прав. Наконец, если бы не было определенной свободы реципиента, не могли бы появиться и диссиденты.

Если отсутствует хотя бы одна из перечисленных четырех особенностей (вербальный текст, имеющий определенную структуру, целеустановку и манифестируемый в условиях относительной свободы участников речевого взаимодействия), то вряд ли можно вести речь об аргументации как таковой.

Последнее, на что следует обратить внимание, – это этическая сторона аргументации. Хотя аргументация, построенная не по всем правилам этики, возможна (более того, некоторые аргументаторы сознательно идут на введение реципиентов в заблуждение, при этом нисколько не нарушая структурной целостности собственных аргументативных построений), этический компонент чрезвычайно важен, поскольку именно он делает аргументацию, если соблюдены остальные правила, совершенной и является безусловным свидетельством высокой культуры аргументации.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АРГУМЕНТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

То, что феномен аргументации реализуется в тексте, означает, что построение аргументации определяется помимо прочего структурой данного текста. А среди последних определяющее значение имеет функционально-стилистическая принадлежность текста. т.е. возможность его использования лишь в определенных коммуникативных ситуациях, обусловленных определенной сферой общественной практики. Можно предположить, что верно и обратное: наблюдение над теми или иными различиями в построении аргументации, подчеркивающими функционально-стилистическое своеобразие соответствующих текстов,

позволит дать более точное описание различий функционально-стилистических разновидностей языка как таковых.

В данном случае описательный аспект проблемы теснейшим образом связан с предписательным: зная особенности аргументации в функциональных разновидностях, можно сформулировать обоснованные рекомендации относительно построения аргументов в каждой сфере употребления языка, что, безусловно, при успешном введении этих рекомендаций в практику языкового употребления (последнее представляется делом хотя и сложным, но все же реальным в силу установки на сознательное использование языка в его функциональных разновидностях в отличие, например, от "стихийных" разговорной речи и диалектов) будет способствовать повышению культуры владения функциональными разновидностями языка.

Сразу же отметим, что в данном разделе не ставится задача разграничения терминов "функциональный стиль языка", "функциональный тип речи", "функциональная разновидность" и даже, в определенном смысле, "сфера употребления языка". В связи с этим все перечисленные термины могут употребляться здесь как синонимы, хотя предпочтение отдается, вслед за Д.Н. Шмелевым, терминосочетанию "функциональные разновидности языка". Если же вслед за функционально-стилистической традицией используется, например, сочетание "парламентский язык", то имеется в виду совокупность текстов, используемых в ситуациях парламентского общения, а не некий гипотетический парламентский "язык как система".

Функционально-стилистическая маркированность аргументации давно замечена исследователями функциональных стилей. И хотя сколько-нибудь подробное сравнительное описание воздействия различий в сферах использования языка на построение аргументации до сих пор отсутствует, существуют серьезные и обстоятельные исследования аргументации с привлечением данных о ее использовании в отдельных функциональных "субразновидностях" (например, исследование парламентской аргументации в диссертации А.Н. Баранова [4]). Некоторые исследователи функциональных стилей, в свою очередь, пытались использовать наименования известных проявлений аргументации в социально-речевой практике (спор, полемика, убеждение и др. – сравнительную характеристику ряда этих проявлений см. в диссертации Л.Ю. Иванова [6]) для классификации так называемых типов изложения. В соответствии с этим выделялось изложение полемическое, убеждающее, риторическое, аргументированное, агитационно-пропагандистское и т.д. Но, к сожалению, в описании этих типов дальше перечня наименований дело так и не продвинулось. Это вполне объяснимо и является лишь дополнительным свидетельством диффузности и всеобъемлющего взаимопроникновения функционально-стилистических явлений более низких уровней, чем сами функциональные разновидности языка. Так, вполне уверенно можно говорить о том, что публицистический, научный и деловой язык отличаются друг от друга. И вполне убедительной в их разделении представляется опора на понятие форм общественного сознания, в связи с чем, например, язык

науки и язык права относятся к функциональным разновидностям, а "язык строительства" и "язык медицины" не относятся, ибо последние, являясь формами общественной практики, не являются в то же время формами общественного сознания. Вместе с тем связно объяснить, чем отличается, например, изложение убеждающее от изложения доказательного, вряд ли кому-то удастся.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Предпринимаемое далее в настоящем разделе описание некоторых особенностей построения аргументации в функциональных разновидностях языка базируется на следующих методологических предпосылках:

1. Функциональные разновидности языка существуют. Они, как отмечал В.В. Виноградов, отличаются друг от друга использованием различных, но "близких соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения, а также с точки зрения соответствия экспрессивных окрасок и оттенков разных речевых явлений" [5, 66].

2. Существует возможность семантико-прагматической параметризации текста, в том числе и текста аргументативного. Данное положение находит поддержку и различными способами реализуется (выделяются разные группы параметров на разных основаниях) в ряде современных исследовательских направлений, таких, как функциональная семантика (Р.О. Якобсон, И.И. Мещанинов, О. Есперсен, А.В. Бондарко и др.), дискурс-анализ (Т.А. ван Дейк и др.), теория речевых актов, лингвистическая теория аргументации, особенно в той ее разновидности, которую разрабатывают Ф. ван Эемерен, Р. Гротендорст и их последователи. Семантико-прагматическая параметризация аргументативных текстов, принадлежащих функциональным разновидностям языка, может стать одним из оснований для сравнительного описания функционально-стилистических сходств и различий в употреблении аргументации.

Учитывая ограниченный объем данного раздела, были выделены лишь четыре параметра для сравнительного описания (хотя на самом деле их значительно больше): субъект, адресаты аргументации, ее объекты и оценка.

Наряду с параметрическим описанием производились наблюдения над структурными отличиями аргументативных построений в функциональных разновидностях языка. Результаты этих наблюдений также частично представлены в настоящем разделе.

3. На процедуру описания известное воздействие оказали факторы следующего порядка:

А. Сильное индивидуально-авторское влияние на конкретно-лингвистическое наполнение и даже на структурирование аргументационной конструкции в ряде случаев сталкивается с собственно функционально-стилистическим влиянием. Их разграничение при этом становится затруднительным.

Б. Для формулирования более точных выводов относительно построения аргументации в функциональных разновидностях языка необходимо привлечение весьма значительного по объему материала с применением не только качественных, но и количественных методов исследования. Ввиду отсутствия такой возможности настоящее изложение в отдельных его частях может отличаться известным схематизмом.

В. Для частичной компенсации ограниченного объема материала был использован принцип представительного отбора: анализировались лишь образцы текстов, принадлежащих наиболее влиятельным сферам общественной практики и наиболее показательных с точки зрения использования аргументации. Для описания были отобраны парламентские дебаты, судебные прения и аргументация в бизнесе.

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ

Парламентская аргументация тесно связана с публицистической по функционально-стилистической традиции, согласно которой весь политический дискурс, за исключением, пожалуй, дипломатических переговоров, относится к газетно-публицистическому стилю.

Все же кажется, что при значительном сходстве аргументации в парламенте и в публицистике их следует рассматривать как различные, хотя и близкие, типы. Полное единообразие было, пожалуй, во времена "развитого социализма", когда одни и те же материалы из пресс-отдела ЦК КПСС печатались на страницах всех газет и журналов. Сейчас же каждый публикует то, что считает нужным. Что касается парламента, то, например, аргументацию иных депутатов, подкрепляющую призывы "покончить с террором средств массовой информации", т.е. ограничить свободу прессы, тем более трудно квалифицировать как "газетно-публицистическую". Рассмотрим только парламентскую аргументацию.

Среди с у б ъ е к т о в парламентской аргументации выделяются две группы: 1. "Глубинные субъекты" – политические течения, платформы, фракции и их лидеры, влиятельные направления политической, экономической, правовой мысли (последнее – особенно для независимых, беспартийных депутатов). 2. "Поверхностные субъекты" – сами выступающие, те, чей голос доносится с трибуны. Лидеры политических течений порой сознательно решают, кому в тот или иной момент быть "поверхностным субъектом", "выражать идею" на трибуне.

А д р е с а т ы представлены на нескольких уровнях: другие парламентарии, председатель парламента и президиум (присутствующие), президент, правительство, другие государственные и общественные институты, избиратели, "весь народ". Обращенность ко "всему народу" в наибольшей степени касается заседаний парламента, которые транслируются по радио и телевидению.

О б ъ е к т ы – все, что может входить в сферу законодательной деятельности (владение землей, собственность на промышленные предприятия, безопасность государства, положение армии, налогообложение, приватизация и т.д.). Парламентская аргументация полиобъектна. Цель аргументации – убедить в целесообразности и под-

держать "протаскивание" отстаиваемых законопроектов, поправок, программ, замечаний и т.д.

Возможны следующие способы о ц е н к и аргументационной конструкции: "Р совершенно прав", "Р лжет", "Р не прав", "Р шутит, аргументация не стоит внимания", "информация маловероятна/вероятна" и т.д.

Целью аргументативной деятельности всегда является утверждение определенных ценностей.

Высшей ценностью для парламентариев должно быть благо народа, всех граждан, хотя у иных парламентариев имеются сомнения даже на этот счет. В качестве производных концептов выступают "сильное государство", интересы отдельных социальных групп (фермеров, кооператоров) и т.п. в зависимости от обсуждаемого вопроса. Примеры обращения к высшим ценностям:

Президент Б.Н. Ельцин: "Не человек для государства, а государство для человека. Свободная многоукладная рыночная экономика... Только на этой основе может быть обеспечено благосостояние народа и процветание страны. Наш идеал государственного устройства – единая Россия, самоуправляемые территории, свободные республики и регионы".

Председатель Р.И. Хасбулатов: "Критерий здесь один – единая страна, процветающая, пользующаяся авторитетом у своего народа и в мировом сообществе".

В процессе парламентской аргументации, в отличие от аргументации других функциональных разновидностей, много времени уделяется самой процедуре аргументирования: сколько времени обсуждать проблему, кому и в каком порядке выступать, какие вопросы обсуждать, а какие нет.

Достижение согласия (хотя бы относительного) по вопросу проверяется голосованием. Само обращение к процедуре также может использоваться как аргумент:

Депутат В. Астафьев: "Если мы сейчас (сразу же по окончании докладов депутатов Зорькина, Гайдара и Исправникова) завершим обсуждение, съезд докажет свою полную никчемность... Мы должны провести серьезную дискуссию и по политическим, и по экономическим вопросам и вынести обдуманное постановление".

В парламентских речах часто употребляются "метааргументативные" комментарии и установки:

Депутат Н.Т. Якименко: "Уважаемые коллеги, моя аргументация будет очень проста".

Многие парламентарии в ходе выступлений призывают следовать "правилам добросовестного аргументатора" (которые, случается, предлагающие понимают по-разному, да еще сами тут же их нарушают):

Председатель Р.И. Хасбулатов: "Важно, чтобы противоречия не выходили за рамки определенных правил – правовых, нравственных, политологических, культурных. Упор должен быть не на хлесткие оценки и выражения, наклеивание оскорбительных ярлыков, а на аргументы".

Доводы. Доводы в парламентской аргументации допустимы любые, в том числе эмоциональные (использование последних должно быть тем не менее как-то рационально обосновано).

Среди парламентских доводов можно встретить, например, следующие (в основном использованы материалы I сессии Верховного Совета СССР в июле 1989 г. и VII съезда народных депутатов России в декабре 1992 г.):

– ссылка на волю избирателей;

– ссылка на ранее принятое решение съезда или Верховного Совета либо на ранее высказанную оценку, например:

Депутат И. Константинов: "Уже оценивали работу правительства неудовлетворительно, поэтому доклад Гайдара на съезде слушать не надо";

– ссылка на решение (заключение) парламентской комиссии или комитета;

– ссылка на регламент (и не только для того, чтобы остановить разговорившегося депутата);

– ссылка на экономические соображения и соображения удобства:

Депутат Н.Т. Якименко: "Если собирать референдум относительно поправки к ст. 12 Конституции (о праве пользования землей), это будет дорого и неудобно, так как потребуются большие усилия по организации. Поэтому лучше принять соответствующую поправку прямо на съезде";

– ссылка на наглядный пример:

Депутат А. Починок: "Надо ускорять приватизацию, поскольку она прибыльна. Государство уже получило 18 млрд. доходов. Один несчастный аукцион в Москве, когда продали 6 развалюх, дал 2,5 миллиарда рублей";

– "кесарю – кесарево, Богу – Богово":

Депутат В.И. Новиков: "Нужно передать право приватизировать собственность соответствующим властным уровням: государственную собственность краев и областей – краям и областям, а муниципальную собственность – муниципалитетам";

– "а сами-то вы кто...":

Депутат В.И. Новиков: "Может быть такой аргумент: съезд состоит из секретарей обкомов и крайкомов партии. Они поназначают таких министров, которые все повернут назад. Но разве это аргумент? Давайте посмотрим: в нашей реформаторской исполнительной власти более 90% строителей коммунизма и социализма с человеческим лицом... Мы все меняемся...";

– ссылка на "логику". Довод "здесь нет логики" особенно популярен при нападении на чужие аргументы:

Депутат О.Н. Смолин: "С одной стороны, Чубайс говорит, что народ не глупее депутатов и свои ваучеры не продаст. С другой стороны, Чубайс восторгался тем, что курс ваучера на бирже растет. Однако чьи же ваучеры продаются на биржах?.. Где здесь логика? На мой взгляд, она здесь и не ночевала";

– ссылка на неразрешимые злободневные проблемы (экономический кризис и инфляцию, рост преступности, коррупцию, вооруженные конфликты).

Одна из особенностей парламентской и, шире, политической аргументации, которая роднит ее с рекламой, – опора на "создание имиджей". Декларируется некая политическая (общепринятая) ценность, затем внушается, что именно данное политическое течение или лидер в состоянии наилучшим образом реализовать эту ценность. Имиджи в основном появляются в пространных речах профессиональных политиков за счет нанизывания последовательных, связанных друг с другом характеристик использования метафорики, высказываний-лозунгов и т.д. (депутат А. Руцкой: "я человек военный", "должно быть сильное государство", "оборонный комплекс – часть национального достояния", "отечество у нас одно на всех, и народ один". Здесь манифестируется ценность – "сильное государство" и создаются имиджи: а) "гожусь на роль сильной руки", б) "проявляю неустанную заботу и тревогу о судьбах страны").

Резюме. Если оставить в стороне политические аспекты и партийные пристрастия, можно отметить, что парламент, от "горбачевского" до нынешнего российского, явно претерпел изменения в лучшую сторону. Депутаты все реже "радуют" знатоков русского слова образцами дремучего косноязычия, в их выступлениях ощущается все больше профессионализма и продуманности. В аргументации все больше места занимают рациональные выкладки. С другой стороны, значительно чаще стали встречаться образцы ловкой демагогии, использование которой таит опасность отступления от рационального хода рассуждений и принятия тех или иных положений исключительно под влиянием эмоций, а не после их всестороннего рационального "взвешивания". Но без демагогии, кажется, не обходится ни один парламент в мире...

АРГУМЕНТАЦИЯ В БИЗНЕСЕ

Деловая речь, которая до недавнего времени считалась резко отграниченной от других типов речи, сегодня становится "открытой системой", оказывая все более сильное воздействие на такие разновидности речи, как, например, язык художественной литературы, публицистика, а через них и на языковое сознание социума в целом. Если еще год-два назад термины типа "бартер", "клиринг" или "лизинг", являющиеся внутри системы деловой речи не более необычными, чем "гайка" или "шуруп" в языке техники, были экзотизмами для обыденного сознания, то теперь ими уже никого не удивишь. То же и с деловой аргументацией: в настоящее время она становится все более влиятельной и все более распространенной аргументативной разновидностью.

Возможно, кто-то станет утверждать, что русская деловая аргументация не имеет новейшей традиции и что после событий 1917 г. или, точнее, по окончании эпохи нэпа она попросту перестала существовать. Однако факты свидетельствуют об обратном: "хозяйственные дискуссии" весьма активно велись в промышленности и сельском

хозяйстве в течение всего времени существования Советского государства. Естественно, такая аргументация была достаточно ограничена в сфере ее субъектов. Об этом свидетельствуют, в частности, известные фильмы из жизни генеральных конструкторов космических кораблей и председателей колхозов: использование деловой аргументации было в основном прерогативой "руководящего состава". И, естественно, до начала последней четверти нашего века вся система хозяйственной аргументации находилась под сильным идеологическим прессом. Например, если противнику какого-нибудь проекта не хватало чисто "производственных" доводов, он всегда мог апеллировать к тому, что данное техническое начинание или коммерческое предприятие не соответствует генеральной линии партии и указаниям очередного вождя. Однако эти доводы могли быть нейтрализованы аналогичными доводами "с обратным знаком", выдвигаемыми сторонниками соответствующего проекта, которые в таком случае начинали утверждать, что не воплотить проект – значит поступить не по-партийному. Так, несмотря на идеологическое давление, традиция русской деловой аргументации продолжала развиваться.

Началом развития бизнес-аргументации, не обремененной идеологическими штампами и доводами относительно степени коммунистической партийности того или иного предприятия, можно считать 60-е годы – хрущевскую оттепель и появление теневой экономики, т.е. разного рода дельцов, цеховиков, спекулянтов и прочих "уродливых явлений на теле социалистического общества". Споры цеховиков были свободны от идеологических наслоений, и главный ценностный концепт в этих спорах – "выгодно/невыгодно" – был в точности таким же, как и в аргументации современных предпринимателей.

В каких коммуникативных ситуациях сегодня возможно развертывание бизнес-аргументации? Прежде всего, это деловые переговоры, включая предварительные встречи и консультации, подготовка текстов соглашений, наконец, итоговые встречи, на которых эти соглашения должны подписываться. Интересно заметить, что в противоположность насыщенной аргументацией, приведением большого количества доводов и обсуждением различных вариантов реализации того или иного коммерческого предприятия речи участников таких встреч сам текст соглашений должен быть свободен от аргументации, содержать лишь перечень взаимных обязательств участников и указание последовательности их выполнения, а также регламентацию поведения участников при возникновении экстраординарных ситуаций, круг которых также строго определен. Если различное толкование тех или иных позиций в соглашениях все же становится возможным (что недопустимо в теории, но сплошь и рядом встречается в практике бизнеса), возникает функционально-стилистическая интерференция, ибо толкование спорных вопросов очень часто переносится в суд или арбитраж, т.е. попадает в поле аргументации юридической.

Существуют ситуации использования деловой аргументации и с более значительным числом участников – производственные совещания, конференции, выступления на собраниях акционеров.

В принципе можно выделить два различных типа деловых переговоров в зависимости от различных ситуаций делового взаимодействия:

1. "Стандартные" переговоры, которые имеют место в ситуациях делового взаимодействия, повторяющихся в условиях того или иного конкретного рынка с высокой частотой. Для них свойственно то, что партнерам-участникам, как правило, известны основные обстоятельства, сопутствующие такого типа взаимодействиям. У сторон могут даже иметься тексты стандартных договоров, соответствующие данному типу трансакции. В этом случае переговоры проводятся лишь потому, что необходимо согласовать некоторые детали. Например, при приеме нового сотрудника на не очень ответственную должность в фирму его будущее начальство с помощью трех-четырех вопросов желает выяснить, соответствует ли он предъявляемым требованиям. Дальше очередь претендента – он выясняет размер жалованья. Все это может занять совсем немного времени – 10–15 минут – и при взаимной удовлетворенности сторон тут же завершиться подписанием трудового договора.

На некоторых специализированных рынках переговоры могут продолжаться буквально две минуты, как в приводимом ниже телефонном разговоре уполномоченных представителей двух банков о размещении денежного депозита:

– Есть сто миллионов рублей на два месяца.
– Мы сегодня даем сто пятьдесят процентов годовых.
– Как-то маловато...
– Для вас могу дать сто пятьдесят восемь.
– Идет. Куда переводить?
– Счет номер такой-то, МФО такое-то.
– Мне обратно на счет номер такой-то.
– Спасибо. До свидания.
– Спасибо. Всего доброго.

И все. Сделка состоялась. Позднее она будет оформлена документами, однако она заключена именно в момент разговора.

2. "Нестандартные" переговоры – когда ситуации делового взаимодействия являются уникальными по объему вложенных сумм, по количеству и сложности факторов, релевантных для решения проблемы, при возникновении новых структур (предприятий, объединений, ассоциаций). Например, это могут быть переговоры относительно предоставления межбанковского кредита под строительство нового космического корабля, переговоры с подрядчиком о реконструкции московской гостиницы-небоскреба "Интурист" и прилегающих территорий, переговоры о внедрении в производство крупного научного открытия, прошедшего стадию лабораторных испытаний, и т.д.

Поскольку участие в деловых переговорах можно охарактеризовать как основную и наиболее типичную ситуацию использования деловой аргументации, многие особенности переговорного процесса релевантны в качестве характерологических признаков деловой аргу-

ментации в целом. Так, относительно количества субъектов (отправителей) аргументации переговоры могут быть двухсторонними и многосторонними (три и более сторон). Хотя многосторонние переговоры весьма распространены, в практике бизнеса существует тенденция к ограничению числа участников переговоров и превращению многосторонних переговоров в двухсторонние. Если этого добиться не удается (например, двое главных участников отделены друг от друга длинной цепочкой посредников),то либо проводится серия двухсторонних переговоров (главный участник, т.е. заказчик или исполнитель, – посредник; посредник – посредник; посредник – главный участник, т.е. исполнитель или заказчик), либо кто-то из посредников уполномочивается представлять на переговорах, ставших в этом случае трехсторонними, интересы остальных посредников.

В качестве сторон на переговорах могут выступать частные (физические) лица, предприятия и организации (юридические лица), наконец, государство. Формально стороны, если это не частные граждане, должны быть представлены руководителями участвующих в переговорах организаций, т.е. лицами, которые вправе подписывать соглашения от имени соответствующей организации. Но на практике переговоры чаще проводятся другими уполномоченными сотрудниками предприятий/организаций.

Количество дополнительных участников (тех, кто имеет право высказаться, – независимых экспертов проекта, контролирующих государственных органов), как правило, прямо пропорционально сумме средств, которые предполагается вовлечь в сделку.

В зависимости от ситуации на рынке нередко случается так, что одна из сторон более заинтересована в совершении сделки, чем другая. В этом случае перед более заинтересованным участником переговоров стоит достаточно сложная задача: с одной стороны, скрыть свою заинтересованность, а с другой – не допустить провала переговоров.

Адресат деловой аргументации – "вторая сторона" на переговорах, тот, кому адресованы доводы, реципиент.

На двухсторонних переговорах адресаты и субъекты аргументации постоянно меняются ролями. Субъекты становятся адресатами-слушающими, а адресаты – субъектами-говорящими. В этом специфика переговорной аргументации по сравнению с аргументацией в других функциональных разновидностях.

В качестве объектов аргументации выступают различные обстоятельства сделки: цена, условия поставки, качество, сроки, бартер, услуги, дополнительные условия, переход права собственности и риски, сопутствующий сервис, трансферт и т.д. Причем, как правило, наиболее горячо обсуждаются тонкости количественной стороны. "Качество" и "базовое количество" каждого из обсуждаемых обстоятельств обычно составляют пресуппозицию. Например, представители банков – участников операции по обмену валюты спорят о третьем и четвертом знаке после запятой (будет ли участник сделки платить 1,6475 или 1,6480 немецкой марки за доллар. То, что наверняка будет уплачена 1 марка и 64 пфеннига, не требует обсуждения).

Цель – убедить в необходимости заключить соглашение на тех условиях, которые предлагает аргументирующая сторона (убедить в наибольшей выгодности этих условий), т.е. в конечном итоге – "выгода". Акцент в развертывании аргументации делается прежде всего на создание представления о выгоде сделки для партнера, реальной или лишь воображаемой.

Доводы. Доводами служат разнообразные пояснения, почему именно такой способ осуществления сделки именно при таких условиях наиболее выгоден, со ссылкой на ситуацию на рынке, прогнозы, некоторый общий запас знаний ("Мы же с вами прекрасно знаем, что сейчас делается в экономике"), на позитивные и негативные примеры конкурентов, других партнеров, не участвующих в переговорах, предприятий иных сфер деятельности, осуществлявших аналогичные действия, сравнение цены с ценой конкурентов и т.д. Среди прочих доводов (особенно подкрепляющих выдвижение неприятных для другой стороны условий) – ссылки на собственные трудности, на невозможность выполнить какие-то действия, порой преднамеренное введение партнера по переговорам в заблуждение, силовое давление.

Оценка в своем разнообразии редуцирована до минимума. Мало что можно встретить, кроме по-разному лексически оформленных апелляций к оценочным полюсам "выгодно/невыгодно" и "рационально/нерационально" (в значении "выгодно/невыгодно"). Общеоценочные концепты "хорошо" и "плохо" используются достаточно редко.

Одной из отличительных черт "обрамления" деловой аргументации является условие конфиденциальности, которое, как правило, обязательно для деловых переговоров.

Воздействие деловой аргументации наиболее очевидно: сделки, порой очень крупные, чаще всего заключаются на таких условиях, которые были лучше поддержаны аргументацией.

Преуспевающие бизнесмены, как правило, обладают даром убеждать в чем угодно, подобно удачливым политикам. Однако бизнес в отличие от политики предполагает отсутствие не относящейся непосредственно к делу болтовни. Что касается норм и рекомендаций по повышению культуры деловых переговоров, то здесь можно предложить поменьше употреблять нецензурной лексики и стараться не оказывать психологического давления на партнера, но убеждать его логическими доводами. При этом один и тот же довод не следует повторять по десять раз и не рекомендуется перегружать изложение незначительными деталями и подробностями.

Содержательный аспект. Деловая аргументация может различаться по категориям решаемых проблем:

– производственно-технологические (включая организацию производства, стимулирование и организацию сбыта);

– административно-управленческие (менеджмент) (включая обсуждение личной судьбы сотрудников);

– коммерческие (сделки купли-продажи, аренды и т.д.);

– логистические (как перевезти, обеспечить хранение и т.д.);

– финансовые и учетные (то, что связано с размещением фондов предприятия, особенностями учета и финансовой отчетности);

– интервью при приеме на работу и переговоры о материальном содержании лиц (зарплата, пенсия и т.д.).

Техника аргументирования на переговорах. Относительно культуры и техники аргументирования на переговорах и ведения переговоров вообще написаны сотни работ. Мы приведем несколько примеров рекомендаций, даваемых в таких работах:

– нападение на переговорах является лучшей защитой;

– мудро поступает тот, кто выдает себя за простака (он может легче поймать в ловушку расслабившегося или предвкушающего легкую победу партнера по переговорам);

– с помощью вопросов можно завести куда угодно; нескромные вопросы "в лоб" могут помочь узнать какие-то утаиваемые сведения; тому, кто надоедает вопросами, нужно тоже задавать надоедливые вопросы;

– нужно следить, чтобы разговор не переходил в конфронтацию;

– искренность в чем-то одном порождает доверие во всем;

– ничто не имеет успеха без подготовки;

– Шопенгауэр писал: "Если подозреваете, что вам врут, сделайте вид, что безусловно верите. Это поощрит собеседника развивать тему. Он станет врать наглее и попадется. Если же заподозрили, что у партнера случайно обнаружилась часть скрываемой правды, играйте в недоверие. Партнер в запальчивости может выложить всю правду";

– "дорога роза, а не горшок": не нужно сожалеть о своих предварительных соображениях, которые вдруг в ходе переговоров оказались неточными или неправильными [10].

В противоположность сторонникам манипулятивно-силового метода переговоров, Р. Фишер и У. Юри [9] полагают, что ни один из двух стилей ведения деловых (как, впрочем, и любых других) переговоров – жесткий и мягкий (уступчивый) – не является безупречным. Они предлагают третий путь – принципиального ведения переговоров, сущность которого сводится к четырем методическим рекомендациям:

– отделить споры между партнерами (людьми) от задачи, которую нужно решить;

– сосредоточиваться на выгодах, а не на позициях;

– прежде чем пытаться достичь соглашения, следует продумать несколько его вариантов, направленных к взаимной выгоде сторон;

– необходимо настаивать на использовании объективных критериев.

Оценка деловой аргументации

"+"	"–"
(о сделке/предприятии):	
выгодно	дело темное
рентабельно	момент не проработан
прибыльно	товар некондиционный
доходно	это приведет к задержкам

	ненадежная операция
	непродуманно
	невыгодно
	нерентабельно
(о товаре):	цена слишком высокая/низкая
хороший	
качественный	
стандартный	
уникальный	
ходовой	
(о партнере):	
серьезный	
солидный	
надежный	
старый	
проверенный	

АРГУМЕНТАЦИЯ В СУДЕ

Как отмечается в юридических пособиях, аргументация является неотъемлемой составной частью судебного разбирательства. При этом речи участников уголовного и гражданского процессов могут отличаться большей или меньшей степенью полемичности. Так как прокурор в уголовном, а представитель истца в гражданском процессе выступают первыми, то, естественно, их речи менее полемичны, чем речи адвоката-защитника и представителя ответчика, которые выступают после представителя истца и прокурора и строят содержание своей речи в соответствии с избранной позицией и содержанием уже прослушанных речей. В них критикуются, опровергаются доводы судебных ораторов, выступавших первыми, поэтому они носят более ярко выраженный полемический характер.

Субъектами (отправителями) аргументации, основными участниками судебного процесса выступают защита и обвинение. Роли эти обязательны для суда уголовного и гражданского (хотя в последнем они именуются иначе – представитель истца и ответчика). Защитником на процессе по уголовному делу может выступать кто угодно, хоть сам подсудимый (но обычно стараются пригласить опытного адвоката), а функции обвинения (государственного обвинителя) осуществляет прокурор.

В ходе судебных прений участники могут выступить два раза: первый раз – с основной речью, второй раз – с репликой, после выступления остальных участников. Право последней реплики всегда принадлежит защитнику и подсудимому в уголовном и представителю ответчика (ответчику) в гражданском суде.

Как правило, реплика обвинителя состоит из возражений защите, однако, воспользовавшись ею, государственный обвинитель может под влиянием речи защитника изменить свою позицию. Прокурору рекомендуется выступать с репликой особенно в тех случаях, когда участни-

ками судебных прений высказаны ошибочные утверждения, извращены фактические обстоятельства дела, неправильно толкуются нормы права, дана юридически неправильная оценка содеянного, наконец, искажена позиция обвинителя.

Если реплика прокурора – ответ на речь защиты, то реплика защитника является уже ответом на реплику обвинителя.

В суде, в отличие от других ситуаций использования аргументации, сами приводящие аргументы отстранены от процесса принятия решений: спорят защитник и прокурор, а приговор выносится судом.

Суд – судья и присяжные (народные) заседатели, те, кто принимает решение по делу, – и является адресатом аргументации.

Объекты. Объект обсуждения – обстоятельства дела, установление или опровержение факта вины.

Цель – решение по делу. В отличие от дискурса других функциональных разновидностей здесь решение обязательно должно быть принято (и соответственно надлежащим образом лингвистически оформлено). Хотя бывает, что слушание дела может продолжаться до бесконечности, в принципе не существует суда, который не был бы ориентирован на принятие в конце концов однозначного решения по делу. Таким образом, судебная аргументация "дозирована", т.е. конечна во времени и логически ограничена рамками одного дела, что, впрочем, не исключает преемственности (принятие решения по делу на основании прецедента).

Высшая цель для суда – справедливость, законность: "установление справедливости" для суда гражданского и "справедливое возмездие" для уголовного. Решение по делу должно быть справедливым ("высшая ценность") и при этом строго соответствовать закону ("практическая ценность"). Но в обыденной судебной практике порой случается так, что могут возобладать и псевдоценности (политические и корыстные интересы, "телефонное право" и т.д.).

Выдвижение доводов. В качестве доводов судебной аргументации выступают или сами факты (их приведение), или рассуждения, в ходе которых разные факты соотносятся и выстраиваются в цепочку. Статью и срок предлагает прокурор, а суд соглашается или подбирает альтернативный вариант (в делах гражданских и предлагающей и решающей стороной выступает сам суд).

Доказательства в судебном споре бывают теоретические и фактические. Теоретические доказательства – это положения, доказанные и установленные юридической наукой. Фактическими являются доказательства в процессуальном смысле и установленные ими факты.

Источниками доводов защитительной речи должны выступать в первую очередь обстоятельства дела. Критический разбор обвинительной речи – дело второстепенное; главный материал для защитительной речи – прежде всего обстоятельства дела, установленные судебным следствием.

Правила доказывания в суде (по П.С. Пороховщикову) [8]:

– во всем, что продумано, нужно различать необходимое и полезное, неизбежное и опасное (для хода доказывания);

– нужно остерегаться так называемых обоюдоострых аргументов, но при необходимости уметь ими пользоваться;

– не следует доказывать очевидное (это может вызвать лишь раздражение у состава суда);

– если удалось найти яркое доказательство или сильное возражение, не следует начинать с них; они должны быть высказаны после известной подготовки;

– сильный довод при возможности лучше излагать в виде дилеммы: одно из двух;

– все посредственные и ненадежные доводы следует отбросить;

– развивая каждое отдельное положение, всегда следует иметь в виду главную мысль и пользоваться любым случаем, чтобы напомнить ее;

– если улики сильны, следует приводить их порознь, подробно развивая каждую в отдельности; если они слабы, следует собрать их в одну "горсть";

– не следует стараться доказывать большее, когда можно ограничиться меньшим;

– необходимо избегать противоречий в своих доводах.

Правила опровержения в суде (по П.С. Пороховщикову):

– нужно разделять обобщенные доводы противника;

– возражая противнику, не следует выказывать особой старательности;

– нельзя оставлять без возражения сильных доводов, но, возражая на них, вовсе не обязательно развивать их или повторять те соображения, которыми противник эти доводы подкреплял;

– не нужно доказывать, когда можно отрицать (это связано и с принципом презумпции невиновности: не защитник или представитель ответчика должны доказывать невиновность своих клиентов, а обвинитель или представитель истца обязаны доказать их виновность/ответственность);

– на слова нужно отвечать фактами;

– при возможности противнику следует возражать его же собственными доводами;

– нельзя спорить против несомненных доказательств и верных мыслей;

– следует пользоваться фактами, уже признанными противником;

– если противник обошел молчанием неопровержимую улику, следует только напомнить ее суду и указать, что противник не нашел объяснения, которое устранило бы ее.

Полемика в суде должна быть жесткой и бескомпромиссной; должны быть использованы всевозможные средства аргументации (разумеется, не выходящие за рамки норм поведения в обществе, исключающие грубость, хамство и т.п.), поскольку от успеха аргументации зависит, получит ли справедливое возмездие виновный, будет ли оправдан невиновный, будет ли смягчено наказание раскаявшемуся.

Оценка судебной аргументации. Следующие оценочные концепты являются в суде рабочими: это соответствует/не соответствует дейст-

вительности (при выяснении обстоятельств дела, "как все было"), это соответствует/не соответствует закону (при принятии решения по делу, "как должно быть").

В качестве итога предлагаем сопоставление различных типов дискурса по степени необходимости принятия решения: в с у д е, где должен быть вынесен приговор или дано определение суда, а также в п а р л а м е н т е, в функцию которого входит принятие законодательных актов, отмена, отправка их на доработку, необходимость дать однозначную оценку (работе правительства, подотчетных парламенту комитетов и т.д.), решение должно быть вынесено обязательно. В бизнесе же, где соглашение может быть заключено или не заключено, трансакция может совершиться или нет, принятие решения факультативно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.П.* Аргументация. Познание. Общение. М., 1991.
2. *Аристотель.* Сочинения. М., 1978. Т. 2.
3. *Баранов А.Н.* Аргументация в процессе принятия решения (К типологии метаязыкового описания аргументативного диалога) // Когнитивные исследования за рубежом: Методы искусственного интеллекта в моделировании политического мышления. М., 1990.
4. *Баранов А.Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1991.
5. *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. 1995. № 1.
6. *Иванов Л.Ю.* Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
7. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
8. *Сергеич П.* (П.С. Пороховщиков) Искусство речи на суде. М., 1988.
9. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения. М., 1990.
10. *Altham J.E.J.* Evaluation and speech // Morality and moral reasoning: 5 essays in ethics. L.: Methuen, 1971.
11. *Toulmin St.* The uses of argument. Cambridge, 1958.

Глава 14

КУЛЬТУРА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЯЗЫКА

Как известно, культура речи является одной из составляющих более общего понятия "культура общения", что подводит нас к таким компонентам общения, как его этика и эффективность. Совершенно очевидно, что для достижения максимальной результативности любого речевого акта необходимо всегда помнить о соблюдении двух довольно тесно связанных между собой требований – нормативного и этического. Нарушение любого из них, отмечает Е.Н. Ширяев, даже если оно не препятствует в целом пониманию текста, "может повредить эффективности общения, вызвав у слушающего реакцию типа: что он может

сказать дельного, если он и говорить как следует не выучился" [25, 45]. Изменение в последние годы доли и взаимных пропорций составных компонентов культуры речи как лингвистической дисциплины повлекло за собой необходимость корректировки самого понятия культуры речи и определения этого понятия. В упомянутой выше работе Е.Н. Ширяева этот лингвистический объект дефинируется следующим образом: "Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач" [там же]. А так как коммуникация всегда совершается в среде, наполненной самыми разнообразными человеческими чувствами, переживаниями, эмоциями, страстями [15, 140], то вполне естествен и оправдан все возрастающий в последние годы интерес лингвистов к личностному аспекту изучения языка.

При таком фокусировании исследовательских установок в поле зрения лингвистов в первую очередь попадает понятие "языковая личность", которое в лингвистических исследованиях последних лет все более "оказывается тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого разворачивается обсуждение наиболее интересных сегодня проблем общего и русского языкознания" [12, 3]. Без учета особенностей конкретной языковой личности, типов языковой личности, отношений отдельной личности и языкового коллектива понятие "эффективность общения" окажется пустым звуком. Общение уже предполагает наличие как минимум двух языковых личностей, которые в речевом акте дифференцируются как коммуникативно-деятельностные единицы, являющиеся составными частями двучлена "говорящий/слушающий" [7, 12]. Для того чтобы сделать коммуникативный акт результативным, говорящий должен осуществить вербальный отбор. То есть он должен отдать предпочтение такому языковому средству, так сформировать словесный состав высказывания, чтобы информация, заключенная в его сообщении, была воспринята слушающим в достаточном для ее понимания объеме. Именно в расчете на соответствующий эффект, в надежде на ответную реакцию (положительную или отрицательную – для нас это сейчас не имеет значения) выполняет говорящий (пишущий) свой речевой акт. Поэтому значительные коммуникативные усилия любой языковой личности, выступающей в определенном речевом акте в активной роли говорящего, в первую очередь должны быть направлены на строгий отбор вербальных единиц.

Однако это, казалось бы, бесспорное теоретическое положение наталкивается в практическом речетворчестве на весьма ощутимые трудности, обусловленные целым рядом особенностей языковой личности. Понятно, что состав носителей языка весьма и весьма неоднороден по своему возрастному, культурному, образовательному и другим уровням. Отсюда и разноуровневость владения родным языком, и сложность для специалистов по культуре речи выработать единые для всех носителей языка рекомендации. Между тем есть некоторые общие

положения, которые могут быть адресованы различным слоям населения без какого-либо опасения быть непонятыми. Среди них такое известное положение: "для каждой цели свои средства" [6, 113], которое предполагает выбор из предоставляемых языком синонимических средств такие, которые помогают наиболее полно, адекватно и доходчиво выразить носителю языка свою мысль. Б.Н. Головин называл это понятием коммуникативной целесообразности, которая "задается" сознанием говорящих и пишущих людей, субъективно понимающих и оценивающих объективную необходимость каждого (помимо правильности) из коммуникативных качеств речи. В отличие от нормы, одинаковой для всех членов языкового коллектива, "целесообразность имеет широкую полосу различий и колебаний, вызываемых и вариантами функционирующего языка (стилями), и социальными различиями человеческих коллективов внутри единого общества (профессиональными, возрастными и иными), и многообразием меняющихся коммуникативных задач и условий. Целесообразность объективна как необходимость, обязательно возникающая в процессе общения, но она и субъективна как осознание и осуществление этой необходимости отдельными людьми" [10, 20].

С позиций коммуникативной целесообразности мы предпримем попытку осветить такую многоаспектную проблему современной русистики, как культура заимствований. Сложность этой работы связана в первую очередь с тем, что лавинообразность поступления в современный русский язык иноязычной лексики (преимущественно англицизмов, "англицизмов-американизмов") начинает влиять на изменение пропорций использования различных способов номинации в сторону увеличения доли внешних заимствований и некоторого сокращения таких всегда продуктивных способов, как словообразование и создание составных сочетаний (на базе элементов родного языка). Интересно в связи с этим отметить, что активизация употребления иноязычной лексики в различных функциональных стилях языка оказалась связанной с четко прослеживаемой с конца 80-х годов тенденцией к весьма широкому проникновению в некоторые сферы языка (в частности, в язык печати и разговорную речь) сниженной лексики. Примеров употребления ее можно найти, к сожалению, в достаточном количестве на страницах газет и журналов, в кино, на радио и телевидении. Достаточно вспомнить фильм "Бля!" и чрезмерную рекламу его, в ходе которой одна из самых ярых защитниц употребления этого слова появлялась повсюду в футболках, с сумками и значками, украшенными этой аббревиатурой, написанной ярко-красной краской, чтобы понять, как снизился культурный уровень нашего общества и как непозволительно свободно начинает функционировать в нашем литературном языке достаточно обширный слой ранее чуждых ему элементов.

Казалось бы, что общего можно найти между чрезмерным употреблением иноязычных слов и увлечением грубопросторечной лексикой. Ведь обычно иностранные слова употребляют в речи люди достаточно образованные и эрудированные или хотя бы стремящиеся выглядеть таковыми, а сниженные лексические элементы – составная часть лек-

сикона малокультурных слоев населения. Не представляет большой трудности определить социальную принадлежность человека по особенности употребления им определенных слов, оборотов речи, конструкций, которые приобретают, как отметил Л.П. Крысин, роль символа принадлежности человека к какой-то определенной группе. Более того, «слова, манера произношения, интонации... нередко служат индикаторами, по которым опознается "свой"; напротив, человек, не владеющий подобной манерой речи, определяется членами группы как "чужой"» [17, 82–83].

Однако в связи с процессами демократизации языка такие различия, особенно в речи молодых людей, все более нивелируются. Стремление молодежи противопоставить себя старшему поколению и уйти от навязываемого, как им кажется, извне стандарта реализуется, например, в речи в увлечении жаргоном, представляющим собой в лексическом отношении своего рода "лоскутное одеяло"; кусочки, фрагменты этого одеяла могут представлять собой элементы воровского жаргона, диалектизмы, вульгаризмы, речевые штампы, иноязычные слова и т.д.

Причины живучести молодежного жаргона, отмечает А.Н. Васильева, это «слабо осмысленное стремление ощутить и сохранить свой особый мир, отличный от общего, "взрослого", "официального" мира, свою независимость в нем; стремление к языкотворчеству, к языковой игре; критическая, насмешливая, шутливая настроенность, помогающая сохранить оптимизм и противостоять "враждебным" явлениям (родительской власти, учительской назидательности, официальному этикету); юношеская бравада, подражание, скрываемая застенчивость и др.» [3, 77–78].

Однако это явление не столь безобидно, как может показаться на первый взгляд, ибо шаблонность речи, приводящая к ее обедненности, косноязычию, засорению нелитературными элементами, нарушает коммуникативные качества речи, в частности ее чистоту. Это относится и к употребляемым без нужды иноязычным словам, и, как это ни парадоксально, к сниженным элементам речи. Данную особенность этих полярных пластов лексики отметил Б.Н. Головин, когда писал о чистоте речи: «Коммуникативное качество речи – ее чистота – получает истолкование и может быть описано на базе соотношения речи с литературным языком и нравственной стороной нашего сознания. Чистой мы называем такую речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов (прежде всего слов и словосочетаний) и нет элементов языка, отвергаемых нормами нравственности... Это так называемые диалектизмы, варваризмы, т.е. включаемые в речь без всякой надобности иноязычные слова и словосочетания. Это так называемые жаргонизмы, т.е. слова и словесные обороты, возникающие и применяемые в жаргонах – узкогрупповых "ответвлениях" от языка народа, обслуживающих замкнутые в пределах группы потребности общения. К числу средств, чуждых литературному языку и требованиям нравственности, принадлежат так называемые вульгаризмы, т.е. слова и выражения, вульгарно обозначающие какой-то круг предметов и явлений жизни и унижающие достоинство и честь человека. К

числу этих средств относятся бранные слова и обороты речи, прямо и недвусмысленно оскорбляющие людей. Наконец, перечисляя средства языка, засоряющие речь, нужно назвать и слова-паразиты, каждое из которых само по себе не вызывает осуждения, однако навязчивое, частое повторение таких слов в речи делает их чуждыми задачам общения» [10, 166–167]. Цитируя столь большой отрывок из работы Б.Н. Головина, мы хотели лишь подчеркнуть свою мысль о том, что, казалось бы, вполне естественный для любого языка процесс заимствования иноязычных слов, являющийся одним из средств пополнения лексического репертуара языка (причем средством, опробованным уже не одним поколением носителей языка), при определенных обстоятельствах способен превратиться в источник засорения языка чуждыми ему элементами; см., например, несколько выдержек лишь из одной статьи в альманахе "Век XX и мир" (1991. № 5): «Сегодня в России происходит соединение "харизматического лидера", "новых нотаблей" и внепарламентских группировок в единое демократическое движение» (с. 33); «Что же касается России, то здесь новая и старая элиты находятся в острейшей конфронтации, а число представителей номенклатуры... "интериоризировавших" демократические установки и открыто перешедших на сторону новой элиты, пока невелико» (с. 34); «Для новой элиты это "пренатальный" период, когда в рамках неформальных движений устанавливаются и социальные связи» (с. 36).

Иноязычная лексика исследуется в отечественной лингвистике уже достаточно давно: начиная со второй половины XVIII в. процессы вхождения иноязычной лексики стали живо интересовать русских филологов, писателей, историков, общественных деятелей. При этом проблема заимствования сразу перестает носить чисто лингвистический характер и переплетается с вопросами политики, идеологии, культуры и т.п. [16, 7]. В обществе появляются различные течения, направления, школы, которые начинают проводить краткосрочные или, наоборот, долговременные кампании против вхождения в русский быт и язык элементов чужой культуры. Общеизвестна, например, яростная борьба Сумарокова и его школы с галломанией придворно-аристократического круга, с языком светских щеголей, пересыпавших свою речь французскими (а иногда немецкими) словами. Они видят в этом макароническом жаргоне опасность утраты национального своеобразия русского языка. Сумароков не был пуристом, он сам вводил новые слова и значения. Он допускал необходимые иностранные заимствования, но был противником порчи языка ненужной чужеземной примесью [5, 47]. Чрезмерное увлечение аристократов иностранными словами и чужеземным бытом неизменно должны были породить и крайне отрицательное к ним отношение со стороны определенной части общества, что и послужило одной из причин появления в русском языке (яркий пример – полемика карамзинистов и шишковцев) пуристических тенденций. Против засорения русского языка иностранными словами, чуждыми национальному духу и самосознанию, выступали, например, и некоторые декабристы. Памятно следующее замечание В.К. Кюхельбекера: "Из слова же русского, богатого и мощного [карамзинисты] силятся извлечь неболь-

шой, благопристойный, приторный, искусственно-тощий, приспособленный для немногих язык [...] Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его [...] баронами, траурами, германизмами, галлицизмами и барбаризмами" [18, 38].

Сатирически высмеивалась русскими писателями и засоренная иностранными словами речь малообразованных дворян, так называемая, по меткому определению А.С. Грибоедова, смесь "французского с нижегородским". Для осознания распространенности и силы влияния на отдельные умы пуристических взглядов достаточно вспомнить борьбу В.И. Даля с "чужесловами", которая составляла основу его лингвистических воззрений.

Однако считать пуризм лишь отрицательным явлением в истории развития и становления русского языка крайне неверно, ибо пуризм заставлял людей обращаться к самобытной национальной культуре русского народа, искать и находить в ней внутренние резервы, пробуждать к жизни потенциальные силы и богатства родного языка. Даже такие реакционные по своей сути взгляды А.С. Шишкова, которые он изложил в "Рассуждениях о старом и новом слоге Российского языка" (1803), и те помогли увидеть и осознать многие проблемы национального русского литературного языка. Поэтому вреден лишь чрезмерный пуризм, крайне консервативные его формы, когда "проповедуется и утверждается отказ от освоенных языком заимствований и предлагается их последовательная замена новообразованиями из исконных морфем (последние при этом понимаются часто ненаучно и неисторично)" [24, 51]. Отрицательное влияние именно такого гипертрофированного пуризма на культуру языка отмечали в разное время не только лингвисты, хотя, пожалуй, лишь лингвисты и способны были дать этому явлению такую, например, объективную оценку, как это сделали представители Пражского лингвистического кружка: они связывали заботу о чистоте языка с заботой об истинной культуре языка, которой вредит всякий преувеличенный пуризм, "независимо от того, какой это пуризм: с логическими, историческими или народническими тенденциями" [22, 40].

Следует отметить, что пуризм вызывал и вызывает отрицательное отношение к себе традиционно лишь в среде профессионалов, специалистов, среди других групп носителей языка отношение к пуристическим воззрениям далеко не однозначно. В истории русского литературного языка отмечен целый спектр оценок этого явления, начиная с того, что это – "воплощение формального и консервативного отношения к языку"; что он демонстрирует "субъективно-вкусовой подход"; что он "ненаучен", "антиисторичен"; что пуристы не понимают (или не признают) "объективных законов поступательного развития языка", и кончая тем, что пуризм – это "закономерный протест против злоупотребления иностранными словами"; что он имеет "большое прогрессивное значение для многих языков", в частности для ряда славянских языков, претерпевших в своем развитии определенные перерывы, и т.д. Очевидна односторонность любого из полярных суждений, и потому отношение к пуризму "должно быть конкретно-

историческим, учитывающим языковую ситуацию, задачи культурного строительства, эпоху развития литературного языка и структуру сложившихся или складывающихся норм и др." [24, 51]. Необходимо учитывать и особенности конкретной языковой личности, которая рассуждает о вреде каких-либо новшеств и изменений в языке или о засорении языка иностранными словами. Например, близость В.И. Даля к славянофильству обусловила то, что его, казалось бы, вполне оправданная борьба с "чужесловами" пошла вразрез с прогрессивными направлениями русской общественной мысли того времени. А замечание А.С. Пушкина о том, что нужно, по возможности, избегать ученых терминов, а если это невозможно, то стараться их переводить, лишь подтверждает тот факт, что поэт последовательно проводил в жизнь свой принцип отрицания излишних заимствований. "...Пушкин, – отмечает В.В. Виноградов, – не отвергает иноязычные, а тем более интернациональные заимствования, особенно необходимые в научной и публицистической прозе. Вовлекая в русскую речь европеизмы, Пушкин исходит из семантических закономерностей самого русского языка и из культурных потребностей русской нации" [4, 200].

Высказывания нормативно-публицистического характера чаще всего бывают связаны с прогнозами по поводу каких-то конкретных заимствований. При этом обычно предлагается русский эквивалент заимствованному слову; см., например, в работе А.П. Сумарокова "О истреблении чужих слов из русского языка" следующие вариантные пары: *плоды – фрукты, столовый прибор – столовый сервиз, передняя комната – антишамбера, комната – камера, опахало – веер, похлебка – суп, переписка – корреспонденция, часть книги – том* и др. Подобную позицию по отношению к иноязычной лексике можно встретить в работах многих лингвистов. "...Не следует прибегать к иностранным словам, – писал Е.Ф. Карский, – когда есть более точные и понятые слова собственные. Зачем, например, иностранное *тезис*, когда есть русское *положение*, иностранное *монумент*, когда мы имеем *памятник;* к чему французское *депо*, когда у нас есть слово *склад*" [14, 8].

Вряд ли уместно сейчас будет осуждать А.П. Сумарокова, Е.Ф. Карского и многих других менее известных "борцов" с иноязычными словами за их весьма благородную и во многом вполне оправданную борьбу за чистоту родного языка. Однако, внимательно просмотрев перечисленные выше пары "свое–чужое", нетрудно убедиться, что многие из тех заимствованных слов, которым предлагались русские эквиваленты, живы в языке и поныне. Более того, некоторые иноязычные слова стали со временем даже более употребительны, чем их русские эквиваленты, например *суп, сервиз, том* и нек. др. Часть заимствованных слов превратилась из лексико-семантического "конкурента" соответствующего исконного слова в единицу со строго определившимся значением, иногда значительно отличающимся от вначале близкого к нему по семантике русского слова; ср., например, слова *камера* и *комната, прибор* и *сервиз, плоды* и *фрукты* и др. Эта тенденция семантической стилистической дифференциации перво-

начально тождественных единиц довольно устойчиво прослеживается во все периоды истории русского языка. Даже в случаях, казалось бы, абсолютной тождественности этих слов все же отмечается различие либо в степени употребительности, либо в сфере их распространения; ср., например: *вывоз – экспорт, ввоз – импорт, аргумент – доказательство, голкипер – вратарь, авиатор – летчик.*

Чаще всего семантически близкое исконному заимствованное слово получает более точное конкретное значение, чем русский аналог, и в дальнейшем функционирует в заимствующем языке только с этим значением. Обычно это происходит в тех случаях, когда семантику заимствованного слова трудно раскрыть одним словом исконного языка, т.е. в случаях не полной дублетности, а лишь частичной семантической близости. Это относится к таким, например, словам, как *имидж – образ, спонсор – учредитель, менталитет – духовность, презентация – показ, представление, брифинг – короткая пресс-конференция* и т.д.

Однако с нашей стороны было бы недопустимой смелостью утверждать, что данные слова вошли в наш язык и стали такой же его неотъемлемой составной частью, как, например, *школа, фонарь, тетрадь, свекла, изюм, чулок, галстук* и многие другие заимствованные ранее слова. Проникшие в русский язык в более ранние исторические периоды, эти слова существенно расширили его лексический состав, так же как стоящие за ними реалии обогатили быт русских людей. К единицам подобного уровня на современном этапе в какой-то мере можно отнести слова *принтер, модем, тюнер, джойстик* и т.п. Значительная часть этой группы заимствованных слов обычно бывает представлена единицами специальной лексики. Обращение специальных сфер языка к иноязычным словам, открытость их лексических фондов вербальным средствам неродного языка вполне закономерна и оправданна.

Целесообразность введения иностранных слов (или отдельных элементов слов) в словарную терминологическую базу обусловливается целым рядом причин. Например, для термина важно соответствие одной формы лишь одному значению. В словарном же составе русского языка (как, впрочем, и других языков) далеко не все соответствует чисто логическим критериям и билатеральность знака выдерживается далеко не во всех случаях. Заимствованное же слово, перемещаемое в "чужой" язык с целью обозначения какого-то одного конкретного предмета или понятия, только его и обозначает, не привнося никаких семантических добавок, никаких дополнительных посторонних представлений и ассоциаций. Кроме того, отдельные элементы иноязычных слов (это касается в первую очередь классических языков) позволяют четко определить место этого слова в ряду терминологических единиц. Часть этой группы лексики иногда бывает известна отдельным носителям или отдельным группам носителей языка. Чаще всего это связано с профессиональными знаниями, однако нельзя оставлять без внимания и наличие высокого уровня культуры владения языком некоторой части носителей языка. Оперирование в этой среде специальной иноязычной лексикой вполне закономерно и оправданно, ибо

наличие данных вербальных средств не нарушает коммуникативных качеств речи в силу определенной "известности" заимствованных слов общающимся между собой языковым личностям. Более того, возьмем на себя смелость утверждать, что именно интернациональная специальная лексика, являющаяся неотъемлемой частью терминологии, упрощает – в определенной мере – процесс общения между людьми, имеющими общие профессии, но говорящими на разных языках. Ясно при этом, что иноязычная лексика терминологического характера не доминирует всюду, во всех специальных текстах, научных докладах и выступлениях, в процессе устного общения. Однако именно в такой разновидности функционального стиля, как научный, она наиболее уместна и употребление ее в процессе общения достигает максимальной эффективности. Не последнюю роль при этом играет то, что заимствованный термин наиболее полно отвечает требованию точности и одновременно сжатости выражения. А это, как известно, одно из основополагающих требований, предъявляемых к терминам современной научно-технической терминологией. Поэтому наличие в специальных текстах иноязычной лексики – явление типичное и в целом вполне обоснованное. См., следующие примеры из филологических текстов:

"Элиминация ЛМ и УМ в пользу референциальных индексов – это не только вполне реалистический способ формального моделирования способностей человека различать и отождествлять предметы (как отметил Мак-Коли), но и единственно возможный путь обучения робота дейктическим выражениям" [21, 84]; "Опосредованный системой знаков чувственный образ – результат социально значимой деятельности человека – всякий раз для каждого отдельного человека первичен по отношению к знаковым механизмам его деятельности и его индивидуальному опыту. Но по отношению к воплощенному в системе знаков управляющему индивидуальным опытом опыту коллектива, которому принадлежит субъект семиозиса, он вторичен. Только после его интериоризации и символизации на основе опосредования другими знаками он пока еще не знак по сути, но уже в форме знака может быть экстериоризирован, включен в систему знаков" [20, 103]; "Важной является мысль о том, что в процессе обучения иностранному языку при отборе учебного материала и средств его интродукции следует учитывать функциональную дифференцированность механизмов, ответственных за понимание и порождение речи, и их зависимость. Лишь на этой основе может быть решен вопрос о презентации учебного материала и наиболее эффективных методов развития соответствующих навыков и умений" [19, 161].

Казалось бы, эти качества заимствованных слов настолько облегчают задачу и создателей и пользователей специальной лексики, что они должны опровергнуть все возражения противников использования иноязычной лексики. Нетрудно понять, что это положение должно быть верно и по отношению к другим языкам. В действительности дело обстоит несколько иначе. Достаточно ярким примером может служить терминологическая лексика английского языка, которая в значительной мере создана на базе исконных элементов. Создается

впечатление, что пользователи англоязычной терминологии не боятся столь нежелательной для русскоязычной терминологии многозначности и наличие ассоциативных связей с другими словами родного языка их тоже не пугает.

Очевидно, что превалирование в последние годы среди новообразований отечественной терминологии иноязычных слов (главным образом из английского языка) связано не только с названной выше, но и с рядом других причин как языкового, так и неязыкового характера.

Известно, что любая терминологическая система – это довольно сложная совокупность связанных между собой тесным образом различных элементов. Поэтому появление новых терминов – это не стихийный процесс создания произвольных искусственных единиц, а вполне осознанный акт терминотворчества, при котором каждый новый термин должен заполнить строго отведенное ему место в системе и отвечать целому ряду предъявляемых ему терминологической системой требований. Среди этих критериев, наряду с уже названным выше критерием точности, при создании термина или при выборе его из имеющихся вариантных языковых единиц определенная роль отводится и критерию благозвучности. Нередко излишняя абсолютизация его приводит к тому, что преимущество отдается не родному, а заимствованному термину. В 60-е годы в прессе была развернута дискуссия о том, каким должен быть научный термин. В ходе ее многие исконно русские термины именно в связи с их явным неблагозвучием, с точки зрения некоторых весьма субъективно настроенных участников дискуссии, были объявлены "уродами" и "сорняками". А что делать с уродами и сорняками – общеизвестно: изгонять и заменять на более благозвучные. Для К.И. Чуковского таким ласкающим слух термином оказалось слово *грануляция*, а существительное *окомкование* подверглось писательской критике.

Абсолютно очевидно, что подобные термины рассматривались изолированно, что никак не учитывалась системность понятий той или иной терминологии, словообразовательная продуктивность в определенной профессиональной терминологии конкретной модели и ряд других критериев. Поэтому субъективный, вкусовой подход к проблеме вхождения в русский язык и функционирования в нем иноязычной лексики (в самых различных его сферах) безрезультативен и бесперспективен. Лишь учет множества критериев, и среди них не в последнюю очередь функциональной необходимости и оправданности, может позволить нам вынести окончательное решение в пользу или против новой заимствованной вербальной единицы. Например, вряд ли слова *детерминированный, диверсификация, драстичный, дистинктивный, контемпляция, мультилатеральный* и мн. др. звучат для русского человека благозвучнее слов *определяющий, разделение, энергичный, отличительный, созерцание, многосторонний*. Тем не менее названные выше иноязычные слова все чаще встречаются в наши дни не только в специальной литературе, но и в изданиях, ориентированных на массового читателя. Интенсивность их употребления в средствах массовой информации настолько возрастает, что речь сейчас идет не об

употреблении иноязычной лексики, а о злоупотреблении ею. Создается впечатление, что из языка скоро исчезнут целые ряды исконных слов (или давних заимствований), ибо многие наши соотечественники (особенно те из них, которые допущены к средствам массовой информации) явно предпочитают им иноязычную лексику. Мало того что газеты пестрят словами *референдум, реформы, импичмент, рейтинг, резиденция, муниципалитет, префект, оппозиция, консолидация* и мн. др., без которых, как это старательно преподносится нашей прессой, русский язык обойтись никак не может, мы теперь и привычные названия необоснованно меняем на новые: *уголовный розыск* именуется *криминальной милицией;* любой, даже третьеразрядный, магазин, киоск, ларек стремится на своей вывеске написать магическое слово *шоп;* оформление помещения – это только *дизайн;* встречи руководителей любого уровня все чаще именуются *саммит*, глаголы *объединить, сплотить* вытеснены заимствованным словом *консолидировать* и т.д.

Иноязычные слова составляют более 3/4 всех новых слов русского языка, и среди них подавляющее большинство имеет англоязычное происхождение. *Файл, флоппи-диск, сингл, андеграунд, спонсор, триллер, гамбургер, дилер, дистрибьютор, букмекер, спикер, рейтинг, бартер, байт, бейсик, блэкаут, уик-энд* пришли в русский язык совсем недавно, вместе с новыми понятиями и реалиями, что является одной из самых главных причин заимствования*. См. следующие примеры, отмеченные нами лишь в одном из номеров газеты "Московская правда" (1993. 28 апр.): "Российские легионеры по-прежнему выступают *в плэй-офф* на вторых ролях"; "Мною занимается мой брат Ефим Успенский. Также он делает *промоушен* Филиппу Киркорову"; «...ограниченный тираж делает эту "винилиновую *стори*" еще одним раритетом в нашей жизни»; «Второй итог опроса состоит в том, что "президент получил из рук народа *карт-бланш* на решительные действия"»; *«"Референдум консолидировал* народ вокруг президента и его курса" – так расценил в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС главный итог всероссийского опроса руководитель Федерального информационного центра РФ Михаил Полторанин» и т.д.

Активизация англо-американизмов обусловлена своеобразием современного этапа в отношениях русского и английского языков. Специфика обусловливается обострением интересов к общественно-политической, экономической и культурной жизни Запада (в первую очередь Америки), вызванным резкой сменой политического и идеологического курса России. А наличие более или менее тесных связей между носителями разных языков, как правило, приводит к лексическому заимствованию, ибо лексика – та область языка, которая наиболее подвержена всякого рода внешним влияниям. Нормально протекающий процесс заимствования (т.е. когда речь идет не о лавинообразном вторжении сотен чужеязычных слов, а о проникновении

* См., например: "...заимствование языковое имеет ближайшей причиной заимствование культурное" [2, 12].

отдельных вербальных единиц) – это обычно акт в определенной мере творческий, предполагающий высокую степень развития языка-заимствователя. При таком заимствовании, указывал Б. Гавранек, "влияние чужого языка – не только внешний фактор, но также и нечто, связанное с внутренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и условиям его развития. То, что язык избирает, становится составной частью его имманентного развития, или, другими словами, активным является заимствующий язык, а пассивным – язык заимствуемый, и было бы неверно представлять это отношение обратным" [8, 107].

Однако на современном этапе развития русского языка вряд ли может идти речь об активности заимствующего языка или об активном пробуждении в русском языке под влиянием заимствованной лексики каких-то творческих процессов. В последние годы отношения между русским и английским языками напоминают улицу с односторонним движением: "ниагарский водопад" англоязычной лексики в русский язык и почти полное отсутствие движения в противоположном направлении. Поэтому, говоря о внешних причинах заимствования, надо принимать во внимание, что наличия даже весьма тесных контактов между народами явно недостаточно для активизации процесса заимствования: ведь интерес к России со стороны Запада также достаточно высок. Но в этих случаях укрепление связей между странами вовсе не имело прямым следствием шквального вторжения русскоязычной лексики в западные языки. Вряд ли можно назвать даже несколько русских слов, которые бы проникли и закрепились хотя бы в одном из тех языков, с носителями которого сейчас у русского народа активизировались разного рода связи. Слова *перестройка, гласность, ускорение* и нек. др., переданные посредством латинской графики и мелькавшие некоторое время на страницах западных газет и журналов, выполнив отведенную им роль своеобразных экзотизмов, ушли в небытие, лишний раз убедительно доказав, что довольно существенную роль при заимствовании играет и такой ранее нами не называемый фактор, как престиж. И нам остается лишь констатировать как факт, что престиж нашего образа жизни, нашей культуры, нашего языка не достиг еще того уровня, при котором мы могли бы, при наличии связей с другими народами, говорить о взаимном влиянии двух культур. Пока процесс характеризуется однонаправленностью, что, при активном влиянии некоторых других факторов, и приводит к экспансии западной культуры и идеологии. Этими же причинами можно объяснить и безудержное распространение во многих языках американизмов, которые нередко начинают выступать в роли интернационализмов.

Нельзя сказать, что во всем мире к проблеме чрезмерного проникновения в язык англо-американизмов относятся с таким равнодушием, как у нас (речь идет о борьбе за чистоту языка не одиночек, а об участии государственных органов). В качестве примера, достойного всяческого подражания, нужно привести отношение к проблеме заимствования новых слов во Франции. Этой стране всегда была присуща забота о престиже французского языка. Этим и объясняется

наличие во все времена во Франции так называемого "лингвистического дирижизма" [9, 39], т.е. участия Французской академии, Министерства просвещения и целого ряда других государственных органов в процессе нормализации родного языка. Эта борьба за чистоту родного языка оказалась напрямую связана с заботой представителей французского капитала о повышении своего престижа как в родной стране, так и за ее рубежами. Вероятно, именно под давлением заинтересованной общественности правительство Франции неоднократно издавало указы, связанные с запретами на употребление англоязычной лексики в делопроизводстве и ряде других терминосистем языка. В качестве замены специальными терминологическими комиссиями предлагаются уже имеющиеся в языке или специально созданные на базе элементов французского языка обозначения. Не остаются в стороне и лексикографы, которые в толковых словарях все чаще помещают рядом с заимствованным словом французский эквивалент. Об окончательных результатах этой работы судить пока еще преждевременно, но одно уже несомненно ясно: забота о чистоте родного языка приобрела во Франции общенациональные масштабы, и труды ученых-лингвистов, направленные на сохранение и упрочение самобытности своего языка, получают поддержку и одобрение в самых высоких эшелонах власти.

Обратная картина предстает перед нами в нашем обществе, где к мнению специалистов никто не прислушивается, где любой чиновник любого уровня может в угоду сиюминутным настроениям и интересам вторгаться в совершенно чуждую ему сферу и наводить там "порядок". Так, на наших глазах произошла замена многих географических названий, давно закрепившихся в русском языке, например: *Молдавия – Молдова, Белоруссия – Беларусь, Киргизия – Кыргызстан, Башкирия – Башкортостан, Ашхабад – Ашгабад, Алма-Ата – Алматы* и др. Никаких консультаций с лингвистами проведено не было. Единым росчерком пера был произведен своего рода акт вандализма. И все это сделано якобы по требованию представителей этих государств. Остается при этом открытым вопрос: а не является ли это требование определенным вмешательством во внутренние интересы чужого народа? И почему до сих пор мы называем жителей Германии *немцами,* а не *deutsch* и т.д.? Вероятно, если руководствоваться подобными требованиями, то и мы должны настоять на том, чтобы в английском, немецком и многих других языках название столицы России было совсем не таким, как это у них принято. Абсурдность таких требований очевидна любому здравомыслящему человеку, однако инертность мышления деятелей определенного уровня, предписывающая им склонять голову перед любым требованием, идущим из-за рубежа (ближнего или дальнего), настолько сильна, что, если последует команда с Запада перейти с кириллицы на латиницу для того, чтобы западному туристу легче было в нашей стране читать названия магазинов, тут же последует чей-либо указ данное мероприятие осуществить. Впрочем, в этом направлении наши коммерсанты уже предприняли кое-какие действия, и на вывесках коммерческих ларьков давно уже красуются

написанные латиницей названия. Эффективность воздействия на покупателя таких вывесок крайне низка, ибо западный турист туда не заглядывает ввиду низкого качества предлагаемых в них товаров и услуг, а отечественному покупателю абсолютно безразлично, по-русски или по-английски написано слово на вывеске, ибо он и без нее знает, что ассортимент товаров во всех этих магазинчиках одинаково убог. Правда, существующая при Московской мэрии комиссия по наименованиям предприняла попытку запретить в городе вывески на английском языке, однако за выполнением этого постановления никто не следит, и потому названия типа *Disco, Bier, AST, Beck's* и т.д. продолжают "украшать" улицы города.

Конечно, борьба за чистоту русского языка не должна сводиться только к силовым методам, и одними указами и постановлениями вряд ли удастся чего-либо достичь в решении столь сложного вопроса. Тем не менее на современном этапе развития языка необходима многоаспектная деятельность в этом направлении, и активное участие в "лингвистическом дирижизме" государственных структур могло бы принести несомненную пользу. Пока же у нас и в правительственных эшелонах власти, и в парламенте, и в ряде других государственных органов наблюдается та же удручающая картина полного безразличия к сохранению родной культуры, одним из элементов которой является язык. Более того, с некоторых пор эти структуры стали одним из каналов проникновения в русский язык иноязычной лексики, в частности злоупотреблением иноязычной лексикой грешат многие депутаты парламента. *Консенсус, приватизация, коррупция, плюрализм, популизм, конверсия, инвестиции* и многие другие слова пополнили в последние годы лексикон отечественных парламентариев. Некоторая часть их до недавнего времени функционировала в русском языке в качестве ксенизмов (заимствованных слов, отражающих быт других стран), и в словарях рядом с ними даже стояли соответствующие указания, например в "Словаре иностранных слов":

Приватизация [< лат. privatus частный] – *в буржуазных странах* (здесь и далее курсив наш. – *Н.Н.*) – передача (продажа) – принадлежащих государству предприятий, средств транспорта, жилых зданий и т.п. в частную собственность.

Коррупция [лат. corruptio] – подкуп, продажность общественных и политических деятелей, должностных лиц *в капиталистическом обществе.*

Импичмент [англ. impeachment] – в ряде *буржуазных стран* (Англия, США и др.) – процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства.

Пауперизация [< лат. pauper бедный] – процесс массового обнищания трудящихся *в капиталистических странах.*

Ср. также:

Мафия [ит. Maf(f)ia] – тайная организация, возникшая в конце 18 в. в Сицилии (Италия), терроризирующая население различными средствами; так стали называться в 20 в. также некоторые гангстерские

организации *в США* (после второй мировой войны наиболее известной стала "Коза ностра" – ит. "наше дело").

Рэкет [англ. racket] – *в США* – шантаж, вымогательство, запугивание, применяемые бандами гангстеров.

Под прямым влиянием экстралингвистических факторов часть заимствованных слов коренным образом изменила свое значение или свою стилистическую окраску, см., например, слова *спекулятивный, маклер, бизнесмен, прагматик* и ряд других. Однако до конца освободиться от своей стилистической маркированности удается далеко не всем из перечисленных слов. И это может быть одной из причин того, что для обозначения стоящих за ними реалий и понятий начинают использоваться новые лексические единицы. А так как в настоящее время в нашем обществе все англо-американское принадлежит к разряду наиболее престижного, то неудивительно, что на смену старым заимствованиям из других европейских языков приходят новые – англо-американизмы; ср., например, слова *маклер* и *брокер*. Дублетность этих заимствований легко подтверждается многими толковыми словарями. См., например, толкование этих слов, данное в некоторых лексикографических изданиях:

Маклер [нем. Makler] – посредник при заключении сделок на фондовых, товарных и валютных биржах (см. также *брокер*) (Словарь иностранных слов).

Брокераж (англ. brokerage брокерство, broker *брокер*, торговый посредник, *маклер*) – вознаграждение или комиссия, выплачиваемые брокерам за услуги (Н.Г. Комлев. Иностранное слово в деловой речи. М., 1992).

Проамериканская настроенность части носителей русского языка оказывает такое давление на всю их деятельность, что не только заимствования из других языков вытесняются англо-американизмами, но даже собственные отечественные открытия, методики, достижения непременно должны получить английскую звуковую "оболочку". Например, группой специалистов была разработана новая спортивная методика, которая тут же получила английское "имя" – *шейпинг*. Эффективно ли употреблять это чужое по звучанию и малопонятное по значению большинству носителей русского языка слово *шейпинг* – весьма проблематично, но одно несомненно: для его создателей оно звучит очень эффектно.

Использование заимствованных слов не с одними только номинативными целями (имеется в виду "чистое" наименование) является весьма распространенным явлением. Иногда оно призвано выполнить роль своеобразного эвфемизма, которым стараются заменить чем-либо "скомпрометировавшие" себя слова (точнее, не слова, а обозначаемые ими реалии или понятия). Поэтому вместо грубого и малопристойного слова, называющего, например, женщину легкого поведения, появляется в русском языке слово *путана*, бандит-вымогатель тоже теперь называется *рэкетиром*, взяточник – *коррупционером* и т.д.

Очень широко используется особенность иноязычных слов выступать в роли дымовой завесы, за которой трудно угадать истинное лицо

какого-то явления, в политической практике. Примеров употребления заимствований с такой целью можно в достаточном количестве обнаружить в любых изданиях, услышать ежедневно в радио- и телепередачах. Например, вместо *повышение цен* употребляется сочетание *либерализация цен;* когда необходимо вывести из состава правительства неугодных людей, говорят о *корректировке состава правительства,* а кадровые изменения в высших эшелонах власти называются *ротацией кадров* и т.п.

Стремление конкретной языковой личности, а также отдельных групп носителей языка употреблять в речи иноязычные слова в угоду современной моде приводит нередко к совершенно парадоксальным ситуациям, когда некоторые неологизмы, образованные на базе элементов русского языка, вызывают ложные ассоциации с английскими словами. К примеру, несколько лет назад, когда был выведен гибрид белуги и стерляди, он получил название *бестер*. Создатели этого слова использовали один из довольно продуктивных способов производства аббревиатур – соединение в одну лексему начальных элементов двух слов: *(бе)луга + (стер)лядь*. Казалось бы, ничего необычного в этом слове нет (аббревиатуры подчас имеют значительно более необычное звучание). Однако автору статьи в одном из популярных журналов удалось увидеть в этом существительном скрытый от глаз "непосвященных" свой особый смысл. И заключается он в том, что данное слово оказалось удивительно схоже по звучанию с английским словом *best,* что в переводе означает "самый лучший, наилучший". И журналист не скрывает своей радости по поводу того, что ему удалось обнаружить это совпадение, ярко демонстрируя тем самым свою приверженность видеть во всем западном тот эталон, которому необходимо следовать во всех "деяниях и речениях".

В лингвистической литературе последних лет уже обращалось внимание на чрезмерное увлечение средств массовой информации немотивированным употреблением иноязычной лексики, причем сами журналисты осуждают это явление, нередко воздвигающее между журналистом и читателями (или слушающими) стену непонимания. «Мы разучились говорить по-русски, – писал в "Литературной газете" (1991. 14 авг.) журналист Е. Раменский. – Подумайте: "Анализируя модели, автор акцентирует"... Что же он акцентирует? И "базальный режим", и "эффективный инструмент анализа релевантного аспекта", и "статус идеи глобального эволюционизма"». Не отстают и гуманитарии: у них "менталитет реализуется в национальной акцептации на фоне процесса суверенизации". Если менталитет и реализуется, то национальным здесь и не пахнет. У газетчиков та же проблема. Тут и "актуальные аспекты глобальных проблем", и "социальная атрибутика". Если недавно нас одарили "эскалацией конфронтации" и "контрактами на эксклюзивную публикацию интервью", то буквально вчера вынырнул "саммит". Попытаем счастья в искусстве. Может, там умеют говорить на своем языке? Но и тут "визуализируются имиджи", "генерируются трансформации, диктуемые спецификой сцены", "амплифицируются сериалы", вовсю идет "презентация премьер" [23, 8].

Вытесняя из активного словоупотребления исконную лексику, заменяя русские слова заимствованиями, журналисты, вероятно, руководствуются желанием привлечь к своему материалу большее внимание, вызвать у читателей повышенный интерес, ибо новое и необычное всегда останавливает на себе взгляд. Поэтому нередко рядом с новой иноязычной лексикой соседствует "сниженная" лексика, выполняющая в текстах ту же функцию. Например: «Проявилась, можно сказать, массовая тенденция *"ссучивания"* экономических специалистов, подсовывающих начальству те расчеты и рекомендации, которые этому начальству хочется видеть»; «Фонды предполагается *выбивать* из структур, ранее не подотчетных Минэкономике. Читай: у Министерства финансов и "монетариста" Бориса Федорова» (Сегодня. 1993. 27 апр.). См. также заголовок статьи в газете "Коммерсантъ" (1992. 20–27 янв.): «Брок-Инвест-Сервис" *засандалил* еще пару "Гермесов"», в которой речь идет о том, как "образуется первый в России холдинг, управляющий акциями широкой сети АО, специализирующихся на оптово-розничной торговле".

Нельзя отрицать, что подобные лексические единицы могут сыграть роль довольно эффективного средства воздействия на читателя, и функционирование их в языке современной печати можно объяснить и даже в какой-то мере оправдать тематикой текстов этой сферы языка, их стилистической и жанровой спецификой, тем, что газета (радио, телевидение) всегда ориентирована на освещение самых актуальных проблем, на отражение и показ самых свежих фактов нашей сегодняшней действительности. А для того чтобы придать содержанию яркую, необычную, привлекательную форму, журналисты и стремятся "украшать" свои статьи пусть непонятными широкому читателю, но непременно новыми, звучными словами. «Ради красного словца – так определил журналист причину злоупотребления иностранными словами в языке по поводу того, почему "красное словцо" непременно должно быть иностранного происхождения, ведь сыплющиеся, как из рога изобилия, к месту и не к месту, они порой затуманивают, а то и просто искажают смысл сказанного или написанного» [11, 3]. На этот порок, возникающий при немотивированном употреблении иностранных слов, обращает, например, внимание Ю.Н. Караулов, подчеркивая, что новые слова, "конечно, отражают становящиеся явления нашей жизни, но... не всегда правильно даже употребляются, а уж воспринимаются массовым слушающим и читающим по большей части с искажением их смысла" [13, 18].

Нередко неправильное употребление иностранного слова приводит к весьма ощутимым коммуникативным потерям. Каждому желающему употребить иностранное слово только ради того, чтобы, как говорил Р.Ф. Брандт, "порисоваться своими познаниями", не мешало бы вспомнить одного из гоголевских героев, который, увидев своего приказчика залезшим на слишком высокую полку, сказал ему: "Что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой". Купец явно связывал слово *пролетарий* с глаголом *пролетать*.

Однако даже в том случае, когда иностранное слово употреблено

правильно, нет никакой уверенности, что коммуникативный акт окажется эффективным, особенно в том случае, когда в качестве воспринимающей стороны выступает не отдельно взятая языковая личность, уровень языковой подготовленности которой может быть в какой-то мере известен говорящему (пишущему), а так называемый массовый носитель языка. Казалось бы, именно в расчете на него и должен производиться отбор вербальных средств в такой сфере языка, как пресса. Однако порой одного беглого взгляда на газеты бывает достаточно, чтобы понять, что сегодня язык газеты все более начинает представлять собой оторванную от живой речевой практики закрытую кодовую систему, рассчитанную на довольно ограниченный круг "избранных", способных понять то, что стоит за каждым из бесчисленного количества незнакомых, чужих слов, которые с нескрываемым удовольствием употребляют в своих материалах отечественные журналисты. Трудно, а порой практически невозможно обойтись без словаря при чтении некоторых газетных текстов. Что делать читателю, не знающему в совершенстве несколько языков, если он откроет, к примеру, один из номеров газеты "Ступени". Одни заголовки типа "Киднеппинг", "Киллеры-дезертиры", "Уик-энд", "Офф-сайд", "Блеф-школа", "Хотлайн 10" говорят о том, что русский язык в данной русскоязычной газете не относится к числу культурных приоритетов. Трудно даже представить себе, на какого читателя рассчитана эта газета. Вероятнее всего, на молодого полиглота, способного как-то понять и оценить этот словесный коктейль, составными компонентами которого являются разухабистость стиля и чрезмерная перегруженность иностранными словами. Подобная удручающая картина "языкового чужебесия" предстает на страницах многих газет и журналов, заставляя серьезно задумываться о том, что перед русским языком встала сложная проблема сохранения своей самобытности вследствие беспрецедентного вытеснения из активного пользования исконных слов и замены их иноязычной лексикой.

Общество все более и более дифференцируется по различным социальным, материальным, культурным критериям. И язык, который как один из самых стабильных факторов должен объединять людей в единое целое – народ, все более и более дестабилизируется. Вот лишь часть примеров, наглядно показывающих, какие трудности приходится испытывать многим из читателей при знакомстве с газетными и журнальными материалами: "Первые продемонстрировали, что они располагают контролем за *электоратом* (здесь и далее курсив наш. – *Н.Н.*) на территориях (в первую очередь в рабочих поселках предприятий добывающего комплекса) и местными органами власти (на уровне районов), способны *канализировать* недовольство населения в нужную сторону"; "Если же беда случится и власть, доведя дело до мятежей, окажется неспособной нейтрализовать их легально, – она потеряет право на *легитимность*" (Век XX и мир. 1991. № 6); "Действительность такова, что кандидатами на выборах будут уже хорошо знакомые обществу лидеры различных партий или их полномочные

представители, а также абсолютно пока не известные гражданам *креатуры* могущественных мафиозных структур"; «"Не семья, а индивид становится *атомарной единицей* распада". Можно спорить с Д. Ольшанским о правомерности линейной *экстраполяции динамики* "распада"»; «...нет иного пути, на котором Россия могла бы избавиться от своей *патримониальной* – "родовой" – *ментальности* и от коммунистических кадров, в коих эта *ментальность* воплощена» (Российская газета. 1993. 15 июня); "Каракс довел до логического конца саморазрушение авторского кино. Оно утратило *спонтанность;* оно нехотя обнажило свои рациональные подпорки. И на смену ему пришла авторская модель кино, *маньеристски* сконструированная из осколков старых жанров и мифов" (Сегодня. 1993. 27 апр.); «Как это ни парадоксально, но сейчас, когда тоталитарное попрание личности с "общеимперского" уровня смещается вниз, на уровень *атоминизирующихся* национальных, территориальных или конфессиональных групп, – в этих условиях государственная идея становится антитоталитарной идеей. Потому что в нашей стране она может осуществляться только на путях конституционной демократии, ставящей права человека выше запросов любых *трайбов* и корпораций»; "...эти механизмы имеют более глубокие корни в генотипе культуры, и надо специально исследовать, как этот старый культурный генотип связан с энтузиазмом *маргинального* сознания" (Век XX и мир. 1991. № 5).

Однако в погоне за "неординарностью" даже этого журналистам уже кажется недостаточно, и в тексты все чаще начинают проникать "вкрапления" – иностранные слова на латинице. Это очень непривычно для читателя и с позиций коммуникативной целесообразности абсолютно неэффективно, ибо в подавляющем большинстве случаев использование таких слов или даже отдельных фрагментов (словосочетаний, идиоматических выражений и тому подобных конструкций) чужого языка приводит к информационной опустошенности текста, к малоэффективности его воздействия на читателя и даже в отдельных случаях к негативной реакции с его стороны на весь подаваемый в тексте материал. Процесс восприятия и переработки таких единиц осложнен даже в тех случаях, когда рядом с ними в тексте употребляется русский перевод. Например: «В первом выходе, очевидно, возбужденные музыкой великого композитора, семь девушек и один юноша в брюках танцуют в стиле topless (Topless – дословно с английского "без верха")»; "Подготовленные ТВ документы... соответствуют как стандартам Минфина России, так и западным нормам minimum disclosure rules (минимальные правила раскрытия информации)" (Коммерсантъ. 1992. 20–27 янв.); "...может, и наши всю неделю перед новогодними праздниками веселятся, ходят в гости, пекут Cristmas pastries (специальные рождественские пирожки) и обмениваются подарками?"; «Задумчиво глядя на мягкие сумерки за окном, я пробовала нежнейшую сладковато-острую селедку в винном соусе и белоснежное плотное мясо копченой "белой рыбы" (witefish)» (Коммерсант-Daily. 1992. 17 дек.) и т.д.

Если же русский эквивалент отсутствует, то в большинстве случаев такие вкрапления превращаются в газетном материале в "черные дыры", дающие о себе минимум информации. См. следующие примеры употребления подобных заимствований: «Загадочное и несколько мрачноватое название – "Бункер", однако контрастирует с free – атмосферой этого заведения» (Ступени. 1993. 22 мая); «"Война" космических гигантов, по мнению обозревателей haute couture, носит характер "непринужденного светского состязания", на которое, однако, затрачиваются миллиарды долларов»; "В рождественский ланч можно заказать блюдо из постоянных меню a la carte"; «В беседе с корреспондентом "Ъ" г-н Трунц сообщил, что в России появятся новейшие разработки компании, в частности технология digital room correction, которая позволяет построить колонки в зависимости от свойств помещения»; "Российские профессионалы и любители музыкальной записи получили дополнительный выбор при покупке акустических колонок: наряду с колонками фирмы Jamo... и продукцией ручной сборки класса high-end европейских фирм в России теперь будет возможность приобрести высококачественные колонки одного из лидеров аудиоиндустрии..." (Коммерсантъ. 1993. 21 апр.); "В заключение г-жа Кемпбелл сказала, что с удовольствием приедет в Москву с брокерами фирмы Rudolf Wulff и проведет с москвичами play-party" (Коммерсант-Daily. 1993. 21 мая); «В пояснительной записке международника Лукина к спикеру Хасбулатову сообщалось, что смысл мероприятия в том, чтобы продемонстрировать Украине железный кулак, сделать ее более уступчивой в вопросе о флоте, заставить весь мир уважать Россию как сильную державу и last but not least произвести патриотический подъем, вызвать "широкую волну поддержки российскому руководству", что облегчит проведение экономической реформы» (Коммерсантъ. 1992. 20–27 янв.).

Не отстает от газет в немотивированном употреблении заимствованных слов и телевидение. Например, знакомство с программой ТВ становится нередко непосильным трудом в получении информации, ибо названия значительного числа телевизионных передач либо являются заимствованными словами, либо сконструированы по типу иноязычных слов. Вот только небольшой перечень названий телепередач одной произвольно выбранной недели: "Бомонд", "Уорлднет", "Экспресс-камера", "Шейп-шоу", "Технодром", "Стартинейджер", "Пресс-клуб", "Пресс-экспресс", "Блеф-клуб", "Хит-парад", "Банко", "Телемикст", "Экс", "Хроно", "Визави", "Бридж", "Бизнес-класс", "Авто-шоу", "Лад-галерея", "Профи-шоу", "Оба-на-угол-шоу", "Экспресс-кино", "Военное ревю", "Презентация межгосударственной телерадиокомпании", "Хоккей-хит-шоу", "Автоэкспресс", "Оранж-ТВ", "Прогноз-информревю" и т.д.

Отрицать необходимость употребления в русском языке всех современных заимствований не осмелится даже самый яростный сторонник пуристических взглядов, так как многие иноязычные слова действительно необходимы для номинации новых явлений и предметов

www.ruslang.ru

или тех явлений, которые изменились под влиянием изменений общественных структур. Однако в большинстве случаев причиной заимствования становится ориентация не только отдельно взятой языковой личности, но и значительной части общества на Запад. Именно о таких носителях языка писал Р.Ф. Брандт: "Иной сыплет иностранными словами потому, что целиком хватает мысли из иностранных книжек и не в состоянии хорошенько переварить их – мысль, сложившаяся в русской голове или хотя бы иностранная, но усвоенная и переработанная русским умом, обыкновенно сама собой найдет для себя хорошее русское выражение. А всякий человек (и в разговоре, а еще более на письме) должен дорожить правильностью, точностью, простотой и ясностью своей речи – одно из средств к достижению этих качеств есть строгая разборчивость в употреблении иностранных слов: только при таком употреблении слова эти являются не лишним балластом, а полезным дополнением родного языка" [1, 10].

В настоящее время факты чрезмерного употребления иноязычной лексики начинают приобретать массовый характер, что при семантической закрытости большинства новых заимствований значительно осложняет коммуникативный акт, нарушает качества речи и во многом влияет на снижение эффективности общения. Поэтому борьба с немотивированным употреблением заимствованных слов – это прежде всего борьба за чистоту, правильность, доступность и эффективность речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брандт Р.Ф.* Несколько замечаний об употреблении иностранных слов: Речь, сказанная на акте 1882 г. (30 авг.). [Б.м.,] 1882.

2. *Булич С.* Заимствованные слова и их значение для развития лексики // Рус. филол. вестн., Варшава, 1886. Т. 15.

3. *Васильева А.Н.* Основы культуры речи. М., 1990.

4. *Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального языка // Избранные труды: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

5. *Виноградов В.В.* Основные этапы истории русского языка // Избранные труды: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.

6. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.

7. *Винокур Т.Г.* К характеристике говорящего: Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989.

8. *Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.

9. *Гак В.Г.* О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978.

10. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980.

11. *Горленко В.* Экология языка // Правда. 1989. 17 мар.

12. *Караулов Ю.Н.* Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989.

13. *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. М., 1991.

14. *Карский Е.Ф.* К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Варшава, 1910.

15. *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

16. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

17. *Крысин Л.П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М.: Наука, 1989.

18. *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, в особенности лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. 1824. Ч. 2.

19. *Опелова-Каролиова М., Супрун В.* К проблеме словаря русских этнонимов // Cheskoslovenska rusistika. 1989. [Т.] 34, № 3.

20. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.

21. *Падучева Е.В., Крылов С.А.* Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.

22. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

23. *Раменский Е.* Богач-бедняк и уроки французского // Лит. газ. 1991. 14 авг.

24. *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

25. *Ширяев Е.Н.* Культура русской речи: теория, методика, практика // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51, № 2.

IV

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 15

ЭВМ И КУЛЬТУРА РЕЧИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Внимание к теории культуры речи диктуется сегодня общественными потребностями, прежде всего в аспекте воспитания языковой личности [16]. Появляется необходимость познакомить читателей и с научным пониманием методологических основ, лежащих в основе проведенных исследований. В современной лингвистической методологии важное значение приобретает проблема компьютерных разработок. В начале 90-х годов в отделе культуры русской речи Института русского языка РАН был подготовлен сборник статей на тему "ЭВМ в исследованиях по культуре речи". В этом сборнике представлены основные направления автоматизации ортологических исследований, в которых ЭВМ используется в качестве важнейшего инструмента при анализе и сборе языкового материала. Проведенные работы показали, что применение средств автоматизации в лингвистике создает широкие возможности для решения целого ряда конкретных задач в исследованиях по культуре речи и нормализации языка. Уместно упомянуть такие важные аспекты работы, как подготовка нормативных словарей и справочников, проведение социологических обследований с помощью специально разработанных анкет, использование компьютера в выборках из текстов большого объема, статистической их обработке, хранении информации и т.д.

Так, одно из наиболее перспективных направлений связано с созданием автоматизированных словников различного типа. Р.П. Рогожникова в статье "Лингвистические проблемы создания Генерального словника в Машинном фонде русского языка" пишет о том, что одним из важнейших компонентов фонда "является Генеральный словник, создаваемый на основе изданных словарей различных типов". Сотрудники словарного отдела Института подготовили "Сводный словарь современной русской лексики", который является одной из составных частей "Генерального словника" современного русского языка. Основой для сводного словаря явились 14 наиболее полных словарей, в которых отразились различные стороны языковой действительности современного периода. При этом с неизбежностью приходится решать вопрос о трудностях в подаче заголовочных слов, об унифицированной подаче грамматических форм, о стилистических пометах и т.д.

Автоматизация обработки лексикографической информации связана с созданием Инструментальной словарной системы (ИСС). Именно этой проблеме посвящена статья Г.А. Черкасовой. В статье детально рассмотрены функциональные возможности ИСС: "выбор из словарной базы информации по заданным значениям лексикографических параметров; формирование списков однородных в каком-либо отношении лексем и их параметров; получение фактографической информации различного типа; получение статистических данных; объединение словарных баз, сравнение данных в различных машинных версиях; построение производных словарных баз". В статье Г.А. Черкасовой говорится о том, каким образом в ИРЯ РАН с помощью инструментальной словарной системы созданы словарная база Автоматизированного "Орфографического словаря" (ОСА) и база Лексико-семантических ассоциаций носителей русского языка (ЛЕКСЕМАС) (руководитель работы – директор Института чл.-кор. Ю.Н. Караулов).

Второе важное направление ортологического характера, по цели и задачам примыкающее к первому, касается работы в области терминологии. В статьях А.Б. Антопольского и А.Я. Шайкевича показана специфика проблемы создания терминологического банка данных в информационной сети и работы над Генеральным словником русских терминов. Эта работа чрезвычайно важна в практической деятельности отдела культуры русской речи. Нередко приходится выбирать наиболее точный и логически обоснованный вариант термина или терминологического сочетания. Как пишет Л.А. Морозова в статье "ЭВМ–терминология–норма", "существуют свои, исторически сложившиеся трудности разночтений, неточностей и грубых нарушений в употреблении ложно ориентируемых терминов отраслевых, региональных, национальных функционирований". Автор приводит характерные примеры употребления терминов в сахарной промышленности. Например, словосочетание *известковое молоко* не может быть признано нормативным: оно семантически противоречиво, так как бóльшая часть извести содержится в нерастворенном состоянии. Второй пример касается употребления в той же терминосистеме термина "сатурация" (лат. *saturatio* – насыщение). Как считают специалисты, "целью обработки фильтрованного дефекованного сока двуокисью углерода является не насыщение сока углекислым газом, а образование карбоната кальция – адсорбента несахаров, позволяющего удалить их при фильтрации" [2, 14–15]. Более предпочтителен термин "карбонатация", в пользу которого свидетельствует отчасти и распространение его в большинстве европейских языков.

Третье направление представляют работы, в которых с помощью компьютера проводятся исследования в области нормализации языка и стилистики текста. Именно этот аспект ортологии и составил основное содержание данной главы.

В отечественной литературе идея экспериментальных исследований в целях нормализации языка высказывалась начиная с 20-х годов и позже в работах Е.Д. Поливанова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, С.П. Обнорского. В рецензии на первый советский орфоэпический

словарь "Русское литературное ударение и произношение" (под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова, 1955) С.П. Обнорский писал: "Только эксперимент поможет разобраться в литературном аканье, в палатализации согласных, в ударяемости слов и т.д. Тогда у нас будет настоящее знание литературного языка, тогда можно объективнее разрешать вопрос его нормализации" [15, 106].

Эти соображения не были отвлеченными и голословными: еще в 1939 г. С.П. Обнорским, Л.В. Щербой и А.Н. Никулиным был составлен "Вопросник по нормативной грамматике русского языка". 96 полученных на него ответов были обработаны вручную, и опыт первого социологического обследования тогда не был продолжен. Однако идея вопросника как инструмента, служащего задачам изучения литературного языка с нормативной точки зрения, не была забыта. В 1956 г. по инициативе С.И. Ожегова был составлен "Вопросник по произношению, ударению и грамматическим формам современного литературного языка", на который было получено 700 ответов. Ручная обработка этих данных также не дала возможности собрать репрезентативный материал [9, 74–77]. Только в процессе работы над темой "Русский язык и советское общество" в 1959–1966 гг. было впервые проведено социологическое обследование основных уровней языка (произношение, морфология, словообразование, лексика) с помощью средств автоматизации. Машиносчетная станция ЦСУ СССР на счетно-перфорационных вычислительных машинах 60-х годов обработала значительные массивы данных по трем вопросникам – морфологическому, орфоэпическому и словообразовательному. Показательно, что по одному только морфологическому вопроснику массив 80-колонных перфокарт составил 56 тыс. В результате компьютерной обработки этих данных было учтено свыше 1,5 млн. ответов. В подготовке материалов вопросников к механизированной обработке в Институте участвовали 14 человек.

Несмотря на то что и сами анкеты при составлении не были ориентированы на механизированную их обработку и перфорационные машины тех лет нельзя сравнивать с компьютерами 90-х годов, следует отметить одно важное обстоятельство. Этот первый значительный социологический эксперимент до сих пор так и не имеет равного себе ни по массовости опроса разных слоев общества, ни по информативности ответов, давших возможность выявить отношение наших современников к неустойчивым нормам литературного языка. С теоретической и лингвистической стороны эти данные были интерпретированы в двух коллективных монографиях – "Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование" (под ред. М.В. Панова. М., 1968. Кн. 1–4) и "Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения" (под ред. Л.П. Крысина. М., 1974). Полученные материалы позволили более глубоко проанализировать закономерности функционирования языка и уточнить современное состояние литературной нормы.

В последующие годы в секторе культуры речи ИРЯ АН СССР продолжались исследования функционирования грамматической нормы с

использованием средств автоматизации. В 1968–1972 гг. велась работа над частотно-стилистическим словарем вариантов под названием "Грамматическая правильность русской речи" (авторы: Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. М., 1976). В кодировании вариантов в Институте приняли участие 11 человек. Статистическая же обработка данных была проведена в ЦСУ СССР. Основой материала послужило выборочное обследование газетных текстов 60-х – начала 70-х годов. Длина текста, из которого были выбраны 100 тыс. вариантов, составила около 2 млн. слов. Таким образом, два наиболее крупных компьютерных обследования языковых вариантов относятся к 60-м годам и первой половине 70-х годов.

В целом эти материалы отчетливо проявили стратификацию функционирующей и развивающейся нормы в большей степени по горизонтали, чем по вертикали. Эти данные позволили составить четкое представление о сложившейся объективной реальности современного употребления варьирующихся языковых единиц. Динамика вертикальных сдвигов нормы характеризовалась и по данным вопросника, и по данным словаря с меньшей определенностью и на менее репрезентативных выборочных совокупностях. Однако нельзя не отметить, что использование метода хронологических срезов по данным опроса в разных возрастных группах помогло обнаружить существенные сдвиги в развитии нормы у более молодого населения. Полученные соотносительные синхронные данные и факты, свидетельствующие о существовании диахронических сдвигов даже в пределах живущих в наше время и сменяющих друг друга поколений, предопределили дальнейший характер исследовательских поисков. Казалось целесообразным провести хронологический анализ нормы по вертикали – на крупных хронологических срезах, характеризующих последовательную смену временны́х состояний и составляющих важнейшие этапы истории новейшего литературного языка (см., например, [10]). Важно подчеркнуть одно обстоятельство. Если результаты двух упомянутых массовых компьютерных обработок материала предоставили нам фактические сведения об иерархической структуре современной языковой нормы в широком плане, то проводимые вслед за этим в 80-х годах диахронические компьютерные исследования дали информацию об истории отдельных категориальных вариантов, неустойчивых в нормативном аспекте. В этих случаях эволюция варьирующихся категорий (словоизменительных и словообразовательных) прослеживалась на крупных и протяженных хронологических отрезках (от 80 до 150 лет).

Формирование нового подхода к литературной норме в таком аспекте стало возможным в связи с идеей "Вариантность и эволюция". Осуществление замысла компьютерного моделирования динамики нормы в 80-е годы стало возможным в связи с организацией отдела Машинного фонда в ИРЯ АН СССР и широко развернувшимися работами, связанными с автоматизацией исследований [13].

В 1984–1989 гг. в отделе культуры русской речи осуществлен ряд конкретных работ, в которых динамика нормы изучалась с применением нового метода – автоматизированной системы сбора и обра-

ботки экспериментальных данных. Таковы три кандидатские диссертации: О.Л. Дмитриевой "Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций" (М., 1987), У.Б. Нурлыбековой "Лексикографическое отображение вариантов словосочетаний и сложносокращенных слов (нормативный аспект)" (М., 1989), М.И. Кадеевой "Вариативность в группе потенциальных pluralia tantum (нормативный аспект)" (М., 1989). Важно отметить, что в этих диссертациях в качестве объекта исследования выступали именно те группы вариантов, которые рассматривались в соответствующих грамматических разделах первых трех коллективных работ. Это дает возможность прослеживать более углубленно преемственные связи, сопоставлять и сравнивать данные по одинаковым явлениям. Конечно, в диссертациях, посвященных одному типу грамматических вариантов, факты собирались по каждому явлению в бóльших масштабах. Вместе с тем ясно, что отдельным диссертациям не хватает панорамного освещения материала по всему спектру варьирующихся единиц. Изолированный взгляд на вариантность с позиций отдельных конкретных исследований подобен "подглядыванию через замочную скважину: часть комнаты, которую можно увидеть, не дает полного представления о всей комнате" [17, 63].

Чтобы преодолеть традицию изолированного рассмотрения явлений, важно установить соотношение полученных исследовательских результатов, понять имеющиеся, но недостаточно осознанные взаимосвязи и взаимозависимости между упомянутыми работами. Поскольку сопоставление полученных результатов всех имеющихся компьютерных разработок по вариантности не проводилось, именно эта конкретная задача и была поставлена в данной главе.

Первая часть проведенного сопоставления соприкасается с проблемой существования функциональных стилей литературного языка. В исследованиях по истории современного языка акад. В.В. Виноградов подчеркивал тезис о том, что система литературного языка развивается неравномерно. Происходят процессы постепенного устранения жанровой разобщенности, наблюдается дальнейшее "вживление" в литературный язык норм разговорной речи и процесс олитературивания просторечия. Мысль о том, что установление закономерностей эволюции литературного языка – одна из центральных в лингвистических исследованиях современного состояния языка, нуждается в дальнейшем развитии. С этой точки зрения представляет интерес сравнение данных по стилистическому варьированию языковых единиц. Сложилось устойчивое и в целом справедливое убеждение в том, что система словоизменения относительно стабильна. Существенных изменений в стилистических нормах грамматики не происходит в течение нескольких десятилетий. Тем более привлекает к себе внимание проблема неустойчивости, живой динамичности некоторых грамматических норм, проявляющейся в сосуществовании вариативных единиц, колеблющихся в определенных формах и категориях. Интересно сравнить их количественное соотношение по данным проведенного анкетирования и по материалам грамматического словаря вариантов. В этих целях из

двух упомянутых выше компьютерных обследований взяты только сопоставимые данные по тем типам вариантов, которые зарегистрированы и в материалах морфологического вопросника, и в материалах словаря грамматических вариантов.

Характер этих материалов, так же как и описание особенностей проведенного эксперимента, приемов компьютерной обработки – все данные справочного характера приведены в предисловиях к названным выше работам. Это освобождает нас от дополнительных описаний источников, из которых получены сведения. Поэтому ниже приводится лишь сопоставительная таблица 1, составленная специально для данной работы. В таблице в качестве подлежащего выступают типы грамматических вариантов, а в качестве сказуемого – статистические показатели, характеризующие варьирование языковых единиц: в графе 2 приведены данные по материалам опроса всех слоев населения, в графе 3 – результаты обследования языка газет (для словаря "Грамматическая правильность русской речи").

В целях наглядности и сопоставимости все показатели даны в процентном выражении. Абсолютные же статистические данные содержатся в трех упомянутых выше книгах. Существенна одна оговорка. Все приведенные здесь и в дальнейшем количественные показатели следует рассматривать как величины ориентирующего характера. Представление о речевой деятельности как о вероятностной системе означает принципиальную невозможность получить абсолютно точные статистические данные. При вероятностном подходе делается ставка на установление соотношения варьирующихся единиц. Обращение к принципам нормативного анализа вызывает необходимость применения "вилок показателей", которые ориентируют относительно тех количественных пределов на шкале нормативных оценок, за которыми должна сдвигаться нормативная рекомендация. Расслоение стилистической системы литературного языка предопределяет и различия в наборе языковых единиц, и степень их вариативности [12].

Данные вопросника в известной мере отражают характер употребления вариантов в некодифицированной речи в отличие от состояния нормы в письменных текстах, предварительно отредактированных. Количественные показатели, по данным опроса, тщательно сопоставлялись в социологическом плане; для нормативных целей важно рассмотреть и реально существующую стилистическую дифференциацию вариантов. Еще одно замечание к таблице: на первом месте в ней помещены варианты с более высоким количественным показателем.

Основной вывод, который можно сделать по материалам проведенных количественных сопоставлений, имеет прямое отношение к проблеме стилистической нормы.

Поскольку стилистическая структура современного литературного языка не является замкнутой и неподвижной, необходимость конкретных исследований обобщающего характера ощущается особенно остро. Сравниваемые в таблице явления вариативности языковых единиц помогают еще более утвердиться в правильности и целесообразности выделения некоторых теоретических координат. Прежде всего оче-

Таблица 1

Типы грамматических вариантов	Процентное соотношение вариантов	
Согласование сказуемого в форме прош. вр. с подлежащим – сущ. муж. рода в применении к лицам женского пола (варианты типа *врач пришла – врач пришел*)	64,7 35,3	95,43 4,57
Согласованное определение при именах сущ. муж. рода, обозначающих лиц женского пола (варианты типа *уважаемый товарищ Иванова – уважаемая товарищ Иванова)*	75,9 24,1	69,05 30,95
Род составных существительных (варианты типа *наша школа-интернат – наш школа-интернат)*	71,6 28,4	84,72 15,28
Именительный множественного – винительный множественного существительных муж. рода на твердый согласный (варианты типа *инспекторы – инспектора)*	78,1 21,9	88,92 11,08
Родительный единственного сущствительных муж. рода на твердый согласный (варианты типа *снега – снегу)*	66,1 33,9	74,85 25,15
Родительный множественного существительных муж. рода на твердый согласный (варианты типа *кедов – кед, граммов – грамм)*	49,6 50,4	79,70 20,30
Предложный падеж сущ. ед.ч. муж. рода на твердый согласный (варианты типа *в цехе – в цеху)*	55,9 44,1	67,63 32,37
Склоняемость топонимов в сочетаниях с родовым названием (варианты типа *в городе Винице – в городе Винница)*	57,1 42,9	52,40 47,60
Склоняемость топонимов на *-ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о)* (варианты типа *в Перове – в Перово, в Люблине – в Люблино)*	44,8 55,2	80,43 19,57
Склонение фамилий украинского происхождения на *-ко, -енко* (варианты типа *у Ивана Василенко – у Ивана Василенки)*	82,5 17,5	94,67 5,33
Колебания в форме повелительного наклонения 2-го лица ед.ч. у некоторых групп глаголов (варианты типа *выбрось – выброси)*	51,9 48,1	70,00 30,00
Формы прош. вр. бесприставочных глаголов на *-нуть* (варианты типа *сох – сохнул)*	66,7 33,3	53,33 46,67
Непродуктивные глаголы с двумя формами настоящего–будущего времени (варианты типа *движется, брызжет – двигается, брызгает)*	73,3 26,7	83,65 16,35
Краткие формы муж. рода прилагательных на *-енный* (варианты типа *ответствен – ответственен)*	55,6 44,4	90,00 10,00

видно, что в приведенных данных нет ни одного случая совпадения показателей по типу варьирования языковых единиц. Однако определенная вероятностная закономерность проявляется достаточно четко. В целом заметно предпочтение более разговорных вариантов по материалам опроса (см. графу 2 таблицы) в сравнении с теми же типами вариантов, отраженных в выборке по материалам словаря вариантов, построенного на письменных источниках (см. графу 3 таблицы). Так, зарегистрировано более частое (свыше 10%) употребление разговорных вариантов типа *инспектора́, трактора́, кондуктора́*; вариантов типа *пачка табаку, купить сахару, мало снегу*; *быть в отпуску, находиться в цеху, быть на краю, на мысу*; непродуктивных глаголов типа *с крыш капает, брызгает белье, двигаются стрелки, меряем километры* и т. д. В письменных же публицистических текстах в подавляющем большинстве преобладают более книжные варианты: формы на *-и(ы)* в им.-вин. мн.ч. (типа *инструкторы, тракторы, коллекторы*); формы на *-а* в родительном партитивном значении (*са́хара, сне́га, хо́лода* и под.); формы на *-е* в предл. пад. ед.ч. (*в отпуске, в цехе, в горном крае, в головном мозге*); книжные варианты непродуктивных глаголов в настоящем–будущем времени (*с гор движутся лавины, с крыш каплет, мерят одной меркой, брызжет дождь, машет рукой* и под.).

Общеизвестно, что некоторые варианты существуют только в разговорной речи, а их эквиваленты – только в письменной. Таковы, например, нулевые формы у бытовых единиц измерения – *грамм, килограмм, гектар*. Этот факт двойственного существования нормы ярко демонстрирует количественное соотношение вариантов: их равновероятность по материалам опроса и предпочтительность формы на *-ов* в газете. Еще пример: практически не склоняются в письменных источниках фамилии украинского происхождения на *-ко, -енко* (типа *Василенко, Чередниченко, Франко*). В обиходной же практике для многих норма другая – 17% опрошенных считают склоняемые формы приемлемыми. Приведенные данные лишний раз подтверждают, что существование стилистической структуры – это не воображаемое, а действительное свойство языковой реальности. Причем стилистическая маркированность вариантов создается и закрепленностью за определенной речевой сферой, и тем, что именно в этой сфере реализуются присущие вариантам дополнительные коннотативные стилистические значения.

Нельзя не вспомнить следующее высказывание Г.О. Винокура о взаимодействии стилистических элементов: "Самое важное заключается в том, что без подобного субъективного дополнения в реальной действительности язык вообще невозможен, потому что даже и вполне нейтральная речь, не имеющая никакой специальной окраски, воспринимается на фоне различных языковых вариантов, так или иначе окрашенных, как отрицательный по отношению к ним момент" [6, 221]. В этом плане следует отметить, что вариативные средства, составляя достаточно обширный слой яыковых элементов, образуют наряду с другими рядами синонимов, паронимов, антонимов профилирующую

стилистическую категорию и в книжно-письменных стилях речи, и в разговорных разновидностях литературного языка. Роль вариантов в стилистической организации текста чаще всего подчинена коммуникативным, эстетическим целям и задачам высказывания.

Можно привести один пример. В "Известиях" от 4 августа 1989 г. опубликован отклик Леонида Лиходеева на одесскую Юморину в жанре письма к другу (ведущему передачи "Вокруг смеха" Александру Иванову) под названием "Дюк здесь ни при чем". По существу это произведение представляет собой не что иное, как художественный публицистический фельетон. Мастерству Л. Лиходеева-фельетониста присущи некоторые особенности, которые обусловливают и многие характерные черты стиля. В основу его произведений обычно кладутся сюжетные и ситуативные юмористические элементы. А речевую стихию составляет разговорно-обиходная речь, в которой автор иногда использует компоненты городского просторечия. Все отмеченные особенности находим и в опубликованном фельетоне – письме, написанном от лица одессита со всеми присущими ему языковыми особенностями. Комбинацией стилистических, лексических и вариантных грамматических средств достигается особая эмоциональная выразительность письма. Приведем именно те отрывки из письма, в которых словесная инструментовка и речевая организация структуры образа автора создается за счет применения грамматических вариантов: "Вы еще молодой человек, Саша, и я хочу вам *рассказать за Привоз*, на котором не было вывески..."; "Я люблю вас, Саша, я вас люблю за то, что вы хоть что-нибудь хотите сделать *с ихним* бесплатным *образованием*"; "В те времена, когда Дерибасовская называлась *по-ихнему*, а заведение Фанкони было превращено в рабоче-крестьянскую пищеточку, в Пале-Рояле ошивался некто папа Сатырос"; "Понимаете, Саша, когда жизнь чужая, так она не своя. А когда она не своя, ее не жалко. А когда ее не жалко, *с нее* можно смеяться, как с чужого фокуса"; "Может быть, это была внучка самой *мадам Стороженки*. Не исключаю". Как видим, в состав речевых средств оформления структуры "образа автора" входят как раз те самые варианты, которые обычно рассматриваются как ненормативные.

С коммуникативной точки зрения важно провести оценку приоритетных факторов, регулирующих употребление вариантов в соответствии с функционированием современных стилистических норм. Стилистические нормы, как справедливо писал Ю.А. Бельчиков вслед за Л.В. Щербой, – это «нормативные варианты внутри литературного языка словоформ, конструкций, орфоэпических явлений и т.п., вносящие в текст экспрессивно-оценочные и смысловые оттенки, например... стилистически окрашенные словообразовательные варианты существительных, обозначающих женщин по роду их занятий (*кассирша, секретарша, врачиха* при нейтральных *кассир, секретарь, врач*). Л.В. Щерба по поводу таких норм писал, что без них "литературный язык становится шарманкой, не способной выражать какие-либо оттенки мысли"» [3, 15]. При интерпретации явлений такого рода на первое место выдвигается фактор осознанного или неосознанного

использования вариантов. Когда мы объективно оцениваем факт употребления вариантов с точки зрения их территориального распространения – речь в большей степени ведется о характеристике местных, а не стилистических норм. Таковы данные проведенного опроса, которые "свидетельствуют о наличии влияния диалектной морфологической системы на речь говорящих" [19, 179]. Например, варианты родительного партитивного на *-у* в южнорусских городах под влиянием близкородственного двуязычия употребляются несколько чаще, чем в центральных городах России. Фамилии на *-ко* и *-енко* в пограничных с Украиной областях также склоняются чаще, чем в центральных, что скорее всего объясняется влиянием украинского языка, в котором склоняемость этих фамилий является нормой. Кстати, именно эту городскую норму и отразил в фельетоне Л. Лиходеев, просклоняв фамилию *Стороженко*. Но писатель это сделал преднамеренно и осознанно в отличие от многих говорящих, которые и не задумываются о существовании грамматических или каких-либо иных вариантов в повседневной речи. Поскольку в университетах, школах, редакциях существует ориентация на общепринятые нормы литературного языка, закрепленные в словарях и грамматиках, чисто диалектные или областные варианты не рекомендуются для употребления их в нейтральной письменной речи. У писателей в диалогах используются диалектные формы: Косилку *в степе* бросил; – *В городу́* из пушек стреляли; – Давай, *об делу* поговорим; – *Слухайся матерю* – эти варианты могут быть использованы только в речи персонажей художественных произведений, в авторской речи они не приняты [8].

Целесообразность использования в художественной речи вариантов, находящихся за пределами литературной нормы, при создании портрета персонажей не вызывает сомнений. Иллюзия местного или социального колорита создается с помощью диалектных, областных и просторечных средств, при отборе которых самой существенной оказывается их способность придать речи определенную стилистическую тональность, индивидуализировать диалоги персонажей. Важно, однако, здесь подчеркнуть, что отражение местных норм в языке художественной литературы нельзя считать прямым воспроизведением народно-речевого быта. Отнюдь не всегда писатели замечают живые вариации разговорно-обиходной речи и не всегда считают нужным прибегать к ним. В силу особенностей художественного восприятия и некоторой психологической аберрации в поле зрения писателей зачастую попадают лишь характерологические явления полудиалектного и вульгарного просторечия, наделенные яркой стилистической окраской. Ясно, что областные, диалектные и полудиалектные варианты или варианты с узким территориальным распространением на шкале нормативных оценок занимают периферийное место, сохраняя, однако, ценность колористических средств речи.

При исследовании тенденций развития литературной нормы и анализе закономерностей ее эволюции особенно значимым оказывается хронологический фактор. Динамический характер нормы во многом определяется интенсивностью смены поколений, обновляющих профес-

сиональные слои городского населения, занятого журналистской, преподавательской, исследовательской деятельностью. Именно эти группы населения активно участвуют в межличностном языковом общении и нередко формируют представления о языковых образцах. Весьма ценным представляется вывод, к которому пришли авторы коллективной монографии "Русский язык по данным массового обследования". Данные опроса показали существенные различия в употреблении вариантов среди разных возрастных групп населения. Вариативность грамматических норм по данным вопросника в зависимости от возрастного фактора достаточно подробно проанализирована [19, 156–242]. В настоящей главе сопоставлены результаты проведенного исследования по материалам вопросника, с одной стороны, и по материалам хронологического анализа динамики нормы, представленной в письменных источниках, – с другой.

Для иллюстрации взяты две крупные группы грамматических вариантов, характеризующиеся высокой частотой употребления и значительной емкостью грамматической модели: 1) варианты рода профессиональных номинаций, обозначающих лиц женского пола (типа *лаборантка – лаборант, специалистка – специалист, диспетчерша – диспетчер*); 2) варианты словосочетаний и сложносокращенных слов (типа *телецентр – телевизионный центр, спортзал – спортивный зал, жилотдел – жилищный отдел*).

Приведем основные сведения относительно вариативности рода профессиональных номинаций. Это явление к настоящему времени изучено досконально многими исследователями: см. историю вопроса и библиографию в указанной кандидатской диссертации О.Л. Дмитриевой "Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций". Разработанность и фактическая обоснованность истории происходившего на протяжении полутора веков активного процесса становления новой нормы дают возможность глубже понять явление, о котором в свое время писал Н.И. Бухарин, отмечавший, что "в микрокосме слова заложен макрокосм истории" [4, 243].

Воспроизводит ли онтогенез изменений нормы в возрастных слоях живущих поколений филогенетический процесс развития нормы с момента ее становления на протяжении более длительного времени – становления, выходящего за рамки живых, наблюдаемых сейчас процессов? A priori можно предположить, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. В этом случае интересно сопоставить статистические оценки нормы, чтобы выявить меру их схождений и расхождений. По поводу женских профессиональных номинаций в исследованиях 60-х годов отмечалось: «Употребление форм муж.р. для именования профессий, свойственных главным образом или даже исключительно женщинам, является... своеобразной инновацией послереволюционной эпохи (разрядка наша. – *Л.Г.*). Традиционно в качестве названий таких профессий выступали только образования жен.р., ср. "модистка, белошвейка, машинистка, маникюрша, кастелянша и т .п."» [18, 21]. Материал исследований О.Л. Дмитриевой уточняет хронологические границы процесса.

Активизация употреблений профессиональных номинаций женщин отмечалась в языке еще с середины прошлого столетия. В автоматизированном вариантно-частотном списке 1860–1893 гг., составленном О.Л. Дмитриевой, зафиксированы и номинации муж. рода применительно к женщинам типа *автор, доктор, оратор, профессор, бухгалтер* и т.д., см. пример: "Мисс С. была бухгалтером в торговом доме и работала как мужчина" (Женское образование. 1878. № 7) [11, 67]. Еще в дореволюционный период в последующей выборке 1894–1916 гг. зафиксированы пары с достаточно заметным количественным преобладанием существительных муж. рода над женским (типа *авиатор – авиаторша, редактор – редакторша, автор – авторша*) и т.д. В послеоктябрьский период проявление тенденции к росту употребительности номинаций муж. рода заметно усилилось; в 30–50-е годы развитие достигло пика, а в 60-е и далее наблюдалась уже значительная перестройка соотношений вариантов, которая происходила, однако, по-разному в различных словообразовательных группах существительных. Такова общая канва истории.

Как ясно из сказанного, метод компьютерного моделирования динамики нормы на протяжении 150 лет дал возможность четко определить хронологические рамки эволюции, установить темпы протекающего процесса, выявить специфику количественных и качественных сдвигов в соотношении вариантов и каждой из словообразовательных групп вариантов. Разработанный метод, как представляется, имеет ряд преимуществ перед другими приемами исследования. Однако справедливости ради следует заметить, что прав был В.В. Виноградов, когда писал о том, что для решения научных задач "должны быть использованы все живые и продуктивные методы современного языкознания – качественные и количественные, структурные и внутренние, семантические..." [5, 18]. Интересно, что полученная из двух разных источников оценка нормы у отмеченных групп вариантов примерно совпадает, что свидетельствует о достоверности полученных результатов. Так, можно сравнить данные вопросника, характеризующие выбор вариантов в парах *председатель – председательница, преподаватель – преподавательница, продавец – продавщица*. В ответах младшей возрастной группы (до 35 лет) более ярко проявилась тенденция к употреблению варианта в муж. роде, чем в старшей возрастной группе (свыше 35 лет).

В монографии "Русский язык и советское общество" эти факты обобщены следующим образом. В старшей группе существительные муж. рода при глаголах в форме наст. времени составили 72,3%, существительные жен. рода – 27,7%. Существительные муж. рода при глаголах в форме прош. времени составили 61,5%, жен. рода – 38,5%. В младшей же группе выбор вариантов еще более сместился в сторону предпочтения существительных муж. рода. Существительные муж. рода при глаголах в форме наст. времени составили 80,5%, женского – 19,5%. Существительные муж. рода при глаголах в форме прош. времени составили 63,6%, женского – 36,4% [18, 36].

В диссертации О.Л. Дмитриевой приводятся примерно такие же

Таблица 2

Варианты	Хронологические срезы				
	1929–1939	1940–1951	1952–1962	1963–1974	1975–1986
	Соотношение вариантов в %				
Сущ. муж.р. (типа *председатель*)	28	33	66	63	76
Сущ. жен.р. (типа *председательница*)	72	67	34	37	34

данные по группе номинаций на *-тель/-тельница* (типа *председатель – председательница*). Однако хронологические отрезки представлены более разнообразно [11, 138] (табл. 2).

Хронологический срез 50–60-х годов и по данным опроса, и по данным обследования письменных источников характеризуется одинаковым стереотипом отношений в пределах количественной "вилки вариантов" (21–40/79–60). В этом случае следует считать употребительными оба варианта с преимуществом одного из них (для данного типа – форму вариантов муж. рода). Конкуренция вариантов происходит и в настоящее время. Можно привести в пример одну конфликтную языковую ситуацию, типичную для восприятия этих вариантов в наши дни. Учащаяся по фамилии Диес написала о себе в документе, что она – аспирантка. Ее отчитали в отделе аспирантуры: "Что вы, секретарша? Надо писать аспирант". – "Но ведь тогда неясно, о ком речь идет в документе – о мужчине или о женщине!" В отделе настояли все же на форме муж. рода. Таким образом, был предпочтен более перспективный вариант, но и вариант жен. рода в данном случае никак не может считаться ненормативным: оба варианта находятся в пределах литературной нормы, однако варианты типа *аспирантка, стажерка* сейчас нередко воспринимаются как более разговорные и менее официальные.

Из проведенных сопоставлений следует один важный вывод: вариативность реализации грамматической системы в данном типе вариантов подчиняется в первую очередь стилистическим закономерностям. В регламентирующей сфере нельзя обойтись без трех самых важных функционально-стилистических градаций нормы, соответствующих наиболее крупным сферам коммуникации – разговорной, книжно-письменной и профессиональной.

Движение от абстрактных представлений о развитии нормы к конкретному знанию о формах ее эволюции помогает преодолеть одностороннее рассмотрение функционирования языковой системы вне ее внутренних и внешних взаимосвязей. При этом приходится пересматривать некоторые выдвинутые научные тезисы, которые на первый взгляд представляются аксиомами. В этом отношении показательна

третья иллюстрация, характеризующая эволюцию нормы употребления вариантов словосочетаний и сложносокращенных слов (типа *телеспектакль – телевизионный спектакль, спортинвентарь – спортивный инвентарь, нефтебаза – нефтяная база*). Именно эта группа номинаций относится к зоне высокочастотных и самых употребительных варьирующихся образований. Результат исследования активных грамматических процессов, происходящих в составе этих вариативных средств в теоретическом аспекте представлен в монографии "Русский язык и советское общество" [18, 105–134]. Выдвинутая тогда проблема образования нового грамматического класса слов вызвала в 70-е годы острую дискуссию. Однако широкого изучения функционирования этих новообразований в языке с помощью средств автоматизации до 1985 г. не проводилось.

Компьютерное и статистическое моделирование нормы, проведенное в диссертации У.Б. Нурлыбековой "Лексикографическое отображение вариантов словосочетаний и сложносокращенных слов (нормативный аспект)", позволило выявить существенные черты последовательно изменяющегося во времени состояния конкуренции этих вариантов. Важные выводы, к которым нельзя было прийти вне автоматизированного вероятностно-статистического анализа, существенно обогащают представления о процессах, происходивших в прошлом и протекающих в настоящем. Прежде всего установлена разносторонняя фактическая база данных. В монографии "Русский язык и советское общество" (1968) справедливо утверждается тезис о росте количества сочетаний этого типа и высокой частоте вариантов сложносокращенных слов. В диссертации же, благодаря высокой производительности работы на ЭВМ ЕС-1022, удалось инвентаризировать основной массив вариантов, бытующих в современных публицистических текстах. Общее число всех зафиксированных вариантов составило 31 358 единиц. Существенно, что первый автоматизированный словарь всех зафиксированных вариантов помещен как отдельное приложение к диссертации. Каждый лексикограф может получить точные сведения о тех 630 вариантах, которые не зарегистрированы ни в одном из толковых словарей. К ним, например, относятся такие давно вошедшие в обиход образования, как *автомагистраль, автохозяйство, главпочтамт, госпредприятие, метеослужба, хлебокомбинат, хозаппарат, электрогрелка, электроэнергетика, энергогигант* и мн. др. К этому можно добавить, что в каждую из трех упомянутых выше диссертаций, использующих для нормативного исследования ЭВМ, в качестве приложения вошли программы компьютерной обработки материала, а это в немалой степени будет способствовать развитию дальнейших исследований в данной области.

Следующее конкретное уточнение касается особенностей эволюции вариантов: процесс становления новой нормы проходил по-разному в трех наиболее крупных лексико-словообразовательных группах вариантов. Только в одной группе сложных слов с соединительной гласной (типа *судовой механик – судомеханик, газовый баллон – газобаллон, нефтяные продукты – нефтепродукты*) заметен интен-

сивный рост сокращенных образований, которые вытесняют описательные обороты (в выборке 60–80-х годов сложносокращенные образования, по данным У.Б. Нурлыбековой, составили 92% против 8% словосочетаний), тогда как в группе сложносокращенных слов с первым компонентом – усеченным прилагательным (типа *спортивные товары – спорттовары, трудовая книжка – трудкнижка, детская площадка – детплощадка*) против ожидания именно словосочетания в выборке 60–80-х годов берут верх над сложносокращенными словами (67% против 33%). Причем начиная с 30-х годов на протяжении истекших десятилетий происходила значительная выбраковка неологизмов 20-х годов. Со временем многие из них вышли из употребления, ср. такие образования, как *архбюро (архивное бюро), винтпатрон (винтовочный патрон), пехшкола (пехотная школа), трактшкола (тракторная школа), косналоги (косвенные налоги), торгсектор (торговый сектор), нарперепись (народная перепись)* и мн. др.

Процесс нормативного саморегулирования был выражен столь определенно, что это дало возможность У.Б. Нурлыбековой не согласиться с одним, казалось бы, очевидным мнением: "Нормальным и оптимальным результатом было и будет закрепление в языке сокращенного названия, его относительное и абсолютное господство над описательным наименованием" [1,31]. В упомянутой группе вариантов этот тезис не может быть отнесен ко всем образованиям. Только в группе сложных слов с первым иноязычным элементом, кончающимся на гласный (типа *автоматическая станция – автостанция, авиационная школа – авиашкола, фотографический аппарат – фотоаппарат*), эволюция происходила в направлении бесспорного роста аналитических неологизмов: в 60–80-е годы отмечено 62% аналитических сокращений и лишь 38% коррелятивных словосочетаний.

Как раз в этой группе наиболее ярко выражено усиление элементов аналитизма; особенно заметно развитие того явления, которое определялось как «процесс превращения "прилагательной морфемы" в слово» [18, 125]. Современные сдвиги в употреблении целого ряда сокращений происходят именно в этом направлении, ср. примеры из текстов публицистики: Необычно тихими были центральные улицы столицы республики в этот день. По инициативе рижского экологического клуба проводился "День *без авто*" (заметка "Воскресенье *для авто*" // Правда. 1989. 6 июня); Театрализованные концерты "менялись моды и ритмы тоже". *Ретро* и *диско*. Московский Дом моделей демонстрирует моды (вчера, сегодня, завтра) (объявление в "Веч. Москве". 1983. 26 нояб.); Наиболее пристрастные к книге прочитывают от 12 до 13 книг в год. В то же время здесь отмечают некоторое отрицательное влияние *видео*, так как молодежь все чаще прибегает именно к этой форме информации для утоления жажды познания (Правда. 1989. 14 авг.). Наряду со словами *ретро, диско, видео* в употреблении закрепляются аналогичные образования: *аудио, хроно, техно, микро, интураэро, метео, евро*. Относительно этой группы аналитических образований в целом прогнозы, высказанные в монографии 1968 г. [18], подтвердились.

Одной из важных задач настоящей главы является согласование информации, собранной в разных компьютерных разработках, так же как и сопоставление частных выводов для получения общего оптимального решения. С этой точки зрения представляется весьма показательным совпадение шкалы общественных предпочтений, выраженных примерно одинаковыми статистическими величинами в работах, выполненных разными авторами. В частотно-стилистическом словаре "Грамматическая правильность русской речи" (М., 1976) варианты типа *телеателье – телевизионное ателье* составили 60,79 и 39,21% соответственно (ср. приведенные выше данные, характеризующие примерно те же вероятностные соотношения). Важно также, что эти данные не противоречат результатам проведенного социологического обследования, обобщенного в монографии "Русский язык и советское общество".

Процитируем фрагмент монографии на эту тему: «Большому количеству информантов был задан вопрос: "Считаете ли вы вполне правильными такие сочетания: *мото-* и *велосипедные гонки, авиа-* и *морские перевозки, электро-* и *газовый подогрев воды*...?" Огромное большинство отвечающих – независимо от возраста, образования и социального положения – дали положительный ответ, т.е. признали приведенные сочетания вполне возможными и правильными» [18, 131]. Для большей убедительности воспроизведем часть помещенной там же таблицы, в которой показаны количественные соотношения полученных ответов в разных возрастных группах (см. табл. 3). Конечно, резко выраженное предпочтение усеченных лексикоформ, отмеченное в двух последних строках таблицы, связано с тем, что восприятие отдельного прилагательного *радио-* поддержано семантикой омонимичного существительного *радио*.

В целом бесспорно справедливо было утверждение, что эта "группа примыкающих определителей, как и весь класс аналитических прилагательных, находится в процессе развития, во многих случаях представ-

Таблица 3

Возрастная группа	1905–1915		1925–1935		1945 и далее	
Сочетания	Ответ (%)					
	положительный	отрицательный	положительный	отрицательный	положительный	отрицательный
Мото- и *велосипедные гонки*	60,0	40,0	64,8	35,2	69,0	31,0
Авиа- и *морские перевозки*	60,0	40,0	66,0	34,0	76,5	23,5
Электро- и *газовый подогрев*	60,0	40,0	60,0	40,0	64,0	36,0
Радио- и *телевизионные передачи*	77,8	22,2	80,0	20,0	82,0	18,0
Радио- и *телевизионные устройства*	79,0	21,0	79,0	21,0	80,5	19,5

ляя факты скорее речевого плана, хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое" [18, 134].

Самое существенное достижение компьютерного моделирования, с нашей точки зрения, заключается в возможностях дальнейшей разработки метода абсолютного датирования изменений нормы. Значительный массив данных, размещенный в хронологических рамках, позволяет адекватно отразить процесс развития нормы, установить время первой фиксации появляющихся новообразований, уточнить темпы протекающего процесса и таким образом усовершенствовать прогнозный элемент научно-лингвистической программы и исследований.

Полученные конкретные результаты помогли выявить существование разных типов эволюции: высокодинамического, умеренного и низкодинамического.

Высокодинамический тип эволюции характеризуется сравнительно быстрыми сдвигами в функционировании конкурирующих единиц (в течение 10–20 лет) и высоким коэффициентом роста, характеризующим темпы изменений. Так, коренные изменения в норме употребления технических единиц измерения в род. мн. (варианты типа *амперов – ампер, ваттов – ватт, вольтов – вольт*) произошли в 90-е годы XIX в. (в рамках одного десятилетия) и характеризовались коэффициентом роста 5,1: каждые 10 лет частота нулевых форм возрастала в среднем в 5 раз, а к 20-м годам для большинства единиц измерения оказалась в качестве единственной. Такой тип эволюции наблюдается сравнительно редко [9, 136–137].

Умеренно-динамический тип эволюции характеризуется более плавными сдвигами во времени (в течение 30–40 лет) и средним коэффициентом роста. Именно таким является развитие нормы у вариантов рода профессиональных номинаций (типа *адвокат – адвокатка, костюмер – костюмерша, стажер – стажерка*). Процесс наблюдается на протяжении 150 лет, общий переломный этап в развитии нормы относится к 1930–1960 гг. XX в. Коэффициент роста варьируется для разных словообразовательных групп от 1,14 до 1,3, т.е. становление новой нормы происходило и происходит в настоящее время постепенно, в некоторых случаях даже малозаметно. Так, в группе массовых профессий производственной сферы деятельности (номинации на *-тель/-тельница, -ист/-истка, -чик/-чица, -щик/-щица* типа *связист – связистка, приемщик – приемщица, учетчик – учетчица*), в которой резко преобладают номинации жен. рода, коэффициент роста намного ниже среднего [11, 164–183].

Низкодинамический тип эволюции характеризуется незначительным изменением состояния нормы, близким к стагнирующему, уравновешенному, и коэффициентом роста, приближающимся к единице. В частности, именно к такому динамическому типу относится функционирование во времени вариантов словосочетаний и сложных слов с соединительной гласной (типа *нефтяная база – нефтебаза, рыбная промышленность – рыбопромышленность*). В этой группе по сравнению с 20-ми годами рост сложносокращенных вариантов был сравнительно незначительным (от 87% в 20-е годы к 92% в 70–

80-е годы). По существу традиционная модель сокращения словосочетаний оставалась ведущей: имел место процесс расширения емкости грамматической модели, в составе которой постепенно увеличивается число новых конкретных образований [14, 123–144].

Общая автоматизированная система обработки информации важна не только для сбора материала, но и для выработки принципов языковой политики, для решения задач, связанных с перспективным планированием актуальных исследований в области колебаний нормы и удовлетворительной ее кодификации. Проведенные в главе сопоставления общих и частных компьютерных разработок убедили в необходимости координации дальнейших усилий в этой области. Накопленный опыт помогает определить наиболее целесообразные направления предстоящих исследований. Важно собрать наиболее полные сведения о современном состоянии вариантности норм литературного языка в разных функциональных стилях речи, составить полные автоматизированные списки вариантов по памятникам литературного языка новейшего времени.

Программное обеспечение при проведении этих работ должно выполнять следующие функции:

1. Синтаксический контроль входных данных.

2. Ввод входных данных и построение справочных файлов и файла исходных текстов.

3. Получение статистических характеристик и занесение их в файл кодов вариантов.

4. Получение выходных таблиц по заданным исходным параметрам.

5. Получение ответов на индивидуальные и групповые запросы о грамматических вариантах и типах текстов.

Эти материалы составят существенную часть и в автоматизированной Справочной службе русского языка, которую предстоит создать в секторе культуры русской речи на базе компьютерной технологии.

Как показано в главе, работа, которая проводилась в избранном направлении, охватывала в основном тексты журнальной и газетной публицистики. Однако важно, что на этом стилистически однородном материале получены конкретные результаты: а) в области моделирования нормы; б) в области разработки программ сортировок выборки по частотному, алфавитному и обратночастотному критериям.

Коммуникативная сторона анализа материала, связанная с совершенствованием общения и выбором наиболее эффективных языковых средств, нуждается в дальнейшем научном обосновании [7]. Большой фактический материал, тщательно изученный в нормативном аспекте, поможет исследователю при выработке и совершенствовании нормативных рекомендаций. Поскольку отклонение от литературной нормы, речь с грамматическими ошибками и стилистическими погрешностями воспринимается как существенный недостаток, забота об удовлетворительной кодификации варьирующихся языковых единиц не перестает быть актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Д.И.* Аббревиация в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977.

2. *Анюшкин Е.С., Иванов С.З.* Терминология сахарного производства в сопоставительном аспекте // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988.

3. *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. М., 1988.

4. *Бухарин Н.И.* Поэзия. Поэтика и задачи поэтического творчества в СССР // Избранные труды. Л., 1988.

5. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1964. № 3.

6. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

7. *Городецкий Б.Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика.

8. *Граудина Л.К.* Разговорные и просторечные формы в грамматике // Литературная норма и просторечие. М., 1977.

9. *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980.

10. *Граудина Л.К.* Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином) // Ономастика и грамматика. М., 1981.

11. *Дмитриева О.Л.* Развитие нормы и проблема кодификации вариантов рода профессиональных номинаций: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

12. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М., 1981.

13. Машинный фонд русского языка (проблемы и перспективы): Сб. статей. М., 1986.

14. *Нурлыбекова У.Б.* Лексикографическое отображение вариантов словосочетаний и сложносокращенных слов (нормативный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

15. *Обнорский С.П.* [Рецензия] // Рус. яз. в шк. 1956. № 5. – Рец на кн.: Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника / Под ред. Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова. М., 1955.

16. *Ожегов С.И.* Вопросы нормализации современного русского литературного языка // Открытое расширенное заседание Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР (13–16 июня 1955 г.): Тез. докл. и выступ. М., 1955.

17. *Рейхман У.* Применение статистики. М., 1969.

18. Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

19. Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения. М., 1974.

Глава 16

ИЗУЧЕНИЕ ОЦЕНОК РЕЧИ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Оценки речи можно определить как реакции говорящих и слушающих (пишущих и читающих) на использование языковых средств в процессе функционирования языка, как оценочные характеристики, даваемые в процессе речи ее участниками, относящиеся к ней самой (чужой и своей) и эксплицитно в ней выраженные. Кратко перечислим признаки оценок речи.

1. *Связь оценок речи с метафункцией языка* (пятая функция языка в модели функций общения Р. Якобсона). Это "рефлексия над собственной речью" [16, 134], которая, входя в текст, создает "переплетение собственно текста с текстом метатекстовым" [7, 421]. Р. Якобсон отмечает, что «"метаязык", на котором говорят о языке... играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь *метаязыковую* функцию...» [52, 201–202]. Метатекстовая функция находит синтаксическую аргументацию в представлениях И. Польдауфа о "третьем синтаксическом плане" (собственно прагматическом), включающем компоненты предложения для "оценочного отношения к содержанию или форме сообщения" [39, 305, 307–308].

Ср.: "Метакоммуникативные реакции кодового содержания могут состоять из критических или оценочных замечаний, возражений, несогласия с применением избранных собеседником средств (именно средств, а не содержания высказывания)" [20].

2. *Нарушение автоматизма речевой деятельности.* Возникновение в тексте оценки речи "вводит речевые факты в светлое поле сознания" [53, 144] – при том, что "сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю" [51, 302]. "...Осознание появляется не тогда, когда говорящие говорят *с помощью* этих элементов,.. а тогда, когда они говорят *об этих элементах*, то есть в метаязыке..." [27, 149]. Неосознанность спонтанной речи (сопровождаемая бессознательным контролем [33, 123]) "не должна обманывать, потому что и такая речь, несомненно, предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически ни совершался этот отбор средств на практике" [12, 86].

3. *Интуитивный* (интеллектуально-интуитивный [1, 289]) *характер оценок речи*: они выражают обобщение говорящими речевого опыта, опыта предшествующей речевой практики [51, 302]. Тем самым оценки речи эксплицируют языковое сознание говорящего (один из видов обыденного сознания, формирующий, хранящий и обобщающий языковые знаки, закономерности их употребления и сочетания, установки на их функционирование и отношение к ним [23, 23]). Ср. понятия "объективное языковое мышление", в отличие от "научного языковедного (лингвистического) мышления" [4, 288–289], и "индивидуальная речевая система" [51, 304]. Важно отметить, что языковое сознание – величина, которая по мере накопления речевого опыта постоянно развивается и может выступать как "предмет воспитания" [12, 84].

4. *Непроизвольный характер оценок речи*: они не заданы содержанием или целями высказывания, а вызываются потребностями регуляции самого общения, в ходе которого они возникают, решением в процессе речи частных (тактических) задач по устранению или предуп-

реждению речевых помех [46]. Тем самым оценки речи суть следствие "языковой бдительности" говорящего (слушающего) в процессе речи (работы бессознательного контроля) и могут рассматриваться как естественный (стихийный) эксперимент. (Ср. взгляд на "современную речевую практику" как на "своеобразный массовый лингвистический эксперимент, осуществляемый говорящими" [18, 9].)

5. *Эксплицитный характер оценок речи,* выраженность их в тексте какими-либо специальными средствами: словесными – нестандартными и стандартными (открытыми и закрытыми формулами типа *как говорят...* и *как говорится*); в письменной речи – пунктуационными (кавычки) и типографскими их эквивалентами (шрифты: курсив, полужирный; способы набора: вразрядку) (подробно см. [45, гл. II]). Отсюда же и *сопутствующий характер оценок речи*: они возникают применительно к какому-либо факту речи (т.е. языковому явлению, реализованному в тексте) и выносят приговор по поводу его "пригодности" ("адекватности средства цели высказывания") в контексте [17, 374].

По содержанию (направленности) основная масса оценок речи делится на два типа. Тип I: "речевая критика" (термин В.П. Григорьева) – эксплицитно выраженная реакция слушающего (читающего) на факт речи в чужом сообщении (отрицательная обратная связь в плане регулирования процесса общения), в аспекте а) "правильно – неправильно" и б) "уместно – неуместно", ср.: а) – И вот мне непонятно, как вы можете писать, если вы не умеете даже говорить по-русски? Что это за "пара минуточек" и "за кур"? Вы, вероятно, хотели спросить "насчет кур"? (М. Булгаков. Роковые яйца. Гл. 5); б) – Вы же сами знаете, что с ним невозможно. Все оценки очень субъективны, действия непоследовательны. Тип с повышенными эмоциями. (Как книжно он выражается!) (Н. Амосов. Записки из будущего. Гл. 3). Ср. утверждение: "...каждый из нас... является в той или иной мере борцом за свой язык, старающимся навязать свои нормы другим" [43, 40]. Тип II: "аргументации употребления" конкретного средства в контексте (возникает в речи самого говорящего как результат примеривания своей речи к собеседнику и создания тем самым "образа слушателя", как контркритика – способ предупреждения возможной речевой критики со стороны собеседника; М.М. Бахтин называл это "ориентацией на чужое слово" [2, 131–132]), ср.: Итак, есть два вида сиюминутности (не очень удачный термин, но лучшего не придумано) (Искусство кино. 1966. № 10. С. 72); Эта, говоря по-шоферски, "искрá" проскакивает, правда, лишь в вершинные моменты жизни Пронякова... (Вопр. лит. 1967. № 1, С. 30).

Таким образом, сфера использования оценок речи – тактика речевого процесса, а основной адрес оценок речи – не что иное, как апелляция к собеседнику: критика ч у ж о й речи (коррекция – п р о т и в факта речи) или защита с в о е й речи (профилактика – з а факт речи). В качестве критериев оценок речи выступают языковые нормы (или, вернее, то, как они отложились в "индивидуальной речевой системе" говорящего [51, 304]): норма литературного языка или узус (стихийно складывающиеся нормы употребления, по-видимому, то же, что "языковой обычай" [5, 94]; "коллективный вкус, ставший тра-

дицией" [34, 328]); иначе говоря – баланс норм отправителя и получателя сообщения. И в том и в другом случае имеет место сличение факта речи (реализованной в тексте единицы языка) с ее системным образцом, отраженным в языковом сознании говорящего [54]. В основе представления об этом процессе лежит гипотеза о блоке контроля в работе языкового мышления, получающая свое подтверждение "на выходе" – наличием оценки речи. Ср. в порождающей грамматике мнение о наличии "особого механизма для сопоставления высказываний, создаваемых в модели говорящего, с предложениями, порождаемыми в схеме описания" [21, 17]; ср. также [23].

Говоря об аргументации употребления, следует отметить ее актуальность для функциональной стилистики: в этом случае оценки речи играют роль и способа переключения от одного стилистического плана (контекста) к другому стилистическому плану (защищаемого факта речи), и способа "примирения" (оправдания) двух разных стилистических планов в одном контексте. (О стилистической окраске контекста как о взаимодействии двух стилистических планов см. [47].)

Сказанное позволяет рассматривать оценки речи в целом как наличествующий в языке более или менее четкий набор достаточно отработанных языковых средств, служащих для выражения "отношения говорящих к речевому процессу" [13, 175], как своеобразный *нерегулярный нелингвистический метаязык носителя языка.*

Понятие "оценка речи" и сам термин были введены в научный оборот в статье [44], но возникновение и формулировка идей, легших в основу понятия "оценка речи", относятся к 20-м годам, когда в работах ведущих русских лингвистов исподволь складывалась проблематика, связанная с оценкой говорящими фактов речи. Исследователи обращали внимание: на "сознаваемость и сосредоточение внимания на языковых фактах", на "оценки по поводу чисто языковых отношений" [53, 182]; на взаимозависимость в ряду «литературный язык – норма ("литературно-языковой идеал") – оценочное отношение носителя литературного языка к языковым средствам» [38]; на способ и форму воздействия на языковое сознание говорящего ("лингвистическая критика" как "оценочно-вкусовые суждения по поводу тех или иных фактов речи") [12, 91]; на понятия "лингвистический опыт" и "индивидуальная речевая система", на природу "оценочного чувства правильности или неправильности того или иного речевого высказывания" как чувства "социально обоснованного", являющегося "функцией языковой системы" [51, 303–304, 309]; на то, что "манера человека строить свою речь в значительной степени определяется свойственным ему ощущением чужого слова и способами реагировать на него" [2, 263].

Параллельно Пражским лингвистическим кружком была выдвинута идея "языковой критики" [17, 363] как "критики конкретных языковых высказываний с функциональной точки зрения" [35, 404], при особой осторожности отношения к "языковому чутью наивного информанта" как к "источнику познания" [26, 319].

Почему идея оценки говорящим факта речи, достаточно четко (хотя и попутно) сформулированная в ряде выдающихся теоретических

работ по языкознанию (и литературоведению) в 20-е годы, не нашла отклика в лингвистике того времени и не стала предметом специального лингвистического изучения – и только в 60-е годы проблема оценок речи стала актуальной? Чем это объясняется?

Задачи культуры речи как лингвистической дисциплины являются производными от состояния и особенностей развития литературного языка определенного периода. Так, ситуация 20-х годов (сильнейшие колебания и разнобой в речевом употреблении под влиянием "разбушевавшейся" нелитературно-языковой стихии [36, 10–11] – следствие величайших социальных потрясений) не только не благоприятствовала обращению к языковому опыту говорящих, но, напротив, вызывала тревогу у лингвистов и возмущение у пуристов (что затем, в 30-е годы, обусловило широкую кампанию борьбы за чистоту литературного языка).

Иная языковая ситуация складывалась в 60-е годы. С одной стороны, предшествующие десятилетия формирования новой советской интеллигенции способствовали широкому усвоению литературного языка и его норм. С другой стороны, имеет место как развитие стилистики литературного языка, стилистической дифференциации его средств [42, 39], так и отталкивание общества (к началу 60-х годов) от господствовавшей в предыдущие десятилетия безличной стилевой казенности и штампов, стремление освободиться от гнетущего влияния "канцелярита" (выражение К.И. Чуковского). Интерес лингвистов к речевому опыту масс литературно говорящих обусловил распространение в 60-е годы анкетного метода изучения языка; в то же время формирование культуры русской речи как самостоятельной лингвистической дисциплины страдало от разнобоя практических рекомендаций, содержащихся в массовых пособиях по культуре речи (см. [30, 426–429]), от отсутствия теории культуры речи, одним из условий создания которой являлась необходимость реального представления о состоянии современного русского литературного языка (включая и оценки, и самооценки говорящих).

Сложившаяся в русском литературном языке ситуация обусловила формулировку задач культуры речи в статьях В.В. Виноградова 50–60-х годов: "изучение норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях" [10, 9]. В комплекс намечаемых В.В. Виноградовым исследований входят и проблема языкового сознания носителя литературного языка ("планомерно организованная и методологически обоснованная исследовательская работа над речевой деятельностью, над индивидуальными речевыми системами в сфере литературного выражения" [8, 227]), и проблема оценки речи ("...должны объективно-исторически анализироваться личные или общественно-групповые оценки разнообразных языковых явлений" [10, 9]). (Немного позже В. Дорошевский отметит, что языкознание "по существу своему" должно иметь предметом исследования также и "языковое мышление как социальный процесс" [22, 125].)

Обращение В.В. Виноградова к понятиям "языковое сознание" и

"оценка речи" выявило то обстоятельство, что они оказываются небезразличными к характеру лингвистических дисциплин. Так, программа, намечаемая в статьях В.В. Виноградова (и включающая в себя проблемы языкового сознания говорящих и оценок речи), охватывает – наряду с культурой речи – также стилистику и историю литературного языка ("История русского литературного языка совершается на наших глазах и в нашем сознании" [8, 223]; подробнее о концепции культуры речи в широком смысле в работах В.В. Виноградова см. [48]). Вслед за В.В. Виноградовым к этой проблеме обратился В.Г. Костомаров, отметивший общность ряда лингвистических дисциплин – культуры речи, стилистики, истории литературного языка, социолингвистики, психолингвистики, противостоящих описательным дисциплинам в лингвистике; так, культура речи должна "нормативно описывать функционирование языка в современной речи, его физиологию (а не анатомию, как, скажем, нормативная синхронно-описательная грамматика или лексикология, отражающая образцовое употребление языка)" [28, 135–136].

Это различие можно иллюстрировать противопоставлением истории языка (исторической лексикологии, фонетики и грамматики) – истории литературного языка: «...очевидно несовпадение этих дисциплин – как, частично, по исследуемому материалу, так и по методу исследования, по самому подходу к этому материалу, взгляду на него. Выдвижение на первый план проблемы языкового употребления, отбора языкового материала в различных сферах его применения, стилистической функции этого материала, а отсюда и специфически поставленной проблемы нормы или системы норм употребления языка – что и составляет сущность "истории литературного языка" в отличие от "истории языка" – находит отражение не только в ином охвате материала и не только в иной его группировке, но и в иной оценке языковых фактов...» [31, 4–5], и тем более, когда речь идет о культуре речи, для которой главной является "проблема функционирования языковых средств в современной речи" [40, 6]; исследователь литературного языка стремится понять "общественное осознание форм и норм литературного языка... восприятие и оценки изменений в его структуре..." [9, 4].

Вовлечение понятий "языковое сознание" и "оценка речи" не только обогащает лингвистическое исследование новой научной категорией, но и принципиально меняет саму схему научного познания, заменяя традиционное соотношение "языковой материал → интерпретация в результате лингвистического анализа" на "(языковой материал + оценки речи как дополнительный источник) → интерпретация в результате лингвистического анализа". Подчеркнем вспомогательную методологическую роль оценок речи, которые в процессе общения высвечивают оценку говорящими языковых средств, а в процессе познания сами становятся объектами лингвистического изучения: «Для нас... важно, что основанные на понимании критические оценки в свою очередь могут стать предметом научной критики и дискуссии: этого достаточно, чтобы не бояться "субъективизма"...» [11, 58–59]. Ср.: показания языкового сознания могут "выступить в качестве компонента деятельности лингвистического познания и в этом смысле стать объек-

том лингвистического изучения, но не в качестве цели, на которую ориентировано исследование, а лишь в определенной роли – в роли эвристического приема или какого-либо иного средства осуществления этой деятельности" [41, 29]. (Таким образом, к оценке роли языковой интуиции для лингвистики может быть применена несколько парадоксальная формула М. Бунге: "Плодотворная интуиция – та, которая включена в основное содержание рационального познания и тем самым *перестала* быть интуицией" [6, 154].)

Для иллюстрации рассмотренных схем лингвистического познания сопоставим а) оценки речи и б) научную статью, посвященные одному и тому же факту речи/языковому явлению: а) ...в первую очередь вопрос об "этажности" (плохое это слово "этажность", но что поделаешь!) (Д.С. Лихачев – Лит. газ. 1965. 10 июня); Следующая проблема связана с несколько неуклюжим словечком "этажность" (Лит. газ. 1965. 26 авг.) – б) в статье В.П. Даниленко и В.Н. Хохлачевой [19] анализируются закономерности образования существительных на *-ость* от прилагательных, выявляется соответствие их не общелитературным нормам, а нормам профессионального языка.

Один из первых примеров последовательного использования оценок речи в культурно-речевых исследованиях – в ортологическом словаре-справочнике "Правильность русской речи". В рецензии на 1-е издание словаря-справочника (1962) рецензенты отмечали: "В справочнике читатель находит интересные свидетельства писателей, журналистов, критиков, в которых сообщается стилистическая (не только стилистическая, но и нормативная. – *Б.Ш.*) оценка тех или иных случаев словоупотребления". В связи с отмеченной особенностью словаря-справочника рецензенты высказали "пожелание, чтобы при переиздании были в большей степени учтены опубликованные в печати наблюдения писателей над конкретными фактами употребления слов и выражений" [3, 114–115]. И действительно, во 2-м издании составители расширили тексты статей словаря-справочника еще рядом оценочных суждений о языке: в словаре рассматриваются примерно 25 оценочных суждений (в том числе и из художественных произведений) по поводу различных неправильностей, трудностей и колебаний в современном словоупотреблении. Любопытно, что содержание приводимых в статьях словаря-справочника оценок речи пересекается с предлагаемым в предисловии "От редактора" перечнем наиболее типичных случаев трудностей словоупотребления: критическая оценка мнимых неправильностей (по поводу слов *боевитый, волнительный, извиняться, котиться, ординарный, отображать, учеба* – в 7 словарных статьях); оценка различных штампов (по поводу *довелось, добротный, значит, иметься, нарушить, трудиться* – в 6 словарных статьях); оценка неуместного употребления стилистически окрашенных слов в нейтральных текстах (по поводу *захоронить, посетить, супруга* – в 3 словарных статьях); оценка неправильного и неуместного употребления заимствованных слов (по поводу *идея фикс, мемориальный, статуя–скульптура* – в 3 словарных статьях). Так в центре внимания составителей оказались "весьма распространенные оценки различных слов и оборотов" [37, 7],

отражающие, по мнению редактора и составителей, "современное состояние русского языка и его норм" [там же, 4].

Примеры использования оценок речи в работах по другим лингвистическим дисциплинам: по социолингвистике – в коллективной монографии [32, 38–39, 65, 68, 69, 74, 75, 101, 108, 109, 114, 177]; по функциональной стилистике [15, 71–100] – в части второй этой публикации собран и представлен богатый материал, свидетельствующий о стилистической оценке пишущими выразительных возможностей языка.

Оценки речи приобретают особую важность для культуры речи в связи с необходимостью осмысления ее адресата: кому, какому слою носителей языка адресованы ортологические словари и справочники (и шире – пропаганда культуры речи); какова "языковая стратификация" этого адресата, степень владения им литературным языком, каковы особенности использования им языковых средств? Без достаточно ясного ответа на эти вопросы вся работа по массовому "лингвистическому воспитанию" [12, 109] в конечном счете не достигает цели.

Здесь до недавних пор единственным подспорьем лингвисту служил метод анкетного опроса. Но отвечающего на анкету носителя языка подстерегают две опасности: 1) неточное или неверное осознание своего употребления и 2) неточная или неверная его формулировка. Из-за "неосознанности нормы" ответ на вопрос (анкеты или спрашивающего лингвиста) "нередко отражает не реальную речевую практику информанта, а его представление, которое может резко расходиться с его собственной речевой практикой" [24, 13]. В этом плане сопоставление результатов анкетного опроса с оценками речи выявляет как а) минусы, так и б) плюсы последних: а) в отличие от первого, оценки речи не могут охватить всего объема вопросов, интересующих лингвиста, – из-за нерегулярного, принципиально не массового характера использования оценок речи говорящими, из-за нерегулярности ситуаций, способствующих возникновению оценок речи (см. [49]); б) в отличие от первого, информация по поводу употребления языковых средств, содержащаяся в выявляемых оценках речи, носит, как правило, достаточно достоверный характер ("отражает реальное восприятие языковых фактов" говорящими [29, 26]), благодаря непреднамеренности возникновения оценок речи, прямой основанности их на речевом опыте говорящих, ср.: "Субъективные оценочные суждения носителя отражают ценностную ориентацию языкового коллектива и сами по себе являются одним из существенных элементов языковой ситуации" [50, 76].

В осмыслении рассмотренных обстоятельств не последнюю роль играет то, что, как уже говорилось, оценки речи могут быть квалифицированы в качестве стихийного речевого эксперимента: в направленном психолингвистическом эксперименте условия последнего задает лингвист; оценки же речи непреднамеренны – они порождены условиями и потребностями самого процесса общения, при том, что говорящие, преодолевая с помощью оценок речи помехи в общении, сами не ощущают экспериментальной природы речевых ситуаций, почему последние могут быть охарактеризованы как "имплицитные экспериментальные ситуации" [33, 68].

Такое понимание оценок речи делает их существенными для теории современного языкознания также и в другом аспекте. Развитие теории выдвинуло на передний план "вопрос о приемах и доказательности лингвистической аргументации" [25, 135] – и тем самым значение эксперимента в языкознании. Отталкиваясь от трактовки Л.В. Щербой этой проблемы [51], Ю.Н. Караулов предложил расширенную типологию лингвистического эксперимента. Не вдаваясь здесь в детали обсуждаемых Ю.Н. Карауловым проблем, отметим, что во всех случаях у него речь идет о н а п р а в л е н н о м эксперименте, в том числе и при "анализе отрицательных языковых фактов: речь при афазии; неправильности, ошибки и оговорки; речь на неродном языке; детская речь; разговорная речь" [25, 138, п. I.3]. Но ведь "неправильности, ошибки и оговорки" в тексте могут выступать – и часто выступают – условием для возникновения в нем оценок речи. Таким образом, проблема экспериментальной лингвистической базы должна включать в себя – наряду с направленным экспериментом – также и стихийный речевой эксперимент, который должен занять в ней свое, обусловленное свойствами оценок речи, место.

Одновременно следует подчеркнуть, что метод использования оценок речи в исследованиях современного русского языка позволяет ставить задачу максимально последовательной фиксации языкового материала, по поводу которого в тексте возникают оценки речи (особенно кавычки): так может быть создана база для выявления, паспортизации и описания не только стилистического, но и синхронно-динамического аспекта в функционировании языковых средств.

Таким образом, оценки речи выступают: в процессе общения – как его регулятор, средство ликвидации или предупреждения речевых помех; в процессе лингвистического познания – как объект лингвистического исследования, как стихийный речевой эксперимент, одно из составляющих метода, базирующегося на соотношении "языковой материал – оценка речи"; в сфере функционального цикла лингвистических дисциплин (в первую очередь – в культуре речи) – как показание языкового сознания, как результат интуитивной переработки речевого опыта говорящего, позволяющий судить об "общественной реакции на принадлежащий обществу язык" [14, 222] и о "языковом вкусе эпохи" (С.И. Ожегов) в их индивидуальной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. М., 1965.

2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Л., 1929.

3. *Бельчиков Ю.А., Томперский В.П.* [Рецензия] // Рус. яз. в шк. 1963. № 5. – Рец. на кн.: Правильность русской речи. М., 1962.

4. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Введение в языковедение [1917] // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

5. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Язык и языки [1904] // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

6. *Бунге М.* Интуиция и наука. М., 1967.

7. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8: Лингвистика текста.

8. *Виноградов В.В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. 1, вып. 3.

9. *Виноградов В.В.* Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // ВЯ. 1955. № 4.

10. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1964. № 3.

11. *Винокур Г.* Критика поэтического текста. М., 1927.

12. *Винокур Г.* Проблема культуры речи // Рус. яз. в сов. шк. 1929. № 5.

13. *Винокур Г.* Культура языка. 2-е изд. М., 1930.

14. *Винокур Г.О.* О задачах истории языка [1941] // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

15. *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

16. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.

17. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура [1932] // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967.

18. *Григорьев В.П.* Культура речи и языковая политика // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.

19. *Даниленко В.П., Хохлачева В.Н.* О словах типа *этажность* (соотношение общелитературного и терминологического словообразования) // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

20. *Девкин В.Д.* Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.

21. *Долежел Л., Краус И., Пруха Я.* К некоторым проблемам моделей языковой коммуникации // Рус. яз. за рубежом. 1968. № 1.

22. *Дорошевский В.* Из истории прилагательных с суффиксом *-ну* в польском языке // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

23. *Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.

24. *Ицкович В.А.* Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

25. *Караулов Ю.Н.* Вторичные размышления об эксперименте в языкознании // Теория языка: Методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. Л., 1981.

26. *Коржинек Й.М.* К вопросу о языке и речи [1936] // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967.

27. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история: (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

28. *Костомаров В.Г.* Проблемы культуры речи // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.

29. *Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С.* Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

30. *Крысин Л.П., Скворцов Л.И., Шварцкопф Б.С.* Проблемы культуры русской речи: (Обзор) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1961. Т. 20, вып. 5.

31. *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в.: (Лексика). М., 1964.

32. Лексика современного русского литературного языка: Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968.

33. *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.

34. *Мильорини Б.* Лингвистическая норма и вкус // Современное итальянское языкознание. М., 1971.

35. Общие принципы культуры языка [1932] // Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967.

36. *Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 1955. Вып. 1.

37. *Ожегов С.И.* От редактора // Правительность русской речи: Словарь-справочник. 2-е изд. М., 1965.

38. *Пешковский А.М.* Объективная и субъективная точка зрения на язык [1923] // Избранные труды. М., 1959.

39. *Польдауф И.* Третий синтаксический план // Языкознание в Чехословакии: Сб. статей. 1956–1974. М., 1978.

40. Предисловие // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

41. *Стеценко А.П.* О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.

42. *А.С[ухотин].* Стилистика лингвистическая // Литературная энциклопедия. М., 1939. Т. 2.

43. *Томашевский Б.В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928.

44. *Шварцкопф Б.С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

45. *Шварцкопф Б.С.* Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

46. *Шварцкопф Б.С.* Оценки речи как элементы тактики речевого процесса // Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме "Мышление и общение". Алма-Ата, 1973.

47. *Шварцкопф Б.С.* Слово и его стилистический контекст // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. IV лингвист. конф. "Слово в языке, речи и тексте". Новосибирск, 1974.

48. *Шварцкопф Б.С.* О концепции культуры речи в широком смысле в статьях В.В. Виноградова 1950–1960-х годов // История русского литературного языка и стилистика: Сб. науч. трудов. Калинин, 1985.

49. *Шварцкопф Б.С.* Оценки речи как объект лексикографирования // Словарные категории: Сб. статей. М., 1988.

50. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. М., 1976.

51. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [1931] // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.

52. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сб. статей. М., 1975.

53. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Рус. речь. Пг., 1923. Вып. 1.

54. *Doroszewski W.* Kryteria poprawności językowej. W-wa, 1950.

Глава 17

ОБЩЕСТВЕННО-ГРУППОВАЯ ОЦЕНКА УПОТРЕБЛЕНИЯ УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Оценки речи представляют собой явления, которые оказывают существенное влияние на выработку стратегии и тактики речевого общения. Речевые стратегии, по замечанию Т.А. ван Дейка, суть специфические свойства речевого взаимодействия, которые проявляются при наличии наиболее общей коммуникативной цели, например реализации дискурсного плана, и определяют общий "стиль" взаимодействия. Другими словами, они определяют, как и какими средствами или возможными способами такие цели могут быть достигнуты [8, 277–278].

С точки зрения практики оценки речи важны для решения проблем науки о культуре речи. В научной литературе по культуре речи, как

известно, широко представлены оценки, имевшие место в разные периоды в отношении заимствованных слов, неологизмов, аббревиатур. Так, вокруг иноязычных заимствований не раз возникала и возникает полемика, суть которой, как правило, сводится, с одной стороны, к требованиям оградить русский язык от иностранных влияний, изгнать из русского языка иностранные слова, мешающие самобытному развитию национального языка, с другой стороны, к защите разнообразных иноязычных элементов, составляющих основу интернациональной лексики и поэтому необходимых русскому языку [2, 88–103].

Направление работ по нормативному исследованию новых слов в языке в общем виде можно представить как изучение нового слова с точки зрения правильности или неправильности его образования, а также потенциальной возможности его вхождения в язык [11, 243–277].

Оценка аббревиатур, как известно, имела широкое распространение в 20–30-е годы нашего столетия, что объяснялось особой активизацией этого процесса словообразования, и была преимущественно негативной. "В качестве оснований негативной оценки, обусловленной лингвистической природой ее объекта, выступали: лексическое своеобразие сложносокращенных слов; полное или частичное отсутствие у многих из них внутренней формы; неблагозвучие, эстетическая ущербность звуковой формы ряда аббревиатурных номинаций; резкое увеличение парадигматической избыточности языковых выражений, явившееся следствием образования большого числа аббревиатур" [4, 77].

Возможно выделить ряд факторов, которые обусловливают внимание носителей языка к разным речевым явлениям. Главными среди них считаются лексическая и грамматическая адаптация (как в парадигматическом, так и в синтагматическом плане).

В отношении экспрессивных форм с суффиксами ласкательности и уменьшительности (далее сокращенно ЭФЛУ) в речи складывается система оценок, по отправным точкам и характеру заметно отличающаяся от оценок ранее упомянутых единиц. Существенные черты, определяющие отличие ЭФЛУ в этом отношении, связаны с древнейшим характером их существования и использования в речи.

Материалы ряда исследований ЭФЛУ в историческом плане показывают, что в XVII–XVIII вв. образования с уменьшительно-ласкательным суффиксом широко использовались в устной речи, как и в письменной, с определенными установками: выразить различное отношение к предметам, явлениям, действиям. Прямым подтверждением этому является наличие фразеологических выражений, содержащих ЭФЛУ в качестве одного или нескольких элементов идиомы: *дружба дружбой, а денежки врозь*; *денежка счет любит*; *белые ручки чужие труды любят*; *по одежке протягивай ножки* и мн. др. [14, 14–17; 16, 152–162]. Подтверждением еще более раннего (по сравнению с XVII–XVIII вв.) времени бытования является их употребление в текстах различных жанров русского национального фольклора.

Природный для языкового сознания носителей языка характер существования ЭФЛУ служит тем фактором, который определяет обилие этих форм в речи, так же как и автоматизм деривации уменьшительно-

ласкательных форм от слов, позволяющих производить ЭФЛУ. Этим же объясняется и регулярность использования их в качестве средств реализации таких прагматических функций, как вежливая просьба, сочувствие, смягчение некоторых форм высказывания (приказы, отказы, требования) и т.п.

Целям получения общественно-групповых оценок уменьшительно-ласкательных образований послужила анкета-вопросник, задания в которой строились в соответствии с наиболее типичными случаями использования ЭФЛУ в речи. Задание I: ситуация покупки в магазинах различных типов (продовольственный, книжный, "Одежда", цветочный, а также почта). Задание II: ситуация общения в поликлинике, парикмахерской и других учреждениях города, в которой предполагалось выявить эмоциональную реакцию носителей языка. Задание III: ситуация общения в семье; вопросы этого задания были рассчитаны на выявление типичного словоупотребления в "семейной" речи. Задание IV: ситуация общения с незнакомыми людьми (в городском транспорте, магазине, на прогулке и под.). При этом учитывались прагматические и этические правила общения, определявшие выбор высказываний с ЭФЛУ. Задание V: ситуация обращения друг к другу.

В исследовании была поставлена задача выяснить, в какой мере употребление ЭФЛУ в речи как средство реализации основных принципов прагматики реально существует в коллективном сознании и речевой практике говорящих. Исследуемые формы – сложные индикаторы речевой практики не «глобальной личности, в которой слиты все ее составляющие, а личности "параметризованной", выявляющей в акте речи одну из своих функций или психологических аспектов» [1, 357]. В русистике с 50-х годов сложились представления о тех параметрах, которые необходимо учитывать при проведении социолингвистических исследований: данные распределялись по трем основным параметрам – возраст, образование, профессия анкетируемого. При проведении нашего эксперимента выяснилось, что женщины и мужчины отвечают по-разному на вопросы об уменьшительных формах. Поэтому при опросе было необходимо учитывать и пол анкетируемого. Статистические данные, собранные при анкетировании, подвергались проверке на степень однородности в соответствии со значением величины χ^2, подсчитываемой по определенной формуле. Для получения статистических результатов была создана программа обработки данных. Анкеты вводились в ЭВМ IBM PC AT.

Общие результаты ответов на вопросы заданий анкет-вопросников предполагают вывод: в тех случаях, когда уменьшительно-ласкательная словообразовательная форма отчетливо осознается носителями языка, участники речевого акта в таких распространенных ситуациях, как ситуации покупки, диалог между заказчиком и мастером в ателье, клиентом и мастером в парикмахерской, больным и врачом в поликлинике и т.п., считают высказывание с уменьшительно-ласкательным образованием неприемлемым.

Однако дополнительные наблюдения с соблюдением правил естественного эксперимента показали, что ЭФЛУ в ситуации, например,

покупки – явление, достаточно распространенное. См. запись высказываний в ситуации покупки – фрагмент естественного эксперимента:

– Мне *кабачочек* небольшой, теперь *помидорчики*, один килограмм. И *перчика штучек* пять, полкило *узеньких*. Лучше *узенький* бы дали *перчик* вместо этого. (Напоминает продавцу): Кабачок, килограмм *помидорчиков*... (При расчете): *Пятерочку*;

– *Помидорчики* какие-то, *огурчики*;

– Смотрите какие *помидорчики хорошенькие*. Полкило огурцов возьму, чтоб салат сделать. И полкило *огурчиков*.

Подсчет соотношения количества покупателей, употребляющих ЭФЛУ, к общему количеству покупателей дал следующие результаты: 25.VII – 59%; 27.VII – 70%; 29.VII – 50%; 30.VII – 40%; 31.VII – 50% (запись производилась в июле 1992 г.). Средний показатель такой речевой практики – 53,8%.

Возникающую ситуацию следует, на наш взгляд, интерпретировать таким образом: в условиях искусственного эксперимента, когда внимание носителей языка актуализировано в отношении ЭФЛУ в речи покупателя, эти формы отвергаются, поскольку не считаются "престижными" для выражения подобных интенций. В сознании говорящих существует представление о прагматических свойствах ЭФЛУ – быть средством реализации мягкой просьбы, предупреждения отказа и т.п. ЭФЛУ имплицируют подтекст: "не отказывайте, я же прошу вежливо, ласково; если отказываете, то в соответствии с тональностью моей просьбы – не грубо".

В реальных же условиях коммуникативного акта говорящие прибегают к употреблению ЭФЛУ в ситуации покупки именно с целью создания необходимой "благоприятной" для них обстановки общения. ЭФЛУ в подобных ситуациях становятся знаками вежливости по отношению к продавцам.

Существует представление, согласно которому, в отличие от приведенной выше общественно-групповой оценки, ЭФЛУ в данной ситуации можно считать приемлемыми: "Деминутивы в ситуации покупки, выполняющие функцию своеобразной вежливости, также следует рассматривать как функционально у м е с т н о е (разрядка наша. – *Т.К.*) употребление, которое не отличается особым экспрессивным зарядом" [17, 17]. Подобное мнение можно было бы принять во внимание с целью коррекции определенных выводов и рекомендаций, если бы в цитируемом источнике не было следующего положения: "По нашим наблюдениям, деминутивы в функции вежливости употребляются в чешских текстах скорее в речи обслуживающего персонала, в русских текстах, напротив, в речи обслуживаемых, покупателей" [там же, 17].

Исследователи русской разговорной речи оценивают это явление как явление, стоящее за рамками литературных норм: "Для стереотипов, связанных с ситуацией покупки (магазин, рынок) и общественного питания (столовая, ресторан, кафе и т.п.), характерна высокая употребительность уменьшительных существительных (*сырку двести*

грамм; *колбаски полкилограммчика*; – *На закусочку что возьмете*?; – *Лимончик к рыбке не пожелаете*?). Такое словоупотребление связано с гиперкоррекцией вежливости и должно быть оценено как нарушение норм литературного языка" [15, 98].

Важно установить причины негативной общественно-групповой оценки (заметим, что исключением из списка негативной оценки стали задания, касающиеся форм "семейного" общения, а также некоторых обращений). Установлению причин способствовало исследование индивидуальных оценок ЭФЛУ. В индивидуальных оценочных высказываниях носителей русского языка отражаются представления говорящих о своеобразии семантики ЭФЛУ, о прагматической "ориентации" этих единиц и в соответствии с этим об этических и эстетических моментах их использования, о выразительных возможностях ЭФЛУ в высказывании в тексте.

Все основные выделенные факторы в оценке ЭФЛУ – это явления экстралингвистического характера. Ситуация подобна той, которую определил Г.О. Винокур в отношении слова *извиняюсь*. Как известно, учебниками и пособиями по стилистике его не рекомендуется употреблять в речи. Г.О. Винокур писал: «...грамматически оно безупречно, и все его "несчастье" заключается просто в том, что экспрессия его есть экспрессия культурного провинциализма» [5, 102]. Также безупречны с точки зрения грамматики ЭФЛУ, но оценка, полученная нами из разных источников: текстов художественной литературы, научных, научно-популярных работ, публицистики, художественно-критических статей, писем, биографических исследований и т.д. – носит в основном отрицательный характер. Причины такой оценки могут быть объяснены факторами различного свойства:

1. Фактор "социальной" маркированности употребления ЭФЛУ.

В этом отношении показательны результаты наблюдения над зависимостью употребления в речи уменьшительно-ласкательных образований от социального статуса говорящих, изложенные в статье Х.Х. Монтеса "Заметки о социологических импликациях употребления уменьшительных имен". Автор изучил употребление имен уменьшительных в двух районах Колумбии: Бойака и Кальдас. В качестве источников служили романы "Раб без земли" К. Кальдерона для первого и "Кольдильера" А. Кардона Харамильо для второго. Тщательный анализ полученного в результате сплошной выборки материала привел Х.Х. Монтеса к выводу, что различие социальной структуры обоих регионов ("энкомьенда" и полная зависимость индейского населения от белых в первом, относительная нерасчлененность классов во втором) находит в нем прямое отражение: в «"Рабе без земли" имен уменьшительных встречается больше, среди них выделяются отсутствующие в "Кордильере" типы captatio benevolentiae, уменьшительные сострадания (11% против 2%) и пренебрежения; напротив, мало представлены уменьшительные ласкательные, широко распространенные в Кальдас с ее культом семьи и домашнего очага, а также уменьшительные уничижительно-провоцирующие (последние – в терминологии автора, что соответствует, на наш взгляд, уменьшительно-

уничижительным), так как крестьянин из Бойака не способен на сопротивление» [12, 183].

Несмотря на несколько упрощенное и схематическое описание факта зависимости употребления ЭФЛУ в речевой практике говорящих от социальной принадлежности, считаем необходимым принять во внимание это положение.

2. Фактор импликации ЭФЛУ моментов социальной психологии говорящих.

Как следствие социальной обусловленности употребления ЭФЛУ за ними сформировалась своеобразная "репутация" средств импликации психологии зависимости, униженности и т.п. По словам П. Антокольского, "все это сигналы притупленного чувства родного языка. Но за ними, сквозь них угадывается и так называемая психология". Черты этой "психологии" представлены в словах А. Куприна: «"Ему, дорогая Анна Павловна, покажите только маленький кусок яблочного пирога. Вот эту горбушечку," – указывала мать на кусок корки без начинки. И еще говорила она постоянно уменьшительными словами, входившими в обиход обитательниц Вдовьего дома. Это был язык богаделок и приживалок около "благодетельниц": *кусочек, чашечка, вилочка, ножичек, яичко, яблочко* и т.д. Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и приниженности"» [10, 86].

Своеобразный отголосок такого "языка" находит Г.А. Золотова в случаях употребления ЭФЛУ в ежедневно встречающихся ситуациях общения: "У прилавка, в кафе, в поликлинике, у канцелярского стола, в телефонных разговорах то и дело приходится слышать: *Будьте добры, колбаски полкило. Два билетика, прошу Вас*! *Будьте любезны, подайте два салатика и две сосисочки*!.. Становится ли речь, уснащенная уменьшительными суффиксами, более вежливой? Вряд ли. За ними чувствуется не столько вежливость, сколько заискивающий тон, желание быть угодным, не натолкнуться на отказ" [9 ,69].

Присущие ЭФЛУ особенности такого рода широко используются в художественной литературе с различными целями:

1) в описании: с целью создания особого образа персонажа: "Чистенький, немножко плешивый, с золотыми бачками около ушей, скромный, он всегда имел вид человека, готового у с л у ж и т ь (разрядка наша. – *Т.К.*) (А.П. Чехов); Он – черненький, сладенький и тихонький. У него есть глазки, усики, губки, ручки и скрипочка. Он любит нежные песенки и вареньице. Мне всегда хочется потрепать его по мордочке (А.М. Горький). Широко используется ЭФЛУ в подобных функциях в творчестве В. Набокова (см. повести "Машенька", "Подвиг", "Король, дама, валет");

2) с характерологическими целями: напомним в качестве примеров известные и достаточно подробно описанные речевые портреты Макара Девушкина, других героев, образов-символов "Униженных и оскорбленных" Ф.М. Достоевского.

3. Фактор способности ЭФЛУ представлять систему эстетических и этических ценностей определенного социума.

Лаконично и образно сущность таких ценностей обозначил

Г. Шпет в "Эстетических фрагментах": «...промышленный стиль – такая же историческая необходимость, какою некогда был стиль "мещанский": с цветочками и стишками на голубеньких подвязочках» [19, 19].

В.В. Виноградов находил черты этого стиля даже в тех случаях, когда уменьшительно-ласкательные формы употреблялись в высказываниях, обращенных к ребенку, или в речи врача, желающего выразить сочувствие больному: *Дай маме ручку*; *Таблеточки принимаете*? *Выпишем пустырничек, валерьяночку* и т.п.

В статье "Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания" В.В. Виноградов анализирует язык героев комедии Л.Н. Толстого "Зараженное семейство", направленной против Чернышевского и его сторонников. Комедия построена на контрастах словесных "масок" персонажей, некоторые выражения "ведут прямо к Чернышевскому и являются пародией на его язык" [3, 16–17]. Так, Венеровский, говоря с Любочкой, употребляет выражения *миленькая* или *моя миленькая* ("вы очень умны, миленькая") – слово, которое коробит Любочку: "Не говорите: миленькая. Так нехорошо". Это слово постоянно употребляет в романе Чернышевского Лопухов, называя жену *миленькая*, а она его – *миленький*. По мнению В.В. Виноградова, "Зараженное семейство" – это пародия на "Что делать" и на язык тогдашней передовой разночинской интеллигенции. Как видно, Л.Н. Толстому претило такое словоупотребление.

О том, что Л.Н. Толстой не принимал Н.Г. Чернышевского с его идеологией, манерой художественного воплощения идей, свидетельствует и В. Набоков в романе "Дар". В настоящей главе мы приводим цитату из романа, чтобы не только подтвердить сказанное выше, но и показать к тому же использование Л.Н. Толстым ЭФЛУ в целях создания внешнего портрета и передачи особого психологического склада Н.Г. Чернышевского: «Толстой не выносил нашего героя: "Его так и слышишь, – писал он о нем, – тоненький неприятный голосок, говорящий тупые неприятности... и возмущается в своем уголке, покуда никто не сказал *цыц* и не посмотрел в глаза"». Эти слова Л.Н. Толстого с полным правом можно поставить в ряд ранее приведенных примеров, в которых роль уменьшительно-ласкательных форм определяется как роль средств изображения психологических портретов персонажей художественных произведений.

Собственная же оценка В. Набоковым манеры использовать ЭФЛУ в речи разночинцев выражена в упоминаемом романе в высказывании: «Пушкина нет в списке книг, доставленных Чернышевскому в крепость, да и немудрено: несмотря на заслуги Пушкина ("изобрел русскую поэзию... и приучил общество ее читать"), это все-таки был прежде всего сочинитель остреньких стишков о ножках (причем "ножки" в интонации шестидесятых годов, когда вся природа омещанилась, превратившись в "травку" и "пичужек") – уже значило не то, что разумел Пушкин, – а скорее немецкое "фюсхен"».

"Пристрастие" разночинцев к уменьшительно-ласкательным можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в среде этих людей складывалась

философия общества "всеобщего счастья и благоденствия". Идеалы любви, заботы, ласкового отношения эксплицировались в лексике "приятной", в частности в обращениях типа *миленький – миленькая* и т.п.

ЭФЛУ – черта речевого портрета и другого социального класса: купечества. Но причины их присутствия и активной эксплуатации семантических и прагматических функций в речи купцов другие: купцы – выходцы из деревни, и их речевые особенности тесно связаны с народно-речевой стихией и отражают ее черты. В речи представителей этого сословия ЭФЛУ имеют характер фольклорного звучания, они широко используются с целью самопринижения, умышленного преуменьшения явлений, вещей своего мира.

Ф.И. Шаляпин, хорошо знавший людей этого круга, так описывал жизненный путь московских купеческих семей: "Российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. Он... весело выкрикивает свой *товаришко* и косым глазком хитро наблюдает за стежками жизни, как и что зашито и что к чему как пришито. Неказиста жизнь для него... Он есть требуху в дешевом трактире, *вприкусочку* пьет *чаек* с черным хлебом. Его не смущает, каким товаром ему приходится торговать, торгуя разным. Сегодня иконами, завтра – чулками, а то и *книжечками*... А там, глядь, у него уже и *лавочка* или *заводик*". Уменьшительно-ласкательные, выделенные нами в речи Ф.И. Шаляпина, – это своеобразная цитация речевой манеры купеческого класса.

Понятно, что в современном языковом сознании людей в оценке ЭФЛУ прямой связи, аналогии с приведенными выше факторами не существует. Эта связь опосредована, скорее интуитивна, чем осознанна. Но все-таки аура прошлой "жизни" ЭФЛУ присутствует в индивидуальных оценках представителей русского языка как предшествующих поколений, так и современных.

Выше были представлены экстралингвистические факторы, влияющие на выработку оценивающего отношения к ЭФЛУ.

Существует и другой фактор, который следует выделить особо, потому что он не экстралингвистический, а лингвистический.

4. Фактор своеобразия семантики ЭФЛУ, в данном оценочном контексте определяемый как фактор "чувствительной" семантики ЭФЛУ. Определение "чувствительный" используется по аналогии к существующему определению "чувствительная повесть" (см. работу: *Скипина К.* О чувствительной повести (Л., 1926. С. 13–41), в которой рассматривается роль ЭФЛУ наряду с другими лексическими средствами в создании целого идейно-художественного литературного направления – сентиментализма).

Именно по причине "чувствительности" форм с суффиксами уменьшительности–ласкательности отвергаются они в качестве речевых единиц лицами мужского пола (особенно подросткового и юношеского возраста). Один из информаторов представил это положение следующим образом: "В подростковом возрасте мы, мальчишки, уменьшительно-ласкательные формы не употребляли. Старались всячески избегать их.

Например, мы не могли сказать: *Катенька, досточка*, потому что в нашей среде это вызвало бы массу насмешек и издевательств. Считалось, что употреблять их могут только маменькины сыночки. Мы стремились огрубить свою речь, что должно было свидетельствовать о настоящем мужском начале в нас. Только потом, спустя несколько лет, я вдруг понял, что могу говорить: *Танюша, Таня*, а не *Танька*, и это стало восприниматься мною как нормальное явление".

Фактор "чувствительности", стоящий за ЭФЛУ, определил их прямую или косвенную оценку в следующих высказываниях. Например, А.П. Чехова, переданных Т.Л. Щепкиной-Куперник в воспоминаниях об А.П. Чехове: «Особенно советовал мне А.П. отделываться от "готовых слов" и штампов, вроде: "ночь тихо спускалась на землю", "причудливые очертания гор", "ледяные объятия тоски" и пр. И шутливо угрожал мне, что если в моих стихах встретятся "звездочки" или "цветочки", то он выдаст меня замуж за Е-ва».

В этой же связи следует воспринимать наблюдение В. Швейцер, исследователя жизни и творчества Марины Цветаевой, о том, что наступил момент, когда из ее (Марины Цветаевой) стихов ушли уменьшительно-ласкательные (см.: *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 92). Хотя другой исследователь недавно написал: "В своих гениальных стихах – снах средь бела дня Цветаева и из одного поцелуя в *локоток* или *лобик* может такую Манон Леско раскрутить, какая Мандельштаму и не снилась ни средь бела дня, ни средь глубокой ночи" [13, 4].

В статье "О грамотности" А.М. Горького по поводу уменьшительно-ласкательных в творчестве некоторых писателей сказано: «И таким "маслицем", таким паточным языком сделан весь рассказ! Словечки автор подбирал мягкие, "трогающие за душу": "хлебец", "младенчик", "маслице", "кусочек", "ватка"» [6, 278].

В научной литературе тех лет существует объяснение явлению широкого распространения ЭФЛУ в речи носителей русского языка: "Появление новых и распространение старых уменьшительных объясняется, очевидно, общей направленностью рабочего к снижению стиля и стремлением найти общий язык с руководимыми им широкими крестьянскими массами" [7, 106].

Выше уже говорилось, что факторы, выделенные нами, – это факторы, определяющие х а р а к т е р многих оценок ЭФЛУ.

В современной научной литературе существует достаточно четкая классификация т и п о в речевых оценок. Наиболее широко и последовательно эта классификация изложена в работах Б.С. Шварцкопфа. Среди них выделяются следующие виды индивидуальных (личных – в терминологии В.В. Виноградова, Б.С. Шварцкопфа) оценок:

"1) личные оценки речи, отражающие общественно-групповой вкус (при индивидуальной форме осознания содержание таких оценок соотносится с уровнем общего осознания фактов речи);

2) личные оценки речи, отражающие индивидуальный вкус говорящего: "лексическая идиосинкразия" и "лексическая идиосинкразия

наоборот" – отрицание или утверждение отдельных языковых средств с точки зрения пристрастия говорящего;

3) личные оценки речи художественно-ассоциативного характера – возбуждение у читателя эмоциональной ассоциации в связи с каким-либо языковым средством" [18, 7–8].

При изложении факторов лингвистического и экстралингвистического характера, не оговаривая этого специально, мы представили все виды оценок. Особо выделим только оценки речи, отражающие лексическую идиосинкразию и лексическую идиосинкразию наоборот.

Примерами лексической идиосинкразии в отношении ЭФЛУ следует считать следующие оценки (далее предлагаются только оценивающие высказывания с указанием авторов оценки, без наших комментариев):

"И потом, по прошествии значительного времени после моего ухода из корпуса, если мне приходилось стать на руки, я сейчас же видел перед собой навощенный паркет рекреационного зала, десятки ног, идущих рядом с моими руками, и бороду моего классного наставника:

– Сегодня вы опять без сладенького.

Он всегда говорил уменьшительными словами, и это вызывало во мне непобедимое отвращение. Я не любил людей, употребляющих уменьшительные в ироническом смысле: нет более мелкой и бессильной подлости в языке. Я замечал, что к таким выражениям прибегают чаще всего или люди недостаточно культурные, или просто очень дурные, неизменно пребывающие в низости человеческой" (Г. Газданов. Вечер с Клэр);

«И сама Агния Петровна не понравилась майору... Зеленкова разговоривала хрипловатым грудным голосом и постоянно употребляла словечки, которые Бугаев не терпел.

"Деточка" – это пожилой даме, принесшей какое-то письмо для директора. "Котик" – мрачному верзиле электрику, чинившему проводку в приемной. По телефону Агния Петровна так и сыпала: "милочка", "роднуля", "ласточка". Да и все другие слова она употребляла в уменьшительной форме: "колбаска", "молочко", "хлебушек". Даже майору она сказала, отпустив очередного посетителя:

– На чем мы, миленький, остановились?» (С. Высоцкий. Пунктирная линия, 6);

«В жизни она злюка, жадина, а на словах слюнтяйка. Меня называет "Сашульчинька". Она вообще бы померла, если бы в русском языке не было так много уменьшительных и всяких ласкательных суффиксов. Она их в каждое слово сует. Чтобы я был "здоровенький", советует есть побольше "яичек", потому что в "желточке" множество "витаминчиков". Сю-сю-сю... Тошнит!» (В. Краковский. Письма Саши Бунина);

«Софья Дмитриевна не терпела уменьшительных, следила за собой, чтобы их не употреблять, и сердилась, когда муж говаривал: "У мальчугана кашелек, посмотрим, нет ли температурки". Русская же литература для детей кишмя кишела сюсюкающими словами...» (В. Набоков. Подвиг).

Примерами лексической идиосинкразии наоборот могут служить следующие высказывания: «В улыбке он обнажал крупные ровные зубы и молодых ли, старых ли арестантов – всех подкупающе звал "братцы". Через это сердечное обращение сквозила его чистая душа» (А. Солженицын. В круге первом); «Живы еще были кое-где знаменитые московские пивные в сводчатых подвалах. Вот спускаешься, например, в "есенинскую", что под Лубянским пассажем. Товарищ половой тут же, не спрашивая, ставит перед собой тарелочку с обязательной закуской: подсоленные сухарики, моченый горошек, ломтик ветчинки или косточка грудинки: о, русские ласкательные едальные уменьшительные! А пивко-то пивко!» (В. Аксенов. Бьет с носка).

В последнем из приведенных примеров ЭФЛУ выступают в функции "колоризаторов эйфории" (определение В.Д. Девкина).

Таким образом, негативная в основном оценка экспрессивных форм с суффиксами уменьшительности–ласкательности определяется такими факторами, как социальная маркированность ЭФЛУ (зависимость от социального статуса говорящего, способность эксплицировать моменты его социальной психологии, способность представлять систему эстетических и этических ценностей определенного социума, быть частью речевого портрета). К лингвистическим факторам выработки оценки относится своеобразие их семантики.

Оговорим использованные методы исследования. Перед нами стоял выбор: пойти ли в изучении оценок речи по социолингвистическому пути (анкетирование по эксплицитно выраженным вопросам и заданиям относительно того, что думает респондент о том, как он говорит) или по пути "естественного" эксперимента, в котором воспроизводится реальная речевая практика носителей языка различного социального статуса.

Ход исследования определил путь своеобразного "наложения друг на друга" результатов социолингвистического и психолингвистического анализа. Материалы показывают, что именно применение разных видов анализа дает полную картину объекта. Снимаются последствия неадекватной психологической реакции в ситуации "прямой вопрос – ответ", когда ответ респондента не совпадает с его реальной речевой практикой. Коррекция результатов анкетирования путем дополнения записями спонтанной устной речи представляется не только уместной в такого рода исследованиях, но просто необходимой в целях чистоты эксперимента. Такая стратегия может быть распространена на социолингвистические исследования целого ряда языковых факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. яз. 1981. Т. 40, № 4.

2. *Бабай Н.Г.* Проблема иноязычных заимствований в общественных дискуссиях о языке // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.

3. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // ВЯ. 1964. № 3.

4. *Виноградов С.И.* О социальном аспекте лексической нормы // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.

5. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.

6. *Горький А.М.* О грамотности // Горький А.М. О литературе. М., 1954.

7. *Данилов Г.К.* Черты речевого стиля рабочего // Литература и марксизм. 1931. Кн. 1.

8. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

9. *Золотова Г.А.* Как быть вежливым? // Рус. речь. 1985. № 5.

10. *Куприна-Иорданская М.К.* Годы молодости. М., 1966.

11. *Миськевич Г.И., Чельцова Л.К.* Новые слова, их принятие и нормативная оценка // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

12. *Монтес Х.Х.* Заметки о социологических импликациях употребления уменьшительных имен // Res philologica. Филологические исследования. М.; Л., 1990.

13. *Невзоров Л.* Марина Цветаева: гениальная женственность // Моск. новости. 1992. 11 окт.

14. *Новикова Л.С.* Словообразование имен существительных в памятниках народно-разговорного языка XVII – нач. XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1968.

15. Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

16. *Фелицина В.П.* К истории разговорной лексики (слова с суффиксами субъективной оценки в пословицах XVII века) // Учен. зап. ЛГУ. 1960. Вып. 52.

17. *Фенцлова М.* Уменьшительное словообразование в русской разговорной речи (с точки зрения носителей чешского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

18. *Шварцкопф Б.С.* Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

19. *Шпет Г.* Эстетические фрагменты. СПб., 1922.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие: цели и задачи монографии (*Е.Н. Ширяев*) 3

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 1
Культура речи как особая теоретическая дисциплина (*Е.Н. Ширяев*).... 7

Глава 2
Современные отечественные и зарубежные исследования в области культуры речи (в нормативном и коммуникативном аспектах) (*Л.И. Скворцов*) 40

Глава 3
Культура речи среди других лингвистических дисциплин (*Е.М. Лазуткина*)..... 65

Глава 4
Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи (*С.И. Виноградов*)..... 121

Глава 5
О современной концепции отечественной риторики и культуре речи (*Л.К. Граудина*) 152

II. НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 6
Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы (*Л.К. Граудина*) 177

Глава 7
Норма в письменном кодифицированном языке (*Б.С. Шварцкопф*)..... 199

III. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Глава 8
Язык для специальных целей (*В.П. Даниленко*)..... 234

Глава 9
Официально-деловой язык (*Б.С. Шварцкопф*)..... 270

Глава 10
Язык газеты в аспекте культуры речи (*С.И. Виноградов*) 281

Глава 11
Реклама: параметры оптимального текста (*Н.Н. Кохтев*)..... 318

www.ruslang.ru

Глава 12

Взаимодействие функциональных разновидностей языка (Контаминированные тексты) (*Ю.А. Бельчиков*) 335

Глава 13

Аргументация в функциональных разновидностях языка (*Л.Ю. Иванов*) 357

Глава 14

Культура использования заимствованных слов в функциональных разновидностях языка (*Н.В. Новикова*) 375

IV. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 15

ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование (*Л.К. Граудина*) 397

Глава 16

Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи (*Б.С. Шварцкопф*) 415

Глава 17

Общественно-групповая оценка употребления уменьшительно-ласкательных образований в речи носителей современного русского языка (*Т.Л. Козловская*) 425

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

CONTENTS

Preface: The Purpose and Task of the Monograph (*E.N. Shiryaev*)..... 3

I. THEORETICAL FUNDAMENTALS OF SPEECH CULTURE

Chapter 1
Speech Culture as a Special Theoretical Object (*E.N. Shiryaev*)..... 7

Chapter 2
Modern Russian and Foreign Researches of Speech Culture (Normal and Communicative Aspects) (*L.I. Skvortsov*)..... 40

Chapter 3
Speech Culture among Other Linguistic Subjects (*E.M. Lazutkina*)..... 65

Chapter 4
Normal and Communicative Aspects of Speech Culture (*S.I. Vinogradov*)..... 121

Chapter 5
The Modern Concept of Russian Rhetoric and Speech Culture (*L.K. Graudina*).. 152

II. NORMAL ASPECT OF SPEECH CULTURE

Chapter 6
Problems of Normalization of Russian Language (*L.K. Graudina*)..... 177

Chapter 7
Standard in Written Codification Language (*B.S. Swartzkopf*)..... 199

III. FUNCTIONAL AND COMMUNICATIVE ASPECT OF SPEECH

Chapter 8
Language for Special Purposes (*V.P. Danilenko*)..... 234

Chapter 9
Official Language (*B.S. Swartzkopf*)..... 270

Chapter 10
The Language of Newspapers in the Aspect of Speech Culture (*S.I. Vinogradov*) 281

Chapter 11
Advertising: The Parameters of Optimal Text (*N.N. Kohtev*)..... 318

Chapter 12
The Interaction of Functional Variations of Language (Contaminated Texts) (*Yu.A. Belchikov*)..... 335

Chapter 13
Argumentation in the Functional Variations of Language (*L.Yu. Ivanov*)..... 357

www.ruslang.ru

Chapter 14
Culture in Using Foreign Words in the Functional Variations of Language (*N.V. Novikova*) 375

IV. METHODS OF RESEARCH

Chapter 15
IBM and Speech Culture: Results in Using IBM in Speech Culture and Perspective Planning (*L.K. Graudina*) 397

Chapter 16
The Study of the Values of Speech as a Procedure of Researching Methods of Speech Culture (*B.S. Swartzkopf*) 415

Chapter 17
Social Values of Using Diminutive Forms in the Speaking of Modern Russian (*T.L. Kozlovskaya*) 425

Russian Speech Culture and Efficacy of Intercourse.

The research presented in this book is devoted to the fundamentals of theory and to current topical problems of speech culture. Specific issues analyzed are normative and communicative pragmatic aspects of speech culture, modern conceptions of Russian eloquence, the types of relationships between norms of codification and colloquial norms for both oral and written forms of speech activity. Particular attention has been paid to the interaction of the functional variants of language. This work presents the research in the areas of the characteristics of language for special purposes, official language, the language of modern mass media and advertising, specifics of argumentation, and modern directions of computer research. This research includes the questions of theory and the methods of using the computer in the field of speech culture.

This book is designed for linguists, teachers of Russian, students, and for all persons who have an interest in the culture of Russian speech.

Научное издание

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Заведующая редакцией
"Наука – культура" А.И. Кучинская
Редактор В.С. Матюхина
Художник Б.М. Рябышев
Художественный редактор Г.М. Коровина
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Г.В. Дубовицкая,
Н.П. Круглова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2223

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 26.08.96
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 28,0. Усл. кр.-отт. 28,0. Уч.-изд. л. 31,5
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3253

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ВЫШЛИ В СВЕТ:

Л.И. Тананаева

РУДОЛЬФИНЦЫ

(Пражский художественный центр на рубеже XVI–XVII вв.)

16 л.

Книга посвящена теме, в последнее десятилетие привлекшей интерес зарубежных исследователей. Это вполне оправданно: культурный центр, сложившийся в Праге при дворе Рудольфа II, был тесно связан с проблемами постренессансного гуманизма, вопросами эволюции светского и церковного, профессионального и ремесленного искусства эпохи маньеризма и раннего барокко. "Рудольфинцы" проявили себя во всех видах искусства – живописи, скульптуре, прикладном творчестве.

Работа состоит из двух частей: культурологической и собственно искусствоведческой.

Для искусствоведов, историков и всех интересующихся проблемами культуры.

ПОЭТИКА. СТИЛИСТИКА. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ВИНОКУР

24 л.

В первом разделе сборника статей описаны проблемы языка художественной литературы. Во втором – вопросы современного русского языка, в частности его функциональные разновидности. В третьем разделе анализируются проблемы современной стилистики и процессы, протекающие в современной речи. В четвертом, "мемуарном", разделе представлены наблюдения над особенностями речевой манеры самой Т.Г. Винокур, неповторимой языковой личности; дана расшифровка магнитофонной записи разговора с Т.Г. Винокур об "ушаковских мальчиках", представляющая интерес в лингвистическом и историко-культурном плане. Здесь же впервые публикуются три письма А.И. Солженицына к Т.Г. Винокур. В пятом разделе помещены письма Р.О. Якобсона к Г.О. Винокуру.

Для лингвистов, литературоведов, студентов и аспирантов филологических факультетов и всех интересующихся русским языком и культурой.

СЛАВЯНСКИЙ СТИХ:
СТИХОВЕДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА

18 л.

Сборник представляет собой материалы одноименной международной конференции, проходившей в Москве 19–24 июня 1994 г. В книге представлены наиболее интересные работы ведущих российских, американских, английских, немецких, итальянских, чешских и польских стиховедов по следующим разделам: новое в традиционном стиховедении, стих и грамматика, стих и фонетика, стих и композиция, семантика стиха, народный стих, сравнительное стиховедение, современные точные методы исследования стиха.

Для широкого круга филологов – лингвистов и литературоведов.

О.Н. Мораховская

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР. ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ УСАДЕБНЫХ УЧАСТКОВ

14 л.

В книге исследуется диалектное различие в обозначениях усадебных земельных участков в говорах русского языка и история этих обозначений. Среди них – обширное гнездо слов с корнем *-двор*, обнаруживающих любопытный параллелизм словообразовательных средств, самые распространенные из названий земельных участков – *усадьба*, а также *поместье* и многие другие (всего более 100 лексических единиц). Конкретное исследование предваряется рассмотрением некоторых теоретических проблем диалектной лексикологии и лингвогеографии. Работа содержит ряд схем и лингвистических карт.

Для лингвистов, историков, этнографов, преподавателей вузов и школ, а также для всех интересующихся историей русской деревни.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, кор. 2; 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); 660049 Красноярск, проспект Мира, 84; 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 117383 Москва, Мичуринский проспект, 12; 103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б; 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); 142292 Пущино Московской обл., МР "В", I ("Книга-почтой"); 443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"); 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; 199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; 194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; 634050 Томск, Набережная реки Ушайки, 18; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49.